

2017

Славяне и Россия

2017

Славяне и Россия

Проблемы войны
и мира на Балканах.
XVIII–XXI вв.

Славяне и Россия:

проблемы войны и мира
на Балканах. XVIII–XXI вв.

К 100-летию со дня рождения
академика Ю. А. Писарева

Москва
2017

УДК 327.8
ББК 66.4(47)
С47

VI Никитинские чтения «Славяне и Россия»

Редакционная коллегия:

С. И. Данченко (отв. ред.),
П. А. Искендеров,
М. М. Фролова,
А. Л. Шемякин

Рецензенты:

к. и. н. А. С. Аникеев,
к. и. н. О. А. Дубовик

Славяне и Россия: проблемы войны и мира на Балканах. XVIII–XXI вв. К 100-летию со дня рождения академика Ю.А. Писарева. Сб. статей / Отв. редактор С. И. Данченко. – М.: Институт славяноведения РАН, 2017. – 556 с. – (VI Никитинские чтения «Славяне и Россия»).

ISBN 978-5-7576-0408-4

Сборник статей «Славяне и Россия: проблемы войны и мира на Балканах. XVIII–XXI вв.» посвящен памяти выдающегося советского и российского слависта, специалиста по истории Балканского полуострова и международных отношений в Европе академика РАН Ю.А. Писарева. Тематика вошедших в него работ охватывает все ключевые аспекты развития ситуации на Балканах в рассматриваемый период – политическое, экономическое и социокультурное развитие региона, генезис кризисов и конфликтов, место балканских стран и народов в общей системе европейской безопасности и дипломатии, интересы России и деятельность российской дипломатии. Значительное внимание уделено роли Балканского региона в формировании общеевропейских противоречий, приведших в конечном итоге к возникновению Первой мировой войны.

Для специалистов по истории южных и западных славян и Балканского полуострова, студентов высших учебных заведений и всех интересующихся данной проблематикой.

УДК 327.8
ББК 66.4(47)

ISBN 978-5-7576-0408-4

9 785757 604084

© Коллектив авторов, 2017
© Институт славяноведения РАН, 2017
© Оформление. ООО «ПОЛИМЕДИА», 2017

Содержание

От редколлегии	6
<i>С.И. Данченко.</i> Академик Юрий Алексеевич Писарев. Жизнь в науке	10
Г.Л. Арш. Русско-турецкая война 1735–1739 гг. и Западные Балканы	33
<i>А.А. Леонтьева.</i> По ту сторону линии фронта: русско-турецкая война 1735–1739 гг. в отражении сиджила османского города Хаджиоглу-Пазарджик (Добрича)	36
<i>И.В. Чуркина.</i> К вопросу об организации восстания славян на Балканах во время Крымской войны 1853–1856 гг.	47
<i>В.И. Косик.</i> Болгарский мир Любена Каравелова и Россия	65
<i>К.В. Мельчакова.</i> «Воин» на духовном поприще. Сараевский архимандрит Савва Косанович и его поездка в Россию в 1872–1874 гг.	72
<i>М.М. Фролова.</i> Болгары в восприятии гвардейских офицеров, участников русско-турецкой войны 1877–1878 гг.	87
<i>О.В. Соколовская.</i> Российский императорский флот и греко-турецкая война 1897 г.	114
<i>В.Б. Хлебникова.</i> Мемуары Гавро Вуковича как зеркало черногорской внешней политики в конце XIX – начале XX вв.	128
<i>П.А. Искендеров.</i> Балканское измерение международных отношений в Европе в начале XX в.	140

- Л.А. Кирилина.*
Некоторые аспекты политической борьбы
в словенских землях в конце XIX – начале XX вв. 158
- Н.С. Гусев.*
Профессор И.Д. Шишманов в болгаро-сербской борьбе
за русские симпатии в 1912–1913 гг. 178
- Л.В. Кузьмичёва.*
Представители сербских правящих династий
Обреновичей и Карагеоргиевичей на полях сражений
в 1876–1918 гг. 195
- О.И. Агансон.*
Балканы в 1914 году:
сработала ли «Фукидидова модель»? 215
- Т.И. Челелевская.*
Образ России в рукописном собрании «Руссика»
(«Russica») словенского писателя Янеза Трдины 233
- А.Л. Шемякин.*
Февральская революция в России 1917 г.,
Корфская декларация и Ю.А. Писарев 248
- Я.В. Вишняков.*
Обреченная победа. Сербские реалии 1914–1915 гг.
в оценках русского военного агента В.А. Артамонова 277
- А.Ю. Тимофеев.*
«Тысячелетняя мечта»: Сербия и Россия
накануне Февраля 1917 года 299
- Г. Милорадович.*
Политическое и пропагандистское противостояние
поборников хорватской и сербской национальных
программ в России в конце XIX – начале XX вв. 323
- Т.А. Покивайлова.*
Бессарабия в центре конфликта между Россией
и Румынией и судьба румынского золота, перемещен-
ного в Россию в годы Первой мировой войны 358
- Н.А. Копылов.*
Австро-Венгрия и Россия на полях
Первой мировой войны. История одного
славянского мифа 371
- Ю.В. Лобачёва.*
Югославия в системе международных отношений
в 1920–1930-е годы (Историографический обзор) 389

<i>Н.В. Васильева.</i>	
Черноморские проливы – императив российской/советской внешней политики в Восточном Средиземноморье: мифы и геополити- ческие реалии (первая половина XX в.)	408
<i>Т.В. Волокитина.</i>	
Болгарский вопрос и союзники по антигитлеровской коалиции (1941–1945 гг.)	425
Е.Л. Валева.	
Возвращение Южной Добруджи Болгарии в сентябре 1940 г.	452
<i>Б.С. Новосельцев.</i>	
Югославия и Ближневосточный кризис 1967 г.	471
<i>А.С. Стыкалин.</i>	
«Наши пограничники наблюдают развёрнутые работы по созданию оборонительных сооружений...». О положении на советско-румынской границе в конце августа 1968 г.	489
<i>Е.Ю. Гуськова.</i>	
Сербия: от идеи югославизма к идее сербства	509
<i>И.В. Руднева.</i>	
Территориальные споры республик бывшей Югославии: условия, методы, последствия	525
<i>В.А. Соколов.</i>	
Могла ли Республика Сербская Краина выстоять в августе 1995 г.?	542

От редколлегии

Представляемый вниманию читателей сборник статей «Славяне и Россия: проблемы войны и мира на Балканах. XVIII–XXI вв.» создан на основе материалов международной научной конференции, состоявшейся в декабре 2016 г. в Институте славяноведения РАН и посвященной 100-летию выдающегося советского и российского слависта, специалиста по истории Балканского полуострова и международных отношений в Европе академика РАН Ю.А. Писарева (1916–1993). В ней приняли участие как сотрудники Института, в котором несколько десятилетий проработал ученый, так и специалисты по истории Балканского полуострова из других научных и учебных заведений России и Сербии.

Тематика включенных в сборник статей охватывает все основные стороны многолетней научной деятельности академика Ю.А. Писарева, подробно освещенной в «постановочном» очерке С.И. Данченко «Академик Юрий Алексеевич Писарев. Жизнь в науке». В нем автор подробно рассматривает жизненный и творческий путь ученого и анализирует его основные труды по ключевым проблемам истории югославянских народов и их место в отечественной и зарубежной славистике и балканистике.

По тематике статьи сборника подразделяются на три основные группы. К первой относятся исследования, посвященные внутренней военно-политической истории балканских стран, а также ключевым аспектам борьбы балканских народов за свое национальное освобождение. Это статьи: Г.Л. Арша «Русско-турецкая война 1735–1739 гг. и Западные Балканы», А.А. Леонтьевой «По ту сторону линии фронта: русско-турецкая война 1735–1739 гг. в отражении сиджила османского города Хаджиоглу-Пазарджик (Добрича)», В.Б. Хлебниковой «Мемуары Гавро Вуковича как зеркало черногорской внешней политики в конце XIX–начале XX вв.», Л.А. Кирилиной «Некоторые аспекты политической борьбы в словенских землях в

конец XIX — начале XX вв.», Л.В. Кузьмичёвой «Представители сербских правящих династий Обреновичей и Карагеоргиевичей на полях сражений в 1876–1918 гг.», Я.В. Вишнякова «Обреченная победа. Сербские реалии 1914–1915 гг. в оценках русского военного агента В.А. Артамонова», Е.Л. Валеовой «Возвращение Южной Добруджи Болгарии в сентябре 1940 г.».

Вторая группа статей представлена исследованиями, посвященными военным, социополитическим и культурным отношениям России со странами и народами Балканского полуострова. К этой категории можно отнести статьи Н.С. Гусева «Профессор И.Д. Шишманов в болгаро-сербской борьбе за русские симпатии в 1912–1913 гг.», Т.И. Чепелевской «Образ России в рукописном собрании “Руссика” (“Russica”) словенского писателя Янеза Трдины», А.Л. Шемякина «Февральская революция в России 1917 г., Корфская декларация и Ю.А. Писарев», А.Ю. Тимофеева «“Тысячелетняя мечта”: Сербия и Россия накануне Февраля 1917 года», Т.А. Покивайловой «Бессарабия в центре конфликта между Россией и Румынией и судьба румынского золота, перемещенного в Россию в годы Первой мировой войны», Н.А. Копылова «Австро-Венгрия и Россия на полях Первой мировой войны. История одного славянского мифа», И.В. Чуркиной «К вопросу об организации восстания славян на Балканах во время Крымской войны 1853–1856 гг.», В.И. Косика «Болгарский мир Любена Каравелова и Россия», К.В. Мельчаковой «“Воин” на духовном поприще. Сараевский архимандрит Савва Косанович и его поездка в Россию в 1872–1874 гг.», М.М. Фроловой «Болгары в восприятии гвардейских офицеров, участников русско-турецкой войны 1877–1878 гг.», О.В. Соколовской «Российский императорский флот и греко-турецкая война 1897 г.», Н.В. Васильевой «Черноморские проливы — императив российской/советской внешней политики в Восточном Средиземноморье: мифы и геополитические реалии (первая половина XX в.)», Т.В. Волокитиной «Болгарский вопрос и союзники по антигитлеровской коалиции (1941–1945 гг.)», А.С. Стыкалина «“Наши пограничники наблюдают развёрнутые работы по созданию оборонительных сооружений...”. О положении на советско-румынской границе в конце

августа 1968 г.», а также профессора Института современной истории в Белграде (Сербия) Г. Милорадовича «Политическое и пропагандистское противостояние поборников хорватской и сербской национальных программ в России в конце XIX — начале XX вв.».

Наконец, еще одну группу работ составляют статьи, посвященные непосредственно генезису Первой мировой войны и ее балканским «корням», а также последующему периоду истории югославянских народов, — традиционно находившимся в центре внимания академика Ю.А.Писарева. Их авторы — О.И. Агансон («Балканы в 1914 году: сработала ли “Фукидидова модель”?»), П.А. Искендеров («Балканское измерение международных отношений в Европе в начале XX в.»), Ю.В. Лобачёва («Югославия в системе международных отношений в 1920—1930-е годы (Историографический обзор)»), Б.С. Новосельцев («Югославия и Ближневосточный кризис 1967 г.»), Е.Ю. Гуськова («Сербия: от идеи югославизма к идее сербства»), И.В. Руднева («Территориальные споры республик бывшей Югославии: условия, методы, последствия»), В.А. Соколов («Могла ли Республика Сербская Краина выстоять в августе 1995 г.»).

Все представленные в настоящем сборнике работы написаны на основе использования богатейшего комплекса исторических источников — как опубликованных, так и впервые вводимых в научный оборот из архивов и библиотек России и других стран. Авторы широко применяют в своих исследованиях новейшие методы исторических исследований — в том числе междисциплинарные подходы, метод ситуационной логики, историческую реконструкцию событий, принципы гендерных и количественных исследований.

Материалы сборника, несомненно, представят интерес как для специалистов в области балканской и общеевропейской истории, так и для широкого круга читателей, интересующихся данной проблематикой.

*Академик
Юрий Алексеевич
ПИСАРЕВ*

Светлана Ивановна ДАНЧЕНКО

Академик Юрий Алексеевич Писарев. Жизнь в науке

26 марта 2016 г. исполнилось 100 лет со дня рождения академика Юрия Алексеевича Писарева (1916–1993), известного советского и российского ученого, специалиста по новой и новейшей истории Югославии и международных отношений на Балканах. Юрий Алексеевич принадлежал к той когорте исследователей, которые составили фундамент академической науки и определяли ее «лицо» в советскую эпоху. Он стал одним из первых балканистов в нашей стране. Его труды обогатили отечественную историографию по целому комплексу проблем и явились основой для развития важнейших направлений в изучении истории Балканского региона, во всём ее многообразии. За почти полвека им было опубликовано свыше 300 работ общим объемом около 550 п.л. Это научное наследие ставит его в ряд виднейших отечественных славистов. При этом он не был лишь кабинетным ученым, а наряду с научными исследованиями вел большую научно-организационную и педагогическую работу, активно и творчески участвовал в установлении и развитии международных научных связей. Вклад Ю.А. Писарева в отечественную югославиистику и балканистику заслуживает подробного рассмотрения его жизненного и творческого пути.

В свое время известный советский историк В.Д. Королюк писал: «Жизнь историка скоротечна. Жизнь его, как миг, по сравнению с вечностью и беспредельностью науки, в том числе и истории. Но хотя мы понимаем, что полное воскрешение облика ученого невозможно, бороться с забвением нужно. Нам нужны не только профессиональные анализы трудов историков, сделанные другими историками. Нам нужно знать об их жизни — труде, судьбах, страданиях и мечтах»¹.

Вслед за В.Д. Королюком я также считаю, что научное наследие ученого необходимо рассматривать в тесной связи с его личностью, с его биографией и с той исторической эпохой, в которую он жил и творил.

К сожалению, Юрий Алексеевич не относился к тем людям, которые любят во всех деталях повествовать о своей жизни. Опубликованных воспоминаний он также не оставил. Когда в 1986 г. мне пришлось готовить статью о его жизни и научной деятельности, в связи с его 70-летием (по заказу редакции журнала «Новая и новейшая история»; была опубликована в 1986 г. № 5), я, разумеется, пыталась узнать какие-то подробности у самого юбиляра. Однако он сообщил тогда лишь скудные сведения, посоветовав не отвлекаться на «лирику» и писать только о его трудах. Да в те годы и не было принято создавать жизнеописания ученых в духе издания «Портреты историков. Время и судьбы», тома которого под редакцией академика Г.Н. Севостьянова выходили уже после кончины Юрия Алексеевича. Так что совокупный образ Ю.А. Писарева как ученого, гражданина, педагога, старшего друга, духовного наставника складывался у меня при чтении его трудов, под впечатлением личного многолетнего с ним общения и рассказов о нем коллег по Институту.

Ю.А. Писарев родился 13 (26) марта 1916 г. в Москве в семье учителя. Окончив среднюю школу и педагогический техникум в г. Ельце, он получил направление в г. Сестрорецк Ленинградской области, где некоторое время работал преподавателем средней школы. В 1937–1941 гг. Ю.А. Писарев – студент исторического факультета Ленинградского государственного университета. В июне 1941 г., после начала Великой Отечественной войны он вступил в ряды Ленинградского ополчения, из которого был переведен в офицерскую школу воздушного наблюдения, оповещения и связи. В ноябре 1941 г. по состоянию здоровья Юрий Алексеевич был демобилизован из рядов Советской армии и эвакуирован в г. Свердловск, где работал на крупном военном заводе. После войны, в 1946–1950 гг., он учился в аспирантуре сначала Уральского государственного университета, а затем Института истории АН СССР в Моск-

ве, со специализацией по истории Югославии. Здесь в 1950 г. Ю.А. Писарев успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Аграрные отношения и крестьянское движение в Сербо-хорватско-словенском государстве в 1918–1923 гг.», а затем работал научным сотрудником (до 1968 г.).

Советская югославистика в этот период находилась в стадии становления. Лишь с 1 января 1947 г. начал работу созданный в конце 1946 г. Институт славяноведения АН СССР. Специалистов по истории Югославии в нашей стране практически не было. Молодым ученым приходилось всё делать впервые – учить славянские языки, штудировать имеющуюся в библиотеках немногочисленную литературу, выявлять новые документы в отечественных архивах.

Кандидатская диссертация Ю.А. Писарева и ряд статей, написанных и опубликованных им после защиты, явились одними из первых работ в отечественной югославистике, посвященных развитию социально-экономических отношений, крестьянскому и рабочему движению в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (СХС). В соответствии с постулатами советской исторической науки этого периода, автор подчеркивал определяющее влияние Октябрьской революции 1917 г. в России на балканские события.

С середины 1950-х годов Юрий Алексеевич приступил к разработке истории национально-освободительной борьбы югославянских народов, входивших в состав Австро-Венгрии. В этот период он публикует целый ряд статей², в которых всесторонне анализирует различные аспекты данной проблемы. Как результат творческих усилий ученого – защита в 1960 г. докторской диссертации, которая в 1962 г. вышла в издательстве «Наука» в виде монографии «Освободительное движение югославянских народов Австро-Венгрии. 1905–1914 гг.». Эта книга – итог многолетнего кропотливого изучения как уже опубликованных документов, так и материалов из советских и зарубежных хранилищ. Юрий Алексеевич был одним из тех исследователей, кому посчастливилось получать продолжительные командировки, прежде всего в Югославию, а также в Австрию и Венгрию, – для изысканий в библиотеках и архивах.

Именно поэтому он прекрасно знал труды зарубежных историков по тем проблемам, которые исследовал. Эта эрудиция всегда отличала его работы и выступления на различных научных форумах.

В своей монографии Ю.А. Писарев подробно осветил экономическое и политическое развитие югославянских земель, входивших в состав Габсбургской монархии, представил историю политических партий, их программы и лидеров (Ф. Супило, С. Радич и др.), убедительно показал, что эти земли находились на положении внутренних колоний и были объектом экспансии австрийских монополий.

Как уже отмечалось выше, Ю.А. Писарев был одним из первых отечественных ученых-балканистов, что наглядно проявилось в этой его работе. Он глубоко проанализировал внешнеполитическую ситуацию на Балканах, вызванную Боснийским кризисом 1908 г., воздействие Балканских войн 1912–1913 гг. на международные отношения, национально-освободительное движение в Боснии и Герцеговине накануне Сараевского убийства. Освещая приготовления Австро-Венгрии к нападению на Сербию в 1914 г., он привел немало новых документов о планах ряда военных и политических деятелей Австро-Венгрии и Германии, которые с помощью войны хотели отвлечь народы своих стран от освободительной борьбы и решить в своих интересах югославянскую проблему.

Разумеется, ученый следовал идеологическим концепциям, господствовавшим в тот период в советской историографии, включив в книгу главу о влиянии на события в рассматриваемом регионе первой русской революции 1905–1907 гг. Но, во-первых, это влияние действительно имело место, хотя его степень отечественными историками, в том числе Ю.А. Писаревым, явно преувеличивалась. А, во-вторых, это не помешало ему создать по-настоящему ценный, фундаментальный труд, который, на мой взгляд, открыл новую страницу в изучении в нашей стране истории югославянских народов накануне Первой мировой войны и политики великих держав в Балканском регионе. Неслучайно книга получила высокую оценку научной общественности³.

Следует напомнить, что период конца 1950-х — начала 1960-х годов был весьма сложным в развитии советско-югославских межгосударственных отношений. После смерти И.В. Сталина его преемники осуществили их нормализацию, после конфликта 1948 г. При этом конечной целью Москвы было возвращение Федеративной Народной Республики Югославия в ряды стран советского блока. Для югославских же руководителей во главе с Й.Б. Тито примирение с СССР означало выгодные кредитные и торговые договоры, а также признание особого, югославского пути строительства социализма. Они трактовали нормализацию как дружбу и сотрудничество двух равноправных государств. Это разночтение стало причиной того, что отношения двух стран не были стабильны, время от времени вспыхивали новые советско-югославские конфликты. На отношения сказывались события в Венгрии 1956 г., дискуссии вокруг новой программы Союза Коммунистов Югославии 1958 г. и др. Работы по данной теме, опубликованные отечественными историками уже в XXI веке, с привлечением материалов недавно открытых архивных фондов, во всей полноте представляют сложившуюся после XX съезда КПСС ситуацию⁴.

В этих условиях ученым-югославидам приходилось испытывать определенное давление и политических обстоятельств, и идеологических структур, работать в известной мере «с оглядкой». Тем большего уважения заслуживают они за свою научную деятельность в реалиях советской эпохи. Научные командировки в Югославию в этот период были крайне редкими; оформление, даже на поездки на конференции (3–5 дней), было таким же «серьезным», долговременным и сложным, как в «капиталистическую» страну. Общение с югославскими коллегами и свобода дискуссий были ограничены. Советским ученым приходилось преодолевать недоверие ко «всему югославскому», утвердившемуся в представлениях партийного и государственного аппарата СССР с 1948 г.

Монографические разработки Ю.А. Писаревым ключевых проблем новой и новейшей истории югославянских народов позволили ему в конце 1950-х — начале 1960-х годов принять

участие в создании ряда коллективных трудов. Он написал несколько глав для обобщающей работы «Советская Россия и капиталистический мир в 1917–1923 гг.» (М., 1957), ряд разделов по той же тематике для 8-го тома «Всемирной истории» (М., 1960), три главы для «Истории Югославии» (Т. I–II. М., 1963), в которых обобщил результаты своих предыдущих исследований.

В 1960-е годы ученый обратился к проблематике, связанной с возникновением Первой мировой войны. Юрий Алексеевич появился на свет весной 1916 г., в разгар кровопролитных боев на многих ее фронтах. И это словно определило впоследствии его долговременный научный интерес к этой теме. Во всяком случае, в те годы, когда ведущим направлением в исторических исследованиях являлось изучение влияния Великого Октября на другие страны, ключевой проблемой международных отношений начала XX в. Ю.А. Писарев считал именно Первую мировую войну и ее предысторию, когда завязывались, в том числе на Балканах, сложные узлы мировой политики. Помню, как часто Юрий Алексеевич повторял, что всю жизнь мечтал изучать только Первую мировую войну – во всём многообразии составляющих ее сюжетов. И еще он верил (это были 1980-е годы, начало «перестройки»), что наступит время, когда Великая война станет самостоятельным объектом глубоких исследований, а не будет лишь сопутствующим фоном Октябрьской революции.

Постепенно на первый план в научных изысканиях Ю.А. Писарева выдвигались проблемы войны и мира, ответственности политиков и дипломатов за возникновение военных конфликтов.

Из крупных вех исследуемого периода Юрий Алексеевич выделил те, которые связаны с участием в войне Сербии и Черногории. Этой теме были посвящены его монография «Сербия и Черногория в первой мировой войне» (М., 1968) и ряд статей⁵.

Проследившая динамику освободительного движения балканских народов, ученый выступил с критикой взглядов австрийских историков Г. Юберсбергера и Г. Ганча, отстаивавших германскую версию о причастности Сербии к Сараевскому

покушению на эрцгерцога Франца-Фердинанда. Собранный Ю.А. Писаревым материал опровергает эти фальсификации. Его труд, как и все предыдущие работы, основан на первоклассных источниках самого различного характера: это и обширная литература, и документы 25 советских и зарубежных архивов, и многочисленные мемуары участников событий, руководителей национально-освободительного движения, политиков, дипломатов, военных Сербии и Черногории, государственных деятелей великих держав. В книге обстоятельно исследуется военно-дипломатическая история Сербии и Черногории в 1914–1918 гг. Вместе с тем большое внимание автор уделил изучению процесса объединения югославянских народов. Он показал их борьбу за свое освобождение и объединение, начиная с Нишской декларации 7 декабря 1914 г. и кончая образованием 1 декабря 1918 г. Королевства сербов, хорватов и словенцев. Большую ценность представляют разделы, посвященные истории формирования, боевых действий и интернирования командованием Салоникского фронта русского корпуса на Балканах после Октября 1917 г. Юрий Алексеевич не только воскресил забытые страницы прошлого, описав трагическую судьбу 40 тыс. русских солдат, но и показал, какую большую помощь Сербии и Черногории оказывала в то время Россия. Впервые в отечественной историографии ученый столь масштабно исследовал также развитие рабочего, крестьянского и национально-освободительного движения, проследил деятельность Сербской социал-демократической партии, ее борьбу против милитаризма и войны. Принимая во внимание всё вышесказанное, представляется более чем заслуженной та высокая оценка, которая была дана этому труду советскими учеными и их югославскими коллегами⁶.

В 1968 г., в связи с реорганизацией Института истории АН СССР, Ю.А. Писарев, вместе с рядом сотрудников возглавляемого им сектора стран народной демократии (специалистами по истории Румынии, Венгрии, Албании, Греции), перешел на работу в Институт славяноведения, ставший в это время Институтом славяноведения и балканистики. Здесь он длительное время возглавлял сектор новой истории балканских народов,

а затем являлся советником Дирекции Института. Коллектив сектора был непростым, он состоял в основном из «своих» сла-вистов, бывших учеников профессора Сергея Александровича Никитина (1901–1979), прежнего заведующего, и «пришлых» балканистов, людей талантливых, ярких, амбициозных, уже известных своими трудами в научном сообществе. Юрию Алексеевичу было, конечно, непросто руководить таким подразделением, но он как-то умудрялся это делать. Доброжелательность, умение создать вокруг себя творческую рабочую атмосферу, готовность помочь своим коллегам в самых разных ситуациях – всё это способствовало успешному руководству Юрия Алексеевича научным коллективом и весомым результатам работы возглавляемого им сектора.

Но несмотря на большую научно-организационную нагрузку, он не сбавлял темпа научных исследований. В 1975 г. вышла в свет его очередная монография – «Образование Югославского государства». В ней исследуются события одного из самых бурных периодов истории югославянских народов, охватывающие 1914–1918 гг. На основе многочисленных и разнообразных источников он показал, что Австро-Венгерская империя раздиралась непримиримыми внутренними противоречиями – социальными и национальными. При этом автор выявил общие закономерности и специфические черты революционных процессов в регионе, приведших к распаду многонациональной Габсбургской монархии и образованию новых государств. Он раскрыл те политические маневры, к которым на разных этапах прибегали правящие круги Австро-Венгрии, чтобы помешать объединительным процессам югославянских народов, деятельности в этом направлении их политических и общественных лидеров. Юрию Алексеевичу удалось обнаружить в архивах СССР и Югославии немало документов, которые позволили расширить представления о событиях, связанных с Сараевским убийством и началом Первой мировой войны, в том числе о деятельности тайной организации сербских офицеров «Черная рука».

В монографии Ю.А. Писарев глубоко изучил вопрос об экспансионистских планах Австро-Венгрии на Балканах и усилении

австро-сербских противоречий накануне Первой мировой войны. Он представил данные о том, что Сербия не хотела войны, так как после успешных для нее Балканских войн, понесла значительные материальные и людские потери, нуждалась в передышке. Ученый привел слова сербского премьер-министра Н. Пашича после заключения Бухарестского мира 10 августа 1913 г.: «Сегодня в наших интересах, чтобы Австро-Венгрия просуществовала еще 25–30 лет, пока мы на юге не освоим всё «настолько прочно, что эти территории нельзя будет от нас отделить»⁷.

Монография Ю.А. Писарева аргументированно опровергает ряд концепций западных авторов – С. Поссоны, Б. Брэма, И. Римэка, Ф. Вюртля, пытавшихся возложить ответственность за возникновение Первой мировой войны на Сербию и Россию. Он также показал несостоятельность версии о том, что члены организации «Млада Босна», один из которых, Гаврило Принцип, осуществил «атентат» против Франца-Фердинанда, были связаны с руководителем «Черной руки» Д. Димитриевичем-Аписом и получали от него деньги.

В книге приведено немало данных о воздействии революционных событий в России в 1917 г. на освободительное движение в Боснии, Герцеговине, Хорватии, Словении, Воеводине. Она завершается изложением событий, приведших к распаду Габсбургской монархии и образованию в декабре 1918 г. Королевства сербов, хорватов и словенцев, нового государства с многочисленными проблемами, которое ожидала непростая судьба. Юрий Алексеевич говорит об этом со знанием дела, так сказать «из будущего». Вместе с тем, учитывая ситуацию 1918 г., он подчеркивает позитивное значение совершившегося исторического акта: «В результате объединения югославянских народов в едином государстве была преодолена их вековая разобщенность, ликвидирован тяжелый чужеземный гнет, созданы условия для дальнейшего культурного развития»⁸.

С конца 1970-х годов Ю.А. Писарев основное исследовательское внимание сосредоточил на изучении балканской политики великих держав в начале XX в.⁹. Результаты этих изысканий были обобщены им в следующей монографии – «Великие державы и Балканы накануне первой мировой вой-

ны» (М., 1985). В ней рассматриваются история международных отношений и политика европейских держав на Балканах; раскрываются экспансионистские планы империалистических коалиций в Юго-Восточной Европе, особенности балканской политики Австро-Венгрии, Франции, Англии, России, Германии, Италии; прослеживаются причины превращения Балкан в «пороховой погреб» Европы. Большое внимание уделяется в этой книге проблемам внутренней истории балканских народов – их борьбе против агрессии кайзеровской Германии и монархии Габсбургов; исследуется целый ряд других сложных вопросов, в том числе, важная тема «Балканский союз 1912–1913 гг. и Россия».

В политике России на Балканах этих лет ученый выделил несколько этапов. На первом из них – от создания Балканского союза и до его войны с Турцией – Россия стояла за мирное урегулирование конфликта. Второй этап наступил после Первой Балканской войны, во время которого Петербург придерживался строгого нейтралитета. Вместе с тем, в книге показано, что общественность России оказала значительную поддержку и экономическую помощь балканским народам, организовав сбор пожертвований и отправку добровольцев и санитарно-медицинских отрядов на Балканы. По этому вопросу Юрий Алексеевич привел массу новых фактов и документов. После окончания Первой Балканской войны и вплоть до межсоюзнической Второй Балканской войны Петербург стремился найти пути для урегулирования споров между членами союза при помощи третейского разбирательства. Автор отмечает, что несмотря на то, что России не удалось предотвратить развал Балканского союза и Вторую Балканскую войну, ознаменовавшую начало третьего этапа российской политики на Балканах, петербургский кабинет и после этой неудачи продолжал придерживаться курса на восстановление союза. Ю.А. Писарев пришел к выводу, что объективно попытка России сгладить межбалканские противоречия отвечала интересам самих балканских стран.

В западной историографии и по сей день высказывается точка зрения, согласно которой Россия стремилась превратить Балканский союз в «орудие» своих интересов. Однако сторон-

ники этой концепции игнорируют документы, доказывающие, что правящая элита балканских государств с ее неумеренными притязаниями часто скрывала свои замыслы от России, и это также показал в своей монографии Ю.А. Писарев.

Наряду с интенсивной творческой работой, в 1970–1980-е годы Юрий Алексеевич, фанатик архивных изысканий, много времени и сил отдавал публикации новых документов с тем, чтобы возможно скорее сделать их достоянием научного общества. Эта деятельность осуществлялась в рамках сотрудничества Академии наук СССР с Академиями наук и искусств Сербии, Боснии и Герцеговины, а также с Болгарской академией наук.

В начале 1980-х годов вышел в свет двухтомный советско-югославский сборник документов «Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия» (М., 1980–1983). По оценке советских и югославских специалистов, этот труд является в своем роде уникальным, во многом по-новому представляющим историю политических, дипломатических и общественных связей между русским и сербским народами в начале XIX в.

Ю.А. Писарев являлся членом редколлегии советско-югославской публикации документов «Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1878 гг.», в которой впервые в историографии широко представлены материалы отечественных и зарубежных архивов по истории российско-балканских отношений накануне и в период Великого Восточного кризиса 1875–1878 гг.¹⁰.

Активное участие принимал Юрий Алексеевич и в совместной работе с болгарскими историками над публикацией документов «Россия и болгарское национально-освободительное движение. 1856–1876», изданной в Болгарии¹¹ и являющейся логическим продолжением фундаментальной трехтомной публикации «Освобождение Болгарии от турецкого ига» (Т. I–III. М., 1961–1967).

Прекрасное знание Ю.А. Писаревым истории всего Балканского региона, большой опыт организатора науки, его работа в качестве члена редколлегии всех вышеуказанных трудов во многом способствовали успешному их завершению.

В 1980-е годы основным направлением исследовательской работы сектора новой истории балканских народов, который возглавлял Юрий Алексеевич, стало изучение проблемы «Развитие государственности на Балканах в XIX — начале XX вв.». Наш многомудрый шеф сам «придумал» эту тему — в ответ на упреки некоторых членов тогдашней Дирекции и партбюро, что сектор неоправданно много времени отдает публикаторской работе и не создает значимых обобщающих трудов. Помню, как негодовал Юрий Алексеевич после очередной такой «беседы в верхах». «Мы добываем новое знание, работаем над важнейшей проблемой русско-балканских связей, благодаря этому так успешно развивается наше международное сотрудничество, коллеги за рубежом ценят нашу работу, восхищаются нашими архивами, а в Институте нас считают чуть ли не людьми второго сорта!» — возмущался он. Однако через некоторое время Юрий Алексеевич успокоился и торжественно провозгласил начало «новой научной эры»: «Будем работать над проблемой балканской государственности!»

Сотрудники сектора с энтузиазмом откликнулись на его призыв, и в результате под его руководством были подготовлены два коллективных обобщающих труда: «Образование национальных независимых государств на Балканах. Конец XVIII в. — 70-е годы XIX в.» (М., 1986) и «Балканы в конце XIX — начале XX века. Очерки становления национальных государств и политической структуры в Юго-Восточной Европе» (М., 1991). В качестве авторов разделов в этих трудах выступили ведущие сотрудники сектора, известные в научном сообществе слависты и балканисты: И.С. Достян, В.Н. Виноградов, Г.Л. Арш, И.В. Чуркина, В.П. Грачев и др. В этих книгах, которые до сих пор высоко оцениваются и используются специалистами, рассмотрен целый комплекс ключевых проблем истории балканских народов: государственно-политическая традиция в странах региона, развитие идей государственности у разных балканских народов, национально-освободительные движения на Балканах, этапы создания национальных государств, роль внешнего фактора в этом процессе и др.

Но, конечно, не подготовка коллективных трудов, а написание индивидуальных монографий всегда было у Юрия Алексеевича на первом месте. Авторы одного из очерков о его жизни и творчестве профессор Петербургского университета К.Б. Виноградов и главный научный сотрудник Института славяноведения РАН А.Л. Шемякин пишут о «научной ненасытности» ученого¹². И это действительно так. Он весь был заряжен на творчество и не прекращал свой личный созидательный процесс ни на один день, даже после напряженных присутственных дней в Институте шел заниматься в Ленинку. Он буквально жил в эпохе Первой мировой войны и искал, искал новые документы, которые помогали ему делать очередные открытия, освещать еще не исследованные вопросы, по-новому рассматривать уже известные факты и события. Замыслов у него было очень много — он хотел написать и выпустить еще несколько монографий. «Теперь, когда я ни на что второстепенное не отвлекаюсь, — говорил он, — я хочу только работать, тем более что теперь мне не нужно защищать диссертаций, и я могу писать так, как хотел это делать всегда».

В планах Юрия Алексеевича было, прежде всего, создать трилогию «Сербия: от катастрофы к возрождению»¹³. До своей кончины (11 марта 1993 г.) он успел написать две монографии: «Тайны первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914–1915 гг.» (М., 1990) и «Сербия на Голгофе и политика великих держав. 1916 г.» (М., 1993), которая была опубликована уже после его смерти.

В первой книге, посвященной предыстории и началу Великой войны, автор вновь привлек еще не опубликованные документы, в том числе те, которые он получил из США от сына последнего российского военного агента в Сербии В.А. Артамонова. Значительное место в труде посвящено позициям европейских держав в указанный период, планам сербской элиты, тактике и целям европейских милитаристов. Юрий Алексеевич делает вывод о том, что правители Австро-Венгрии с самого начала осознанно шли на военный конфликт с Сербией. Много внимания он уделил и обстановке в России накануне войны, вопросу о мобилизации русской армии, используя, в част-

ности, ранее не известные мемуары российского посланника в Сербии князя Г.Н. Трубецкого. При этом исследователь сделал следующий вывод: Россия «оказалась втянутой в мировую войну логикой событий, что никоим образом не снимает с царизма ответственность за ее возникновение»¹⁴.

Трагедии Сербии и Черногории в 1915–1916 гг. посвящена последняя книга Ю.А. Писарева. Создавая ее, он торопился, словно предчувствовал приближение конца своей земной жизни. «Сербия на Голгофе» написана в форме очерков и в строгом смысле не является фундаментальной монографией. Многие ее сюжеты Юрий Алексеевич рассказывал мне во время наших с ним встреч и буквально погружал меня в ту далекую эпоху, в которой он так прекрасно ориентировался, что называется, был «своим». Казалось, он знал всё и про всех — дипломатов, генералов, императоров и про совсем не известных людей из разных стран, наизусть цитировал документы, буквально сыпал цифрами и фактами. Книга примечательна и размышлениями автора по важнейшим вопросам бытия — стран, народов, отдельного человека. Так, он пишет об изучаемом им периоде: «Трагедия и ее преодоление, смерть и жизнь, беспрецедентное унижение целого народа и его жизнестойкость, потеря Родины и вера в победоносный исход войны, в новое обретение Отчизны — таковы главные моменты, определявшие развитие событий изучаемого периода»¹⁵.

В этой книге Юрий Алексеевич затрагивает немало вопросов, о которых он никогда не переставал размышлять в своих многочисленных трудах и словно поворачивал их разными гранями перед своим «исследовательским оком». Именно поэтому известные, уже изученные им ранее события, кажутся в следующих работах немного иными. Так, в «Сербии на Голгофе» ученый описал подробности пребывания сербов на Корфу, рассмотрел в новом ракурсе динамику русско-сербских и сербо-черногорских отношений, а также вновь обратился к развитию югославянской идеи. Казалось бы, все эти вопросы уже были досконально изучены историками и в СФРЮ, и в СССР. Утвердившейся в тот период концепции, согласно которой в рамках объединительного процесса столкнулись гегемонистский курс

великосербской буржуазии, проявившийся в политике правительства Н. Пашича, и федералистско-демократическая линия Югославянского комитета во главе с А. Трумбичем, представлявшего интересы и стремления югославян Австро-Венгрии, придерживался и Ю.А. Писарев. Однако он, как справедливо подчеркивают К.Б. Виноградов и А.Л. Шемякин, «не был догматиком». Он много размышлял о набравших драматизм событиях в Югославии конца 1980-х — начала 1990-х годов и в связи с этим искал их причины в далеком прошлом. Именно поэтому он вновь и вновь обращался к эпохе создания Югославии — возможно, не все его прежние оценки казались ему верными¹⁶.

При рассмотрении научного творчества Ю.А. Писарева нельзя не упомянуть еще об одном моменте. Историк незауряден, если у него есть своя творческая манера. Именно таким ученым был Ю.А. Писарев. Уже в первых своих монографиях советской эпохи он часто отходил от принятого тогда обязательного для академических трудов строгого, суховатого стиля — факты, цифры, цитаты и никакой «беллетристики» и «лирики». Но развевавшиеся вуали на шляпках венских дам накануне Первой мировой войны и «человеческие» портреты правителей и министров в его книгах и статьях суровые редакторы издательства «Наука» как-то всё же пропускали. Особенно он «распоясался», по его собственному выражению, в трудах после начала «перестройки». В свою личную «болдинскую осень», длившуюся несколько лет, Юрий Алексеевич создал яркие и запоминающиеся исторические портреты многих своих «героев» — сербского премьер-министра Н. Пашича, короля Сербии Петра Карагеоргиевича, короля Черногории Николы Петровича-Негоша, а также российского посланника в Сербии Г.Н. Трубецкого, военного агента В.А. Артамонова и др. Примечательна характеристика творческой манеры Юрия Алексеевича, данная в уже упоминавшемся очерке К.Б. Виноградова и А.Л. Шемякина: «...составляя сложную мозаику из больших и малых интересов, расчетов, амбиций, анализируя боевые операции и последствия побед или поражений армий разных стран, Юрий Алексеевич частенько спускал читателя с высот общеевропейской и балканской политики на землю, вплетая в ткань

своего повествования фрагменты повседневной истории. Он старался показать и внутреннее состояние воюющего общества, т.е. жизнь простого человека, специфику его поведения, особенности военного быта и т.д.»¹⁷.

В последние годы своей жизни Юрий Алексеевич буквально фонтанировал научными идеями — в этой сфере, далекой от нелегкого тогдашнего быта и общей неопределенности бытия начала 1990-х годов, он чувствовал себя, несмотря на болезни, прекрасно — как рыба в воде и птица в воздухе. Помню, как однажды он вдруг безапелляционным тоном заявил, что мы, т.е. сотрудники Отдела и наши коллеги, неправильно и неполноценно изучаем балканскую политику России. И далее подробно разъяснил мне свою позицию. «Мы, — сказал он, — всё время фактически исследуем не историю политики, а историю дипломатии — в основном по материалам АВПРИ (Архива внешней политики Российской империи. — С.Д.)». В ответ на мое недоумение и вопрос: «А как надо?», он пояснил: «А надо еще заниматься разведкой на Балканах! — И добавил: — Эх, жалко, что я старый и такой больной, я именно про это стал бы сейчас писать — думаю, что теперь это уже можно. Если бы вы только знали, — его глаза просто горели «первооткрывательским» огнем, — сколько материалов об этом лежит в нашем потрясающем РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив. — С.Д.)!». Да, эта мечта Юрия Алексеевича так и осталась тогда мечтой... Но прошло почти три десятилетия, и вот сейчас в нашем Отделе истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время успешно трудится молодой талантливый историк Василий Борисович Каширин, который с юности только не ночует в том самом потрясающем архиве и уже создал десятки трудов, в том числе по теме русской военной разведки на Балканах, и среди них — фундаментальную и захватывающую одновременно монографию «Дозорные на Балканах»¹⁸. Когда я с неизменным восхищением читаю работы своего молодого коллеги, всегда вспоминаю Юрия Алексеевича и тот наш разговор. Думаю, что академик был бы доволен. Кстати, на страницах своей книги В.Б. Каширин восемь раз упоминает имя Ю.А. Писарева.

Созданием многочисленных трудов не исчерпывался вклад Юрия Алексеевича в науку. Важным направлением его деятельности являлась многолетняя большая работа в качестве редактора в ведущих исторических журналах СССР. Уже в начале 1950-х годов (1950–1953 гг.) он руководил отделом соцстран в журнале «Вопросы истории». В 1957–1961 гг. входил в редколлегия журнала «Новая и новейшая история»; в 1965–1985 гг. — журнала «Советское славяноведение», являясь также постоянным автором этих академических изданий. Долгие годы он был главным консультантом Большой Советской Энциклопедии по проблемам Югославии.

Благодаря специальным навыкам, приобретенным в результате многолетней редакторской работы, и несомненному таланту Юрий Алексеевич очень помогал своим коллегам разных поколений в «шлифовке» их трудов, улучшении их структуры. Редактируя статьи, он часто буквально переписывал их, не «щадя» даже обязательные в ту пору цитаты «из Маркса-Энгельса». А когда ему указывали на данный «просчет», он отвечал, что редактирует не классиков, а их переводчиков. Правда, затем цитаты всё же стал «обходить» — прожив большую жизнь на пространстве советской историографии, он знал, что осторожность никогда не бывает лишней.

Плодотворные научные исследования Ю.А. Писарев успешно сочетал с преподавательской деятельностью. Большое внимание он уделял подготовке специалистов-историков в высшей школе. С 1950 г. в течение почти 25 лет он читал лекции по всеобщей истории и руководил дипломниками и аспирантами в Московском Государственном историко-архивном институте. В 1980–1983 гг. преподавал на историческом факультете Московского Государственного педагогического института им. В.И. Ленина, а затем — на кафедре истории южных и западных славян исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Он участвовал в написании и редактировании учебников для вузов, различных учебных пособий. Его книги и статьи, чтение общих и специальных курсов создали ему авторитет глубокого исследователя, высококлассного профессионала, ученого с широким творческим диапазоном, блестящего лектора.

Юрий Алексеевич был очень ответственным и внимательным научным руководителем своих аспирантов, которых он любил и пестовал, начиная с первого года обучения, не оставляя их своей помощью и поддержкой и впоследствии. Более 30 его учеников (среди них — Т.А. Покивайлова, В.И. Косик, О.В. Соколовская, В.П. Меньщиков и др.) успешно защитили кандидатские и докторские диссертации и с благодарностью вспоминают своего учителя.

Картина разносторонней деятельности Ю.А. Писарева будет неполной, если не упомянуть о его участии в международном научном сотрудничестве.

Как уже отмечалось выше, в 1970—1980-е годы Юрий Алексеевич входил в состав редколлегий ряда изданий документов, осуществляемых совместно с учеными Болгарии и Югославии. При этом вклад его в эту работу, учитывая его энциклопедические знания, профессионализм и креативность мышления, был весьма весомым.

Ю.А. Писарев был одним из тех ученых, которые в разные годы достойно представляли советскую историческую славистику за рубежом. Он выступал с докладами и сообщениями на Международных конгрессах исторических наук в Стокгольме, Москве, Сан-Франциско, на международных конференциях в Вене, Будапеште, Белграде, Анкаре, Сараево, на симпозиумах в Мюнхене, Белграде, Загребе, Титограде, Кракове, Праге, Майнце, возглавлял советскую делегацию на V съезде историков Югославии в Охриде в 1969 г.

В 1974 г. была создана Комиссия историков СССР и Югославии. В ее состав вошли видные представители науки двух стран. Одним из заместителей председателя советской части Комиссии академика А.Л. Нарочницкого стал Ю.А. Писарев. Он принимал активное участие, в рамках Комиссии, в целом ряде встреч: в Москве (1974), Сараево (1975; во время проведения Международной научной конференции, посвященной 100-летию начала Восточного кризиса 1875—1878 гг.¹⁹), Волгограде (1978).

Заслуги Юрия Алексеевича получили высокую оценку правительства — в марте 1986 г., в связи с 70-летием, он был награжден Орденом Дружбы народов.

Для Юрия Алексеевича было очень важно стать членом-корреспондентом, а затем академиком — это ему было необходимо не в целях обогащения и приобретения каких-то материальных льгот, а как признание его заслуг и беспредельной преданности науке. Те, кто был вхож в его дом, знают, как скромно он жил, остальные могли убедиться в этом на его поминках. У него не было просторных апартаментов, дачи, личной машины, а только кабинет в академическом доме-самострое на ул. Дмитрия Ульянова, 19 (кабинет, он же спальня), выдавший виды письменный стол («мой верный товарищ» — так говорил о нем Юрий Алексеевич) и огромные, во всю стену до потолка, шкафы с книгами и рукописями. Искомые звания он получил: члена-корреспондента в декабре 1984 г., а академика в 1991 г., незадолго до смерти. Они нужны были ему, в том числе, для статуса и возможности более свободно творить, ведь мысль его всё время бежала вперед — на «балканские» и «европейские» просторы начала XX века. Я свидетель того, как Юрий Алексеевич, словно фокусник, доставал из своих шкафов всё новые и новые папки, приговаривая: «Вот они, настоящие сокровища!» И еще: «Если бы вы знали, как я люблю работать!» Это мы, его коллеги, прекрасно знали и еще видели, как от этого ежедневного творческого горения — с утра до вечера за письменным столом — болезни, преследовавшие его в последние годы жизни, словно отступали, и от рождавшейся в процессе работы творческой энергии он будто возрождался, а замыслы, которых по-прежнему было немало, довольно быстро воплощались.

Так, в начале 1990-х годов Юрий Алексеевич осуществил свою давнюю мечту: добился создания в ряде институтов РАН специальных групп по изучению истории Первой мировой войны. Этому своему любимому в те годы детищу он отдавал все силы, которых было уже немного. Но он сумел заразить идеей многих молодых талантливых исследователей, и в 1992–1993 гг. такие группы появились в Институтах: всеобщей истории, славяноведения, российской истории. В декабре 1992 г. в московском Доме ученых под председательством Ю.А. Писарева состоялось учредительное собрание Ассоциации историков Первой мировой войны.

Благодаря энтузиазму Юрия Алексеевича, при поддержке его деятельных и ответственных помощников, Ассоциация проделала большую работу. За короткий срок ею был подготовлен коллективный труд «Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории» (М., 1994). В декабре 1992 г. в Институте всеобщей истории РАН был проведен «круглый стол» на тему: «Первая мировая война и история XX века»²⁰.

Мечтой Юрия Алексеевича в эти последние месяцы его жизни было подготовить и провести на должном уровне Международную научную конференцию, посвященную 80-летию начала Первой мировой войны. Очень хорошо помню, с каким энтузиазмом он составлял планы, встречался с коллегами, вел переговоры. Но, увы! Конференция в 1994 г., конечно, состоялась, но уже без Юрия Алексеевича. Председательствовал на ней новый руководитель Ассоциации академик П.В. Волобуев. И впоследствии деятельность этой достойной всякого уважения организации не ослабевала. Тематика Первой мировой войны, как и провидчески предсказывал Ю.А. Писарев, стала очень популярной в научных исследованиях. В конце XX – начале XXI вв. из печати вышли серьезные академические труды²¹, в которых во многом по-новому исследуется круг проблем, касающихся предыстории войны, международных отношений, хода боевых действий, общественных движений, которыми так глубоко и плодотворно всю свою жизнь занимался Юрий Алексеевич. Новый импульс получили исследования по данной тематике в связи с памятной датой – 100-летием начала Первой мировой войны, широко и масштабно отмеченной научной общественностью нашей страны летом-осенью 2014 г.

* * *

Ю.А. Писарев был ученый с ярко выраженным собственным именем в науке, чьи труды уникальны по избранной и разработанной тематике, глубоко убедительны по своей научной достоверности и совершенны по профессиональному мастерству. К сожалению, он не довел до конца ряд своих начинаний и замыслов. Но и того, что сделал Юрий Алексеевич, достаточно, чтобы считать его видным представителем отечественной и мировой югославистики и балканистики. Без его работ нельзя

представить себе отечественную историческую науку второй половины XX века, хотя с позиций сегодняшнего дня они по ряду вопросов не бесспорны.

Для нас оставленные им труды очень важны. Но не менее важен его «человеческий» след на Земле. Мне посчастливилось, начиная с июня 1971 г., работать в секторе, который возглавлял Ю.А. Писарев, и быть его секретарем — сначала техническим, а затем ученым. Два раза в неделю, а то и чаще (если мы встречались в неприсутственные дни в библиотеке или архиве), я имела возможность видеть Юрия Алексеевича и общаться с ним в самых разных ситуациях — на заседаниях сектора, на конференциях, институтских собраниях, торжественных мероприятиях, а также на ленинских субботниках, приемах в югославском посольстве, секторских посиделках и т.д. А в последние годы, когда он много болел и время от времени нуждался в помощи нас, молодых сотрудников, мы встречались в больничной и домашней обстановке. И теперь, по прошествии 24 лет со дня его кончины, я могу с уверенностью сказать, что Юрий Алексеевич был не только замечательным ученым, эрудитом, профессионалом высочайшего уровня, но и уникальной личностью. Он обладал какой-то удивительной магией, притягивающей людей. Это был человек-праздник, умевший своей жизнерадостностью, сердечностью, необыкновенным юмором зарядить на «позитив» всех вокруг, поднять настроение тем, кто попал в его «орбиту», пусть даже временно.

Юрий Алексеевич, проживший большую часть XX века, мечтал дожить до XXI-го. Он говорил: «Мне кажется, новое столетие будет поинтереснее!». Эта его мечта, к сожалению, не осуществилась... Но с нами остались его труды, которые читаются, цитируются, анализируются и помогают молодым ученым познавать новое и ориентироваться в океане проблем, имя которому Первая мировая война.

Итак, в заключение, что же мы можем кратко и обобщенно сказать об академике Юрии Алексеевиче Писареве? Исследовал, писал, редактировал, рецензировал, оппонировал, руководил, преподавал, выступал, помогал, наставлял, поддерживал и в результате навсегда оставил о себе светлую память.

Примечания

¹ *Королюк В.Д.* Предисловие к сборнику избранных трудов И.С. Миллера «Исследования по истории народов Центральной и Восточной Европы XIX в.». М., 1980. С. 17.

² *Писарев Ю.А.* Народы Югославии и первая русская революция 1905–1907 гг. // Первая русская революция и международное революционное движение. Ч. 1. М., 1955; *он же.* Национально-освободительное движение в югославянских землях Цислейтании в 1908–1909 гг. // Новая и новейшая история. 1957. № 2; *он же.* Национальное движение в Хорватии и Воеводине в 1908–1909 гг. // Ученые записки Института славяноведения. Т. XV. М., 1957; *он же.* Внутриполитическое положение в Боснии и Герцеговине накануне и в период Боснийского кризиса 1908–1909 гг. // Новая и новейшая история. 1959. № 1; *он же.* Государственно-правовое и экономическое положение южнославянских земель в системе Австро-Венгрии // Труды Московского государственного историко-архивного института. Т. 14. М., 1960; *он же.* «Млада Босна» и другие организации югославянской омладины // Краткие сообщения Института славяноведения. Вып. 29. М., 1960 и др.

³ См. рецензии на эту книгу: Новая и новейшая история. 1962. № 4; Вопросы истории. 1963. № 1.

⁴ *Аникеев А.С.* Как Тито от Сталина ушел. Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны» (1945–1957). М., 2002; *Едемский А.Б.* От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 годах. М., 2008; *он же.* За кулисами советско-югославских отношений (июль–декабрь 1966 г.) // Проблемы национальной стратегии. 2011. № 1; *он же.* Два Велько из титовского окружения // Черногорцы в России. М., 2011; *Стыкалин А.С.* СССР–Югославия: зигзаги двусторонних отношений (вторая половина 1950-х – начало 1960-х годов) // Славяноведение. 2006. № 3; Югославия в XX веке. Очерки политической истории. М., 2011; *Новосельцев Б.С.* Внешняя политика Югославии (1961–1968 год). М., 2015 и др.

⁵ *Писарев Ю.А.* Оккупация Сербии Австро-Венгрией и борьба сербского народа за свое освобождение в 1916–1918 гг. (до прорыва Салоникского фронта) // Советское славяноведение. 1965. № 4; *он же.* Русские войска на Салоникском фронте в 1916–1918 гг. // Исторические записки. Т. 79. М., 1966; *он же.* Сараевское убийство 28 июня 1914 года // Новая и новейшая история. 1970. № 5; *он же.* Неки аспекти односа Русије са Црном Гором и Србијом почетком првог светског рата // Историјски записи. Титоград, 1967. № 2; *он же.* Окупација Србије и Crne Gore 1915–1918. godine // Vojnoistorijski glasnik. Beograd, 1967. № 3 и др.

⁶ См. рецензии: Новая и новейшая история. 1969. № 6; Jugoslovenski istorijski časopis. Beograd, 1970. № 1–2. С. 158.

⁷ *Писарев Ю.А.* Образование Югославского государства. М., 1975. С. 51.

⁸ Там же. С. 369.

⁹ *Писарев Ю.А.* Германский империализм и Балканы: роковые решения Вильгельма II Гогенцоллерна // Новая и новейшая история. 1983. № 5; *он же.* Югославянский вопрос в балканской политике России в 1913–1915 гг. (По неизданному и малоисследованным документам) // Исследования по истории стран Юго-Восточной Европы в новое и новейшее время. Кишинев, 1983; *он же.* Балканы между миром и войной: Лондонские конференции 1912–1913 гг. // Новая и новейшая история. 1984. № 4; *он же.* Балканский союз 1912–1913 гг. и Россия // Советское славяноведение. 1985. № 3 и др.

¹⁰ Последний, 3-й том данной публикации вышел уже в XXI в. См.: Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875–1878. Документы. М., 2008. Среди членов редколлегии есть и обведенное черной рамкой имя Ю.А. Писарева.

- ¹¹ Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Т. I. Ч. 1–2. София, 1987.
- ¹² *Виноградов К.Б., Шемякин А.Л.* Юрий Алексеевич Писарев (1916–1993) // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 4. Новая и новейшая история. М., 2004. С. 373.
- ¹³ *Писарев Ю.А.* Сербия на Голгофе и политика великих держав. 1916 г. М., 1993. С. 4.
- ¹⁴ *Писарев Ю.А.* Тайны первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914–1915 гг. М., 1990. С. 88.
- ¹⁵ *Писарев Ю.А.* Сербия на Голгофе. С. 78.
- ¹⁶ В одной из последних своих статей Юрий Алексеевич писал, что «необходимо попытаться ответить на вопрос: существовали ли уже тогда (в 1918 г. – С.Д.) причины для нынешнего конфликта, или, напротив, то, что происходит сегодня (в начале 1990-х годов. – С.Д.), является порождением сепаратизма отдельных частей Югославии, а в 1918 г. были заложены основы для существования жизнеспособного правового государства?». См.: *Писарев Ю.А.* Создание Югославского государства в 1918 г.: уроки истории // Новая и новейшая история. 1992. № 1. С. 25.
- ¹⁷ *Виноградов К.Б., Шемякин А.Л.* Указ. соч. С. 371–372.
- ¹⁸ *Каширин В.Б.* Дозорные на Балканах. Русская военная разведка в странах Балканского полуострова накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2014.
- ¹⁹ Об атмосфере, царившей на этой конференции, и о мероприятиях, в которых принимали участие советские ученые, в том числе Ю.А. Писарев, см. нашу публикацию: *Данченко С.И.* Сараево-1975. Воспоминания // Славянский мир в третьем тысячелетии. Ратный подвиг и мирный труд в истории и культуре славянских народов. М., 2015. С. 417–432.
- ²⁰ Материалы этого «круглого стола» были опубликованы в журнале «Новая и новейшая история» (1994. № 4, 5).
- ²¹ См. напр.: Первая мировая война: Пролог XX в. М., 1998; Мировые войны XX в. в 4-х т. Кн. 1–2. М., 2002; За балканскими фронтами Первой мировой войны. М., 2002 и др.

Русско-турецкая война 1735–1739 гг. и Западные Балканы

Русско-турецкая война 1735–1739 гг. была войной, где балканский фактор был менее важен, чем в других подобных войнах. Первоначально ее целью было отвоевание Азова и перекрытие путей для набегов крымских татар на русские земли. Балканский же аспект войны касался главным образом Молдавии и Валахии. Россия получила тогда ряд петиций от валашских и молдавских бояр с просьбой установить над этими княжествами свой протекторат. Во время Немировского мирного конгресса* российские представители добивались освобождения этих княжеств от османского господства и предоставления им независимости¹. О других христианских областях Балкан во время русско-турецких мирных переговоров речь тогда не шла. Между тем, как и во время других русско-турецких войн, христианское население рассчитывало на свое освобождение с помощью русского оружия.

Известно, что традиционная вера в спасительную миссию единой России существовала у греков и других христианских жителей Балкан с первых времен чужеземного господства. Об этом есть свидетельства (хотя, к сожалению, их немного) и для войны 1735–1739 гг. Так, русский резидент при Порте А.А.Вешняков писал в своем донесении от 1 (12) января 1736 г.: «Насчет христианских подданных, турки опасаются, что все восстанут, как только русские войска приблизятся к границам. Здешние константинопольские греки большею частью бездельники, ни веры, ни закона, ни чести не имеющие, их главный интерес — деньги и ненавидят нас больше самих турок, но

* Немировский мирный конгресс — съезд уполномоченных России, Австрии и Османской империи в Немирове во дворце графа Юзефа Потоцкого в 1737 г. с целью урегулировать военно-политические вопросы, вытекавшие из результатов военной кампании 1736 г. в ходе русско-турецкой войны 1735–1739 гг.

греки областные и еще больше болгары, валахи, молдаване и другие так сильно заботятся об избавлении своем от турецкого тиранства и так сильно преданы России, что при первом случае жизни не пожалеют для вашего императорского величества как уповаемой избавительницы (речь идет об Анне Иоанновне. — Г.А.). Всё это турки знают»².

Сообщение российского резидента об опасениях турок о возможности восстания христиан в Европейской Турции в связи с русско-турецкой войной подтверждает и другой источник. Венецианский консул Джанбаттиста де Росси 7 июля 1736 г. сообщал из Дураццо (Дуррес): «Для всей этой Албании, Эпира и королевства Морея получены фирманы от правления, которые предписывают военным начальникам полностью разоружить греков, установить пушки во всех крепостях, снабдив их самым необходимым. Здесь, начиная с Эльбасана, Охрида, Тираны, Берата, Тегга Nuova*, Струги, Воскопойи, Сиатисты, Янины, и в других крепостях, землях и деревнях размещены большие отряды янычар»³.

Насколько известно, восстания в Албании и Эпире в 1736—1739 гг. не произошли. Тем не менее, в русских военно-дипломатических кругах появились намерения использовать внутреннюю неустойчивость Османской империи для нанесения по ней сокрушительного удара. Взгляды эти обнаружились, в частности, у фельдмаршала Б.Х. Миниха. В письме от 14 (25) апреля 1736 г. фавориту Анны Иоанновны Э.И. Бирону был намечен план войны с Турцией на протяжении четырех лет — с 1736 по 1739 г. О кампании на 1739 год здесь говорилось: «Знамена и штандарты е. и. в. будут водружены ... где? в Константинополе. В первой, древнейшей греко-христианской церкви, в знаменитой церкви Св. Софии в Константинополе она будет коронована как греческая императрица и дарует мир ... кому? миру бесконечному, нет: народам бесчисленным»⁴.

Это льстивое пожелание фельдмаршала не имело ничего общего с реальностью. У историков имеется множество «претензий» к Анне Иоанновне, но никто и никогда не обвинял

* Неясно, о каком населенном пункте идет речь.

ее в том, что она затеяла войну с Османской империей ради возрождения империи греческой. Действительные итоги войны 1735–1739 гг. были для России весьма скромными. Несмотря на крупные победы русских в ее конце, по Белградскому мирному договору 1739 г. она получила лишь Азов, и то без права укреплять его. Лишить Россию плодов ее побед помогло весьма сомнительное «посредничество» при заключении мира со стороны французского дипломата Л. Вильнева. И тем не менее война не прошла для России даром. В числе ее целей была одна, широко не оглашавшаяся, но имевшая для русской правящей верхушки большое значение: сгладить на Балканах впечатление о неудачном Прутском походе Петра I в 1711 г. И цель эта (в том, что касается Греции) была, несомненно, достигнута. В подтверждение чего можно привести тот факт, что в 1736 и 1737 гг., то есть как раз во время войны 1735–1739 гг., вышли в свет две биографии царя-реформатора греческих ученых А. Канкеллариоса и А. Катифороса⁵.

Примечания

¹ См.: *Семенова Л.Е.* Княжества Валахия и Молдавия. Конец XIV – начало XIX в. М., 2006. С. 315–316.

² *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 10. М., 1993. С. 406.

³ *Parahag V.* Aromânii moscopoleni și comerțul venetian. Bucuresti, 1935. P. 213–214.

⁴ *Шульман Е.Б.* О позиции России в конфликте с Турцией в 1735–1736 гг. // Балканский исторический сборник. Кн. III. Кишинев, 1973. С. 39.

⁵ См.: *Китромиллидис П.* Эпоха просвещения в Греции. СПб., 2007. С. 398–399.

Анна Андреевна ЛЕОНТЬЕВА

По ту сторону линии фронта: русско-турецкая война 1735–1739 гг. в отражении сиджила османского города Хаджиоглу-Пазарджик (Добрича)*

Войну с Турцией 1735–1739 гг. Россия вела совместно с Австрией. По оценке отечественного османиста С.Ф. Орешковой, именно в эту войну в России впервые заговорили не только о территориальных претензиях (как это было в конце XVII в.), но и о сокрушении Османской империи¹. В военном отношении война была достаточно успешной для России, однако завершилась дипломатической неудачей – подписанием «срамного» Белградского мира. Ход войны, перипетии дипломатических отношений воюющих сторон хорошо изучены – их детальное описание приведено в «Истории России...» С.М. Соловьева²; в последние десятилетия к этим событиям обращались современные отечественные историки – С.Ф. Орешкова³, В.Н. Виноградов⁴, Г.Л. Арш⁵, которые исследовали ход военных действий, их результаты и последствия для России.

Анализ такого источника, как документы османских кадийских судов – сиджилы, позволяет посмотреть на русско-турецкую войну 1735–1739 гг. с иного ракурса и проследить жизнь мирного населения в глубоком турецком тылу. Сиджилы** – это протокольные книги, регистры входящих и исходящих документов шариатских судов Османской империи в XV–XIX вв., в которых, помимо действий данного суда, фиксировались также распоряжения, поступавшие от вышестоящих властей – ферманы и бераты⁶. Подобные регистры в обязательном

* Статья написана в рамках работы над проектом РГНФ/РФФИ № 31-15-01003а1.

** Сиджил (осм. سجل, лат. Sigillium, – от греч. σφύλλιον – грамота, печать). В османский турецкий язык слово пришло из арабского через персидский. Встречаются также варианты названия – sicilat defteri, kadi defter, sicilat-i şer'iyye и др.

порядке велись в каждом суде; они содержат протоколы всех обращений в этот суд, решения имущественных и правовых споров, вопросов аренды, купли-продажи, раздела имущества, распределения наследства, регулирования семейно-брачных отношений. Вследствие огромного объема информации, содержащейся в подобных регистрах, сиджилы, безусловно, являются неисчерпаемым историческим источником, предоставляющим сведения о политическом и социально-экономическом развитии как Османской империи в целом, так и отдельных ее провинций, в том числе болгарских земель.

В данной статье речь пойдет о сиджиле г. Хаджиоглу-Пазарджик (совр. Добрич), который в османский период был крупным торговым центром, находясь на стратегически важном пути, связывающем центр Османской империи с задунайскими землями, а во время русско-турецких войн становясь особо важной точкой на карте страны.

Сиджил 1739–1740 гг., рассматриваемый в статье, был переведен и опубликован в 1981 г. известным болгарским исследователем Страшимиром Димитровым⁷. В переводе на болгарский язык значительная часть документов, зафиксированных в сиджиле, дана в виде кратких резюме с частичным включением полных цитат. Однако распоряжения, поступившие из столицы, приведены ученым дословно и сохранили полную информацию.

Анализируемый сиджил относится к завершающему периоду войны. Кампания 1739 г. велась в первую очередь на балканском направлении. Первое упоминание о военных действиях относится к 8–17 июля 1739 г.⁸. Если говорить о событийной канве, нам известно, что 27 июня российские войска форсировали р. Буг и, воспользовавшись тем, что турецкая армия была сосредоточена около Хотина, сожгли Сороки и Могилев на Днестре, а 19 июля переправились через Днестр и вошли в Молдавию⁹.

В документе из Хаджиоглу-Пазарджика речь идет об отправке османских войск к крепости Бендеры. В нем сказано, что значительная часть войска, направленного с запада Румелии и из Анатолии, «после выхода из мест постоянной дислокации

разбрелась и рассеялась и бесцельно проводит время в городах по пути к месту боевых действий — пути из Одрина в Исакчу. В связи с этим из Константинополя в администрации городов, находящихся на этом пути, послано распоряжение — немедленно выслать всех отставших от войска янычар и отправить их в Бендеры, а если до столицы дойдет весть, что хоть один из них остался, никакие оправдания слушаться не будут»¹⁰.

Сразу несколько документов, относящихся к июлю—августу 1739 г., касаются сбора войск и набора добровольцев для противостояния российской армии. Один из них написан от имени мухафиза — начальника гарнизона крепости Браила — и представляет собой призыв к населению прийти на помощь, «как и в предыдущие войны с московитами», и помочь победить врагов веры. При этом мухафиз обращается к догмам ислама и призывает мусульман вступить в войну с неверными, которые напали на их земли¹¹.

Также в анализируемом сиджиле зафиксировано оповещение Омером, каймакамом Силистры, кадиев Нови Пазара, Провадии, Козлуджи, Хаджиоглу-Пазарджика, сердаров янычар, аянов и городской знати о взятии османскими войсками Белграда в августе 1739 г.¹². Как пишет В.Н. Виноградов, «османы торжествовали и предавались бахвальству», причиной которого было то, что кампанию 1739 г. «российская армия проводила фактически в одиночестве, цесарцы (австрийцы. — А.Л.) терпели сплошные неудачи, “увенчавшиеся” сдачей Белграда»¹³.

Несколько документов в сиджиле посвящено сбору ополчения для войны с Россией. Некоторые из них датированы 15—16 сентября 1739 г. и связаны с наступлением русской армии в августе в Молдавии и Бессарабии, что позже способствовало заключению 18 сентября Белградского мира.

В одном из документов говорится, что отряды российской армии, пехота и конница со стороны Хотина движутся по направлению к Бендерам и уже находятся в опасной близости — на расстоянии двух часов пути от города Яссы. В связи с этим кадиям ряда городов (в их числе Хаджиоглу-Пазарджик) поступило распоряжение прислать людей и оказать всю возможную помощь обороне Бендер¹⁴. Дата написания этого

документа неизвестна. Однако сопоставление описываемых в нем событий с ходом военных действий позволяет утверждать, что он относится ко времени до 12 сентября 1739 г.: российская армия под командованием фельдмаршала Б.Х. Миниха выступила из Хотина 24 августа, 28–29 августа форсировала Прут и направилась в глубь молдавских земель. В Яссы русский авангард вступил 1 сентября, и, как пишет С.М. Соловьев, «молдавская депутация, явившись в лагерь к Миниху, признала русскую императрицу (Анну Иоанновну. — А.Л.) государынею Молдавии»¹⁵. 12 сентября Миних отправил в Петербург известие о взятии Молдавии, а 13 сентября армия выступила в поход, чтобы «приключить чувствительный вред буджакским татарам и прикрыть Яссы», однако в тот же день было получено известие о заключении мира между Турцией и Австрией¹⁶. Важно отметить, что дата регистрации этого документа — 3 октября, т.е. уже после завершения событий, о которых идет речь. По замечанию Стр. Димитрова, этот факт характеризует отношение населения к выполнению нежелательных для него распоряжений центральных властей, в данном случае — сбора ополчения и отправки его к театру военных действий¹⁷.

В сиджиле также зафиксирован документ-перечень записавшихся в добровольцы в Хаджиоглу-Пазарджике¹⁸, в котором приводится список расходов на каждого из них. Из него следует, что с одного хане* брали одного человека, которому полагалось определенное обеспечение. В общей сложности было набрано 74 человека, которым был назначен командир. Денежные расходы, связанные с набором ополчения, том числе плата командиру, составили 281 куруш.

1 сентября 1739 г. стало известно о подписании мирного договора между Турцией и Австрией — «мира стыдного и весьма предосудительного», по оценке современников и С.М. Соловьева. Россия оказалась с противником один на один — «вскрылась зело гнило, неслыханно и такова, что добрая союзническая верность и здешнего двора честь повреждена и репутация ногами попрана», — писал в своей депеше в Петербург российский посланник в Вене Л. К. Ланчинский¹⁹.

* Хане — домохозяйство.

Мир с Австрией фигурирует в одном из османских документов, который датирован 15–24 сентября. «После заключения мира с Австрией у нас не осталось другого неприятеля, кроме московитов, наше благородное право разбить их и преодолеть стало крайне осуществимо»²⁰ — так в фермане, обращенном к администрации Хаджиоглу-Пазарджика и офицерам янычарских отрядов, от имени главнокомандующего армией в Бендерах Вели паши и главнокомандующего армией в Буджаке и Молдавии сообщается о необходимости сосредоточения войск против России. В документе говорится, что отряды, охраняющие крепость Браил, нуждаются в пополнении припасов. Для обороны Бендер и Молдавии в целом к этому времени было создано более 5000 воинов, однако, как сказано в документе, «уйдет определенное время, пока эти отряды доберутся до места назначения ..., и не дай Бог к противнику также может подоспеть подкрепление»²¹. Основная мысль распоряжения сводится к тому, что отряды, направляющиеся к месту военных действий, ни на час не должны задерживаться по пути — в том числе, в Хаджиоглу-Пазарджике.

В отдельный блок материалов, связанных с военными действиями против русских войск, можно выделить сведения о сборе провизии для действующей армии. Таких документов в августе-сентябре зафиксировано пять²²; приказы о сборах и поставках провизии нередко повторяются. Во многом это связано, как отметил в примечаниях Стр. Димитров, с тем, что закупочные цены в таких случаях были значительно ниже обычных, поэтому подобные сборы вызывали недовольство населения и попытки всячески их избежать²³. В связи с этим в одном из документов подчеркивается, что уклоняющиеся от данной обязанности будут схвачены и отправлены в столицу, где им будет избрана мера наказания²⁴.

Белградский мир был подписан в середине сентября 1739 г. Посредником в переговорах выступал посол Франции в Константинополе Л. Вильнев, деятельность которого, по сути, свела к нулю военные успехи России. Был возвращен Азов, но Россия не имела права укреплять его; территории к югу от крепости становились «буферной зоной» между двумя странами; при

этом Россия не имела права иметь флот ни на Черном, ни на Азовском морях²⁵. Франция за столь успешное для Османской империи дипломатическое посредничество была вознаграждена невиданными до тех пор торговыми привилегиями: если раньше они предоставлялись определенной стороне в качестве высокой награды со стороны Порты и имели ограниченный срок действия, после которого должны были быть продлены, то в 1740 г. льготы французской торговле были даны на вечные времена — «капитуляции превратились из добровольного пожалования в обязательства этой страны (Османской империи. — *А.Л.*) перед Францией, а позже и перед другими европейскими странами»²⁶. Как писал С.М. Соловьев, так «кончилась турецкая война, стоившая России 100 000 человек и огромных денежных сумм»²⁷.

Специального документа, извещающего население об окончании войны и о заключении мира с Россией, в сиджиде не зафиксировано. Своеобразный итог процесса сбора и отправки продовольствия в армию, как и войне в целом, подведен в документе, датированном 30 декабря 1739 г.²⁸. В нем говорится, что теперь, после окончания войны с Австрией и Россией, провизия в таком объеме более не требуется. В связи с этим кадиям г. Русе, Разграда, Шумена, Никополя, Плевена, Ловеча, Хаджиоглу-Пазарджика и многих других было распорядиться прекратить сборы и хранение провизии, а также даны указания, как распорядиться тем, что уже собрано, — оплатить бедным подданным собранное у них зерно по иной схеме, по более высокой цене, с дополнительными выплатами тем, кто уже успел получить деньги при сдаче зерна по низкой стоимости, при предъявлении ими необходимых документов.

Война закончилась, и жизнь османского города постепенно входила в обычное русло. Однако в силу географического положения и после заключения мира прошедшая война продолжала отражаться на повседневной жизни Хаджиоглу-Пазарджика. Так, к январю 1740 г. относится распоряжение кадиям всех каза «по пути от Константинополя до Одрина и от Одрина до Молдавии» — обеспечить десятью повозками, запре-

женными волами, отряд русских пленных, которые проследуют по этому пути, возвращаясь к себе на родину²⁹. В документе подчеркивается, что эта мера предпринята по настоянию французского посланника (имя его не указано, но, видимо, речь идет о Вильневе) — для лучшего и скорейшего выполнения условий заключенного недавно с Россией мира.

В следующем документе³⁰, дата написания которого неизвестна, мы видим список провианта, которым должны были быть обеспечены русские пленные в каждом городе по пути на родину. Из перечня следует, что отряду пленных полагалось предоставить 10 повозок, запряженных волами (о которых уже было сказано выше), два янычара в качестве охраны, а также ряд продуктов (в документе использована османская мера веса — ока, равная примерно 1260 г; для наглядности вес приводится нами и в килограммах):

- Хлеб — 150 ок (189 кг);
- Рыба — 40 ок (50,5 кг);
- Оливки — 3 оки (3,7 кг);
- Мед — 2 оки (2,5 кг);
- Лой (животный жир — овечий или говяжий) — 1,5 оки (1,9 кг);
- Кофе — 0,5 оки (630 г);
- 4 телеги дров;
- 8 курушей на найм жилья.

Точная численность отряда пленных не указана, но поскольку на него выделялось 10 повозок, можно предположить, что она вряд ли превышала 100 человек. К документу также есть приписка, что в г. Харманлык им уже выдали 100 хлебов. Это предположение о примерной численности русских пленных подтверждается и в одном из следующих документов. Он представляет собой указ, в котором говорится, что отряду русских пленных из 100 человек должны быть выделены 10 повозок, запряженных волами, а также 100 пар хлебов — по два хлеба каждому. Кроме того, подчеркивается, что часть их обеспечения осуществляется на станциях по пути следования за счет определенных вычетов из налогов местного населения.

В документе зафиксированы суммы, потраченные на пленных в Хаджиоглу-Пазарджике: 100 пар хлебов – 5 курушей, 10 повозок с волами – 10 курушей**.

Помимо пленных, через Хаджиоглу-Пазарджик следовали также официальные представители и дипломаты обеих сторон – обмен великими посольствами был предусмотрен мирным договором. В 1740 г. для выполнения этого условия из России в Константинополь был отправлен сподвижник Петра I А.И. Румянцев³¹. Первые упоминания о посольствах в сиджиле относятся к 28 апреля – 7 мая 1740 г.

Интересно обеспечение Эмина Мехмеда паши – посла османов в Москве, которое зафиксировано в источнике. Для путешествия ему необходимо было 25 повозок, запряженных волами³²; ежедневно он нуждался в 1000 лепешках, 250 оках (315 кг) мяса, 15 повозках сена и 20 повозках дров³³. Подобные объемы свидетельствуют о большой численности сопровождавшей посла свиты. В том же фермане упоминается, что обязанностью жителей города было подготовить 1000 реек для посольского шатра, который он будет использовать на пути в Москву³⁴. Кроме того, местные власти должны были проследить, чтобы никто из сопровождающего османского посла войска янычар не сбежал по дороге. В таком случае дезертира полагалось схватить и вернуть³⁵.

Первое упоминание о «после московитов», который по условиям заключенного мира отправился из России в Константинополь, относится к 14 мая 1740 г.³⁶ Этот документ повествует об обязанности местных властей и вали Очакова встретить его у границы и лично сопроводить до Бендер, снабдить всем необходимым и оказать ему все почести. Более детально церемония встречи московского посланника раскрыта в следующем документе, относящемся к первой половине мая 1740 г.³⁷ В этом фермане, в частности, говорится, что церемония встречи должна сопровождаться «всем подобающим блеском и великолепием». Помимо того, что вали лично должен сопроводить его до

* Куруш – серебряная османская монета, равная 40 пара или 120 акче. Например, в декабре 1739 г. в 360 акче (т.е. 3 куруша) был оценен набор кузнечных инструментов при описи имущества и распределении наследства умершего кузнеца Дервиша Али из Софии (см.: Турски извори за българската история. София, 1977. С. 46–47).

Бендер, он обязан предоставить ему своего человека в качестве сопровождающего, а также укомплектованный, в том числе оркестром, воинский отряд и затем отправить его в дальнейший путь по направлению к столице. В документе содержится информация о финансовых затратах, которые вали понесет в этом случае. В связи с тем, что обеспечение встречи на таком высоком уровне потребует значительных сумм, в фермане указывается, что упомянутому чиновнику необходимо без промедления передать средства, собранные с местного населения в качестве налога на содержание вали. При этом подчеркивается, что, поскольку военные походы окончены, сборы с населения уже были снижены до уровня мирного времени, однако в порядке исключения в данном случае с населения необходимо собрать налог по нормам военного времени — то есть в 2–3 раза превышающий сбор в мирное время. Таким образом, мы видим, что прибытие и встреча московского посольства напрямую коснулись простого населения, поскольку привели к дополнительным финансовым взысканиям.

В путевой грамоте московского посольства местным властям предписывалось не только обеспечить его всем необходимым, но также предоставить москвитам опытных сопровождающих³⁸. В особом документе было отмечено, что средства для оплаты аренды повозок для русского посольства «от Крыма до Константинополя» будут выделены из государственной казны — 6000 курушей³⁹.

Интересно сравнить содержание документов, посвященных пути османского посольства в Россию и проезду через османские поселения российского посла в Константинополь. Если говоря о турецком посольстве, едущем по территории своей страны, особое внимание местных властей обращается на снабжение его необходимым провиантом и обеспечение условий комфортного проезда, то для представителей России, в первую очередь, должно было заботиться об их безопасности для благополучного прибытия в османскую столицу. Примечательно, что, в отличие от османского посла, указаний о предоставлении провианта «посланнику москвитов» нет — речь идет только о фураже, дровах и транспорте. При этом в документах

особо подчеркивается, что прибытие российского посольства связано с условиями выполнения Белградского мирного договора и является гарантией дальнейшего сохранения мира между двумя странами.

Итак, анализ сведений сиджила османского города Хаджиоглу-Пазарджик, относящихся к периоду окончания русско-турецкой войны 1735–1739 гг., позволяет посмотреть на нее с иного, непривычного ракурса. Эти документы дают возможность изучить некоторые события повседневной жизни в глубоком османском тылу, по ту сторону линии русско-турецкого фронта, и представить «оставшиеся за кадром» сугубо бытовые подробности налаживания мирной жизни после заключения мира и выполнения его условий — возвращение на родину пленных и обмен дипломатическими миссиями в рамках установления дипломатических отношений между бывшими соперниками. Этот аспект ранее исследователями не рассматривался, и представляет, на наш взгляд, несомненный интерес при изучении русско-турецкой войны 1735–1739 гг.

Примечания

¹ Орешкова С.Ф. Войны России с Османской империей: причины и некоторые исторические итоги // Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы. М., 2003. С. 26.

² Соловьев С.М. Сочинения. Кн. X. История России с древнейших времен. Т. 19–20. М., 1993. С. 390–451.

³ Орешкова С.Ф. Указ. соч. С. 21–34.

⁴ Виноградов В.Н. Двуглавый российский орел на Балканах. М., 2010.

⁵ См. статью в этом сборнике: Арш Г.Л. Русско-турецкая война 1735–1739 гг. и Западные Балканы.

⁶ Подробнее о сиджилах см.: Стоянов В. Дипломатика на средневековните извори. Владетелски документи. София, 1991. С. 135–143; Иванова Св. Историята и съвременното състояние на колекция сиджили в ориенталския отдел на НБКМ // Известия на държавните архиви. Т. 74. София, 1994. С. 3–32; Faruqi S. Approaching Ottoman history: An introduction to the Sources. Cambridge, 1999. P. 55.

⁷ Османски извори за историята на Добруджа и Северо-източна България. Под ред. Стр. Димитрова. София, 1981 (далее – Османски извори...).

⁸ Османски извори... С. 65.

⁹ Соловьев С.М. Указ. соч. С. 442.

¹⁰ Османски извори... С. 65.

¹¹ Там же. С. 67.

¹² Там же.

¹³ Виноградов В.Н. Указ. соч. С. 51.

-
- 14 Османски извори... С. 71.
15 *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 443.
16 Там же. С. 444.
17 Османски извори... С. 353.
18 Там же. С. 73–74.
19 *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 447.
20 Османски извори... С. 74–75.
21 Там же. С. 75.
22 Там же. С. 68, 69, 70–71, 75, 76.
23 Там же. Примечания. С. 352.
24 Там же. С. 68–69.
25 *Виноградов В.Н.* Указ. соч. С. 52.
26 *Орешкова С.Ф.* Указ. соч. С. 26.
27 *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 451.
28 Османски извори... С. 79–82.
29 Там же. С. 83.
30 Там же.
31 *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 451.
32 Османски извори... С. 92.
33 Там же. С. 93.
34 Там же. С. 94.
35 Там же.
36 Там же. С. 88–90.
37 Там же. С. 90.
38 Там же. С. 91–92.
39 Там же. С. 92.

Искра Васильевна ЧУРКИНА

К вопросу об организации восстания славян во время Крымской войны 1853–1856 гг.

Вопрос о Крымской войне исследовался многими отечественными историками, в том числе Е.В. Тарле, С.А. Никитиным, Н.С. Киняпиной, В.Н. Виноградовым, А.А. Улуняном и др. Он привлекал к себе особое внимание, потому что эта война явилась как бы рубежом в отношениях России и Европы, после которого практически вся Европа впервые откровенно противопоставила себя России.

В представляемой статье будут рассмотрены не вся Крымская война и даже не все причины ее возникновения. Автор попытается исследовать предпринятую Россией попытку освободить православное население Балкан от власти Османской империи, объединив свои военные действия с их восстанием.

Связи Русского государства с сербами, болгарами, греками фиксируются уже с раннего средневековья, а после захвата турками Балканского полуострова они приняли характер покровительства им со стороны России. Во время многочисленных русско-турецких войн XVIII – первой половины XIX вв. Россия всегда включала в свои договора с Османской империей статьи, ведущие к улучшению положения ее православного населения, а во время его выступлений против турецкого владычества старалась помочь ему легальными и нелегальными способами.

В первой половине XIX в. среди образованных российских кругов были распространены симпатии к славянским народам – как к находящимся в Османской империи, так и к тем, кто проживал в монархии Габсбургов. Идеологом этих кругов выступал профессор Московского университета Михаил Петрович Погодин. Он не только защищал в печати права славянских народов, но и писал представителям русских властных

структур записки, в которых излагал свои мнения по славянскому вопросу. Так, в письме к министру народного просвещения от 1839 г. Погодин развивал план общения со славянами, завоевания их на сторону России. Давая характеристику различным славянским народам, он обращал особое внимание на турецких славян. Болгары, по его мнению, занимают среди них первое место. Они стонут под двойным гнетом — турецким и греческим. А ведь они являются для русских единоплеменниками и единоверцами и дали им грамоту и первые книги. На второе место Погодин ставил сербов, тоже единоплеменников и единоверцев русских. Он считал необходимым принимать и сербов, и болгар в русские учебные заведения, чтобы их интеллигенция воспитывалась в духе благодарности и преданности России¹. Погодин видел в славянах верных союзников России. Подобных взглядов придерживались некоторые представители русской интеллигенции и правящих кругов вплоть до членов императорской фамилии.

Крымскую войну приветствовала известная часть русского общества, прежде всего славянофилы. Они не сомневались в победе русских над Османской империей даже в случае поддержки турок западными державами. «Есть слухи о войне с Англией и Францией, — писал К.С. Аксаков Н.А. Елагиной накануне войны. — Нам бояться нечего. В русском народе есть страх божий, а страх божий избавляет от всякого страха, надеясь на милость Божию, вижу я вдали новое величие России, и внутреннее, и внешнее». А А.И. Кошелев 25 мая 1854 г. замечал в письме И.С. Аксакову: «Задача, предлежащая России, слишком красна и ясна, чтобы не одушевить каждого русского»². На страницах популярной газеты «Северная пчела» появлялись многочисленные стихотворения, прославлявшие войну с Турцией: Е.П. Ростопчиной, Ф.Н. Глинки, А.Н. Майкова, А.С. Хомякова и др. В них предрекались гибель Турции и освобождение славян. Началу войны сочувствовали и некоторые представители западников³.

Близкой по взглядам к Погодину и другим деятелям, сочувствующим славянам, была графиня Антонина Дмитриевна Блудова, дочь видного государственного деятеля графа Дмит-

рия Николаевича Блудова, который в 1839–1861 гг. возглавлял Второе отделение собственной его императорского величества канцелярии. Ее переписка с протоиереем церкви при русском посольстве в Вене М.Ф. Раевским указывает на то, что уже с начала Крымской войны русский царь проявлял свой интерес к возможности освобождения балканских славян от турецкого ига. Так, в письме от 17 (29) ноября 1853 г. А.Д. Блудова сообщала своему корреспонденту: «Государь с самого начала на эту войну смотрел как на святую войну и искренно желает лишь помочь православным»⁴. Интерес к славянам усилился в декабре 1853 г., когда стало ясно, что Австрия и Пруссия не поддержат Россию в ее спорах с Турцией.

Графиня Блудова с самого начала войны по мере сил пыталась способствовать организации вооруженного восстания подвластных туркам славян, а именно болгар и сербов, в которых Погодин видел главных союзников России в Османской империи. Среди наиболее активных агентов Блудовой в Болгарии был К.Д. Петкович. Константин Дмитриевич Петкович (1824–1898) родился в Македонии. В 1842–1846 гг. учился в Ришельевском лицее Одессы, в 1846–1848 гг. — в одесской семинарии. В 1848–1852 гг. он прошел курс славянской филологии в Петербургском университете. В 1852 г. Петкович отправился на средства министерства народного просвещения с научной целью в славянские земли. Он посетил Константинополь, Македонию, Сербию, Хорватию, Словению, Австрию, Чехию, Польшу. Во время Крымской войны Петкович активно сотрудничал с Блудовой, с которой близко познакомился во время учебы в университете. Во время своей поездки по славянским землям Петкович регулярно сообщал ей о встречах со славянскими национальными деятелями и беседах с ними.

Православное население Османской империи тоже с нетерпением ожидало войны России с Турцией. К.Д. Петкович описывает восприятие им манифеста Николая I по поводу перехода русских войск через Прут и занятия ими Молдавии и Валахии в своем письме от 24 июля 1853 г. из Константинополя. «Когда манифест государя императора, — рассказывал он, — в разных переводах сделался известным здесь, то произошло не-

описанное сотрясение душ и сердец ... в это мгновение исчезла вековая тайная отчужденность, исчезло различие между греком и славянином в чувствах и стремлениях — все славянские сердца, все греческие сердца, одним словом, все православные слились как бы в одно сердце, в одну душу, в одну мысль под магической силою слов православного царя: «пойдем вперед за веру православную» ... сердце невольно шептало, что уже настала минута исполнения пророчеств, настала минута исполнения надежд, вековых чаяний»⁵.

Уже после занятия 21 июня (3 июля) 1853 г. русскими войсками Молдавии и Валахии, находившихся в составе Османской империи, и протестов по этому поводу Франции и Англии, стало ясным приближение военных действий между турками и русскими. Этого не боялись военные и правительство России. Не только круг лиц, сочувствующих славянам, строил планы использования их в войне против турок, но и вполне равнодушные к славянскому вопросу военные деятели. Так, в сентябре 1853 г. фельдмаршал И.Ф. Паскевич, назначенный главнокомандующим русской армией на Балканах, написал две записки Николаю I, в которых рекомендовал вооружить и возбудить к восстанию христианские племена Османской империи. «У нас есть ..., — говорилось в одной из записок, — более страшное для Турецкой империи оружие ... Это влияние наше на христианские племена... Мы не возмущаем подданных против своего государя; но если христиане, подданные султана, захотят свергнуть с себя иго мусульман, когда мы с ними в войне, то нельзя без несправедливости отказать им в помощи». Паскевич писал, что каждому воину (болгарину, сербу, греку), явившемуся в русские войска, «дано будет оружие, порох, провиант и деньги, платимые помесечно». Одновременно он советовал не начинать военных действий первыми и держаться «в положении оборонительном»⁶.

4 (16) октября 1853 г. Турция объявила войну России. 20 октября 1853 г. был провозглашен манифест Николая I об объявлении войны Турции, в котором одновременно указывалось, что якобы Турция идет напролом не только против русского царя, но и против солидарной с ним Европы.

Далеко идущие амбициозные планы победы над Турцией и освобождения славян казались в начале русско-турецкой войны вполне реальными: в ноябре 1853 г. П.С. Нахимов уничтожил турецкий флот в Синопском сражении, 11 (23) марта 1854 г. русская армия перешла через Дунай и осадила Силистрию, успешно действовали русские и в Закавказье. Однако одновременно стало ясно, что Европа не только не солидарна с Россией, но даже сообща выступает против нее. 5 декабря 1853 г. Франция, Англия и примкнувшие к ним союзники России по Священному союзу Австрия и Пруссия совместно направили ноту Турции, в которой ей предлагалось вступить в мирные переговоры с Россией. Эта совместная нота была воспринята русским правительством как переход Австрии и Пруссии на сторону Франции и Англии в вопросе русско-турецких отношений.

Блудова, скорее всего по указанию царя, обратилась к Погодину с просьбой высказать свое мнение по поводу новой расстановки сил. 27 декабря 1853 г. Погодин написал ответ. В нем он указал на разный подход к событиям, который западные державы применяют по отношению к себе и России. Россию они призывают уступить Турции все преимущества, которые завоевали ее предки, в то время как сами захватывают турецкие земли в Африке и королевства в Индии. Почти все европейские правительства враждебны России. Особенно ее ненавидит Австрия, которую Россия спасла от распада. Союз с ней для России противоестественен. «Союзники наши в Европе — и единственные, и надежные, и могущественные — славяне, родные нам по крови, по языку, по сердцу, по истории, по вере, а их десять миллионов в Турции и двадцать миллионов в Австрии». Погодин был уверен, что в случае войны на сторону России встанут поголовно черногорцы, сербы, босняки, а также Военная граница, кроаты (хорваты), далматинцы, славонцы. «Покажите им, — продолжал он, — святую цель освобождения от несносного ига, под которым они стонут четыреста лет, умейте управлять их силами, живыми, могучими, восторженными, и вы увидите, какие чудеса ими сотворятся». Погодин давал совет — Турции надо сказать: «вы объявили нам войну и провозгласили уничтожение всех прежних трактатов для нового определения наших

отношений, так мы требуем теперь освобождения славян, и пусть война, избранное вами средство по собственному вашему желанию, решит наш новый спор». Если Россия не сделает этого, то это сделают ее враги Англия и Франция, которые уже сейчас действуют в Сербии, Болгарии, Боснии. Если Россия сейчас пожертвует славянскими интересами, то вместо одной Польши она будет иметь их десять. «Самая великая и торжественная минута наступила для нее, — заключал Погодин, — какой не бывало, может быть, с Полтавского и Бородинского дня»⁷. Как можно видеть, кроме освобождения славян Погодина волновало укрепление влияния России на Балканах.

Говоря о деятельности Англии и Франции среди православного населения Османской империи, Погодин не преувеличивал. В цитированном выше письме от 24 июля 1853 г. Петкович прямо указывал, что французы и англичане увидели опасность их свободе посылать миссионеров к незащищенным народам Турецкой империи. Их министры посещают патриархов греческого и армянского, еврейского раввина и заставляют их писать благодарные адреса Порте «с засвидетельствованием, что их народы вполне блаженствуют и не имеют нужды в чужом покровительстве»⁸. Такая политика французских и английских властей была явно нацелена на то, чтобы с помощью самих православных народов вытеснить Россию с Балкан, лишив ее статуса покровительницы православных народов Османской империи.

На основании этого письма Погодина, а также записок протоиерея М.Ф. Раевского и мнений ряда других корреспондентов, была составлена записка для императора и его наследника. Автором ее, по мнению Е.В. Тарле, являлся историк А.Н. Попов, член-корреспондент императорской Санкт-Петербургской Академии наук, многолетний сотрудник графа Блудова⁹. В письме к М.Ф. Раевскому от 8 января 1854 г. Блудова излагала ее суть. Она написана, подчеркивала графиня, «в совершенно русском и православном духе, т.е. о надобности России освободить все племена славянские в нынешнюю войну и с ними вместе громить Царьград, потом составить конфедерацию из Греции, Болгарии и Сербии с Черногорией и Молдовахией

по языкам и народностям под покровительством России». По словам Блудовой, эта записка понравилась царю¹⁰.

В начале января 1854 г. англо-французский флот вошел в Черное море. Франция и Англия обусловили его выход из него выводом русских войск из Валахии и Молдавии. Срок исполнения этого требования был определен 15–30 апреля. Николай I 9 (21) февраля провозгласил манифест, в котором разрывал дипломатические отношения с Францией и Англией. Манифест, по словам находившегося в то время в Бухаресте Петковича (письмо от 27 февраля 1854 г.), вдохновил болгар. «Болгары мои, – писал он, – по ту сторону Дуная ожидают с нетерпением желаемого часа видеть русских между собою, поднять немного головы из-под тяжелого и несносного гнета мусульман и идти вместе со своими братьями против кровопийц наших. Здесь болгары одни записываются в волонтеры, другие жертвуют средства для их экипировки». Начавшаяся русско-турецкая война, по убеждению православных народов Османской империи, должна принести им освобождение.

Именно на рубеже 1853 и 1854 гг., когда ясно обозначилось, что Россия остается один на один с Османской империей, которую поддерживают Франция, Англия, а также Австрия и Пруссия, встал вопрос о скорейшей организации восстания славян против турок.

Русские прежде всего рассчитывали поднять восстание в Болгарии. В 1850 г. там произошло выступление болгар в Ломском, Видинском и Белградчинском округах. Турки разбили повстанцев, однако их предводители сумели уйти в Княжество Сербию, население которой сочувствовало болгарам. Несмотря на требования турок, сербские власти не выдали их Османской империи. Помимо этого турецкое правительство в 1853 г. вынуждено было выполнить некоторые требования повстанцев. Антитурецкие настроения среди болгар не угасали. Приезд князя А.С. Меншикова в Константинополь для переговоров с турецким правительством был встречен восторженно местным православным населением. Болгарский революционер Г.С. Раковский так описывал это: «Общий восторг охватил болгарский народ, и каждый болгарин с радостью ждал и уже был уверен в

своем освобождении от турецкого рабства». В середине августа 1853 г. царю было направлено «Прошение болгарского народа, населяющего европейскую часть Турции». В нем содержались жалобы на насилия турок, на деятельность греческого духовенства, просьба предоставить болгарам автономию, подобно «братьям нашим сербам и молдо-валахам», высказывалась надежда на их освобождение с помощью России¹¹. Это прошение было составлено, по-видимому, не без участия Раковского, который в начале 1853 г. основал в Константинополе тайное общество. Оно стало первой общеполитической революционной организацией, поставившей перед собой цель освободить Болгарию от турецкого ига. Раковский разработал план вооруженного восстания, центром которого должны были стать Тырново и Габрово, где повстанцы соединились бы с русской армией. Тайное общество имело свои отделения в ряде городов Болгарии. Раковский стремился привлечь к этому плану русских. Его посланник И. Гацов в 1853 г. ездил в Сербию, где встречался с русским консулом Н.А. Мухиным и дипломатом Ф.П. Фонтонном. Затем он отправился в Бухарест, где посетил Паскевича. Тот посоветовал Гацову быть готовыми к выступлению против турок, но не предпринимать ничего до определения характера действий русской армии. Таким образом, русские власти знали из первых рук о готовящемся болгарском восстании¹².

К подготовке восстания болгар активно подключилась графиня Блудова, которая к тому времени имела связи не только с отдельными зарубежными славянскими политиками, но и с представителями болгарской эмиграции в Бухаресте. Болгарская эмиграция в Бухаресте имела свою организацию – Болгарский центральный комитет, которым руководили местные зажиточные болгары. Они поставили перед собой цель – сбор средств для экипировки болгарских волонтеров, которые должны были помогать русской армии. О событиях в Бухаресте графине Блудовой сообщал Петкович.

Вскоре после занятия русскими Молдавии и Валахии, Петкович прибыл в Бухарест. По-видимому, он здесь пытался разузнать о настроениях как в самой Болгарии, так и в эмигрантских кругах. 27 февраля 1854 г. он сообщал Блудовой: «Болгары мои

по ту сторону Дуная ожидают с нетерпением желанного часа видеть русских между собою, поднять немного головы из-под тяжелого и несносного гнета мусульманского и идти вместе с своими братьями против кровопийц наших». Относительно болгар, проживавших в княжествах, он сообщал, что некоторые из них записываются в волонтеры, другие жертвуют средства для обмундирования. Уже 1000 волонтеров почти полностью обмундированы¹³.

После ввода англо-французской эскадры в Черное море в начале января 1854 г. французский император Луи Наполеон III уведомил Николая I о том, что эскадра покинет море только после вывода из Дунайских княжеств русских войск. В ответ русский царь 9 (21) февраля разорвал дипломатические отношения с Францией и Англией. Именно в это время он собственноручно написал воззвание к болгарам, в котором провозгласил: цель России — «защита христианской церкви, защита вашего поруганного существования неистовыми врагами». «Настало время вам, соединяясь общими усилиями, поборствовать за свое существование»¹⁴, — отмечалось в манифесте.

В марте 1854 г. Петкович с воодушевлением сообщал Блудовой о дальнейших приготовлениях болгарских эмигрантов к действиям в Болгарии. Он сообщал о приезде советника русского посольства в Вене Ф.П. Фонтон. Феликс Петрович Фонтон являлся видным чиновником Азиатского департамента министерства иностранных дел. И впоследствии он занимал должность посланника в Ганновере, Ольденбурге, а также в Немецком союзе. Он был хорошо знаком с Блудовой, которая уже в 1850 г. предлагала Раевскому использовать приезд Фонтон в Вену в качестве советника русского посольства для исполнения своей просьбы — об увеличении числа певчих в посольской церкви. В октябре 1851 г. графиня так характеризовала Раевскому Фонтон, которого предполагалось послать в Австрию: «Фонтон, которого лично очень мало знаю, взялся помогать мне во всех пересылках для церквей. Это мне очень приятно, потому что буду на его имя посылать всё, что нужно доставлять Вам. Итак, Вы, с Вашей стороны, пожалуйста, адресуйтесь к Фонтону прямо, когда что-нибудь можно просить

или делать в пользу православных наших братий. С ним в таких случаях можно и посоветоваться, а он уладит с бароном (послом в Вене П.К. Мейендорфом. — *И. Ч.*)... Он в случае нужды будет иметь возможность и право защитить Вас от главного шваба наших тевтонов (русских дипломатов немецкого происхождения. — *И. Ч.*)... А Вы будьте осторожны с немцами, а с Фонтоном доверчивее». И в других письмах начала 1850-х годов Блудова не раз рекомендовала Раевскому обращаться к Фонтону по поводу пересылки книг и прочих дел. Имея в виду добрые отношения, завязавшиеся у Блудовой с Фонтоном, можно предположить, что он приехал в Бухарест и с ее поручениями. Именно поэтому он, по прибытии в Бухарест, сразу же связался с Петковичем. Оба они активно общались в течение трех дней и даже составили, по словам Петковича, «планы дальнейших наших занятий в кругу южных славян». Однако вскоре Петковича перевели в канцелярию Главной квартиры русских войск, а Фонтон уехал. Видимо, деятельность агентов графини Блудовой не пришлась по вкусу Главной квартире.

Но контакты Петковича с Блудовой не прекращались. 17 марта 1854 г. он сообщал ей о захвате русскими войсками крепостей Тульча, Исынча, Мачин. «Болгары отовсюду с радостью спешат навстречу родным братьям, — писал он, — ища защиты под крылом русского орла». С гордостью Петкович отмечал, что при переходе в Болгарию отличились болгарские волонтеры. Наиболее воодушевленным было его письмо графине от 6 апреля 1854 г. В Бухаресте, по его словам, все ждут прибытия генерала Паскевича и надеются на важные события после его приезда. Русские войска, продолжал Петкович, со стороны Черного моря достигли Черной воды и Кюстендила, а со стороны Дуная — Силистрии. «Мусульманами овладел панический страх, они бегут перед нашими войсками ...и начинают уже убеждаться на деле, что французы и англичане не спасут их ...Придется им расплачиваться за всё! ...Это поняли они уже хорошо, и это пугает их больше всего, потому что борьба за свободу уже началась на юге, а вскоре она вспыхнет и на западе и на севере Балканского полуострова. Славяне и вообще православные одного только боятся, чтобы великий царь по

влечению своего ... сердца не простил врагам и не заключил мир, если они станут просить. Этим отсрочится на несколько лет избавление наше».

Объявление войны России в марте 1854 г. Францией и Англией, переход русских войск через Дунай и захват ими ряда населенных пунктов изменили положение. И это отразилось в письмах Петковича. 13 апреля 1854 г., спустя всего несколько дней после его письма от 6 апреля, он сообщил графине, что получил от нее письма к Паскевичу и сербам — Протичу и Николаевичу и постарается их им передать. Здесь же он указывал, что о войне пока нет сведений, но газета из Нови Сада пишет, что в Болгарии вспыхнуло восстание, и этому он склонен верить. Свое письмо Петкович заканчивал следующим неопределенным пожеланием: «Я чувствую сердцем и думаю, что все славяне почтут себя счастливыми стать под знамена великого православного царя». В мае 1854 г. Петкович находился под Силистрией. Сведения, сообщенные им А.Д. Блудовой, были лишены того радостного ожидания, которое чувствовалось в его предыдущих посланиях. 15 мая он писал, что русские отступили из Молдаво-Валахии, но, по слухам, турки оставили Туртукай, Рушук, Никополь, а греческие и румынские волонтеры стали грабить мирных болгар. Не радовало Петковича и само положение в болгарской колонии в Бухаресте. Он указывал на создание там нового болгарского общества, которое снаряжает волонтеров и к которому примкнули братья Палаузовы — один из Одессы, другой из Петербурга. Этим обществом руководят, по его сведениям, тоже болгары, которые не знают ни болгар, ни их языка и обычаев. Прежнее болгарское общество потеряло влияние. От всего этого, заключал Петкович, не будет прока для болгар¹⁵. Говоря о новом болгарском обществе, Петкович по-видимому имел в виду основанное 2 февраля 1854 г. болгарскими эмигрантами в Одессе Одесское болгарское настоятельство, одной из целей которого было «позаботиться об угнетенных своих братьях и возможности помочь им»¹⁶.

Далее вопрос о восстании болгар исчезает из писем Петковича. Но болгарские вооруженные отряды, созданные Раковским и его сподвижниками по всей Болгарии, еще ожидали

сигнала к выступлению. Им должно было послужить падение Силистрии. Однако в июне 1854 г. русские отошли от города после того, как к нему подошли на помощь туркам французские и английские отряды. К сентябрю русские войска покинули княжества. Победа над Турцией приобрела проблематичный характер, особенно после высадки в Крыму десанта англичан и французов в сентябре 1854 г. Вопрос о восстании болгар сошел с повестки дня. Большинство болгарских волонтеров покинуло ряды русской армии, но некоторые остались в ее рядах и сражались против францужско-английских войск в Крыму, участвовали в обороне Севастополя. В мае-июне 1855 г. все они были уволены из армии, получив свидетельства о службе в русских войсках, паспорта и пособия. 450 волонтеров были награждены золотыми и серебряными медалями. Болгарским добровольцам была предоставлена возможность остаться на временное или постоянное жительство в России¹⁷.

Российские власти пытались втянуть в военные действия против Турции и полунезависимое княжество Сербию. Однако дела здесь шли не так гладко, как среди болгарских эмигрантов в Валахии. Во-первых, Сербия не так страдала от турецкого гнета, поскольку почти вся ее территория уже была освобождена от турецких войск, за исключением четырех крепостей. Во-вторых, сербы не были так едины в отношении России, как болгары. В Княжестве имелась значительная часть политиков, которые ориентировались на Францию. Отношение русского правительства с правящими кругами Сербии ухудшились после того, как в феврале 1853 г. оно добилось отставки И. Гарашанина, возглавлявшего франкофильские круги сербов, с поста премьер-министра. Для улаживания русско-сербских отношений в Белград был послан Фонтон. Он, кроме того, должен был убедить сербов не начинать войну с Турцией, что повлекло бы за собой ввод в Княжество турецких и австрийских войск. В своем донесении в МИД Фонтон писал, что был поражен неизменностью чувств сербского народа: сербы стекались толпами в места, которые он посещал, и проявляли чувства «восхищения, признательности и уважения по отношению к особе нашего августейшего государя и привязанности к России, изъявления

этих чувств были неподготовленными, самопроизвольными и шли от всего сердца». Фонтон указывал, что часто сербы его просили: «Поздравьте нашего царя Николая!»¹⁸.

Графиня Блудова имела особые отношения с Милославом Протичем, известным сербским государственным деятелем, председателем кассационного суда. Протич и рассказал Блудовой о пребывании Фонтон в Сербии. «Фонтон произвел фурор среди сербов, — писал он графине 19 сентября 1853 г. — ...Он сумел доказать своими поступками, что нам русские — истинные родные братья. Я сам три дня путешествовал с ним и был очевидцем той несказанной радости, с которою сербский народ его ожидал и провожал. Он уладил наши раздоры, осудил интриги и уверился, что положение нынешнего правительства не такое уж шаткое, как о нем думают. Он положил конец недоразумениям между нашим и вашим правительствами»¹⁹. Как можно видеть, рассказ Протича полностью соответствовал донесению Фонтон. Одновременно с Фонтон в сербских землях находился представитель французского правительства П. Буре. Если русский дипломат убеждал сербское правительство сохранять нейтралитет, то Буре настаивал, чтобы оно поддержало Турцию. В июне 1853 г. Сербию посетил бывший австрийский консул Ф. Майерхофер, который также советовал сербскому правительству придерживаться нейтралитета²⁰.

Таким образом, Россия летом 1853 г. всячески старалась удержать Сербию от конфликта с Османской империей. Однако положение стало меняться после неудачной миссии князя А.С. Меншикова в Константинополе. По мнению Е.В. Тарле, в это время Николай I уже смотрел на восстание сербов, болгар, черногорцев и греков как на одну из сильных карт в своей игре²¹.

23 октября 1853 г. началась война между Россией и Турцией. Вступление в нее Сербии теперь стало желательным для России. И графиня Блудова попыталась поспособствовать этому, обновив связи со своими сербскими агентами.

Об этом свидетельствует уже цитированное письмо М. Протича от 19 сентября 1853 г. В письме к нему Блудова, очевидно, спрашивала о его позиции в отношении России и об

отношении к ней других сербских политиков. На этот вопрос Протич отвечал, что как чиновник он верен своему князю, но «за общее дело всего славянства и сербства всегда готов пожертвовать собою ... Я уже давно решил, — заявлял он, — быть орудием общеславянской цели, как бог даст». В этом же письме Протич давал краткую характеристику некоторым сербским политикам. О князе Александре Карагеоргиевиче он писал, что тот «чисто русский человек и совершенно предан России, как человек, который вырос и воспитывался в России и более двадцати лет жил». Алексу Симича, который после отставки в феврале 1853 г. Гарашанина получил должность премьер-министра Сербии, Протич представлял как человека прямого и искреннего и очень преданного России²².

После смерти в июле 1853 г. русского консула Ф.А. Туманского, который и настоял на смещении Гарашанина, в Белград был послан консулом Н.Е. Мухин. В октябре 1853 г., когда началась русско-турецкая война, он вынужден был покинуть столицу Княжества и обосноваться в австрийском городке Земун (Землин), находящемся на другом берегу Дуная. Отсюда Мухин нередко, под защитой австрийского паспорта, приезжал в Белград для встречи с князем Александром или с Симичем. Помимо них консул встречался и с Протичем. Кстати, назначением Мухина последний был не слишком доволен. В том же письме, в котором он рассказывал об отношении ряда сербских политиков к России, Протич писал: «Хорошо, если бы Россия послала в Сербию консулом коренного дворянина с умом и сердцем, с любовью к сербам и богатого»²³. 14 декабря 1853 г. Протич сообщал Блудовой, что секретарь русского консульства в Белграде С.И. Попов привез из Вены депешу, очень успокоительную для сербского правительства и народа. Описывая положение в Сербии, Протич указывал, что молодые люди, стоящие за Францию и Германию, действуют против него. Гарашанин, судя по слухам, тоже «надеется на турок и французов, что они ему вернут его должность»²⁴.

В ноябре 1853 г. Протич сообщал Блудовой, что турки подходят к сербским границам и добавлял: «Сербы чистят свое заржавелое оружие». 10 января 1854 г. он писал, что получил

письмо графини, в котором та рассказывала о русских победах в Азии, и передал его князю. Подчеркнув, что Австрия — подлейшая из подлых, он делал вывод, что в это сложное время «нам, славянам, нужно хорошо знать, за что держаться и к чему стремиться»²⁵. В этом письме, как можно видеть, Протич вопрошал, как вести себя сербам в сложившихся обстоятельствах. По-видимому, в ответных письмах Блудова объясняла, какие выгоды может получить Сербия, если выступит на стороне России. Резкие выпады Протича против немцев были не случайны — к этому времени Австрия сконцентрировала на сербских границах свои войска якобы из-за опасения, что в Сербии начнутся волнения.

27 апреля 1854 г. Протич с радостью сообщал Блудовой о получении в ее письме некоего «мемориала». Этот документ Протич сразу же передал Симичу, тот отнес его князю, а князь ознакомил с ним Гарашанина, сенат и кабинет министров. «Но все в восторге, — писал Протич, — и говорили: это с давних пор наша мечта». В то же время Протич выражал недоумение, почему Сербия и Черногория рассматривались в «мемориале» по отдельности. Все соглашались, продолжал Протич, что Молдавия и Валахия должны принадлежать России. «У нас окончательно решили биться с немцами до последней капли крови». И далее Протич объяснял особую ненависть сербов к немцам. Если бы не немцы, утверждал он, то сербы вместе с русскими давно бы были у Адрианополя. Протич призывал не сомневаться в искренности сербского правительства и в сочувствии сербского народа. Судя по этому письму, сербские политики различных взглядов решили поддержать Россию против Османской империи и ее союзников. Причиной этого были обещания русских властных структур расширить территорию Сербии в случае победы над турками, изложенные в «мемориале».

В следующем письме от 7 мая 1854 г. Протич излагал план устройства Балкан, скорее всего согласованный с сербскими властями, после победы над турками. Он полагал, что будет создана конфедерация, состоящая из Сербии, Болгарии и Греции «под председательством России, которая будет в Царьграде, как вольном городе сидеть». В состав Княжества Сербии должны

были войти Сербия, Босния, Герцеговина, Черногория, Западная Албания, Северная, Южная и Восточная Македония с Кандинским полуостровом, часть Западной Болгарии, острова архипелага Тасос, Лемнос, Самофраки и Илеброс. Раздел Балкан между болгарами, греками, сербами должна произвести Россия, как старший брат. Сербия также должна получить выход в Эгейское море. Если же Турция продолжит свое существование, то Сербия претендует на границы владений князя Лазаря или хотя бы на те, которые были при Карагеоргии. «Всё это теперь турецкое, но когда она перестанет существовать, — заключал Протич, — тогда пусть этим трем державам будет произведен такой дележ, чтобы каждый мог обеспечить свое будущее и вместе с тем предупредить всякую распрю»²⁶. Чтобы наглядно показать, чего именно желает Сербия, Протич 4 мая 1854 г. послал графине карту, на которой обозначались современные границы и новые, которые следовало установить для Княжества после раздела Турции²⁷.

Изменение позиции сербских правящих кругов по отношению к русско-турецкой войне привело к приезду в Сербию генерала Салоса, племянника Александра Карагеоргиевича, находившегося на русской службе. Он стал формировать из сербских добровольцев партизанские отряды²⁸.

Планы России поднять восстание сербов против Турции были известны австрийскому правительству. В марте 1854 г. премьер-министр Австрии К. Боуль предупредил русского посланника Мейендорфа, что попытка побудить сербов к восстанию будет равносильна объявлению войны Австрии. По этому поводу Мейендорф писал в МИД 1 апреля 1854 г.: «Поддержка славянского населения не окажет нам столько пользы, сколько война с Австрией принесет нам зла»²⁹. Такая решительная позиция Австрии обуславливалась еще и тем, что в первой половине 1854 г. она заключила две конвенции с Турцией, согласно которым Габсбургская монархия получила право занять Албанию, Черногорию, Боснию, а кроме того разместить свои войска в Дунайских княжествах.

2–3 марта 1854 г. Франция и Англия предъявили России ультиматум с требованием вывода русских войск из княжеств, в

противном случае угрожая войной. 22 апреля (4 мая) Паскевич в письме к Николаю I настоятельно советовал царю оставить Дунайские княжества. Причиной этого он называл угрозу вторжения туда 60 тыс. австрийских солдат, стоящих у границы, а также отсутствие надежды на славян. «Между Балканами и Дунаем болгары угнетенные и невооруженные, они как негры привыкли к рабству, — писал он. — В Балканах и далее, как говорят, они самостоятельнее, но между ними нет единства и мало оружия. Чтобы соединить и вооружить их, надобно время и наше там присутствие. От сербов при нынешнем князе ожидать нечего, можно набрать 2 или 3 тысячи нерегулярных войск (*des corps frankes*), но не более, а мы раздражим Австрию»³⁰. Вывод Паскевича был однозначен — русские войска должны оставить княжества и уйти за Прут.

Это предупреждение, однако, не было принято царем. Об этом свидетельствует письмо Блудовой Раевскому от 2 (12) мая 1854 г. (так проставлена дата в документе. — *И. Ч.*). «Дайте знать Миливою (Протичу. — *И. Ч.*) или другому в Белграде верно, что государь на счет восстания христиан выразился так: “и призывать к бою не буду. Один бог знает, кому будет победа, не хочу против их воли завлекать в свою судьбу народы. Но кто захочет сам восстать за православное дело, тех ни за что не оставлю и не выдам, какой бы ни был конец. Это уже дело чести и совести, и, если сделается общее восстание, то мы уже никогда не признаем более власть султана над восставшими. А кто не хочет сам идти, того уговаривать не станем — Россия и одна постоит за веру, если бог поможет”»³¹.

После того, как в июне 1854 г. русские войска были вынуждены снять осаду Силистрии и переправиться на левый берег Дуная, положение сложилось не в пользу русских. С этого момента, как справедливо утверждает Е.В. Тарле, война для России из наступательной превращается в оборонительную. Вопрос о восстании славян потерял свою актуальность.

Вместе с тем нужно отметить, что в мае 1854 г. и болгары, и сербы были готовы выступить против турок. Помешали этому неудачи русских войск на суше, что привело к отказу русского командования от плана воспользоваться восстанием славян.

Примечания

- ¹ *Погодин М.Н.* Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны 1853–1856. Т. IV. М., 1874. С. 26, 27.
- ² *Никитин С.А.* Крымская война // Славяне и Россия. К 110-летию со дня рождения С.А. Никитина. М., 2011. С. 167.
- ³ Там же. С. 163–166.
- ⁴ Югословени и Русија. Документи из архива М.Ф. Рајевског. 40–80 године XIX века. Београд, 1989. С. 96.
- ⁵ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 1274. Д. 2203. Л. 37 об.
- ⁶ *Тарле Е.В.* Крымская война // Соч. Т. 6. М., 1959. С. 252–254.
- ⁷ Там же. С. 70–79.
- ⁸ РГАДА. Ф. 1274. Д. 2263. Л. 57а.
- ⁹ *Тарле Е.В.* Крымская война. С. 462.
- ¹⁰ *Чуркина И.В.* Протоиерей Михаил Федорович Раевский и югославяне. М., 2011. С. 92.
- ¹¹ Международные отношения на Балканах. 1830–1856 гг. М., 1990. С. 303–305. (автор текста о Болгарии – Н.Н. Червенков).
- ¹² Там же. С. 306.
- ¹³ РГАДА. Ф. 1274. Д. 2263. Л. 50, 51.
- ¹⁴ *Тарле Е.В.* Крымская война. С. 430, 431.
- ¹⁵ РГАДА. Ф. 1274. Д. 2263. Л. 52, 52 об., 54 об., 55, 56, 56 об., 57, 58, 58 об., 59, 59 об., 61, 62 об.
- ¹⁶ Международные отношения на Балканах. 1830–1856 гг. М., 1990. С. 306, 307.
- ¹⁷ Там же. С. 307.
- ¹⁸ *Никифоров К.В.* «Начертание» Или Гарашанина. М., 2015. С. 218.
- ¹⁹ РГАДА. Ф. 1274. Д. 2301в. Л. 17.
- ²⁰ Международные отношения на Балканах. 1830–1856 гг. С. 294. (автор текста о Сербии – К.В. Никифоров).
- ²¹ *Тарле Е.В.* Крымская война. С. 261.
- ²² РГАДА. Ф. 1274. Д. 2301в. Л. 15 об., 16, 16 об.
- ²³ Там же. Л. 16а об.
- ²⁴ Там же. Л. 47, 47 об., 49, 49 об.
- ²⁵ Там же. Л. 22 об., 23.
- ²⁶ Там же. Л. 31 об.
- ²⁷ Там же. Л. 52.
- ²⁸ Международные отношения на Балканах. 1830–1856 гг. С. 295.
- ²⁹ *Тарле Е.В.* Крымская война. С. 438, 465.
- ³⁰ Там же. С. 458, 459.
- ³¹ Югословени и Русија. С. 106.

Виктор Иванович КОСИК

Болгарский мир Любена Каравелова и Россия

В XIX в., справедливо названным «веком национальных движений», болгары не раз поднимали знамя борьбы с османским владычеством за освобождение своего народа. История Болгарии свято хранит имена своих героев, таких как Софроний Врачанский, Георгий Раковский, Христо Ботев, Васил Левски, выступавших и боровшихся и «пером», и «шпагой» за «новую Болгарию».

Равным образом имя Любена Каравелова входит не только в пантеон болгарских «великанов», в историю сложной борьбы болгарского народа за независимость, но и неразрывно связано с национальной литературой. Именно она, по моему мнению, «рождает» и воспитывает гражданина, патриота, мыслящего человека. И здесь творчество и жизнь знаменитого сына болгарского народа связаны, я бы сказал, со строчками Гете из «Фауста»: «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день идет за них на бой!». Можно возразить, что Любен Каравелов не сражался с оружием против османлиев, даже можно вспомнить, что авторитетнейший литературовед и историк Боян Пенев назвал его «кабинетным революционером». Но это уже жестоко и несправедливо. Оружием Любена Каравелова было СЛОВО. Оно и сейчас не кануло в Лету, его СЛОВО живет в болгарском народе, оно вошло в золотой фонд славянской словесности, идей не только болгарской, но и славянской свободы и независимости.

В одной из своих статей, связанных с созданием конфедерации, он, в частности, писал, что «Болгария, Фракия и Македония составят одно целое»¹. По мнению Каравелова, когда «в Европе имеются государства с населением от 50 до 70 миллионов человек, всякой другой небольшой народности нужно или покориться какой-либо чужой силе и отказаться от своего исторического существования, или соединиться с други-

ми народностями на либеральнейших началах (как соединена Швейцария и Америка) и составить с ними оборонительную федерацию»². Понимая всю трудность реализации программы, Каравелов подчеркивал, что «препирательства о том, где — в болгарских или сербских жилах — течет больше славянской крови... не должны иметь места... Похвальба своими прадедами также не приведет ни к чему хорошему: какая польза болгарину, умирающему от голода, или сербу... от того, кто был Кралевич Марко — серб или болгарин»³.

Здесь много здравых мыслей, но история идет своим нелогичным путем. Хотя, с другой стороны, всё сбывается: Европа объединяет в Европейском союзе и славянские страны. Но здесь тоже есть свои сложности. Вхождение в Европу — это не одномоментный акт, оно подразумевает довольно длительный процесс.

И само становление, а для некоторых государств, выживание, зависит, прежде всего, от нахождения верной пропорции национального и европейского. Этот труднейший вопрос каждое государство решает на свой манер, исходя из своей истории. Здесь следует вспомнить, что «закат» страны может отсрочить только культура в своем единстве оригинальных начал. И пробуя продолжить мысль Любена Каравелова на тему обустроенности небольших славянских стран в Европе, могу предположить, что «превращение» «славянина» в «европейца», вхождение в европейскую семью потребует много времени и больших инвестиций самого различного характера. Нужна будет напряженная и трудоемкая работа по стиранию всего отрицательного в истории, что должно быть уничтожено. На выходе должен получиться средний европеец. Будет ли он хорошим — судить трудно. Плохо одно — он средний. Иными словами он будет опять-таки той самой массой, почвой, на которой или не вырастет ничего, или история пойдет по своему кругу. Грустно? Да. Но история может и повернуть, и по другому пути. И знание, о котором столь много писал Любен Каравелов, может стать тем «спасательным кругом», который поможет «не раствориться» в «европейском море» и не даст уничтожить историю Болгарии, да и самого болгарина, который, как я понимаю и

верю, чтит свою культуру. В противном случае от нее останется музей, фольклор и пара строчек в европейской истории. Полагаю, что такая возможность и в страшном сне не приходила Любене Каравелову, певцу Болгарии.

А что же Россия?

Здесь вопрос сложен и в то же время прост.

Надо признать, что имя России — царской или советской, вплоть до современной — в сущности, не вызывало у многих зарубежных славян особых положительных эмоций, разве только в некоторые кризисные моменты их существования. Конечно, была историческая память о всём том положительном, связывающем славянство, но она была и остается лишь одним из многих факторов, определяющих тактику дня и стратегию времени.

Подчеркну: если русофильство имело более мощную корневую базу, связанную с культурой, этносом, традицией, то русофобство, вернее, критика политического курса Петербурга, Москвы, возникало на политической почве.

Но в то же время Россия оставалась для болгар страной, где они получали образование. Именно болгарские студенты представляли наиболее многочисленный «отряд», по сравнению с другими учащимися из южнославянских стран. За период от Крымской кампании до Освобождения в российских учебных заведениях получили образование 267 болгар⁴. Известный болгарский историк Н. Генчев писал, что 4/5 болгарских учителей были подготовлены в России⁵.

Одним из великих учителей болгарского народа стал и Любен Каравелов. Выпускник Московского университета он, как и многие, надеялся, верил, ожидал реальной помощи от России в освобождении от турецкого ига, что, впрочем, не мешало ему и критиковать ее весьма яростно за отсутствие немедленной помощи, даже считать Россию виновницей того, что болгарский народ продолжает страдать, мучиться, быть попраным уже 500 лет османликами. Видимо, Каравелов в царской власти видел своеобразную мертвую силу, деспотию, мучающую свой народ и не желающую поспешить с освобождением болгар. Так, в конце 1870 г. в издаваемой им газете «Свобода» (Буха-

рест, 1869–1873) можно было прочесть такие строки: «Главная причина, которая держала и держит и до настоящего времени около 30 миллионов славян и других православных христиан под турецким и австрийским игом, без всякого сомнения, есть Россия. Объясним: 1) несчастные турецкие и австрийские славяне и христиане ждали до сегодняшнего дня, что Россия подаст им братский сигнал и скажет им «воскреснете и будете свободны»; 2) Россия была единственной славянской и православной державой, следовательно, только она могла чистосердечно поддерживать и защищать славянство и православие, и юго-восточный мир ожидал от нее много и много; 3) русская пресса всегда проповедовала крестовый поход против запада и советовала турецким и австрийским славянам не надеяться ни на кого, а прилепиться к России и только от нее ожидать спасения, поддержку, свободу и счастье, и славяне и православные христиане уважали эти советы и ожидали от России материальной и нравственной помощи; 4) любовь и сочувствие к России были такими большими, что вооружили весь Запад против турецких и австрийских славян...»⁶.

В 1873 г. в издаваемой им вместе с Христо Ботевым газете «Независимость» (Бухарест, 1873–1874) он писал: «Единственное добро, которое в состоянии нам сделать сегодня наши русские братья, состоит в их сочувствии к нашей политической свободе и к нашей племенной особости. Помогите нам свалить с шеи турецкое и немецкое иго; развяжите нам руки и дайте нам возможность добиться своей собственной воли, докажите Европе, что не имеете задних мыслей и что руководствуетесь чистыми побуждениями; а потом, докажите нам свое сочувствие и свое братство практически — и вы тогда найдете нелицемерных братьев и яростных союзников»⁷. «Мы, болгары, любим русских, но еще больше любим самих себя; мы радуемся русским успехам и русскому величию, но в то же время желаем стать свободными и независимыми; только потом мы готовы защищать общеславянские интересы, но желали бы, прежде всего, защитить самих себя. Наше настоящее положение таково, что народ не может думать ни о племенном родстве, ни о славянофильстве; а если всё это так, то он (народ) готов броситься на шею всякому, ко-

торый готов оказать какую-либо помощь и который пожелает облегчить его горькое существование»⁸. Думаю, что здесь Любен Каравелов несколько увлекся. Не было «всякого», готового выступить с оружием за освобождение православных болгар, помнящих свое родство с единоверным русским народом.

Был и другой путь, к которому призывал великий болгарин. В 1869 г. в «Свободе» Каравелов писал: «...по нашему мнению, все христиане, населяющие Балканский полуостров, должны подать один другому братскую руку и соединиться против общего душманина, потому что история не ждет, а когда все будем свободны, то тогда назначаем границы и говорим, кому что принадлежит, и делим свое богатство ... нужно соединение, соединение и соединение, а когда будут свободными, то каждый получит то, что ему принадлежит»⁹. Увы, история здесь лишь подтверждала старую истину, что право решения принадлежало великим державам. Само славянство, ведомое своей историей и девизом «Нам чужого не надо, но и свое не отдадим», не могло прийти к нужному «соединению» интересов. Только один пример: перерастание Первой Балканской войны во Вторую.

Можно задаться вопросом: откуда у Любена Каравелова, столь нелицеприятно писавшего, как нередко случалось, о царской России, такое романтическое представление о славянском братстве? Ответ может быть достаточно простым и романтическим: это глубокая вера в народ как в единственную силу, которая способна выступить и добиться свободы. Какая-либо надежда на некую Европу представлялась, видимо, Каравелову временами то полезной, то тщетной. И эти метания великого патриота своего отечества показывают всю его нетерпеливость в обретении свободы и независимости Болгарии.

Из великих держав всё же наиболее близкой продолжала оставаться Россия. И критикуя Россию, Каравелов вновь обращался к ней.

В 1874 г. в «Независимости» Каравелов подчеркивал, что нет такого русского, который поднимет свою руку на православного славянина, страдающего под турецким игом, что нет такого русского, который пожертвовал бы славянскими интересами в пользу габсбургской династии, что нет такого русского,

который отказался бы от своих братьев в пользу «паршивого монгола». «Мы твердо уверены, что Россия не может быть нам врагом и что русско-турецкая дружба не может просуществовать долго... Россия никогда не откажется от нас и никогда не позволит другим народностям попать славянское имя»¹⁰.

Здесь тоже есть о чем поразмышлять. Известно, что отношения между болгарской и российской/советской столицами нельзя характеризовать как устойчиво-позитивными; были и бои между освободителями и освобожденными. Да и сейчас, в наше быстротекущее время с его потрясениями и изменениями баланса сил трудно заниматься прогностикой. Но, как мне представляется, сложные межгосударственные отношения автоматически не вызывают «порчи» тех же личных встреч и контактов.

Сейчас всё больше в ходу такое понятие, как «историческая политика», позволяющее трактовать ушедшее время с позиций современных политико-государственных интересов, иными словами: кто у власти, тот и «заказывает» историю.

В 1874 г. Каравелов писал: «Мы не можем говорить утвердительно, что петербургский кабинет не имеет завоевательных целей и что нынешние государственные мужи не мыслят поставить свои знамена над старым храмом «Св. София»; но вопрос, в состоянии ли сегодняшняя Россия осуществить свои цели и разделяют ли русские прогрессивные мужи идеи правительства?.. Если Россия успеет покорить Балканский полуостров и если ее казаки установят свои знамена по берегам Босфора, то ее сегодняшнее монархическое могущество будет поколеблено»¹¹.

Но был и другой ответ на поставленный вопрос. Русский философ К. Н. Леонтьев писал о возможности формирования восточноправославной политической, религиозной, культурной — но не административной — конфедерации славянских стран.

Именно эта конфедерация под гегемонией самой неславянской и в то же время самой славянской России должна была обеспечить «*новое разнообразие в единстве*, всё славянское цветение», стать оплотом против пошлого европеизма и обеспечить себе духовную независимость», гарантировать «развитие своей собственной оригинальной славяно-азиатской цивилизации»¹².

Время не оправдало надежд. Потуги славянского мира к гармонизации отношений были безнадежно испорчены самими славянами в ходе кровавой схватки за обладание македонскими землями, за «спасение македонских душ».

В 1871 г. в «Свободе» Каравелов, полемизируя с петербургским «Голосом», утверждавшим, что небольшие славянские народы, которые не в состоянии справиться с опасностью германизма, «должны смотреть на Россию как необходимого члена славянской федерации..., потому что Россия была бы сильной связью, без которой небольшие славянские народности тяжело могут победить свои частные провинциальные самолюбия и соревнования», подчеркивал, что «Россия принудит славянские народности насилу уважать ее старшинство и отказаться от своей народной и личной свободы... Где есть братство, там нет старшинства»¹³.

Да, всеславянская империя в форме конфедерации под скипетром самодержавной России с ее византизмом не устраивала славянскую интеллигенцию, вскормленную на идеях свободы, равенства, братства. Лозунги Великой Французской революции были гораздо привлекательней, нежели «заедающие» их жизнь призрачные идеи всеславянства, грозящие в случае их воплощения отрывом от Европы, к которой они так стремились. Впрочем, я не думаю, что славянские страны в Евросоюзе будут равны. Есть те, которые, как писал Джордж Орвелл, «равнее».

Хочу надеяться, верить, что «нетерпение сердца» Каравелова и дальше будет служить Болгарии, болгарскому народу.

Примечания

¹ Каравелов Л. Събрани съчинения. Т. 7. София, 1967. С. 408.

² Там же. С. 405.

³ Там же. С. 314.

⁴ Генчев Н. Франция в българското духовно възраждане. София, 1979. С. 231.

⁵ Каравелов Л. Събрани съчинения. Т. 7. С. 240.

⁶ Там же. С. 247–248.

⁷ Там же. С. 610.

⁸ Там же. С. 611.

⁹ Там же. С. 90.

¹⁰ Там же. Т. 8. София, 1967. С. 107.

¹¹ Там же. С. 166.

¹² Леонтьев К.Н. Собрание сочинений. Т. 5. М., 1912. С. 255.

¹³ Каравелов Л. Събрани съчинения. Т. 8. С. 397–398.

Ксения Валерьевна МЕЛЬЧАКОВА

«Воин» на духовном поприще. Сараевский архимандрит Савва Косанович и его поездка в Россию в 1872–1874 гг.

Боснийский вилайет располагался на окраине Османской империи и считался одним из самых отсталых регионов Европы. Местное славянское население было разделено по религиозному признаку на православных, католиков и мусульман. Европейские путешественники именовали эти земли царством суеверий и предрассудков. Представления местных православных жителей о России были смутными. «Майка Русия»¹ виделась им большой северной страной, населенной братским славянским народом и управляемой сильным могучим царем. На нее возлагали большие надежды, от нее ждали помощи и поддержки. Отправиться туда считалось большой удачей. Одним из счастливых, кому довелось посетить Русскую землю, был герцеговинец Савва Косанович (1839–1903).

Савва Косанович родился 27 января 1839 г. в селе Милянчи, в Восточной Герцеговине², в зажиточной крестьянской семье. Однако семейное благополучие Косановичей длилось недолго: отец Саввы, Кико, вместе с двумя братьями погиб в вооруженном столкновении с турками. Потеряв кормильца, семья оказалась в бедственном положении. В 1846 г. Савва направился на учебу в герцеговинский монастырь Житомыслич, затем недолго учился в мостарской школе, после чего снова вернулся в монастырь, где отказался принять монашеский постриг, и отправился в Сараево. Оттуда в возрасте шестнадцати лет, вместе с товарищем Симой Чайкановичем, он пешком ушел в Белград. Здесь, получив стипендию от сербского правительства, молодые люди поступили в семинарию. После ее окончания в 1860 г. Савва хотел продолжить образование в России, в Киев-

ской духовной академии, или в Задаре, где планировал изучить итальянский и немецкий языки³. Однако обращение по этому поводу к российскому консулу не дало результатов. Поездка в Задар также не увенчалась успехом⁴. Тогда он перебрался в Мостар, где начал работать учителем начальной школы. Вскоре С. Косанович женился на девушке из известной в тех краях семьи Гатало, год проработал в сараевской школе для мальчиков, а затем снова вернулся в Мостар — на четыре года. И именно здесь его постигло глубокое горе — один за другим ушли из жизни его жена, дочь и сын⁵.

На духовное поприще Косанович вернулся в 1862 г. В ноябре в Сараеве дабробосанский митрополит Игнатий рукоположил его в дьяконы, а годом позже в священники. 19 июня 1872 г. Савва постригся в монахи, а в день святого Илии митрополит Паисий произвел его в архимандриты.

В сербской историографии личность Саввы Косановича вызывает интерес главным образом в связи с его деятельностью конца 1870-х — 1880-х годов⁶. В этот период он прослыл ярким борцом за объединение сербского народа и противником австро-венгерской оккупации. С 1881 г. С. Косанович стал дабробосанским митрополитом. Всё это время он поддерживал связь с сербским митрополитом Михаилом, советовался с ним по важнейшим вопросам. В 1885 г. из-за конфликта с представителями римско-католической церкви Савва Косанович был отстранен от занимаемой должности. Последние годы жизни он провел в Черногории.

Хотя о Косановиче существует некоторая литература⁷, практически неисследованными остались его контакты с Россией в 1860—1870-е годы. В данной статье предпринята попытка ликвидировать это «белое пятно» в истории российско-югославянских связей. Для этого привлечены новые архивные материалы⁸.

В 1859 г. сараевская православная община получила разрешение от турецких властей на строительство православного собора в Сараеве. На тот момент в городе действовала всего одна церковь для православных прихожан, построенная в XVI в. Церковь была маленькая и не имела колокольни; находилась

она в окружении 104 мечетей. Но времена Танзимата⁹ позволили начать строительство большого храма с колокольной.

В начале 1860-х годов местная православная община, активным деятелем которой являлся Косанович, приступила к реализации проекта – в самом центре города, напротив здания консульства России, был выкуплен участок земли. Тогда же руководство общины обратилось в Петербург с просьбой оказать финансовую помощь в этом начинании. Российский консул в Сараеве Евграф Романович Шулепников (1858–1868 гг.) настоял на том, чтобы на будущей церкви обязательно были купола и колокола. План храма был утвержден султаном Абдул-Азизом (1861–1876 гг.)¹⁰.

К 1866 г. храм был уже доведен до куполов. Начиная с этого времени местная православная община неоднократно обращалась к российскому правительству с просьбой организовать поездку священника Саввы Косановича в Россию для сбора пожертвований на постройку собора¹¹.

В своих донесениях в Азиатский департамент МИД консул Шулепников так описывал Косановича: «Получив образование в белградской семинарии, [он] есть единственное духовное лицо в Боснии, имеющее некоторое значение, и со временем непременно приобретет большое влияние на весь боснийский православный народ; он одушевлен самыми теплыми патриотическими чувствами и сильной привязанностью к России, а потому я вполне одобрил выбор сараевской общины, которая, по моему предложению, решила употребить свои серьезные настояния перед митрополитом для произведения его в сан архимандрита»¹².

Организация поездки Косановича в Россию была сопряжена с рядом трудностей. Летом 1867 г. против Саввы развернул компанию тогдашний дабробосанский митрополит Игнатий (1861–1868 гг.). Он сообщил Константинопольскому патриарху, что Косанович активно участвует в подготовке восстания и попросил отправить его на Афон. Для сараевского архимандрита это было равносильно ссылке. Однако за Косановича вступился российский МИД, и по просьбе Шулепникова урегулированием этого вопроса занялся чрезвычайный и полномочный посол России в Османской империи граф Н.П. Игнатьев¹³.

Стоит отметить, что эти обвинения имели основание — Косанович действительно активно сотрудничал с тайным сербским комитетом по освобождению Боснии¹⁴.

Позже, в связи с предполагаемой поездкой С. Косановича в Россию, возникла еще одна проблема. Дело в том, что по соглашению между Св. Синодом и министерством иностранных дел России только три представителя заграничных православных церквей могли одновременно осуществлять сбор на территории империи. Подавшие заявку выстраивались в очередь и могли приехать в страну только после того, как ее покинут другие сборщики. На тот момент разрешение на поездку было уже у уроженки Боснии, начальницы и основательницы первой женской школы в Сараеве Стаки Скендеровой. Несколько раз община обращалась к российским властям с просьбой сделать исключение для Косановича, но безрезультатно¹⁵. Эта ситуация привела к ряду конфликтов между общиной и Скендеровой, которые безуспешно пытались разрешить российское консульство.

К концу 1860-х годов были завершены все пять куполов нового храма и на половину высоты возведена колокольня¹⁶. В 1868 г. генерал-губернатор Боснийского вилайета Топал Шериф Осман-паша (1861—1869 гг.) остановил строительство колокольни¹⁷. Он опасался недовольства со стороны сараевских мусульман, поскольку по плану архитектора православный собор должен был возвышаться над всеми минаретами города.

Всё же к 1870 г. строительство храма и 40-метровой колокольни с крестом было окончено. Петербургский купец Ефим Иванов отправил в Сараево своих мастеров для установки иконостаса и исполнения всех позолотных работ в соборе¹⁸. В Боснию из России прибыло пять человек. В Сергиевской пустыни под Петербургом планировалось изготовить 86 икон для храма¹⁹. К марту 1871 г. иконостас был готов. Благодаря стараниям архимандрита Сергиевской пустыни о. Игнатия православные жители Сараева получили 73 иконы, большую часть которых выполнил художник Александр Колчин²⁰.

Цена икон превышала 7000 руб., однако подрядчик согласился провести работы за половину стоимости²¹. Осенью 1871 г. русские мастера приступили к сооружению кафедры

проповедников. В конце 1871 г. российский консул в Сараеве Алексей Николаевич Кудрявцев (1868–1877 гг.) так отзывался об убранстве храма: «Весь иконостас, а равно престол и кафедра вызолочены червонным золотом. Между иконами, писанными крупными художниками, в особенности замечательны: св. Александр Невский, св. Савва и св. Арсений – сербские просветители, Воскресение Христово и Преображение»²². Этот иконостас и по сей день украшает собор в Сараеве.

К октябрю 1871 г. сараевская православная община потратила на строительство церкви огромную сумму – около 40 тыс. дукатов. Теперь уже поездка С. Косановича в Россию была крайне необходима для погашения долгов. «Отказ в оном произвел бы весьма невыгодное впечатление на наших единомыслителей и раздражил бы общину, взиравшую на поездку о. Косановича в Россию как на единственное средство для приобретения средств к уплате больших и совершенно несоразмерных с ее средствами долгов, вызванных расходами по постройке собора», – сообщал в российский МИД консул Кудрявцев²³.

Разрешение на поездку было получено от Св. Синода только в феврале 1872 г.²⁴ и утверждено Александром II в мае того же года²⁵. Целью поездки провозглашался сбор средств на открытие гимназии, нужды православных школ и покрытие долгов сараевской общины в связи с возведением храма.

Перед поездкой в Россию С. Косанович побывал также в Белграде, где состоялась его встреча с Никифором Дучичем²⁶, который снабдил сараевского архимандрита подробными инструкциями о том, что нужно делать и говорить о Сербии и Черногории (об этом Дучич пишет в своем письме к министру иностранных дел Сербии Йовану Ристичу²⁷). Связи Косановича с сербским правительством не подлежат сомнению. Так, сербский агент в Боснии Б. Петранович в своем письме от 10 декабря 1869 г. предлагал Й. Ристичу сделать Косановича постоянным агентом, сообщить ему тайный шифр и назначить ежемесячное денежное пособие²⁸. По-видимому, в Россию сараевский архимандрит ехал не только для сбора подаяний, но и в качестве сербского агента для установления связей с русскими государственными и общественными деятелями.

В сентябре 1872 г. российский консул в Сараеве Кудрявцев обратился с письмом к секретарю Московского славянского комитета Нилу Александровичу Попову (1833–1891), в котором рекомендовал ему архимандрита Савву Косановича и богатого сараевского купца Максима Деспича, поехавших в Россию для сбора пожертвований в пользу храма в Сараеве. Кудрявцев писал: «Помогите им словом и делом; облегчите их миссию и заставьте наших бедных единоверцев, через Ваши любовь и [...] покровительство еще более увериться в сочувствии и симпатии к ним русского народа»²⁹.

Судя по всему, Попов и Косанович к этому моменту уже состояли в дружеской переписке³⁰, и Н.А. Попов оказал ему большое содействие, помощь и поддержку. Сохранились письма архимандрита к Попову, по которым можно восстановить историю его пребывания в России. Из них следует, что Попов взял на себя хлопоты по сбору средств для Косановича, пересылке его корреспонденции и собранных вещей на родину, а также помог в разработке маршрута его поездки по русским городам. Для того, чтобы поддержать архимандрита, Попов опубликовал небольшое сочинение «Православие в Боснии и его борьба с католической пропагандой»³¹. Цель этого труда заключалась в привлечении внимания русской общественности к проблемам православного населения Боснийского вилайета.

Значительную помощь Косановичу оказал также русский общественный деятель и публицист, будущий попечитель Сербского подворья в Москве Николай Николаевич Дурново (?–1920)³². Граф Н.П. Игнатьев лично обратился с письмом к председателю С.-Петербургского отделения славянского комитета Ивану Петровичу Корнилову (1811–1901) с просьбой поддержать Косановича³³. Эту просьбу Корнилов выполнил – он помогал гостю из Сараева в Петербурге³⁴.

Чтобы обеспечить успех миссии Косановича в России, сараевская православная община доверила ему свою святыню – десницу первомученицы Феклы Иконийской (эти мощи до сих пор хранятся в Сараеве).

Следует отметить, что путешествие архимандрита не заладилось с самого начала. Как пишет Н.А. Попов, еще до отъезда

о. Саввы в Россию на страницах официозной белградской газеты «Единство» («Јединство») появилась статья, направленная против его миссии. Текст этого обличительного материала увидел свет и на страницах петербургской газеты «Голос»³⁵. Многие лица, участвующие в организации поездки, решили отказаться от этого предприятия. Вышеупомянутый торговец М. Деспич оставил Косановича по дороге. Это заметно пошатнуло не только репутацию архимандрита, но и подорвало его финансовое положение³⁶.

В Петербурге, куда о. Савва прибыл 16 сентября 1872 г., он встретил свою знакомую, английскую благотворительницу мисс Аделину Паулину Ирби³⁷, которая предложила ему услуги некоего влиятельного английского миссионера, но Косанович отказался от этой помощи. Он полагал, что подобными действиями Ирби добивается возврата расположения членов сараевской общины и восстановления репутации своей школы³⁸.

Сбор в Петербурге оказался скромным, и в феврале 1873 г. сараевский архимандрит отправился в Москву, где остановился в Сретенском монастыре. Помощником о. Саввы в Москве был назначен иеродиакон будущего Сербского подворья о. Феофил³⁹. В Москве Косановичу понравилось, он познакомился с И.С. Аксаковым, М.П. Погодиным, П.Н. Батюшковым, В.А. Черкасским, а также с ректором двух московских семинарий преосвященным Леонидом (в миру — Л.В. Краснопевковым)⁴⁰.

От Св. Синода Косанович получил разрешение лишь на годовое пребывание в России. Усилиями директора Азиатского департамента МИД П.Н. Стремоухова этот срок удалось продлить⁴¹, и весной—летом 1873 г. для сбора средств о. Савва совершил большую поездку по России, посетив Рязань, Моршанск, Козлов⁴², Тамбов, Саратов, Хвалынск, Казань, Вятку и Нижний Новгород⁴³.

Вначале, 15 апреля 1873 г., Косанович отправился в Рязань. Там он пробыл несколько дней, но сбор средств оказался не очень удачным. Из Рязани о. Савва поехал в Моршанск Тамбовской епархии, где его радушно принял и поместил в своем доме соборный протоиерей Лука Яковлевич Воскресенский. В воскресный день он совершил вместе с сараевским архимандритом

крестный ход вокруг собора и призвал свою паству оказать сильную помощь в пользу боснийской церкви. О. Савва пробыл в Моршанске шесть дней, откуда направился в Козлов⁴⁴.

Славянский комитет позаботился о том, чтобы о миссии Саввы Косановича и прибытии святыни сообщали епархиальные ведомости, но тем не менее казусов не удалось избежать. В городе Козлове Тамбовской губернии сараевский архимандрит столкнулся с чрезмерной подозрительностью и рвением городских властей. Местный протоиерей Петр и полицмейстер В.И. Майсов не поверили в благонамеренность миссии Косановича, и он был задержан. До тех пор, пока не пришли документы из Св. Синода, подтверждающие его право на сбор подаваний, архимандрит не мог продолжить своего путешествия⁴⁵. Правда, в этой ситуации неправ оказался Косанович, так как у него не было официального разрешения возить с собой мощи, которые должны были храниться в одной из церквей Петербурга. Однако после инцидента в Козлове разрешение было получено⁴⁶. Приняв официальные извинения от протоиерея и полицмейстера, о. Савва отправился в Тамбов, но не задержался в этом городе, так как там в то же время находился с афонской святыней архимандрит Гефсиманского монастыря Лука Агиографов⁴⁷.

Летом 1873 г. Косанович добрался до Саратова. Здесь гостю из Сараева был оказан дружественный прием. Местный епископ Иоанникий тепло приветствовал архимандрита и поместил его в обители Спасо-Преображенского монастыря. В отчете Московского славянского комитета о поездке о. Саввы говорится о том, что в Саратове более тысячи человек пришли поклониться мощам св. Феклы. Там же якобы произошло несколько чудес. Так, на Волге было устроено освящение воды по случаю засухи, после чего пошел дождь. Затем о. Савву пригласили совершить молебен в женском монастыре. Игуменья монастыря матушка Олимпиада была серьезно больна, а после богослужения начала поправляться и к моменту отъезда Косановича из Саратова выздоровела. В благодарность за исцеление игуменья монахини пожертвовали сараевской церкви ризу, украшенную жемчугом и драгоценными камнями⁴⁸.

В сентябрьском отчете Московского славянского комитета говорилось и о других чудесах: «Перед мощами жертвомученицы служили молебны даже раскольники и старообрядцы, из коих некоторые здесь же возвращались в православие»⁴⁹.

В Саратове Косанович пробыл около месяца, а затем отправился в Хвалынский на открытие отделения Саратовского братства Святого Креста для противодействия расколу. Тысячи людей вышли провожать о. Савву. Сбор был очень удачным — около 1000 руб. серебром.

После трехдневного пребывания в Хвалынске Савва Косанович поехал в Казань⁵⁰. Местный архиепископ Антоний оказал ему радушный прием, разместил в кельях архимандрита Спасо-Преображенского монастыря. По случаю приезда о. Саввы казанский епископ Викториан посвятил воскресную проповедь мученице Фекле и призвал паству помочь сараевскому архимандриту в его священной миссии. Сбор в Казани составил около 500 руб. серебром; помимо этого было подарено много церковной утвари, митра, архимандричий крест и мантия. Савве посоветовали поехать в Вятскую епархию, но по неизвестным причинам там его отказались принять и попросили покинуть губернию.

После Вятки архимандрит посетил Нижний Новгород, где он был принят хорошо, тем более, что новым епископом епархии являлся старый знакомый Косановича, преосвященный Иоанникий из Саратова. Из Нижнего Новгорода архимандрит вернулся в Москву⁵¹.

В провинции о. Савве удалось собрать гораздо больше вещей и денег, нежели в Москве и Петербурге. Пересылкой и хранением пожертвований занимались Св. Синод, Азиатский департамент МИД и Славянский комитет. В письмах на родину Косанович подробно отчитывался о своей деятельности перед сараевской православной общиной. «Полагаемся на Вашу совесть. Работайте так, как Вас Бог учит», — отвечали архимандриту из Сараева⁵². Косанович несколько раз просил прислать ему помощника, но у общины не было на это финансовых средств⁵³.

В конце сентября 1873 г. Косанович вновь посетил Петербург и, уладив там все дела, вернулся в Москву. Здесь его

ждали новые неприятности: у архимандрита случился конфликт с настоятелем Сретенского монастыря о. Виктором. Дело в том, что в конце октября Косанович отправил московскому митрополиту жалобу на настоятеля, сообщая об интригах, которые тот плетет против своих иеромонахов⁵⁴. Спустя некоторое время Н.А. Попов получил от сараевского архимандрита письмо (на русском языке), в котором тот рассказывал о неприятностях, учиненных ему местной братией. О. Савве был нанесен ряд оскорблений, в результате чего на следующий день он покинул монастырь и поселился в гостинице. «Милостивый государь! Неужели для этого меня народ послал в Россию, чтоб братья меня притесняли и оскорбляли и действиями своими вызывали к иступлению? Не знаю, что имеет архимандрит Виктор против меня и почему такие незаконные действия в вверенном ему монастыре он допускает? Неужели, таким образом, делается гостеприимство полномочному одному народу, которому так сильно симпатизирует Россия [...]. Что скажут сербы на родине, когда узнают о подобных действиях, и какое будут иметь мнение о русском монашестве! Милостивый государь! Конечно, что отец Виктор, после выселения моего из монастыря, постарается всеми силами очернить меня [...], но я уверен как в справедливости, так и в том, что Славянский комитет не только что не поверит этим клеветам, но сделает надлежащие шаги у предположенных лиц духовной власти, чтоб отцу архимандриту Виктору сделано было внушение, которым бы в будущее не только я, но и каждый из моих сородичей избавлен был от подобных неприятностей!» — так Косанович описывал Н.А. Попову приключившуюся с ним историю⁵⁵. После этого архимандрит тяжело заболел. В письмах о. Савва часто говорил о своей боязни возвращаться на родину, а также намекал Попову на то, что хорошо было бы ему получить русский паспорт и протекцию — в этом случае он бы спокойно вернулся домой и стал постоянным корреспондентом Славянского комитета⁵⁶.

В это время скончался дабробосанский митрополит Паисий. Сараевская и другие боснийские православные общины намеревались развернуть кампанию в поддержку Косановича

как будущего митрополита, но он, ссылаясь на плохое здоровье, попросил освободить его от этого.

В конце 1873 г. Савва Косанович начал еще одно путешествие по России. На этот раз путь его лежал в Саратов, Тамбов, Елец и Орел⁵⁷. Перед поездкой Н.Н. Дурново помог Косановичу отпечатать Жития св. Феклы⁵⁸. Судя по теплым письмам от саратовского протоиерея Груздева, в этом волжском городе сараевскому архимандриту вновь был оказан радушный прием⁵⁹. Однако о. Савва там заболел, и сбор оказался не очень удачным. В Тамбове ему ничего не удалось собрать. В Ельце он был принят хорошо⁶⁰. Жития св. Феклы Косанович продавал по 5 коп., но они не раскупались⁶¹. Продолжала поступать помощь из Казани от частных благотворителей⁶².

Помимо сбора подаваний для православной сараевской общины, Косанович пытался решить и другие проблемы своих сограждан. Так, из «Мемуаров протопопа Недельки»⁶³, анонимного сочинения Саввы, и переписки его с Дурново⁶⁴ известно о его визите к Н.П. Игнатьеву. Он посетил русского генерала в его петербургской квартире и просил оказать содействие в деле освобождения десяти сараевских торговцев и троих герцеговинцев (Серафима и Йово Перовичей и Леонтия Радуловича), арестованных турецкими властями. Позже Игнатьеву действительно удалось добиться от Порты амнистии для некоторых из них.

Савва Косанович состоял также в переписке с графиней Антониной Дмитриевной Блудовой (1813–1891). Во время своего пребывания в России в декабре 1872 г. он сообщил ей о покупке австро-венгерским генеральным консулом Тодоровичем большого участка земли в центре Сараева для строительства католического храма и высшей католической школы. Это предприятие он считал очень опасным и писал, что оно «будет не только пропагандировать в пользу Ватикана, но и подготовит, проложит путь к австро-венгерскому владычеству в Боснии»⁶⁵. Развивая тему опасности католической пропаганды, Косанович сообщил Блудовой также об открытии французами подобных школ в Мостаре и сетовал на то, что ни в одном учебном заведении России нет ни одного его соотечественника.

В марте 1874 г. Косанович отправился на родину. Он еще мог оставаться некоторое время в России, но его преследовали болезни. Азиатский департамент и Св. Синод предлагали назначить другую кандидатуру для сбора пожертвований, но, по свидетельству архимандрита, оказалось, что вещей и денежных средств, привезенных им, было достаточно⁶⁶. В адрес Н.А. Попова, Славянского комитета, Св. Синода и российского МИД были отправлены многочисленные благодарности от представителей сараевской православной общины⁶⁷.

По сообщению консула А.Н. Кудрявцева, в России сараевскому архимандриту удалось собрать около 4500 руб. и 10 ящиков с одеждой, утварью и книгами⁶⁸. По другим данным, сумма собранных средств превышала 9000 руб. (в частности, было получено 3000 руб. от неизвестного благодетеля⁶⁹).

Помимо благоустройства храма, на собранные в России средства было куплено два дома рядом с собором, в одном из которых разместилось женское училище⁷⁰.

В своем письме к председателю С.-Петербургского отделения Славянского комитета И.П. Корнилову архимандрит Савва сообщал: «Мои соотечественники встретили меня радостно с братскими лептами и пожертвованиями, мной собранными в пользу нового собора, имею честь известить ваше превосходительство, что общество сараевское с одним письмом выразило свою глубочайшую признательность российскому народу чрез имп[ераторское] российское консульство на оказанной любви и благодеянии»⁷¹. У Косановича остались самые положительные впечатления о поездке. Особенно поразил его визит в Казань, где он увидел разницу во взаимоотношениях мусульман и христиан в Российской и Османской империях. По словам А.Н. Кудрявцева, рассказы об этом дивном городе быстро распространились по сараевским домам⁷². О мирном соседстве великолепных мечетей и православных храмов в России, равноправии русских и татар писал Косанович и Попову, сетуя на то, что несчастные жители Боснии даже церкви построить не могут⁷³.

После 1874 г. Косанович в Россию больше не приезжал, но долгое время оставался корреспондентом Славянского комите-

та и вел многолетнюю переписку с русскими общественными деятелями и учеными.

Соборная церковь Рождества Пресвятой Богородицы, строительство которой завершилось благодаря собранным в России средствам, до Первой мировой войны являлась резиденцией дабробосанских митрополитов. Она и по сей день украшает Сараево.

Примечания

- ¹ Мать-Россия (сербск.).
- ² Территория племени Банян.
- ³ *Максимовић В.* Митрополит Сава Косановић 1839–1903. Сарајево, 2003. С. 11.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Хаџи – Сава Косановић // *Богословски гласник*. 1903. Књ. III. Св. 1. С. 161–162.
- ⁶ См.: *Максимовић В.* Указ. соч.
- ⁷ *Максимовић В.* Указ. соч.; Митрополит Сава Косановић // Босанска вила. Сарајево. 16 децембра 1885. № 1. С. 4–6; Хаџи-Сава Косановић // *Богословски гласник*. 1903. Књ. III. Св. 1. С. 161–162; Хаџи-Сава Косановић // Босанска вила. Сарајево. 15 фебруара 1903. № 3. С. 1.
- ⁸ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ), Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб) (Копии архивных материалов АВПРИ и ЦГИА СПб. были получены в архиве Отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН), Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ), Российский государственный исторический архив (далее – РГИА), Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ), Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА), Архив српске академије наука и уметности (далее – АСАНУ).
- ⁹ Танзимат – период модернизационных реформ в Османской империи 1839–1876 гг.
- ¹⁰ АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2330. Л. 32–33.
- ¹¹ АВПРИ. Ф. 146. Славянский стол. 1865–1875. Д. 3968. Л. 6–6 об.; Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1864–1875. Документы. М., 1988. С. 75.
- ¹² АВПРИ. Ф. 146. Славянский стол. 1865–1875. Д. 3968. Л. 6–6 об.
- ¹³ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 91.
- ¹⁴ Ключевой фигурой комитета являлся государственный деятель княжества Сербия – Йован Ристич (1831–1899). Помощь в решении боснийской проблемы ему оказывали: Никола Йованович (Н. Окан), Никифор Дучич и Боголюб Петранович. Княжество Сербия вкладывало средства в организацию тайной агентурной сети и подготовку чет в Боснийском вилайете. См.: АСАНУ. Ф. Јован Ристић. XII/3. 12/28.
- ¹⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 37. II отд. 3 ст. Ед. хр. 3. Л. 4–5, 7–7 об.
- ¹⁶ АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2330. Л. 88–88 об.
- ¹⁷ Там же. Л. 32–33 об.
- ¹⁸ АВПРИ. Ф. 161. Главный архив. Д. 48. Л. 51 об.

- 19 АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2332. Л. 130–131.
- 20 АВПРИ. Ф. 161. Главный архив. Д. 48. Л. 51 об.
- 21 АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2333. Л. 43–44 об.
- 22 Там же. Л. 118 об.
- 23 РГИА. Ф. 797. Оп. 37. II отд. 3 ст. Ед. хр. 31. Л. 13–14.
- 24 Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 277.
- 25 РГИА. Ф. 797. Оп. 37. II отд. 3 ст. Ед. хр. 31. Л. 28–28 об.
- 26 Никифор Дучич (1832–1900) – архимандрит, настоятель монастыря Дужи, активный участник борьбы против власти Османской империи в Боснии и Герцеговине.
- 27 АСАНУ. Ф. Јован Ристић. XXVI/7. 463.
- 28 АСАНУ. Ф. Јован Ристић. XVII/1. 17/6.
- 29 ОР РГБ. Ф. 239. Картон 11. Ед. хр. 43. Л. 1–1 об.
- 30 Об этом свидетельствует письмо С. Косановича к Н.А. Попову от 12 октября 1870 г. с просьбой помочь с переводом письма к российскому консулу в Мостаре Н.А. Илларионову на русский язык. См.: ОР РГБ. Ф. 239. Картон 11. Ед. хр. 11. Л. 1.
- 31 *Попов Н.А.* Православие в Боснии и Герцеговине и его борьба с католической пропагандой и протестантскими миссионерами. М., 1873.
- 32 *Данченко С.И.* Материалы архива Н.Н. Дурново по истории российско-сербских связей в XIX в. Публикация // Славяне и Россия: к 110-летию со дня рождения С.А. Никитина: Сборник статей. М., 2013. С. 767–781.
- 33 ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–1 об.
- 34 ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 8. Л. 54–55 об.
- 35 См.: *Попов Н.А.* Указ. соч.
- 36 Там же.
- 37 Аделина Паулина Ирби (1831–1911) – английская путешественница, писательница, суфражистка. В 1862–1863 гг. вместе с Джорджиной Муир Маккензи осуществила путешествие по балканским землям. В результате на свет появилась книга: *Mackenzie G.M., Irby A.P.* Travels in the Slavonic Provinces of Turkey-in-Europe. London, 1867. После поездки решила основать женскую школу в Сараеве. Найти средства на воплощение этого плана ей удалось только у протестантской организации общества диаконис. Это вызвало сопротивление со стороны представителей сараевской православной общины. Мисс Ирби обвиняли в пропаганде протестантизма. Во время Герцеговинского восстания 1875–1877 гг. она организовала лагерь для беженцев.
- 38 См.: *Мельчакова К.В.* К вопросу о роли России в деле просвещения женского населения Боснии в XIX в. Сараевская школа для девочек Стаки Скендеровой // Славяне и Россия: Славяне и Россия в системе международных отношений. М., 2017. С. 130–152.
- 39 *Данченко С.И.* Указ. соч. С. 770.
- 40 Там же. С. 767–768.
- 41 РГИА. Ф. 797. Оп. 37. II отд. 3 ст. Ед. хр. 31. Л. 57–58, 68–69 об.
- 42 Современный город Мичуринск.
- 43 ОР РГБ. Ф. 239. Картон 11. Ед. хр. 11. Л. 3–45 об.
- 44 ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Ед. хр. 58. Л. 119.
- 45 ОР РГБ. Ф. 239. Картон 11. Ед. хр. 11. Л. 23–24 об.
- 46 РГИА. Ф. 797. Оп. 37. II отд. 3 ст. Ед. хр. 31. Л. 61–67.
- 47 ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Ед. хр. 58. Л. 119 об.

- 48 Там же. Л. 119 об.–120 об.
49 Там же. Л. 120–120 об.
50 Там же. Л. 121–121 об.
51 Там же. Л. 121–123.
52 ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 15–15 об.
53 *Данченко С.И.* Указ. соч. С. 796.
54 ОР РГБ. Ф. 239. Картон 11. Ед. хр. 12. Л. 31.
55 Там же. Л. 43–44.
56 Там же. Л. 42.
57 Там же. Л. 1–8.
58 *Данченко С.И.* Указ. соч. С. 770.
59 ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 26–27.
60 *Данченко С.И.* Указ. соч. С. 771.
61 Там же.
62 Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение. 1875–1878 гг.: Сборник документов и материалов. Самара, 2009. С. 17.
63 Из мемуара протопоп Неделька. б. д. С. 42.
64 *Данченко С.И.* Указ. соч. С. 769–770.
65 РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Ед. хр. 2064. Л. 1 об.
66 ОР РГБ. Ф. 239. Картон 11. Ед. хр. 13. Л. 11 об.
67 См.: ГА РФ. Ф. 1750; ОР РГБ. Ф. 239; ЦГИА СПб. Ф. 400.
68 Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 363.
69 *Данченко С.И.* Указ. соч. С. 770.
70 ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 8. Л. 69–70.
71 Там же.
72 Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 363.
73 ОР РГБ. Ф. 239. Картон 11. Ед. хр. 11. Л. 29 об..

Болгары в восприятии гвардейских офицеров, участников русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг., бесспорно, является важнейшим событием XIX века, определившим цивилизационную судьбу народов Балканского полуострова. Но она к тому же представляет собой довольно уникальное явление в российской историографии с точки зрения обеспеченности опубликованными документальными источниками. Созданная в 1879 г. Военно-историческая комиссия за 32 года своей работы издала колоссальный корпус ценных архивных документов: «Сборник материалов по русско-турецкой войне на Балканском полуострове в 1877–1878 гг.» в 97 выпусках (112 книгах), «Описание русско-турецкой войны на Балканском полуострове» в 9 томах (16 книгах), «Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове» в 6 томах. Не был обойден вниманием и Кавказский театр военных действий, но нас интересует Европейская Турция. Публикаторская деятельность была продолжена и в Советском Союзе [например, вышел трехтомник «Освобождение Болгарии от турецкого ига» (М., 1961–1967)], но она далеко уступала по своим масштабам предыдущему периоду.

Внушительны также и корпус опубликованных до 1917 г. воспоминаний, дневников, записок участников этой войны — более 300 авторов, согласно фундаментальному справочнику «История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах» (под редакцией П.А. Зайончковского). Для сравнения, этот же указатель содержит менее 40 имен участников русско-турецкой войны 1828–1829 гг., чьи мемуары появились на страницах дореволюционных журналов.

Следует подчеркнуть, что русско-турецкая война 1877–1878 гг. никогда не исчезала из исследовательского поля ученых: ей посвящена весьма обширная литература. Без сомнения, каждая эпоха накладывала свой отпечаток на работу историков. Так, после Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., в условиях существовавшей системы Организации Варшавского договора, труды советских и болгарских ученых были нацелены на акцентирование позитива в русско-болгарских отношениях — на создание «летописи дружбы» и, в частности, на изучение сложившегося во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. русско-болгарского боевого содружества.

Геополитические перемены конца XX в. и отход от сдерживавшего формата марксистской методологии позволили историкам по-новому взглянуть на многие события прошлого, значительно расширив горизонты своих изысканий. Впрочем, обретенная свобода в исследованиях, которая, казалось бы, должна была способствовать большей объективности, нередко из-за конъюнктурных соображений приводила к измышлениям и нарочитым искажениям прошлого, провоцируя крен в другую сторону. Приблизиться к исторической истине и избежать односторонности и субъективности суждений отдельных людей по такой деликатной теме как взаимоотношения русских и болгар во время войны позволит, на наш взгляд, привлечение не единичных мемуаров ее участников, а целый массив этого вида источников, что придаст реальную многоцветность палитре впечатлений и представлений о болгарском народе, которые возникали при личном опыте общения.

Для данной статьи предпочтение было отдано многочисленным (около 40) воспоминаниям офицеров гвардии, поскольку это были высокообразованные, часто литературно одаренные люди, составлявшие элиту не только русской армии, но и русского общества. Они во время войны находились в гуще событий, немало видели, пережили и смогли передать это в своих произведениях.

Гвардию берегли, поэтому ее не коснулась мобилизация при объявлении войны Турции 12 (24) апреля 1877 г. Тогда были призваны только отдельные чины в конвойную роту императора

Александра II¹. Однако две неудачи русской армии под Плевной (Плевен) [8 (20) и 18 (30) июля 1877 г.] заставили военное командование перейти к обороне на всех фронтах и мобилизовать гвардейский корпус (кроме кирасиров), 1-ю гренадерскую (для Кавказского театра), 24-ю и 26-ю пехотную дивизии, а несколько позже — 2-ю и 3-ю гренадерские и 1-ю кавалерийскую дивизии, что вместе составило до 90 000–100 000 человек свежих войск².

Телеграмма главнокомандующего великого князя Николая Николаевича от 22 июля 1877 г. о мобилизации гвардии «была встречена с восторгом»³, и в тот же день части войск, находившиеся в лагере в Красном селе, «летней воинской столице Российской империи», начали возвращаться в Петербург для приготовления к походу. В пределы Болгарии подразделения гвардии начали входить в сентябре (Стрелковая бригада, шедшая в голове пехоты гвардейского корпуса, перешла через Дунай 3 (15) сентября, л.-гв. Саперный батальон — 12 (24) сентября, л.-гв. Семеновский полк — 17 (29) сентября и т.д.). В полном составе (59 790 чел.)⁴ гвардейский корпус собрался только к 11 (23) октября 1877 г. и был направлен к Плевне, которую решили блокировать.

Выполнение плана по организации блокады крепости поручили генерал-адъютанту И.В. Гурко, назначенному командующим войсками гвардии и кавалерии. Гвардия перекрыла Софийскую дорогу, в сражениях под Горным Дубняком [12 (24) октября] и Телишем [12 (24) и 16 (28) октября] разбила турок и замкнула кольцо вокруг крепости. 3-й гвардейской пехотной дивизии, л.-гв. Уланскому полку и шести батареям под общим командованием генерала В.В. Каталя досталось оборонять пятый участок на линии обложения Плевны, который считался одним из самых опасных с точки зрения вероятной атаки турецких войск мушира (маршала) Османа-паши, умело оборонявшего крепость. Прибывший гренадерский корпус позволил отряду Гурко, не дожидаясь падения Плевны, выдвинуться 10 (22) ноября против Орхание, чтобы не позволить Шефкету-паше, вскоре смененному Сулейманом-пашой, прийти на помощь Плевне. С боями были заняты Правец, Орхание,

Этрополь, Златицкий перевал. Однако у Араб-Конакского перевала, через который шла дорога на Софию, на заранее хорошо укрепленных позициях, 43 табора Мехмеда-Али-паши остановили наступление русских войск и заставили их перейти к обороне: с 23 ноября (5 декабря) началось сооружение укреплений и оборудование позиций в горах, ставших плацдармом для перехода в дальнейшее наступление.

После падения Плевны 28 ноября (10 декабря) 3-я гвардейская пехотная дивизия была двинута для усиления отряда Гурко, авангард которого 13 (25) декабря в страшную стужу, гололедицу и сильную метель начал переход через Балканы. Труднодоступные зимой горы были преодолены за шесть суток вместо запланированных двух, войска спустились в Софийскую долину и 23 декабря 1877 г. (4 января 1878 г.) вошли в Софию. После кратковременного отдыха Западный отряд Гурко форсированным маршем устремился на Филиппополь (Пловдив), разбив в трехдневном сражении войска Сулеймана-паши, вошел в город и, не задерживаясь, направился на Адрианополь, куда главные силы авангарда вступили с развернутыми знаменами 10 (22) января 1878 г. В стремительном движении русские войска дошли до пригорода Константинополя Сан-Стефано, расположившись затем в его окрестностях. После подписания Берлинского договора 1 (13) июля 1878 г. гвардия стала покидать Балканы, на кораблях переправляясь в Россию. Такова краткая летопись войны, относящаяся к гвардии русской армии.

А теперь обратимся к анализу послевоенного уникального «творчества» ее участников. Прежде всего необходимо отметить, что воспоминания, записки и дневники гвардейских офицеров посвящены преимущественно описанию сражений, перипетий войны, походного быта и тяжелых испытаний, выпавших на их долю; информация о болгарях и взаимоотношениях с ними в этих источниках также имеет место, но ее гораздо меньше.

Офицеры гвардии, воодушевленные желанием сразиться с турками за свободу христиан, как следует из их воспоминаний, неожиданно для себя встретили в Придунайской Болгарии сдержанный, даже негостеприимный прием со стороны болгарского населения. Вначале это выразилось в том, что болгары

не пускали их в свои дома — «кишты», куда из любопытства и познавательного интереса русским просто хотелось заглянуть, чтобы посмотреть на «житье-бытье братушек», поскольку в середине сентября войска еще не нуждались в теплом жилье⁵. Затем нерадушие местного населения превратилось в весьма серьезную проблему для офицеров и солдат в связи с постоянными затруднениями в обеспечении войск продовольствием. Интендантская служба работала очень плохо, а обозы, на которых находились все вещи офицеров, включая палатки и продукты, отставали, надолго застревали в пути из-за бездорожья, не приходили к вечеру на бивуак, поэтому положение офицеров на стоянках подчас оказывалось совершенно плачевным. Уже потом, набравшись опыта, офицеры самовольно завели выючных лошадей для перевозки нужных им вещей. Поручик А.Ф. Редигер, будущий военный министр Российской империи (1905–1909 гг.), оказавшись в подобной ситуации, вместе с братом отправился на поиски еды в соседнюю большую деревню, но получил отказ со словами, что турки всё забрали. Они присели у соседнего дома. Неожиданно из первой избы вышла старуха и принесла им «кринку молока и хлеб». Молодые офицеры дали ей серебряный рубль, и им вынесли еще порцию⁶. Однако редко кому так везло.

Подпоручик л.-гв. Саперного батальона М.Н. Соколович вспоминал: «Куры, яйца, масло, молоко и даже хлеб — всё это было для нас недоступно, болгары не хотели ни за что продавать. Станешь уговаривать, упрашивать, — они отделяются либо непониманием русского языка, либо обычным ответом: “Нима ништо, нима кон, нима бюйвол, нима краве, нима каруца⁷. Турка сичко порезал, побирал и на Плевен побегал”. Случалось слышать и такие ответы: “Нима ништо, турка сичко побрал, гайда на Плевен, тамо и земеш!”⁸».

Разумеется, позиция жителей Придунайской Болгарии на тот момент (сентябрь — начало октября 1877 г.) вполне объяснима. После радостной встречи передовых частей русской армии в июне мимо их поселений по направлению к Плевне прошли 84,1 тыс. человек при 424 орудиях (из них русских — 52,1 тыс. и румын — 32 тыс.)⁹. Чувство самосохранения, забота о

семье и обеспокоенность за будущий урожай заставляли болгар скрывать свой достаток, чтобы не остаться на зиму без продовольствия. Начальник штаба 3-й гвардейской пехотной дивизии К.Г. Энкель, впоследствии генерал от инфантерии, также считал, что болгары боялись обнаружить перед русскими свое имущество. Часто случалось, вспоминал он, что после традиционного ответа «нема, братушка» неожиданно наталкивались «на разные запасы масла, яиц, стада баранов или запертых в какой-нибудь сарай ослов и т.п., очевидно запрятанных на случай нашего прихода»¹⁰.

Неудачи под Плевной усилили неуверенность болгар в победе русских, а также обострили их память, поскольку независимо от результатов предыдущих русско-турецких войн турки всегда возвращались. И эти обстоятельства заметно отражались на их отношении к русским. Так, до падения Плевны очень многие болгары из-за опасений неминуемой мести турок были скупы даже на оказание помощи раненым офицерам и солдатам, размещенным в их домах. По воспоминаниям С.П. Полушкина, офицера л.-гв. Казачьего полка, болгарин, хозяин дома, не только не давал дров для обогрева помещения, отказывался принести воды из колодца, заявляя, что он не водовоз, но и грубо стал «шнырять взад и вперед, бесцеремонно толкая носилки с ранеными. Поднялись стоны, проклятия и крики. Раненый офицер поднялся с носилок и, собравшись с силами, ударил болгарина», и тот выбежал из дома. Вслед за ним вышел и офицер на свежий воздух и вдруг услышал, что выстрелы у Плевны стихли. Возвратившись через некоторое время в дом, он с изумлением увидел, «что посреди каморки дружно пылал костер, а болгарин вместе с женой и двумя дочерьми ухаживает за ранеными, то и дело потчует их холодной водой. На вопрос офицера, что всё это значит, болгарин засмеялся и спокойно отвечал — Осман сдался»¹¹. Однако эту разительную перемену в настроениях жителей Придунайской Болгарии гвардии уже не пришлось увидеть, поскольку в эти края она больше не вернулась.

Вокруг Плевны все деревни были покинуты, и большая плевненская дорога, соединявшая 100-тысячную армию с Главной квартирой, находившейся на тот момент в Горном Студене,

и всем тылом, «поражала своей пустынной». «Одни глубокие колеи в высохшей грязи свидетельствовали, что тут происходило какое-то усиленное движение. По сторонам кроме незасеянных полей, пустых сел ничего не было видно. Скот и тот не оживлял брошенные поля. Изредка проходил какой-нибудь братушка с посохом в руках и только... Одним словом, было ясно, что всё местное* давно уже потреблено проходившими массами войск. Скучная однообразная дорога казалась бесконечной и как бы ведущей на что-то тяжелое, грустное»¹², — свидетельствовал офицер-артиллерист, подписавший свои воспоминания инициалами «М. Ч.».

Перебои с подвозом продовольствия и фуража войскам, сосредоточенным в окрестностях Плевны, заставили командование организовывать фуражировки, отведя для каждой части особые районы. Выработаны были и правила: «1. Брать только то, что необходимо для войск, оставляя жителям как болгарам, так и туркам всё то, что им нужно для собственного прокормления и поддержания своего хозяйства. 2. Все взятые продукты должны быть тут же на месте уплачиваемы звонкою монетой. 3. В селениях, покинутых жителями, фураж в необходимом для войск количестве может быть взят бесплатно, но только по наведению тщательной справки, что хозяин действительно отсутствует. 4. Всякий где бы то ни было излишне взятый или неоплаченный фураж считать за хищничество, вредное в интересах самих войск и в конце концов разоряющее край. Фуражировки производит команда обязательно под командованием офицера»¹³.

Н.П. Михневич, обер-офицер л.-гв. Семеновского полка, впоследствии генерал от инфантерии, начальник Академии Генерального штаба, подчеркивал, что генерал-майор принц А.П. Ольденбургский, командир 1-й бригады 1-й гвардейской дивизии, состоявшей из Преображенского и Семеновского полков, так называемой «Петровской бригады», «самым энергичным образом принялся за сбор съестных припасов на месте», чтобы «не поморить людей». Михневич описал, как производи-

* Местное — имеются в виду запасы продовольствия и фуража, которые находились в данной местности и были заготовлены болгарским и турецким населением.

лась реквизиция, поскольку сам участвовал в таковой 3 (15) октября 1877 г. в очень богатой болгарской деревне Беглиж. «Ротный командир, приходя в деревню с переводчиком, обращался к чорбаджию* с требованием известного количества хлеба и скота. Чорбаджий отдавал приказание, сколько хлебов должна испечь каждая хозяйка дома, в каждый дом ставился солдат для наблюдения, чтобы выпеченный хлеб не продавали, и по выпечке сдавал приемщикам. Скот собирался на полях и стогнялся в деревню. Всё это к вечеру доставлялось к ставке принца. Он собственноручно метил каждую голову и употреблял все усилия, чтобы разделить продукты уравниательно. Конечно, за всё платилось болгарам полностью. Только благодаря подобному порядку все, хотя мало, но кое-что имели съестного, и мародерство могло быть преследуемо вполне, потому что солдат начинает выказывать склонность к мародерству тогда, когда его не кормят»¹⁴. Н.А. Епанчин, прапорщик л.-гв. Преображенского полка, в будущем генерал от инфантерии, военный историк, в свою очередь свидетельствовал, что «принц А.П. Ольденбургский в течение всего похода вел себя по-спартански», «не имел повара и прочих удобств жизни, питался при одном из полков его бригады наравне с офицерами»¹⁵.

В очень большом и богатом селении Ведрар фуражировку производил капитан л.-гв. Московского полка А.П. Паскин, впоследствии генерал-майор. На телеги погрузили турецкое сено, а за болгарский ячмень жители просили «разрешение взять такое же количество пшеницы из складов турецкой десятины**, ими же заготовленной из последнего сбора ее». Разрешение было получено, и болгары остались вполне довольны. Затем Паскин купил для своей артели*** гусей, индейку, поросенка и мясо буйвола. Поскольку офицер расплачивался русскими серебряными рублями, то сразу оказалось так много желающих

* Чорбаджий – богатый болгарин (крестьянин или торговец), который нередко исполнял должность старосты или старшины в селении.

** Турецкая десятина – натуральная десятина с урожая (эшур), один из налогов в Османской империи, который предписывался шариатом и взимался со всех крестьян независимо от религиозной принадлежности.

*** Артель – офицерские артели были распространенным явлением в русской армии и гвардии, создавались с целью решения хозяйственных вопросов, в данном случае, обеспечения продовольствием и приготовления пищи.

продавать, что им пришлось отказывать. Но на следующее утро более храбрые из ведрарских жителей уже торговали на бивуаке л.-гв. Московского полка¹⁶.

Офицер л.-гв. Измайловского полка Н.А. Зноско-Боровский, чей полк стоял в том же районе — возле деревень Ведрар и Своды, следующим образом описывал торг с болгарами, происходивший на позициях измайловцев. Как только со стороны деревни Колукрово появлялись то поодиночке, то партиями болгары с огромными мешками на спинах, ротные командиры сейчас же высылали к ним унтер-офицеров для закупки хлеба. «Болгарин обыкновенно, увидев подходящих солдат, оставался в нерешительности, но когда солдаты показывали ему на стоящего наверху офицера, то он сейчас же принимал спокойный вид и шагал по направлению капитана¹⁷, зная, что при нем его не обидят». Зноско-Боровский особо отмечал то, что болгары верили в русских офицеров безусловно и только им позволяли бесконтрольно рыться в своих мешках. «Обыкновенно, — вспоминал офицер-измайловец, — болгарин или стоит, понуря голову, или присядет на корточки и на каждый непонятный вопрос произносит стереотипную фразу: “добре, братушко”»¹⁸.

Обер-офицер л.-гв. Павловского полка Н.Н. Путилов, впоследствии генерал-майор, рассказывал о том, что в долине реки Големый Искр паслись большие стада всякого скота без присмотра, их даже не брали болгары, как полагал Путилов, либо из боязни, что возвратятся турки, либо из-за невозможности их куда-нибудь спрятать. Впрочем, только первое время они предлагали русским свои услуги — поймать на той стороне реки скот и пригнать его к бивуаку на эту сторону. Через некоторое время они стали «опытнее» и начали заявлять претензии на этот скот. Командование приняло их сторону и строго запретило брать скот не только даром, но даже и за деньги, а в случае нужды обращаться к коменданту села, у которого по назначенным ценам можно было приобрести всякого рода живность¹⁹.

Русские офицеры констатировали, что цены у болгар были высокие, но войсковые интенданты «брали гораздо дороже, доставляя (продукты. — М. Ф.) только при удобных для себя

обстоятельствах и то совершенно игнорируя части, стоявшие на передовых позициях». Хозяйственная часть л.-гв. Московского полка закупала у болгар скот не торгуясь, отчего болгары «его пригоняли в излишестве». В тех же полках, где пытались экономить, «не всегда находили продавцов и не имели необходимого для людей мяса»²⁰.

Война неизбежно приносит мирным жителям и такое зло как мародерство. Гвардия являлась отборным и самым дисциплинированным войском русской армии. Гвардейские офицеры чрезвычайно шепетильно и строго относились ко всем случаям мародерства, оперативно реагируя на жалобы болгар. Меры его предупреждения и пресечения были самые разнообразные, начиная с того, что «солдат одних в город не пускали»²¹. Генерал-адъютант И.В. Гурко, заметив, что «нестроевые чины, особенно денщики, более других склонны мародерству, пьянству и буянству, разрешил своей властью командирам частей подвергать их телесному наказанию, что сразу прекратило кой-какие шалости»²², — вспоминал В.Ф. Ореус, офицер, прикомандированный к л.-гв. Уланскому полку.

Позволим себе привести здесь два примера того, как удавалось удерживать солдат от мародерства. 20-летний офицер л.-гв. Семеновского полка Д.В. Баланин, впоследствии генерал-майор, обратил внимание на то, что некоторые солдаты его роты, расположившейся в селе Ралево, не прочь «идти по стопам мародеров». Следует подчеркнуть, что к тому времени роте пришлось в течение четырех дней обходиться без обоза. Положение юного офицера, решившего прекратить беспорядок в деревне и оградить своих людей от соблазна, было довольно затруднительно. Так, он поспешил на крик болгарина, который «отстаивал свой винный подвал от кучки негодяев», стремившихся ворваться в него через забаррикадированную дверь. Появление офицера приостановило штурм и обратило «в постыдное бегство главных зачинщиков грабежа». Но Баланин заметил, что некоторые из его солдат явно одобряли в душе действия «негодяев», и ему «естественно захотелось дать другое направление мыслям нижних чинов, присутствовавших при этом развращающем дух войск зрелище». Юный офицер

решил, во избежание проявления «дурных инстинктов», купить у болгарина вино для угощения своей роты, «ревностно проработавшей 2 дня в грязи и под дождем». После долгих переговоров ему удалось убедить «братушку» в том, что тому не будет причинено никакого вреда, в результате чего болгарин рискнул пустить офицера к себе в подвал. В тот день было выпито немало: «манерки*», подаваемые через узенькое окошко подвала, быстро опорожнялись, и, конечно, многие нижние чины не стеснялись по нескольку раз получать свою порцию». Баланин, щедро расплатившись с болгаринном, с удовлетворением отмечал, что страх последнего потерять имущество сменился неподдельной радостью «от звона монет»²³.

Второй пример борьбы с мародерством, на который мы хотим обратить внимание, превратился даже в анекдот, который широко ходил в войсках. В.Ф. Ореус рассказывал, что однажды какой-то солдат угнал у болгарина буйвола и перепродал его «неизвестно какому еврею». Опечаленный болгарин явился к генерал-майору Н.С. Леонову, командиру 2-й бригады 2-й гвардейской кавалерийской дивизии, и пожаловался, «не умея, впрочем, объяснить, какого полка были солдатики, так как дело было ночью, но утверждал положительно, что видел их вышедшими из бивуака нашей дивизии». Генерал-майор вызвал командиров полков и стал требовать ответа, но никто ничего не мог сказать. Леонов громко спрашивал: «Кто украл вола? Никто? Ну, в таком случае — это я сам украл вола! Болгарин, возьми, вот тебе 10 полумпериалов». Болгарин ушел очень довольный. Но самая «соль этого юмористического эпизода» заключалась в том, что часовой, стоявший в тот момент у палатки Леонова, передал услышанное товарищам в своей интерпретации, и пошла «молва по коновязям между солдатами» — «Слышь, ребята, дивиз-начальник вола украл!»²⁴.

Совершенно иной взгляд на мародерство был у командиров союзной румынской армии. Офицер-артиллерист свидетельствовал, что не успели они войти в деревню Махалета 19 (31 октября), как к ним пришли болгары с жалобой на то,

* Манерка — походная металлическая фляжка для воды у солдат, обыкновенно овальной формы, прикреплялась к ранцу; отвинчивающаяся крышка фляжки заменяла стакан.

что румыны (полк каларашей, т.е. кавалерия) забирали во время своей стоянки всякие припасы и фураж и ушли, ничего не заплатив. Болгары ходили к их командиру жаловаться, а он их «выругал и чуть не побил. За вас, говорит он, мы пришли сюда драться, а вы, негодяи, с нас деньги берете. Да я вас за это отодрать велю. Братья-русские, вы хоть за нас заступитесь. Мы скоро без хлеба останемся»²⁵.

Подготовка к войне с Турцией требовала издания в значительных количествах военно-топографических карт. Русские войска получили 10-верстную карту Балканского полуострова полковника Генерального штаба Н.Д. Артамонова, который предпринял несколько экспедиций для топографического изучения Европейской Турции (1867, 1869); 7-верстную карту Северной Болгарии, составленную в 1870–1874 гг. венгерским географом Ф. Каничем и переведенную на русский язык, а также издания военно-ученого комитета Главного штаба «Маршруты по Европейской Турции» и «Балканы»²⁶.

Но все они, как оказалось, были неполными и неточными. Кроме того, карты не раздавались каждому офицеру, в полк посылалось всего шесть экземпляров, которые выдавались батальонным и эскадронным командирам. Некоторые офицеры перед походом покупали себе карты сами. Е.И. Утин, адвокат, публицист, военный корреспондент, сравнивал положение с картами в русской армии в 1877 г. и в немецкой во время франко-прусской войны 1870 г.: в последней не было офицера, который не имел бы карты Франции, и «почти каждый унтер-офицер обладал таковой»²⁷. Утин покинул Болгарию после Третьей Плевны*, но положение с картами в войсках не улучшилось. Поручик А.Ф. Редигер вполне подтверждал вышесказанное: «Имевшиеся карты были малого масштаба и крайне неверны, так что и колонна наша шла с проводниками»²⁸.

Проводник-болгарин присутствует практически во всех записках и мемуарах гвардейских офицеров как обязательная фигура при передвижениях гвардии по Балканскому полуострову. Однако помощь болгар зачастую и здесь не была добровольной и бескорыстной. Так, капитану л.-гв. Московского

* Третья Плевна – неудачный штурм крепости 30 августа (11 сентября) 1877 г.

полка Паскину в селении Врачеш необходимо было раздобыть проводника. Но болгары, не желая служить проводниками на позицию турок, или отказывались понимать русского офицера, или отговаривались незнанием окружающей местности. Паскин, не особо доверяя этому, приказал «одному из них, как более смышленому на вид, вести» русских «как он знает, обещая заплатить за указание верного направления, в противном же случае отдуть нагайкой». Русский офицер не знал, которое «из двух обещаний подействовало», но «братушка понял сразу и быстро зашагал с головным патрулем»²⁹. Понятно, что болгары не хотели покидать свои жилища и идти в непогоду и стужу навстречу турецким войскам, опасностям и, возможно, смерти. Они прибежали к разным уловкам, и о них нелестно отзывался обер-офицер л.-гв. 1-го Его Величества стрелкового батальона А.Н. Рагозин, впоследствии генерал-лейтенант: «проводники, умеющие лишь глупо поводить глазами, мычать несвязные непонятные фразы»³⁰.

Болгары часто убегали, особенно если неожиданно раздавались выстрелы или завязывался бой. Путилов писал, что «болгарский проводник, никак не ожидавший попасть в сражение, тем временем ухитрился незаметно скрыться. По счастью, он уже нам был больше не нужен, но искусство, с каким он проделал этот побег, было замечательно»³¹. Генерал-майор П.П. Карцов рассказал о курьезном случае, как Александр II в окружении своей свиты повстречал на дороге в Чуаш-Махалу солдата верхом и с ним болгарина на осле и как оторопевший солдат с перепугу не мог никак объяснить, куда и зачем он послан. Затем выяснилось, что это был «конный вестовой ротного командира, и был приставлен к проводнику, взятому из болгарской деревни, собственно для того, чтобы последний не сбежал»³².

Гвардейские офицеры, к сожалению, часто сталкивались и с фактами предательства со стороны болгар. Рядом с позицией у Плевны, которую занял л.-гв. Московский полк, находилась мельница. Вскоре выяснилось, что старик-хозяин, работавший на ней до прихода русских и «выдавший себя за верного и преданного братушку», бежал ночью в Плевну, унеся с рабочими

почти всю заготовленную муку и крупу. В наказание за это по приказанию начальника отряда дом мельника разобрали на дрова, «и у волынцев (л.-гв. Волынский полк. — *М. Ф.*) горели в кострах половинки дверей, оконные рамы и столы»³³. Еще об одном мельнике-болгарине, который предупредил турецкий пикет о выступлении драгун на рекогносцировку к г. Берковац, сообщил офицер л.-гв. Драгунского полка Н.Н. Гульковский. И, тем не менее, несмотря на измену, отряд смог выполнить поставленную перед ним задачу — выяснить число турок и орудий в городе, расположение турецких окопов³⁴.

Офицеру л.-гв. Гренадерского полка Гредякину пришлось, видимо, не раз обнаруживать, что болгары доносили туркам о движении русских войск. Так, 21 декабря 1877 г. (2 января 1878 г.), когда генерал-майором В.Д. Дандевилем, командиром 2-й бригады 3-пехотной дивизии, намеченная на г. Златицы атака была отложена на следующий день из-за запаздывания доставки орудий на позиции, турки «устроили такую перепалку, что казалось будто бы целью ее было расстреляние всех патронов до последнего». Причину такого переполоха противника Гредякин усмотрел в том, что «должно быть, братушки (которые очень часто на себе оправдывают пословицу “И Богу свеча, и черту кочерга”) сообщили о прибытии к нам подкреплений»³⁵.

Болгары предупреждали турок о приходе русских войск в тот или иной населенный пункт, подавая условный сигнал. Гвардейские офицеры много раз замечали, что «с первым нашим появлением где-либо на местности, до тех пор незанятой русскими, сейчас же подымались клубы дыма или от пожара, или от огромного костра, как будто случайно зажженного пастухами»³⁶.

Подобное двойственное поведение многих болгар по эту сторону Балкан вполне объяснимо, поскольку победа русского оружия была еще очень сомнительна, а туркам следовало выказывать свою преданность на случай их возвращения. И любопытный рассказ капитана Паскина о болгарах, жителях селения Ралево, укладывается именно в этот формат. Так, 13 (25) октября 1877 г. рота л.-гв. Преображенского полка, конвоировавшая

пленных турок, захваченных в Горном Дубняке, сделала привал у селения Ралево, во время которого болгары выносили туркам хлеб, воду и всякую домашнюю снедь, причем становились на колени и целовали им руки. А накануне, 11 (23) октября, эти же ралевские болгары «ни за какие деньги» не продавали офицерам л.-гв. Московского полка «даже ломтя хлеба, уверяя, что сами его не имеют». «Так вот каковы некоторые из наших милых братушек!»³⁷ – восклицал с удивлением Паскин.

Иное отношение болгар к русским гвардейские офицеры начали чувствовать с Этрополя, население которого встретило лейб-гренадеров 13 (25) ноября хлебом-солью: болгары «не знают, как принять нас и чем угостить, солдатам многое они дают даром». Уже упоминавшийся выше гренадер Гредякин заметил, что «этропольские болгары резко отличаются от своих соплеменников, живущих ближе к Дунаю: постоянное “нема, братушка, нема” последних заменяется у первых полной готовностью отдать последний кусок»³⁸. Обер-офицер л.-гв. Семеновского полка Михневич также с удовольствием вспоминал о чрезвычайном радушии жителей Этрополя, которые вводили в свои дома офицеров и солдат, «не знали чем угостить, обнимались, крестились, целовали руки, просто видно было, что не знали, чем бы выразить свою любовь и признательность к русским»³⁹.

28 декабря 1877 г. (9 января 1878 г.) л.-гв. Московский полк вошел в Ново Село, которое не испытало бедствий войны и отличалось «богатством своих стад и обилием хлеба». Капитан Паскин констатировал: «Здесь в первый раз пришлось заметить громадную разницу в отношениях к нам болгар: до- и забалканских. Первые на все вопросы о закупке у них чего бы то ни было обыкновенно отвечали: “нима ничто”. А эти отдавали всё, отказываясь от денег, которые мы с трудом уговорили их взять лишь на другое утро перед выступлением в дальний поход». Правда, офицеры видели значительное отличие в довольстве населения Северной Болгарии и Задунайской. В разоренной войной Северной Болгарии большинство женщин, которых видели офицеры, были одеты «в нищенское тряпье, поэтому опрятный национальный костюм наших новых знакомых оригинальностью своею производил приятное для глаз впечатление»⁴⁰.

Гвардейский офицер-артиллерист, фамилия которого осталась неизвестной, размышлял над причинами такого различия в характерах и поступках болгар Придунайской Болгарии и «обитателей западных гор». Последние, по его словам, отличались «большим прямодушием и симпатичностью и за сходную цену охотно снабжали нас необходимыми съестными припасами». Причины этому, как полагал автор, заключались «отчасти в меньшем проценте здесь проживающих мусульман и отчасти в том, что эти горцы в первый раз принимали русские войска и подобно их братьям на равнине еще не испытывали печальных последствий и обманутых надежд многих с такой же целью начатых, но без результата оконченных войн»⁴¹.

Именно в Забалканской Болгарии каждый полк гвардейского корпуса смог ощутить удивительное чувство освободителя, когда первым входил в оставленные турками селения и города, болгарское население которых устраивало русским воинам торжественные встречи с крестным ходом, иконами, хоругвями, хлебом-солью. Например, 3-я гвардейская дивизия вступила в г. Отлукой (Панагюриште) 31 декабря 1877 г. (12 января 1878 г.). Болгары с восторгом приняли русских и «угощали всех с радушием, какое трудно описать». Город поразил гвардейцев своим «цветущим благосостоянием», а его жители — «народ всё видный, красивый, бодрый и довольный» — не имели такого забитого и приниженого вида, какой был у их соплеменников в Придунайской Болгарии⁴², замечал офицер л.-гв. Волынского полка А.И. Луганин.

На гвардейского офицера-артиллериста, подписавшего свои воспоминания инициалами «М.Ч.», огромное впечатление произвела встреча русского войска в г. Хаскийой 7 (19) января 1878 г. «Перед входом в город колонна наша, — сообщал он, — остановилась и последовала команда “шапки долой”; болгарское духовенство с хоругвями и иконами вышло нам навстречу. За духовенством шло всё население города. Болгары подходили безразлично ко всем, протягивая руки и лоя наши, чтобы запечатлеть их своими поцелуями». Русский офицер с чувством восклицал: «Недаром мы пришли за несколько верст и мы этим сделали хорошее, доброе дело!»⁴³.

Весьма интересные наблюдения содержатся в воспоминаниях гвардейского офицера-артиллериста, который писал, что войскам «казалось, что чем дальше мы шли, тем гостеприимней становились болгары: хлеб, вино, куски сала, яйца и т.д., всё выносилось нам безвозмездно навстречу». Причину такого хлебосольства офицер видел в том, что «перепуганные турками болгары, с которыми разбитый неприятель менее церемонился, чем когда-либо, увидев силу, пришедшую их защищать, не знали, как нам выразить свою благодарность». Он подчеркивал также и то, что даже женщины и дети, впервые в жизни видевшие русское войско, безбоязненно подбегали к офицерам и солдатам, крестясь и приговаривая: «Да живет цар Александр! Да живет наш и цар русс!»⁴⁴.

Победный форсированный марш русских войск на Адрианополь закончился для многих гвардейцев 11 (23) января 1878 г., но первая встреча с его жителями неприятно поразила офицеров. Навстречу русским из города «высыпали массы» греков, армян и евреев с различными товарами и предложениями. «Это уж не была радушная встреча освобожденного народа или любопытство посмотреть на победоносные чужеземные войска, пришедшие за несколько тысяч верст и совершившие столько подвигов, — один холодный, мелочный, торговый расчет руководил ими». Автор вышеуказанных воспоминаний далее заметил, что «европейская часть» Адрианополя, «ровно как и турецкая, не посылала нам ни одного приветствия»⁴⁵.

В советской историографии был распространен тезис о значительной помощи болгар русской армии. Однако в записках гвардейских офицеров упоминания о совместных действиях с болгарамы появляются лишь с момента вступления гвардии в горы. Поручик Редигер сообщал о проведенной незадолго до 12 (24) декабря 1877 г. рекогносцировке* дороги по ущелью

* Рекогносцировка – (от лат. *Recognosco* – осматриваю) – в военном деле визуальное изучение противника и местности лично командиром и офицерами штабов с целью получения необходимых данных для принятия решения или его уточнения. Проводится обычно на направлениях предстоящих действий войск. В рекогносцировке участвуют также командиры подчиненных, приданных и поддерживающих подразделений (частей, соединений), начальники родов войск, специальных войск и служб. Рекогносцировки проводятся и с целью изучения районов (рубежей) возможного расположения и развертывания войск (сил), маршрутов их выдвижения, исправления и дополнения топографических карт и т.д. Для этого создаются специальные рекогносцировочные группы из офицеров штаба и управления родов войск, специальных войск.

через горы. С Редигером поехал А.К. Пузыревский, начальник штаба авангарда генерала Гурко. Офицеров, одетых в полушубки без погон, провожали несколько пеших вооруженных болгар. Они провели русских по дороге между турецкими позициями до перевала через Балканы. Дорога оказалась очень плохой, и «артиллерия своими силами ее, конечно, пройти не могла»⁴⁶, — заключал Редигер. Но именно по этой дороге через Умургачский перевал вскоре прошла колонна генерал-лейтенанта Н.Н. Вельяминова, преодолев этот наиболее трудный путь через Балканы. 18 (30) декабря войска были уже за Балканами; 20 декабря 1877 г. (1 января 1878 г.) у Горного Бугарова они выдержали яростный натиск 15 турецких таборов*. Это сражение произвело сильное впечатление на турок, поколебав их «нравственные силы», и как результат — сдача ими Софии. Как писал Н.А. Зноско-Боровский, «гвардии суждено было дать болгарам столицу»⁴⁷. За эту рекогносцировку и переход через Балканы Редигер получил чин штабс-капитана 19 (31) декабря 1877 г., а Пузыревский — орден св. Георгия 4-й степени.

Артиллерийский офицер, батарея которого была назначена в отряд генерала Дандевилля, рассказывал, как 18 (30) ноября на кручи Балкан затаскивали орудия, для чего прибыла жандармская команда с болгарами и волами. В каждое орудие впрягли по 9 пар буйволов и по 4 пары обыкновенных белых волов; кроме того солдаты и болгары тащили за канаты. Орудия были установлены против главной турецкой позиции, прикрывавшей проход через Баба-Конак. Ожесточенные перестрелки велись до 29 ноября (11 декабря). Снаряды быстро кончались — так, например, 23 ноября (5 декабря) было выпущено по турецким позициям и лагерю 276 гранат. За снарядами необходимо было спускаться в долину. Прибегали к помощи болгар: им раздавали по 2 снаряда, чтобы они отнесли их на батареи в горы. Гвардейский офицер-артиллерист сообщал, что он видел много «братушек, проходящих с ружьями на плечах. Они имели обыкновение днем находиться с солдатами в цепи, а на ночь отправляться домой в свои селения»⁴⁸.

* Табор (или табур) — батальон пехоты в турецком войске, состоял из 8 рот (бейлюк) и по штату имел 774 человека; частично перед войной 1877–1878 гг. таборы были переформированы и имели четырехротный состав.

Болгар из Этрополя привлекали откапывать орудия из глубокого снега в горах и «стаскивать вниз»⁴⁹. Вспоминали гвардейские офицеры также «живейшее и деятельнейшее участие» болгар и греков в устройстве переправы через р. Марицу у Филиппополя, так как, отступая, турки сожгли мост. Так, Луганин сообщал, что жители несли всевозможные материалы, и в результате «дверей, досок, балок, длинных бревен нанесено было громадное количество и с той, и с другой стороны»⁵⁰. Впрочем, турки также широко использовали труд болгарского населения для возведения укреплений в Плевне, ложементов* у Конак-Араба, Златицкого перевала и т.п. Болгарам, таким образом, пришлось сполна нести на своих плечах страшное бремя войны.

При движении русских войск по Забалканской Болгарии местное население охотно и добровольно оказывало всевозможные услуги, в первую очередь, в сборе и доставке информации о турках и черкесах. Самые смелые выполняли ответственные поручения в стане противника. Так, 4 (16) января 1878 г. корнет л.-гв. Драгунского полка Миллер, посланный с 16 драгунами в боковой авангард для прикрытия бригады со стороны г. Станимаки, узнал от болгар о 30 аскерах (солдатах. — *М. Ф.*) в селении Катунцы. Ночью туда был подослан болгарин, чтобы известить их о якобы значительных силах авангарда «в предположении, что турки не захотят сопротивляться, бросят деревню, и их можно будет настичь в чистом поле». Действительно, аскеры ушли, но оставили небольшое прикрытие при 70 раненых. Русские были встречены выстрелами. Драгуны спешились, «перекололи нескольких, бежавших настигли», а пять человек, сдавшихся, обезоружили. Всё захваченное оружие было роздано болгарам. На них возлагалось и конвоирование пленных в Филиппополь⁵¹.

Гвардейские офицеры, несмотря на непрерывность и быстроту похода в глубь Балканского полуострова, внимательно всматривались в его болгарское население. Как мы указывали выше, они отмечали особенности менталитета забалканских болгар: «такие же крепкие и рослые, как их соплеменники» в Приду-

* Ложемент – ров или яма с бруствером для прикрытия от неприятельских выстрелов.

найской Болгарии, но «отличались от последних более гордым, независимым видом и не смотрели подобно тем исподлобья»⁵². Начальник штаба 3-й гвардейской пехотной дивизии К.Г. Энкель подчеркивал «энергию в разговоре и телодвижениях, любовь к свободе при замечательной красоте населения». Он также обратил внимание на то, что «ненависть болгар к туркам отличалась здесь, как вообще в подбалканских селениях, более активным характером»⁵³. И эта ненависть выплескивалась у болгар самым неожиданным для русских образом.

Так, 24 декабря 1877 г. (5 января 1878 г.), перед боем у селения Мечка, драгуны по указанию одного болгарина взяли в плен в самом селении трех турок, вооруженных ружьями Пибоди⁵⁴. Турки сдались, не сделав ни одного выстрела. Офицер л.-гв. Драгунского полка А.П. Бураго, не имея возможности «держатъ и беречь пленных турок при своем малочисленном эскадроне», приказал болгарину отвести турок в соседний дом, где стоял пехотный караул. Он договорился с командиром пехотного батальона майором А.Н. Мячковым, который как раз зашел к нему в гости, взять их на свое попечение. Но не прошло и четверти часа, как в дом вбежал денщик Бураго и доложил, что все три турка зарублены топором, а сам болгарин скрылся. «Эта катастрофа на нас так тяжело подействовала, что всё наше веселье мигом исчезло и разговор умолк»⁵⁵, — вспоминал А.П. Бураго.

Л.-гв. Павловский полк, следуя через Малые Балканы, проходил мимо красиво расположенного селения Блазничево. Офицеры обратили внимание на труп молодой турчанки, который терзала собака. Встретившиеся болгары объяснили, что она не успела выбраться одновременно со всеми бежавшими турецкими семействами, а до этого долго мучила болгар своими непомерными поборами и бесплатной работой на нее, пользуясь покровительством турецкой администрации, что спасало ее от мести. Н.Н. Путилов заподозрил в этом убийстве самих братушек, которые с «таким самодовольством и с таким жаром» рассказывали эту историю. Но разбираться было некогда, а болгары, увидев, что их рассказ произвел на русского офицера «далеко не такое действие, какое он оказывал на них», поспешили уйти⁵⁶.

Страшные погромы и местами пожары застали офицеры л.-гв. Семеновского полка при вступлении 2 (14) января в Татар-Базарджик: «братушки били турок и шныряли из одного угла в другой с целью грабежа»⁵⁷.

Дорога в 150 верст от Филиппополя до Адрианополя представляла «сплошное царство смерти»: она вся была «усыпана, как само шоссе непосредственно, так и окружающие его поля на десятки сажень в обе стороны», трупами женщин, детей, стариков, мужчин, лошадей, волов, быков, ослов, изломанными телегами, с разбросанным домашним скарбом. По дороге шел нескончаемый обоз с турецкими семействами, бежавшими из родных городов и селений в Константинополь. Путилов констатировал, что это было «поголовное выселение мусульман с Балканского полуострова»⁵⁸. На «мертвой дороге» между трупами «бродили, словно стая голодных собак, болгаре, сдирающие кожи с лошадей и разбирающие всякую рухлядь»⁵⁹. Все гвардейские офицеры, шедшие по той дороге, писали о том тяжелом нравственном настроении, которое помимо воли ими овладевало.

С другой стороны, офицерам довелось увидеть кощунственные и изуверские надругательства турок над болгарскими: зверски убитых беременных женщин и их неродившихся младенцев, жестокие казни мужчин... «Религиозный фанатизм и война со всеми ее ужасами и действиями возбудили в сильнейшей степени озлобление турецких войск и всего турецкого населения... Зверь проснулся в человеке, и ничто не могло обуздать проявлений дикой и бесчеловечной расправы»⁶⁰, — писал офицер л.-гв. Семеновского полка Баланин.

Город Хаскиой при вступлении в него 3-й пехотной дивизии 9 (21) января 1878 г. «представлял полнейший хаос со всеми следами только что кончившейся междоусобицы. Турецкие трупы еще валялись на улице, а болгарские сносились к церкви для отпевания»⁶¹. Обер-офицер л.-гв. 1-го стрелкового его величества батальона А.Н. Рагозин сообщал, что 12 (24) января 1878 г. русские офицеры встречали в городе братушек, вооруженных с ног до головы допотопными ружьями и пистолетами, с огромными ножами за поясом. Они «с восторгом объявляли, что

идут на охоту за турками, разбежавшимися в горы». «Невольно понимаешь их восторг при возможности хотя чем-нибудь отомстить своему вековому врагу и излить всю накопившуюся долготлетнюю злобу!»⁶² — оправдывал болгар Рагозин.

А вот офицеру л.-гв. Гренадерского полка Гредякину в тот же день, 12 (24) января, в том же городе пришлось встать на пути «болгарского самосуда». Будучи квартирмейстером, он въехал в Хаскиой, чтобы заблаговременно подготовить своему полку квартиры. Скоро явились болгары с призывами защитить их от турок. Оказалось, что несколько башибузуков засели в домах и стреляли. С ними было быстро покончено. «Но раздражение болгар возросло до такой страшной степени, что они стали бросаться и на мирных жителей, а когда последние с целью спастись кидались в протекающую по городу речку, то и тут, несмотря на то, что я был уже в реке и пустил в ход (по спинам моих единоплеменников) толстую нагайку, они на моих же глазах закололи одного турка, и только угрозою стрелять мне удалось унять, наконец, рассвирепевших болгар и спасти 5 человек». Гредякин указывал на то, что рассказанный им эпизод «отлично характеризует вражду болгар к туркам и ту легкость, с какою возникают между ними беспорядки, могущие привести к весьма серьезным последствиям»⁶³.

В течение всего похода гвардейские офицеры наблюдали и замечали, как менялось отношение болгар к туркам. Уже известный нам автор, офицер-артиллерист (инициалы «М.Ч.»), при фуражировке обнаружил «в местности чрезвычайно живописной» черкесское селение с большими запасами сена, ячменя, картофеля. Болгары из соседних сел сообщили, что «месяца 2 тому назад» черкесы отправили «на Стамбул» все свои семейства, «обогадив их на дорогу болгарским скотом». При этом они не сожгли сено и другие свои запасы, поскольку своего не жгут, будучи уверены в то же время, что по возвращении они найдут свое жилище в неприкосновенности. Гвардейский офицер от всей души посочувствовал болгарам, которым столько лет приходилось жить в таком соседстве в постоянном страхе за честь и имущество. При наступлении через Малые Балканы в конце декабря 1877 г. гвардейцы вновь проходили через это

черкесское село. «И мы с удивлением смотрели на болгар, боявшихся при первом нашем прохождении войти в селение, а теперь приезжавших с каруцами и нагружавших их всяким турецким добром, оконными рамами, и даже дверьми они также не пренебрегали»⁶⁴, — замечал офицер.

Болгары, стряхнув с себя страх и покорность, становились беспощадными при расправе с турками. Когда несчастья обрушились на бежавшее из родных мест мирное турецкое население, они равнодушно взирали на голодающих и замерзающих турецких женщин, детей, стариков. Записки гвардейских офицеров полны примеров оказания русскими помощи мирным жителям, оказавшимся в беде, равно и болгарам, и туркам. Русские воины делились с ними сухарями, усаживали ближе к костру, уступая лучшее место для обогрева, даже отыскивали для них одежду, хотя сами постоянно испытывали острую нужду в продовольствии, одежде и обуви. Солдаты подбирали осиротевших турецких детей и многих затем привезли с собой в Россию.

Отсутствие чувства милосердия у болгар к своему вековому врагу и желание мщения — реальность и последствия войны, которые превратились в серьезную проблему для русских войск после заключения Адрианопольского перемирия 19 (31) января 1877 г. А.И. Луганин в связи с этим замечал: «Странное дело, оригинальный конец кампании. Мы шли воевать против турок, защищать болгар, а теперь пришлось делать совершенно противоположное». Болгары, «опираясь на русскую силу, не знали меры своей мести за всё прошлое и пользовались всяким удобным случаем, чтобы излить свою месть на турках. Сознывая, что мы пришли освободить их от турок, болгары думали, что теперь они могут делать с турками всё, что им заблагорассудится». Они начали нападать на обозы с переселявшимися с Балкан турецкими семействами. Болгары отбивали от них скот, отнимали имущество, утверждая, «что то или другое принадлежит им». Турки сохранили оружие, которое, по утверждению гвардейского офицера, представляло «большой частью старый, никуда не годный хлам». Но оно стреляло, поэтому турки не отдавали даром свое имущество — «выходила всеобщая потасовка». Бу-

лучи не в состоянии справиться одни, «болгары бежали к русским, жалуясь, что турки их обижают, режут и пр., надеясь, что русские придут и позволят им безнаказанно в своем присутствии грабить турок. Трудно, конечно, при таком положении дел разобрать, кто из них прав, кто виноват... Но нельзя же допускать, чтобы и болгары слишком бесчинствовали». Гвардейцы отбирали у турок оружие, но вместе с тем вынуждены были «и охранять их от покушения болгар»⁶⁵.

От Адрианополя гвардия была направлена к пригороду Константинополя – Сан-Стефано и размещена в его окрестностях, по городкам и селениям на берегу Мраморного моря. Офицеры л.-гв. Московского полка, остановившись на привал в селении Баба-Эски, в первый раз заметили полное отсутствие болгарского населения, которое заменилось греческим. Впрочем, турецкая половина деревни была пуста и разрушена⁶⁶.

Гвардейские офицеры, на долю которых выпали невероятные лишения, голод, холод, страшное напряжение сил, горечь потерь своих однополчан, ярость атак, преодоление заснеженных и обледенелых Балканских гор, труднейший поход через весь Балканский полуостров, в большинстве своем сумели сохранить к болгарам то теплое чувство, с которым они шли на войну с Турцией, несмотря на все перипетии в отношениях с ними во время войны.

Только Р.Б. Гейман, унтер-офицер л.-гв. Гродненского гусарского полка, впоследствии полковник, в своей книге «От Варшавы до Константинополя. Записки гвардейского гусара» (Варшава, 1893) пишет о болгарях крайне негативно: «По-моему, они все хищники, подлецы, жестоки и плуты: я убежден, что они продают нас туркам. Как бы хорошо было бы перевешать всех братушек и прикарманить Болгарию вместо того, чтобы ее освободить»⁶⁷.

Офицер л.-гв. Казачьего полка С.П. Полушкин, отмечая неблагоприятные поступки болгар, тем не менее полностью их оправдывал: «Вспомните, как часто в эту кампанию, да и прежде, прекрасные июльские ночи мгновенно сменялись не прекрасными варфоломеевскими, и скверный поступок вызовет снисхождение. Вспомните, сколько раз сжигались и опустоша-

лись деревни, сколько раз ограблялись и мучались братушки! Честь и слава болгарам, сохранившим святую нравственность! Я говорю, что болгары, пробывшие века в рабстве, сохранили черты свободного народа»⁶⁸.

Эту статью мне хотелось бы завершить возвышенными словами офицера л.-гв. Волынского полка А.И. Луганина: «Война окончена. Предпринятая с целью освобождения балканских христиан от тяжкого, невыносимого турецкого ига, она окончилась достижением этой высокой цели. 19 февраля, в день, памятный для России освобождением крестьян, между Россией и Турцией был заключен мирный договор, давший свободу и жизнь миллионному населению Болгарии. Да будет этот день днем возрождения и началом новой, лучшей эпохи в жизни балканских славян!»⁶⁹.

Примечания

¹ Редигер А.Ф. // Русский орел на Балканах. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. глазами ее участников. Записки и воспоминания. М., 2001. С. 27.

² Беляев Н.И. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., 1956. С. 172.

³ Балагин Д.В. Турецкий поход 1877–1878 годов (из воспоминаний офицера) // Военный сборник (далее – ВС). 1897. № 8. С. 1.

⁴ Пузыревский А.К. Десять лет назад. Война 1877–1878 гг. СПб., 1887. С. 32.

⁵ Соколов М.Н. Рассказ сапера (в походе и Горный Дубняк) // Сборник военных рассказов [составленных офицерами-участниками войны 1877–1878 гг.] (далее – СВР). Т. 3. СПб., 1879. С. 242.

⁶ Редигер А.Ф. Указ. соч. С. 29.

⁷ Каруца – телега (рум.).

⁸ Соколов М.Н. Указ. соч. С. 242.

⁹ Ростунов И.И. Боевые действия русской армии на Балканах в 1877–1878 гг. // Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и Балканы. М., 1979. С. 21.

¹⁰ Энкель К.Г. Третья гвардейская дивизия в войну 1877–1878 гг. // ВС. 1880. Т. 136. № 11. С. 147.

¹¹ Полушкин С.П. Записки лейб-гвардии казачьего офицера // СВР. Т. 6. СПб., 1879. С. 43.

¹² М.Ч. Зимний поход (дневник офицера-артиллериста) // СВР. Т. 3. С. 103.

¹³ Аффанасович В.К. Воспоминания о времени, пережитом вместе со 2-ю гвардейскую пехотную дивизию в Турецкую войну 1877 года // ВС. 1880. Т. 136. № 11. С. 139.

¹⁴ Михневич Н.П. Из похода л.-гв. Семеновского полка в 1877–1878 гг. // СВР. Т. 4. СПб., 1879. С. 414.

¹⁵ Епанчин Н.А. На службе трех императоров. М., 1996. С. 96–97.

¹⁶ Паскин А.П. Из походных записок строевого офицера. // СВР. Т. 6. С. 444.

¹⁷ Так называли болгары офицеров.

- 18 *Зноско-Боровский Н.А.* Эпизоды из истории лейб-гвардии Измайловского полка // СВР. Т. 4. С. 61.
- 19 *Путилов Н.Н.* Из дневника офицера за поход 1877–1878 годов // СВР. Т. 4. С. 13–14.
- 20 *Паскин А.П.* Указ. соч. С. 479.
- 21 *Зноско-Боровский Н.А.* Тяжелые минуты на Балканах (Отрывки из дневника гвардейца) // СВР. Т. 4. С. 651.
- 22 *Ореус В.Ф.* Воспоминания о походе 1877–1878 гг. // Русская старина (далее – РС). 1884. Т. 43. № 8. С. 420.
- 23 *Баланин Д.В.* Турецкий поход 1877–1878 годов (Из воспоминаний офицера) // ВС. 1897. Т. 236. № 8. С. 206.
- 24 *Ореус В.Ф.* Воспоминания о походе 1877–1878 гг. С. 421.
- 25 *М.Ч.* Зимний поход (дневник офицера-артиллериста). С. 130.
- 26 *Гейсман Г.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в Европейской Турции. Вып. 2. СПб., 1906. С. 30; *Глушков В.В.* История военной картографии в России (XVIII – начало XX в.). М., 2007.
- 27 *Утин Е.И.* Письма из Болгарии в 1877 г. СПб., 1879. С. 396.
- 28 *Редигер А.Ф.* Указ. соч. С. 34.
- 29 *Паскин А.П.* Указ. соч. С. 464.
- 30 *А.Р. (Рагозин А.Н.)* Поход лейб-гвардии 1-го стрелкового Его Величества батальона. 1877–1878 // СВР. Т. 6. С. 219.
- 31 *Путилов Н.Н.* Из дневника офицера л.-гв. Павловского полка // СВР. Т. 4. С. 221.
- 32 *Карцов П.П.* Воспоминания участника минувшей войны // СВР. Т. 5. СПб., 1879. С. 304.
- 33 *Паскин А.П.* Указ. соч. С. 427.
- 34 *Гульковский Н.Н.* Из похода лейб-гвардии Драгунского полка в 1877–1878 гг. // СВР. Т. 4. С. 204.
- 35 *Гредякин Н.* Дневник лейб-гренадера // СВР. Т. 4. С. 344.
- 36 *Ореус В.Ф.* Воспоминания о походе 1877–1878 гг. С. 423.
- 37 *Паскин А.П.* Указ. соч. С. 427.
- 38 *Гредякин Н.* Дневник лейб-гренадера. С. 314–315.
- 39 *Михневич Н.П.* Из похода л.-гв. Семеновского полка в 1877–1878 гг. // СВР. Т. 4. С. 429.
- 40 *Паскин А.П.* Указ. соч. С. 513.
- 41 Рассказы артиллериста // СВР. Т. 6. С. 117.
- 42 *Луганин А.И.* Балканский и Забалканский поход лейб-гвардии Волынского полка в 1877–1878 гг. // СВР. Т. 4. С. 155.
- 43 *М.Ч.* Зимний поход (дневник офицера-артиллериста). С. 523.
- 44 Там же. С. 513.
- 45 Там же. С. 524.
- 46 *Редигер А.Ф.* Указ. соч. С. 35.
- 47 *Н.З.Б. (Зноско-Боровский Н.А.)* Тяжелые минуты на Балканах (Отрывки из дневника гвардейца) // СВР. Т. 4. С. 651.
- 48 Рассказы артиллериста // СВР. Т. 6. С. 120, 126.
- 49 *Каульбарс Н.В.* Стоянка на Этропольском Балкане (Выдержки из дневника) // ВС. 1879. Т. 130. № 12. С. 372.
- 50 *Луганин А.* Балканский и Забалканский походы л.-гв. Волынского полка в 1877–1878 гг. // СВР. Т. 4. С. 162.

- ⁵¹ *Гульковский Н.Н.* Восемь эпизодов из похода лейб-гвардии Драгунского полка // СВР. Т. 4. С. 209.
- ⁵² *Путилов Н.Н.* Из дневника офицера за поход 1877–1878 годов. // СВР. Т. 4. С. 37–38.
- ⁵³ *Энкель. К.Г.* Указ. соч. // ВС. 1881. Т. 139. № 5. С. 152.
- ⁵⁴ Ружье Пибоди – армейская винтовка производства американской фирмы Пибоди. Эти винтовки были заказаны Турцией в США перед войной с Россией.
- ⁵⁵ *Бураго А.П.* Заметки о бое под дер. Мечкою, близ дер. Петричево, 25-го декабря 1877 года // СВР. Т. 6. С. 394.
- ⁵⁶ *Путилов Н.Н.* Из дневника офицера за поход 1877–1878 годов. С. 37–38.
- ⁵⁷ *Михневич Н.П.* Из похода л.-гв. Семеновского полка в 1877–1878 гг. // СВР. Т. 4. С. 445.
- ⁵⁸ *Путилов Н.Н.* Из дневника офицера за поход 1877–1878 годов. С. 246.
- ⁵⁹ *А.Р. (Рагозин А.Н.)* Поход лейб-гвардии 1-го стрелкового Его Величества батальона. 1877–1878 // СВР. Т. 6. С. 239.
- ⁶⁰ *Баланин Д.В.* Турецкий поход 1877–1878 годов (Из воспоминаний офицера) // ВС. 1897. Т. 237. № 10. С. 248.
- ⁶¹ *Карцов П.П.* Воспоминания участника минувшей войны // СВР. Т. 5. С. 386.
- ⁶² *А.Р. (Рагозин А.Н.)* Поход лейб-гвардии 1-го стрелкового Его Величества батальона. 1877–1878. С. 141–142.
- ⁶³ *Гредякин Н.* Дневник лейб-гренадера // СВР. Т. 4. С. 364–365.
- ⁶⁴ *М.Ч.* Зимний поход (дневник офицера-артиллериста). С. 506, 510.
- ⁶⁵ *Луганин А.И.* Балканский и Забалканский походы л.-гв. Волынского полка в 1877–1878 гг. // СВР. Т. 4. С. 178–179.
- ⁶⁶ *Паскин А.П.* Указ. соч. С. 551.
- ⁶⁷ *Гейман Р.Б.* От Варшавы до Константинополя. Записки гвардейского гусара. Варшава, 1893. С. 114.
- ⁶⁸ *Полушкин С.П.* Записки лейб-гвардии казачьего офицера // СВР. Т. 6. С. 44.
- ⁶⁹ *Луганин А.И.* Балканский и Забалканский походы л.-гв. Волынского полка в 1877–1878 гг. С. 175.

Ольга Владимировна СОКОЛОВСКАЯ

Российский императорский флот и греко-турецкая война 1897 г.

Интерес к истории международных отношений на Балканах мне привил еще со студенческих лет мой научный руководитель – Ю.А. Писарев. Он же, уже в стенах академического института (славяноведения и балканистики АН СССР), посоветовал заняться историей российско-греческих отношений в самых разнообразных аспектах.

Одной из малоизученных страниц российско-греческих отношений является участие Императорского флота в исторических событиях, связанных с Грецией. К концу XIX в. отдельные подразделения Российского императорского флота почти постоянно находились в греческих водах, наряду с кораблями великих европейских держав, что было связано с частым обострением Критского вопроса, который грозил перейти в греко-турецкую войну и нарушить status quo в этом регионе мира. Наряду с Средиземноморской эскадрой России, во второй половине XIX столетия существовали: Отдельный отряд Средиземного моря и Отдельный отряд судов в греческих водах, которые возглавляли видные флотоводцы – Ф.К. Авелан, С.О. Макаров, П.П. Андреев, Н.И. Скрыдлов, К.Р. Вальронд и др. По мнению членов Главного Морского штаба (ГМШ), пребывание боевых кораблей России в этом регионе имело не только политическое, но и военное значение и требовало, чтобы Средиземноморская эскадра или другие соединения кораблей всегда были готовы для исполнения тех приказаний, которые могут вызвать обстоятельства, для чего на судах отряда всё снабжение и вооружение содержалось в полной исправности и безукоризненном порядке¹.

2 июля 1896 г. к уже находившимся в Средиземном море канонерским лодкам «Грозящий» и «Запорожец» и несколькими миноносцам были посланы из Кронштадта: броненосцы

«Александр II» (командир капитан I-го ранга К. Никонов) и «Наварин» под командованием капитана I-го ранга П.А. Безобразова (нес флаг командующего Отрядом в Средиземном море), минный крейсер «Посадник» (командир капитан II-го ранга Р. Вирен), миноносцы № 119 («Поланген») и № 120 («Паккерорт») (командиры лейтенанты А. Лебедев и В. Нащинский)². В конце августа Отряд прибыл в Пирей.

Объединяющей силой греческого общества в конце XIX в. продолжала оставаться «Великая идея» о воссоздании Великой Греции, поскольку многие территории с греческим населением всё еще оставались под османским владычеством. Самым важным в этом списке в конце XIX в. был «Великий остров Средиземноморья» — Крит. В 1896 г. здесь началось очередное восстание христиан с целью немедленного присоединения острова к Греции и прекращения турецкого правления³. В ответ местные мусульмане, при поддержке турецких войск, фактически объявили православным критянам «священную войну». Остров захлестнула волна жестоких убийств, насилий, осквернений храмов и сожжения деревень. Фактически он оказался расколот на две части — побережье контролировали турки и мусульмане (исламизированные греки), а внутренняя часть Крита находилась в руках православных повстанцев, которых соседняя Греция активно поддерживала деньгами, оружием и добровольцами. Сотни беженцев скопились на набережной Канеи (Ханьи), административного центра и главного порта Крита.

В январе 1897 г. в критских водах для совместных действий собрались военные корабли Великобритании, Франции, России, Италии, Германии и Австро-Венгрии. Общее командование соединенными морскими силами принял старший по чину итальянский вице-адмирал граф Н. Каневаро. Он также стал председателем Совета адмиралов, в который вошли британский контр-адмирал сэр Роберт Гаррисон, французский контр-адмирал Потье, русский контр-адмирал П.П. Андреев, австрийский контр-адмирал фон Гинке и немецкий капитан I-го ранга Кёльнер. Все мероприятия держав на острове предпринимались лишь с их общего согласия. Великие державы вынуждены были приступить к эвакуации мирного критского населения (без

различия вероисповедания), чтобы не допустить дальнейшей резни, голода и эпидемий.

Однако, закончив в течение месяца эвакуацию, державы встали перед еще более сложной проблемой в связи с активизацией Греции, где премьер-министром был националист из крайних Т. Делияннис⁴, не замедливший воспользоваться ситуацией. Греческое правительство и даже обычно выдержанный король Георг I в феврале 1897 г. послали на остров греческий флот и войска, которые вступили там в бой с турецкими силами. Националисты, проводники «Великой идеи», которая часто шла вразрез со здравым смыслом и возможностями слабого государства, ставили своей целью разжечь войну между Грецией и Турцией, в ходе которой они собирались решить критскую проблему, присоединить Фессалию, Эпир, Македонию и стать крупнейшим на Балканах государством. Действия Греции на Крите настолько возмутили Турцию, что последняя в начале марта 1897 г. отправила на греко-турецкую границу в Фессалии шесть хорошо вооруженных турецких дивизий во главе с опытным командующим генералом Эдем-пашой (командовал бригадой во время осады Плевны в русско-турецкой войне 1877–1878 гг.). В свою очередь Греция, не обладавшая военной мощью, также выставила войска на греко-турецкой границе, что создало угрозу столкновений.

Великие европейские державы всеми силами пытались предотвратить нежелательные военные действия на суше и на море, и даже Россия, которую греки нередко называли матерью современной Греции, считала, что из-за «непростительного легкомыслия греческого правительства» державы должны остановить «его посягательство на неприкосновенность европейского мира»⁵.

В феврале 1897 г. в Константинополе конференция послов великих держав-покровительниц выработала план умиротворения Крита путем высадки международного десанта и морской блокады. При необходимости союзники готовились высадить на Крит внушительный морской десант: 900 итальянцев, 890 британцев, 850 русских, 300 французов и 150 немцев⁶. 2 марта 1897 г. Великобритания, Франция, Россия, Австро-Венгрия и Италия

предъявили Греции и Турции совместную ноту. Они уведомили Георга I, что не допустят присоединения Крита к Греции, и потребовали отозвания с острова греческого отряда и военных судов. Одновременно державы предложили султану Абдул-Гамиду II предоставить Криту автономию. Султан согласился, и 6 марта Совет адмиралов провозгласил на острове автономный режим, приняв на себя управление Критом. Союзные эскадры приступили к блокаде Канейского залива, перекрыв доставку оружия и припасов из Греции. Затем на остров высадился смешанный морской десант в 500 человек, сформированный из судовых команд, — по 100 моряков от каждой страны. Десант взял под защиту главные города острова — Канею, Ретимно и Ираклеон. Совет адмиралов объявил, что любое действие со стороны греков или турок против этих городов будет встречено оружием десантов и кораблей. На бастионах Канеи союзники подняли флаги великих держав. По решению Совета адмиралов остров поделили на зоны ответственности, а отряды десанта оккупировали крупнейшие населенные пункты.

В зоне ответственности русской эскадры находился крупный город Ретимно. Когда на его рейд пришел броненосец «Император Николай I», в городе царил хаос. Голодные турецкие жители, уже 20 дней не получавшие мяса из-за блокады деревень повстанцами, собирались устроить погром греческим лавочникам. Тогда командир броненосца, капитан I-го ранга Д.Г. фон Фёлькерзам договорился с губернатором о высадке десанта из 300 матросов при восьми офицерах. Через два дня десант сошел на берег и расположился в здании городской школы, приспособленной под казарму. Этими мерами погром удалось предотвратить.

Греция, не согласная с решением коалиции великих держав о блокаде Крита, вступила на путь обострения отношений с ними. Это поставило Россию в весьма затруднительное положение. С одной стороны, Греческое королевство, где королевой эллинов была великая княжна Ольга Константиновна, являлось самым дружественным к России государством в Средиземноморье, а с другой — русские корабли не могли игнорировать указания Совета адмиралов международной эскадры.

Так, вернувшись из Пороса в Канею, броненосец «Наварин» по решению Совета адмиралов ушел на рейд Ретимно для несения там дозорной службы. Район патрулирования для «Наварина» простирался от западной части мыса Майка до мыса Диакон в полосе 22 миль от береговой черты. Из-за провокационных вылазок, устраиваемых греческими миноносцами, «Наварин» вместе с английским крейсером «Scouth» перешли в состояние повышенной готовности. Блокирование заключалось в ночном обходе линии дозора, а днем оба корабля становились на якорь. Ночами приходилось усиленно освещать горизонт прожекторами и постоянно иметь в боевом положении противоторпедные сети. Служба осложнялась ненастной погодой – порывистый ветер дул с берега, достигая порой 10 баллов. У некоторых орудий круглосуточно дежурили комендоры. Находясь в дозоре, «Наварин» переговаривался световыми сигналами Морзе с «Императором Александром II», который стоял на якоре в Судской бухте в 22 милях от «Наварина». Луч прожектора, направленного в небо под углом 20°, достигая облаков, образовывал хорошо заметное светлое пятно. Сигналами, состоящими из четырех- и пятизначных чисел, броненосцы без труда передавали необходимую информацию. Каждой ночью «Наварину» приходилось постоянно освещать поверхность воды, ища на ней контуры греческих миноносцев. Однако вскоре иссяк весь запас специального угля, столь необходимого для работы прожекторов. Пришлось их позаимствовать у прибывшего недавно в Средиземное море броненосца «Сисой Великий». В дальнейшем «Император Николай I» дежурил на рейде Ретимно по очереди с броненосцем «Наварин». Но моряки не могли постоянно оставаться на берегу, а также удаляться в глубь острова. Кроме того, стали появляться слухи, что турецкое население, недовольное «властью неверных», собирается вырезать десант⁷. В связи с этим на Крит начали перебрасывать воинские части. 12 марта 1897 г. из Одессы на пароходе «Воронеж» отправился 1-й батальон 14-го стрелкового полка. 22 марта пароход «Херсон» принял на борт в Севастополе 6-ю горную батарею 13-й артиллерийской бригады (6 орудий), а затем, перейдя в Одессу, 1-й батальон 56-го пехотного Житомирского полка. Прибыв

на Крит, стрелки и две роты заняли Ретимно, а еще две роты Житомирского полка расположились в Канее вместе с ротами итальянцев и французов⁸.

В то время как в Вене, Петербурге и Берлине была выработана формула сохранения стабильности на Ближнем Востоке⁹, между Грецией и Турцией вспыхнула война. Греческая королева писала своему брату великому князю Константину Константиновичу на Пасху: «Христос воскрес! Радость моя! Если б мне рассказали о том положении, в котором мы в настоящую минуту находимся, то я бы не поверила [...] В Великий четверг нам привезли первых раненых; мы их встречали в трех разных госпиталях до поздней ночи. Наши доктора и сестры работают превосходно, раненые в восторге и исполнены благодарности»¹⁰. Исход войны был очевиден, но греческому монархическому режиму неудачная военная кампания была все-таки выгоднее, чем антидинастический переворот, назревавший из-за нерешенности Критского вопроса. Так, российский посланник в Афинах М.К. Ону полагал, что война успокоила «разбушевавшийся эллинизм» и что без этой войны «произошла бы внутренняя революция»¹¹. Ведь начиная войну с Турцией, греческий король рассчитывал, что великие державы и их флоты не допустят разгрома Греции и спасут его репутацию.

Греко-турецкая война 1897 г., вошедшая в историю как «30-дневная война», описана в немалом числе научных трудов, однако до сих пор российские архивы хранят документы, дающие возможность по-новому или более подробно рассмотреть казалось бы известную тему. Так, по нашему мнению, особый интерес для изучения греко-турецкой войны 1897 г. и тесно связанного с ней Критского вопроса представляют многочисленные документальные материалы, хранящиеся в Российском Государственном архиве Военно-Морского Флота в Санкт-Петербурге в фонде Генерального морского штаба.

Среди многочисленных кораблей великих держав, постоянно находившихся весной 1897 г. в водах воюющих государств, был эскадренный броненосец «Император Николай I», командир которого капитан 1-го ранга Д.Г. фон Фелькерзам¹² в своих строевых рапортах и «примечаниях к строевым рапортам»

(которые отсылались каждые две недели, а в особых случаях и чаще, на имя командующего Средиземноморской эскадрой) подробно описал перипетии войны и события тех лет в Греции и на Крите. Материал для них собирали морские офицеры с броненосца и сам командир. В них сообщалось об отношении греческого общества к войне, о положении в Афинах, о деталях отправки войск и их действий на фронте, о причинах неучастия греческого флота в войне, о поведении греческих принцев, командовавших армией, и отношении к ним офицерства, а также об участии гарибальдийцев в войне и о революционных настроениях в Греции. Интересна также достаточно объемная записка о греко-турецкой войне, которая была вызвана провокационными действиями Греции на Крите.

В сообщении от 12 апреля 1897 г. фон Фёлькерзам передавал: национальный подъем в Греции был так велик, что формировались даже добровольческие отряды, в которые для рекламы поступали некоторые молодые женщины. Министры отправились комиссарами в армию. В Волосе, где был сосредоточен греческий флот, также находилось по одному английскому, французскому и итальянскому судну. На помощь грекам пришли гарибальдийцы, которые разгуливали по городам «в своих красных рубашках»¹³. Император Николай II, беспокоясь о происходящем в Греции, грозившем свержением династии Глюксбургов, распорядился передавать донесения фон Фёлькерзама министру иностранных дел России М. Н. Муравьеву¹⁴ для дальнейшего обсуждения в правительстве.

Интересны сведения русских моряков о поведении греков в Турции в начале войны. Во время стоянки броненосца в Смирне, как сообщал командир броненосца в Морское ведомство России, греки вели себя по отношению к туркам «вызывающе». Почти ежедневно отправлялись из Смирны в Грецию пароходы с греческими волонтерами и призывниками, которых греки на набережной провожали музыкой и овациями. Пока эти пароходы шли вдоль рейда, волонтеры кричали и размахивали греческими флагами. Турки же проявляли удивительную сдержанность и как будто на всё это не обращали никакого внимания¹⁵.

Фон Фёлькерзам писал, что в ходе военных столкновений принцы — Константин и Николай — оставили свои позиции и отступили, бросив на передовой гарибальдийцев и иностранный легион. Греческие националисты, развязавшие войну, наивно полагали, что остальные балканские народы также восстанут против турок, но этого, по воле великих держав, не произошло. Вскоре Греция обратилась к державам-покровительницам с просьбой о посредничестве, ища выход из проигранной войны. Королева Ольга умоляла своего племянника императора Николая II «ускорить посредничество держав для прекращения безумного кровопролития»¹⁶.

После месяца военных действий (апрель—май 1897 г.) великие державы предприняли дипломатические шаги, оказывая давление на Грецию и Турцию одновременно, в результате чего «30-дневная война», проигранная Грецией, закончилась. По просьбе английской королевы Виктории посредником в мирном урегулировании выступил русский император Николай II. 10 мая Георг I подписал перемирие, по которому его войска покинули Крит и прекратили действия в Эпире и Фессалии. Однако затяжные мирные переговоры в Константинополе вызвали новый рост недовольства династией, на которую греки, как писал фон Фёлькерзам, «смотрят только с точки зрения получения пользы от иностранных государств»¹⁷.

В результате поражения в войне и нерешенного Критского вопроса авторитет правящей династии Глюксбургов оказался сильно подорван. Король эллинов еще никогда не был так близок к потере трона. Народное возмущение было теперь направлено не против греческих националистов, развязавших войну, а против короля и его семьи. Русские морские офицеры передавали, что «положение в Афинах крайне смутное [...] заметны все признаки готовящейся революции и желание свергнуть династию»; правительственные склады с оружием и патронами разграблены»¹⁸. Особенно сильное возбуждение, сообщал фон Фёлькерзам, было против династии в военных кругах: русские офицеры слышали, что раненые на вопрос короля о здоровье отвечали: «А Вам какое дело, вся война ведь из-за Вас». Многие в Афинах были уверены, как сообщалось в морских рапортах,

что «общее возбуждение войск против принцев и короля так велико, что если условия мира будут для Греции тягостными, то возвращение войск вызовет неминуемо революцию». Гарибальдийцы, прибывавшие в города с фронта, собирались сыграть в ней не последнюю роль¹⁹.

В Афинах назревал мятеж, и перед союзниками встал вопрос о защите королевского дворца с помощью морского десанта. Правда, по мнению русских офицеров, эта мера без крайней надобности была «не только бесполезна, трудно выполнима, но даже опасна для короля, так как занятие дворца чужеземными войсками, конечно, оскорбило бы национальное чувство толпы и легко могло бы направить страсти к нападению». Хотя командир английского броненосца «Nile» настаивал на десанте, русским офицерам удалось все-таки убедить его, что бескровная высадка невозможна, поскольку на улицах и возле дворца полно вооруженных греков. В итоге был принят компромиссный вариант: с русского, английского и итальянского кораблей в распоряжение соответствующих посланников отправили по пять офицеров в штатском, имеющих с собой военную форму. В случае опасности посланники с ними могли быстро собраться во дворце, и 15 лучших иностранных офицеров составили бы личную охрану королевской семьи. Их внешний вид, наверное, не позволил бы толпе совершить агрессивные действия. К счастью, мятежные настроения в Афинах скоро улеглись²⁰.

Пока державы решали вопрос о целесообразности высадки международного десанта в Пирее для спасения династии, в Афинах произошла смена правительства – умеренный политический деятель Д. Раллис сменил, не без помощи европейской дипломатии, на посту премьер-министра националиста Т. Делиянниса и восстановил порядок. 23 мая 1897 г. фон Фелькерзам писал: «Всё спокойно в Афинах и Пирее и всё приняло вполне мирный характер»²¹. Многие волонтеры отправлены назад и почти все гарибальдийцы выпровожены самым решительным и беззастенчивым образом. Правительство выдало им по 10 франков и билеты на пароход в Италию. В Арте гарибальдийцев «силою посадили на пароход после стычки, в которой были убитые и раненые»²². Однако даже в июле фон Фелькерзам сообщал,

что особенно татойские леса и Кефиссия «переполнены сбродом дезертиров и выпущенных из тюрем» и что в Афинах много случаев тифа. Поэтому он ушел 14 июля 1897 г. на «Императоре Николае I» обратно в Суду²³.

Из рапорта фон Фёлькерзама от 8 августа 1897 г. мы узнаем о попытках греческих националистов продолжить войну: «Газеты призывают не ждать унижительных условий мира, а начать вновь войну... Состоялось две сходки сторонников войны с Турцией, причем на вторую собралось несколько тысяч человек, принята петиция королю с огромным числом подписей. Газеты сочувствуют, но опасаются слишком открыто об этом говорить. Короля призывают встать во главе 300 тыс. войска [...]»²⁴. Особенно активно действовало Общество сторонников сражавшихся (Polemophiles), призывавшее на ежедневных митингах, которые «разгоняли конные патрули, а участников арестовывали», к возобновлению войны²⁵.

Единственным героем греко-турецкой войны стал полковник К. Смоленскис — завоевав огромный авторитет в войсках, он мог легко стать греческим диктатором, если бы имел вкус к политическим интригам. Кронпринц Константин, вызвавший «самое большое недоверие и ненависть» в греческих войсках, как писали в своих сообщениях русские офицеры с броненосца 13 июня, не хотел возвращаться в Афины и собирался уехать в Англию на юбилей королевы Виктории²⁶. Но в последнюю минуту он передумал, опасаясь, что власть в армии перейдет к герою Смоленскису. (Константину удалось реабилитироваться лишь в годы Балканских войн 1912–1913 гг.) Премьер-министр Т. Делияннис после поражения в греко-турецкой войне оказался в ссылке в Канне, где умер, брошенный своими соратниками²⁷.

Российские военно-морские суда после окончания войны участвовали в эвакуации греческих войск (из Салоник, портов Малой Азии, Мерсины, Трапезунда и других районов). В связи с этими событиями в июне 1897 г. российским правительством в критские воды были посланы дополнительные военно-морские силы. В умиротворении острова принимали участие десанты с броненосца «Император Александр II» и лодки «Грозящий».

27 июля 1897 г. канонерская лодка «Уралец» вышла из Севастополя и направилась на Крит для присоединения к отряду судов вице-адмирала П. П. Андреева на смену «Запорожцу». После выполнения заданий броненосец «Император Александр II» вместе с другими кораблями Отряда стал заниматься учениями, совершал походы, наносил визиты королевской чете. 28 октября 1897 г. на Крит прибыл Отряд специальных судов в Средиземном море под командованием контр-адмирала Н. И. Скрыдлова²⁸, который сменил П. П. Андреева, о чем так просила императора греческая королева. 26 декабря «Александр II» перестал быть флагманом, поскольку Н. И. Скрыдлов перешел на крейсер «Герцог Эдинбургский»²⁹.

В конце июня команды с русских военно-морских судов опять стали пускаться на берег, однако отношение к России было резко отрицательным и не обошлось без тяжелого инцидента. Королева в письме к брату великому князю Константину Константиновичу описывала произошедшее так: «Вчера вечером в Пирее, при посадке наших матросиков на шлюпки, после гулянья, при чем все они были в трезвом виде, толпа произвела на них нападение». Поводом к этому послужило приветствие им со стороны французских матросов “Viva la Russia!”. Это грекам не понравилось, и они напали на них и на наших матросиков, хотевших их защищать; в них стали кидать громадными камнями, стульями, стаканами, бутылками — на лейтенанта Нелидова было специальное нападение: ему раскроили лоб, он упал, и тут еще чем попало колотили — не будь тут боцмана, выручившего его, то Бог весть что еще бы случилось»³⁰. Были ранены два офицера и восемь матросов. «Моряки глубоко оскорблены, — писала Ольга, — на них напали без малейшего повода, а они постоянно, где только могли, выказывали радушие на Кандии (Крите. — О. С.), перевозили жителей, делили, нет, отказывались ради них от своей пищи, давали им одежду, одеяла и т. д., и вот благодарность!»³¹

Вследствие поражения в войне Греции пришлось отозвать свои войска с Крита, а дальнейшее решение проблемы острова целиком сосредоточилось у великих держав. В Греции была сформирована Международная финансовая комиссия, в

которую входил и представитель России. По условиям Константинопольского мира, заключенного 4 декабря 1897 г., Крит получил автономию. Несмотря на сокрушительное поражение Греции от турецких сил, в результате активной политики великих держав, Греция и Крит ничего не потеряли, но, напротив, вскоре получили удовлетворение большей части своих территориальных претензий. Криту была не только дарована автономия, но обещан постепенный вывод турецких войск с острова, что резко ограничивало турецкое правление. Сама же Греция в результате неудачной войны была надолго отстранена от решения Критской проблемы. Военно-морские силы великих держав и многочисленный экспедиционный отряд, находившиеся на Крите почти 12 лет, были гарантией решения вопроса в пользу христианского мира. Последующие действия великих держав на Крите: назначение по инициативе России верховного комиссара четырех держав – принца Георга Греческого, вывод с острова всех турецких войск, а вслед за ними и турецкой администрации, принятие критской конституции и расширение автономии острова, административно-финансовые реформы, выработанные международной комиссией, спокойная реакция держав на произошедший на Крите осенью 1908 г. переворот, поставивший во главе Крита исполнительный комитет во главе с лидером либералов Э. Венизелосом (ставшим благодаря своим выдающимся способностям уже в 1910 г. премьер-министром Греции), – фактически способствовали отделению острова от Турции и выходу его из орбиты исламского мира.

Как отмечает в своем труде о русской политике на Балканах американская исследовательница Б. Елавич, греческие политики, а вслед за ними и многие греческие историки с легкостью возложили множество обвинений на великие державы-покровительницы, которые, по их мнению, не сумели оценить важность Критского восстания 1896-1897 гг., целью которого было побудить их окончательно решить Критский вопрос в пользу Греции, в результате чего, и Греция, и Турция, якобы желавшие избежать конфликта, были выведены на ринг истории³².

Примечания

- ¹ См: *Арбузов А.А.* Броненосец «Император Александр II». СПб., 1997; *Золотарев В.А., Козлов И.А.* Три столетия Российского флота. В 4-х т. Т. 1. СПб., 2003.
- ² См: *Арбузов А.А.* Указ. соч. На корабле находились 616 офицеров и матросов. В погребах и крьюйт-камерах броненосца хранились 450 зарядов и 290 снарядов для 305-мм орудий, 1116 зарядов и 1232 снарядов 152-мм орудий и 24 160 патронов к 47- и 37-мм пушкам.
- ³ Естественное стремление христианского населения Крита (Кандии), составлявшего большинство, присоединиться к родине-матери Греции, вызывало одно за другим восстания на острове – в 1841, 1854, 1866, 1878, 1885, 1887, 1889, 1895 и 1896 гг., которые горячо поддерживали греки во всем мире.
- ⁴ Теодорос Делияннис (1824–1905), известный юрист и политик-популист, националист, депутат греческого парламента и министр. В 1885–1903 гг. пять раз становился премьер-министром Греции. Наряду с Харилаосом Трикуписом доминировал в политической жизни Греции два последних десятилетия XIX в., установив в стране по сути двухпартийную систему.
- ⁵ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 138. Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 318. Л. 28.
- ⁶ *Соколовская О.В.* Россия на Крите. Из истории первой миротворческой операции XX века. М., 2006. С. 23.
- ⁷ Российский Государственный архив Военно-Морского Флота (далее – РГА ВМФ). Ф. 417. Оп. 1. Д. 1083. Л. 366–368.
- ⁸ *Соколовская О.В.* Россия на Крите... С. 30.
- ⁹ *Ерусалимский А.С.* Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX в. М.-Л., 1948. С. 313.
- ¹⁰ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 660. Оп. 2. Д. 225. № 47. Афины. 17 (29) июня 1897 г.
- ¹¹ *Никитина Т.В.* Критское восстание 1895–1896 гг. и внутривосточное положение в Греции в освещении русских дипломатов // Балканские исследования. Вып. 11. Политические, общественные и культурные связи народов СССР и Греции. М., 1989. С. 168.
- ¹² Дмитрий Густавович фон Фёркерзам (1846–1905), русский морской офицер, контр-адмирал, умер от сердечного приступа на броненосце «Петропавловск» во время русско-японской войны. Его тело было помещено в морозильную камеру, которая затонула вместе с «Петропавловском», подорвавшимся на японской мине 31 марта 1904 г. вблизи Порт-Артура. Потеря корабля и гибель находившегося на нем вице-адмирала С.О. Макарова стали трагедией для русского флота.
- ¹³ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1083. Л. 377.
- ¹⁴ Там же. Л. 492–494 об.
- ¹⁵ Там же. Л. 370–375 об. (Из строевого рапорта командира эскадренного броненосца «Император Николай I» 12 апреля 1897 г., подписанного старшим офицером лейтенантом Петровым).
- ¹⁶ *Соколовская О.В.* Россия на Крите... С. 27.
- ¹⁷ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1083. Л. 469–469 об. (Примечания к строевому рапорту командира броненосца «Император Николай I» от 1 августа 1897 г.).
- ¹⁸ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 225. Л. 373–374.
- ¹⁹ Там же. Л. 382 об.
- ²⁰ Там же. Л. 374–375.
- ²¹ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1083. Л. 388 (Копия строевого рапорта фон Фелькерзама от 23 мая 1897 г.).

²² Там же. Л. 386–386 об. (Приложение к строевому рапорту командира эскадренного броненосца «Император Николай I» капитана 1 ранга фон Фелькерзама от 16 июня 1897 г.).

²³ РГА ВМФ. Ф. 780. Оп. 1. Д. 8. Л. 20.

²⁴ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1083. Л. 474 об. (Примечания к рапорту фон Фелькерзама от 8 августа 1897 г.).

²⁵ Там же. Л. 471 (Примечание к строевому рапорту командира броненосца «Император Николай I» от 15 августа 1897 г.).

²⁶ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1083. Л. 386 об.

²⁷ *Miller W.* A History of the Greek People. 1821–1921. P. 104, 106; *Palmer Alan and HRH Prince Michael of Greece.* The Royal House of Greece. 1990. P. 31–32.

²⁸ Скрыдлов Николай Илларионович (1844–1918), российский адмирал, командующий Отдельным отрядом судов в Средиземном море в 1898–1899 гг.

²⁹ Большую часть похода «Император Александр II» нес адмиральский флаг: он был флагманом четырех адмиралов: П.П. Андреева, Н.И. Скрыдлова, К.Р. Вальронда и А.А. Бирилёва.

³⁰ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 225. № 49. Афины. 23 июня (5 июля) 1897 г.

³¹ Там же. № 50. Афины. 26 июня (8 июля) 1897 г.

³² *Jelavich B.* Russia's Balkan Entanglements, 1806–1914. Cambridge, 1991. P. 144–145.

Варвара Борисовна ХЛЕБНИКОВА

Мемуары Гавро Вуковича как зеркало черногорской внешней политики в конце XIX – начале XX вв.

Мемуары воеводы Гавро Вуковича, министра иностранных дел Черногории с 1899 по 1905 гг., издавались как при жизни автора, так и после его смерти. Сначала они выходили в виде небольших брошюр-очерков, посвященных ярким эпизодам из дипломатической жизни княжества. Потом, на рубеже 20–30-х годов XX в., их опубликовал журнал Цетинского исторического общества «Записи». А в 1985 г. Институт истории Черногории собрал все вместе в трехтомное издание, сопроводив публикацию большой редакционной статьей, фотографиями и комментариями¹. И хотя на отдельных страницах встречаются досадные технические ошибки, выход этой книги в свет был заметным событием в научной жизни Черногории. Рукописное наследие Г. Вуковича стало доступным широкому кругу заинтересованных читателей. В предисловии к трехтомнику С. Томович высоко оценил фактографическое богатство и литературные достоинства трудов Вуковича. Полностью соглашаясь с этой оценкой, хотелось бы дополнить характеристику анализируемого исторического источника.

Традиционно считается, что мемуары – довольно субъективное свидетельство прошедших времен. Авторы, как правило, стараются оправдать и объяснить свои поступки, часто пытаются переложить ответственность за ошибки на других, умалчивают о неблагоприятных действиях людей из своего окружения и т.д. Однако эти недостатки могут быть и достоинствами тех или иных воспоминаний.

В мемуарах Г. Вуковича достаточно ясно раскрылась личность политика, которому выпал особый жребий представлять княжество на международной арене в сложный переходный

исторический период. Рубеж XIX–XX вв. был для Черногории временем бурного государственного строительства, разграничения с соседями, попыток сыграть значимую роль в европейской политике. Это была эпоха больших надежд и амбиций маленькой страны, удач и провалов, проб и ошибок. Современники по-разному отзывались о черногорском министре иностранных дел — одни хвалили, другие ругали, наделяли нелестными эпитетами. Но никто из них не смог так точно передать характер воеводы, его профессиональные подходы, политические и личные предпочтения, как сделал это он сам на страницах воспоминаний. Довольно часто мемуаристы стараются занимать позиции беспристрастного рассказчика, пытаются убедить публику в своей объективности и честности. Г. Вукович, напротив, не только не скрывал, но даже подчеркивал обуревавшие его чувства, свой персональный, субъективный взгляд на описываемые события, явно рассчитывая, что читатели будут на его стороне, а потомки признают его правоту. Он как будто призывал не просто понять, а разделить его точку зрения, принять выводы, подводившие итоги многолетней работы. Демонстрируя свои симпатии и антипатии, осуждая и критикуя, хваля и соглашаясь, политик предстал перед нами в мемуарах подлинным представителем своего народа, человеком с характером сильным, трудным и противоречивым. Все качества черногорского темперамента, все психологические особенности национального менталитета отразились как в дипломатической деятельности Г. Вуковича, так и в его нарративном наследии. Министр был слишком «черногорцем», чтобы нравиться всем, кто имел с ним дело. На иностранных коллег его народность производила глубокое и неоднозначное впечатление.

Г. Вукович, сын знаменитого воеводы Милана Вукова Вешовича, родился в 1852 г. Почетное положение семьи позволило юноше получить за границей такое образование, о котором его ровесники могли только мечтать. Он учился в Белграде и в 1873 г. стал первым дипломированным черногорским юристом. Выпускное сочинение Вуковича было отмечено академической премией. Достижения в учебе будущего министра — это подтверждение одной из важных характеристик черногорского

народа. Российский славист П.А. Ровинский часто отмечал высокий интеллектуальный потенциал, успехи и целеустремленность черногорской молодежи в деле получения образования.

Государственную карьеру правовед начал в качестве секретаря черногорского Сената, потом стал членом Великого суда, в 1876—1878 гг. воевал с турками и, в конце концов, занял пост министра иностранных дел. Оставив эту должность в 1905 г., Вукович продолжал играть заметную роль в политической жизни княжества: два года был председателем Государственного совета, дважды избирался депутатом Скупщины. После того, как в 1918 г. Черногория вошла в Королевство сербов, хорватов и словенцев, Вукович оставался востребованным специалистом, работал дипломатом в Константинополе. Умер он в 1928 г. и был похоронен в одном из самых почитаемых в Черногории монастырей — Турђеви Ступови. Сегодня на родине политика в Беранах (когда-то административный центр племени васоевичей) открыт мемориальный музей Г. Вуковича.

У нас нет данных о том, писал ли министр свои мемуары собственноручно или диктовал секретарю, подвергались ли они литературной обработке. Но художественная одаренность автора, умение красноречиво повествовать, увлекать читателей очевидны. Содержание очерков весьма разнообразно. Это и воспоминания о восстании в Боснии и Герцеговине в 1875—1876 гг., и повествование о войне 1876—1878 гг., и рассказ о том, как трудно решался вопрос о границах только что признанного Европой княжества. Важная тема — двусторонние отношения с Сербией, Турцией, Австро-Венгрией, Россией, Францией, Великобританией, Италией, Германией, Болгарией. Одновременно Вукович прослеживает историю возвышения князя Николы, подробно описывает обстоятельства заключения выгодных для Черногории династических браков, подчеркивая роль подобных родственных связей в достижении тех или иных национальных задач.

Интересны его рассуждения о месте княжества в международных отношениях, о возможностях страны, об успехах и неудачах ее руководства после Берлинского конгресса. Как крепкий профессионал, Вукович ясно осознавал драматичес-

кое расхождение надежд черногорской элиты и политической реальности. Иллюзий в отношении будущего своей родины с годами у него оставалось всё меньше, а оценки становились всё более горькими и критическими. Подводя итог 40-летнему правлению князя Николы в 1900 г., министр писал: «В стране был хаос в гражданской и военной администрации, правосудие находилось на низком уровне хотя бы потому, что в нем тонула масса драгоценного времени в ущерб правде и справедливости. Хозяйство и торговля тоже были в примитивном состоянии <...>. Финансовое положение усугубляло все беды страны. Займы заключались за границей на самых тяжелых условиях. Выплаты по ним до 12% были невозможны. Из-за этого проценты превращались в основной долг <...>. Мы были должны австрийским банкам, потому что нигде больше не смогли занять. Австрийское правительство могло использовать нарушение сроков выплат, чтобы прижать нас к стене и давить на политическом поле. <...> Доходы государства были небольшими, а расходы росли в геометрической прогрессии, особенно из-за чрезвычайных и непредвиденных трат (женитьбы, замужества и торжества)»². Это был очень трезвый взгляд на то, как идут дела в государстве. Причем, достоинства рассматриваемых мемуаров не исчерпываются откровенным признанием неудач черногорских правителей.

Особо сто́ит обратить внимание на местоимение «мы», которым Г. Вукович как будто подчеркивал свою личную ответственность за всё, что происходило тогда в княжестве. Содержание книги свидетельствует о том, как часто одолевали воеводу Гавро печальные мысли о безысходной бедности и беспомощности своего несчастного отечества. В 1896 г., посетив Бар, отошедший после Берлинского конгресса к Черногории, министр был страшно удручен тем, в каком состоянии он застал принадлежавший ранее туркам город: «Много лет прошло с тех пор, как мы его присоединили, а мы в нем ничего не сделали, кроме того, что проложили дорогу внутри Черногории. Так велико было в прежние времена желание обрести побережье, а теперь, когда оно приобретено, — заброшено, как будто и не нужно нам. Этот непростительный грех мы, руководители

страны, никогда не отмолим, а наше потомство отомстит нам, бросая палки и камни на наши могилы и клеймя позором наши имена. Надеюсь, оно разберется, чья в том вина»³. Далеко не каждый мемуарист был готов так честно смотреть в лицо правде и признавать собственную несостоятельность, брать на себя вину за результаты провальной политики. Вопрос о вине не раз поднимался автором воспоминаний. Крохотная территория и изначальная бедность страны, с его точки зрения, только отчасти могли быть оправданием неудач. Серьезной помехой в деле продвижения страны по пути прогресса была плохо подготовленная к решению национальных задач бюрократия. Г. Вукович не всегда одобрительно относился к тем или иным планам политической верхушки княжества, опасаясь негативных последствий непродуманных действий.

В первую очередь завуалированная, но все же критика относилась к деятельности князя Николы, который, по мнению Вуковича, явно переоценивал свои возможности, был чрезмерно оптимистичен и неосторожен, ввязываясь в дела, непосильные для страны. Так, княжеству слишком дорого обходилась поддержка антиавстрийских выступлений в Боснии и Герцеговине. «Австрия преследовала Черногорию до полного истребления. Но и Черногория не стояла со скрещенными руками, постоянно раздувала огонь в герцеговинцах, принимала недовольных, посылала их в Герцеговину, чтобы они вредили властям, где могли...», — писал министр о желании черногорского монарха подстрекать вооруженную борьбу оккупированных провинций против Австро-Венгрии⁴. Он подчеркнул, какую чрезмерную цену платили черногорцы за свою задиристость: «Каллаева⁵ политика была в том, чтобы преследовать Черногорию до конца и немилосердно <...>. Поэтому мы не только в политике, но и в торговле, и в финансовых вопросах наткнулись везде на Каллая в разных обличьях. Он был камнем преткновения на каждом нашем шагу»⁶. Однако, судя здраво о бесперспективности политики противоборства с могущественной монархией Габсбургов, упрекая черногорского правителя в переоценке собственных возможностей, Г. Вукович, тем не менее, и сам поддавался этому порыву. Он не всегда оставался

хладнокровным дипломатом, ищущим разумных компромиссов в отношениях с опасным соседом, — бывало, проявлял такую же горячность, самоуверенность, как и его сюзерен. Так, описывая свой визит к министру иностранных дел Австро-Венгрии графу Голуховскому в 1899 г., Вукович признался, что быстро вышел из себя из-за «едкого, сердитого и надменного тона» собеседника. После нескольких попыток убедить графа в непричастности черногорцев к волнениям в Герцеговине, в сердцах бросил: «Если бы Черногория хотела, хотя вы считаете ее незначительной, могла бы держать обе провинции в вечном огне без последствий для себя. При этом оккупационные власти не имели бы покоя ни днем, ни ночью». На этот дерзкий выпад Голуховский ответил словами, свидетельствовавшими о том, что австрийские руководители знали цену черногорским властям: «Ваш князь и вы говорите одно, а делаете другое»⁷. Описанная Вуковичем сцена дает читателю возможность понять, как национальный темперамент влиял на дипломатические намерения. Кому, как ни княжескому министру иностранных дел, следовало бы держать язык за зубами и контролировать каждую свою фразу в диалоге с человеком, который мог причинить массу неприятностей. Между тем, запальчивость, обидчивость, повышенная эмоциональность, вечная готовность к отпору брали верх над осторожностью. Черногорец рубежа XIX–XX вв. не был готов поступиться своей гордостью перед надменной силой. Он привык жить в состоянии войны и не боялся врага. Таким был и Гавро Вукович, хотя подобное поведение в дипломатии, как правило, успеха не приносило.

Однако куда больше, по мнению автора мемуаров, репутации страны вредила финансовая политика князя Николы, непомерные траты двора и авантюры, в которые ввязывалось княжеское окружение в поисках легких денег. Особенно скандальной стала история почтового долга в 1899–1900 гг., когда княжество не исполняло взятые на себя международные обязательства — не пересылало «незамедлительно» иностранным адресатам почтовые денежные переводы, а использовало их для затыкания дыр в бюджете. После того, как европейская пресса узнала об этом и «подняла страшный шум», образ героической

Черногории в глазах зарубежных партнеров изрядно померк. Но потеря авторитета не была самым опасным итогом почтовых афер. Вукович был поставлен в известность, что австрийцы готовы оккупировать часть черногорской территории для того, чтобы заставить княжество вернуть долги. Министр честно написал, что не удалось бы избежать столь пагубных последствий, «если бы Россия, наша вечная благотворительница, не спасла нас от этого кризиса»⁸. Не раз в своих мемуарах он возвращался к теме непосильных долгов и чрезмерных трат монарха и его двора. Рассказывая, как уговаривал князя ограничиваться скромными церемониями вместо пышных и дорогостоящих торжеств, Вукович признавал, что власти страны жили не по средствам и тем самым мешали поступательному движению вперед.

Примечательно, что в мемуарах Г. Вуковича нашла правдивое, а не лубочное, приукрашенное отражение непростая история взаимоотношений России и Черногории. С одной стороны, княжеский министр неоднократно благодарил российское руководство за помощь, оказанную в трудные минуты, которых было слишком много в жизни страны. С другой стороны, он крайне нелюбезно отзывался как об общей политике Российской империи на Балканах, так и о русских дипломатах, с которыми имел дело на протяжении многих лет. Главный упрек, если не обвинение, заключался в том, что Россия цеплялась за «мертвый», по определению министра, принцип статус-кво, проявляла медлительность и чрезмерную осторожность, не спешила поддержать черногорских лидеров в их смелых мечтах, «боясь, что эти планы станут новым обременением». «У русских дипломатов, — утверждал Вукович, — было отвратительное предубеждение в отношении всего, что Черногория предпринимала для своего развития. Зачем Черногории железные дороги, пути, порты? Цивилизация не для Черногории. Ибо нужно, чтобы она оставалась военным лагерем в патриархальном облики. У нас не было способа ни бороться с этим предрассудком, ни привлечь помощь России к тому, что выведет нас из состояния, которое она самоуверенно, но ошибочно считала самым спасительным для Черногории»⁹. Такой комментарий

от человека, через руки которого проходили астрономические суммы, направляемые из Петербурга в Цетинье на развитие государственного аппарата, армии, школ, церкви, звучал как проявление неблагодарности. Руководителю столь высокого ранга не мешало бы задуматься над тем, чего сто́ят прогресс и государственность, выстроенные за счет другой державы. Вукович даже не заметил, что своими претензиями к России окончательно снизил вес Черногории как самостоятельной страны. Он косвенно признал, что княжество в принципе не могло решать стратегических задач развития без русской помощи. Противоречивость убеждений и действий политика очевидна.

Однако в отличие от князя Николы, министр иностранных дел совсем не был уверен, что Россия обязана всегда приходить на помощь и улаживать проблемы княжества. Он стыдился непомерных трат двора Петровичей-Негошей, был сильно смущен и обескуражен каждый раз, когда монарх спешно посылал его в ту или иную европейскую столицу за новыми займами. Воевода понимал, что и старых долгов стране не погасить, поэтому опасно делать новые. Особенно трудно ему было договориться со своей совестью, когда речь шла о финансовой помощи со стороны Российской империи. В силу своих служебных обязанностей он должен был едва ли не ежедневно иметь дело с российскими дипломатами, которые в любую минуту могли потребовать от княжества как отчета в денежных вопросах, так и подчинения в улаживании политических разногласий. Понимая, как много зависит от воли Петербурга, Г. Вукович все-таки не смог смирить своей гордыни и притвориться послушным младшим партнером великой державы. Тонко чувствуя двусмысленность ситуации, он утверждал, что в первую очередь является слугой своего отечества и господаря, а не иностранных агентов. Гордился тем, что став министром иностранных дел, тотчас уведомил российского министра-резидента К.И. Агрипуло, что за любой информацией следует приходить в министерство, а не ждать, когда сведения в виде «рапортов» доставят в миссию. С плохо скрываемым злорадством Вукович вспоминал, как сердился российский представитель, когда узнавал новости от иностранных коллег позже других¹⁰, хотя тут же признавал,

что Аргиропуло был «действительно рассудительный дипломат, хороший человек и настоящий друг Черногории». Трудно понять, почему воевода Гавро не считал нужным чаще идти на встречу таким надежным друзьям.

Другие сотрудники миссии на страницах книги выглядят совсем непривлекательно. К.А. Губастов выражал обеспокоенность делами княжества с каким-то «подмуклим» (коварным, вероломным, подлым) недовольством, на основании чего воевода сделал вывод: «Я заметил, что он был бы очень доволен, если бы князь не смог достичь цели или хотя бы отложил свои планы»¹¹. Про П.М. Власова сказано, что еще одного такого же, неподходящего для работы в Цетинье человека нельзя было разыскать во всей огромной России. Ю.Я. Соловьев — «заносчивый и злобный секретаришко», посмел усомниться в любви и благодарности черногорцев только потому, что в дни траура по морякам, погибшим в Цусимском бою, в столице Черногории состоялись торжества в связи с открытием табачной фабрики, и, якобы, кто-то из гостей предложил тост за адмирала Того. Почему-то Вукович был убежден: Соловьев рассчитывал, что «я буду ползать на брюхе перед его надменностью, что сочту за милость, когда он будет меня топтать»¹².

Как понять эти негативные характеристики в адрес людей, которые представляли Россию на официальном уровне? Откуда такое озлобление и явная несправедливость? В этнопсихологии такое поведение называют казуальной атрибуцией. Другой стране, чужому народу, отдельным людям приписывают отрицательные качества (агрессивность, нечестность и т.д.), ничего толком о них не зная, не располагая информацией. Дефицит сведений рождает подозрения. Жившие в постоянной стрессовой ситуации черногорцы не доверяли иностранцам, относились к ним насмешливо и недоброжелательно. Но Г. Вукович был прекрасно осведомлен о сочувствии россиян к черногорцам. Тем не менее, не считал нужным скрывать свое недружелюбное отношение к коллегам, резко осуждал их. Он довольно путанно объяснял и себе самому, и своим читателям, почему ему были так неприятны слова и поступки российских дипломатов: «Дипломатия вообще прихотлива, завистлива, а

часто и злобна. Особенно капризной была русская дипломатия. Уступая нашим просьбам, адресованным к великим державам, сделать что-либо в нашу пользу, она тяжело принимала решения. А если мы добивались этого самостоятельно, аплодировала нашим успехам. После свершившегося факта она поздравила нас по случаю примирения с Германией. И все-таки, нашу самостоятельную работу во внешней политике не терпела ни в коем случае. Требовала, чтобы мы были ее “посыльным” без своей инициативы. Мы всегда боролись против этого и, к удивлению многих, сохранили русскую благосклонность»¹³. Так и неясно из слов министра, какая тенденция доминировала в поведении российских политиков: они держали Черногорию на коротком поводке, не давая возможности достигать стратегических целей? Или радовались за партнеров тогда, когда те достигали успеха? Видимо, ответа на этот вопрос у Г. Вуковича не было.

Вероятно, он чувствовал неэффективность политического курса, суть которого заключалась в том, чтобы использовать внешние силы для решения внутренних задач. Такая тактика была опасной, независимость, к которой стремились десятилетиями, таяла на глазах. Всё меньше было возможностей действовать самостоятельно, всё больше приходилось прислушиваться к покровителям из Петербурга. И хотя воевода хвалился, что противостоял натиску России, в глубине души он понимал, что это произошло потому, что русская дипломатия не стремилась лишить черногорцев политической воли. Выражаясь словами мемуариста, «широкая русская натура» «проглатывала пилюли» черногорцев. Значит, это не был их успех, это были широта взглядов и терпеливое отношение сильного союзника к своему неопытному партнеру. Трудно было черногорскому политику смириться с сознанием того, как мало зависит от него самого, как легко его отечество может стать инструментом в чужих руках. Возможно, поэтому он не хотел признавать, что российские дипломаты, какими бы высокомерными ни казались, были правы, призывая к сдержанности и осторожности. А может быть, сто́ит предположить, что в мемуарах бессознательно сделана попытка пере-

ложить хотя бы частично груз ответственности за собственные неудачи на внешнюю силу, тем самым облегчить чувство вины перед соотечественниками. В любом случае, в воспоминаниях Г. Вуковича есть то, чего нельзя отыскать в официальных документах, — эмоциональная составляющая российско-черногорских отношений. Два разных менталитета, российский и черногорский, представлены глазами черногорца, и читатели сами могут делать выводы о состоянии двусторонних связей. Так же ярко, «сочно», народным языком, с эмоциональными комментариями писал княжеский министр иностранных дел и о взаимоотношениях с другими европейскими государствами. Как правило, он был не очень доволен поведением партнеров, часто находились поводы для критики иностранных дипломатов, независимо от того, какие вопросы обсуждались. И экономические, и политические дела шли совсем не так, как этого хотелось бы черногорским руководителям, однако в большинстве случаев им приходилось приспосабливаться и соглашаться с ведущими европейскими державами. Сила была не на стороне черногорской монархии, что, видимо, сильно огорчало автора мемуаров.

Подводя итог, можно сказать, что все разделы трехтомника, независимо от того, какие сюжеты там поднимаются, наполнены глубокими переживаниями автора, его тревогой за судьбу своей страны. Выводы политика часто противоречивы, оценки субъективны и не всегда справедливы, представления о достижениях княжества иногда далеки от реальности. Но именно это черногорское видение исторического процесса, эта черногорская картина мира и составляют самое ценное в воспоминаниях Гавро Вуковича. Благодаря его мемуарам мы можем судить о том, как трудно складывалась судьба черногорской государственности в конце XIX — начале XX вв.

Примечания

- ¹ *Вуковић Г.* Мемоари. Обод-Цетиње, 1985. Т. 1–3.
- ² Там же. Т. 3. С. 190.
- ³ Там же. С. 157.
- ⁴ Там же. С. 58.

⁵ Беньямин Каллай с 1882 г. занимался управлением Боснией и Герцеговиной, превращая их в составную часть Австро-Венгрии. Он успешно вытеснял прежнюю мусульманскую верхушку, заменил ее хорошо подготовленным австрийским чиновничеством. См.: Югославия в XX веке. Очерки политической истории. М., 2011. С. 159.

⁶ *Вуковић Г. Мемоари...* Т. 3. С. 44–45.

⁷ Там же. С. 194.

⁸ Там же. С. 197.

⁹ Там же. С. 209.

¹⁰ Там же. С. 91.

¹¹ Там же. С. 168.

¹² Там же. С. 121.

¹³ Там же. С. 105.

Пётр Ахмедович ИСКЕНДЕРОВ

Балканское измерение международных отношений в Европе в начале XX в.

Накануне Первой мировой войны Балканский полуостров стал одной из ключевых арен противостояния великих держав и их военно-политических блоков – Антанты и Тройственного союза¹. Как образно характеризовал данное обстоятельство один из ведущих отечественных специалистов в области истории международных отношений Ю.А. Писарев, именно Балканский полуостров в рассматриваемый период являлся «объектом непосредственной экспансии великих держав и был исходной базой для ее расширения в бассейне Средиземного моря, в Северной Африке, на Ближнем Востоке»². Именно на Балканском полуострове, продолжал ученый, «сталкивались и переплетались интересы противостоящих друг другу коалиций: Тройственного союза и Тройственного согласия, которые, готовясь к кровавой схватке, пытались заполнить на Балканах новых союзников»³.

Впрочем, дело было не только в поиске новых союзников. По мнению югославского исследователя А. Митровича, в период между 1908 и 1914 гг. и особенно после Первой Балканской войны «Австро-Венгрия путем ликвидации независимости небольшого соседа на юге (Сербии. – *П. И.*) хотела проложить путь к расширению на юго-восток и продемонстрировать мощь у себя дома, где ситуация складывалась неблагоприятно. Для Германии подобная австро-венгерская политика представляла возможность с ее помощью открыть военные действия, в ходе которых она бы сумела создать фантастическую империю в Европе, на Ближнем Востоке, в Средней Африке и на некоторых океанических архипелагах, империю, задуманную как сложное образование, состоящее из расширенной территории

Рейха, государств-сателлитов, сфер жизненных интересов и огромных колоний»⁴.

Привлекательность Балканского региона для «сильных мира того» определялась двумя обстоятельствами – незавершенностью процессов национально-государственного строительства и конфигурацией географической карты. Пожалуй, точнее всего данную особенность Балкан, выступавших и субъектом, и объектом исторических процессов, выразил югославский историк М. Скакун, указавший, что «Балканский полуостров представлял собой часть Европы, где отсталые социальные отношения сохранялись намного дольше после того, как они были преодолены в других частях Европы», а это усиливало экономическую отсталость региона⁵. Вместе с тем, по словам автора, именно географическое положение Балкан, которое «открывает ворота трех континентов», сделало регион «постоянной целью великих держав», вследствие чего «за их взаимными столкновениями и договоренностями относительно данного региона можно следить непрерывно», начиная с середины XIX в.⁶. По словам ученого, в мире нет другого региона, в котором за последние 100 лет происходило бы такое количество крупных и менее значительных войн, вооруженных столкновений, мятежей и восстаний.

Однако особое место Балкан в системе международных отношений в Европе в конце XIX – начале XX вв. определялось не только интересами и маневрами великих держав, но и политикой самих балканских стран и народов. Последние не только хорошо понимали собственную геополитическую важность – пусть и в качестве разменных пешек, – но и активно пытались плести свои внешнеполитические комбинации, в результате чего лозунг «Балканы – балканским народам», при всей его внешней привлекательности, зачастую означал сохранение в регионе перманентного военно-политического кипящего котла. В определенной степени свою лепту в подобное поведение балканцев внесла и Россия. После обретения в 1878 г. независимости Сербией, Черногорией и Румынией и международного признания провозглашенного в 1885 г. объединения Болгарии российское руководство посчитало свою задачу по освобож-

дению христианских народов Балкан в целом выполненной, и потому завершение этого процесса, говоря словами министра иностранных дел России С.Д. Сазонова (1910–1916 гг.), «могло быть предоставлено усилиям самих освобожденных народов». Тезис «Балканы – балканским народам» был «той формулой, в которую вмещались стремления и цели русской политики и которая исключала возможность политического преобладания, а тем более господства на Балканах враждебной балканскому славянству и России иноземной власти»⁷. При этом не следует недооценивать посредническую и миротворческую роль России, которая накануне Первой мировой войны в сложившейся опасной ситуации и в неблагоприятных внешних обстоятельствах стремилась «по возможности отдалить сроки военного конфликта между Австро-Венгрией и Сербией, ибо этот конфликт неизбежно должен был привести к вступлению в войну на стороне Сербии России»⁸. Это, в частности, проявилось в напряженные для европейского мира недели осени 1912 и осени 1913 гг., когда обострение сербо-албанских отношений легко могло вовлечь в свою орбиту Австро-Венгрию и другие великие державы⁹.

Вместе с тем, на деле вышеуказанная формула «Балканы – балканским народам» означала в том числе и вызывающие и подчас провокационные действия балканских стран, активно пытавшихся привлечь как Петербург, так и другие ведущие европейские столицы на свою сторону в многочисленных региональных конфликтах и территориальных спорах. При этом найти взаимоприемлемое решение для подобных споров представлялось задачей архисложной, если вообще выполнимой, учитывая исторически сложившуюся этно-конфессиональную пестроту населения Балканского полуострова. Балканы – один из классических регионов мира, где границы, нарисованные на основе этнического принципа, не могут решить межэтнические проблемы, а лишь закладывают новые «мины замедленного действия». Ведь сами эти этнические границы очень часто носят условный характер, не учитывая этническую «чересполосицу», сложный процесс многовекового этногенеза, а также объективно сформировавшиеся культурно-исторические

особенности различных частей одного и того же этноса, разделенного государственными, религиозными, природными и прочими разграничительными линиями. Не случайно именно Балканский регион выступает в качестве одной из областей потенциально более активного применения современных методов исторического анализа, в том числе метода ситуационной логики, под которой в рассматриваемом случае понимается, в частности, выявление «многопричинности внешнеполитических событий и процессов»¹⁰. Подобная «многопричинность», заключающаяся, в частности, в тесном переплетении внутренних и внешних факторов, политических интересов и этно-конфессиональных аспектов, исторически активно прослеживается именно в рамках Балканского полуострова с его этнической «чересполосицей» и переплетением интересов великих держав и региональных игроков.

Конкретные этно-конфессиональные условия, сложившиеся накануне Первой мировой войны в Балканском регионе, и тяжелая историческая «наследственность» проживавших здесь народов обусловили гораздо большие — в сравнении с другими конфликтными районами мира — распространенность и востребованность интеграционных моделей как одного из методов решения многочисленных региональных проблем.

Наиболее последовательными сторонниками указанных моделей в формате создания Балканской федерации являлись сербские социал-демократы, а также болгарские «тесные социалисты». Впервые свое всестороннее развитие и обоснование комплексная программа решения «балканского вопроса» на основе создания Балканской федерации (федерации балканских республик) — политического объединения, в которое на правах автономных членов вошли бы все балканские народы, получила на I Балканской социал-демократической конференции, состоявшейся 7–9 января 1910 г. в Белграде. На ней были представлены соответствующие партии и движения из Болгарии, Боснии и Герцеговины, Македонии, Румынии, Сербии, Славонии, Словении, Турции, Хорватии и Черногории. Кроме того, греческие социал-демократы направили в Белград приветственную телеграмму, в которой солидаризировались со

всеми решениями конференции. Основным докладчиком на форуме стал лидер Сербской социал-демократической партии (ССДП) Д. Тузович.

В своем выступлении он подчеркнул, что «объединение и взаимная поддержка стран и народов на Балканах есть единственный путь, который ведет к экономическому, национальному и политическому объединению»¹¹. В принятой на конференции резолюции говорилось, что пресловутый балканский вопрос может быть эффективно решен лишь путем союза всех проживающих там народов, а именно «объединением хозяйственных сил, ликвидацией искусственно поставленных границ, обеспечением полной взаимности и общности в жизни и защите от общей опасности»¹². Как подчеркивалось уже в отчете Главного партийного управления ССДП X съезду партии, состоявшемуся 12–14 февраля 1914 г. (данный документ также был подготовлен Д. Тузовичем), «без федерации нет ни мира на Балканах, ни самостоятельности и свободы для балканских народов»¹³.

Однако на пути реализации идеи создания Балканской федерации или иных интеграционных моделей существовали многочисленные препятствия, в том числе настроения правящих династий. Династический фактор представлял собой одну из важных особенностей развития Балканского региона и в рассматриваемый период играл скорее негативную роль с точки зрения налаживания взаимодействия балканских стран и народов — в том числе и таких родственных, как сербы и черногорцы. Вышеупомянутые сербские социал-демократы, как и представители других политических направлений в Сербии, видели в сербах и черногорцах представителей одного народа, а оба Королевства считали двумя сербскими государствами, в связи с чем рассматривали проблему их объединения исключительно в рамках сербского национального вопроса, полагая при этом, что, поскольку его разрешение встречает препятствия со стороны династий и правительств обоих государств, а также международной дипломатии, «объединение сербов и черногорцев представляло бы огромный успех демократии, а сама идея реальной унии не является утопией», ибо «в случае объединения хозяйственных и политических сил обоих народов

было бы найдено соответственное этому решение и для обеих королей»¹⁴.

Однако сами короли отнюдь не стремились искать подобное решение, свидетельством чему являются переговоры между Белградом и Цетинье в последние месяцы перед Первой мировой войной.

В начале 1914 г. в Черногории заметно обострилось внутриполитическое положение. Среди широких масс населения постепенно ширилось недовольство режимом короля Николы, захватывая также и круги, непосредственно приближенные к монарху. Ряд членов черногорского кабинета недвусмысленно возлагали ответственность за переживаемые страной бедствия на Николу, не принимающего, по их мнению, необходимых мер для подъема народного благосостояния и развития просвещения, реорганизации государственных структур и административного управления и «своей внешней политикой, противной указаниям России, утратившего благожелательную поддержку исконной покровительницы Черногории»¹⁵.

По словам черногорского посланника в Белграде Л. Миюшковича, «черногорцы с большой тревогой взирают на будущее, которое рисуется им в весьма мрачных красках»¹⁶. При этом значительное увеличение территории страны также стало выступать в качестве своеобразного негативного фактора, ибо оно требовало значительных бюджетных средств для защиты и управления в присоединенных областях, врезавшихся клином далеко на юго-восток, при невозможности наладить какое-либо хозяйственное освоение данных земель. В первую очередь, это относилось к Печско-Джяковицкой области, которая являлась одним из пунктов разногласий сербской и черногорской делегаций на переговорах о разграничении, вследствие стремления короля Николы добиться присоединения также и Призрена¹⁷.

Всё это укрепляло черногорцев в мысли о невозможности собственными силами решить указанные проблемы и вынуждало усиливать давление на своего монарха с целью побудить его пойти на сближение с Сербией, занявшей после Балканских войн ведущее положение в славянском мире. Переписка Миюшковича свидетельствует, что он получал от своих знако-

мых, принадлежавших к различным слоям черногорского населения и занимавших различное положение в государственных структурах страны, большое количество писем и обращений с призывом проявить собственную инициативу и, не дожидаясь прямых указаний из Цетинье, предпринять необходимые шаги, направленные на сближение двух стран¹⁸.

Вскоре Миюшкович получил и официальное поручение черногорского правительства — подробно изложить позицию сербской стороны по вопросу возможного секретного сербо-черногорского соглашения, а также высказать свои собственные соображения по этому поводу. В ответ он, зная о переменчивых настроениях короля Николы, воздержался от обнародования своей точки зрения, но в весьма подробном донесении обстоятельно изложил содержание своих многочисленных бесед с сербскими политическими деятелями различной политической ориентации. Все они выражали сочувствие установлению более тесных отношений между Сербией и Черногорией. Представители Белграда одновременно подчеркивали безусловную необходимость сохранения правящих династий и полной политической независимости обоих государств, что, по их мнению, вовсе не являлось препятствием для объединения торгово-экономической, финансовой и иной деятельности двух стран¹⁹.

Донесение Миюшковича произвело благоприятное впечатление на черногорского монарха и, в частности, рассеяло до некоторой степени его опасения относительно существования у сербских властей тайных замыслов «добиться объединения сербского племени под скипетром Карагеоргиевичей»²⁰.

Исходя из этого, а также принимая во внимание тяжелое социально-экономическое положение в стране, Никола решил выступить инициатором сербо-черногорского сближения и 15 марта 1914 г. направил сербскому королю собственноручное письмо. В нем он отметил знаменательные для обоих государств итоги Балканских войн, подчеркнул историческое значение окончательного освобождения их населения от турецкого господства и указал на необходимость немедленно приступить к созданию прочной основы для дальнейшего сотрудничества двух стран. Это, по словам черногорского короля, представля-

лось особенно необходимым, принимая во внимание преклонный возраст правителей и настоятельную потребность подготовить для их наследников и народов «вполне надежную почву для будущего их существования, богатства, благоденствия» и «обеспечить сохранение наследства», тем самым облегчив им впоследствии «осуществление неразрешенных еще национальных заветов»²¹.

Далее в письме подчеркивалась безотлагательная необходимость достижения соглашения о взаимном признании независимости и равноправия династий, с точным определением обязательств сторон в военной, дипломатической и финансовой областях. В результате этих мер, продолжал Никола, «мы оставим нашим сыновьям единокшное сербство, земли, богатые плодородными полями, орошенные реками, украшенные лесами, изобилующие рудниками, омываемые синим морем, нашим свободным сербским морем. На всем пространстве, занятом сербским народом, самом красивом крае в мире, будут процветать сотни тысяч сербских молодцев, которые своей культурной деятельностью всё полученное сохраняют, украсят и обогатят.

Не только народы Сербии и Черногории, но и неосвобожденные братья-сербы обрадуются этому соглашению, равно как и всё южное славянство, надежда коего на грядущее объединение будет укреплять его духовные силы.

Наша вековая покровительница Россия даст нашему соглашению свое материнское благословение.

Укрепленные, мы будем в состоянии еще лучше доказать ей нашу признательность, нашу верность и любовь за всё то, что она веками для нас делала; наконец дождалась она нашего освобождения и видит нас способными к самостоятельному существованию и готовыми служить ей как самые благодарные, самые лояльные и самые верные союзники»²².

Что касается конкретной организации переговоров, то для этого, по мнению автора письма, необходимо командирование с каждой стороны по одному или по два представителя для выработки, на вышеуказанных основаниях, совместного плана будущей согласованной деятельности обоих государств²³.

По сведениям российского поверенного в делах в Черногории Н.А. Обнорского, данное письмо было отправлено черногорским королем после долгих колебаний, и факт его появления был вызван желанием Николы обеспечить интересы своей династии «в случае тесного сближения обоих сербских племен, логическая неизбежность которого становится всё более и более очевидной не только в глазах самих сербских народов, но и по мнению руководителей политики окружающих государств, столь разнообразно заинтересованных в судьбах народов сербского корня»²⁴.

После получения в Белграде данного письма сербский премьер-министр Н. Пашич тотчас же посетил, вместе с черногорским посланником в Сербии, российскую миссию и, принимая во внимание опасность ведения подобных переговоров без ведома России, ознакомил российского посланника в Белграде Н.Г. Гартвига с содержанием королевского письма и в его присутствии проинформировал Миюшковича о том, в каких именно пределах, по мнению сербского правительства, могло бы состояться указанное двустороннее соглашение²⁵. Он считал это особенно необходимым вследствие того, что в письме «заключается гораздо более братских излияний и поэтических красот, нежели реальных предложений»²⁶. Прежде всего Пашич признал справедливость и обоснованность поставленного черногорским королем исходного условия для ведения переговоров — сохранение сторонами государственной и династической независимости. По его словам, «в Сербии, при нынешних политических условиях, не помышляют о слиянии с Черногорией и принимают предложение ее господаря, как давно жданный шаг к сердечному примирению и сближению обоих государств на чисто культурной почве», соглашаясь с мнением представителя России, что именно в этом заключается залог отсутствия преждевременных опасений со стороны других государств и наиболее реальный путь к «укреплению свободы и независимости славянских государств, столь важному для поддержания политического равновесия и порядка на Балканах»²⁷. По свидетельству Обнорского, изучение всей политической обстановки в Черногории позволяет ему сделать вывод, что «едва ли не

единственным практическим и не грозящим осложнениями разрешением задачи являлось бы мирное сотрудничество обоих государств при постоянном содействии и могущественной поддержке со стороны России и при условии сохранения обоими народами своей политической индивидуальности и независимости, впредь до того момента, когда естественное слияние двух братских народов, имеющих ныне смежные границы, могло бы совершиться без потрясений и конфликтов с соседями, столь заинтересованными в их разъединении»²⁸.

Что же касается остальных затронутых в письме вопросов, то Пашич указал на желательность в данный момент не акцентировать внимание на заботах о «неосвобожденных еще сербских братьях и целом югославянстве», а направить все усилия на разработку конкретных положений, которые могли бы обеспечить прямые торговые и иные сношения двух государств путем отмены паспортной системы, введения унифицированной денежной системы, установления общего типа административных и судебных учреждений, совместного усовершенствования путей сообщения, а также улучшения почтовой, телеграфной и таможенной служб²⁹. Среди предложенных главой сербского кабинета мер в военной области следует отметить образование единых командных кадров с целью совместной защиты владений и облегчения непосредственных контактов двух армий. В дипломатической области предусматривалось достижение полной согласованности внешней политики обоих государств как между собой, так и по отношению к внешнеполитическому курсу России³⁰. Миошкович в целом поддержал вышеприведенные предложения Пашича и пообещал довести их до сведения своего правительства. Тем временем на заседании совета министров Сербии был выработан согласованный проект ответного письма черногорскому монарху, которое, за подписью короля Петра, было отправлено по назначению³¹.

В этом письме, датированном 2 апреля 1914 г. и составленном в более умеренных и осторожных выражениях, король Петр с радостью отметил общность взглядов обоих монархов на историческое значение военных успехов Сербии и Черногории и необходимость установления возможно более тесных связей

между двумя государствами³². «Возлагая надежды на Бога, что он поможет сербам осуществить задачи подобные тем, которые счастливо завершили немцы в Германской империи, — продолжал сербский король, — я прошу Ваше Величество принять к сведению, что готов назначить своего делегата для совместного обсуждения с доверенным Вашего Величества лицом всех вопросов о нашем соглашении»³³. Наряду с этим в письме подчеркивалась необходимость избежать преждевременной широкой огласки переговоров, в связи с чем сербская сторона считала бы желательным ограничить круг лиц, причастных к их ведению, и доверить данную миссию лишь двум делегатам — по одному с каждой стороны; одновременно общее руководство по ведению переговоров король Петр возложил на председателя совета министров Сербии Пашича. В заключение в послании выражалась надежда на то, что совместная деятельность обоих государств в указанных областях будет способствовать их дальнейшему поступательному развитию и, кроме того, «встретит сочувствие великой славянской России», которая всегда предоставляла Сербии и Черногории «доказательства своей драгоценной благосклонности»³⁴.

В конце апреля 1914 г. черногорский дипломатический представитель в Сербии Л. Миошкович был вызван в Цетинье, где в течение двух недель проводил интенсивные консультации с черногорскими официальными лицами, а также с самим королем Николой, от которого он должен был получить особые полномочия для выработки совместного сербо-черногорского соглашения³⁵. Основные положения данного документа, сообщенные Пашичем черногорскому дипломату перед его отъездом в Черногорию, включали в себя сохранение «обеих династий и политической индивидуальности каждой из договаривающихся сторон», объединение армий с сохранением верховного командования в руках обоих монархов над частями, расквартированными в пределах каждого Королевства, учреждение одного общего Генерального штаба, который должен взять на себя выработку всех основных мероприятий в плане военной реорганизации, осуществление согласованной внешней политики, которая должна обеспечивать защиту неприкосновенности тер-

ритории и населения двух стран, с установлением общих для обоих государств заграничных представительств; организацию общего типа судебных и административных учреждений, а также объединение финансовой системы и таможенных, почтовых и телеграфных служб³⁶. При этом обе делегации подчеркнули необходимость сохранения в тайне конкретного содержания переговоров и соблюдения величайшей осторожности при разработке программы совместных мероприятий, чтобы не давать повод для вмешательства других государств, в первую очередь Австро-Венгрии³⁷.

Перед своим возвращением в Белград Миюшкович посетил российскую миссию в Цетинье и ознакомил российского посланника А.А. Гирса с ходом и перспективами переговоров, высказав со своей стороны серьезные сомнения в их скором и успешном завершении. По его словам, «если все черногорцы, как один человек, проникнуты необходимостью такого соглашения с сербами и видят в нем единственный выход из того отчаянного положения, в котором они очутились после двух войн, то нельзя того же сказать о короле Николе, помыслы которого по-прежнему направлены в сторону более резкого обособления от Сербии»³⁸.

По мнению Миюшковича, Никола и после получения ответного письма от сербского монарха не освободился полностью от недоверия как к своему зятю, так и к Пашичу, и в связи с этим планирует замедлить ход переговоров путем предъявления различных требований и претензий сербской стороне. Одновременно, в ходе консультаций с черногорским делегатом по вопросу о наделении его полномочиями, Никола дал понять, что ожидаемое восстановление финансовой и военной помощи Черногории со стороны России, а также ее дипломатическая поддержка позволят Черногории занять более независимую и неуступчивую позицию по отношению к Сербии и противостоять «натиску унионистов» по обе стороны сербо-черногорской границы³⁹. В целом, черногорский король достаточно холодно принял своего представителя и практически отказался от детального обсуждения основных положений сделанного Миюшковичем доклада о ходе переговоров и предоставлении

ему каких-либо дополнительных полномочий⁴⁰. Объяснения Николы с Миошковицем носили подчас бурный характер, и, покидая Цетинье, последний заявил с горячностью, на правах человека, близкого к королю и его дому: «Помните, государь, что единственное спасение для вас и для вашей династии лежит в опоре на Сербию»⁴¹.

По мнению черногорского представителя, в основе разногласий короля Николы и его подданных по поводу заключения сербо-черногорского соглашения лежал вопрос о том, что именно является «вернейшим залогом преуспевания Черногории», при существовавшей одновременно опасности того, что король станет искать поддержку для своей позиции в «заинтересованных третьих лицах, кем бы они ни оказались», — намек на австрийцев более чем прозрачен⁴².

В этих условиях обе делегации приняли решение включить в выработываемое соглашение лишь те условия и взаимные обязательства, против которых черногорский монарх не имел бы ни повода, ни основания возражать, в надежде, что он в конце концов проникнется важностью заключения указанного соглашения и, в более широком плане, окончательно поймет жизненную необходимость объединения различных сфер государственной жизни двух стран, без которого «Черногория не может и помышлять о каком-либо экономическом или политическом укреплении, а в частности, закреплении за собой доставшихся ей в удел новых земель»⁴³.

Помимо династического фактора как такового, неблагоприятную роль в контексте существования на Балканах перманентной угрозы для общеевропейского мира играла максимально расширительная трактовка лидерами стран региона территориальных претензий и планов. Еще не успели высохнуть чернила на Берлинском трактате 1878 г., как в балканских столицах были расстелены на столах собственные карты разграничения, для реализации которых на практике опять-таки следовало апеллировать к европейским державам. Так, афинский корреспондент лондонской газеты «The Times» сообщал о том значении, какое греческое руководство придавало «албанскому направлению» своей внешней политики, рассматривая

присоединение города Янина в качестве первого этапа постепенной «эллинизации» Албании⁴⁴. Соответствующие карты широко распространялись как в самой Греции, так и в других европейских странах⁴⁵. Аналогичные великодержавные программы разрабатывались и в других столицах региона. Более того, «концепция “великой страны”, занимавшая постепенно господствовавшее место во внешнеполитических ориентирах балканских государств, уже была чревата межгосударственными конфликтами, несмотря на то, что объективно молодые страны полуострова, обретшие или восстановившие свою государственность, являлись союзниками в борьбе с главным противником — Османской империей»⁴⁶. Собственно говоря, подобные великодержавные концепции как раз и появились на Балканах одновременно с возникновением в регионе национальных государств⁴⁷.

Еще одним важным аспектом «встроенности» Балканского региона в систему международных отношений в Европе выступало то обстоятельство, что именно по региональным проблемам пролегалли многие линии противостояния в рядах самих военно-политических блоков. И в Антанте, и в Тройственном союзе отнюдь не было единодушия в том, что касалось именно балканских дел. В частности, Австро-Венгрия и Италия, формально входившие в коалицию Центральных держав, сепаратно укрепляли собственные экономические позиции в Албании и отводили этой области всё более важное место в своих внешнеполитических планах. В том, что касается Италии, албанское направление впервые стало рассматриваться Римом в качестве самостоятельного и перспективного уже с начала 80-х годов XIX в. (а точнее — с оккупации Францией Туниса в апреле—мае 1881 г., в результате которой Италия не только потеряла существовавшие у нее серьезные надежды на его приобретение или какие-либо компенсации, но и поняла свою дипломатическую изоляцию и определенную «ущербность» своего статуса великой державы⁴⁸), когда проблема места Италии в системе международных отношений в Европе и ее стратегической роли на Средиземном море стала особенно актуальной для итальянского руководства⁴⁹. Основной смысл и содержание борьбы

двух держав за экономический и политический контроль над Албанией достаточно четко еще в 1904 г. раскрыл министр иностранных дел Италии Т. Титтони: «Албания сама по себе не имеет никакой важности, всё ее особое значение заключается в гаванях и побережье, владение которым для Австрии и Италии равносильно беспрепятственному господству на Адриатическом море. Однако этого не позволит ни Австрия — Италии, ни Италия — Австрии, и если одна стремится к этому, другая всеми силами должна этому сопротивляться»⁵⁰.

Эта характеристика непосредственно перекликалась с мнением австро-венгерского коллеги Титтони А. Голуховского, заявившего тогда: «Австрия не имеет никаких видов на эту провинцию, но не может допустить захвата ее другой державой. Адриатическое море должно остаться свободным»⁵¹. Градус австро-итальянских противоречий вокруг Албании периодически повышался, и мировая печать того времени всерьез рассматривала даже возможность военного конфликта между ними. Так, выходявшая далеко от европейских просторов — в американском городе Солт-Лейк-Сити — газета «The Deseret Evening News» в декабре 1910 г. вынесла на свою полосу статью под броским заголовком: «Находятся ли Австрия и Италия на пороге войны?», в которой подчеркнула, что «Австрия думает о марше на Салоники, а Италия — о захвате Албании»⁵².

Серьезные противоречия по балканским — и в том числе по албанским — делам существовали и в рядах Антанты. Это проявилось, в частности, во время работы разграничительной комиссии, занимавшейся определением границ Албании и Сербии после завершения Балканских войн 1912–1913 гг. Вопросы состава, принципов и сроков деятельности Международной комиссии по определению северной и северо-восточной границ Албании активно дебатировались на Лондонском совещании послов еще в начале 1913 г. При этом, пожалуй, ключевую роль играл временной фактор. Как признавался в беседе с российским посланником в Белграде Н.Г. Гартвигом Н. Пашич, «в виду топографического характера местностей работы комиссии могут затянуться на многие месяцы, в течение коих Сербии пришлось бы содержать свою армию на местах в настоящем

боевом положении; а это неминуемо повлекло бы громадные расходы и сильное недовольство в войсках со всеми последствиями внутренних неурядиц»⁵³.

В итоге непосредственные работы на местности начались в октябре 1913 г. В состав комиссии входили шесть делегатов — по одному от каждой из великих держав, а также необходимый для осуществления конкретных работ на местности персонал, в первую очередь, геодезисты и топографы, и корпус вооруженной охраны. В силу существовавших между членами комиссии разногласий по вопросам определения государственной принадлежности тех или иных территорий и толкования соответствующих решений Лондонской конференции (английский делегат по большинству вопросов солидаризировался с представителями Тройственного союза), а также наступивших в горах неблагоприятных погодных условий, сделавших практически невозможными какие-либо изыскания в указанных областях, работы по окончательному определению сербо-албанской границы не были завершены, и в начале декабря 1913 г. члены комиссии прекратили свою деятельность⁵⁴.

Вышеперечисленные аспекты балканского измерения международных отношений в Европе в начале XX в. наглядно демонстрируют специфику региона, требовавшую от великих держав объективности и повышенного внимания к решению существующих проблем. Однако подобное внимание и 100 лет назад, и сегодня остается в геополитическом дефиците. А сам Балканский регион всё еще хранит в своем «погребке» немало «пороха», способного детонировать от любой преднамеренной или даже непреднамеренной искры.

Примечания

¹ Великие державы – «термин, принятый для обозначения государств, играющих ведущую роль в международных отношениях и несущих особую ответственность за поддержание мира и международной безопасности» // Дипломатический словарь. Т. I. М., 1984. С. 178. В ходе работы Венского конгресса 1814–1815 гг. было признано существование пяти великих держав – России, Пруссии, Австрии, Англии и Франции. После испано-американской войны 1898 г. в качестве великой державы были признаны США, в конце XIX в. – Италия, после русско-японской войны 1904–1905 гг. – Япония. В результате Первой мировой войны Австро-Венгрия перестала существовать в качестве великой державы, а Германия после своего

объединения в 1871 г. заняла место Пруссии. Начиная с конференции 1945 г. в Сан-Франциско, великими державами стало принято называть пять государств – СССР, США, Китай, Францию и Великобританию, которые, согласно Уставу ООН, являлись постоянными членами Совета Безопасности // Там же.

² Писарев Ю.А. Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М., 1985. С. 3.

³ Там же.

⁴ Mitrović A. Prodor na Balkan. Beograd, 1981. S. 439.

⁵ Skakun M. Balkan i velike sile. Beograd, 1986. S. 277.

⁶ Ibidem.

⁷ Сазонов С.Д. Воспоминания. М., 1991. С. 58–59.

⁸ Писарев Ю.А. Великие державы и Балканы... С. 253.

⁹ Подробнее см.: Искендеров П.А. Развитие сербо-албанских отношений осенью 1913 года // Вопросы истории. 2016. № 4.

¹⁰ Искендеров П.А. Проблемы применения принципов ситуационной логики в изучении истории международных отношений // Проблемы исторического познания. М., 1999. С. 167.

¹¹ Туцовић Д. Сабрана дела. Књига трећа. Београд, 1980. С. 90.

¹² Там же. С. 99.

¹³ Там же. Књига седма. Београд, 1980. С. 334.

¹⁴ Стругар В. Српска социјалдемократска партија о југословенском питању 1914–1918 // Српска социјалдемократска партија. Научни скуп посвећен педесетогодишњици смрти Димитрија Туцовића, одржан у Београду 18.19. и 20. новембра 1964. Београд, 1965. С. 224. См. также: Strugar V. Socijalna demokratija o nacionalnom pitanju jugoslovenskih naroda. Beograd, 1956.

¹⁵ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 532. Л. 100.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Л. 100–101.

¹⁸ Там же. Л. 101–102.

¹⁹ Там же. Л. 102.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Л. 108.

²² Там же. Л. 108–109.

²³ Там же. Л. 109.

²⁴ Там же. Д. 2909. Л. 9.

²⁵ В сербской историографии в целом достаточно высоко оценивается посредническая и примирительная роль России во всем комплексе сербо-черногорских переговоров. В частности, по мнению Д.Янковича, именно дипломатические усилия России непосредственно во время Скадарского (Шкодринского) кризиса, а также в последующий период, способствовали сохранению союзнических отношений между двумя государствами в условиях настороженного и недоверчивого отношения к сербскому руководству со стороны короля Николы. С другой стороны, по мнению автора, позитивную роль сыграла сдержанная позиция правительства Сербии и самого Пашича, которые «всегда имели перед глазами так называемое “великое решение” югославянского вопроса и принимали во внимание тот факт, что его осуществлению возможный разрыв с Черногорией нанес бы, в самом начале, так сказать, на первом шаге, всесторонний ущерб, а возможно и решающий удар» // Јанковић Д. Србија и југословенско питање 1914–1915. године. Београд, 1973. С. 163.

- 26 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 532. Л. 103.
 27 Там же. Д. 2909. Л. 9.
 28 Там же.
 29 Там же. Д. 532. Л. 103–104; Там же. Д. 2912. Л. 16.
 30 Там же. Д. 532. Л. 104; Там же. Д. 2912. Л. 16.
 31 Там же. Д. 532. Л. 104.
 32 Там же. Л. 106.
 33 Там же.
 34 Там же.
 35 Там же. Д. 2909. Л. 10.
 36 Там же. Л. 10, 12.
 37 Там же. Л. 10.
 38 Там же.
 39 Там же.
 40 Там же. Л. 12–13.
 41 Там же. Л. 13.
 42 Там же.
 43 Там же. Л. 10.
 44 *Vickers M.* The Albanians. A Modern History. London–New York, 1995. P. 38.
 45 *Peckham R.Sh.* Map Mania: Nationalism and the Politics of Place in Greece, 1870–1922 // *Political Geography*. 2002. Vol. 19. № 1.
 46 *Улунян Ар.А.* Политическая история современной Греции. Конец XVIII в. – 90-е гг. XX вв. М., 1998. С. 78.
 47 Подробнее см.: *Искендеров П.А.* Албанский фактор балканских конфликтов // *Славяноведение*. 2015. № 3.
 48 Подробнее о Тунисском инциденте см.: *Серова О.В.* От Тройственного союза к Антанте. М., 1983. С. 57–60.
 49 *San Giuliano A. di.* Briefe uber Albanien. Leipzig, 1913. S. 9.
 50 Цит. по: *Арш Г.Л., Сенкевич И.Г., Смирнова Н.Д.* Краткая история Албании. М., 1965. С. 125.
 51 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2081. Л. 21.
 52 The Deseret Evening News. 1910. 24 Dec.
 53 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1913 г. Оп. 470. Д. 113. Л. 11.
 54 Там же. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 530, 531.

Некоторые аспекты политической борьбы в словенских землях в конце XIX – начале XX вв.

Существует много работ в словенской и российской историографии, рассматривающих разнообразные вопросы, связанные с национальной и политической борьбой в словенских землях в конце XIX – начале XX вв., поскольку она оказывала воздействие практически на все сферы общественной жизни того периода, являлась основным содержанием деятельности национально ориентированных словенцев, направленной на улучшение положения словенского народа в рамках Габсбургской монархии.

В данной статье дается сравнительная характеристика программ и деятельности двух крупнейших словенских партий (католической и либеральной) и анализируются узловые моменты их сотрудничества, соперничества и противостояния. Помимо этого автор рассматривает ряд аспектов, касающихся попыток заключения словенско-немецких союзов. Эта проблема до сих пор недостаточно изучена исследователями, хотя она имеет важное значение для понимания особенностей национально-политической борьбы словенцев того времени.

Оформление либеральной и консервативной группировок в словенском национальном движении произошло в период революции 1848 г., и грани между ними тогда еще были довольно размытыми. Либералы выдвинули первую в Австрийской империи национальную программу, основанную исключительно на этническом принципе¹, – программу Объединенной Словении, предусматривавшую объединение всех словенских земель в одну провинцию в рамках монархии Габсбургов. Эту программу в период революционного подъема поддерживали и некоторые консерваторы. Ее выдвижение было, пожалуй,

самым существенным вкладом словенцев в либеральную национальную теорию.

В 1860-е годы, в атмосфере реформ в империи, словенские политики получили возможность прямо говорить об Объединенной Словении и обсуждать на таборах (митингах под открытым небом) свои национальные проблемы. В этот период позиции либералов и консерваторов по большинству аспектов национального вопроса были близки. В 70-х годах XIX в., когда у власти в империи были немецкие либералы, национальное положение словенцев резко ухудшилось из-за проводившейся ими германизаторской политики. Если в 1860-е годы словенские национальные деятели выступали единым фронтом за права словенского народа против Немецкой партии, то теперь произошел раскол между младословенцами (либералами) и старословенцами (консерваторами), приведший к плачевным для словенцев результатам выборов в австрийский рейхсрат. Однако либеральное правительство пало, и с 1879 по 1893 гг. у власти находился кабинет Э. Таафе, опиравшегося на немецких консерваторов и славянских политиков. С конца 1870-х годов старословенцы и младословенцы, наученные горьким опытом поражений, стали выступать на выборах в рейхсрат единым лагерем, что позволило им добиться большего успеха. В 1880-е годы они поддерживали политику правительства. Этот период назван в словенской историографии «временем согласия». В годы правления Таафе словенские политики добились для своего народа больше, чем за весь период существования их в Габсбургской монархии².

После отставки кабинета Таафе правительства сменялись одно за другим. 1890-е годы проходили под знаком борьбы общности австрийских земель за введение всеобщего избирательного права. В 1907 г., наконец, было введено всеобщее (для мужчин), равное, прямое, тайное голосование. Избирательные реформы в Австро-Венгрии явились серьезным шагом вперед на пути демократизации политической жизни империи и увеличения роли в ней ненемецких народов.

90-е годы XIX столетия ознаменовали новый этап в развитии словенской политической жизни: произошло организационное и идеологическое оформление словенских полити-

ческих партий. На рубеже 80–90-х годов XIX в. политическому согласию между консерваторами и либералами пришел конец. Раскол начался в 1889 г., когда консервативный католик, профессор богословия в Горице Антон Махнич, ставший идеологом словенского клерикализма, и его сторонники отказались от политики «согласия». В 1890 г. образовалось Католическое политическое общество, энергично занявшееся организацией массовых собраний по всей Крайне. В 1892 г. в Любляне прошел первый словенский католический съезд, принявший политическую программу словенских католиков. Католическое общество с 1895 г. стало называться Католической национальной партией, с 1905 г. – Словенской народной партией (СНП).

Либералам пришлось сделать ответный шаг. В 1891 г. они основали Словенское общество, а в ноябре 1894 г. объявили об образовании Национальной партии (с 1905 г. – Национально-прогрессивная партия). Однако союз с консерваторами был выгоден либералам, поскольку способствовал укреплению национальных позиций словенцев, а также политического веса самих либералов, у которых было бы гораздо меньше шансов провести своих депутатов в провинциальные собрания и рейхсрат, если бы они выступали на выборах отдельным блоком. Первый съезд либеральной партии задумывался его организаторами как попытка обновления сотрудничества с консерваторами. Однако католики на это не пошли. Более того, отказались присоединиться к партии и приехавшие на съезд представители либералов Триеста, Истры и Штирии. Так вопреки надеждам организаторов съезда, Национальная партия оформилась как чисто либеральная и крайнская³.

Чуть позже политический раскол и образование партий произошли и в других словенских областях. Так, в Горице Национально-прогрессивная партия была основана в 1900 г., а Словенская народная – в 1907 г. В Штирии в 1906 г. была создана Национальная либеральная партия, а в 1907 г. – Католический словенский крестьянский союз. Вслед за политическим расколом произошел раскол в различных сферах общественной жизни. И католики, и либералы имели свои научные, учительские, студенческие, спортивные общества.

О том, что в первое время разделение по партийному признаку происходило отчасти насильственным путем, свидетельствуют, в частности, воспоминания либерала В. Равнихара. Он с ностальгией писал о своих студенческих годах в Вене, о совместной деятельности словенских студентов на рубеже 80–90-х годов XIX в. в венском обществе «Словения», об их тесном взаимодействии с другими славянскими студенческими обществами. «Жаль, что произошел раскол», — отмечал он. В 1892 г., после I католического съезда в Любляне, было дано распоряжение, чтобы студенты, придерживавшиеся «католического мировоззрения», вышли из «Словении» и основали свое общество. «Наши товарищи, с которыми мы по-дружески общались и с которыми никогда не возникало никаких проблем из-за различий во взглядах, на самом деле неохотно последовали указу. Мы тоже неохотно их отпустили... Борьба началась»⁴.

Впрочем, раскол охватил не все словенские области. В Триесте, Истре и Каринтии словенский лагерь остался единым. В Триесте словенцы вместе с сербами и хорватами объединились в либеральном обществе «Единост» («Единство»), в Истре — в хорватско-словенской партии, образованной в 1902 г., а в Каринтии действовала словенская консервативно-католическая партия (по этой причине некоторые либеральные словенцы перешли на сторону немецких либералов).

Чтобы понять, почему на словенской политической сцене в качестве лидера утвердилась именно Католическая партия, а либералы потерпели фиаско, необходимо подробнее остановиться на составе, программах и деятельности обеих партий.

Католическая партия в словенских землях объединяла людей самых различных взглядов — от крайних реакционеров до христианских социалистов, в нее входили представители разных слоев общества. Организационным ядром партии были представители духовенства, однако число их быстро пополнялось приверженцами из рядов светской интеллигенции. Особую популярность завоевала Католическая партия среди крестьян — самого многочисленного класса словенского общества (в 1890-е годы они составляли около 80 %, а в 1910 г. — 67 % населения).

Традиционное крестьянское мировоззрение – набожность, почтение к церкви, стремление сохранять в своей жизни вековые устои – явилось прочным фундаментом, на котором смогли укрепить свои силы и влияние словенские католики.

Социально-экономическая программа католиков была тщательно разработана. Она опиралась на главные положения нового социального учения церкви, впервые сформулированные в начале 1860-х годов епископом Майнца В.Э. фон Кеттелером, а в дальнейшем детально разработанные австрийским теоретиком социального католицизма К. фон Фогельзангом. Их идеи были поддержаны Римским папой Львом XIII и легли в основу выдвинутой им новой общекатолической социальной доктрины. Опираясь на нее, А. Махнич разработал в 1889 г. программу словенской Католической партии, основывавшуюся на трех пунктах: «во-первых, социально-экономическая реформа, во-вторых, религиозное воспитание до университета включительно, в-третьих, национальные права на основе равноправия»⁵.

В 1890-е годы в рамках Католической партии стало развиваться христианско-социальное течение, главным идеологом которого в словенских землях стал священник Я.Е. Крек. Согласно его взглядам, всё зло и несчастья людские исходят от капитализма, и долг католиков – бороться «против неограниченной собственности и эгоистического богатства»⁶. Освобождение от оков капитализма Крек видел в создании крестьянских, ремесленных и рабочих организаций, в их взаимодействии и в кооперативах «как средстве обобществления производительных сил». Кооперативы, по его мнению, должны были развиваться во всеобщую организацию при поддержке государства.

Крек полагал, что прежде всего нужно повысить уровень материального благосостояния крестьянина, «поскольку там, где властвует голод, нет места ни идеалам, ни морализированию»⁷. Словенский мыслитель творчески переработал идеи немецких христианских социалистов Кеттелера и Фогельзанга в соответствии со словенскими условиями. «У нас, в словенских землях, большинство народа крестьянского сословия, и поэтому понятно, что как можно больше сил нужно посвятить его ор-

Деятельность христианских социалистов, хотя и не достигла поставленных ими целей уничтожения капитализма и создания социально справедливого общества, способствовала адаптации крестьян, рабочих и ремесленников к капиталистическому укладу. Приостановился распад старых ремесел, постепенно улучшилось положение крестьян, преодолевалась прежняя экономическая отсталость. Кооперативы нанесли мощный удар по ростовщичеству. Вместе с открытыми Креком профессиональными школами они содействовали модернизации труда крестьян и ремесленников, внедрению прогрессивных методов в различные отрасли сельского хозяйства и ремесла. Эмиграция крестьян из словенских земель резко сократилась.

Профсоюзы и просветительские общества, созданные христианскими социалистами среди рабочих, способствовали росту их самосознания, помогли в борьбе за их права. Основанный Креком в 1909 г. Югославянский профсоюз оставался крупнейшим профсоюзом в словенских землях вплоть до его ликвидации в 1941 г.

Либеральное движение не представляло крупной политической силы в словенских землях. В партии либералов объединились, в основном, представители словенской либеральной буржуазии. В городах ее поддерживали либеральная интеллигенция и мелкобуржуазные слои, в деревнях — зажиточные крестьяне и учителя. Однако бóльшая часть интеллигенции была онемечена, буржуазия была малочисленна, слаба и зависима от немецкого и итальянского капитала, а зажиточные крестьяне представляли лишь незначительную часть в целом бедного крестьянского населения. Так что, по сути, либералы могли опереться лишь на весьма ограниченную социальную прослойку.

В идейно-теоретическом отношении словенский либерализм шел по стопам общеевропейского либерального движения, придерживаясь основных принципов его политической доктрины (свободное развитие индивида, равноправие, политическая демократия). Словенские либералы стремились к развитию и укреплению словенской экономики и торговли, созданию словенского капитала и росту его конкурентоспособ-

ности по отношению к немецкому и итальянскому, к национально-культурной и политической эмансипации словенских предпринимателей. Однако главный акцент в своей политике они делали на национальном вопросе, а собственной социально-экономической программы так и не разработали. Достаточно эффективными оказались финансовые предприятия словенских либералов и их муниципальная политика. Либералы выступали за широкую модернизацию словенских культурных и торгово-промышленных центров. В 1896–1910 гг. один из их лидеров И. Хрибар являлся жупаном (градоначальником) Любляны, и за эти годы ему и его единомышленникам удалось превратить ее в современный европейский город. В 1889 г. по инициативе Хрибара в Любляне был создан Городской сбербанк в противовес немецкому Крайнскому сбербанку, а в 1900 г. открылся Люблянский кредитный банк.

В отличие от католиков, либералы не смогли предложить сколько-нибудь действенных мер для решения социального вопроса и преодоления экономического кризиса. Под влиянием идей и деятельности немецкого экономиста Ф.Г. Шульце-Делича словенские либералы с 1880-х годов основывали ссудно-сберегательные кассы, крестьянские кооперативы и рабочие профсоюзные организации. Однако, как справедливо отмечал Крек, либеральные кооперативы и сберкассы «в основе своей и по своим целям имели капиталистический характер»¹⁰. Поскольку лейтмотивом их деятельности была поддержка представителей средней буржуазии и богатых крестьян, то кооперативы создавались прежде всего для них. Выраженного социального значения, направленности на помощь беднейшим слоям населения они не имели¹¹.

Сначала либералы приветствовали энергичную деятельность христианских социалистов по развитию кооперативного движения в словенских землях, но скоро стали резко выступать против нее, поскольку кооперативы Я. Крека пользовались значительно большей популярностью, чем их собственные, и благодаря им католики приобретали всё больше голосов избирателей на выборах. Уже в 1895 г. либералы потерпели серьезнейшее поражение на выборах в крайнское провинциальное

собрание — в городских избирательных округах они победили, но в сельских ни один либеральный кандидат не был избран. Крестьяне отдали свои голоса Католической партии, получившей 16 мандатов против 9 либеральных (ранее соотношение мандатов было 13:12 в пользу либералов)¹². Неудачей закончилось выдвижение либеральных кандидатов и в Штирии. В Горице положение либералов было прочнее, но и там позиции католиков укреплялись. Ситуация для либералов складывалась критическая. В 1899 г. И. Тавчар даже потребовал, чтобы крайские власти запретили создание кооперативов христианскими социалистами¹³.

Острые разногласия возникали между либералами и католиками и по политическим вопросам. Католики поддерживали введение всеобщего равного избирательного права, либералы же были против него, поскольку расширение социальной базы избирателей существенно ослабляло их позиции. В теории словенские либералы выступали за всеобщее (но не равное) избирательное право. Они считали (и в этом их взгляды вполне соответствовали общеевропейской либеральной теории), что необходимо сохранение определенного имущественного и образовательного ценза. Люди, не сумевшие обеспечить себе достаток и не имеющие образования, по их мнению, не должны участвовать в принятии решений на государственном или провинциальном уровне. По меткой характеристике американского социолога И. Валлерстайна, «в теории... права понимались как универсальные, но вещь, которой меньше всего хотели бы либералы, было буквальное восприятие либеральных принципов, т.е. их действительно всеобщее применение»¹⁴. Кроме того, политика словенских либералов во многом определялась вполне резонными опасениями, что введение всеобщего и равного избирательного права обеспечит католикам политический перевес. Либералы в начале XX в. выступали против него во многом и потому, что католики ратовали за него. И. Тавчар даже объявил всеобщее избирательное право инструментом «глупости и отсталости». Даже И. Хрибар, еще в 1895 г. считавший необходимым проведение избирательной реформы, в 1902 г. на заседании крайского провинциального собрания высказался

против введения всеобщего избирательного права, поскольку это предложение исходило от главы Католической партии И. Шуштершича¹⁵.

Характерно, что в первый период своей деятельности, в середине 1890-х годов, словенские политические партии искали себе союзников не столько по национальному, сколько по политическому признаку. Главным было усиление политического веса партии.

Так, в своей политической деятельности словенские католики в 1890-х годах ориентировались прежде всего на союз с австрийской Христианско-социальной партией К. Люэгера¹⁶, который в 1897 г. стал бургомистром Вены. То, чего немецким христианским социалистам удалось достичь в столице империи, стремились осуществить и в Крайне. Один из соратников Крека Я. Калан в 1900 г. с восхищением писал о том, что жители Вены с каждым годом всё больше возвращаются к практическому христианству, в общественной жизни и в государственных учреждениях преобладают христиане, «церкви становятся слишком малы», чтобы вместить всю паству. «Чтобы и у нас свершился переворот к лучшему, нам требуются такие же натиск и энергия»¹⁷, — делал он вывод.

Крупнейший католический теолог и философ того времени А. Ушеничник еще в 1897 г. утверждал: «Нашей целью должен быть католический христианский союз австрийских народов»¹⁸. У Люэгера была слава антилиберала, антисемита и унгарофоба, что только импонировало словенским католикам, к тому же, некоторые его высказывания позволяли надеяться, что он поддержит национальные требования словенцев. Так, Люэгер заявлял: «Я знаю в Австрии только равноправные народы; в каждом чехе, в каждом словенце я вижу такого же, как мы, австрийского гражданина»¹⁹.

Однако во второй половине 1890-х годов политика немецких христианских социалистов стала вызывать у словенских католиков обеспокоенность. Первый удар был нанесен в австрийском рейхсрате в 1895 г. при решении вопроса об открытии сельских словенских гимназических классов. Люэгер заявил, что будет голосовать против, чтобы не проиграть выборы в

Вене. Если же словенские классы окажутся в опасности, он придет на помощь²⁰. Без поддержки партии Люэгера решение в пользу образования словенских классов было принято с трудом, очень незначительным большинством голосов. Второй удар по надеждам словенских католиков последовал в 1897 г., когда правительство К.Ф. Бадени представило на рассмотрение рейхсрата проект нового законодательства об официальных языках, согласно которому государственным служащим в Богемии вменялось в обязанность вести дела на немецком и чешском языках. Немецкие партии, в их числе и христианские социалисты, объединились против этих законов и организовали обструкцию в рейхсрате. Люэгер заявил, что должен встать на защиту немецких интересов. Бадени ушел в отставку, а попытка принятия языкового закона привела к общенациональному кризису. В 1899 г. Крек, прежде бывший одним из инициаторов союза с партией Люэгера, уже заявлял, что «любой союз с немецкой христианско-социальной партией был бы равноценен национальному предательству»²¹.

Надежды словенских католиков на заключение союза с австрийской Христианско-социальной партией в конце XIX в. не увенчались успехом. Однако через 10 лет, когда словенские католики разрабатывали свою триалистическую программу преобразования Австро-Венгрии, они вспыхнули снова, поскольку Люэгер выказал себя сторонником югославянского объединения. Вспыхнули и погасли. Накануне аннексии Боснии и Герцеговины Люэгер в беседе с далматинским политиком Ф. Супило, очерчивая рамки будущей югославянской единицы, упомянул лишь о Хорватии, Славонии, Боснии и Герцеговине. В 1910 г. его преемник А. Гессман предполагал включить в её состав также Далмацию, но ни в коем случае не Истрию, Приморье, Триест, «чего не допустят ни император, ни престолонаследник»²². Вообще после смерти Люэгера в 1910 г. австрийские христианские социалисты постепенно отошли от идей триализма.

И лишь потерпев фиаско в попытках заключить союз с немецкими христианскими социалистами, словенские католики вновь обратили свои взгляды на юг и стали укреплять связи с

хорватами. При этом они преследовали двойную цель: найти себе союзников и ослабить позиции либералов. Прежде монополия в национальном вопросе традиционно была у либералов, и одной из задач католиков стало перехватить эту инициативу²³, что они вполне успешно и осуществили. В 1898 г. Крек и еще два представителя словенских католиков участвовали в работе съезда хорватской Партии права в Трсате²⁴, на котором была принята совместная «триалистическая программа». Согласно этому документу, словенские земли должны были объединиться с хорватскими на основе трех принципов: христианства, хорватского государственного права и создания экономических организаций для народа. В 1911–1912 гг. Словенская народная партия обновила союз с хорватской Партией права, и в 1912 г. была создана объединенная Хорватско-словенская партия права. После раскола хорватской Партии права в 1913 г., когда из нее вышли «чистые правашаи», словенские католики продолжали сотрудничество с оставшейся группой под руководством М. Старчевича. Кооперация словенских и хорватских депутатов в Хорватско-словенском клубе в рейхсрате продолжалась вплоть до начала Первой мировой войны.

Словенские либералы после неудачной попытки возобновить союз с католиками были вынуждены переориентироваться и найти себе новых соратников, чтобы усилить свои позиции и не допустить к власти в Крайне Католическую партию. В январе 1896 г. они заключили союз с наиболее близкой им по социальному составу и идеологии Немецкой партией в Крайне, образовавшейся в ответ на оформление словенских партий в 1894 г. Она объединяла в своих рядах немцев и словенцев с немецким самосознанием, консерваторов и либералов; возглавлял ее барон А. Швегл. Немецкая партия получила на выборах 1895 г. 11 мандатов, поэтому для обеих словенских партий заключение с ней договора стало вопросом получения преобладания в крайнем провинциальном собрании. Католики предпринимали попытки договориться с немцами о сотрудничестве в провинциальном собрании, но к успеху они не привели, поскольку большинство сторонников Немецкой партии придерживались либеральных взглядов²⁵. После некоторых колебаний

немцы склонились к союзу со словенскими либералами, более близкими им по социальному составу и идеологии. Первый договор между ними был заключен в январе 1896 г., второй – в 1901 г. Когда Тавчар и Хрибар в середине 1880-х годов издавали славянофильскую газету «Слован», первый был убежден: «Те, кто являются словенцем и славянином..., никогда не должны вступать в союз с немцами, которых нужно изгнать из словенской политической жизни...»²⁶. Прошло немногим более 10 лет, и Тавчар стал одним из инициаторов союза с Немецкой партией. Вступил в коалицию и горячий поборник идей славянского единства Хрибар, считавший, что поддержка немцев поможет словенцам более эффективно осуществить некоторые либеральные преобразования. Обе стороны ясно отдавали себе отчет в том, что это «не настоящий союз, а договор двух сторон против третьей»²⁷.

Немецкая партия обязалась поддержать провинциальные ассигнования Драматическому обществу и открытие словенской школы в Постойне. На выборах обе партии выступали единым фронтом. Эта словенско-немецкая либеральная коалиция действовала эффективно более 10 лет, она сохраняла большинство в крайнем провинциальном собрании вплоть до 1908 г. Национально-радикальные лозунги превратились в фразу. Тавчар стал сторонником всеобъемлющего сотрудничества словенцев и немцев, в начале XX в. он уже ставил во главу угла не национальную, а идеологическую и политическую направленность и считал, что в габсбургской части империи должны править не немцы и не славяне, а либералы.

Характерно, что даже приехавший в 1897 г. в Люблянну премьер-министр Бадени высказал либеральным политикам свое недоумение по поводу их конфронтации с католиками: «Вы ведете неправильную политику. Разве не было бы разумнее, чтобы дома и в Вене вы выступали заодно?» И добавил, что «для нас, “правительства”, это хорошо... Для словенского же дела плохо»²⁸. Однако раскол между католиками и либералами продолжал углубляться.

С конца 1890-х годов Хрибар и его единомышленники, разочаровавшись в союзе с немцами, стремились заменить до-

провинциальном собрании они голосовали с немцами против католиков и одновременно выступали с резкими антинемецкими статьями в своих газетах и поддерживали антинемецкие уличные демонстрации, стараясь доказать свою преданность словенскому национальному делу. Однако союз с немцами нанес мощный удар по авторитету либеральной партии и в большой степени способствовал расколу в ней.

Некоторые либералы, несогласные с политикой партии, выйдя из ее рядов, основывали собственные течения. Однако большинство из них через некоторое время возвращались в ее лоно — явный политический перевес католиков и рост влияния социал-демократов побуждали к объединению сил.

Отсутствие у либералов социально-экономической программы, направленной на помощь крестьянству, привело к отмежеванию от их партии даже либерально настроенных крестьян. В Крайне и Горице в либеральном лагере возникло особое, крестьянское движение. Его лидеры не называли себя «либералами» и отрекались от каких-либо связей с Национальной партией. В начале XX в. они стали выступать в качестве «независимых крестьянских кандидатов».

Союз с Немецкой партией вызвал резкое неприятие и в среде национально ориентированной словенской интеллигенции. Либеральные студенты, учившиеся в Граце, Праге и Вене, разочарованные политикой крайних либеральных лидеров, в начале XX в. организовали движение «национальных радикалов». Они выступали против клерикализма, в их программу были включены и социально-экономические требования. Движение «национальных радикалов» приобрело наибольший размах в 1905—1907 гг. Они создавали хозяйственные кооперативы, объединившиеся в 1907 г. в Союз словенских кооперативов, передвижные библиотеки и т. д. В национальном вопросе они поддерживали программу культурно-национальной автономии, а в 1912 г. выдвинули на первый план борьбу за создание Объединенной Словении. В том же году они вновь вошли в состав Национально-прогрессивной партии, оформив в ней «младолиберальное» крыло, и в дальнейшем в целом придерживались ее политики.

В начале XX в. группа молодых интеллигентов, учившихся в Праге, воодушевилась идеями Т.Г. Масарика, лидера леволиберальной чешской партии реалистов. Масариковцы ратовали за развитие буржуазно-демократических институтов, введение правительством демократических свобод, выступали за парламентские методы борьбы, против революционных действий пролетариата³¹. Они отрицательно относились к клерикализму, хотя и подчеркивали этическое и социальное значение религии, осуждали равнодушие либералов по отношению к проблемам крестьян и рабочих. Возглавляли движение А. Дермота и историк Д. Лончар. Со временем масариковцы присоединились к социал-демократам.

В отличие от либералов, словенским католикам, несмотря на наличие в их партии различных течений, удалось сохранить партийное единство. Консервативные католики, в сущности, мало внимания уделяли проблемам беднейших слоев населения и стояли на позициях сословной иерархии общества, деятельность христианских социалистов они считали слишком радикальной. Однако они воздерживались от открытого противодействия ей, поскольку она способствовала расширению социальной базы партии и увеличивала ее политический вес. Крек отказался от идеи создания своей партии, стремясь сохранить единство католического движения. В предвоенные годы, когда во главе партии стоял И. Шуштершич, умный политик и прекрасный организатор, далекий от идей христианского социализма, отношения между двумя течениями обострились, но до открытого разрыва дело тогда так и не дошло.

Как и католики, либералы полагали, что словенский народ должен развиваться на основах католической религии, однако резко выступали против клерикализма, считая, что вера — дело личное, к политике отношения не имеющее. Они возражали против активного вмешательства «попов» в политику, считали недопустимым проведение политической агитации в церкви (в чем неоднократно упрекали своих оппонентов). Восприятие культуры и искусства у либералов также было шире, чем у католиков. Неприятие прогрессивно мыслящей интеллигенции, например, вызывала политика люблянских епископов — сна-

чала Я. Миссии, а затем и А.Б. Еглича. Так, в 1898 г. большое возмущение вызвал приказ Еглича скупить и сжечь весь тираж поэтического сборника «Эротика» И. Цанкара (что, по мнению самого епископа, было необходимо осуществить для защиты нравственности).

Позиции католиков и либералов по национальному вопросу были довольно близки. В напряженной политической атмосфере конца XIX — начала XX вв. словенские национальные деятели выдвигали требования языкового равноправия и национальной автономии. Больше всего они занимались практическими вопросами культурного развития словенского народа, роста его образованности, создания культурно-образовательных учреждений.

После аннексии Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины в 1908 г. на первый план в замыслах словенских политиков выдвинулись идеи триализма и югославянского сближения. Словенский вариант триалистической программы был разработан И. Шуштершичем и Я.Е. Креком. Эту программу поддержало и большинство либералов.

Обе партии проводили политику по сближению с другими югославянскими народами, но направленность ее у католиков и либералов была разной. Если первые ориентировались прежде всего на союз с хорватскими правашами³², то вторые стремились к сближению с либеральной Хорватско-сербской коалицией (ХСК) и к установлению тесных контактов с сербами и болгарами. Однако ХСК не проявила интереса к сотрудничеству со словенцами, концепция триализма, которой она придерживалась, вообще не предусматривала включение словенцев в югославянскую часть империи.

Для многих словенских деятелей была характерна определенная лабильность мировоззрения. Так, например, один из лидеров либералов Ф. Шуклье в начале XX в. перешел в католический лагерь. Радикал и славянофил И. Тавчар стал умеренным либералом и поборником союза с Немецкой партией. Верным своим идеалам демократии и славянского единства остался И. Хрибар, но и он периодически отступал от них из тактических соображений.

Результаты выборов в австрийский рейхсрат в 1907 г., после введения всеобщего избирательного права, потрясли либеральную общественность. В Крайне, Штирии и Горице депутаты католиков получили 17 мандатов, а либералы всего четыре, остальные три депутата от Каринтии, Триеста и Истрии были общими. Результаты выборов 1911 г. оказались для либералов еще хуже – они получили всего два мандата, а католики – 19³³. Со времени выборов в крайнское провинциальное собрание в 1908 г. и вплоть до Первой мировой войны Национально-прогрессивная партия выдвигала своих кандидатов только в городах.

В предвоенный период либералы стремительно теряли свой политический вес, народные массы пошли за католиками, прежде всего, за христианскими социалистами, выдвинувшими и осуществлявшими на деле обширную социальную программу. Католическая партия стала монолитной и широко разветвленной массовой организацией. Сплоченной и организованной партии либералы создать не сумели, их политика с конца XIX в. всё больше приобретала конъюнктурные черты – главным стала не борьба за осуществление своих идей, а противостояние набравшим силу католикам. Такая политика обесценивала лозунги либералов и приводила к еще большему расколу в их рядах.

Словенская народная партия, в основном благодаря деятельности входивших в ее состав христианских социалистов, еще перед Первой мировой войной выдвинулась в лидеры словенского национального движения и сохраняла свои позиции весь межвоенный период.

Итак, мы попытались осветить ряд особенностей национальной и политической борьбы словенцев в конце XIX – начале XX вв., важных для понимания специфики развития словенского национального движения. Хотелось бы подчеркнуть еще два момента. Первый – это двойственное отношение словенских политиков к вопросу о заключении союзов с немцами. На первом этапе становления словенских партий поиски единомышленников и союзников в общеавстрийском (как у католиков) или провинциальном крайнском (как у либералов) масштабе для словенских политиков оказались важнее, нежели

вопросы национальной борьбы, словенско-немецкого противостояния. Вернее, борьба продолжалась, но при выборе союзников не имела приоритетного значения. Это свидетельствует о том, что не следует говорить о постоянном росте словенско-немецкого антагонизма в этот период — развитие его шло волнообразно, с откатами и приливами.

Второй момент — оба политических соперника прежде всего боролись друг с другом за преобладание, за голоса избирателей, за укрепление позиций своих партий. И в этой борьбе подчас и национальные проблемы, и принципиальные теоретические постулаты отступали на второй план, главным было усиление партии и утверждение ее политического превосходства. Противостояние не развивалось по нарастающей — обострение национальных и политических конфликтов сменялось попытками найти компромиссы и заключить союзы.

Однако уже начиная с 1907—1908 гг. можно говорить о том, что для обеих партий, при сохранении конфронтации и соперничества между ними, на первый план выдвинулся словенско-немецкий антагонизм. Когда забрезжила надежда на преобразование империи в триалистическое государство и создание в ней югославянской политической единицы, словенско-немецкие отношения обострились, и следующими импульсами к развитию этой тенденции стали Балканские войны 1912—1913 гг. и Первая мировая война, положившая конец тысячелетнему существованию империи.

Примечания

¹ *Kann R.A.* Das Nationalitätenproblem der Habsburgermonarchie. Bd.1. Graz, Köln, 1964. S. 304.

² *Vodopivec P.* Od Pohlinove slovnice do samostojne države. Slovenska zgodovina od konca 18. stoletja do konca 20. stoletja. Ljubljana, 2006. S. 104.

³ *Pleterski J.* Nekaj vprašanj slovenske zgodovine v desetletju 1894–1904 // *Zgodovinski časopis* 31. Ljubljana, 1977. N 1–2. S. 8–9.

⁴ *Ravnihar V.* Mojega življenja pot. Spomini dr. Vladimirja Ravniharja. Ljubljana, 1997. S. 27.

⁵ *Vodopivec P.* Op. cit. S. 114.

⁶ *Krek J.E.* *Socializem.* Ljubljana, 1901. S. 63, 14.

⁷ *Avsec F.* Dr. Janez Ev. Krek in združništvo // Dr. Janez Evangelist Krek. Ob 90. obletnici smrti. Ljubljana, 2007. S. 119.

Никита Сергеевич ГУСЕВ

Профессор И.Д. Шишманов в болгаро-сербской борьбе за русские симпатии в 1912–1913 гг.*

В 1862 г. в Свиштове, на севере современной Болгарии, а тогда – на далекой окраине Османской империи, родился Иван Шишманов – ученый, политик и дипломат, личность, весьма заметная в жизни Болгарии начала XX в. По преданию, его род восходил к династии Шишмановичей – последней династии правителей Второго Болгарского царства, павшего под ударами османов. Дед на турецкий манер носил фамилию Шишманоглу и принял австрийское подданство для получения преимущества в ведении торговли. Отец же оказался более «непутевым»: закончив торговую гимназию, послужив добровольцем в армии Габсбургов, отправился путешествовать по Венгрии с немецкой театральной труппой. Вернувшись в родной Свиштов, он занялся публицистикой, отстаивая права женщин, и литературой, создавая пьесы и переводя Шиллера. Указанная деятельность не способствовала успеху в торговых делах, и, разорившись, Димитр Шишманов стал преподавать в школе. В 1875 г. он скончался, оставив семью в нелегком положении. Однако судьбе юного Ивана поспособствовал венгерский путешественник Феликс Каниц, приметивший мальчика и поручивший заботу о нем находившемуся в Вене болгарскому обществу «Напредык» («Прогресс»), основанному Григором Начовичем. В 1876 г., после Апрельского восстания и последовавшего его кровавого подавления, Иван Шишманов покинул родину, чтобы учиться в Педагогической школе в Вене¹. В 1882 г. он ее закончил, вернулся в родной Свиштов и стал учителем, однако молодое Болгарское княжество остро нуждалось в образованных чиновниках, и Иван перешел на работу в министерство

* Статья написана в рамках работы над проектом РГНФ/РФФИ № 31-15-01003а1.

народного просвещения. Долго там он не задержался и, получив государственную стипендию, продолжил свое образование в Йенском университете (Германия), а затем и в Швейцарии. Так началась его карьера ученого.

В 1885 г. после объединения Болгарского княжества и Восточной Румелии в Белграде посчитали, что баланс сил на полуострове нарушен, и объявили Болгарии войну. Сразу после получения известия об этом общество болгарских студентов в Женеве отправило во французские и швейцарские газеты обращение с просьбой поддержать справедливое болгарское дело. По данным чешского историка и болгарского министра народного просвещения К. Иречека, текст призыва был составлен И. Шишмановым². Так началась его карьера пропагандиста.

После войны он в Женеве познакомился с преподавателем университета, эмигрировавшим из Российской империи украинским ученым и общественным деятелем М.П. Драгомановым. Тот оказал на молодого болгарина огромное влияние, предоставил в его распоряжение библиотеку и вывел его в свет фольклористики³. Тогда же завязалось знакомство И. Шишманова с дочерью его патрона Лидией, затем ставшей и женой. Дальнейшая биография нашего героя известна: с 1894 г. — профессор на кафедре истории культуры и сравнительного литературоведения Софийского университета, в 1904–1907 гг. — министр народного просвещения — и не представляет большого интереса в рамках данной работы.

Трудов, посвященных биографии этого человека, множество. «Огромное пространство шишмановедения красноречиво само по себе. Едва ли можно перечислить все посвященные ему труды, статьи, отзывы, воспоминания, рецензии», — пишет болгарский историк Р. Конева⁴. И это действительно так, поскольку И. Шишманов вызывает у исследователей интерес и как ученый, и как политик. Тем не менее, попытка обобщить накопленные знания была предпринята⁵. Однако в научной литературе достаточно мало встречается сведений о его деятельности пропагандиста до Первой мировой войны. Известно, что в начале XX в. болгарский дипломатический представитель в Белграде М. Георгиев просил поэта И. Вазова как министра

просвещения встретить как можно лучше русского профессора Е.В. Петухова, путешествовавшего по Балканам. Дипломат опасался, что сербы, прикрепившие к русскому профессору своего, неверно осведомят его о некоторых вопросах, «а особенно о Македонии». На деликатную роль сопровождающего был назначен И. Шишманов⁶. Его активность в конце Первой мировой войны подробно описана в опубликованном дневнике⁷, роль в создании единого европейского пространства и в выводе Болгарии из изоляции в межвоенный период рассмотрена в нескольких трудах⁸. Но его попытки повлиять на русское общественное мнение во время Первой Балканской войны не изучены. Этому и посвящена данная работа.

* * *

В 1912 г. по Балканам витал призрак войны – после терактов и последовавшей резни в Штипе и Кочани* общественное мнение стран Балканского союза требовало немедленного объявления войны Османской империи. «Европейский концерт» был не готов к таким затруднениям – началу мировой войны требовалась отсрочка, и на Болгарию, Сербию, Грецию и Черногорию стало оказываться давление. Последней попыткой дипломатического нажима было совместное заявление, сообщенное властям от имени шести великих держав российским и австро-венгерским представителями в Софии, Белграде, Цетинье и Афинах. Бурлящим странам в очередной раз обещали реализацию 23-й статьи Берлинского договора 1878 г. о проведении реформ в Македонии и предупреждали, что изменение территориального status quo Европейской Турции не будет допущено. Но не для того раскручивался маховик военной машины на Балканах. Направляя в Константинополь ноту с требованием скорейших реформ в Македонии под их контролем, страны-участницы Балканского союза не ожидали иного ответа, кроме отказа, и уже проводили мобилизацию войск. 5 октября** Бол-

* 21 ноября 1911 г. Внутренняя македонско-одринская организация организовала взрыв перед мечетью в македонском городе Штипе. Погиб один турок, но началась резня местного христианского населения. 19 июля 1912 г. в г. Кочани прогремели два взрыва на двух рынках, что также повлекло месть со стороны турок в отношении местных болгар.

** Здесь и далее даты приводятся по юлианскому календарю (старому стилю).

гария и Сербия, на следующий день – Греция присоединились к уже воюющей с Османской империей с 25 сентября Черногории. Началась Первая Балканская война.

В балканских столицах власти прекрасно осознавали, что одни лишь победы на поле боя не могут обеспечить территориальных приращений⁹. Для достижения желаемого было необходимо воздействовать на правительства великих держав и попытаться заставить их проявить благосклонность к своим требованиям, для чего следовало использовать европейское общественное мнение.

В Европу отправились сербские и болгарские эмиссары, при этом в Софии сразу же допустили грубейшую ошибку: Российская империя не рассматривалась как поле действий, требующее больших усилий, так как предполагалось, что симпатии русского общества и без того на стороне Болгарии.

Иван Шишманов благодаря своему тестю имел достаточно связей в русском обществе, но был у него и свой проводник влияния – П.Н. Милюков, с которым они познакомились еще в бытность последнего профессором Софийского университета в годы, проведенные в вынужденной эмиграции. Лидер кадетов, вспоминая это время уже после революции, отметил, что И. Шишманов оказался «самым близким ко мне и одним из самых выдающихся» профессоров университета¹⁰. Позднее русский политик в свою очередь заочно познакомил болгарского профессора с корреспондентом «Киевской мысли» в Болгарии писателем Е.Н. Чириковым¹¹, затем выпустившим книгу впечатлений о войне¹².

Однако с началом Балканских войн П.Н. Милюков выступил в печати в поддержку status quo на Балканах, и И. Шишманов в личном письме рассказывал ему о той невообразимой горечи, которую в Болгарии вызвала статья лидера кадетов¹³.

В это же время в «Русских ведомостях» вышла статья «Генезис и будущее балканского союза», 8 октября¹⁴ написанная И. Шишмановым, которого редакция газеты охарактеризовала как «одного из самых выдающихся и популярных деятелей современной Болгарии». Автор подчеркивал: «Жребий брошен», «всякие теоретические рассуждения о необходимости или уж[а]се

войны вообще» уже излишни, необходимо понять причину происходящего. По его словам, вина за творимое в тот момент на Балканах насилие лежит всецело на дипломатах великих держав, не сумевших остановить «анархию в Турции и дать христианским населением хотя бы элементарные условия для человеческого существования», потому и война по сути является результатом «окончательного разочарования в так называемом европейском концерте». Указав на вынужденный характер действий союзников, И. Шишманов перешел к доказательствам «блага» этой войны для цивилизации: сто́ит взглянуть на «сделанное для общечеловеческой культуры» турками и христианскими народами Балкан за последние десятилетия, и это убедит «и самого ярого туркофила, где прогресс и где политический маразм». В итоге объявление войны Турции выглядело не только как «самовольство» малых государств, но и как их вклад в развитие человечества, что должно было привлечь общественное мнение Европы на их сторону: «Для нас, балканцев, во всяком случае нет сомнения, что мы боремся за цивилизацию, свободу, правду и гуманность против варварства, тирании и бесправия»¹⁵.

В это время в Петербург прибыл белградский профессор Р. Кошутич, который активно занялся пропагандой прав славян на раздел европейских владений Османской империи. Одними из первых подверглись его критике за свою нейтральную позицию прогрессивные круги. Согласно докладу петербургской «охранки», сербский ученый был крайне резок: «Кошутич обратился к профессору Максиму Ковалевскому с вопросом: правда ли, что русская прогрессивная демократия, проповедующая на словах свободу, равенство и братство, подчиняясь на деле еврейским капиталам, желает признавать эти принципы только в вопросах, касающихся евреев, и отказывается признавать их в отношении юго-славян, находящихся под турецким ярмом[?]. Р. Кошутич от имени всех организованных югославян требовал немедленного ответа от русского прогрессивного общества»¹⁶. Это привело к тому, что 11 октября 1912 г. в квартире М.М. Ковалевского, по его и П.А. Лаврова* инициативе,

* М.М. Ковалевский (1851–1916) – российский историк, юрист, социолог, один из лидеров масонства, активный общественный и политический деятель начала XX в. П.А. Лавров (1856–1929) – российский и советский филолог-славист, лингвист, академик РАН.

собралась «группа прогрессивных общественных деятелей»¹⁷. Там П.Н. Милюков заявил, что «в России славянская идея является затаканной игрушкой реакционных кругов русского общества, окружающих сильнейший из славянских престолов. Новая конституционная Россия, — по его убеждению, — должна взглянуть на вопрос с широкой международной точки зрения».

Но пламенная речь Р. Кошутича на всех произвела более сильное впечатление, и при голосовании лидер кадетов остался один. «Большинством всех против одного голоса было решено, что русское общество обязано придти на помощь славянам», и было написано обращение «с призывом о нравственной и материальной помощи балканским народам» «и с выражением надежды, что русское национальное самосознание обеспечит за ними плоды их побед»¹⁸. Обращение появилось 19 октября 1912 г. в ряде газет. П.Н. Милюков его не подписал, и И. Шишманов сообщал ему тогда, что с удовольствием прочел про воззвание Бехтерева, Ковалевского, Кареева. «Но почему отсутствовало Ваше, столь дорогое нам, имя, Павел Николаевич?» — с намеком вопрошал он. Хотя при этом не единожды в переписке сам выступал против так называемых «славянофилов» того времени, которых считал реакционерами, и ратовал за то, чтобы славянские демократии перехватили у них знамя славянства¹⁹. «Умно ли оставлять только типам как Бобринский* и Бобчев** у нас монополизовать общеславянские чувства?» — писал он еще в начале войны²⁰.

П.Н. Милюков старался дистанцироваться от подобных кругов. Вопрос о позиции партии относительно Первой Балканской войны обсуждался в ЦК партии кадетов. Милюков при поддержке А.М. Колюбакина выступал против участия в работе славянских обществ. Среди аргументов он называл «темный» состав участников этих организаций и необходимость сохранения индивидуальности. Большинство членов ЦК раскритиковали его позицию; Д.Д. Протопопов утверждал, что

* В.А. Бобринский (1867–1927) — российский политик и общественный деятель, один из лидеров неославянского движения, монархист.

** С.С. Бобчев (1853–1940) — болгарский политик, ученый, общественный деятель, во время Балканских войн — посланник в Петербурге.

кадеты должны стать «лоцманами» общественных настроений; А.И. Шингарев считал, что оставаться в стороне «неудобно для удельного веса партии». В итоге все-таки была «благословлена и материальная, и идейная поддержка славянам», а в «Речи» появилось воззвание П.Н. Милюкова «Поддержите наших друзей»²¹. И. Шишманов отреагировал на него длинным письмом, в котором выражал благодарность, предполагая, что в Болгарии воззвание вызовет восторг. В то же время, считал он, если прогрессивная часть русского общества на него не отзовется, то «нужно будет предположить, что русские либеральные круги всё еще далеки от правильного понимания своих и обшерусских интересов (здесь и далее выделение И. Шишманова. — *Н. Г.*)»²².

15 ноября 1912 г. вышла вторая статья Шишманова в «Русских ведомостях», написанная неделей ранее, в которой он вновь обратился к неверному истолкованию исторических событий на Балканах. Автор отмечал «дифирамбический тон», которым пронизана вся пресса по отношению к болгарам, но это «количество фимиама» не вскружило им голову, поскольку они понимают, что восхищаются лишь «массовыми успехами человекоубийственного оружия». А болгарину есть чем гордиться: «Мы работали более века над нашим мирным возрождением. Даже при самых тяжелых условиях турецкого владычества успели мы зажечь многочисленные очаги умственного развития... Мы имеем в настоящее время свою науку, свою литературу, свое искусство». Но этого никто не видит. Болгарин же, на взгляд автора, понимал, что «настоящая война ведется не из любви к искусству, а что она была нам навязана, как историческая необходимость», потому он и не гордится своими успехами «и идет бороться со смертью не как кондотьер, а как убежденный апостол святого дела». Отвечая появившимся в прессе предположениям, И. Шишманов отрицал возможность усиления власти царя и милитаризма, поскольку народ, состоящий «почти исключительно из крестьян и мелкого городского люда», сумеет сохранить «свои демократические учреждения». «Гораздо более достойной внимания мне кажется *вторая забота*, относящаяся к внешним осложнениям, могущим возник-

нуть при окончательной ликвидации Европейской Турции. Но о ней надо побеседовать особо», — закончил письмо профессор, не уточнив, шла ли речь о трениях между союзниками или о позиции великих держав²³.

Против «неправильного понимания» войны писала П.Н. Милюкову и жена И. Шишманова — Лидия Драгоманова-Шишманова, выступив противником пацифистов: «Но совсем иначе обстоит дело с нашей теперешней войной с азиатами, за свободу поработенных братьев*. Неужели приходится толковать Вашей молодежи, что, к несчастью, свободы завоевываются?»

Вообще по отношению к туркам и специально младотуркам в России не достаёт просто знания фактов и реальности. Турки, против которых пошел наш народ, не мирные мусульманские крестьяне... — турки же каста владычествующая, класс эксплуатирующий года-века несчастных рабов и дерущих с них по три шкуры». Простые турецкие крестьяне для них — пушечное мясо, а «зверства, совершаемые ими, у культурного человека возбуждают отвращение не к ним, а к тем на вид только образованным.. весьма представительным салонным львам, пока они живут в Европе, младотурецким пашам, которые дома у себя продолжают быть варварами». «Мы, видевшие как болгарский народ (именно народ) пошел на эту войну, с каким достойным величием (именно величием!) он понес тот ужасный крест, мы знаем, что ему, давшему уже всё — жизнь, имущество, — уже нечего давать. Мы знаем, достоин ли он симпатий и помощи цивилизованных народов, или же наши угнетатели, влекущие за собой орды дикарей?»²⁴.

* * *

В конце 1912 г. П.Н. Милюков совершил поездку по Балканам. Сначала он посетил Белград, и 24 декабря И. Шишманов туда, в отель «Москва», послал ему открытку с просьбой сообщить, когда лидер кадетов прибудет в Софию²⁵. В болгарской столице царь Фердинанд предложил П.Н. Милюкову встретиться. Их беседа проходила в зоологическом саду, где болгарский

* Молодых культурных народов против полуварваров-угнетателей (прим. Л.М. Драгомановой-Шишмановой).

монарх хранил свою орнитологическую коллекцию. У Милюкова суть разговора в памяти не сохранилась, поскольку, по его словам, он носил «преимущественно комплиментарный характер»²⁶. Вторая их встреча была уже официальной. Фердинанд произнес блестящую, заранее продуманную речь. «Я вспомнил, как кто-то мне говорил, что если Фердинанд хочет кого-нибудь очаровать, то он это умеет делать», — писал позднее лидер кадетов. Затем привели наследника престола в сопровождении его учителя, русского священника. В конце монарх перешел к сути: «Убедите царя уступить мне Родосто»^{*27}. Но и после того Милюкова не оставляли в покое. В первых числах января И. Шишманов ему прислал конфиденциальное письмо, передававшее информацию от начальника тайного кабинета царя Добровича. Сообщалось, что Фердинанд рекомендует русскому политическому деятелю встретиться с министром Христовым^{**}. «Я думаю, что лучше сделаете, если пожертвуете Спалайковичем^{***} и другими визитами для рекомендации царя (которого, очевидно, Вы обворожили)», — добавил от себя профессор²⁸. П.Н. Милюков отметил в мемуарах: «Поздно вечером того же дня (рано утром я уезжал) ко мне явился в гостиницу близкий к Фердинанду министр Христов с секретным поручением, подтверждавшим просьбу о Родосто, и передал мне, на память, портрет Фердинанда в большой раме, с его подписью... Понятно, что я никаких шагов в этом направлении не предпринимал»²⁹.

В начале января 1913 г. в двух номерах «Русских ведомостей» вышла статья И. Шишманова, написанная еще в декабре 1912 г. В ней он вновь обратился к теме верного понимания борьбы балканских народов, но при этом уже открыто высказался о том, симпатий со стороны каких кругов русского общества желают противники Турции. Он, как и ранее П.Н. Милюков, признал, что балканский вопрос «в интересах самой России не должен и не может быть монополией исключительно

* Родосто — порт на Мраморном море. Во время Балканских войн Болгария настаивала на включении этого важного порта в территорию, должную отойти к ней. Это встретило сопротивление России, учитывавшей важность Родосто для обороны Константинополя.

** Видимо, Димитр Христов — в тот момент министр земледелия и государственного имущества.

*** М.И. Спалайкович — сербский дипломат; во время Балканских войн — посланник в Софии, затем до 1919 г. — посланник в Петербурге (Петрограде).

славянофильских и вообще консервативных русских кругов», поскольку симпатии «выражаются сплошь и рядом в таких формах и с таким привкусом, что не могут не оттолкнуть от себя наиболее сознательные и последовательные прогрессивные круги», а это девальвирует значение войны на Балканах и приводит к негативному восприятию ее прогрессивной частью общества. Автор статьи вступил с полемику с «одним из лучших представителей этого общества» — Ф.Ф. Кокошкиным, известным правоведом, земским деятелем, стоявшим у истоков кадетской партии. Тот указывал, что поддержка крестовых походов не является делом, достойным прогрессивного человека, этническая и культурная близость России и балканских славян не может быть признана неоспоримой, есть лишь одно основание для сочувствия противникам Турции — их борьба за свободу. И. Шишманов возражал, подчеркивая, что болгарский народ не вкладывает в борьбу религиозного мотива, «не питает никакой органической ненависти против магометанина», поскольку восьмая часть населения страны исповедует ислам. Признавая неправомерность проявления симпатий лишь по признаку этнической и религиозной близости, он подчеркнул, что сам Кокошкин отмечает демократические порядки в молодых балканских государствах. «И, действительно, всё то, за что борются лучшие сыны России, давно уже установлено нашими конституциями. У нас никто не спорит об элементарных правах человека и гражданина, и самые балканские государства (так в тексте. — *Н. Г.*) основываются на началах самоуправления»³⁰. Тем самым, указав на существующие *de jure* институции³¹, И. Шишманов вновь возвращался к истолкованию Первой Балканской войны как борьбы прогресса с варварством. В связи с этим, как он объяснял во второй части статьи, он ждет «чувства» от прогрессивных кругов России. Считая, что «нельзя же совершенно отрицать эмоциональный элемент в жизни и политике», Шишманов называл и основания для симпатий к Болгарии той части общества, которую он считал наиболее важной: болгарская молодежь и ее передовые представители воспитывались в России и находились под влиянием российских идей. В силу этого между русским и болгарским прогрессивным

обществом есть тесная связь, которую, однако, в России не замечают и продолжают относиться к войне на Балканах на основании «рационалистически безупречного контракта»³². Как видим, И. Шишманов продолжал делать ставку на либеральное общественное мнение, полагаясь на его помощь в случае дипломатических осложнений.

После падения Адрианополя в марте 1913 г. произошел визит в Софию известного русского деятеля неославистского движения А.А. Башмакова, с которым на банкете встретились И. Шишманов, поэт И. Вазов, этнограф Л. Милетич и др. А.А. Башмаков, сам во время поездки по Македонии в начале века пришедший к выводу, что население региона болгарское, призывал к уступкам. Шишманов записал в дневнике суть его речи: «Если нет Адриатики — нет болг[арской] Македонии. Вы должны помочь Сербии. Маленькая [она], Австрия ее удушит. Во имя славянства... Башмаков представил соглаш[ение] Болгарии как “ортачество”^{*} (его слово). Поскольку сербы потеряли Адриатику, мы должны их вознаградить в Македонии. Во имя славянства»³³. Такую позицию Башмаков считал наиболее рациональной для сохранения Балканского союза. 1 апреля 1913 г. он отправил письмо Николаю II, умоляя того выступить арбитром. По его мнению, сербы «стоят на ложной почве», требуя пересмотра договора. Но болгары «сами уклонились от некоторых обязанностей, на них лежавших по духу договора, — тем, что они не дали сербам открытой и сильной поддержки, когда Австрия (в ноябре 1912 г.) домогалась оттеснения сербов от Адриатики». В таком случае, по его мнению, утрата выхода к Адриатике давала Белграду «достаточное основание к дополнительной претензии о территориальном возмещении их ущерба»³⁴. Судя по дальнейшим событиям, Иван Шишманов логики Александра Башмакова не разделял.

30 марта болгарский профессор выразил П.Н. Милюкову благодарность за «умную речь» в зале Тенишевского учили-

* Не совсем понятно. В сербском и болгарском языке «ортак» — компаньон. В то же время в русском языке существует глагол «артачиться», «ртачиться». Ртачливый — глупо, бессмысленно упрямый, упорный (*Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М.-СПб., 1882. С. 105*). Возможно, И. Шишманов неправильно понял А.А. Башмакова, поскольку не знал этого русского слова.

ща в Петербурге, а спустя 12 дней отправил примечательное письмо.

Сначала он поблагодарил за собранные дополнительно почти 1000 левов для раненых, поскольку «нищете не видать конца», а затем перешел к делу.

«Что скажете о поведении наших “братьев”, которые хотят à grand cris* ревизию Тайного договора от февраля 1912 г.?.. не меньше поражены тут преступным <...>** отношением вашей прессы к вопросу, от правильного решения которого зависит всё будущее идеи балканского союза.

Сообщают нам, чтобы мы принесли новые жертвы, согласились на еще одну ампутацию pour les beaux yeux*** какого-то панславистского фантома... Дорогой Павел Николаевич, никогда болгарская демократия не обращала взгляды к Вам с такой верой в Вашу поддержку, как в этот момент священного гнева, возмущения позорным поведением наших союзников. Помогите правде восторжествовать. Этим Вы спасете и идею, которая Вам дорога: идею балканского союза». Иначе, считал автор письма, и русофилы «поколеблются в своей беззаветной вере», усилятся их оппоненты, ведь «взгляды вновь начинают обращаться к Тройному (Тройственному. — *Н. Г.*) союзу». «Я бы предпочел взять отпуск на весь семестр, — заканчивал письмо И. Шишманов, — и отправиться поработать над материалами, которые собрал об истории русского конституц[ионного] движения в 80-е годы. Понадобится увидеться с некоторыми вашими людьми и посмотреть некоторые материалы в Москве и Петербурге. Может быть, получится освободиться, и тогда я буду иметь случай близко с Вами поговорить о злободневных вопросах»³⁵.

Судя по всему, профессор Шишманов действительно исходил, прежде всего, из научных интересов. Еще в январе 1913 г. из Софии он писал бывшему народнику З.К. Арборе-Ралли: «В последнее время увлекся вопросом о влиянии русских прогр[ессивных] людей на наших революционеров. Вы бы могли мне многим помочь своими личными воспоминаниями»³⁶.

* Во весь голос (франц.).

** Далее слово неразборчиво.

*** Ради чьих-то красивых глаз (франц.).

В феврале и марте он вел переписку с историком русского революционного движения В.Я. Богучарским относительно политической программы Земского союза графа П.П. Шувалова и А.И. Желябова³⁷. 20 апреля 1913 г. он написал заявление с просьбой предоставить ему на два месяца, начиная с 25 апреля, отпуск для поездки за границу «по семейным обстоятельствам». 16 мая министр народного просвещения удовлетворил прошение, указав, что отпуск считается начавшимся 25 апреля³⁸. В мае И. Шишманов уже был в Петербурге, собирался посетить Москву, где его в гости звал философ Б. Кистяковский³⁹.

Весной 1913 г. появилось воззвание Болгарской академии наук. Ссылаясь на «Энциклопедию славянской филологии», подготовленную российскими учеными, БАН указывала на преобладание болгарского элемента в Македонии. Помимо этого, в документе было выражено возмущение притеснениями населения спорной территории «со стороны сербских общественных деятелей и администрации», что «несомненно, подрывает всякую славянскую солидарность». На это воззвание Белград отреагировал заявлением собственной Академии, дав понять Софии, что не дело научных учреждений критиковать правительства или выступать третейским судьей в спорах государств⁴⁰, и письмом ученого секретаря Академии Л. Стояновича, в котором утверждалось, что цель болгарских заявлений — подчинение и уничтожение Сербии⁴¹.

Действия Академий в мае 1913 г. в Петербурге вызвали дискуссию, развернувшуюся в Обществе славянского научного единения*. И это было одним из последних аккордов шедшей борьбы за благосклонность русского общественного мнения, поскольку прозвучавшие на заседании доклады были изданы лишь в 1915 г. (после него авторы разъехались по отпускам, один из участников скончался). Как запомнил это заседание М.М. Ковалевский, на нем присутствовали несколько десятков слушателей и велись споры о Македонии между сербским профессором Беличем и профессором Софийского университета

* Общественная организация, находившаяся в Петербурге, устав которой товарищ министра внутренних дел утвердил 13 июля 1912 г. Председателем ее являлся физиолог и невропатолог В.М. Бехтерев, среди руководства также числились вышеназванные М.М. Ковалевский и П.А. Лавров, а также юрист М.П. Чубинский и журналист Д.И. Семиз.

«Шишмаревым»⁴². Помимо них выступал ряд публицистов и ученых, как сербского, так и русского происхождения. В основном участники придерживались просербской позиции или же считали необходимым решение спора отдать в руки международного арбитража⁴³.

В своей речи на заседании И. Шишманов в довольно издевательском тоне отозвался о той части вышедшей в издательстве «Нового времени» брошюры А. Белича «Сербы и болгары в Балканском союзе», где доказывалась беспристрастность автора, после чего приступил к опровержению тезисов об этнографическом и культурном преобладании сербов в Македонии. По его мнению, указание на «присутствие» королевича Марко в эпических сказаниях — недостаточный аргумент, поскольку фольклор способен «мигрировать», и привел в пример существующие в Италии циклы песен о короле Артуре и Карле Великом: «Для нас генезис маркова эпоса еще не достаточно ясен». Обряд слава*, по его словам, имеет место у многих народов, а такой германский обычай, как рождественская ель, наблюдается во всей Европе. Едко он ответил и на тезис А. Белича о принятии сербами имени «бугари» как попытке уйти от негативного восприятия всех сербов османскими властями и избежать притеснений: «Насколько известно, греки в начале XIX ст[олетия] были не менее бунтовщиками, чем сербы, и все-таки им не приходила в голову странная мысль называться болгарами, только лишь бы спастись от турецкой беды. Я удивляюсь, как г. Белич и Цвиич** не чувствуют, как их остроумная догадка обидна, в сущности, для национального самолюбия сербского народа»⁴⁴. Возмущенный этим пассажем белградский профессор попросил слово для выражения протеста, которое было ему предоставлено в конце заседания.

Сначала А. Белич ответил македонцам-автономистам. Их мнение, что существует отдельный македонский язык, по словам выступавшего, надуманно; поскольку они не имеют специаль-

* Слава — обычай празднования дня семейного или родового святого, с приглашением близких и родственников.

** Йован Цвиич — сербский этнограф и географ, председатель Сербской королевской академии. В 1912–1913 гг. активно выступал в печати, обосновывая притязания Белграда на македонские земли.

ного образования, то не могут судить о таких категориях, и поэтому им лучше выступать не в роли экспертов, а в роли объектов изучения⁴⁵. Затем он обратился к И. Шишманову. Начал он свою речь с отказа отвечать на возражения болгарскому профессору, поскольку тот не являлся филологом, и по этой причине понять его аргументацию он не в силах. Отверг он и довод болгарской стороны, указывавший на то, что население Македонии называет себя «бугари», поскольку «усвоение чужого названия разве может определять что-нибудь для собственного самосознания народа»? В запале оратор признался, зачем прибыл в Россию: «В передаче сербской точки зрения русскими журналистами, а в особенности русскими постоянными корреспондентами с Балкан, очень часто так мало правды и настоящего освещения, что я считал свои долгом дать русскому общественному мнению объективное представление дела». Закончились прения в Обществе словами А. Белича о том, что «в документе болгарской академии даются совсем неточные и неверные указания, разобраться в которых мог бы и первокурсник любого университета». В ответ на это, как отмечено в отчете о заседании: «Проф. Шишманов подымает шум, и со словами “профессор Белич ставит целую болгарскую академию ниже первокурсника”, уходит из зала»⁴⁶. Таким образом, болгарский ученый был вынужден отступить с «поля боя», пусть напоследок и громко хлопнув дверью. Заседание приняло резолюцию 16 мая 1913 г., где сообщалось, что в виду сложности и запутанности проблемы единственным выходом из ситуации является арбитраж. «Будет ли этим арбитром Россия или гаагский трибунал – это должны исключительно решить спорящие стороны»⁴⁷.

Вскоре Шишманов покинул пределы Российской империи и вернулся в них лишь когда она перестала существовать, – в качестве посла независимой Украины. Но и после трагического разрешения сербо-болгарского спора И. Шишманов и его супруга пытались защитить болгарское дело, посылая в Россию различным адресатам письма и статьи.

Как видим, профессор Шишманов с самого начала Первой Балканской войны старался повлиять на русское общественное мнение, вначале дистанционно доказывая прогрессивный ха-

рактически изгнания турок из Европы. Затем, когда возникли трения между союзниками, он прибыл в Россию лично заступиться за интересы своей родины. Но его ориентация на либеральную часть общества оказалась ошибочной — основная часть населения всё же воспринимала войну как борьбу православных с «нехристью-турком» или славянства с германизмом⁴⁸, потому и логические построения Шишманова представлялись надуманными. Конфликт между Болгарией и Сербией показал и вовсе безрезультатность усилий на поле общественного мнения. Во время Первой мировой войны, когда возникла возможность пересмотра Бухарестского договора 1913 г. и передела Македонии, И. Шишманов отправился в вояж по скандинавским столицам, где в общении с представителями различных государств пытался нащупать почву для удовлетворения болгарских претензий. Он вновь искал поддержки именно у «прогрессивных» представителей общества. В Россию же для защиты болгарских интересов он больше не приезжал — слишком изменились взаимоотношения обеих стран.

Примечания

¹ *Конева Р.* Иван Шишманов и обединена Европа. София, 2011. С. 19–22.

² *Илчев И.* Родината ми – права или не! Външнополитическа пропаганда на балканските страни 1821–1923. София, 1995. С. 113.

³ *Стаматов Л.* Записано и съхранено – застиналата кръв на времето // *Шишманов И.* Дневник / Подг. за печат И. Бурилкова, Ц.В. Билярски. София, 2003. С. 6.

⁴ *Конева Р.* Указ. соч. С. 9.

⁵ *Гечева К.* Иван Д. Шишманов. Био-библиография. София, 2003.

⁶ *Илчев И.* Указ. соч. С. 349–350.

⁷ *Шишманов И.* Дневник...; см. также: *Дичев Б.* Писма на проф. Иван Шишманов до Щаба на Действащата армия (1917–1918 г.) // *Летописи.* София, 1994. С. 202–218.

⁸ *Конева Р.* Европейският и паневропейският културен оптимизъм на Иван Шишманов // Балканистичен форум. Кн. 1–3. София, 2009. С. 288–307; *Конева Р.* Иван Шишманов и обединена Европа...; Проф. Иван Д. Шишманов – възрожденецът и европеецът / Съст. Г. Константинов. София, 2012.

⁹ *Троцкий Л.* Перед историческим рубежом. Балканы и Балканская война. СПб., 2011. С. 120, 213; *Табурно И.П.* О сербских битвах (впечатления очевидца войны сербов с турками 1912 г.). СПб., 1913. С. 125.

¹⁰ Милюков П.Н. Воспоминания (1859–1917). Нью-Йорк, 1955. С. 172.

¹¹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 6230. Л. 29.

¹² *Чириков Е.Н.* Поездка на Балканы. Заметки военного корреспондента. М., 1913.

- 13 ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 6230. Л. 27 об.
- 14 Русские ведомости. 15 ноября 1912.
- 15 Русские ведомости. 17 октября 1912.
- 16 ГАРФ. Ф. 102. Оп. 121. 4-е делопроизводство. Ед. хр. 278. Л. 28 об.
- 17 Интересы на Балканах и правительственное сообщение. СПб., 1913. С. 2–4.
- 18 ГАРФ. Ф. 102. Оп. 121. 4-е делопроизводство. Ед. хр. 278. Л. 29 об.–30.
- 19 Там же. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 6230. Л. 38 об.
- 20 Там же. Л. 24.
- 21 *Воронкова И.Е.* Партия конституционных демократов о целях и текущих задачах балканской политики Российской империи начала XX века // *Славяноведение*. 2009. № 5. С. 25.
- 22 ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 6230. Л. 35–36 об.
- 23 Русские ведомости. 15 ноября 1912.
- 24 ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 1785. Л. 21–23.
- 25 Там же. Ед. хр. 6230. Л. 39.
- 26 *Милюков П.Н.* Указ. соч. С. 121.
- 27 Там же. С. 126–127.
- 28 ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 6230. Л. 40.
- 29 *Милюков П.Н.* Указ. соч. С. 126–127.
- 30 Русские ведомости. 5 января 1913 г.
- 31 Об этом см.: *Гришина Р.П., Шемякин А.Л.* Судьба «балканских союзников» 1912–1913 годов. Взгляд из XXI столетия // *Новая и новейшая история*. 2013. № 4; *они же.* Трудный путь к европейской цивилизации: Сербия и Болгария в конце XIX – начале XX в. Приоритеты развития // *Из истории Сербии и русско-сербских связей*. 1812–1912–2012. М., 2014.
- 32 Русские ведомости. 6 января 1913 г.
- 33 *Шишманов И.* Дневник... С. 150; Проф. Иван Шишманов. Дневник и досиета. 1879–1927 г. / Съст. И. Бурилкова, Ц.В. Билярски. София, 2015. С. 160.
- 34 *Елджров С.* Забравеният юбилей: 150 години от рождението на Александр Александрович Башмаков // *Македонски преглед*. Т. XXXII. 2009. № 4. С. 140.
- 35 ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 6230. Л. 45–46 об.
- 36 Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф. 1019. Оп. 1. Ед. хр. 121. Л. 3.
- 37 Там же. Ф. 1065. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 59, 61–64.
- 38 Проф. Иван Шишманов. Дневник и досиета... С. 435.
- 39 РГАЛИ. Ф. 1065. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 65–67.
- 40 Сербо-болгарский спор за обладание Македонией. Оценка событий, предшествовавших сербо-болгарской войне 1913 года, в изложении заинтересованных сторон и членов общества. Приложения. Пг., 1915. С. 1–5.
- 41 Там же. С. 9.
- 42 *Ковалевский М.М.* Моя жизнь: воспоминания. М., 2005. С. 324.
- 43 *Гусев Н.* Русский «фронт» борьбы за Македонию // *Родина*. 2014. № 6. С. 85; *он же.* Руски «фронт» борбе за Македонију: срби и бугари у Петербургу 1912–1913. године // *Војноисторијски гласник*. Београд, 2015. № 2. С. 91–93.
- 44 Сербо-болгарский спор... С. 69–81.
- 45 Там же. С. 144.
- 46 Там же. С. 149–160.
- 47 Сербо-болгарский спор... Приложения. С. 11.
- 48 *Гусев Н.С.* Первая Балканская война и русское общество // *Славяноведение*. 2015. № 5. С. 44–46.

Представители сербских правящих династий Обреновичей и Карагеоргиевичей на полях сражений в 1876–1918 гг.

Академик Ю.А. Писарев, 100-летнему юбилею которого посвящен настоящий сборник, практически первым в отечественной историографии обратился к многосторонней характеристике представителей династий, правящих в Новое время в Сербии и Черногории¹. Безусловно, это исследовательское направление имеет большое значение для понимания характера становления и развития государственности у балканских славян. Изучению особенностей складывания монархических режимов в Сербии способствует и характеристика непосредственного участия членов ее правящих династий в боевых действиях, а также военной составляющей их обучения и воспитания.

Сербское княжество вошло в число европейских независимых государств в 1878 г., получив независимость согласно решению Берлинского конгресса. С 1830 по 1878 гг. оно находилось в вассальной зависимости от Османской империи, но обладало широкой автономией. Во главе Княжества находились, сменяя друг друга, представители двух национальных сербских династий – Обреновичей и Карагеоргиевичей. Эти же две династии находились позже и у кормила власти независимого Сербского государства (1878–1918 гг.).

Родоначальниками обеих династий были крестьянские вожди Первого сербского восстания (1804–1813 гг.) – Карагеоргий (Георгий Пётрович) и Милош Обренович. Сербское княжество с помощью России добилось автономного статуса в 1830 г. и до 1842 г. там правила династия Обреновичей. На смену ей пришла династия Карагеоргиевичей (с 1842 по 1858 гг.), которая затем почти полвека находилась в изгнании. С 1859 по

1903 г. в Сербии вновь правила династия Обреновичей – главный соперник Карагеоргиевичей. После кровавого переворота 29 мая 1903 г., в результате которого были убиты сербский король Александр Обренович и его жена королева Драга, к власти в Сербии вернулась династия Карагеоргиевичей во главе с королем Петром. Карагеоргиевичи правили в Сербии до 1918 г., а затем, после создания Королевства СХС, стояли во главе этого нового югославского государства вплоть до 1945 г.

Одной из важнейших задач Сербского государства было получить признание легитимности и равнородности сербских династий с представителями Европейского монархического Дома. Европейские монархи с недоверием и подозрением относились к молодым национальным династиям Сербии и Черногории. Во всех остальных вновь созданных балканских государствах – Греции, Болгарии, Румынии – правили представители хорошо известных и вполне легитимных европейских династий – Виттельсбахи, Глюксбурги, Баттенберги, Саксен-Кобурги, Гогенцоллерн-Зигмарингены. Войти в европейскую монархическую семью представителям сербских династий было непросто еще и в связи с чередой скандалов, покушений и убийств, которыми сопровождалось их правление. Поправить положение и поднять престиж династий могли бы личное участие их представителей в боевых действиях, проявленное ими мужество и героизм на полях сражений.

Сербская история XIX – начала XX вв. во многом характеризуется вооруженной борьбой за независимость и воссоединение сербского народа в едином государстве. Это определяло внутреннюю и внешнюю политику молодого государства. Сербия добилась независимости в ходе двух освободительных сербо-турецких войн 1876–1878 гг. Последующие 40 лет ее существования ознаменовались участием в четырех войнах – сербо-болгарской 1885 г., двух Балканских войн 1912–1913 гг. и в Первой мировой войне 1914–1918 гг. Итак, за сравнительно небольшой отрезок времени правящие сербские династии приняли участие в шести кровопролитных войнах. Три из них – сербо-турецкие 1876–1878 гг. и Первая Балканская войны – носили неоспоримо освободительный характер, велись под лозунгами

освобождения от турецкой власти народов Балканского полуострова. В Первой мировой войне сербский народ героически сражался с врагом, отстаивая свою независимость. В двух других войнах (1885 г., 1913 г.) Сербия воевала против Болгарии, и эти войны не были популярны у сербского народа. Во всех шести войнах представители сербских правящих династий активно участвовали в боевых действиях, разделяя со своей армией военные лишения. Непосредственное участие сербских правителей в войнах было обусловлено не только сложившейся в Сербии традицией, но и общепринятой европейской практикой того времени.

Вступление молодых сербских династий в европейскую монархическую семью предусматривало также особую систему образования и обучения престолонаследников, где важную роль играла *военная подготовка*.

В конце XIX – начале XX вв., как в отечественной, так и в сербской историографии, тема военного образования членов правящих династий, их участия в боевых действиях прямо или косвенно затрагивалась в работах, посвященных правлению того или иного монарха. Это, например, труд С.С. Татищева об Александре II² в отечественной историографии, или цикл работ о правителях из династии Обреновичей сербского историка Слободана Йовановича³. Затем наступило определенное затишье в исследовании этой темы, по вполне понятным причинам, поскольку существовавшая индоктринированность требовала от исследователей подчиняться требованиям жанра «обличения тиранов».

В последнее время в постмарксистской историографии, как в нашей стране, так и в Сербии, наблюдается лавина биографических исследований о представителях правящих династий. Так, отечественная серия «Жизнь замечательных людей» практически закрыла все лакуны в изучении жизни представителей династий Рюриковичей и Романовых, безусловно, с разной степенью научной значимости этих работ. Появились и специальные труды о собственно военном воспитании и военной службе членов Дома Романовых⁴. В сербской историографии также произошел существенный сдвиг в изучении

жизни сербских правителей – благодаря работам Драголюбa Живоиновича,⁵ Радоша Люшича⁶, Сузаны Раич⁷, Бранислава Глигориевича⁸ и др.

Существенно расширился и круг источников, доступными стали многие ранее закрытые архивные материалы, опубликованы дневники и мемуары сербских государственных деятелей, военных, представителей самих правящих династий, например, мемуары сербской королевы Наталии⁹. Особый интерес для характеристики участия сербских правителей в боевых действиях имеют свидетельства их соратников. Сербский исследователь Миле Белаяц, выявивший и издавший ряд дневников генералов сербской королевской армии, свидетельствует, что лишь в последнее время родственники, хранившие эти документы, соглашались на их публикацию¹⁰.

Представляется важным в научном отношении показать роль военной подготовки и военной активности представителей сербских династий Обреновичей и Карагеоргиевичей в становлении монархической системы в молодом Сербском государстве. Милитаризацию образования и воспитания представителей сербских династий, а также их участие в боевых действиях, определяли, на наш взгляд, следующие основные факторы:

Общеввропейская традиция, предполагающая непосредственное командование монархом вооруженными силами. Эта традиция поддерживается и сегодня¹¹.

Традиции военного воспитания и образования, образцом которых для Сербии во многом служила Россия. Недаром сербские власти неоднократно обращались с просьбой предоставить им программы образования наследников российского престола. Отечественная исследовательница военного воспитания российских престолонаследников Е.М. Болтунова считает, что в России «связано это было с идеей о том, что царь – это, прежде всего, воин, предводитель войска. В XVIII в. с восшествием на престол Петра эта формула получила особый смысл. Ведь символический ряд, с точки зрения реформатора, нужно было поддерживать реальной и зачастую весьма нелегкой работой. Иными словами, наследник должен знать военную науку (как, впрочем, и многие другие) изнутри. Петровские принципы ста-

ли впоследствии основой для воспитания великих князей на протяжении всего XVIII в.»¹². Для мальчиков — членов Дома Романовых — военная подготовка, а затем и служба в армии были обязательны. А.Н. Сидорова, изучающая систему воспитания царских детей в XIX в., отмечает: «Важным представляется вопрос о том, как воспринимали дети себя и свое предназначение. Несмотря на то, что в детстве они иногда неохотно учились, в юности они вполне осознают важность будущей службы. Мальчики ценили каждое свое очередное назначение и видели смысл своей жизни в преданном служении царю и Отечеству»¹³.

Традиция эта сохранилась в России до конца существования династии Романовых, и даже слабый здоровьем престолонаследник Алексей, вместе с отцом, в военной форме находился в рядах армии. В современном мире из приблизительно 230 существующих государств 41 имеет монархическое устройство. Показательно, что в большинстве из них монархи мужского пола, а в некоторых и женщины, получили военное образование¹⁴.

Следует иметь в виду и *исторически сложившееся сербское представление о героях «юнаках»*, о традициях рыцарства и героизма («чојства и јунаштва»), а также мифологемах и архетипах сербского эпоса Косовского цикла, где царь Лазарь и королевич Марко — воплощение подвига правителей на поле боя. В годы Первой мировой войны в пропагандистской брошюре «Чего хочет Сербия» об этом писал известный сербский историк Станое Станоевич¹⁵. Отечественный исследователь роли военного фактора в Сербии в начале XX в. Я.В. Вишняков отмечает, что в ноябре 1914 г. королю Петру пришлось публично опровергать миф о своей исключительной храбрости и подвигах¹⁶, народ же хотел видеть в нем наследника косовских героев. Такое видение преемственности традиции подвига у представителей династии Карагеоргиевичей в 1918 г. в поэтической форме выразил далматинский поэт Мартин Сулич в поэме: «Карагеоргиевичи — героический эпос в семи песнях»¹⁷.

Не следует также забывать и о *наследии Османской империи*, ее устройстве на основе военно-ленной системы, когда именно военные олицетворяли собой все формы власти. За 400 лет су-

ществования в рамках турецкой державы сербское население усвоило первостепенную роль военных в государстве.

И, естественно, *задачи объединения сербского народа*, которые ставили перед собой сербские правители, требовали тотальной милитаризации общественной жизни, и в том числе военизированного облика правителя. Армия должна была быть не просто знакома монарху, но и им контролируема. Это также обуславливалось и постоянным, вполне обоснованным страхом возможного военного заговора и переворота. А эта угроза была вполне реальной, ибо два правителя из династии Обреновичей — князь Михаил и король Александр, и два из династии Карагеоргиевичей — Карагеоргий и его правнук король Александр — были убиты заговорщиками.

Обреновичи

Из правителей Сербии в 1878–1918 гг. только Александр Обренович (1889–1903 гг.) не принимал участия в боевых действиях, поскольку Сербия во время его правления в войнах не участвовала.

Первым правителем независимой Сербии в 1878 г. стал князь Милан Обренович (с 1882 г. — король). В его семье военная традиция была крепкой. Дед Милана Еврем Обренович (1790–1856), младший брат родоначальника династии Обреновичей князя Милоша, имел генеральский чин, правда, основные его военные подвиги пришлось на подавление восстаний внутри Сербии (1821, 1825 и 1826 гг.). Он вошел в историю Сербии как градоначальник Белграда, где основал и финансировал за свой счет первую городскую библиотеку. Отец короля Милана — Милош (1829–1861) учился военному делу в России, Австрии и Пруссии, где с отличием закончил военную школу, стал офицером, служил в прусской и румынской армиях.

Сам Милан Обренович (1854–1901) систематического военного образования не получил. До 14 лет он учился в лицее во Франции, а в 1868 г. после убийства бездетного князя Михаила, был провозглашен сербским престолонаследником, а в 1872 г. — князем Сербии. В Белграде он получил домашнее образование, в том числе и военное. Однако серьезного знания

военных наук ему остро не хватало во время боевых действий. А на его долю выпали три войны, две из которых окончились поражением Сербии. И если неудачи в сербо-турецкой войне 1876 г. компенсировались победой во второй сербо-турецкой войне 1877–1878 гг., по итогам которой Сербия получила независимость, то война с Болгарией в 1885 г. существенно подорвала престиж династии Обреновичей.

18 июня 1876 г. князь Милан Обренович первым из сербских правителей решился на беспрецедентный шаг — объявил войну своему сюзерену — Османской империи. Сам он при этом не только не имел никакого военного опыта и систематического военного образования, но и не обладал личными качествами, необходимыми верховному главнокомандующему. По свидетельству сербского историка Сл. Йовановича, Милан был нетерпелив, суеверен, злопамятен¹⁸, старался переложить ответственность на русского генерала на сербской службе М.Г. Черняева¹⁹. По словам жены Милана королевы Наталии, супруг ее не рвался на фронт, и ей пришлось уговаривать его вернуться туда в период тяжелых боев в начале августа 1876 г.²⁰.

Первая сербо-турецкая война продолжалась четыре месяца и, несмотря на мужество сербских воинов и русских добровольцев, закончилась поражением. Это было вполне закономерно, поскольку слабое вассальное княжество Сербия и его союзница Черногория не могли противостоять своему могущественному сюзерену — Османской империи. При этом ответственность за поражение возлагалась общественным мнением Сербии на М.Г. Черняева и его штаб, а также на правительство России, не поддержавшее сербов военным вмешательством, но только не на князя Милана.

Вторая война Сербии с турками началась в декабре 1877 г., и ее союзницей была теперь могущественная Российская империя. В этой победоносной для России и Сербии войне князь Милан обошелся уже без русских советников. Как верховный главнокомандующий он всю войну, длившуюся меньше двух месяцев, провел вместе с армией на фронте. Сл. Йованович отмечал, что Милан на этот раз проявил желание и опреде-

ленные способности к пониманию боевого искусства. Вместе с тем, историк констатировал, что неискушенный в военном деле князь Милан внес определенную сумятицу в планы боевых действий, поскольку в панике перебрасывал корпуса с места на место²¹. И всё же во время войн 1876–1878 гг. он преодолел свои прежние страхи. Сл. Йованович полагал, что этот опыт и общение с офицерами способствовали складыванию особой формы патриотизма у молодого князя: «Он полюбил ту землю, которую занял с армией, она стала ему чуть ли не дороже Сербии в старых границах, — и наряду с нехваткой истинного патриотизма в нем развился военный аппетит к приобретению территорий»²². Полюбил Милан и военную форму — шайкачу (военный головной убор) и высокие сапоги; армия теперь стала ему близкой.

Но милитаристские настроения князя впоследствии со служили ему плохую службу. Осенью 1885 г. он начал против соседнего Болгарского княжества войну, которую проиграл в короткий срок. Большинство историков, как сербских, так и болгарских, всю вину за поражение в сербо-болгарской войне возлагают на короля Милана. Сам король как верховный главнокомандующий проявил полную некомпетентность и к тому же не отличался храбростью²³. Его колебания в отношении даты начала войны также способствовали поражению Сербии. Как организатор сербской армии он допустил много ошибок и в перевооружении, и в отсутствии планомерных учений. Сам Милан признавался, что во время боевых действий был «не на высоте». Это явилось причиной поражения сербской армии при Сливнице, когда 6 (18) ноября король и Верховное командование покинули Цариброд и выехали в Пирот, бросив армию на произвол судьбы. Сл. Йованович видел причину поражения Сербии не только в ее неготовности к войне, но и в том, что «король Милан перед болгарской войной ушел в себя, мало кому сообщал, что собственно он собирается делать, все приготовления держал в чрезвычайной тайне, с тем, чтобы поразить мир театральным эффектом. Болгарская война должна была быть полностью его войной, которую он сам задумал и сам исполнил»²⁴.

Королева Наталия позднее вспоминала, что вину за поражение в войне король сваливал на своих «несчастных солдат»²⁵. Всё это ускорило крах политической карьеры Милана. Российские дипломаты отмечали, что у деморализованного поражением сербского правителя уже тогда «созрела мысль, что ему не оставалось ничего более, как отказаться от престола и покинуть Сербию»²⁶. Как известно, реализовать это ему вынужденно пришлось через три года.

По мнению сербских историков, поражение в сербо-болгарской войне способствовало и падению военного и политического престижа страны. Милан, вернувшийся, нарушив договоренности, в 1893 г. в Сербию, взялся за реорганизацию ее вооруженных сил. В реформировании армии он учел печальный опыт сербо-болгарской войны и сделал многое для того, чтобы укрепить сербскую армию, технически ее модернизировать, для чего ввел, в частности, практику регулярных маневров. Военные историки считают, что Милан Обренович оставил после себя вполне конкурентоспособную армию.

Его сын, король Александр Обренович, получил, в отличие от отца, серьезную военную подготовку. Собственно Александр был первым из сербских правителей, кого специально учили и воспитывали как наследника королевского престола, по программе, во многом копирующей российскую. Король Александр был уже вполне европейски воспитанный молодой человек, производящий весьма благоприятное впечатление на иностранцев. Он свободно владел французским языком, так как его родители между собой говорили только на этом языке²⁷. Он получил систематическое домашнее образование, в котором значительное место занимали военные науки. Так, в лично подписанном королем Миланом расписании занятий Александра на 1890 год, наряду с общеобразовательными предметами, один час в неделю уделялся науке об оружии и по часу верховой езде и артиллерийской науке²⁸. Позднее, когда престолонаследник проходил университетский курс, «наряду с обычными университетскими предметами, в списке были и предметы военного дела — тактика, полевая фортификация, кавалерийская наука, верховая езда»²⁹. Автор фундаментальной биографии Александ-

ра Обреновича сербская исследовательница С. Раич подчеркивает, что поскольку Милан и наместники считали, что будущий король «прежде всего, должен быть воином, а не ученым», то военным наукам придавалось особое значение. Наряду с теоретическими занятиями по стратегии, тактике, фортификации и военной географии большое внимание уделялось и участию в военных учениях, где престолонаследник должен был командовать войсками³⁰. Однако применить на практике свои знания ему не пришлось. Трагические события военного заговора и убийства короля в 1903 г. привели к власти в Сербии конкурирующую династию Карагеоргиевичей.

Карагеоргиевичи

Карагеоргиевичи гораздо больше соответствовали народному образу правителей-героев, доблестных воинов, наследников Косовского завета. Этому способствовала, прежде всего, легендарная и героическая личность основателя династии *Карагеоргия* (1762–1817). Дело отца продолжили его сыновья. Старший сын *Алекса Карагеоргиевич* (1801–1830 гг.) был поручиком русской гвардии; его сын *Георгий Карагеоргиевич* (1827–1884) также был поручиком Преображенского полка русской армии, а затем подполковником сербской армии, адъютантом своего дяди князя Александра Карагеоргиевича. Сын Георгия – *Божидар* (1862–1908) служил во французской армии, воевал в Тонкине (Северном Вьетнаме) и был награжден орденом Почетного легиона.

Младший сын Карагеоргия, сербский князь *Александр Карагеоргиевич* (1806–1885) военному делу учился в России. По возвращении в Сербию в 1839 г. служил в Главном штабе сербской армии. Собственно именно в период его правления (1842–1858 гг.) началось создание регулярной сербской армии.

Наиболее серьезные военные испытания выпали на долю внука и правнука Карагеоргия – *Петра и Александра Карагеоргиевичей*. Им пришлось испытать все тяготы кровопролитных войн и пройти со своей армией тяжелые испытания Балканских войн и Первой мировой войны.

Старший сын князя Александра Карагеоргиевича *Петр Карагеоргиевич* (1844–1921) – с 1903 г. по 1918 г. – король Сербии. Он получил начальное образование в Белграде, где закончил и четыре класса гимназии, с осени 1858 г. по 1862 г. обучался в Женеве, затем в Париже, где в 1863 г. поступил в Военную школу Сен-Сир; в 1865 г. продолжил обучение в Военной академии Меца. Учился он блестяще и по окончании академии в 1868 г. получил чин подпоручика. Добровольцем принял участие во франко-прусской войне 1870–1871 гг., где проявил мужество и храбрость и впоследствии был награжден орденом Почетного легиона. Большую часть жизни он провел в эмиграции, покинув по решению Свято-Андреевской скупщины Сербию вместе с отцом князем Александром Карагеоргиевичем в 1858 г. Вплоть до 1903 г. продолжалось его соперничество с представителями династии Обреновичей – Миланом и Александром. Сербский историк Д. Живоинович отмечал, что в эмиграции Петр Карагеоргиевич много внимания уделял изучению трудов, посвященных роли армии в политической жизни государства. Особое место в его конспектах по этому вопросу отведено участию правителя страны в организации военного дела³¹.

Петр Карагеоргиевич принял участие в боевых действиях против османских войск во время Боснийско-герцеговинского восстания 1875–78 гг. В августе 1875 г. он приехал в Герцеговину в лагерь вождя повстанцев Мичо Любibrатича под именем Петар Мркониц. С собой он привез 60 ружей. Однако вскоре повстанцы и покровительствующий им черногорский князь Никола получили письма от сербского князя Милана, поддерживающего восстание, с требованием удалить соперника³². Здесь, на арене боевых действий за освобождение и объединение, напрямую столкнулись две конкурирующие сербские династии. Для Петра Карагеоргиевича было важно показать, что он готов жертвовать жизнью за сербское дело, так же как его героический дед Карагеоргий. Милан Обренович, который был на 10 лет младше своего соперника, проигрывал ему в знании военного дела. Но на его стороне была сербская армия, реформированная его предшественником князем Михаилом, балканские союзники в лице черногорского князя Николы и

большой авторитет Сербского княжества у повстанцев, которым он оказывал помощь.

Петр Карагеоргиевич всё же успел с августа 1875 г. по июль 1876 г. принять участие в боевых операциях повстанцев. Он изложил эти события в дневнике, который вел в полевых условиях³³. Этот довольно редкий для сербских правителей документ свидетельствует не только о мужестве будущего сербского короля, но и о его несомненном военном искусстве и знаниях. Он пытается, согласно законам военной тактики, исправить ошибки в планировании операций повстанцев, обучает их идти в атаку «не толпой, а стрелковой цепью»³⁴, разбивает повстанцев на 10 отрядов (чет) и предлагает четкий план военных действий для каждого из отрядов³⁵. На протяжении многих месяцев Петр Карагеоргиевич разрабатывал стратегию восстания и руководил боевыми операциями. Дневник содержит схемы и карты этих операций, разработанных им³⁶. Необученные военному делу повстанцы, зачастую спасающиеся бегством с поля боя, их неумелые руководители вызывали у Петра Карагеоргиевича сильные сомнения в успехе восстания, однако он делал всё от него зависящее, чтобы придать повстанческим отрядам форму регулярной армии. В этом ему помогали военное образование и опыт, приобретенный во время франко-прусской войны.

Свои военные знания проявил король Петр Карагеоргиевич и во время Балканских войн 1912–1913 гг. Занимая пост верховного главнокомандующего, он непосредственного участия в боях уже не принимал, но участвовал в выработке военных планов вместе со своими военачальниками (воеводами). Победоносное завершение Балканских войн способствовало подъему престижа династии Карагеоргиевичей, подорванного обстоятельствами их восшествия на престол, а сам король Петр вошел в историю Сербии как Освободитель. Русский журналист писал о нем: «Король Петр лучше понял дух сербского народа и его особенности [...]. Он обладает всеми качествами серба, и в нем, как и у всех сербов, развит поэтический дух. Дух этот развился и воспитался на былинах и песнях, прославляющих геройские подвиги былых богатырей когда-то мощного Сербского царства, былых воевод и героев последнего времени, восставших и

боровшихся в одиночку против угнетателей креста и свободы. У Карагеоргиевича, как у всех сербов, развит дух свободы и способность на жертвы ради общественного блага»³⁷.

Первая мировая война застала 70-летнего короля Петра уже больным и немощным человеком. Он передал свои полномочия сыну, принцу-регенту Александру, но не бросил свой народ и армию в тяжелые дни поражения и оккупации. Вместе с армией он совершил переход через заснеженные горы Албании, поддерживая личным примером тысячи и тысячи своих соотечественников. В своем дневнике он с горечью писал о бедственном положении армии, и особенно детей, которые шли вместе с армией: «Все босы и голы. А ведь эти дети — в будущем отцы следующего несчастного поколения»³⁸.

Солдаты и офицеры с любовью относились к старому королю. Офицер-артиллерист Стоян Ивкович, прошедший всю войну, вместе с королем совершивший легендарный переход через горы к морю и затем переправленный на остров Корфу, записал 29 июня 1917 г. в дневнике, который вел на фронте: «Сегодня день рождения нашего седого государя — храброго Петра Мрконица. Вот где судьба привела нас, сербов, праздновать этот день. Целый день тишина. Однако около 20 часов противник открыл огонь, но и мы ответили адским огнем из всех орудий. Огонь с нашей стороны в качестве наказания болгарам продолжался до глубокой ночи. Они сразу же стали бить мимо цели, когда мы стали стрелять. Они это, вероятно, устроили потому что сегодня день рождения короля, и так они хотели нам каким-либо образом напакостить»³⁹.

Король Петр большое внимание уделял военному воспитанию своих сыновей. Его старший сын принц *Георгий Карагеоргиевич* (1887—1972) являлся в 1903—1909 гг. наследником престола. Он окончил кадетский корпус императора Александра II в Санкт-Петербурге, но его политическая и военная карьера не состоялась в связи с психическим заболеванием. Тем не менее, он участвовал и в Балканских войнах, и в сражениях Первой мировой войны, где был ранен в сентябре 1914 г.⁴⁰. Свои военные впечатления он изложил в мемуарах, увидевших свет в 1969 г.⁴¹. Правда, его авторство этого текста до сих пор ставится историками под сомнение.

Его младший брат *Александр I Карагеоргиевич* (1888–1934), ставший в 1909 г. престолонаследником, к военной карьере готовился вполне осознанно. В 1906 г. в Сербию для него был приглашен из России в качестве воспитателя полковник Роман Петрович Сульменев. О подборе кандидатуры Сульменева и обстоятельствах этого назначения оставил воспоминания бывший директор Пажеского корпуса, генерал Н.А. Епанчин⁴². Как свидетельствует сербский историк Б. Глигориевич, король Петр обратился в Россию с просьбой подобрать разумного, выдержанного человека и при этом «чтобы это стоило не очень дорого»⁴³.

В 1907 г. Александр вместе с Сульменевым отправился в Санкт-Петербург, где сдал экзамены за 6-й класс Пажеского корпуса, затем продолжал наездами сдавать экзамены и в 1909 г. окончательно вернулся в Белград.

В Белград приехала и семья Сульменева. Его внук, доктор геолого-минералогических наук, профессор, известный православный священник и церковный писатель Глеб Александрович Каледа (1921–1994), со слов своей матери, дочери Р.П. Сульменева Александры, которая 15-летней девушкой приехала к отцу, писал: «В Белграде семейство Сульменевых жило в королевском дворце и иногда выезжало в королевской карете. Народ думал, что едет сам король, и кланялся им. После чопорного и вылощенного Петербурга и России с ее разделением людей по сословиям, званиям и богатству, Сербия поразила Сульменевых простотою своих нравов и доступностью королевского дворца. [...] Королевич Александр и его воспитатель Роман Петрович очень полюбили друг друга. У принца оказался добрый и приветливый характер. Мне довелось читать нежные письма-открытки Александра деду, написанные во время турне по Франции, в Австро-Венгрию, куда Сульменевы уезжали на короткий отдых. Чтобы сделать приятное своему воспитателю, королевич писал ему по-русски, прося заранее прощения за возможные ошибки, хотя таковых не было [...] Задачи воспитателей царских особ весьма широки и достаточно неопределенны. Воспитатели должны подготовить своих воспитанников к предстоящей деятельности и положению, воспитать личность с необходимыми

для этого качествами. Обеспечить широкое общее образование, подбирая для этого соответствующих преподавателей, организовывая образовательные поездки и т. д.»⁴⁴.

Что именно удалось из этого выполнить русскому воспитателю, сказать сложно, но чувство благодарности к наставнику, во всяком случае, у воспитанника сохранилось надолго. Г.А. Каледа пишет о помощи, которую оказывал король Александр своему воспитателю в тяжелые годы Гражданской войны: «Мне трудно определить, какое влияние на Александра Сербского оказал дед, но они искренне любили друг друга. После революции, во время голода, дед несколько раз получал посылки из-за границы с непонятным обратным адресом, а внутри была бумажка с подписью “Александр”»⁴⁵.

Р. П. Сульменев, знаток географии и этнограф-любитель, хорошо знал природу и исторические памятники Сербии. Об этом свидетельствует написанный им в 1910 г., в ходе подготовки к визиту в Белград князей императорской крови Олега и Игоря Константиновичей, иллюстрированный путеводитель по Сербии⁴⁶.

В Первой Балканской войне как формальный командующий Первой армией Александр Карагеоргиевич участвовал в битвах при Куманово и Битоле, во Второй Балканской войне — в битве при Брегалнице⁴⁷. В сражении за Битоль (ноябрь 1912 г.), по свидетельству очевидцев, он подвергался такой же опасности, что и остальные воины⁴⁸.

В годы Первой мировой войны Александр уже был главным командующим сербской армией, командовал войсками в победоносных Церской и Колубарской битвах⁴⁹. После поражения Сербии вместе с армией зимой 1915–1916 гг. он совершил переход из страны по горным тропам на Адриатическое побережье. Б. Глигориевич приводит немало примеров мужества принца-регента. После перехода через горы Албании Александр тяжело заболел и 5 января был прооперирован в полевых условиях. Его дед, король Черногории Никола, уговаривал Александра уехать с ним в Италию, но тот отказался⁵⁰. Во время переправы армии на о. Корфу представитель французской миссии генерал Мондезир спросил престолонаследника, когда он собирает-

ся переправляться, на что Александр ответил: «С последним отрядом войск»⁵¹. В 1917 г. вместе с армией он отправился на Салоникский фронт и принял непосредственное участие в освобождении своей страны.

Роль Александра Карагеоргиевича в годы Первой мировой войны по-разному оценивается историками. Неоднозначность его поведения, взаимоотношений со своими военачальниками не раз являлись предметом исторических исследований. Особенно негативно оценивается его роль в организации Салоникского процесса против членов организации «Черная рука», по итогам которого несколько офицеров были осуждены на разные сроки заключения, а трое, в том числе полковник Драгутин Димитриевич (Апис), были расстреляны⁵². Отказ Александра помиловать осужденных сильно подорвал его авторитет в армейской среде⁵³.

Во время военных действий Александр Карагеоргиевич находился в тени своих боевых генералов. Но и сам он совершенствовался в военной науке. Об этом свидетельствует русский посланник при сербском дворе Г.Н. Трубецкой: «В нем была заметна постоянная работа над собой, и он во многом развился и приобрел опыт, хотя постоянно чувствовал пробелы своего образования»⁵⁴.

Отмечая все недостатки характера принца-регента, его подозрительность, ревность к славе своих полководцев, М. Беляц отмечает и его положительные качества. Это, в первую очередь, его отношение к солдатам и младшим офицерам. Историк пишет, что все мемуаристы «единодушны в характеристике его как чуткого, заботливого и внимательного, сочувствующего их невзгодам, отмечают его заботу об армии и стране в целом во время войны»⁵⁵. Генерал Панта Драшкович, который постоянно был рядом с принцем-регентом, в своих мемуарах пишет о его героизме и мужестве во время отступления через Албанию, о его помощи больным и раненым. Об этом же вспоминали и адъютант принца Александр Димитриевич и дивизионный генерал Жарко Майстрович⁵⁶.

Дядя принца-регента Александра, младший брат короля Петра князь *Арсен Карагеоргиевич* (1859–1938), также активно

участвовал в боевых действиях. Он получил военное образование во Франции и России. В составе Иностранного легиона участвовал во второй франко-вьетнамской войне 1883—1884 гг. и франко-китайской войне 1883—1885 гг. До 1903 г. у него было российское подданство, он дослужился до чина генерал-майора. Участвовал в русско-японской войне 1904—1905 гг., где служил в казачьем полку в чине есаула и был награжден золотым оружием «За храбрость». Как командир кавалерийской дивизии Арсен Карагеоргиевич принимал активное участие в Балканских войнах, в битвах при Куманове, Битоле и Брегалнице. В годы Первой мировой войны командовал кавалерийской бригадой. За храбрость был награжден орденом св. Георгия 4-й степени. Его правнучка Кристина Оксенберг-Карагеоргиевич пишет, что «Арсен Карагеоргиевич жил для сражений, желание воевать было у него в крови, он унаследовал это от своего деда Карагеоргия»⁵⁷.

Итак, в заключение можно сделать следующие выводы.

Кульг героя-правителя во многом определял отношение сербского общества к личности монарха. Это объяснялось как историческим прошлым и внешнеполитическими задачами сербского народа, его стремлением к возрождению былого государства, так и отсутствием значительной прослойки образованного, просвещенного общества, которое могло бы ценить в правителе и другие качества, прежде всего квалификацию «управленца» — в экономике, социальной политике, дипломатическом искусстве. Военные подвиги, героизм и храбрость правителя могли существенно поднять престиж власти и династии, и наоборот — слабость, нерешительность, поражение, как это случилось с князем Миланом, наносили непоправимый урон престижу династии.

Характер самих военных конфликтов также влиял на формирование позитивного или негативного отношения к монарху. Яркий пример — две войны с Болгарией. Проигранная война 1885 г. фактически привела к отречению короля Милана, ставшего не просто непопулярным, но и высмеиваемым в собственной стране, поскольку к слабому воину снисхождения нет. В то же время, по сути такая же непопулярная, как и война с

Болгарией 1885 г., Вторая Балканская война принесла Карагеоргиевичам славу, поскольку была победоносной.

Участие в военных маневрах, офицерских собраниях, боевых действиях давало возможность представителям правящих династий контролировать ситуацию в офицерских кругах армии, всегда представлявших на Балканах опасность государственного переворота.

Примечания

¹ См., напр.: *Писарев Ю.А.* Шесть десятилетий на троне: черногорский монарх Николай Петрович Негош // Новая и новейшая история. 1991. №6. С. 113–132.

² *Татищев С.С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. Т. 1–2. СПб., 1903.

³ *Јовановић Сл.* Влада Милана Обреновића. Књ. 1–3. Београд, 1934; *он же.* Влада Александра Обреновића. Књ. 1–3. Београд, 1934–1936.

⁴ *Болтунова Е.М.* Военное воспитание наследников престола в России // Военно–исторический журнал. 2005. № 6. С. 75–77; *она же.* Военное обучение наследников престола в России // Военно-исторический журнал. 2005. № 7. С. 71–73; *она же.* Подготовка наследников престола к военной деятельности // Военно-исторический журнал. 2005. № 8. С. 69–71.

⁵ *Живојиновић Др.* Краљ Петар I Карађорђевић. У изгнанству: 1844–1903. г. Београд, 2003; *он же.* Краљ Петар I Карађорђевић. У отаџбини: 1903–1914. г. Београд, 2003; *он же.* Краљ Петар I Карађорђевић. Рат и последње године: 1914–1921. г. Београд, 2003.

⁶ *Љушић Р.* Милан Обреновић: војвода, командант и саветник Рудничке нахије. Горњи Милановац, 1995; *он же.* Карађорђевићи. Београд, 2001; *он же.* Вожд Карађорђе: биографија. Београд, 2003.

⁷ *Рајић С.* Александар Обреновић. Владар на прелазу века, сукобљени светови. Београд, 2011.

⁸ *Глигоријевић Бр.* Краљ Александар Карађорђевић у ратовима за национално ослобођење. Београд, 2002.

⁹ *Kraljica Natalija Obrenović.* Ruža i trnje: uspomene, aforizmi i priče, pisma. Beograd, 2015.

¹⁰ *Бјелајац Миле.* Краљ Александар Карађорђевић у мемоарима својих генерала // Нововековне српске династије у мемоаристици. Београд, 2007. С. 307–309.

¹¹ Показательно, что это распространяется и на женщин-монархов. Так, королева Великобритании Елизавета и королева Дании Маргарет, получившая военную подготовку в военно-воздушных войсках, являются Верховными главнокомандующими вооруженными силами своих стран.

¹² *Болтунова Е.М.* Военное воспитание наследников престола в России. С. 75.

¹³ *Сидорова А.Н.* Воспитание великих князей в семьях императоров Николая I и Александра II (подготовка к государственной деятельности). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.: МГУ, 2016. С. 173.

¹⁴ Среди выпускников Королевской военной академии Великобритании Сандхерст и сейчас немало членов правящих монархических фамилий различных стран – Люксембурга, Лихтенштейна, Бахрейна, Брунея, Иордании, Омана, Саудовской Аравии и др.

- 15 *Станојевић Ст.* Шта хоће Србија? Ниш, 1915. С. 10–11.
- 16 *Вишняков Я.В.* Военный фактор и государственное развитие Сербии начала XX века. М., 2012. С. 100–102.
- 17 *Sulić M.* Karađorđevići. Herojički epos u sedam pjevanja. Split, 1918.
- 18 *Јовановић Сл.* Влада Милана Обреновића. Књ. 2. Београд, 1934. С. 4.
- 19 Там же. С. 79.
- 20 *Kraljica Natalija Obrenović.* Op. cit. S. 88–89.
- 21 *Јовановић Сл.* Влада Милана Обреновића. Књ. 2. С. 193.
- 22 Там же. С. 195.
- 23 *Ратковић-Костић С.* Краљ Милан Обреновић, врховни командант краљевско-српске војске у рату с Бугарском 1885. године // Нововековне српске династије у мемоаристици. Београд, 2007. С. 69.
- 24 *Јовановић Сл.* Влада Милана Обреновића. Књ. 3. Београд, 1934. С. 259.
- 25 *Kraljica Natalija Obrenović.* Op. cit. S. 179.
- 26 Годишњи извештаји Министарства иностраних дела руске империје о Србији и Босни и Херцеговини (1878–1903). Приређиваћи Лудмила В. Кузмичова и Душко М. Ковачевић. Нови Сад, 1996. С. 93.
- 27 *Мале А.* Дневник са српског двора. 1892–1894. Београд, 1999. С. 76–79.
- 28 Архив Србије. Ф. ПО. Добре Ружић. К. 29. Д. 181.
- 29 *Рајић С.* Александар Обреновић. С. 36.
- 30 Там же. С. 39–46.
- 31 *Петар I Карађорђевић.* Ратни дневник: 1915 – 1916. Топола, 2003. С. 11–12.
- 32 *Урић Н.* Српска мемоарска литература и усмено предање о учешћу кнеза Петра Карађорђевића у устанку у Босни 1875–1878 // Нововековне српске династије у мемоаристици. С. 69.
- 33 *Стевчић М. и Радевић М.* Петар А. Мркоњић (Петар А. Карађорђевић): Дневни записци једног усташа о босанско-херцеговачком устанку 1875–1876. године // Мешовита грађа (Miscellanea). Историјски институт. Београд (Грађа. Књ. 18). Књ. 7 (1979). С. 7–148. Авторы публикации впоследствии издали дневник отдельной книгой – См.: Дневни записци једног усташа о босанско-херцеговачком устанку 1875–1876. године / Петар Мркоњић (Петар А. Карађорђевић); припремили Милан Стевчић, Милорад Радевић. Београд, 1983.
- 34 *Стевчић М. и Радевић М.* Петар А. Мркоњић (Петар А. Карађорђевић): Дневни записци једног усташа о босанско-херцеговачком устанку 1875–1876. године // Мешовита грађа (Miscellanea). С. 39–40.
- 35 Там же. С. 40–48.
- 36 Там же. С. 44, 96, 125.
- 37 Русские о Сербии и сербах. Т. II (архивные свидетельства). М., 2014. С. 493.
- 38 *Петар I Карађорђевић.* Ратни дневник: 1915–1916. С. 185.
- 39 *Ивковић Стојан.* Ратни дневник. 1915–1918. Албанска голгота. Крф, Солунски фронт – рововска борба и пробој. Београд, 1998. С. 143.
- 40 *Карађорђевић Ђорђе.* Истина о моме животу. Београд, 1969. С. 358.
- 41 Там же. С. 308–324, 356–383.
- 42 *Епанчин Н. А.* На службе трех императоров. М., 1996. С. 343–345.
- 43 *Глигоријевић Бр.* Краљ Александар Карађорђевић у ратовима за национално-ослобођење. С. 19–20.
- 44 <https://azbyka.ru/fiction/zapiski-ryadovogo/#n20> (дата обращения 30.09.2017).
- 45 Там же.

⁴⁶ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 660. Оп. 2. Д. 611.

⁴⁷ *Глигоријевић Бр.* Указ. соч. С. 69–106.

⁴⁸ Там же. С. 95–96.

⁴⁹ Там же. С. 107–307.

⁵⁰ Там же. С. 199–200.

⁵¹ Там же. С. 195.

⁵² Свою версию Салоникского процесса представил известный американский исследователь. См.: *Маккензи Д.* Апис. Гениальный конспиратор. М., 2005. С. 277–373.

⁵³ О политической подоплеке Салоникского процесса см.: *Митровић Андреј.* Србија у Првом светском рату. Београд, 2014. С. 243–255.

⁵⁴ *Трубецкой Г. Н.* Русская дипломатия 1914–1917 гг. и война на Балканах. Монреаль, 1983. С. 102.

⁵⁵ *Бјелајац Миле.* Указ соч. С. 309.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ *Oksenberg Karađorđević Kristina.* Kraljevska dinastija: povratak kući porodice Karađorđević. Beograd, 2015. S. 167.

Балканы в 1914 году: сработала ли «Фукидидова модель»?

В нынешнюю эпоху нестабильности и перманентных региональных конфликтов, в которые оказались вовлечены некоторые великие державы, американские политологи всё чаще обращаются к творчеству древнегреческого историка Фукидида. Описанный им более 2,5 тыс. лет назад алгоритм возникновения большой войны между великими державами не теряет своей актуальности и по сей день.

Локальное противостояние Коринфа и Керкиры из-за статуса Эпидамна (каждая из сторон считала его своей колонией) сопровождалось вмешательством двух лидеров эллинского мира – Афин и Спарты. Фукидид, за которым закрепилась слава не только первого профессионального историка, но и предтечи политического реализма, в своем труде по истории Пелопонесской войны обозначил такие базовые категории международных отношений, как соперничество великих держав (полисов) за гегемонию и проблема перераспределения мощи на международной арене, военно-политические союзы и механизмы их функционирования, трансформация регионального конфликта в мировой (в случае с Грецией V в. до н.э. – общеэллинский)¹. Таким образом, вражда между Афинами и Спартой, находившимися во главе соответствовавших союзов полисов, кажется универсальной матрицей, которая одинаково применима как к биполярному взаимодействию СССР и США в эпоху «холодной войны», так и к разрастающимся противоречиям между США и потенциальной «сверхдержавой» современности – Китаем. В связи со столетним юбилеем Первой мировой войны увидел свет ряд статей, в которых «Фукидидова модель» экстраполировалась на реалии начала XX в.². Эти теоретические дискуссии и излишняя схематизация событий американскими коллегами (Г. Эллисон, Ч. Мэйер) побудили нас на

конкретно-историческом материале исследовать такой важный сюжет, как региональное, т.е. балканское измерение функционирования двух военно-политических блоков – Тройственного союза и Антанты – в преддверии Первой мировой войны.

Военно-политические объединения Древней Эллады классического периода – Пелопонесский союз и Делосский морской союз, трансформировавшийся к 454 г. до н.э. в Афинскую морскую державу, – скорее служили прообразом для НАТО и ОВД – блоков, сложившихся после Второй мировой войны, – нежели для Тройственного союза и Антанты. Возникшие как ответ на угрозу, исходившую от могущественной Персидской империи, древнегреческие симмахии (союзы) постепенно эволюционировали, превратившись в доминанту межэллинических взаимодействий. Полисы увязывали достижение своих внешнеполитических целей с поддержкой того или иного союза, частью которого они являлись. Спарта и Афины были безусловными гегемонами, «полюсами» силы греческого мира: именно они определяли структуру симмахий и принципы военно-политического и экономического сотрудничества между его членами, что коренным образом отличалось от роли Германии и Великобритании в рамках Драйбунда и Антанты. Две последние группировки держав сформировались в эпоху, не испытавшую общеевропейских потрясений³, и скорее являли собой новый механизм поддержания баланса сил на континенте вместо отходившего в прошлое «европейского концерта». Австро-германо-итальянский союз и франко-русский альянс носили оборонительный характер и уравнивали мощь друг друга на европейской политической сцене. В этом контексте принципиальным фактором, от которого зависел баланс сил, была Великобритания, последовательно проводившая политику «блестящей изоляции». Занимая уникальное положение в рамках международной системы и являясь, по сути, мировой державой, Англия никогда не стремилась принимать на себя «бремя лидерства» и сопутствовавшие ему международные обязательства: она вмешивалась в события на европейском континенте только в случае возникновения угрозы нарушения сложившегося баланса сил⁴. Однако взятый Германией курс

на завоевание «своего места под солнцем» при Вильгельме II привел к деформации существовавшей международной системы, которая не могла одновременно совмещать в себе «*Rex Britannica*» и «*Weltmacht*» Германии. Стремясь вернуться к «эластичному» равновесию XIX века, британские правящие круги сочли целесообразным упорядочить свои противоречия на колониальной периферии с Францией и Россией, заключив с ними соответствующие соглашения в 1904 и 1907 гг., ознаменовавшие окончание многолетней вражды и открывшие эру «Сердечного согласия» (Антанта). Поскольку жизненно важные интересы участников Тройственного союза (Австро-Венгрия) и Антанты (Россия) концентрировались на Балканах, то их межблоковое противостояние проецировалось на этот региональный уровень.

Таким образом, в начале XX в. система международных отношений приняла вид структурированной многополярности: функционирование двух военно-политических блоков не исключало наличие нескольких центров силы на мировой арене. Современники событий, политики, дипломаты, эксперты, мыслившие категориями традиционного баланса сил, не воспринимали появление соперничавших группировок держав как сугубо негативное явление международной жизни. В этом русле известный британский журналист Дж. Гарвин рассматривал становление «Сердечного согласия» как «дипломатическую реконструкцию», в основе которой лежала система гарантий, направленная против слома европейского статус-кво⁵.

Весьма любопытной представляется оценка, данная со стороны существовавшей в Европе системе союзов. Так, в августе 1912 г., незадолго до начала Первой Балканской войны, турецкий посол в Вене Александр Мавройени-бей, отпрыск старинной фанариотской фамилии, последний христианин, представлявший Османскую империю за границей, писал, что хотя многочисленные Антанты и союзы усложняли международные отношения, они в то же время способствовали сохранению мира между народами и существенно снижали вероятность возникновения войны⁶. Ведь, формируя союзы, великие державы и «подражавшие» им балканские страны были вынуждены

согласовывать свои интересы, которые подчас противоречили друг другу, а также умерять свои территориальные амбиции⁷. Проницательный турецкий дипломат подметил и другую важную тенденцию мировой политики того времени — способность той или иной великой державы притягивать к себе потенциальных союзников («союзническая привлекательность»). Ведь даже столь мощная держава, как Германия, обладавшая сильнейшей в мире армией, «стремясь сохранить мир, вдохновленная гением Бисмарка, искала кого? новых союзников»⁸.

И всё же реальность оказалась более одноцветной и прозаичной, чем теоретические выкладки публицистов и дипломатов, будь они британские или османские. Размежевание великих держав на военно-политические группировки сопровождалось обострением гонки наземных и морских вооружений и ростом численности армий, которые, как справедливо отмечают американский историк Д. Херманн и его английский коллега Д. Стивенсон, оказывали существенное воздействие на дипломатию начала XX в.⁹

Вряд ли можно назвать напряженность во взаимоотношениях между великими державами и постоянную политическую турбулентность на Балканах абсолютно взаимообусловленными процессами, ибо их генезис имел различную природу. В первом случае речь шла о динамике соперничества между великими державами в «эпоху империализма», движущим фактором которого было стремление ключевых игроков упрочить свои военно-стратегические, экономические и политические позиции в рамках тогдашней системы международных отношений. Если же эти рамки оказывались тесны для аспираций той или иной великой державы, то она рассчитывала на их «раздвижение», вплоть до возможности обрушения всей международно-политической конструкции. Что же касается нестабильности на Балканах, то она была обусловлена более «долгоиграющими» факторами: задачами завершения национального освобождения балканских народов, строительством ими своей государственности, а также адаптацией к новым региональным границам и в связи с этим выработкой *modus vivendi* со своими соседями. Однако в тех внешнеполитических реалиях блоковое противо-

стояние великих держав и нестабильность на Балканах начали «подпитывать» друг друга, что наглядно продемонстрировали вспыхивавшие в регионе кризисы — Боснийский кризис 1908—1909 гг. и Балканские войны 1912—1913 гг. Этот второй конфликт (характер ведения боевых действий, почти патовая ситуация, в которой оказалась европейская дипломатия из-за желания Австро-Венгрии сломить сопротивление Сербии и Черногории во время Адриатического и Скутарийского кризисов, а также последующие территориально-политические изменения в регионе) создал крайне тревожную атмосферу в Европе¹⁰.

Развернувшаяся между балканскими государствами борьба на региональном уровне спровоцировала новый виток гонки вооружений и вела к дальнейшей милитаризации международных отношений. Хотя вряд ли можно говорить о том, что опыт и уроки Балканских войн в полной мере были учтены стратегами в европейских столицах, налицо были очевидные вещи: балканские союзники и Турция воевали с оружием, изготовленным на оборонных предприятиях великих держав, военные доктрины которых также были частично адаптированы местными игроками. По этому поводу корреспондент британского журнала «Экономист» писал: «Винтовки, амуниции, морское вооружение, осадные и скорострельные орудия, выпущенные разными заводами, так часто обсуждались и сравнивались некоторыми журналистами во время Балканской войны, что временами какой-нибудь циник мог подумать, что эта была война саморекламы и взаимной брани между большими компаниями-производителями вооружений, а не национальная и религиозная борьба за контроль над территорией»¹¹.

Военные успехи балканских союзников подтолкнули Берлин к принятию нового военного закона. Представляя рейхстагу его проект в феврале 1913 г., рейхсканцлер Т. фон Бетман-Гольвег констатировал, что «в результате событий, разразившихся на Балканах, соотношение сил в Европе резко изменилось»¹². Ситуация, на взгляд германского военного командования, всё больше приближалась к апокалипсису ввиду проводимых российским руководством мер, направленных на усиление армии

империи¹³. Столь мрачные прогнозы позволяли германскому Генштабу обосновать в глазах правительства и различных политических партий необходимость пополнения состава армии и увеличения расходов на укрепление обороноспособности страны. В итоге, в июле 1913 г. рейхстаг вотировал очередной военный закон, предусматривавший увеличение численности армии на 1/6, что обходилось государственной казне в 884 млн марок (кроме того, из бюджета выделялась дополнительная статья расходов на военные нужды в 183 млн). Военный министр России В.А. Сухомлинов в общем-то с пониманием относился к этим мероприятиям, инициированным его немецкими коллегами, признавая в разговоре с французским военным атташе генералом де Лагишем, что «Германия находится в критическом положении. Она со всех сторон окружена врагами: Францией — с Запада, Россией — с Востока»¹⁴.

Реакцией на наращивание германских вооруженных сил стал закон о трехлетней военной службе во Франции. «Германские военные законы, как бы то ни было, ставили нас перед необходимостью вотировать собственные (военные законы. — О.А.)», — вспоминал президент Французской республики Р. Пуанкаре¹⁵. Одобренный в июле 1913 г. Национальным собранием Франции закон о трехлетней военной службе предусматривал увеличение французской армии на 1/6 в мирное время — зеркальный ответ немцам.

В России же после бурных межведомственных дискуссий относительно дальнейших планов реорганизации русской армии и объемах ее ассигнований Думой в июне 1914 г. была утверждена так называемая «Большая программа», нацеленная, по докладу военного министерства, на «укрепление существующих и создание новых войсковых частей в соответствии с теми увеличениями армий, которые ныне осуществляются во всех западноевропейских государствах после войны на Балканском полуострове»¹⁶. Предполагалось завершить выполнение данной программы к ноябрю 1917 г.

Балканские войны обозначили не только новый виток гонки вооружений, но и придали импульс укреплению внутривойсковых связей по военной линии. Особенно интенсивно

велись переговоры о военно-политическом сотрудничестве Центральных держав. Манифестацией союзнической солидарности и показателем эволюции Цвайбунда в сторону еще большей сплоченности и скоординированности действий являлись регулярные встречи венценосных особ, совещания глав Генеральных штабов и командующих флотами¹⁷.

Одной из таких демонстраций единства австро-германского фронта стало свидание Вильгельма II и австро-венгерского эрцгерцога Франца Фердинанда, состоявшееся в Конопиште в середине июня 1914 г., за полмесяца до трагической гибели наследника австро-венгерского престола в Сараево. Поскольку в состав германской делегации входил статс-секретарь по делам имперского флота гросс-адмирал А. фон Тирпиц, обозреватели могли сделать вывод о том, что кайзер посвятил свой визит «не только созерцанию розария эрцгерцога, но и обсуждению иных проблем, помимо, садоводческих»¹⁸. Австро-венгерская пресса, по донесению британского посла в Вене М. де Бансена, придавала большое значение встрече в Конопиште, ибо для местной общественности было важно в очередной раз убедиться в незыблемости германской поддержки. На страницах ежемесячного венского издания «Милитэрише Рундшау» констатировалось, что после Балканских войн международная обстановка для Центральных держав в результате «махинаций» Антанты резко ухудшилась: они оказались со всех сторон замкнуты в кольце врагов. Военные приготовления России, жажда реванша Франции, вхождение Румынии в сферу влияния Антанты — всё это требовало от Германии и Австро-Венгрии наращивания вооружений, в том числе и военно-морских¹⁹.

Политическое и военное командование стран «Сердечного согласия», хотя и не в таких масштабах, как их оппоненты из Тройственного союза, также пыталось наладить военное взаимодействие в рамках блока. Например, британские морские офицеры в большинстве своем полагали, что военные приготовления должны осуществляться, исходя из «глобального» охвата будущей войны («Universal War»), в которой друг другу будут противостоять две коалиции держав²⁰. Британский военный атташе в Вене майор Т. Каннингем рапортовал послу де Бансе-

ну: «На протяжении всего прошлогоднего кризиса (Балканских войн. — *О. А.*) военные атташе Сердечного согласия обменивались взглядами, информацией, обсуждали возможное развитие событий, и я имею все основания думать, что нечто подобное происходило в противоположном лагере, а потому кажется странным, что идея совместных действий не должна стать наиболее вероятным способом проведения военных операций как на суше, так и на море»²¹. В этом же духе Лондону и Парижу в ходе консультаций 1912—1913 гг. удалось достичь договоренности о базировании британского и французского флотов²². Кроме того, весной—летом 1914 г. в обстановке строгой секретности велись переговоры о заключении военно-морской конвенции между Россией и Великобританией²³.

Более глубокими были военные контакты в рамках франко-русского альянса. В 1912—1913 гг. состоялись совещания начальников русского и французского Генеральных штабов, на которых сторонами были согласованы планы стратегического развертывания войск; принято решение о реновации и строительстве железных дорог, призванных обеспечить концентрацию русских войск вдоль границы с Германией (для реализации этого замысла французская сторона предложила русскому правительству разместить крупный заем на парижском рынке); заключена военно-морская конвенция²⁴.

Между тем, Тройственный союз и Антанта по составу участников и характеру взаимосвязи между ними являлись весьма непохожими друг на друга военно-политическими комбинациями, что вело к некоторому дисбалансу сил на мировой арене и вносило элемент непредсказуемости в международную жизнь. Отношения Германии и Австро-Венгрии вполне соответствовали описанной Фукидидом модели: более слабое государство было вынуждено следовать в фарватере политики более сильного игрока, чтобы защитить свои интересы. Еще в начале 1912 г., когда за геополитическим горизонтом не была видна «перестройка» существовавшего на Балканах регионального порядка, депутат австрийского рейхсрата К. Крамарж критиковал правительство Габсбургской монархии за чрезмерно «тесные узы» с империей Гогенцоллернов, заявляя, что «Австрия была

привязана к Берлину телеграфным кабелем, будто железной проволокой»²⁵. Эта тенденция только усилилась после Балканского кризиса 1912–1913 гг.

Воспринимая себя в качестве лидера Тройственного союза, Германия была вынуждена поддерживать своего ближайшего партнера в Европе – Австро-Венгрию, ибо Берлин рассматривал ослабление Двуетидной монархии (прежде всего, на Балканах, где она была наиболее уязвима) как удар по Драйбунду, а, следовательно, как откат его позиций на международной арене. Любая акция, направленная на восстановление влияния Австро-Венгрии в Юго-Восточной Европе, на взгляд германского руководства, могла быть записана в актив австро-германского альянса.

На заседании военного совета 12 декабря 1912 г. глава германского Генерального штаба Г. фон Мольтке-мл. заметил: «...война неизбежна и чем скорее она начнется, тем лучше»²⁶. Убийство Франца Фердинанда в Сараево, как доносил Каннингем, создавало для этого почти «идеальный» антураж. Во-первых, смерть эрцгерцога от рук серба, пусть и подданного Австро-Венгрии, в какой-то степени оправдывала желание Вены начать, выражаясь современным языком, антитеррористическую кампанию против соседнего государства, на территории которого якобы организовывались антигабсбургские диверсии. Во-вторых, вновь всплывшие на поверхность застарелые разногласия между сербским и хорватским населением Австро-Венгрии делали момент весьма подходящим для «сведения счетов» с Белградом. В-третьих, истощение ресурсов Сербии после Балканских войн, а также сложности, связанные с интеграцией новых земель со значительным болгарским и албанским элементом в ее состав, временно понижали резистентность страны относительно внешней угрозы²⁷.

Германия безоговорочно солидаризировалась со своей союзницей в ее решимости сокрушить Сербское королевство. Встречаясь 5 июля в Потсдамском дворце с австро-венгерским послом графом Л. Сегени, Вильгельм II побуждал правительство Двуетидной монархии к энергичным действиям²⁸. Однако австро-венгерское руководство, как указывал британский воен-

ный атташе в Вене, колебалось атаковать Сербию, не добившись прежде ее международной изоляции, т.е. не устранив риск вмешательства России в австро-сербскую войну²⁹. Известно, что начальник австро-венгерского Генерального штаба Конрад фон Гетцендорф и покойный Франц Фердинанд стремились избежать военного конфликта с Россией, которая по своим людским и материальным ресурсам значительно превосходила Габсбургскую монархию. Фон Гетцендорф признавался: «Из всех возможных войн меня больше всего беспокоит перспектива войны с Россией, и я не хочу, чтобы она началась»³⁰. Наиболее предпочтительным исходом Июльского кризиса для правящих кругов Австро-Венгрии явилась бы локализация австро-сербского конфликта на Балканах.

Вместе с тем, современники событий отмечали нетождественность внешнеполитических целей Берлина и Вены в рамках Тройственного союза. Для Германии, как справедливо указывал российский правовед С.А. Котляревский, осмысливая «по горячим следам» события Первой мировой войны, вопросы, имевшие жизненно важное значение для Австро-Венгрии были сравнительно чужды: проблемы взаимоотношений с Сербией, Болгарией и Черногорией ей казались довольно провинциальными и весьма поверхностно затрагивавшими ее ближневосточные интересы³¹. Такая разноуровневость интересов партнеров по Драйбунду вела к тому, что в восприятии державы-лидера проблемы регионального порядка, от которых зависел великодержавный статус одного из союзников, стали неотделимы от глобальной повестки дня – «Weltpolitik».

Что касается Тройственной Антанты, то нестабильность на Балканах высветила неопределенность и непредсказуемость механизма ее функционирования в качестве военно-политической группировки. Основной нюанс заключался в понимании сущности и предназначения «Сердечного согласия». Как писал в январе 1911 г. Э. Кроу, высокопоставленный чиновник Форин оффис и один из наиболее последовательных приверженцев англо-франко-русской «дружбы», «фундаментальным фактом, конечно, является то, что Антанта — это не союз... Поскольку Антанта представляет собой не что иное, как направление, об-

щий взгляд на политику, который разделяют два правительства, но который может быть или стать столь расплывчатым, что лишится всякого содержания»³². Антанта была соглашением, направленным на упорядочивание взаимодействия Великобритании с ее партнерами на периферии системы. Такая «эластичность» Антанты, отсутствие фиксированных обязательств между ее участниками придавали гибкость британской внешнеполитической стратегии. В свете этого сотрудничество с державами Драйбунда воспринималось руководителями британской дипломатии как совершенно естественная внешнеполитическая практика. Тесное же партнерство с Россией в Юго-Восточной Европе, напротив, не рассматривалось Форин оффис как «блоковый императив». В разгар проводившихся в первой половине 1912 г. англо-германских переговоров по вопросу об ограничении морских вооружений, о судьбе португальских колоний, Багдадской железной дороги, а также возможности заключения двустороннего соглашения о нейтралитете, британский статс-секретарь по иностранным делам Э. Грей доказывал германскому послу в Лондоне графу Меттерниху необходимость достижения соглашения между Веной и Петербургом по балканским проблемам, ибо оно удержит их от войны, которая «будет очень неудобна для их друзей и союзников»³³.

Во время работы Лондонского совещания послов (декабрь 1912 г. — лето 1913 г.) Великобритания позиционировала надблоковость своей политики, заявляла о себе, как о модераторе, стремившемся привести конфликтующие стороны, т.е. Россию и Австро-Венгрию, к общему знаменателю. Реагируя на эту новую тенденцию британской дипломатии, французский посол в Лондоне П. Камбон сетовал главе Форин оффис на то, что занятая им позиция в период Лондонского совещания послов была скорее нейтралистской, чем проантантовской³⁴.

Обеспокоенный перспективой смещения баланса сил на Балканах в сторону Центральных держав, российский министр иностранных дел С.Д. Сазонов телеграфировал послу в Англии А.К. Бенкендорфу о желательности «установления в Лондоне не только общих взглядов, но и вытекающих из них совместных выступлений по существу и по форме». Ссылаясь на австро-

итальянский демарш в Афинах относительно эвакуации греческих войск из Южной Албании, Сазонов констатировал, что ультимативный тон Вены и Рима проистекал из уверенности в поддержке Германии даже при отсутствии у нее прямых интересов в этой части Европы, а также из их убежденности в слабости Тройственного согласия³⁵.

Обнаруженная Англией склонность сочетать политику укрепления Антанты и «разрядку» напряженности во взаимоотношениях с Германией порождала некоторую неопределенность на международной арене и затрудняла процесс принятия внешнеполитических решений другими великими державами, иллюстрацией чего могут служить события Июльского кризиса 1914 г. Так, эклектичность «Сердечного согласия» не позволяла, с одной стороны, выработать России, Франции и Великобритании согласованного подхода к австро-сербскому конфликту, с другой — создавала ложное впечатление у Центральных держав относительно недееспособности Антанты как фактора европейской политики. В связи с этим призывы России трансформировать Антанту в военно-политический союз зазвучали еще более настойчиво в дни Июльского кризиса. Уже после нападения Австро-Венгрии на Сербию С.Д. Сазонов убеждал английского посла в том, что «единственный способ избежать войны заключается в четком заявлении британского правительства о том, что в случае ее начала Великобритания выступит на стороне Франции и России»³⁶.

Однако в июле 1914 г. Лондон сознательно «отслоил» австро-сербский конфликт от глобального контекста. Грей, как казалось германскому канцлеру Т. фон Бетман-Гольвегу и другим современникам, делал ударение на том, что с чисто международной точки зрения австро-сербское столкновение не имело к Англии никакого отношения³⁷. Более того, 23 июля в разговоре с австро-венгерским послом А. Менсдорфом глава Форин оффис, указывая на катастрофические последствия войны четырех великих держав (России, Франции, Австро-Венгрии и Германии) для европейской цивилизации, ни словом не обмолвился об участии в этом конфликте Великобритании³⁸. В том же духе Грей заявил германскому послу К. Лихновскому, что

ультиматум Сербии его не будет волновать лишь в том случае, если он не приведет к столкновению между Россией и Австро-Венгрией³⁹. По словам германского статс-секретаря по иностранным делам Г. фон Ягова, Грей «совершенно верно» разделял два конфликта: австро-сербский и австро-русский⁴⁰. Сазонов указал британскому послу Дж. Бьюкенену на иллюзорность подобной точки зрения, ибо сербский вопрос, по словам главы русского МИД, являлся частью вопроса европейского⁴¹.

Позиция Великобритании касательно австро-сербского спора и ее усилия, направленные на то, чтобы Вена и Петербург урегулировали свои противоречия в ходе двусторонних переговоров, трактовались правительствами Германии и Австро-Венгрии как подтверждение нежелания Англии быть втянутой в общеевропейский конфликт. Неучастие Великобритании в войне существенно повышало шансы Центральных держав на успех в противостоянии с франко-русским союзом. Благоприятная, с точки зрения Берлина, ситуация подтолкнула германское руководство к развязыванию европейской войны.

Думается, что среди главных действующих лиц июльской драмы сработал феномен, получивший в психологии название «эвристика доступности» («availability heuristic»), т.е. выборочный учет прошлого опыта, искажаемого сознанием в процессе принятия решений в новой кризисной ситуации, которая поверхностно, при первом приближении, оказывается похожей на предыдущую⁴². Так, почти во всех европейских столицах не теряли надежду на мирное разрешение кризиса, спровоцированного сараевскими событиями. Э. Грей, обращаясь к «дипломатическому наследию» Балканских войн и практике «концертного» урегулирования международных кризисов, констатировал, что организация конференции послов, подобно той, которая проводилась в Лондоне в 1912–1913 гг., в тех условиях была самым верным способом сохранить мир в Европе — «достойный мир», «без победителей и проигравших»⁴³.

В определенной степени и Петербург, и Лондон рассчитывали на повторение сценария Боснийского кризиса, только без германского ультиматума, который был бы равнозначен дипломатическому поражению России. В 1908–1909 гг. аннексия

Боснии и Герцеговины, а также лишение Сербии и Черногории территориальных компенсаций не привели к подрыву позиций Антанты на Балканах, а также к дисбалансу сил в Европе (Тройственное согласие и Тройственный союз продолжали уравнивать друг друга). В 1914 г. британская и русская дипломатии были готовы пойти на значительные уступки Австро-Венгрии, в том числе за счет Сербии, чтобы склонить Вену к компромиссу и лишить Германию повода оказать своей союзнице военную поддержку. Весьма показательной явилась реакция Лондона и Петербурга на так называемый «план залога», выдвинутый Вильгельмом II после объявления Австро-Венгрией войны Сербии 28 июля. Предусматривалась временная оккупация австро-венгерскими войсками Белграда и части Сербии с целью гарантировать исполнение сербами условий ультиматума⁴⁴. Соглашаясь с «остановкой в Белграде», Грей исходил из того, что войска Габсбургской монархии в кратчайшие сроки должны были занять сербскую столицу. Единственное условие, на котором настаивал глава Форин оффис, был отказ Австро-Венгрии от дальнейшего продвижения в глубь территории Королевства⁴⁵. Россия, как впоследствии отмечал Сазонов, «не возражала и против этого нового предложения, хотя оно и превышало по своей уступчивости всё, чего можно было от нее ожидать»⁴⁶. Внешнеполитические инициативы кайзера свидетельствовали о том, что Берлин также предпочитал «отделаться малой кровью», рассчитывая на дипломатический триумф Центральных держав.

Так каков же ответ на основной вопрос, вынесенный в заглавии статьи: сработала ли «Фукидидова модель» на Балканах в 1914 г.?

Представляется, что универсальная формула, выведенная древнегреческим историком, довольно органично проецируется на характер взаимодействий Лондона и Берлина накануне Первой мировой войны — внешнеполитические амбиции империи Гогенцоллернов наталкивались на нежелание Великобритании допустить преобладания Германии в рамках существовавшей системы международных отношений. В сентябре 1912 г. Грей в секретном меморандуме, перечисляя причины, которые могли подтолкнуть Великобританию к вступлению в европейскую

войну, называл попытку Германии, опиравшейся на свою «беспрецедентную мощь», сокрушить Францию. Доминирование Германской империи на континенте, по мнению главы Форин оффис, привело бы к изоляции Англии⁴⁷. Решимость германского руководства осуществить «план Шлиффена», предполагавший вторжение в Бельгию и молниеносный разгром Франции, предопределила выступление Британии на стороне Антанты. Грей считал неприемлемыми заверения Бетман-Гольвега о том, что Германия не собиралась присоединять дополнительные французские земли, а также отверг его предложение заключить англо-германское соглашение о нейтралитете⁴⁸. Военное поражение Франции обернулось бы ее потерей статуса великой державы (к тому же Берлин не гарантировал неприкосновенность французских колоний), а, значит, германской гегемонией в Европе, а затем и в глобальном масштабе. Решение европейского вопроса позволяло Германии направить свои усилия и ресурсы на достижение преобладания в Азии, что угрожало безопасности британской колониальной империи. В июле 1914 г. германское руководство, прежде воспринимавшее Англию в качестве главного соперника империи на международной арене, ошибочно рассчитывало на британский нейтралитет в надвигавшемся конфликте, в случае если поводом к войне между франко-русским альянсом и австро-германским союзом послужат события на Балканах.

Отечественный антиковед И.Е. Суриков высказал интересную мысль о том, что, исследуя тот или иной исторический сюжет, мы стремимся показать не только его «точки соприкосновения с современностью», но и его своеобразие⁴⁹. Так, погружение «Фукидидовой модели» в «балканский раствор» позволяет проявить многоцветный и сложный снимок межблокового противостояния великих держав накануне Первой мировой войны и его уникальный мирополитический контекст. Заинтересованная в поддержании стабильности на системном уровне, Великобритания считала возможным дистанцироваться от балканских коллизий, в которые были вовлечены ее союзники. Иными словами, Лондон пытался комбинировать на региональном (балканском) уровне старую «концертную

дипломатию» и новую блоковую политику. Однако проблема заключалась в том, что с завершением процесса поляризации системы международных отношений, т.е. с размежеванием великих держав на Тройственный союз и Антанту, система могла функционировать только при условии поддержания силового равновесия между двумя военно-политическими блоками. Кажущееся ослабление связей в рамках одного из блоков истолковывалось соперниками как благоприятный момент, дабы изменить баланс сил в свою пользу. Отстраненность Англии от балканских проблем, ее непротиводействие (на уровне конкретных шагов) «ультимативной дипломатии», практиковавшейся Австро-Венгрией в отношении Сербии, позволили правительствам Центральных держав увериться в британском «согласии» на локализацию австро-сербского конфликта на Балканах.

Вместе с тем, поддержка, оказанная Германией Австро-Венгрии на Балканах, вполне вписывалась в очерченную Фукидидом иерархию межсоюзнических отношений, когда держава-гегемон рассматривала содействие младшему партнеру как средство консолидации собственной сферы влияния. В историографии до сих пор не утихают дискуссии о том, что же произошло летом 1914 г.: «балканизация» или «глобализация» австро-германского союза?⁵⁰ Думается, что нужно ставить вопрос в несколько иной плоскости: «Weltpolitik» Германии базировалась на ее преобладании в Центральной и Юго-Восточной Европе (проект «Срединной Европы»)⁵¹, а потому Берлину было важно контролировать то геополитическое пространство, которое занимала монархия Габсбургов. Распад Австро-Венгрии или откол от нее территорий, в том числе балканских, мог затруднить реализацию «мирополитической программы» Германии, которая была готова начать континентальную войну, чтобы продлить жизнь своему союзнику.

Примечания

¹ Фукидид. История / Отв. ред. Я.М. Боровский. Л., 1981. С. 14. На взгляд Фукидида, глубинной причиной начала Пелопонесской войны была борьба Спарты и Афин за лидерство в Элладе: «Истинным поводом к войне (хотя и самым скрытым), по моему убеждению, был страх лакедемонян перед растущим могуществом Афин, что и вынудило их воевать».

- ² Allison G. The Thucydides Trap // The Next Great War? The Roots of World War I and the Risk of U.S.-China Conflict / Ed. by R.N. Rosecrance and S.E. Miller. Cambridge, MA, 2015; Maier Ch. Thucydides, Alliance Politics, and Great Power Conflict // Ibidem.
- ³ Крымскую войну (1853–1856) и серию войн, сопутствовавших объединению Италии и Германии, в том числе франко-прусскую войну (1870–1871), следует классифицировать как конфликты регионального масштаба.
- ⁴ См. подробнее: Schroeder P.W. Austria, Great Britain, and the Crimean War: The Destruction of the European Concert. Ithaca, NY, 1972.
- ⁵ Calchas (Garvin J.). The Triple Entente // The Fortnightly Review. 1908. Vol. 84. P. 16.
- ⁶ Dépêches D'Alexandre Mavroyéni Bey, ambassadeur de Turquie à Vienne au ministre ottoman des affaires étrangères (décembre 1911 – octobre 1912). Istanbul, 1989. P. 100. A Assim Bey. 28.07/10.08. 1912.
- ⁷ Ibid. P. 22. A Assim Bey. 11/24.01.1912.
- ⁸ Ibid. P. 80. A Assim Bey. 2/15.02.1912.
- ⁹ Hermann D.G. The Arming of Europe and the Making of the First World War. Princeton, 1997. P. 3; Stevenson D. Op. cit. P. 158.
- ¹⁰ Писарев Ю.А. Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М., 1985.
- ¹¹ Armament Firms and the Balkan War (10 December 1912) // The Economist. Vol. 75. P. 1015.
- ¹² Hermann D.G. Op. cit. P. 182.
- ¹³ Ibid. P. 183.
- ¹⁴ Ibid. P. 189–190.
- ¹⁵ Poincaré R. Au service de la France. Vol. III (L'Europe sous les armes, 1913). Paris, 1926. P. 210.
- ¹⁶ Цит. по: Шацилло К.Ф. Россия перед первой мировой войной (вооруженные силы царизма в 1905–1914 гг.). М., 1974. С. 99.
- ¹⁷ См. подробнее: Tunstall G.A. Jr. Planning for War against Russia and Serbia: Austro-Hungarian and German Military Strategies, 1871–1914. Boulder, Colo, 1993.
- ¹⁸ The National Archives, Kew, UK (далее – TNA). FO 120/916. De Bunsen to Grey. 19.06.1914.
- ¹⁹ Ibidem.
- ²⁰ TNA. FO 120/915. T. Cunningham to de Bunsen. 29.12.1913.
- ²¹ Ibidem.
- ²² Halpern P.G. The Mediterranean Naval Situation 1908–1914. Cambridge, 1971. P. 86–110. Предполагалось, что в случае войны Англии и Франции с Драйбундом французский флот проводил бы операции в Средиземном море, а британский отвечал за защиту Ла-Манша и атлантического побережья Франции.
- ²³ Правда, из-за утечки информации Грей был вынужден откrestиться от этого факта, дабы избежать оппозиции со стороны радикальной части кабинета, резко критиковавшей британское сближение с Россией. Вопрос о том, насколько серьезное значение придавал Лондон данным переговорам, остается дискуссионным. По мнению А.Дж.П. Тэйлора, Грей согласился пойти на некоторые уступки России только под влиянием настойчивых просьб французов // См.: Тэйлор А.Дж.П. Борьба за господство в Европе. М., 1958. С. 514.
- ²⁴ Шацилло К.Ф. Указ. соч. С. 87–88.
- ²⁵ TNA. FO 371/1296/19. Cartwright to Grey. 30.12.1911.
- ²⁶ Цит. по: Clark Ch. The Sleepwalkers. How Europe Went to War in 1914. London, 2013. P. 329.
- ²⁷ TNA. FO 120/916. Cunningham to de Bunsen. 16.07.1914.

- ²⁸ *Geiss I.* German Foreign Policy, 1871–1914. London, Boston, 1976. P. 165.
- ²⁹ TNA. FO 120/916. Cunningham to de Bunsen. 16.07.1914.
- ³⁰ Цит. по: *Maurer J.* The Outbreak of the First World War: Strategic Planning, Crisis Decision Making, and Deterrence Failure. Westport, CT, 1995. P. 25.
- ³¹ *Котляревский С.А.* Австро-Венгрия в годы мировой войны. М., 1922. С. 76–78.
- ³² Цит. по: *Hamilton K.A.* Great Britain and France // *British Foreign Policy under Sir Edward Grey* / Ed. by F.H. Hinsley. Cambridge, 1977. P. 324.
- ³³ TNA. FO 120/917. Annual Report on Germany, 1912 / Relations with Great Britain.
- ³⁴ *Grey E.* Twenty-Five Years, 1892–1916. Vol. I. New York, 1925. P. 264.
- ³⁵ Архив внешней политики Российской империи. Ф. 192 (Миссия в Софии). Оп. 527. Д. 37. Л. 57. С.Д. Сазонов – А.К. Бенкендорфу, 30.01.1914 г.
- ³⁶ TNA. FO 120/918/348. Decypher FO 29 July 1914.
- ³⁷ *Bethmann Hollweg Th.* Reflections on the World War. London, 1920. P. 108.
- ³⁸ British Documents on the Origins of the War (далее – BD) / Ed. by G.P. Gooch and H. Temperley, Vol. XI. London, 1926. № 86. Grey to de Bunsen. 23.07.1914.
- ³⁹ TNA. FO 120/918. Decipher of tel. from F.O. to de Bunsen. 24.07.1914.
- ⁴⁰ Documents allemands relatifs à l'origine de la guerre: collection complète des documents officiels / Rassemblés... par Karl Kautsky. T. I. № 192. Jagow à Lichnowsky. 25.07.1914.
- ⁴¹ BD. Vol. XI. №101. Buchanan to Grey. 24.07.1914.
- ⁴² См.: *Tversky M., Kahneman D.* Extensional versus Intuitive Reasoning: The Conjunction Policy in Probability Judgement // *Heuristic and Biases: The Psychology of Intuitive Judgement.* Cambridge, 2002. P. 19–48.
- ⁴³ *Grey E.* Op. cit. P. 304.
- ⁴⁴ *Фей С.* Происхождение мировой войны. Т. II. М., 1934. С. 268–272.
- ⁴⁵ BD. Vol. XI. № 285. Grey to Goschen. 29.07.1914.
- ⁴⁶ *Сазонов С.Д.* Воспоминания. Мн.: Харвест, 2002. С. 214.
- ⁴⁷ TNA. FO 800/363/128–129. Copy of Memorandum by Grey. 24.09.1912.
- ⁴⁸ BD. Vol. XI. № 303. Grey to Goschen. 30.07.1914.
- ⁴⁹ *Суриков И.Е.* Античная Греция: политики в контексте эпохи. Время расцвета демократии. М., 2008.
- ⁵⁰ См.: *Агансон О.И.* Англо-американская историография о балканских предпосылках Первой мировой войны: актуальные тенденции и подходы // *Славяне и Россия: исторический контекст и проблемы историографии* / Отв. ред. С.И. Данченко. М., 2015. С. 247–268.
- ⁵¹ *Hewitson M.* Germany and the Causes of the First World War. New York, 2004. P. 175.

Татьяна Ивановна ЧЕПЕЛЕВСКАЯ

Образ России в рукописном собрании «Руссика» («Russica») словенского писателя Янеза Трдины

Янез Трдина (1830–1905) вошел в историю словенской литературы как ведущий представитель так называемого «фольклоризированного реализма» (Антон Слодняк)¹, скрупулезный собиратель и исследователь устного народного творчества словенцев во всем его многообразии (Мария Станоник)².

«Любовь к устному народному творчеству получила мощный импульс также благодаря общему увлечению деятелей словенской культуры эпохи после мартовской революции (1848 г. — *Т.Ч.*), которые стремились собрать и издать как можно больше произведений народного творчества в качестве важного свидетельства существования народа и на этой основе создать новую современную национальную литературу», — отмечает исследователь творчества и самый авторитетный биограф Я. Трдины Янез Логар³. При этом писатель избрал для себя совершенно особый, еще не известный для словенской литературы и культуры путь: собранные им произведения фольклора он не только стремился подавать в изначальной форме, но и расширять, обогащать их своей мыслью, особенно назидательной, пронизанной идеями народного просвещения, а также сатирой; в форме сказки или притчи он старался выразить свое отношение к важнейшим процессам общественной жизни и ко многим реальным политическим фигурам того времени⁴.

Заслуженную славу классика словенской литературы приносят Я. Трдине его произведения 1880-х годов⁵: ставшие весьма популярными в конце XIX в. циклы «Религиозные сказки в Нижней Крайне» («*Verske bajke na Dolenjskem*») и «Сказки и повести о горянцах» («*Bajke in povesti o Gorjancih*»), которые печатались на страницах журнала «Люблянски звон» («*Ljubljanski zvon*»).

ski zvon») в 1881 г. и 1882–1888 гг. Эти произведения «среди поколения молодых словенских реалистов снискали ему славу одного из лучших знатоков словенской народной психологии и первого мастера словенского народного языка»⁶.

Следует отметить, что многие словенские исследователи обращались к творческому наследию Я. Трдины разных периодов (среди них, помимо уже названных, – И. Графенауэр, И. Приятель, Й. Погачник, М. Кмецл, Г. Коциян, А. Корон и др.⁷), акцентируя внимание на анализе его прозы, опирающейся на фольклорный и этнографический материал. Некоторые ученые особо выделяют его автобиографические сочинения, в первую очередь «Хорватские воспоминания» («Hrvaški spomini») и автобиографическую книгу «Моя жизнь («Moje življenje»)»⁸, которые относят к вершинным произведениям словенского реализма XIX в. и к великолепным образцам для словенской автобиографической прозы века XX-го (Марьян Долган)⁹.

Не менее значимой по своим результатам представляется нам переводческая и общественно-просветительская работа Я. Трдины. Она активизировалась в период после его вынужденного выхода в 1866 г. на пенсию в возрасте 37 лет¹⁰ с поста преподавателя гимназии и последующего переезда из Хорватии (после окончания Венского университета он преподавал в городах Вараждин и Риека) в словенское Ново место. В этот период вынужденного профессионального бездействия Трдина, по его собственному признанию, обращается к одной из главных тем, интересовавших его на протяжении всей жизни, – истории России.

Следует отметить, что свои задачи писатель четко сформулировал еще во время работы в Риеке: 1) описать с этнографической точки зрения жизнь словенцев в Доленской (т.е. Нижней Крайне. – *Т.Ч.*); 2) написать книгу о Русском государстве (на основе своих обширных материалов); 3) в 1890-е годы создать новую историю словенского народа, используя свое собственное сочинение 1850 г.¹¹.

Реализация первой и третьей задач, обозначенных в дневниковых записях, строилась на основе его собирательской работы. После выхода на пенсию Я. Трдина в течение 15 лет

путешествовал по Нижней Крайне и записывал всё, что видел, слышал и узнавал (сохранилось 27 тетрадей¹²). «Назначение этих записей, — признавался он сам, — в том, чтобы создать картину истинного характера словенского народа в Нижней Крайне, а для этого служат прекрасно не только реальные события и разговоры, но также басни, кривотолки и вымышленные истории, которые рассказывают простые люди в разных житейских ситуациях... Все эти материалы я записываю лишь потому, что получаю истинную фотографию нашего народа, каков он в своих деяниях, разговорах и мыслях, каков он в своих добродетелях и пороках, каков в счастье и каковы причины и импульсы его трудолюбия и лени»¹³.

Работа по истории России строилась иначе. Безусловно, она во многом мотивировалась славянофильскими и русофильскими представлениями Я. Трдины, которые сформировались у него еще в школьные годы. Первоначально его интерес к России был связан с восприятием русской литературы, позже к этому добавился интерес к истории и политике страны, выступающей союзницей Австрии. Русофильские взгляды писателя можно проиллюстрировать несколькими событиями, которые позже нашли отражение в его автобиографических произведениях и письмах разных лет. Так, в период своего студенчества он стал свидетелем торжественного приема, который был устроен российскому императору Николаю I в столице Австрии. Трдина вместе с другими студентами и преподавателями из славянских земель восторженно приветствовал его появление 10 мая 1852 г. на устроенном в честь высокого гостя военном параде в Вене. По словам Я. Трдины, «Николай был высоким человеком крепкого телосложения, словно вылитым из стали, и красивым от пят до макушки. Вѣнцам он очень понравился»¹⁴. Другой пример относится к «хорватскому» периоду, когда Трдина начал работать в Вараждине. Во время Крымской войны 1853–1856 гг. в условиях строгой цензуры и развернувшейся в прессе кампании против России Трдина мог обсуждать военные успехи и неудачи русской армии лишь в узком кругу единомышленников, а более подробно выразил свои мысли тех лет спустя годы в письмах, объединенных в автобиографическую книгу «Моя

жизнь». В них — и горечь от первых лживых сообщений немецких газет о падении Севастополя, и сведения о главных героях военных операций, и воссоздание собственных переживаний и страданий людей, искренне сочувствующих защитникам города, и описание изобретенной ими особой терминологии, чтобы спокойно, не боясь шпиков, разговаривать о России. В этих записях ощущается не только юношеский романтический настрой, но и видны попытки молодого человека понять суть происходящего в контексте российской и европейской политики, сравнить отношение к России европейских государств с отношением властей Австрии к славянским народам. Вот как он реагировал на события, связанные с обороной Севастополя: *«Севастополь не был укреплен извне, но в течение двух дней и ночей русские окружали его насыпями, также потопив перед гаванью свои корабли, а их орудия перенесли на другие укрепления; войска и флот противника безуспешно обстреливали, себе в ущерб и на позор, с моря и суши славянскую крепость. Вскоре мы приветствовали победу Липранди! При Балаклаве. При каждой встрече мы поднимали бокалы за Нахимова, Меншикова, Тотлебена и других русских героев, которые защищали город так гениально слаженно, так энергично и храбро. Всей душой мы радовались злой зиме и ее бурям, которые поглотили столько вражеских кораблей и их содержимого в Черной речке...»¹⁵.*

В дальнейшем интерес Я. Трдины к России рос и всё больше развивался в направлении целенаправленного изучения истории, географии, статистики и этнографии, как он писал, «потенциальной славянской покровительницы России». Первоначально его источниками были конспекты немецких (в основном) изданий, в которых писатель черпал сведения о разных этапах русской истории. Так, в своей автобиографии он отмечает, что этими исследованиями начал серьезно заниматься в читальне г. Риеки. Трдина подробно описывает царящую в этом городе обстановку, дает развернутую зарисовку жизни патристически настроенной интеллигенции середины 1850—1860-х годов:

«В Риеке для меня два места стали одинаково милы: школа..., а также наша народная читальня благодаря преданным сы-

новьям матери Славы, которые собирались в ней для приятного времяпрепровождения, для чтения и бесед... На столе лежало множество газет на разных языках. Наряду со всеми хорватскими изданиями, здесь можно было найти «Srbski Dnevnik», сербский «Javor», словенские «Novice», чешский «Lumir», польский «Nadvislanin», русскую «Беседу»¹⁶ ... Здесь также был целый ряд изданий на немецком языке, итальянском и французском...

Членами этого читательского общества наряду с хорватами были сербы, словенцы, чехи и даже некоторые немцы. Они различались и по своему общественному положению. Дружно общались здесь торговцы, морские капитаны, граничарские офицеры на пенсии, преподаватели, чиновники, католические и православные священники и т. д. ...

В нашем обществе весь период Баховской системы царили самая замечательная дружба и единение. Искренние приятельские отношения объединяли всех членов, хотя со временем создалось еще более тесное сообщество «политиков», во главе которого оказался председатель читальни Суппе**. Члены этого объединения политические новости не только читали, но и затем обсуждали сами статьи и обстоятельства событий. Часто в этой среде рождались весьма животрепещущие дебаты».*

В другом месте Трдина пишет и об интересе к России: «В тамошней читальне мы обсуждали почти ежедневно условия жизни в Русском царстве, и у некоторых членов общества имелись о нем хорошие книги для изучения, которые мне с радостью предлагали»¹⁷.

Одним из членов читательского общества г. Риеки был земляк и школьный друг Я. Трдины русофил Грегор Блаж, который часто выступал на встречах в читальне с сообщениями об особенностях политического развития России¹⁸. Подобная деятельность еще более воодушевляла Я. Трдину, который всерьез

* Бахов абсолютизм, или «Баховская система», – система политической власти, сложившаяся в Австрии после поражения революции 1848–1849 гг., узаконенная императорским патентом от 31 декабря 1851 г., провозгласившим отмену конституции и восстановление абсолютизма. Император Франц Иосиф главную свою задачу видел в сохранении единства и укреплении мощи Австрийской империи, а достижению этой цели путем жесткой централизации, унификации всех сторон государственной жизни была призвана служить политика кабинета А. Баха, возглавлявшего правительство до 1859 г.

** Фаустин Суппе – адвокат и политик из Риеки.

взялся за изучение трудов о России, составление конспектов, чтобы также использовать их во время встреч в читальне.

Среди книг, с которыми он работал в это время, Я. Трдина упоминает объемный труд барона фон Хакстхаузена Абенбурга «Военная мощь России в ее историческом, статистическом, этнографическом и политическом отношениях» (1852)¹⁹, оценивая его как очень полезное издание и для тех своих современников, кто только начинает изучать российскую историю. Особенно его интересовали представленные автором проявления народной жизни: зарисовки быта, национальной психологии, народного мировоззрения²⁰. Еще одним, попавшим в это время в руки Я. Трдины сочинением, в котором он, по его словам, нашел «много нового и интересного», стало издание (на французском языке) русского экономиста и дипломата Л.В. Тенгоборского «О производственных силах в России» (1852–1855)²¹.

Помимо этих, кропотливо законспектированных, трудов Я. Трдина активно использует периодику из библиотечных фондов, собирая разнообразный материал по интересующим его темам. Эта работа по составлению конспектов, а значит, по переводу текстов с последующим обсуждением наиболее интересных вопросов и новостей в кругу единомышленников приносила писателю не только удовлетворение, но также чувство значимости и необходимости ее продолжения.

Впоследствии, уже после выхода на пенсию и переезда в словенский город Ново место, в читальне которого он также нашел друзей и единомышленников, эта деятельность обогатилась новыми формами. Трдина расширяет круг своих интересов, начинает читать и активно цитирует сочинения русских авторов (например, ученых А.Н. Пыпина и А.С. Будиловича), статьи о России из немецких, словенских, австрийских, хорватских и российских периодических изданий 1870–1890-х годов. Как свидетельствуют записи в тетрадках «Руссики», он использует «Словенски народ» («Slovenski narod»), «Словански свет» («Slovanski svet»), австрийские «Фатерланд» («Vaterland») и «Глобус» («Globus»), загребский «Обзор» («Obzor») и др., а также сборники (в том числе изданные военными ведомствами), содержащие статистические данные по разным отраслям

народного хозяйства. Особенно активно в 1870-е годы Я. Трдина пользуется материалами немецкого журнала «Руссисше Ревю» («Russische Revue»²²), который выходил также в России, в Санкт-Петербурге, и имел не строго научный, а скорее популярный характер, однако по глубине и количеству предоставляемой информации о России он не знал себе равных. Очевидно, что эту разностороннюю информацию словенский писатель старался классифицировать, проявляя тем самым интерес к определенным темам. С 1885 г., когда, по собственному его признанию, болезнь серьезно стала ограничивать его возможности передвижения и он полностью отказывается от длительных путешествий по Нижней Крайне, а также по его любимым Горянкам, Я. Трдина с головой уходит в эту работу по сбору и классификации материала, причем книги и новые журналы ему часто приносили из местной читальни на дом.

Он всё больше читает по-русски (сам признается, что делает это с большой охотой и без особого напряжения), а иногда даже в своих записях дает развернутые цитаты по-словенски и по-русски. Так, в тетради № 40 за 1893 г. есть обширные выдержки из популярной книги по русской истории «Родная старина. Отечественная история в рассказах и картинах. В помощь учащимся», составителем которой был историк и педагог Василий Дмитриевич Сиповский (1843/4–1895)²³. Но основная масса записей 1890-х годов — это выписки из популярного петербургского журнала «Нива» и различных статистических изданий.

Со временем конспекты, заметки и комментарии Я. Трдины составили его рукописное собрание под общим названием «Russica». В настоящее время этот уникальный документ хранится в Рукописном отделе Национальной и университетской библиотеки Словении (NUK) (Ms 1698. Мара 1–10). Всего сохранилось 50 тетрадей небольшого формата, исписанных мелким, иногда трудно читаемым почерком, порой карандашом.

Кажется, что словенского писателя интересует буквально всё, но в этой «всеядности» видны огромный интерес и явный научный подход (в Венском университете он изучал историю и географию — отсюда четкая структурированность материала,

введение статистических и исторических фактов для развития своих мыслей по разным темам). Огромное пространство России он пытается постичь через исторические, географические и этнографические особенности ее регионов, тем самым как бы сравнивая их с провинциями, населенными словенцами. Не ограничиваясь описанием двух российских столиц (северную он ласково называет Питер), Трдина обращается к статьям, посвященным северным и южным городам (среди них: Одесса, Таганрог, Севастополь, Мурманск, Валдай и др.), целым регионам империи (например, Туркестану) и истории их изучения.

Трдину весьма интересуют вопросы экономики России: он приводит данные (среди них много статистических) о развитии разных отраслей промышленности и сельского хозяйства, лесного хозяйства, виноделия; оценивает результаты всеобщей переписи населения 1897 г. (особенно его в сравнительном плане интересует численность славянского населения), отдельно заостряет внимание на росте добычи и переработки полезных ископаемых.

Среди многих тем Трдина намеренно выделяет несколько, наиболее ему близких (что понятно по числу подчеркиваний и его собственных комментариев в тексте). Так, он пишет о развитии образования в разных регионах России: о «школах грамотности» для бедных слоев населения, земских школах и гимназиях, вплоть до университета (например, приветствует создание высшего учебного заведения в Томске), о различных формах женского образования²⁴ и т. д. При этом успех в образовательной сфере словенский писатель старается персонифицировать: пишет об идеях народного образования Л.Н. Толстого, о вкладе в теорию и практику педагогики других известных деятелей — попечителя Дерптского учебного округа М.Н. Капустина, директрисы петербургской Литейной гимназии В.Н. Скобликовой (папка 10, тетрадь 50) и др. В этом очевидно стремление сравнить образовательные системы у русских и словенцев.

Я. Трдина выделяет также сообщения, в которых говорится о народном просвещении и борьбе против извечного недуга — пьянства, например, пишет на основе материалов из «Нивы» за 1897 г. о питейной реформе в России, которая спо-

способствовала уменьшению пьянства среди народа. Подробно характеризует писатель и деятельность «комитетов попечительства о народной трезвости» и ее формы, направленные к тому, чтобы приучить народ посещать библиотеки, театральные представления, выступления хоров и другие развлекательные мероприятия (папка 10, тетрадь 49).

Особое внимание Я. Трдина уделяет истории развития разных конфессий в России и останавливается на характеристике крупнейших православных духовных центров (Александровская Лавра в Санкт-Петербурге, Киево-Печерская Лавра в Киеве, Троице-Сергиева Лавра, Воскресенский монастырь, Саввино-Сторожевский монастырь и др. – в Москве и ее окрестностях – папка 10, тетради 40, 45, 49).

Эти подробные записи, порой сопровождаемые заметками аналитического характера (часто его отношение выражается восклицательными знаками), пронизаны чувством глубокого уважения и даже преклонения перед русской историей и культурой. Например, конспектируя работу о русских былинах (источник записан неразборчивым почерком), Трдина пишет о героическом характере русского народа («Ни монголы, ни рабство не смогли превратить его в раба»), отмечает значимость русского языка и русской литературы, которая, по его мнению, в настоящее время незаслуженно не получает признания в качестве европейской и классической. Ему ясно видится великое будущее русского языка, как одного из международных языков дипломатии и торговли – от Вены до Варшавы, вплоть до Пекина, Японии и Америки (папка 7, тетрадь 1).

Пристальное внимание словенский писатель уделяет культурным и научным событиям того времени. Наряду с яркими отзывами об участии России в Парижской выставке 1878 г. (взятыми из «Нивы»), он анализирует материалы экспедиций, которые носили не только научный, экономический (разведка торговых путей), но и этнографический характер. Так, в тетрадях представлен краткий конспект отчетов императорского Русского географического общества (основано в 1846 г.) по экспедициям в самые разные уголки страны: И. Майнова – в волжские губернии, А. Сибирякова – в Сибирь, П. Чубинско-

го — в Западнорусский регион и др. Явный интерес к этой теме, несомненно, выдает его тоску по путешествиям, но также помогает ему лучше понять и оценить это огромное пространство, называемое Россией.

Близкая тема для Я. Трдины — русская литература. Среди русских писателей, особенно интересовавших его в это время (некоторые из них упоминаются и в тетрадах «Руссики»), можно назвать не только А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя (с творчеством которых в немецких переводах он познакомился еще в Вене), М.Ю. Лермонтова, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, Н.С. Лескова, Н.А. Некрасова²⁵, но и современных ему авторов популярных в те годы художественно-этнографических очерков и рассказов из народной жизни, в первую очередь — В.И. Даля и С.В. Максимова, с творчеством которых словенский писатель был хорошо знаком²⁶.

С одной стороны, Трдина в автобиографической книге признавался, что не считал себя писателем, художником и не пополнял свои знания в литературной теории, но, вместе с тем, в поздние годы он учился у русских писателей (Гоголя, Толстого, Тургенева и др.) тому, какими должны быть роман и новелла, чтобы сохранить свою значимость²⁷.

С другой стороны, особое внимание Трдины к произведениям Даля и особенно Максимова, автора целого ряда книг этнографических очерков²⁸, думается, не случайно. Подобно Максиму, исходившему и изъездившему всю Россию с блокнотом и карандашом в руке, Трдина также с необычайным воодушевлением бродил по селам и городкам Нижней и Верхней Крайны, записывая фольклор, народные истории, переложенные на новый лад евангельские притчи и другие образцы устного народного творчества не только словенцев, но и их ближайших соседей.

Итак, перед нами интересный феномен, когда переводческая деятельность служила интересам культурного просвещения и одновременно помогала писателю сформулировать и выразить свои взгляды не только на бумаге, но и на встречах единомышленников, способствовала распространению сведений о России, ее истории и культуре среди словенцев.

Этот историко-культурный документ, который, следуя классификации Михаила Михеева, автора исследования «Дневник в России XIX—XX вв. — эго-текст, или *пред-текст*»²⁹, можно определить, как одну из разновидностей дневников — дневник-отчет об уже прочитанных книгах или выписки из них. Среди возможных причин, активизирующих подобную деятельность, ученый называет, «помимо *отсутствия собеседника*, еще и отсутствие привычной деятельности, — когда человек оказывается вырван из колеи или у него происходит какая-то резкая (может быть, только предполагаемая в будущем или предчувствуемая им) перемена в жизни»³⁰.

В случае с Трдиной это мнение можно принять как аргумент лишь отчасти, ведь, как следует из его дневниковых записей, составлением конспектов прочитанных книг он занимался еще во время учебы в гимназии. Впоследствии, уже на пенсии, эта работа отвечала его творческим замыслам, среди которых, как уже говорилось, был и проект написания книги о России (к сожалению, неосуществленный). Активизации его переводческой и поистине просветительской деятельности во многом способствовала атмосфера, царившая в это время в славянских землях и связанная с повышенным интересом к истории славян и России, и, как следствие, широкий книгообмен между библиотеками и читальнями в этих землях.

Жизненные невзгоды и тяжелая болезнь, продолжавшаяся последние 15 лет его жизни, не позволили писателю завершить все свои планы. Однако в своей работе, в том числе и по сбору материалов для «Руссики», он находил утешение и черпал силы, всегда сохранял ясность ума и радость жизни. Свидетельством его природного оптимизма и крепости духа могут служить слова из письма брату Грегору от 9 марта 1896 г., когда обострившаяся болезнь и бессонные ночи настроили Я. Трдину на философские мысли: «Как я могу быть несчастным, если мой ум никогда и никому не прислуживал, и я использовал его свободно, без страха лишь для себя! Эта духовная свобода является намного более ценной, чем телесная. Как я могу быть несчастным, если я люблю свой народ всем сердцем и всей душой своей. Когда я думаю о безмерных достижениях всех племен нашего славянс-

кого народа, меня захлестывает море радости, в которой тонет печаль, любая болезнь теряет свои неприятные стороны и уходят страхи! В целом же этот мир для каждого таков, каким он сам его себе создает. Для многих это действительно долина слез и кислой репы, а для меня он есть и остается красивейшим садом, наполненным цветами, праздником и доброй волею»³¹.

Благодаря рукописному собранию «Руссика» Я. Трдины, а также его автобиографическим сочинениям мы можем очертить круг чтения определенной части патриотически настроенной интеллигенции славянских земель Австро-Венгрии (словенской, хорватской, сербской). А в случае с самим Трдиной — получить свидетельства скрупулезной работы по оттачиванию собственных представлений об историческом прошлом и настоящем народов России. Представлений, которые он стремился донести до близкого ему окружения (сначала в хорватской Риеке, а позже в словенском Новом месте), с внутренней уверенностью, что эти знания могли бы повлиять на направленность деятельности по выстраиванию жизни самих словенцев.

Примечания

¹ *Slodnjak A.* Slovensko slovstvo. Ob tisočletnici Brižinskih spomenikov. Ljubljana, 1968. S. 157.

² *Stanonik M.* Folklorizem kot literarni model pri Janezu Trdini // Janez Trdina med zgodovino, narodopisjem in literaturo / Ur. M. Dovič. Novi sad, Ljubljana, 2005. S. 121.

³ *Logar J.* Janez Trdina // Slovenski biografski leksikon. 12 / Ur. A. Gspan in F. Petre. Ljubljana, 1980. S. 165.

⁴ Так, словенский ученый Борис Патерну выделяет три типа обработки письменного фольклора у Я. Трдины: 1) в содержательном плане неизменный сюжет подан в как можно более сохраненной форме, 2) дополнение мотивов, что приводит к мозаичному построению, 3) оживление фольклорного сюжета с помощью актуальной общественной проблематики. — *Paternu B.* Slovenska prosa do moderne. 2-e izd. Koper, 1965. S. 46–47.

⁵ Ранний период творчества Я. Трдины относится к рубежу 1840–1850-х годов, когда он пробует свои силы в поэзии, создает несколько прозаических произведений с опорой на сюжеты словенского фольклора, часть которых выходит под названием «Народные рассказы из Бистрицкой долины» («Narodne pripovedke iz Bistriške doline»), а также басни; делает попытку создания народной эпопеи словенского народа («Гласан-Бог» — «Glasan-Bog», 1850 г.); пишет две критические работы: «Критический очерк о словенских поэтах» («Pretres slovenskih pesnikov», 1850), «Несколько слов о словенской литературе» («Nekoliko o slovenskom slovstvu», 1851) и другие заметки. Затем последовал длительный период молчания, и лишь в 1880-е годы появляются его новые произведения.

⁶ *Logar J. Spisi iz novomeške dobe // Trdina J. Zbrano delo: v 12 zv. Zv. 6. Ljubljana, 1954. S. 335.*

⁷ Краткий обзор исследований о Я. Трдине дает в своей работе словенская исследовательница А. Корон. – *Koron A. Janez Trdina in Washington Irving: o genezi fikcije u njunih kratkih pripovedih skozi komparativistična očala // Zavstavi sem svoje življenje: Monografija o življenju in delu Janeza Trdine. 1. del. Mengeš: Muzej, 2005. S. 77–78.*

⁸ Свои воспоминания о хорватском периоде жизни (на основе дневниковых записей) Трдина начал писать в период временного отстранения от службы в гимназии, так появились его «Воспоминания о 1867–1868 гг.» («Spomini iz let 1867–1868»), которые не были завершены, и лишь спустя почти 20 лет писатель печатает отдельные главы из них под названием «Хорватские воспоминания» в газете «Слован» («Slovan») за 1885–1887 гг. Полностью в переработанном виде они были напечатаны в 1903 г. отдельной книгой как первый том «Собрания сочинений» Трдины под названием «Баховы гусары и иллиры. Воспоминания о моей преподавательской работе в Хорватии (1853–1867)» («Bahovi huzarji in Iliri. Spomini iz moje profesorske službe na Hrvaškem (1853–1867)»). Книга «Моя жизнь», впервые опубликованная в виде отдельных частей в журнале «Люблянский звон» (1905–1906) и газете «Слован» (1905), была составлена из писем (глав) Трдины (всего 14), которые он посылал доктору медицины и литератору Ф. Дерганцу в ответ на его просьбу дать сведения биографического характера для написания, в преддверии 75-летия писателя, эссе о его жизни и творчестве для словенских изданий. См. подробнее: *Trdina J. Zbrano delo... Zv. 3. Ljubljana, 1951. S. 571–576* (комментарии Я. Логара).

⁹ *Dolgan M. Janez Trdina – realist za folklorno masko // Janez Trdina med zgodovino, narodopisjem in literaturo... S. 105–107.*

¹⁰ В 1864 г. из-за жалобы одного из учеников гимназии г. Ново место против Я. Трдины были выдвинуты обвинения, а позже началось судебное разбирательство со стороны школьных и надзорных органов в Вене, которое продолжалось до сентября 1867 г. Его обвинили в «неблагодарном» влиянии на своих учеников (в конспектах лекций одного из них, А. Якшича, были обнаружены записи с критикой в адрес современной политической ситуации в Империи, а также резкие характеристики некоторых хорватских и австрийских политических деятелей). Несмотря на поддержку друзей и учеников, он был вынужден выйти на пенсию после почти 12-летней службы на педагогическом поприще. В письме своему бывшему ученику М. Трновцу в этот период вынужденного отстранения от любимой работы Я. Трдина пишет: «На пенсии у меня есть время заниматься только родной литературой и историями нашего народа. Это будет моим делом до самой смерти». – См.: *Schmidt G. Kratek pregled življenja in dela Janeza Trdina // Trdina J. Če ni lačen je pa žejen. Izbrana proza. Ljubljana, 2003. S. 292–295, 298.*

¹¹ Его первая «История словенцев» («Zgodovina Slovencev»), изданная Словенской Матицей под редакцией Ф. Брадашека в 1866 г., была написана по просьбе К. Дежмана во время каникул после окончания гимназии и в первые годы учебы в Вене. По мнению Я. Логара, «произведение некритическое, значимо как первый опыт исследования истории всего словенского народа на словенском языке». – *Logar J. Janez Trdina // Slovenski biografski leksikon... S. 166.* Позже Трдина стремился продолжить свой труд, но, несмотря на объемные выписки из трудов по словенской, хорватской и австрийской истории, из-за болезни не сделал этого. В письме брату Грегору от 9 марта 1896 г. он признается: «Свою историю я еще долго не смогу начать, так как вследствие болезни так слаб». – *Trdina J. Zbrano delo... Zv. 12. Ljubljana, 1959. S. 99.*

¹² Из этого кладезя уникальных материалов фольклорно-этнографического характера писатель в 1870-е годы создает короткие и развернутые «картины и истории из народной жизни и биографии наших земляков», предназначавшиеся в качест-

ве составной части более объемной работы по истории словенского народа в Нижней Крайне. Они не вошли ни в «Избранные произведения» («Izbrana dela», 1903, 1906–1912), ни в более позднее «Собрание сочинений» («Zbrano delo», 1946–1959) Я. Трдины, а были подготовлены Снежаной Штаби и Игорем Крамбергером как трехтомное издание под названием «Образы предков». – *Trdina J. Podobe prednikov. Zapiski Janeza Trdine iz obdobja 1870–1879. 27 zvezkov rokopisa v 3 knjigah / Uredila Snežana Stabi in Igor Kramberger. Ljubljana, 1987.*

¹³ *Trdina J. Zbrano delo... Zv. 6. Ljubljana, 1954. S. 336.*

¹⁴ *Trdina J. Spomini // Trdina J. Zbrano delo... Zv. 2. Ljubljana, 1948. S. 81.*

¹⁵ *Trdina J. Moje življenje // Trdina J. Zbrano delo... Zv. 2. Ljubljana, 1948. S. 263.*

¹⁶ Имеется в виду «Русская беседа», журнал славянофильского и патриотического направления, который выходил в Москве с 1856 г. по 1860 г.

¹⁷ *Trdina J. Zbrano delo... Zv. 3. Ljubljana, 1951. S. 540–542.*

¹⁸ *Gantar Godina I. Janez Trdina: izseljenec in «Slavjan» // Zastavil sem svoje življenje... Ljubljana, 2005. S. 18.*

¹⁹ *August Franz Ludwig Maria, Baron von Haxthausen-Abbenburg. Die Kriegsmacht Rußlands in ihrer historischen, statistischen, ethnographischen und politischen Beziehung. Berlin: Behr, 1852.*

²⁰ *Trdina J. Zbrano delo... Zv. 3. Ljubljana, 1951. S. 560.*

²¹ Перевод на русский язык этого труда, считавшегося в то время лучшим систематическим сочинением в области хозяйственной статистики России, дополненный биографическим очерком о его авторе, был осуществлен русским статистиком и экономистом, профессором И.В. Вернадским (отцом Вл. И. Вернадского). – *Тенгоборский Л.В. Производительные силы России. М.-СПб., 1854–1858.*

²² Журнал «Russische Revue» издавался в Лейпциге с 1862 г. В. Вольфзоном. С 1872 г. по 1891 г. он выходил также в России, в Санкт-Петербурге. Так, в первом номере журнала была напечатана повесть «Фауст» И.С. Тургенева в переводе Ф. Боденштедта. Это был первый немецкий перевод произведения, который очень понравился И.С. Тургеневу. См.: *Russische Revue. Leipzig, 1862/1863. I. Band. 1. Heft. S. 59–96; Письма Фридриха Боденштедта. 1861–1866 / Публикация Анри Гранжара (Франция). – URL: file:///C:/Users/ONE/AppData/Local/Temp/%20C.%20303-332.%20Письма%20Фридриха%20Боденштедта%20(1861–1866)-1.pdf (дата обращения: 15.01.2017 г.).*

²³ Труд, весьма популярный в свое время и как учебное пособие, и как полезное чтение, был издан в 3-х книгах, а по содержанию доведен до эпохи Петра Великого.

²⁴ Так, из газеты «Словански свет» («Slovanski svet») за 1896 г. Трдина, среди других, выделяет сообщение, посвященное новостям школьного образования: «Медведия (т.е. Россия. – Т. Ч.) обогнала хвастливую Германию. В начале будущего школьного года откроется женский медицинский университет в Санкт-Петербурге, что вызовет переворот в общественной и государственной жизни». И далее сообщает, кого и на каких условиях будут принимать в новое образовательное учреждение (папка 10, тетрадь 41).

²⁵ Обработывая материалы из «Нивы» за 1897 г., Я. Трдина делает выписки из статьи, посвященной Н.А. Некрасову, и даже приводит цитаты из его стихотворений и поэм на русском языке, например: «Ты и убогая, / Ты и обильная, / Ты и могучая, / Ты и бессильная / Матушка Русь» (папка 10, тетрадь 42).

²⁶ Как считает Я. Логар, «образцом для создания картинок народной жизни для него хотя бы отчасти служил русский этнограф, писатель Сергей Васильевич Максимов». См.: *Slovenski biografski leksikon... S. 167; Trdina J. Zbrano delo. Zv. 10. Ljubljana, 1957. S. 50, 406, 422.* Это подтверждают и записи в тетрадях «Русские».

²⁷ *Logar J. Janez Trdina // Slovenski biografski leksikon... S. 168.*

²⁸ В 1850–1870-х годах как результат «хождения за словом» по различным губерниям России выходят книги С. В. Максимова: «Год на Севере», «Картины народного быта», «Куль хлеба и его похождения», «На Востоке. Поездка на Амур»; «Бродячая Русь Христа ради» и др. См. подробнее об этом: *Чепелевская Т. И.* Русско-словенские литературные связи во второй половине XIX века. Творчество Я. Трдины и С. В. Максимова // *Славянский филологический сборник*. Вып. 1. М.: ГАСК, 2009. С. 165–177.

²⁹ *Михеев М. Ю.* Дневник в России XIX–XX веков, эго-текст или пред-текст», М., 2006. URL: Книги%202014%20Михеев%20Дневник/kniga%20Михеев.htm (дата обращения: 02.03.2015 г.).

³⁰ Там же.

³¹ *Trdina J.* Zbrano delo... Zv. 12. Ljubljana, 1959. S. 98–99.

Андрей Леонидович ШЕМЯКИН

Февральская революция в России 1917 г., Корфская декларация и Ю.А. Писарев

*«Если победа окажется полной,
мы сможем добиться объединения»*

(Йован Йованович – Александру Карагеоргиевичу,
Лондон, 23 декабря 1916 г.)¹

*«Русская революция спутала карты тем,
кто выступает за справедливое и долгосрочное решение
многих проблем общеевропейского масштаба.
Сербам бороться стало тяжелее всех»*

(Йован Йованович – Александру Карагеоргиевичу,
Лондон, 4 июня 1917 г.)²

В конце февраля 1917 г. по старому стилю в Петрограде произошла Вторая русская революция, как результат глубокого общественно-политического кризиса, порожденного, главным образом, усталостью большинства населения от войны, а также Распутинщиной и насыщенностью атмосферы в столице «личными интересами и интригами <...>, в то время как на фронте идут отчаянные кровавые сражения», — как свидетельствовал очевидец той агонии русский дипломат В.Н. Штрандтман³. 2 марта император Николай II неожиданно легко и даже как-то безразлично отрекся от престола. Нежный отец семейства победил в нем венценосца, и тысячелетняя российская монархия рухнула как карточный домик.

С другой стороны, 7 июля того же года на острове Корфу, после длительных переговоров членов правительства Сербии и делегатов от Югославянского комитета в Лондоне, была подписана знаменитая Корфская декларация, в которой подчеркивалось совместное стремление к созданию единого и независимого государства сербов, хорватов и словенцев во главе с

династией Карагеоргиевичей, основанного на главенстве закона и равноправии «трех племен одного народа»⁴. Спрашивается, почему сербский премьер-министр Никола Пашич только сейчас вступил в официальный контакт с организацией югославянских эмигрантов из Австро-Венгрии? И соответственно: существовала ли какая-нибудь связь между двумя событиями?

И еще один вопрос, касающийся непосредственно декларации. Что это — идеологический документ, ставший следствием обоюдного и искреннего определения в пользу национально-государственного «сожительства», или ее подписание являлось чисто тактическим шагом, направленным на обеспечение сиюминутных интересов? Данный вопрос кажется нам заслуживающим внимания, ибо даже у одних и тех же авторов порой встречаются различные оценки. Так, например, известный сербский дипломат и историк Йован Йованович-Пижон в вышедшей в 1935 г. книге «Борьба за народное объединение» (т.е. когда ее результаты были давно и хорошо известны) придавал декларации «значение конституции будущего единого государства»⁵, с чем согласиться никак невозможно. С другой стороны, в своем дневнике и телеграммах принцу-регенту Александру Карагеоргиевичу за 1917 год, когда не только судьба югославянского движения еще никак не просматривалась, но и сам исход войны (от которого она напрямую зависела) оставался в тумане, Йованович трактовал ее всего лишь как «некую программу», с которой «следует продолжить работу», поскольку декларация «требует дополнения» и «конкретизации»⁶.

Либо суждение нашего коллеги Я.В. Вишнякова, относительно подписанной на Корфу «достаточно компромиссной декларации о создании государства сербов, хорватов и словенцев», с одобрением которой, как ему кажется, «многолетняя мечта сербов, определявшая политические ориентиры страны с первой половины XIX в. стать югославянским „Пьемонтом“, наконец-то осуществилась»⁷. Каким образом? Или автор всерьез полагает, что этот, во многом *вынужденный*, документ стал краеугольным камнем в фундаменте будущего совместного государства, и, соответственно, его создание было событием закономерным и не имевшим альтернативы (примерно так, как ра-

нее, в духе «Краткого курса», интерпретировался Октябрьский переворот в России)? Как же «замыливается» порой глаз историка, глядя сквозь призму уже *свершившегося* факта. Однако Андрия Раденич, вслед за Драгославом Янковичем, почему-то считал (и справедливо!), что даже «в начале 1918 г. достижение целей сторонников объединения югославян выглядело почти безнадежно»⁸. К тому же «мечта стать югославянским „Пьемонтом“» отнюдь не являлась для Белграда главным «политическим ориентиром» в первой половине XIX в., да и само употребление метафоры «Пьемонт» в столь раннем хронологическом контексте вряд ли оправданно. Но это к слову.

Для вынесения объективного суда о Корфской декларации крайне значимым, на наш взгляд, является выявление подлинного отношения к ней ее подписантов: Н. Пашича и Анте Трумбича — председателя Югославянского комитета. Касаясь данного аспекта, немецкий историк Хольм Зюндхаузен в своей «Истории Сербии» заметил: «Пашич не воспринимал Корфскую декларацию юридически обязывающим документом, в то время как Трумбич видел в ней „Магна харту“ югославянского объединения»⁹. Первую часть такой конструкции можно вполне принять, вторая же (которая о Трумбиче), опирающаяся на традиции хорватской историографии, есть не что иное, как явная натяжка, о чем и будет сказано ниже...

Мы отдаем себе отчет в том, что названные выше проблемы уже рассматривали многие ученые прошлого и настоящего: Милада Паулова, Йован Йованович — в эпоху межвоенной Югославии; Д. Янкович, Богумил Храбак, Богдан Кризман, Драгован Шепич, Никола Б. Попович, Джордже Станкович, Ю.А. Писарев — в СФРЮ и СССР. И все-таки решились снова обратиться к ним. Это связано с тем, что в последнее время появились новые источники, прежде всего мемуарного характера: дневник Й. Йовановича-Пижона, воспоминания члена Югославянского комитета Николы Стояновича, генерала Светомира Джукича. Особенно драгоценны для исследователей ежедневные записи Й. Йовановича — в 1916–1918 гг. посланника Сербии в Лондоне, наглядно иллюстрирующие отношение Н. Пашича к Корфской декларации. В связи с этим не лиш-

ним будет привести оценку патриотизма их автора, данную его однофамильцем — политиком и интеллектуалом Драголюбом Йовановичем: «Патриотизм Йована Йовановича вначале был исключительно сербским. Но со временем он вырос у него до общегославянского. Подобного сдвига в сознании старого Пашича так никогда и не произошло»¹⁰. Поэтому, чем дальше — тем меньше, Й. Йованович солидаризировался с политикой своего шефа¹¹. И, как следствие, в дневнике отсутствует его глорификация, столь часто встречающаяся в иных публикациях¹². Здесь лишь фиксируются разговоры посланника и премьера в Лондоне во время наездов последнего на берега Темзы. Причем весьма подробно!

Однако двинемся по порядку, начав (для целостности изложения) несколько издалека.

* * *

Напомним, что «югославянский вопрос» был впервые открыто поставлен сербским правительством уже в конце 1914 г. В Нишской декларации*, предложенной Пашичем и принятой Народной скупщиной 7 декабря, ее депутаты определили в качестве главной военной цели Сербии «освобождение и объединение всех наших еще неосвобожденных братьев — сербов, хорватов и словенцев»¹³.

Вопрос этот имел свою предысторию.

На рубеже XIX—XX вв. представления о «народном единстве» сербов, хорватов и словенцев были достаточно распространены в кругах югославянской интеллигенции. В сербском обществе «югославянская идея» начинает пользоваться популярностью уже после Майского переворота 1903 г. Особый отклик мысль о единстве, согласно которой сербы, хорваты и словенцы объявлялись «тремя племенами одного народа», нашла среди студенческой молодежи и интеллектуалов — их главным рупором стал журнал «Сербский литературный вестник», возглавлявшийся известным общественным деятелем Йованом Скерличем. Скерлич и его единомышленники, полагая главным критерием любой нации наличие единого языка,

* В 1914–1915 гг. Ниш являлся временной столицей Сербии.

рассматривали все населенные югославянами территории на Балканах (несмотря на разделяющие их конфессии и государственные границы) единым этноязыковым пространством, где обитал единый же «трехъименный народ»¹⁴.

Представители хорватской и словенской интеллигенции, напротив, считали возможным сплочение югославян под скипетром династии Габсбургов, но при условии дарования им тех же политических прав, какие имели немцы и мадьяры. И в этой связи они требовали замены дуализма австро-венгеро-югославянским триализмом. Немалое их число приветствовало оккупацию, а затем и аннексию Боснии и Герцеговины, видя в том усиление славянского фактора в монархии и пролог ее внутренней перестройки. Что же касается австрийских и венгерских сербов, то многие из них с нескрываемой симпатией смотрели в сторону Белграда.

Вместе с тем, следует особо подчеркнуть, что все разговоры о «югославянском единстве» велись накануне 1914 г. в основном в интеллигентской и студенческой среде. Во властных же коридорах о нем не было принято говорить вслух. Приоритет отдавался более жизненным задачам — освоению новых (присоединенных в результате Балканских войн 1912–1913 гг.) территорий на юге и гармонизации отношений с Черногорией в условиях, когда оба независимых сербских королевства наконец-то соприкоснулись границами. О том, насколько более важными были для Пашича переговоры о реальном сближении Сербии и Черногории, в сравнении с абстрактными лозунгами единства югославян, свидетельствует и российский посланник в Белграде Н.Г. Гартвиг. Сообщая в начале апреля 1914 г. в МИД о начавшемся диалоге, дипломат отмечал, что «Пашич находил желательным оставить ныне в стороне все заботы о “неосвобожденных еще сербских братьях и целом югославянстве”, а подумать о мерах, которые на деле скрепили бы узы единокровных народов (сербов и черногорцев. — *А. Ш.*)»¹⁵.

Итак, очевидно, что даже при наличии определенного югославянского «крена» в общественном мнении (явно усилившегося после побед в Балканских войнах) Пашич в своей реальной политике отдавал предпочтение решению внутри-

сербских, назовем это так, проблем. Югославянская же перспектива лежала для него далеко за «всесербским» горизонтом. Прав современный сербский историк Милош Кович: «Югославянский вопрос был <...> в тот момент наименее значительным фактором сербской внешней политики. Только будущее придаст ему особо важное значение»¹⁶.

И все-таки — с началом войны сербы внесли «югославянский вопрос» в повестку дня. Однако в условиях вооруженного противостояния он оказался в очевидной зависимости от военно-политической конъюнктуры. Можно даже говорить о его прямом использовании в политических целях. Не секрет, что в противоборстве с Австро-Венгрией сербский премьер рассчитывал на ее югославянских подданных, как на потенциальных союзников, своего рода «пятую колонну» в швабско-мадьярском тылу. По свидетельству его секретаря Милана Гавриловича, декларация о военных целях Белграда приобрела *общеюгославянскую* «упаковку»* лишь после того, как Пашича убедили в том, что «это поможет Сербии в войне, так как вызовет выступление югославян и иных славянских народов Австро-Венгрии»¹⁷. К тому же, принятый в Нише документ нес в себе и иные смыслы. Во-первых, он был средством «защиты» сербского руководства от давления союзников — чем больших уступок требовала Антанта в пользу болгар в Македонии, тем дальше на северо-запад, «к заветному морю», простирались контрпретензии сербов. И во-вторых, являлся геополитическим «противовесом» Королевства панадриатическим устремлениям Италии, наглухо запирающим ему выход к побережью¹⁸...

Представители австро-венгерских югославян не остались в стороне от заявленной позиции сербских властей. В начале мая 1915 г. в Лондоне был основан Югославянский комитет, который возглавил Анте Трумбич — хорват из Далмации. Опираясь на идею «народного единства» сербов, хорватов и словенцев, члены Комитета высказались за поражение Австро-Венгрии

* Первоначальный вариант Нишской декларации носил «усеченно-югославянский» характер, с упоминанием одних лишь сербов и хорватов Австро-Венгрии, подлежащих «освобождению и объединению». И только после разговора с известным словенским ученым-этнологом, будущим членом Югославянского комитета Нико Жупаничем и его объяснений премьер согласился внести в текст документа и словенцев.

в войне и объединение ее югославянских областей с Сербией в рамках единого государства. Мотивами такого стремления были опасение германизации и мадьяризации югославян монархии, а также желание консолидировать внутри него все до того разделенные хорватские и словенские земли. Последнее обстоятельство являлось определяющим.

По словам А. Трумбича, «отложившимся» в дневнике Й. Йовановича, «эти предводители (хорватов и словенцев. — А. Ш.) согласны идти с Сербией, если все хорватские и словенские территории будут объединены»¹⁹. А Никола Стоянович фиксировал наличие подобной мысли и у самого Трумбича: «Трумбич признавал впоследствии, что его главная идея состояла в объединении хорватов в рамках одного государства; исходя же из политической ситуации, это могло произойти только в Югославии»²⁰. А один из виднейших деятелей югославянского движения (одно время — член Лондонского комитета) Франо Супило был настроен еще более радикально: «Он хочет любой ценой сохранить хорватское единство <...>; он и его единомышленники, которых гораздо больше, чем обычно считается, желают путем референдума решить судьбу всех югославянских земель в Австро-Венгрии. В чью пользу не было бы принято решение — *Австрии или Сербии* (здесь и далее выделено нами. — А. Ш.), он хочет, чтобы эти земли оставались вместе». По словам того же Н. Стояновича, «с точки зрения узко-племенного подхода, такое желание понятно», но «его никак нельзя трактовать как подлинно югославянскую позицию»²¹. Мало того, в беседе с П.Н. Милюковым, в бытность его в составе делегации Госдумы в Лондоне (начало 1916 г.), Супило прямо заявил: «*Если бы Хорватия была свободна, она бы высказалась против объединения с Сербией*»²².

Отметим эти новые мотивы — Австро-Венгрия, как всё еще возможная форма решения югославянского вопроса, но с неременной «интегрально-католической» опцией внутри него, и Милюков, как альтернативный официальному российскому МИД внешний фактор, к которому апеллируют сторонники такой концепции «освобождения» югославян. Данных мотивов мы еще коснемся.

Обращает на себя внимание и крайний утилитаризм подхода хорвато-словенской «юнионистской» эмиграции в Европе к возможному объединению с Белградом, что, как представляется, позволяет утверждать об объективно временном характере ее союза с сербскими властями. Эту особенность (как явление *универсальное!*), за фасадом громких заверений в «братстве-единстве», давно уже обнаружилось зоркое око русской дипломатии. Так, императорский консул в американском Питтсбурге Г.В. Чирков доносил в посольство России о состоявшемся в городе в 1916 г. югославянском съезде, объединившем второй (северо-американский) элемент эмигрантского движения сербов, хорватов и словенцев за свободу и создание на исторической родине единого государства. И характеризуя члена Югославянского комитета из американских хорватов Анте Бьянкини «как убежденного и весьма деятельного поборника идеи освобождения югославян от австро-мадьярской опеки», дипломат, тем не менее, вынес из бесед с ним «неизгладимое впечатление весьма существенного перевеса его убеждений в сторону, заметно уклоняющуюся от принципа полного единения югославян под сербским началом», а именно — в сторону «крайне национальных собственных стремлений хорвато-словенской группы»²³. Российский наблюдатель подметил также и общее «сдержанное отношение к Сербии, доминирующее в здешнем югославянском движении», равно как и «отрицательную реакцию на него местных сербов», считающих, что эту сдержанность следует приписать «исключительно давлению хорвато-далматинцев, делающих удачную ставку на Сербию»²⁴.

К впечатлениям Чиркова присовокупим и фрагмент депеши российского посланника в Буэнос-Айресе Е.Ф. Штейна от 21 ноября 1916 г., где он сообщал об опасности раскола в югославянской ассоциации Аргентины (т.е. уже на третьей эмигрантской площадке!), поскольку многие ее православные члены «подозревают Центральный, направляющий всё всесербское движение, Югославянский комитет в Лондоне в своекорыстных планах в пользу одной лишь Хорватии и вообще католических австро-венгерских земель и в некоторой игре в прятки с нынешним законным сербским правительством»²⁵. Прав русский дипломат. Круг замкнулся!..

Имея в виду такую (по большей части партикулярную) «югославянскую» линию хорватов и словенцев, не кажется удивительным, что между ними, с одной стороны, и «сербиянцами», с другой, при публично выраженной воле к единству, с самого начала ощущалось скрытое соперничество по вопросу — кто же будет гегемоном объединения, и, соответственно, какова предполагается его модель? Это соперничество, имевшее, кстати, весьма глубокие корни, выплеснулось наружу в начале весны 1916 г., когда Сербия была оккупирована австро-германскими и болгарскими войсками, а ее суверен, правительство и остатки армии находились в изгнании — на греческом острове Корфу. И, следовательно, по мысли руководителей Комитета, Королевство и югославянские области Австро-Венгрии сравнились в своем политико-юридическом статусе. В данных условиях амбиции хорвато-словенской эмиграции резко возросли, о чем свидетельствует «Дополнительный меморандум Югославянского комитета», переданный французским властям 13 марта 1916 г. В нем «комитетчики» пытались добиться признания его Антантой в качестве политического органа, равного по весу и значению сербскому правительству, что лишило бы Сербию функции единственного «объединителя» («Пьемонта») всех югославянских земель. Кроме того, в качестве центра объединения ими предлагался уже не Белград, а Загреб²⁶. 20 марта в интервью французской газете «Эко де Пари» («Echo de Paris») Трумбич повторил свои претензии недельной давности о предоставлении Хорватии статуса второго «Пьемонта»²⁷, в связи с чем особенно подчеркнул: «Нет больше свободных сербов и таких сербов, хорватов и словенцев, *которые бы только подлежали освобождению* (выделено нами. — А. Ш.)»²⁸.

И здесь мы должны вспомнить, что в Нишской декларации одной из главных своих целей (наряду с «объединением») власти Королевства провозгласили именно «освобождение» австро-венгерских югославян, причем *своими* силами; и в течение всей войны (а особенно в 1917–1918 гг. — т.е. как раз после Февральской революции) добивались от союзников ее международной легитимизации. По свидетельству Н. Стояновича, «Пашич желает решение (югославянского вопроса. — А. Ш.) на

основе права Сербии самой освободить югославянские территории, которое союзники должны за ней признать»²⁹.

А потому «новации» хорватских и словенских деятелей не радовали сербского премьера, который трактовал роль Югославянского комитета совсем по-иному и отнюдь не желал воспринимать эту эмигрантскую организацию как «легитимного» представителя австро-венгерских югославян. Полагая «опеку» над сербами, хорватами и словенцами Дунайской монархии прерогативой руководства Сербии, он длительное время воздерживался от каких-то серьезных шагов в сторону Трумбича и компании. Только более года спустя, как уже говорилось, на Корфу, была подписана декларация, в которой обе стороны однозначно высказались за создание единого государства сербов, хорватов и словенцев.

И здесь мы возвращаемся к вопросам, сформулированным в начале статьи, – во-первых, почему же теперь (в июле 1917 г.) Н. Пашич пошел на сближение с Комитетом, установив с ним официальные контакты; и, во-вторых, имелась ли какая-то связь между этим его шагом и падением царизма в России?..

Так вот, имелась и причем самая непосредственная!

* * *

До Февральской революции сербский лидер пребывал в твердом убеждении, что именно Российская империя сможет в конце войны поставить перед союзниками австро-венгерский вопрос во всем его объеме (быть или не быть монархии Габсбургов, а если быть, то в какой форме), защитив при этом интересы Королевства, ибо давно уже вывел для себя спасительную формулу: «Сербскому элементу на Балканском полуострове не грозит никакая бóльшая опасность, чем от Австро-Венгрии, и нас от нее может охранить только Россия, так как в этом случае она будет защищать и свои интересы»³⁰. Потому он и не желал связывать себя какими-то жесткими обязательствами в отношении Лондонского комитета, считая его всего лишь одной из *пропагандистских* структур сербского кабинета и используя румынскую и итальянскую модель, согласно которой Рим и Бухарест сами представляли своих соплеменников из Австро-Венг-

рии³¹... Тем более, что все аспекты будущих взаимоотношений Сербии с Россией были отрегулированы во время последнего визита Пашича туда – весной 1916 г. («С российской стороны нет возражений ни по одному вопросу»³²), а его личные респект и престиж достигли в Петрограде своего пика. Вернувшийся в начале 1917 г. из российской столицы член Югославянского комитета Франьо Поточняк констатировал: «Из всех сербских дипломатов один только Пашич пользуется в России неограниченным доверием»³³.

Когда же Россия фактически «вышла из игры», т.е. «с тех пор, как русский голос потерял свои вес и значение в решении международных проблем, стало очевидно, – писал премьер принцу-регенту Александру в августе 1917 г., – что остальных наших союзников: Францию, Англию, а тем более Италию, меньше всего заботят сербские интересы»³⁴.

Что же сербам оставалось делать в той ситуации? Только одно – последовать рекомендации своего представителя при ставке французского верховного командования генерала Михайло Рашича, посланной тому же Александру Карагеоргиевичу 20 марта 1917 г. (т.е. практически сразу по отречении Николая II): «Не стоит себя обманывать, Ваше Высочество; сейчас, когда мы потеряли опору в авторитете русского царя Николая, мы должны действовать самостоятельно»³⁵. И Пашичу пришлось перестраиваться на ходу: в лице Югославянского комитета был найден новый союзник, а Корфская декларация имела целью поставить австро-венгерский вопрос перед правительствами стран Антанты теперь уже от имени нового политического тандема. «По общему согласию, – писал очевидец событий Никола Стоянович, – сербское правительство передало документ союзным властям, и тем самым совместный югославянский (читай: австро-венгерский. – *А. Ш.*) вопрос был поставлен официально»³⁶. И в протоколе заседания представителей Сербии, юнионистски настроенных черногорцев и югославян Австро-Венгрии его секретарь Риста Одавич записал: «Декларация привела к интернационализации нашей (югославянской. – *А. Ш.*) программы. Сегодня она находится в досье у каждой великой державы...»³⁷.

Здесь остановимся и снова спросим себя — а почему новый (февральский) режим в Петрограде оказался для сербских властей и лично для Н. Пашича столь неуютен, вплоть до полного отторжения?

Во-первых, сама фигура министра иностранных дел Временного правительства П.Н. Милюкова не могла не внушать премьеру опасений, поскольку этот прозападно ориентированный вождь российских либералов (кадетов) являлся откровенным болгарофилом / сербофобом, причем как на словах, так и на деле, что особенно ярко проявилось в ходе Балканских войн. Вполне естественно поэтому, что отношения между двумя политиками не сложились — вспомним здесь, что Пашич отказался принять Милюкова, когда в 1913 г. тот находился в Белграде в составе миссии фонда Карнеги³⁸. Кроме того, сербский лидер боялся, что шеф дипломатии новой России предпримет меры для обеспечения выхода Болгарии из войны, и тогда — прости-прощай вся сербская Македония! И хотя в разговорах с сербским посланником в Петрограде Мирославом Спалайковичем министр подобные намерения напрочь отрицал, факты говорят о другом. Так, Никола Б. Попович приводит в своей монографии данные о секретных контактах болгар и русских в Швейцарии и Норвегии, с полным правом заключая: «Высказанные сербской дипломатией опасения того, что Милюков продолжит свою болгарофильскую деятельность, были оправданны»³⁹. И Й. Йованович сформулировал в дневнике мысль, почти идентичную (а уж он знал толк в том, о чем писал!): «Милюков являлся человеком, обладавшим определенной программой в мировой, русской и балканской политике. Его балканская политика состояла в следующем: „Македония — Болгарии“, а сербы и хорваты — в единое государство»⁴⁰.

И еще одно, в связи с Павлом Николаевичем — теперь уже в контексте отношений сербского правительства и Югославянского комитета. Для характеристики оных снова прибегнем к мемуарам информированного и наблюдательного Н. Стояновича: «Насколько Пашичу было бы невыгодно, настолько же Трумбичу выгодно, если бы этот вопрос (югославянский. — А. Ш) обсуждался без участия царской России, на какую Пашич

единственно и опирался»⁴¹. Милюков (западник, либерал и сербофоб) оказался здесь для Комитета подлинной находкой! Не зря Супило, поздравляя его со вступлением в должность министра иностранных дел России, буквально источал приторные комплименты: «Гордости и лидеру всех славянских интеллектуалов, поборнику и мученику в борьбе за народные и людские права, великому архитектору *новой и свежей России* (здесь и далее выделено нами. — *А. Ш.*); учителю и вождю молодежи и будущих поколений русских и остальных славян; *большому другу и защитнику хорватов, их милому советнику и гостю*; будущему создателю и гаранту режима согласия, мира и любви между всеми балканскими народами»⁴². Так, по-восточному пышно, человека без причины не величают.

Во-вторых, сербов крайне разочаровало ослабление февральской России как глобального военного фактора, что стало для всех очевидным по результатам летнего наступления «демократизованной» русской армии, закончившегося, как известно, полным провалом. А ведь именно от объема / состояния военного потенциала Империи напрямую зависело решение сербского / югославянского вопроса. Не случайно еще в апреле 1916 г., во время визита Пашича в Петроград, газета «Речь», затронув вопрос «о границах и пределах будущей сербской территории», указывала: «Насколько ясно принципиальное решение этого вопроса — в широких рамках этнографического расселения сербского племени, настолько же неясно его практическое решение. Оно всецело зависит от меры нашего военного успеха, прежде всего общего, а затем и частного — на Балканах»⁴³.

В-третьих, столь же негативные чувства порождало на острове Корфу постоянное усиление в течение 1917 г. пацифистского крыла в русском революционном движении, что не могло не учитываться (хотя бы на словах) и Временным правительством. И потому, когда летом того года оно, устами сменившего Милюкова нового министра иностранных дел М.И. Терещенко, предложило пересмотреть все союзные договоры в духе принципов Русской революции на специально созданной межсоюзнической конференции, то этот призыв, думается, стал еще одним поводом для подписания Корфской декларации.

Данная связь четко просматривается в телеграмме Й. Йовановича, посланной из Лондона на Корфу 26 июня 1917 г. (т.е. уже во время Корфской конференции): «Русское правительство настаивает на ревизии всех союзных договоров, заключенных во время войны. Кроме Италии, все остальные согласны. *Имея в виду данное обстоятельство, а также отношение Италии к нам, маневры Австро-Германии в смысле мира без аннексий и контрибуций, необходимость того, чтобы у наших соплеменников не осталось никаких сомнений касательно политики Сербии, и разные возможные варианты, которые могут неожиданно наступить в ходе войны* (выделено нами. — А. Ш.), нам следует открыто выступить перед союзниками с изложением нашей позиции как в отношении военных целей, так и по всей проблеме нашего объединения <...>»^{44*}. Заметим, к слову, что уже через 10 дней после получения телеграммы Корфская декларация была подписана, а значит, мотивы сербского посланника в Лондоне совпали с резонами договаривавшихся на Корфу сторон.

Кстати говоря, Й. Йованович еще в сентябре 1916 г., обращаясь к принцу-регенту Александру, предлагал немедленно, в виде четкой программы, сформулировать весь комплекс югославянских претензий Сербии: «Необходимо иметь готовый план объединения (форма правления, политические учреждения и права, вера, язык и т.д.) с тем, чтобы державы Антанты одобрили его еще до созыва мирной конференции, несмотря на то, что мы еще очень далеки от нее»⁴⁵. Н. Пашич тогда пропустил это пожелание мимо ушей и только в апреле 1917 г. (опять же после Российского февраля-марта!) пригласил членов Югославянского комитета на совещание на Корфу⁴⁶.

Но вернемся к приведенной депеше. О чем свидетельствует ее содержание?

Во-первых, о том, что сербское правительство знало (догадывалось) о сепаратных переговорах нового австрийского императора Карла Габсбурга с властями Антанты посредством

* Данную телеграмму Й. Йовановича ранее использовал Никола Б. Попович, цитируя ее начало и завершающую часть. Выделенный же нами срединный фрагмент не вошел в работу историка (см.: *Поповић Н. Србија и Руска револуција. 1917–1918.* Београд, 2014. С. 26).

его шурина — принца Сикста Бурбонского, в ходе которых Вена предлагала восстановление Сербии и обеспечение ей выхода к морю через албанское побережье. Вполне понятно, что, завершись эти переговоры успехом, все югославянские мечты сербских политиков и Лондонского комитета так бы навсегда и остались мечтами.

Во-вторых, очевидно, что сербы внимательно следили за процессом относительной политической либерализации в Цислейтании, начавшимся после смерти Франца-Иосифа в ноябре 1916 г., и опасались его. Созыв венского рейхсрата и одобрение им принятой 30 мая 1917 г. Майской декларации Югославянского клуба, в которой содержался призыв к объединению всех территорий Австро-Венгрии, населенных словенцами, хорватами и сербами в самостоятельную имперскую единицу с теми же правами, какими располагали Австрия и Венгрия, под скипетром Габсбургов⁴⁷, требовали от них каких-то превентивных шагов. Размышляя о протяженных дискуссиях и спорах с членами Югославянского комитета на Корфу, Пашич особо подчеркивал: «Если Австро-Венгрия заметит, что между нами отсутствует согласие, она реализует у себя всю нашу программу и даже больше, <...>, но, когда придет время, снова будет нам угрожать»⁴⁸. И открыто признавал, «что триализм стал бы для него самой страшной угрозой»⁴⁹. Поэтому, опасаясь, как бы со сменой монарха дело в Империи не дошло до реформ, повышающих внутренний статус югославянских областей, руководство Сербии и стремилось сыграть на опережение, обеспечив искомое согласие «лондонцев» (пусть и недолгое), ставших соавторами текста Корфской декларации.

В-третьих, положение о «разных возможных вариантах, которые могут неожиданно наступить в ходе войны», означало ту совокупность внешних обстоятельств, в каковых оказалась Европа к лету 1917 г. Важнейшим из них стал военный тупик, куда загнали себя союзники Сербии. «Конец войны всё еще не виден», — констатировал Й. Йованович в июне 1917 г.⁵⁰.

И действительно, положение на фронтах и в тылу для армий Антанты было почти отчаянным. В феврале—мае 1917 г. французы предприняли наступление в районе Реймса — Суассо-

на, но потерпели поражение, понеся огромные потери (140 тыс. выбывших из строя всего за две недели). Неудача спровоцировала антивоенные волнения в тылу, которые удалось подавить лишь с помощью драконовских мер⁵¹.

В таких условиях в июле 1917 г. Н. Пашич писал принцу-регенту из Парижа: «Мы не должны упускать из вида в нашей национальной работе следующее <...>. Во время всех своих встреч, которые я имел с видными личностями, замечается сильная депрессия духа и, соответственно, все избегают говорить о вопросах, не стоящих непосредственно на повестке дня. Сейчас никто не размышляет о том, что будет с Австрией, — исчезнет ли она окончательно или только уменьшится в размерах. Раньше я никогда не слышал от французских политиков иного мнения, чем то, что Австрию следует уничтожить. Теперь же раздаются голоса о сохранении Австрии и „равновесии“ европейских держав, как мне говорил глава Национального собрания Дешанель. Ситуация в данный момент такова, что вера в полную победу над Германией ослабла»⁵². В том же месяце Й. Йованович занес в дневник свои впечатления от разговора с Пашичем в Лондоне: «Он выглядит гораздо большим пессимистом, чем когда-либо ранее; ему кажется, что все вокруг устало от войны. Говорит, что особенно сильно он почувствовал это во Франции. *Помышляет только о реставрации Сербии* (выделено нами. — А. Ш.)»⁵³. Что кажется вполне логичным, ведь, по столь же горькому признанию Николы Стояновича, теперь «наша акция может только топтаться на месте <...>. Для великих держав югославянский вопрос становится третьестепенным»⁵⁴.

Следствием этой общей неуверенности (если не сказать — смятения) союзников по Антанте весной—летом 1917 г. стало ухудшение морального состояния сербов. Так, на Корфу, в то же самое время, «настроение у солдат упало, и отчаяние охватило всех. Время окончания войны и ее результат предугадать было невозможно, и потому возвращение в Сербию казалось безнадежным. Несколько человек покончили с собой. <...> Один православный священник повесился. Люди не выдерживали тоску по родине»⁵⁵. О положении на Салоникском фронте, после выхода сербских войск в конце 1916 г. к границам Сербии

и занятия ими Битоля, сопровождавшегося столь крупными потерями, что эту их «тактическую победу» вполне можно назвать Пирровой, наследнику сообщил лично премьер: «После последнего наступления, прибыв с остальными министрами в Салоники, я обнаружил во всей армии сильную депрессию»⁵⁶.

Однако, в тот момент, когда надежда и вера, казалось, почти исчерпались, и была подписана Корфская декларация...

* * *

Подведем промежуточный итог. Имея в виду сказанное выше, можно, думается, заключить, что совместное заявление, сделанное на Корфу, да и вообще сам «новый курс» навстречу Югославянскому комитету, стали для Н. Пашича не более чем следствием изменения внешнеполитической конъюнктуры. Далее Корфской декларации он не пошел, но продолжал маневрировать. А потому не кажутся чем-то удивительным ни его вынужденное согласие — в конце 1917 г., после катастрофы итальянцев под Капоретто, — с возможным проведением референдума в югославянских областях Австро-Венгрии («необходимо работать и готовиться к возможному плебисциту»⁵⁷), идею чего он ранее начисто отвергал⁵⁸; ни даже резкий вираж в сторону от «согласованной» с югославянами линии в начале 1918 г., когда США и Британия (в силу очередного приступа уныния после неудачи в Альпах) высказались за сохранение *федеративной* Австро-Венгрии — речь Дэвида Ллойд Джорджа в Палате общин 5 января и знаменитые «Четырнадцать пунктов» Вудро Вильсона. Реагируя на этот шаг, Пашич срочно дал команду сербским дипломатам на Темзе и Потомаке поднять вопрос о Боснии и Герцеговине, дабы обеспечить Сербии хоть что-нибудь в той ситуации.

Югославянские же деятели, считавшие, что отделение Боснии и Герцеговины от Австро-Венгрии привело бы лишь к резкому ослаблению в ней славянского элемента и, следовательно, к уменьшению шансов на благоприятный исход в борьбе за автономию югославянских областей в рамках Империи (в случае ее сохранения), упрекали Пашича за то, что, колебнувшись в сторону «Великой Сербии», он нарушил югославянскую со-

лидарность. Для того же такая постановка вопроса являлась чистой абстракцией. Отнюдь не «Великая Сербия» или «Югославия» была той главной дилеммой, стоявшей перед сербским правительством и его премьером в условиях войны — особенно после выхода из нее России, как об этом нередко утверждается в исторической литературе. Сохранится (а если да, то в какой форме) или распадется Австро-Венгрия — вот как она формулировалась. А это, естественно, зависело от общего хода военных действий и от решимости союзников.

Не случайно на заседании сербского кабинета 14 июля 1917 г. констатировалось: «От успехов союзных войск зависит, сможем ли мы выполнить три пункта нашей программы — во-первых, сохранить Сербию; во-вторых, объединить все сербские земли; в-третьих, объединить все югославянские земли»⁵⁹.

Верил ли Пашич в то, что Австро-Венгрия обязательно развалится и что победа будет полной? Вряд ли он был так уверен в этом. Отсюда и его мгновенная реакция на ход англо-американской дипломатии. Когда же, наконец, союзники определились в своем решении «разменять» Дунайскую монархию на ряд (много) национальных государств, сербский премьер вернулся к своему «югославизму». А 2 ноября 1918 г., когда исход войны был уже очевиден, он послал воеводе Живоину Мишичу срочную телеграмму: «Перемирие с Австро-Венгрией будет подписано. Постарайтесь как можно быстрее войти в Боснию, Банат и Срем, а также в другие области А.[встро]-Венгрии»⁶⁰.

Как видим, его линия была очень гибкой. Стремясь при любом «раскладе» обеспечить прежде всего интересы сербского народа *в его совокупности*, он, в зависимости от изменения международной обстановки, колебался от «великосербства» до «югославизма»...

Кстати, забегаая вперед, должно заметить, что упрекавшие сербского премьера в нарушении так называемой «югославянской солидарности» деятели Лондонского комитета были и сами отнюдь не безгрешны. Так, 14, 24 и 30 октября 1918 г. А. Трумбич, через британскую военную миссию и за спиной коллег (!), направил тайные инструкции активисту югославянского Народного веча в Вашингтоне и тамошнему «комитетчи-

ку» католическому священнику Нико Гршковичу, где требовал издействовать... интервенцию США, вкуче с последующей оккупацией ими «главных пунктов в Далмации, Истрии, Хорватии и Словении. При этом важно, чтобы ни итальянские, ни сербские войска не были употреблены, чего можно добиться только авторитетом Соединенных Штатов»⁶¹. Показательно, что члены Югославянского комитета из Северной Америки (хорваты-эмигранты) «трактовали этот поступок Трумбича как желание избежать великосербской оккупации»⁶². И это при том, что еще подготовительное совещание будущих участников Комитета, состоявшееся осенью 1914 г. во Флоренции, приняло в качестве одного из пунктов плана его деятельности — «Вырабатывать предложения по новой государственной организации, которую следует ввести после оккупации (югославянских территорий Австро-Венгрии. — *А. Ш.*) сербскими войсками и своевременно передать их правительству Сербии», с чем открыто солидаризировался и будущий же председатель⁶³.

Где же здесь «принципы Корфу»? Перед нами — не что иное, как «игры в прятки» с сербами, наглядно подтверждающие тщательно скрываемую за «югославянской» ширмой одну из *констант* в стратегии Трумбича и компании: желание до поры до времени их использовать («удачная ставка на Сербию») для дальнейшей реализации «собственных крайне национальных стремлений хорвато-словенской группы», о чем, помнится, давно уже докладывали русские дипломаты.

* * *

После инцидента, случившегося в начале 1918 г., отношения сербского правительства и Лондонского комитета заметно обострились.

Трумбич требовал от союзников признания его организации в качестве официального представителя сербов, хорватов и словенцев Австро-Венгрии, т.е. вывода ее на международную арену; урегулирования добровольческого вопроса, созыва общееюгославянского конгресса для выражения протеста в связи с позицией Д. Ллойд Джорджа и В. Вильсона. Но Пашич неизменно отказывал «коллеге» в поддержке, по-прежнему вос-

принимая «лондонцев» всего лишь как «приватную пропагандистскую структуру, а не официального представителя сербов, хорватов и словенцев»⁶⁴. «Я создал Югославянский комитет, я сделал всё», — постоянно твердил он⁶⁵. И в развитие темы приведем фрагмент его беседы с Й. Йовановичем, которую тот сохранил в дневнике.

«[Й.Й.] — После Корфской декларации это уже не частные лица. Вы же сами признали Югославянский комитет одним из факторов <...>.

[Н.П.] — Какой фактор? Это прив.[атный] комитет для пропаганды. А Корфская декларация — последнее действие в процессе окончательного прояснения ситуации. Мы хотели только одного, дабы все знали, что между сербами, хорватами и словенцами нет разницы, и ничего более. (И в других случаях Пашич считал декларацию лишь следствием «временной необходимости удовлетворить общественное мнение»⁶⁶. И опять же ничем иным. — А. Ш.) <...>.

[Й.Й.] — Я удивляюсь, <...>, что Вы это дело настолько упустили, что довели почти до разрыва.

[Н.П.] — Ну и пусть будет разрыв; пусть они идут, куда хотят, а мы пойдем своей дорогой <...>. Они желают играть роль в международных делах, хотят, чтобы союзники признали их как чехословаков? Э, нет. Это невозможно! Они только организация для пропаганды, и ничего более.

[Й.Й.] — Они — комитет, который Вы признали в Корфской декларации от 7.VII.1917. как конституционный фактор, и хотя всего лишь одного: чтобы союзники признали их представителями сербов, хорватов и словенцев, кем они в действительности и являются.

[Н.П.] — Нет, нет! Я их создал, давал им деньги, я еще до них, в декабре 1914 г., предложил скупшине декларацию <...>, когда они были никем и ничем <...>. Я еще раз повторяю, что они — это чисто прив.[атный] Комитет, который создал я и который никого не представляет.

[Й.Й.] — Но зачем же тогда Вы подписали Корф.[скую] декларацию вместе с Трумбичем? Почему она активно используется? <...> Если ни она, ни Комитет ничего не значат, то об этом надо объявить открыто.

[Н.П.] – Я и хочу это сказать. Корфская декларация – это прояснение ситуации, и ничего более <...>. Кто-то сильно возжелал играть роль в международных делах, вот он и хочет проводить югославянскую политику. Нет, это невозможно! Я не допущу, чтобы так произошло. Сербия хочет освободить и объединить югослав. [ян], а не раствориться в море какой-то Югославии (выделено нами. – А. Ш.). Мы будем просить союзников, чтобы они помогли нам их освободить и объединить», а «они хотят какую-то внутреннюю политику»⁶⁷.

И далее еще раз: «Сербия не желает раствориться в Югославии, но хочет, чтобы Югославия растворилась в ней»⁶⁸.

И, наконец, апогей! В интервью французским СМИ в сентябре 1918 г. Пашич во всеуслышание заявил, что «если хорваты и словенцы хотят, то они могут идти с нами, а если не хотят, пусть делают всё, что им угодно»⁶⁹. В смысле – «За Сербией, и ни за кем другим, следует признать право на объединение»⁷⁰.

Богатейший дневник Й. Йовановича содержит огромную массу педантично сделанных им записей бесед с самыми разными людьми – как с сербами, так и с иностранцами. Нередко на страницах дневника появляется и Анте Трумбич. Так вот, из немалого числа его реплик нетрудно выбрать те, что могут вполне считаться ответом на выпады Н. Пашича. Приведем здесь самую характерную, с элементом обобщения: «Г.[осподин] Пашич не признает более Корфскую декларацию и не желает продолжать работу на ее основе; в свое время она была ему нужна, но теперь уже не требуется. Мы же продолжаем поддерживать декларацию»⁷¹.

Что касается Пашича, то заключение Трумбича в общих чертах верно. Говоря же о себе и соратниках, он явно лукавит – мы видели, как члены Югославянского комитета с легкостью переступали через «единые» правила игры. Что опять-таки не удивляет – в совместном юнионистском проекте (как это выглядело на первый взгляд) они имели свой скрытый, сугубо хорвато-словенский интерес. Не случайно Н. Стоянович писал, что «Трумбич (в первую очередь имеет в виду. – А. Ш.) разграничение с Италией и отношение хорватов к будущему государственному устройству»⁷². Поэтому именно «вопрос о характере

государства — унитарном или федеративном — особенно сильно разделял Трумбича и сербов»⁷³.

* * *

Итак, как мы старались показать, принятие совместной декларации правительства Сербии и Югославянского комитета на острове Корфу было самым непосредственным образом связано с Февральской революцией в России, всерьез повлиявшей на появление важных новаций в политике обеих коалиций весной—летом 1917 г. Они, в свою очередь, также способствовали вызреванию условий для ее подписания. Перечислим главные из них: крах царского режима — первой опоры Белграда (Ниша, Корфу)^{*}; необходимость ревизии военных целей, связанная с зондированием почвы для возможных мирных переговоров; относительная либерализация в Цислейтании после смены монарха и принятие «триалистической» Майской декларации; крайняя неустойчивость военного положения с тенденцией к ее ухудшению для держав Антанты. Все эти обстоятельства были учтены Н. Пашичем в момент составления корфского текста.

Таким образом, перед нами — практически *вынужденный* документ, продолживший традицию Нишской декларации, с точки зрения ее утилитарной мотивации. Что же касается идеологии подписантов, то, скрываемая за фасадом компромиссных выражений, она существенно различалась. Даже центральное положение Декларации — обоюдное признание существования единого «треххименного народа» — трактовалось ими по-разному. Для Пашича оно было базой того, что дело освобождения всех ветвей оного народа есть дело сербского правительства, как признанной всеми воюющей стороны. Отсюда — и его столь энергичная телеграмма воеводе Мишичу о немедленной оккупации югославянских областей Австро-Венгрии. Сила и время тогда решали всё! Это с одной стороны. С другой же, если

* Еще одна (может быть, самая яркая и наглядная) иллюстрация — из письма Любомира Давидовича Н. Пашичу от 8 марта 1917 г.: «Я опасаюсь за успех нашего дела в России. Там формируется новый порядок. Самая большая надежда на исполнение наших национальных стремлений — император Николай больше не занимает того места, с которого он мог бы принимать решения или, по крайней мере, влиять на них» (цит. по: Храбак Б. Србија и Фебруарска револуција 1917. године. Приштина, 1978. С. 25).

отталкиваться от тезиса, что народ — един, то зачем ему еще какое-то официальное представительство? Достаточно «опеки» со стороны всё тех же сербов с Корфу? Тем более, что, в случае признания Пашичем Югославянского комитета представителем югославян Австро-Венгрии, он, как глава правительства, автоматически терял бы право на покровительство как над хорватскими и венгерскими сербами, так и над Боснией и Герцеговиной. И, наконец, коли опять же народ — един, на что ему федерация в рамках единых же государственных границ? Всё, на наш взгляд, логично!

У Трумбича был иной подход. Он считал своей главной целью самоопределение *католической части* признанного сквозь зубы «трехъименного народа» (объединение Далмации с Хорватией-Славонией и фактическое поглощение Словении в рамках единой Югославии), но с территориальным делением в отношении сербов по заветам хорватского исторического права, и даже с претензией на руководство! Уже здесь — явная нестыковка, напоминающая ориентацию Ф. Супило, о которой Н. Стоянович, помнится, писал, что «с точки зрения узко-племенного подхода» она понятна, но «ее никак нельзя трактовать как подлинно югославянскую позицию». Для того-то Трумбич и предложил США оккупировать югославянские области уже трещавшей по всем швам Австро-Венгрии, чтобы не дать победоносным частям Ж. Мишича войти в них первыми. Правда, тогда американцы, в кои-то веки, повели себя как люди почтенные и в ответ на его просьбу заявили, что «без соглашения с сербским правительством ничего в этом направлении сделать не могут»⁷⁴... Ну, а затем наступил день 1 декабря!

* * *

Мы уже когда-то упоминали, что до своего ухода из жизни в 1993 г. практически единственным специалистом по проблемам участия Сербии в Великой войне являлся академик Ю.А. Писарев. Такое его «гордое одиночество» привело к тому, что в своих многочисленных трудах он затронул и пытался решить буквально все вопросы, связанные с данной темой. Здесь внешнеполитические обстоятельства, приведшие к Июльскому кризису

су 1914 г., и обстановка в Европе накануне войны; полемика с западными авторами по поводу ее «виновников» и ход боевых действий на Балканском фронте; русско-сербские отношения до 1917 г. и образование Югославии⁷⁵. Столь широкий охват не мог, конечно, не иметь последствий — не все монографии Юрия Алексеевича одинаково ровны, в ряде работ явно ощущается некоторая недоисследованность на эмпирическом уровне⁷⁶.

Последнее относится и к его трактовке обстоятельств принятия Корфской декларации. Причины появления документа представлялись ему следующими: «Сербское правительство отрицательно отнеслось к Майской декларации, поскольку она подрывала его программу объединения югославянских земель вокруг Сербского королевства. Не был согласен с декларацией и Югославянский комитет в Лондоне, который выступал за ликвидацию Австро-Венгерской монархии. Перед Пашичем и Трумбичем встала задача принятия контрмер и составления новой совместной программы, чтобы ослабить влияние Майской декларации <...>. Встреча двух буржуазных лидеров диктовалась еще одним обстоятельством — перспективой окончания войны и появившихся в этой связи у великих держав планов послевоенного устройства мира»⁷⁷.

Два этих фактора действительно имели место, но, как мы старались показать, только ими мотивы подготовки и обнародования декларации не ограничивались. Такую «неполноту» подхода Ю.А. Писарева к указанной проблеме несложно объяснить и с методологической точки зрения — он подробно не исследовал *непосредственную* связь данного события с Февральской революцией в России, сосредоточившись (в рамках жесткой идеологической схемы той поры) исключительно на Октябре. Юрий Алексеевич всегда оставался человеком *своего* времени, что следует учитывать его более свободным и «раскрепощенным» коллегам из последующих поколений.

Продолжая рассуждения о Корфской декларации, Ю.А. Писарев справедливо утверждал: «Н. Пашич и А. Трумбич, подписав совместный документ, трактовали его каждый по-своему. Глава сербского правительства отстаивал гегемонистскую линию, утверждая, что в основе новой программы сохраня-

ется прежнее положение о „Великой Сербии“. А. Трумбич, напротив, исходил из понимания Корфской декларации как программы, предусматривавшей расширение прав Хорватии и других югославянских территорий Австро-Венгрии в будущем объединенном югославянском государстве... Противоречия между А. Трумбичем и Н. Пашичем сохранялись до самого последнего дня войны»⁷⁸.

Однако же снова – в этом, в принципе, верном, но слишком общем, заключении присутствуют крайне неопределенные формуляции, которые ясности позиции героев не прибавляют. С одной стороны, – что такое «Великая Сербия»? И как данную категорию интерпретирует автор, тем более, что в рукописи своей последней книги «Сербия в 1917 году», законченной буквально накануне смерти (1993), он обмолвился, что в процессе переговоров с Трумбичем Пашич пошел на уступки и «снял положение о „Великой Сербии“» из текста Декларации⁷⁹? С другой же, – а что такое «расширение прав Хорватии и других (каких? – А. Ш.) югославянских территорий Австро-Венгрии»? Опять же вопрос. Мы попытались на него ответить. Как? Об этом судить читателю.

Кстати, процитировав положение Ю.А. Писарева о «гегемонистской», или «великосербской», линии сербского премьера, мы должны заметить, что он постоянно (в каждой своей книге) клеил на политику Н. Пашича эти коминтерновские ярлыки⁸⁰. И даже в упоминавшейся неопубликованной рукописи «Сербия в 1917 году» присутствует тот же жупел⁸¹. Что ж, Юрий Алексеевич всегда оставался верным идейным борцом на «ратном» поле исторической науки той эпохи. А когда она закончилась, всё продолжалось по инерции – в его возрасте (за редким исключением) люди уже не меняются...

С другой же стороны, следует подчеркнуть его крайне важный и новаторский (по сравнению с югославской / сербской историографией) позитив. Повествуя о разногласиях сербского правительства и Югославянского комитета, ученый не только упомянул о существовании «дополнительного меморандума» Комитета от 13 марта 1916 г.⁸², но и опубликовал в русском переводе его важнейшие фрагменты⁸³. Однако и это не всё. Из работ

Ю.А. Писарева мы узнаем, что в конце 1916 г., после неудачного наступления сербов на Салоникском фронте, завершившегося не решительным его прорывом, но лишь занятием небольшого «пяточка» государственной территории Сербии – вместе с городом Битоль (Монастырь), лидер Югославянского комитета обратился к Англии, Франции и Италии со специальным «Заявлением», в котором вновь подчеркнул право Хорватии на роль «второго Пьемонта», потребовав от союзников признать-таки свою организацию официальным представителем австро-венгерских югославян⁸⁴. Что явилось уже *вторым* примером открытой нелояльности хорвато-словенской эмиграции по отношению к сербскому правительству.

Существует, правда, и иная точка зрения. К примеру, С.А. Романенко всерьез полагает, что только тогда (на исходе 1916 г.) «Анте Трумбич обратился к Англии, Франции и Италии с заявлением о том, что Хорватия имеет такое же, как и Сербия, право стать „Вторым Пьемонтом“»⁸⁵. Т.е. первого проявления «фронды», имевшего место, как мы видели, сразу после «Сербской Голгофы», словно и не бывало!.. И вообще, должно сказать – работы коллеги Романенко (в части, нас касающейся) являются откровенным панегириком Югославянскому комитету и его главе – совсем в духе бывшей титовской и современной хорватской историографии. Но это к слову.

Примечания

¹ *Јовановић-Пижон Ј.* Дневник (1896–1920) / Приред. Р. Љушић и М. Милошевић. Нови Сад, 2015. С. 633.

² Там же. С. 647.

³ *Штрандтман В.Н.* Балканские воспоминания / Подгот. текста А.Л. Шемякин. М., 2014. С. 380.

⁴ Текст Корфской декларации см.: *Stanković Đ.* Srbija i stvaranje Jugoslavije. Beograd, 2009. С. 228–230.

⁵ *Јовановић Ј.* Борба за народно уједињење. 1914–1918. Београд, 1935. С. 125.

⁶ *Јовановић-Пижон Ј.* Дневник. С. 358 (22. октобар 1917.); *Ј. Јовановић – А. Карађорђевићу.* Лондон, 9 децембар 1917. // Дипломатска преписка српске владе 1917. год. Збирка докумената / Приред. М. Зечевић, М. Милошевић. Крагуевац, б/д. С. 327.

⁷ *Вишняков Я.В.* Армия без государства. Сербский добровольческий корпус в России 1916–1917 гг. // Первая мировая война и судьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Очерки истории / Отв. ред. Е.П. Серапионова. М., 2015. С. 137.

- ⁸ *Јанковић Д.* Из историје стварања Југословенске државе 1918. године // *Анали Правног факултета у Београду*. Београд, 1963. Бр. 3–4. С. 281; *Раденић А.* Спољна политика Србије у контроверзној историографији. Од Начертанија 1844. до стварања Југославије 1814–1918. Београд, 2005. С. 479.
- ⁹ *Зундхаузен Х.* Историја Србије од 19. до 21. века. Београд, 2009. С. 253.
- ¹⁰ *Јовановић Д.* Људи, људи... Београд, 2005. С. 37.
- ¹¹ См.: *Габрић Н.* Јован Јовановић-Пижон и европска дипломатија Србије (1913–1918). Београд, 2011. С. 263–266.
- ¹² См. напр.: *Букић С.* Мемоари. Први светски рат. Књ. 2. / Приред. М. Бјелајац. Београд, 2015.
- ¹³ Текст Нишской декларации см.: *Stanković Đ.* Srbija i stvaranje Jugoslavije. Beograd, 2009. S. 74–75.
- ¹⁴ *Екмечић М.* Стварање Југославије. Књ. 2. Београд, 1989. С. 670.
- ¹⁵ Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств. 1878–1917. Серия III. Т. 2. М.-Л., 1933. С. 220 (Н.Г. Гартвиг – С.Д. Сазонову. Белград, 7 апреля 1914 г.).
- ¹⁶ *Ковић М.* Србија у борби за опстанак (1903–1914) // Два века модерне српске дипломатије. Београд, 2015. С. 152.
- ¹⁷ *Гавриловић М.* Никола Пашић // Народни пут. Одабрани списи. Нови Сад, 2015. С. 142.
- ¹⁸ Подробнее о югославянской политике Сербии в 1914–1915 гг. см.: *Шемякин А.Л.* Югославянская программа Сербского королевства в первый период войны (август 1914 – октябрь 1915 гг.) // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998. С. 380–395.
- ¹⁹ *Јовановић-Пижон Ј.* Дневник. С. 148 (16. август 1916.).
- ²⁰ *Стојановић Н.* Младост једног покољења (успомене 1880–1920.) / Приред. М. Станић. Београд, 2015. С. 205.
- ²¹ Там же. С. 191.
- ²² Там же. С. 187–188, 293.
- ²³ «Главнейшие задачи юго-славян». Донесение российского консула в Питтсбурге Г.В. Чиркова в посольство России в Вашингтоне. 1916 г. / Публ. А.Л. Шемякина // Исторический архив. 1994. № 3. С. 113.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. ДП. ОО (1916 г.). Д. 231. Т. 2. Л. 200.
- ²⁶ Dokumenti o postanku Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca. 1914–1919. / Sabrao F. Šišić. Zagreb, 1920. S. 50–55.
- ²⁷ Ibid. S. 58; *Писарев Ю.А.* Сербия и Черногория в первой мировой войне 1914–1918 гг. М., 1968. С. 217.
- ²⁸ Цит по: *Томић Ј.* Југославија у емиграцији. Писма и белешке из 1917. Београд, 1921. С. 121.
- ²⁹ *Стојановић Н.* Младост једног покољења (успомене 1880–1920.). С. 203.
- ³⁰ Никола Пашић у Народној скупштини. Књ. 1 / Приред. Л. Перовић. Београд, 1997. С. 696 (документ 291).
- ³¹ *Стојановић Н.* Младост једног покољења (успомене 1880–1920.). С. 203.
- ³² Цит. по: *Половић Н.* Србија и царска Русија. Београд, 2007. С. 297.
- ³³ *Јовановић-Пижон Ј.* Дневник. С. 235 (28. јануар 1917.). См. такође: *Шемякин А.* Са Крфа у Русију: Никола Пашић у Петрограду и Москви 1916. године // Први светски рат: Србија, Балкан и велике силе. Београд, 2015. С. 197–206.
- ³⁴ Дипломатска преписка српске владе 1917. год. Збирка докумената. С. 193.

³⁵ Там же. С. 128.

³⁶ Стојановић Н. Младост једног покољења (успомене 1880–1920.). С. 195.

³⁷ Архив Србије (далеке – АС). Ф. Ристе Одавића. Фасц. XI. Бр. 43 (О Корфској декларацији). Л. 5.

³⁸ Штрандтман В.Н. Балканские воспоминания. С. 205–206.

³⁹ Поповић Н. Србија и Руска револуција. 1917–1918. Београд, 2014. С. 12.

⁴⁰ Јовановић-Пижон Ј. Дневник. С. 338.

⁴¹ Стојановић Н. Младост једног покољења (успомене 1880–1920.). С. 197.

⁴² F. Supilo – P. Miljukovu. 29./16. marta 1917 // Mandić A. Fragmenti za historiju ujedinjenja. Zagreb, 1956. S. 238.

⁴³ Речь. 16 априла 1916 г. № 103.

⁴⁴ АС. Ф. МИП. Политичко одељење. Стр. пов. Бр. 312. Автор студије искрено благодарен Алексеју Тимофееву, любезно обратившему наше внимание на этот документ.

⁴⁵ Ј. Јовановић – А. Карађорђевићу. Лондон, 8. септембар 1916. // Јовановић-Пижон Ј. Дневник. С. 624.

⁴⁶ Стојановић Н. Младост једног покољења (успомене 1880–1920.). С. 190.

⁴⁷ Текст Майској декларацији см.: Stanković Đ. Srbija i stvaranje Jugoslavije. S. 227.

⁴⁸ Јовановић-Пижон Ј. Дневник. С. 307 (20. јул 1917.).

⁴⁹ Гавриловић М. Никола Пашић... С. 126.

⁵⁰ Ј. Јовановић – А. Карађорђевићу. Лондон, 4. јун 1917 // Јовановић-Пижон Ј. Дневник. С. 647.

⁵¹ Прицкер Д.П. Жорж Клемансо. М., 1983. С. 202–203; Мировые войны XX века. Кн. 1. Первая мировая войны. Исторический очерк. М., 2002. С. 207, 316.

⁵² Дипломатска преписка српске владе 1917. год. Збирка докумената. С. 193.

⁵³ Јовановић-Пижон Ј. Дневник. С. 311 (24. јул 1917.).

⁵⁴ Стојановић Н. Младост једног покољења (успомене 1880–1920.). С. 189.

⁵⁵ Букић С. Мемоари. Први светски рат. Књ. 2. С. 243.

⁵⁶ Н. Пашић – А. Карађорђевићу. Лондон, 22. јул 1917 // Дипломатска преписка српске владе 1917. год. Збирка докумената. С. 194.

⁵⁷ Стојановић Н. Младост једног покољења (успомене 1880–1920.). С. 199.

⁵⁸ Там же. С. 178.

⁵⁹ Цит. по: Поповић Н. Антанта и идеја «Велике Србије» у Првом светском рату // Срби и Први светски рат 1914–1918. Београд, 2015. С. 149.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Цит. по: Leontić Lj. Simpozijске тезе (neka zapazanja iz istorije ujedinjenja jugoslovenskih naroda) // Југословенски народи пред Први светски рат. Београд, 1967. С. 494.

⁶² Стојановић Н. Младост једног покољења (успомене 1880–1920.). С. 206.

⁶³ Там же. С. 167–168.

⁶⁴ Јовановић-Пижон Ј. Дневник. С. 524 (20. септембар 1918.).

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же. С. 533 (28. септембар 1918.).

⁶⁷ Там же. С. 525–527 (22. септембар 1918.).

⁶⁸ Там же. С. 527.

⁶⁹ Там же. С. 534 (29. септембар 1918.).

⁷⁰ Там же. С. 524 (20. септембар. 1918.).

⁷¹ Там же. С. 530 (25. септембар 1918.).

- ⁷² *Стојановић Н.* Младост једног покољења (успомене 1880–1920.). С. 197.
- ⁷³ *Јовановић-Пижон Ј.* Дневник. С. 334 (4. септембар 1917.).
- ⁷⁴ *Стојановић Н.* Младост једног покољења (успомене 1880–1920.). С. 206.
- ⁷⁵ *Писарев Ј.А.* Србија и Црногорја в првој мировој војне; *он же.* Образовање Југославског государства. М., 1975; *он же.* Велике државе и Балкани на кануне Првој мировој војне. М., 1985; *он же.* Тайне Првој мировој војне. Россия и Србија в 1914–1915 гг. М., 1990; *он же.* Србија на Голгофе и политика великих држав. 1916 г. М., 1993.
- ⁷⁶ *Шемякин А.Л.* Российская / русскоязычная историография о Србији в Првој мировој војне (XXI в.) // Вместе в столетии конфликтов. Россия и Србија в XX в. М., 2016. С. 172–173.
- ⁷⁷ *Писарев Ј.А.* Србија и Црногорја в првој мировој војне. С. 233.
- ⁷⁸ *Он же.* Образовање Југославског государства. С. 205–206.
- ⁷⁹ *Он же.* Србија в 1917 г. (Рукопись) // Архив автора.
- ⁸⁰ *Он же.* Србија и Црногорја в првој мировој војне. С. 231; *он же.* Србија на Голгофе и политика великих држав. 1916 г. С. 145.
- ⁸¹ *Он же.* Србија в 1917 г. (Рукопись) // Архив автора.
- ⁸² *Он же.* Србија и Црногорја в првој мировој војне. С. 217.
- ⁸³ *Он же.* Србија на Голгофе и политика великих држав. 1916 г. С. 185–186.
- ⁸⁴ Там же. С. 143.
- ⁸⁵ См.: *Романенко С.А.* Югославия: кризис, распад, война. Образование независимых государств. М., 1999. С. 323.

Ярослав Валерианович ВИШНЯКОВ

Обреченная победа. Сербские реалии 1914–1915 гг. в оценках русского военного агента В.А. Артамонова

2 августа 1914 г. австро-венгерская армия начала наступление на Сербию, форсировав реки Саву и Дрину. Массированной бомбардировке была подвергнута столица Королевства – Белград. План австрийского фельдмаршала Конрада предусматривал развертывание трех армий: 2-й – по течению рек Сава и Дунай, по обе стороны Белграда, 5-й – по левому берегу реки Дрина до ее впадения в Саву, 6-й – в Боснии, между Сараево и сербской границей. Эти армии должны были вторгнуться в Сербию с севера и запада и обойти сербскую армию с обоих флангов¹. Однако сербская армия, верховным главнокомандующим которой стал принц-регент Александр Карагеоргиевич, а начальником штаба воевода Радомир Путник, оказала ожесточенное сопротивление и уже в августе-сентябре 1914 г. одержала победу в районе Церского хребта. Австрийским войскам не удалось сходу занять и сербскую столицу. Тем не менее, к осени 1914 г. положение сербских войск, несших внушительные потери, стало критическим. Австрийская армия предприняла новый мощный натиск, и в результате был захвачен Белград. Однако начавшееся 3 декабря 1914 г. новое наступление Сербии, привело к тому, что в ходе 12-дневных боев на р. Колубаре и р. Дрине войска 6-й австро-венгерской армии Оскара Потioreка были наголову разбиты, а 15 декабря была освобождена и столица страны. После этого впечатляющего успеха австро-сербский фронт стабилизировался почти на 10 месяцев.

Участие Сербии в Первой мировой войне интересно не только с точки зрения военной истории, когда армия маленькой страны в течение почти полутора лет успешно противостояла

превосходящим силам Габсбургской монархии. Уникальность сербского случая состоит в том, что он являет собой, пожалуй, исключительный пример в европейской истории Нового времени, когда потерпев военное поражение осенью 1915 г., армия и правительство страны, а также значительная часть ее населения, не признав и не подписав капитуляции, отправились в добровольное изгнание, чтобы уже на чужбине начать новую страницу собственной истории, причем связанной не только с освобождением страны от иностранных интервентов, но и с формированием нового государства – будущего Королевства сербов, хорватов и словенцев (СХС).

Эти события, равно как и другие непростые реалии сербской военно-политической истории начала XX в., явились предметом глубокого изучения академика Ю.А. Писарева, ставшего в отечественной историографии фактически первым ученым, который сумел не только дать им научную оценку, но и определить целые направления для дальнейших исследований российских и зарубежных историков². Новый импульс этим работам придало широко отмеченное в научном сообществе столетие начала Первой мировой войны, что стало заметной приметой научной и культурной жизни 2014 года – как в Европе, так и в мире в целом.

В этом смысле немаловажное значение имеет введение в научный оборот новых источников, позволяющих более детально, а, следовательно, более объективно оценить положение Сербии, как в период ведения ею боевых действий 1914–1915 гг., так и во время перехода сербской армии через горы Албании и ее эвакуации на греческий остров Корфу. Непосредственным свидетелем всех этих событий являлся российский военный агент, генерал-майор Виктор Алексеевич Артамонов (1873–1942). Оценивая его деятельность на этом посту, Ю.А. Писарев в свое время отметил, что он пользовался огромным авторитетом среди военных кругов Сербии, а его отличительными чертами были «верность делу, честное служение родине, неподкупность»³. В подтверждение этих слов заметим, что король Петр Карагеоргиевич неоднократно подчеркивал, что «сербская армия во многом обязана полковнику Артамонову»⁴.

Его донесения, письма и дневниковые записи, хранящиеся в фондах Российского государственного военно-исторического архива, являются ценным источником, позволяющим пролить свет на многочисленные аспекты этого трагического и в то же время эпохального периода сербской истории XX в. Их ценность для историка состоит в том, что они позволяют реконструировать нюансы, связанные как с общими процессами политического развития Сербии начала XX в., так и с событиями, происходившими на Балканском театре Первой мировой войны. При этом отметим, что имеющийся в фондах этого архива личный дневник российского военного агента, содержащий в том числе его оценки действий гражданских и военных чиновников Сербского королевства в период 1914–1917 гг., еще не стал объектом пристального внимания специалистов, хотя, как заметил современный исследователь В.Б. Каширин, «полковник Артамонов имел возможность делать важные наблюдения о настроениях и замыслах сербского военного руководства»⁵. Действительно, меткие наблюдения русского военного агента могут существенно дополнить понимание политических процессов, происходивших в Сербском королевстве как в начале XX в., так и в период Первой мировой войны. Понятно, что, в силу профессиональных обязанностей, основное внимание В.А. Артамонов уделял положению на фронте, а его оперативный дневник может стать отдельным предметом изучения именно военных историков. Мы же в рамках данной статьи акцентируем свое внимание прежде всего на его суждениях и оценках общего военного и политического положения страны начиная с 1914 г., т.е. во время активных боевых операций, и до конца 1915 г., т.е. в период относительного затишья на сербо-австрийском фронте.

Сербия успешно противостояла австро-венгерской армии до осени 1915 г., причем немаловажную роль в этом сыграли союзные державы, оказавшие ей существенную военную помощь. В августе 1914 г. в Белград прибыла российская минная команда под командованием лейтенантов В.А. Григоренко и Ю.Ф. Волковицкого, сумевшая в октябре 1914 г. потопить австрийский монитор «Темеш» — флагман австрийской дунайской

флотилии⁶. В сентябре 1914 г. российская Ставка приняла решение направить для обороны Белграда два береговых 150-мм орудия с обслугой при каждом из 10 солдат и с одним офицером. Кроме них Россия послала в Сербию две скорострельных 75-мм пушки. Обе батареи, одна из которых расположилась на холме Калемегдан, а другая в нижнем городе, контролировали стратегическое место впадения Савы в Дунай и оставались в городе до осени 1915 г.⁷ В обороне сербской столицы также участвовали французские и английские артиллерийские батареи. Тем не менее, как уже отмечалось выше, к осени 1914 г. положение сербских войск стало критическим. Потери были внушительны. Австро-венгерские войска, предприняв новый мощный натиск, захватили Белград. В.А. Артамонов доносил, что к середине сентября 1914 г. «число раненных сербов достигло сорока тысяч человек. Из них пятнадцать тысяч относятся к бою у Цера и Ядра, а двадцать пять к настоящим боям. Полагаю, что общее число сербских потерь доходит до пятидесяти пяти тысяч. Офицеров убыло свыше шестисот человек»⁸. Кроме того, в сербской армии ощущалась острая нехватка снарядов. Российский военный агент отмечал, что в «полевой артиллерии осталось приблизительно сто двадцать снарядов на орудие», а «сербь отвечают теперь на артиллерийский огонь противника в пропорции один выстрел на двадцать австрийских. Некоторые батареи были сняты с позиций за отсутствием снарядов»⁹. В войсках начались моральное разложение и дезертирство, а сам Артамонов с тревогой констатировал: «Наступило полное нервное истощение, равнодушие и нежелание больше драться; сильная позиция покидается без боя. Частые случаи паники. Люди ищут любого случая сдатьсь. Батальон 8-го полка второго призыва ночью сдался взводу австрийцев. Развилось сильное дезертирство. Пятый сверхштатный полк разбежался по домам. Заключение: первая сербская армия как боевая единица не существует»¹⁰. Однако, вопреки опасениям российского военного агента, в октябре–ноябре 1914 г. сербским войскам не только удалось сдержать наступление, но и подготовить мощный ответный удар. Командующим Первой сербской армией был назначен опытный генерал Живоин Мишич. Как отме-

чалось в оперативных сводках российской Ставки, «благодаря своевременно принятым мерам порядок в первой армии стал водворяться, причем выяснилось, что многие нижние чины покинули свои части для спасения своих семейств, оставшихся в очищавшихся войсками областях»¹¹.

Черногория при этом вела лишь номинальные военные действия, ограничившись осадой Скутари, причем уже к ноябрю 1914 г. австрийское командование оставило против черногорцев незначительное число своих войск. По словам русского посланника Г.Н. Трубецкого, «австрийцам было приятнее, чтобы Скутари было занято слабой Черногорией, не способной организовать там серьезную оборону, чем Италией, которую труднее было бы выставить, если она водворилась в этом городе, крепко связав его с морской базой в с. Джовани ди Медуа»¹². На адриатическом побережье австрийские броненосцы вели обстрел французских осадных батарей на горе Ловчен, причем, как заметил русский военный агент в Черногории Н.М. Потапов, черногорские и французские осадные батареи на Ловчене были обнаружены «противником при помощи аэропланов, благодаря дымному пороху французских осадных орудий»¹³. В результате были повреждены два 155-мм французских орудия, а из 130 французских артиллеристов выбыло из строя убитыми и ранеными около 20 человек. Потапов при этом подчеркнул, что «король, министры и общество высказывают огорчение по адресу французского правительства, приславшего в Черногорию бездействующий флот, плохие пушки, негодные аэропланы и чересчур требовательный персонал»¹⁴. В ноябре 1914 г., как сообщалось в сводках российской Ставки, «австрийцы продолжают обстреливать осадные батареи на Ловчене. Бесцельность стрельбы из этих батарей по двум австрийским фортам была причиной того, что французские артиллеристы, оставив при орудиях лишь стражу, вернулись в Цетинье»¹⁵.

После Колубарской битвы до 15 марта 1915 г. из России в Сербию было поставлено военного снаряжения на 15 млн рублей, а из Франции было послано 206 тыс. ружей разного калибра и 231544 снарядов для полевой артиллерии¹⁶. В январе 1915 г. Англия, Франция и Россия дали согласие на пре-

доставление стране долгосрочного кредита на общую сумму 30 млн франков. Доставка боеприпасов и оружия из России в Сербию осуществлялась по Дунаю, для чего была учреждена экспедиция особого назначения во главе с капитаном первого ранга М.М. Веселкиным. Всего, как писал Ю.А. Писарев, только за 1915 год в Сербию было отправлено 45 транспортов с военными грузами, включавшими в себя артиллерийские орудия, понтонные мосты, телефонное оборудование, патроны, ружья, бензин, спирт и другие материалы¹⁷. Однако при изучении проблемы о роли этой помощи уместным будет поставить вопрос о характере применения поставляемых грузов. В этом смысле донесения Артамонова позволяют уточнить эффективность их использования, при том, что, как замечает он, сербское правительство очень быстро выработало привычку «просить всё, что ему нужно, в тройном размере (т.е. у Франции, Англии и России)»¹⁸. Оставляло большие вопросы и количество требуемого сербами военного снаряжения, при том, что, по словам русского военного агента, «лишнего военного материала у союзников нет». В свою очередь «операции на сербском фронте остановлены, и посылаемый сюда материал рискует остаться без употребления». И такие опасения имели под собой серьезные основания. В письмах к Г.Н. Трубецкому зимой 1915 г. Артамонов возмущается неумением, а главное нежеланием сербского правительства эффективно использовать поставки вооружения, боеприпасов и амуниции. Он приводит вопиющие примеры межведомственной несогласованности при определении срочных военных нужд страны – при поставке аэропланов, орудий и т.д., высказывая Трубецкому пожелание сформировать в Нише по этому вопросу «контрольный совет трех посланников». В этой связи Артамонов с раздражением писал, что «чины сербского правительства всегда желают получить от русских и французов всё в готовом виде и даром, не шевельнув при этом пальцем, и никак не могут понять того, что лучше переплатить несколько и дать солдату вещь своевременно, чем купить зимнее обмундирование на 1 фр.[анк] дешевле и дать зимнее обмундирование летом»¹⁹. «Излишняя хитрость, нерешительность и проволоочки», — отмечает он далее.

Артамонов приводит вопиющие примеры прямого воровства и коррупции, связанные, в частности, с поставками столь необходимого для сербской армии продовольствия. Об одном из самых громких скандалов он информировал российского посланника в феврале 1915 г.: «Военное министерство заключило в прошлом году контракт с белградским капиталистом г. Чирковичем на поставку 3600 вагонов хлеба (громадная поставка дана в одни руки, как видно далее, без каких-либо гарантий), с доставкой в январе в Прахов по 31 дин. на 100 кило. Чиркович надеялся купить этот хлеб в Румынии. Другой белградский житель взял поставку на 1200 вагонов. Итого 4800 вагонов (т.е. 48 мил. кило или несколько менее 3 мил. пудов). При этом Чирковичу позволили внести залог только 50.000 дин., тогда как по закону, внося известный % с суммы поставки, Чиркович должен был внести залог (“кауцию”) в 1.140.000 динаров. В начале января, когда надо было поставлять хлеб, Чиркович, в виду поднятия цены, отказался от поставки, оставив в пользу правительства свой ничтожный залог. Если бы стал действительно поставлять по уговоренной цене, то ему пришлось бы приплачивать из своего кармана приблизительно по 1000 дин. на каждом вагоне, т.е. 3.600.000 дин. на все поставки»²⁰. Таким образом, благодаря «неумелости и нераспорядительности» военного министра Душана Стефановича и начальника экономического отделения военного министерства Душана Поповича боеспособность сербской армии, которой недоставало около 8000 голов лошадей и волов, оказалась под серьезной угрозой, а к тому же недостаток фуража вызывал массовый падеж скота²¹. «Благодаря этому пришлось экстренно просить англичан прислать 500 вагонов хлеба из Египта (5.000.000 кило)», — писал русский военный агент²². Однако, несмотря на поставки союзников, положение дел со снабжением армии продовольствием мало менялось в лучшую сторону. Страна и ее армия находились на грани голода. «В настоящее время непредусмотрительность уже “объединенного” правительства доходит до того, что армия и население уже начинают испытывать нужду в хлебе и других предметах первой необходимости (сахар, напр.), и это при обладании союзниками морем и полной свободе плава-

ния в Средиземном море», — замечал Артамонов²³. Полковник Ж. Павлович, фактически исполнявший обязанности Радомира Путника, сообщил Артамонову, что в армии нет даже однодневного запаса муки, «а случайный перерыв сообщений может вызвать невыдачу хлеба, голодовку»²⁴. В результате, отвечавший за снабжение армии полковник Д. Попович был замещен окончившим курс интендантской службы во Франции Антонием Маленичем. Но поскольку, как замечал Артамонов, «отзывы о нем не очень хорошие, то не знаю, как он справится с трудной задачей»²⁵.

Причину сложившегося положения вещей он находит в проявившейся еще до начала военных действий общей несогласованности действий военных и политических структур страны, чему, как мы увидим далее, было вполне понятное объяснение. В конце января 1915 г. Артамонов пишет российскому посланнику: «Чтобы объяснить, что происходит, приходится вернуться вспять и еще раз упомянуть об ответственности правительства и его отрицательной роли в течение кампании. Что сербы не имели к началу войны предметов вооружения, инженерных средств (понтонных, мин и пр.) в достаточном количестве, виноват прежде всего начальник генерального штаба, воевода Р. Путник, недостаточно хорошо понимающий вообще свои обязанности, не имеющий гражданского мужества и решимости человек, не настаивавший на приобретении материальной части; во-вторых, виновато правительство, не имевшее широких взглядов и озабоченное больше партийными и тактическими соображениями относительно популярности и выборов. Наконец, виноват и Н.Г. Гартвиг²⁶, пренебрегавший австрийцами и поддерживающий решимость Пашича (сербского премьер-министра. — *Я. В.*) не спешить с вооружениями»²⁷.

Персональную ответственность за такое положение вещей российский военный агент небезосновательно возлагал на сербского министра финансов Л. Пачу, которого, как он отмечал, «сербская армия считает фатальным человеком. В данном случае, как и во многих других, он проявил непонимание военных государственных вопросов, презрение к военным чинам, своеволие». Его же нерасторопностью и прямым сабота-

жем Артамонов объяснял возникшую среди солдат и населения страны эпидемию брюшного тифа, которая, по его данным на начало февраля, охватила до 6% личного состава сербской армии²⁸. В письме к тому же Трубецкому от 26 февраля 1915 г. он указывал, что, по сведениям Д. Димитриевича (Аписа), в свою очередь почерпнутым им от начальника санитарного отделения военного министерства полковника Сим. Карановича, «министр финансов г-н Пачу продержал у себя 2 месяца представленный ему проект санитарных мер для воспрепятствования развитию эпидемий и в конце концов отклонил таковой (кажется, за неимением средств)»²⁹. А между тем, эпидемия тифа приобретала угрожающие размеры, быстро распространяясь не только среди солдат, но среди гражданского населения страны. По разным источникам, от нее умерло от 150 до 200 тыс. человек, т.е. около 40% от общих военных потерь Сербии, которые в целом можно оценивать до 700 тыс. человек³⁰.

К началу войны во всей Сербии было всего 540 врачей. Российский посланник и его супруга сформировали на русские пожертвования специальный санитарный отряд, оказавший сербской армии большую помощь в борьбе со вспыхнувшей эпидемией. В январе 1915 г. в Нише был открыт русский госпиталь. Однако, несмотря на принятые меры, только в Нише, по данным Г.Н. Трубецкого, за первые четыре месяца 1915 г. умерло 35 тыс. человек, причем «из них больше трети приходится на пленных». Российский посланник вспоминал: «В 9 каменных конюшнях (кавалерийских казармах), рассчитанных на 1200–1500 лошадей, помещалось от пяти до шести тысяч человек пленных. Всех заболевших сносили в одну из конюшен и предоставляли их своей участи: врач-серб к ним не входил, раз в день им приносили пищу и тем самым ограничивали все заботы о них. Один раз в неделю приходили убирать умерших. При входе в конюшню от сырости и смрада долго нельзя было разобрать все окружающие предметы. <...> Товарищи сносили умерших к дверям конюшни, где складывали в поленницу, которую я при входе принял за груды сложенного тряпья и старого платья. <...> Это происходило не по жестокосердию, а по полному недостатку средств для борьбы с эпидемиями и по крайней беспечно-

ти и халатности сербов». Трубецкой также пишет, что пленные пользовались полной свободой. «Из зараженных помещений они выходили и гуляли по всему городу. Иногда они брали хлеб у больных или от умерших и продавали его в городе»³¹. Неудивительно, что победить эту смертельную болезнь, несмотря на все усилия русских врачей, так и не удалось.

И такая сложная ситуация в стране, в момент, когда как никогда необходима консолидация всех властных структур, была далеко не случайной. Она явилась следствием серьезного противостояния между военными и гражданскими чинами, проявившегося еще в канун Первой мировой войны, когда, по словам В.А. Артамонова, «нетактичность, резкость, грубость некоторых членов правительства (С. Протича³², В. Янковича) сплотила против правительства офицерский корпус»³³, существенная часть которого входила в образованную в 1911 г. организацию «Объединение или смерть» («Черная рука») во главе с полковником Д. Димитриевичем (Аписом)³⁴.

Действительно, 1914 год Сербское государство встретило в состоянии очередного политического кризиса — «спора о приоритете», который с началом военных действий не только не исчез, а еще более обострился. Конфликт между гражданскими и военными властями стал закономерным следствием блестящих побед Сербии в Балканских войнах. В декабре 1912 г. Петр Карагеоргиевич ввел состоявшую из 88 статей «уредбу» об «установлении в Новой Сербии областей судебных и полицейских». На основании ее в новоприсоединенных областях вводилось военное управление, во главе которого стояла «верховная команда» с центром в г. Скопье. Однако издание сербским правительством указа о новом порядке отправления церковной службы по поводу сербских побед в Балканских войнах вызвало широкое неприятие офицерского корпуса страны. Отныне почетные места у алтаря должны были занимать не офицеры, а сербские чиновники. Указ о «старшинстве гражданских властей в Новой Сербии над военными» был введен по инициативе министра внутренних дел Ст. Протича и предполагал первенство гражданских чинов над военными при всех торжественных церемониях. При этом, как доносил В.А. Арта-

монов еще в июне 1914 г., «условия жизни в Новой Сербии схожи с условиями самых заброшенных углов Дальнего Востока: правительство не находит желающих служить там, несмотря на 10% прибавки содержания. При необходимости внезапно удвоить весь административный персонал в государстве пришлось взять на службу многих заведомо негодных чиновников. Их плохое поведение, вымогательства и проч. дискредитировали сербское управление и, естественно, офицерский корпус, поставленный распоряжениями министра внутренних дел в подчиненное положение на второе место, в крае, который они только что завоевали и который, в сущности, находится на “военном положении”. В небольшом городке какой-нибудь срезкий мальчик, т.е. полицейский начальник, молодой человек, часто едва лишь покинувший школьную скамью, оказывается во всех случаях, при всех церемониях старше полкового командира, полковника»³⁵. Российский военный агент резюмировал в донесении от 4 (17) июня 1914 г.: «Война объединила всех; мелкие дразги, различия во мнениях и способе создания Великой Сербии — всё было забыто. Но уже после первых успехов начали происходить мелкие недоразумения и неприятности между радикалами и военными. Последние, реабилитированные войною, подняли высоко голову. Члены правительства, депутаты скупщины, приехавшие посмотреть Скопье и рассчитывавшие на удобства при железнодорожном переезде, были весьма нелюбезно встречены начальником военных сообщений полковником К. Смиляничем, которому вагоны и поезда были чрезвычайно нужны для военных перевозок. Вскоре засим какой-то господин, родственник министра финансов г. Пачу, пожелал устраивать в Скопье какие-то гешефты, перевозить свои товары и требовал незаконных послаблений. Помощник начальника полевого штаба генерал Живоин Мишич без церемонии отделал этого господина, а в частном разговоре отозвался оскорбительно и о самом министре. К тому же генерал Мишич не скрыл своего мнения о необходимости для Новой Сербии военного управления в течение известного периода лет, чтобы честным и справедливым управлением привлечь население на сторону Сербии. Это не совпало с планами радикалов»³⁶.

После начала военных действий этот, свойственный сербской политике начала XX в., внутренний конфликт между военным командованием и правительством Пашича еще больше обострился, что было совершенно недопустимо в сложных условиях войны. Парадоксально, но следствием этого конфликта было то, что на территории воюющей страны не были введены чрезвычайные меры военного положения, а российский военный агент писал, что «на своей собственной территории военные власти бессильны». «Между настоящей войной и кампаниями 1912–1913 гг. есть разница, невыгодная для сербов, состоящая в том, что война велась ими на своей территории. Я хочу этим подчеркнуть не то обстоятельство, что страна страдала от неприятеля, или что противник занес заразные болезни, нет, я имею в виду другую, невыгодную сторону, а именно, что театр военных действий управляется во всем по-старому, гражданскими властями, как в мирное время, и что военные власти бессильны, так как радикальной сербской конституцией ни война, ни реквизиции не предвидены», — писал В.А. Артамонов. Даже престолонаследник Александр старался избегать посещений Верховной команды, боясь, как писал русский военный агент, «заразиться “офицерским духом”», а «вопросы, касающиеся армии, ему совершенно не известны». Да и сам Артамонов, сообщая посланнику Трубецкому факты о неумении сербского правительства организовать снабжение собственной армии, настоятельно просил его «не называть при пользовании этими сведениями источника, даже может быть и меня, ибо, как вам известно, чтобы дискредитировать неприятных военных агентов, в обращение пущено, что военные агенты попали под влияние “офицерской задруги”, “Черной руки”»³⁷.

В беседе с Артамоновым в середине марта 1915 г. принц-регент спросил: «Когда же мы, сербы, перейдем в наступление?» Артамонов ответил: «Тогда, когда ваш министр финансов примет меры к тому, чтобы доставить армии продовольственные запасы, необходимые для создания продовольственной базы в северо-западной Сербии, так как запасов продовольствия нет ни у армии, ни в Сирмии, куда придется наступать». Александр

Карагеоргиевич оставил эту реплику без ответа, а во время состоявшегося на следующий день после их разговора посещения Верховной команды он поинтересовался у помощника начальника штаба и помощника главного интенданта вопросами снабжения. «На их ответ, что дело из рук вон плохо, престолонаследник посоветовал обратиться к военному министру. Отвечено, что делалось многократно. Не интересуясь более этим вопросом, престолонаследник выехал в Белград, по-видимому, на две недели», — писал Артамонов³⁸.

Таким образом, латентный внутрисербский кризис вновь принял характер открытого противостояния, причем особое раздражение сербской Верховной команды вызывало прямое вмешательство премьера Пашича в руководство военными операциями. Весной 1915 г. полковник Дмитриевич (Апис) был смещен с должности начальника разведывательного отдела сербского Генштаба и переведен на пост начальника штаба Ужицкой дивизии, которая имела в своем составе всего две бригады. Разрешен этот конфликт был лишь в 1917 г., когда по приговору суда были казнены руководители «Черной руки».

Заметим, что македонский вопрос в тот период стоял особенно остро, что было связано прежде всего с доставкой военных грузов через ее территорию. В связи с этим сербская Верховная команда вынуждена была оставить здесь до 40 000 солдат, которым была поручена охрана стратегически важной железной дороги до Салоник. Однако македонская проблема была также тесно увязана с попытками стран Антанты втянуть в войну Болгарию на своей стороне.

Сразу же после начала военных действий в 1914 г., российские дипломаты В.Н. Штрандтман и Г.Н. Трубецкой повели в Нише переговоры с Пашичем и болгарским посланником в Сербии Чапрашниковым о возможности воссоздания Балканского союза и присоединении Болгарии к коалиции Антанты. Эта идея приобрела особую остроту после вступления в войну Османской империи в октябре 1914 г. Российское правительство отдавало себе отчет в том, что привлечь Болгарию на сторону Антанты или же обеспечить ее благожелательный нейтралитет можно было только обещанием передачи ей Македонии в

границах союзного договора 1912 г. Сербии было предъявлено требование сделать территориальные уступки в пользу Болгарии, которые, как вспоминал Г.Н. Трубецкой, «потребуется обстоятельствами, дабы достигнуть немедленного выступления Болгарии на нашей стороне. За это Сербии обещалось *в весьма общих выражениях* (курсив мой. — Я. В.) приобретение, при заключении мира, обширных территорий с выходом к Адриатическому морю»³⁹. Особенно был заинтересован в вовлечении Болгарии в войну Лондон, что связано с неудачей Великобритании при проведении Дарданелльской операции. Н. Пашич наотрез отверг предложения союзников, заняв по этому вопросу бескомпромиссную позицию. В разговоре с российским посланником он прямо заявил, что «лучше с честью погибнуть, чем идти на самоубийство»⁴⁰. Далее сербский премьер резко заметил: «Сербией распоряжаются и делят как африканскую колонию». «Какое право имеете вы ставить подобные упреки России после всего, что она сделала?» — возразил Трубецкой. «Я верю, что требовать от нас невозможного она не может», — ответил Пашич. На что российский дипломат заявил, «что если они всего будут добиваться, то рискуют ничего не получить, и что Сербии предстоит сделать выбор между Македонией и объединением юго-западного славянства». Сербский премьер ответил: «Мы выберем Македонию»⁴¹.

Судя по всему, Артамонов в частных разговорах с престолонаследником Александром высказывал свою особую точку зрения на решение югославянского вопроса, предлагая собственный проект югославянской конфедерации, с включением в него Болгарии, что, впрочем, выходило за рамки его прямых служебных обязанностей и вызвало, в контексте ведущихся переговоров, серьезное раздражение Н. Пашича. Такое недовольствие сербского премьера, увидевшего в этом шаге русского военного агента прямое вмешательство во внутренние дела страны, станет еще более объяснимо, если учесть, что 7 декабря 1914 г. на специальном заседании скупщины была принята Нишская декларация, ставившая задачу освобождения и объединения югославянских народов — сербов, хорватов и словенцев. Однако, как отмечает А.Л. Шемякин, сербский

премьер был отнюдь не идеалист, а принятие этого документа было тесно увязано с военно-политической конъюнктурой того времени. «Декларация о военных целях Сербии» приобрела общеславянскую упаковку лишь после того, как Пашича убедили в том, «что это поможет Сербии в войне, так как вызовет выступление югославянских и иных славянских народов Австро-Венгрии»⁴². Сам Артамонов позднее так вспоминал об этом случае: «В сентябре 1914 г., за время боев на Дрине, я посетил в Валево болевшего престолонаследника. Разговоры коснулись правительственного обращения к новобранцам Новой Сербии (Македонии)⁴³ и правительственного обращения к славянам Австрии. Я изложил свои идеи, мысли по поводу будущего государственного устройства южных славян и способов достижения, причем высказался о желательности взаимовключения в югославянскую федерацию. Насколько мне помнится, при беседе присутствовал принц Павел. Через него или иначе, мои мысли стали известны в Нише, и спустя два дня в Валево прибыли и болгары, т.к. это положило бы конец братоубийственной распре, мощное объединение югославянских государств отобрало бы от соседей Добруджу, Фракию, Солун, Костур, Корчу, получило бы на западе, на границе все земли, которые могли бы почитаться славянскими... Г-н Пашич ...отозвал меня и спросил, являются ли мои соображения взглядами русского правительства? Я категорически опроверг это предположение, сказав, что это мои мечты общеславянского единства. На это Пашич резко высказался против включения болгар в будущее югославское государство, считая это неосуществимым и нежелательным. После этого до меня доходили слухи, что меня г-н Пашич, или кто-либо из его сотрудников (м.[ожет] б.[ыть], г-н Спалайкович) провозгласил “болгарофилом”, так, что мне даже пришлось из Солуна послать в мин.[инистерство] ин.[остранных] дел описание и разъяснение этого случая»⁴⁴. В этом смысле мнение Пашича разделял и сербский престолонаследник. «Пусть нам дадут после войны меньше, заявил он Артамонову, — пусть мы не сразу достигнем нашего идеала (объединения всех сербов, словенцев и пр.), но что принадлежит нам теперь (т.е. Македония), мы удержим»⁴⁵.

Не случайно военные операции на сербо-австрийском фронте 1914–1915 гг. никак не согласовывались с союзниками по Антанте, составляя третий, абсолютно автономный фронт держав Согласия, а к установлению военно-стратегического единства действий между Сербией, Англией, Францией и Россией не было сделано даже минимальных шагов. Ю.А. Писарев объяснял неучастие сербских вооруженных сил в совместных с союзниками военных действиях политическими причинами. Правительство, по его мнению, хотело сохранить армию, которая могла бы сыграть «решающую роль на заключительном этапе войны, когда практически бы встал вопрос о присоединении к Сербскому королевству югославянских территорий Австро-Венгрии»⁴⁶. Однако бездействие сербов оказалось фатальным для них самих. В.А. Артамонов показательно отмечает в этой связи: «Надо сказать, что изгнав противника, сербы почувствовали громадное облегчение, и..., сказать откровенно, решили, что (если только назойливый противник не нападет снова) для них война уже кончена. Начиная от короля, и до последнего солдата все повторяли, что “сербы сделали свое”, и пусть теперь делают другие. О переходе границы и наступлении искренно никто не думал»⁴⁷. При этом он подчеркивает, что «сербы имеют перед Австрией (великой державой) страх и почтение, тем более, что 2 раза сербы пробовали вторгаться в австрийскую территорию (в Сирмию и Боснию) и оба раза неудачно. Вместо того, чтобы объяснить неудачу крупными сделанными ошибками, промедлением, вялостью и неспособностью вождей, сербы решили, что в Австрию они наступать не могут»⁴⁸. Российский военный агент особо подчеркивает, что бездействие сербов после побед конца 1914 г., их нежелание форсировать Дунай, «хотя бы слабой частью войск», приводят к тому, что «сербы остались с завязанными глазами на этом берегу и с тех пор ничего не знают о противнике достоверного». Он с удивлением и горечью резюмирует: «Агентурная же разведка почти не ведется. (Путник не понимает, вероятно, ее значения, а сербские правила денежной отчетности, по-видимому, не позволяют военным властям расходовать требуемых в таком случае крупных сумм: опасаясь злоупотреблений, ничего не делают.)»⁴⁹. Уже в

январе 1915 г. В.А. Артамонов фиксировал переброску четырех австрийских дивизий с сербского фронта на русский. Как он заметил: «Явление с точки зрения общего положения на театре военных действий, глубоко печальное»⁵⁰. Логика и стратегия войны, замечает Артамонов, «требовала бы, чтобы сербы вцепились зубами в остающуюся перед ними часть противника и удержали ее здесь. Однако, во внимание, вероятно, к заслугам сербской армии, наши высшие штабы молчат. Молчу и я»⁵¹. В то же время сербская Верховная команда отдала распоряжение перебросить часть войск из долины Моравы на правый берег Дуная, к границе с Румынией, в район Брза-Паланка, мера, по мнению русского военного агента, совершенно непонятная, являющаяся «разброской сил». Он замечает, что сделана она воеводой Путником, исключительно по настоянию сербского правительства, «может, по требованию румын, по уговору с ними. Или для защиты сообщений Сербии с Россией, коим на сухом пути никто не угрожает». Впрочем, заключает Артамонов, «теперь, когда австрийцы увели свои силы на Карпаты, здесь можно проделывать и не такие вещи»⁵².

16 июня 1915 г. российская Ставка верховного командования направила Александру Карагеоргиевичу следующую телеграмму: «Имея в виду возобновившееся в более решительной форме наступление итальянской армии, а также полученные сведения об уходе с сербского на итальянский фронт 16-го и части 15-го австрийских корпусов, равно как о возвращении на наш фронт части германских войск, отправленных к сербской границе, представлялось бы, с общей точки зрения весьма желательным, чтобы и сербская армия в возможно скором времени осуществила наступление, начало которого первоначально было намечено на 10 июня»⁵³. Однако, несмотря на настоятельные просьбы русского командования, сербская армия так и не перешла в наступление, причем Н. Пашич, как заметил русский военный агент, «неоднократно высказывал, что наступление сербов будет своевременным и безопасным, когда русская армия с Карпат спустится в венгерскую долину»⁵⁴. И по мысли Артамонова, логика сербского премьера была проста и очевидна. «Он (Пашич) не прочь взять в дальнейшем поведении пример

с Румынии, ожидающей терпеливо, пока плод созреет руками других и падет сам... Отсюда фраза: “мы подождем, пока Румыния приготовится, и выступим вместе с нею...”. А пока можно заняться албанскими делами»⁵⁵. В июне 1915 г. Сербия, используя как предлог активизацию на косовско-македонской границе албанских банд, ввела свои войска в Албанию, захватив ее столицу Тирану и важный стратегический пункт г. Эльбасан. Правда, под давлением России, Англии и Франции войска вскоре пришлось вывести. Заметим при этом, что российская военная разведка в течение лета—осени 1915 г. представляла в Ставку исчерпывающие донесения о сосредоточении против Сербии значительных австро-германских сил⁵⁶.

Мы намеренно оставили за рамками данной статьи освещаемые в донесениях В.А. Артамонова вопросы оперативного, тактического и разведывательного характера, которые сами по себе являются предметом отдельного рассмотрения. Отметим лишь, что, по словам В.Б. Каширина, «донесения полковника Артамонова за август и сентябрь 1915 г. разворачивают перед нами картину очень слабой осведомленности и трагического непонимания сербским и русским военным руководством замыслов противника на балканском направлении»⁵⁷. Начало форсирования Дуная австрийскими войсками стало полной неожиданностью для сербов. Это касалось в том числе и недооценки позиции болгарских правящих кругов. Исходя из донесений Артамонова, создается впечатление, что из сербского военного и политического руководства лишь один полковник Живко Павлович понимал грозящую со стороны болгар опасность, а вместе с тем и близость надвигающейся катастрофы⁵⁸. В беседах с Артамоновым в августе 1915 г. он подчеркивал, что «два раза писал об этой опасности военному министру, снимая с себя всякую ответственность, если болгары внезапным нападением овладеют сильной сербской пограничной линией, скомпрометировав этим оборону страны»⁵⁹. Павлович просил его донести эту информацию и до российского посланника Трубецкого.

Заметим при этом, что и сам российский военный агент не очень представлял масштабов надвигавшейся на Сербию катастрофы, также не веря в скорое и возможное нападение

болгар. Передавая содержание бесед с полковником Павловичем, он подчеркивал в донесении к секретарю русской миссии В.Н. Штрандтману от 15 августа 1915 г.: «Чтобы быть совсем беспристрастным, я должен однако, сказать, что только что получено сведение из Болгарии от сербского агента, что никаких признаков мобилизации не заметно, и что в пехотных полках состав колеблется от 800 до 1000 человек, т.е. самого мирного времени». Далее он сообщал: «Является также вопрос, как согласовать с предыдущим сербские сведения <...>, что болгары, имея всего по 460 снарядов на орудие и по 800 патронов на винтовку, к войне не готовы, ни против турок, ни против сербов»⁶⁰. Резюмируя содержание своих бесед, Артамонов успокоительно писал: «Кажется, Живко Павлович вполне искренен в своих опасениях, что болгары внезапно нападут на Сербию. С военной точки зрения эта операция легко выполнима и даст блестящие результаты. Для успеха нужен энтузиазм народа; нужно также, чтобы и противник был захвачен врасплох, а этого нет. Сербы мобилизованы, и граница не так уж далека: в неделю можно дойти»⁶¹.

Удар болгар, состоявшийся в ночь на 1 октября 1915 г., довершил разгром сербской армии и окончательно предрешил исход войны. Однако, как видно из донесений и сообщений русского военного агента Артамонова, весьма полно характеризующих внутривосточное положение страны в период относительного затишья на сербо-австрийском фронте, разгром Сербии стал неотвратимым задолго до того, как австрийская армия Макензена начала свое новое генеральное наступление, ставшее для сербов роковым.

Примечания

¹ См.: *Зайончковский А.М.* Первая мировая война. СПб., 2000. С. 79.

² Помимо многочисленных статей Ю.А. Писарева, см., напр.: *Писарев Ю.А.* Освободительное движение югославянских народов Австро-Венгрии в 1905–1914 гг. М., 1962; *он же.* Сербия и Черногория в Первой мировой войне. М., 1968; *он же.* Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. М., 1985; *он же.* Тайны Первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914–1915 гг. М., 1990.

³ *Писарев Ю.А.* Тайны Первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914–1915 гг. С. 124. Из сведений послужного списка мы узнаем, что В.А. Артамонов родился 9 октября 1873 г. Из потомственных дворян Саратовской губернии. Окончил

полный курс Симбирского кадетского корпуса и Павловского военного училища. В 1900 г. завершил обучение в Николаевской академии Генерального штаба и за «отличные успехи в науках произведен в штабс-капитаны». Был женат «на дочери дворянина Гаусман, девице Людмиле Михайловне, родившейся 7 марта 1876 года, уроженке Полтавской губернии. Имеют сына Михаила, родившегося 24 июня 1899 года». Достаток молодого и перспективного офицера был невелик. «Ни за ним, ни за женою нет родового или приобретенного недвижимого имущества», а по окончании Академии «выдано ему 300 рублей на первоначальное обзаведение лошадью со всею принадлежностью». В.А. Артамонов – автор брошюры «Вооруженные силы Сербии», изданной Генеральным штабом в 1911 г. // См.: Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 400. Оп. 21. Д. 2823. Л. 45–49.

⁴ Русские о Сербии и сербах. Т. I. М., 2006. С. 576.

⁵ Отметим в этой связи, что статья В.Б. Каширина «Неотвращенная катастрофа союзника: Борьба на балканском фронте в 1914–1915 гг. в суждениях русского военного агента при сербской Верховной команде», которая стала составной частью его диссертационного исследования, внесла серьезный вклад в изучение данной проблематики. Опубликовано в: Русский сборник. Исследования по истории России. Т. III. М., 2006. С. 185–230.

⁶ См. подробнее: *Каширин В.Б.* Дунайская одиссея лейтенанта Григоренко // Родина. 2010. № 11. С. 132–138.

⁷ См. подробнее: *Йованович М.* Ленинским курсом. Как русские защищали Белград от австрийских мониторов на Дунае // Родина. 2010. № 11. С. 130–131.

⁸ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1870. Л. 241.

⁹ Там же. Л. 522–527; *Каширин В.Б.* Указ. соч. С. 197.

¹⁰ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1870. Л. 545; *Каширин В.Б.* Указ. соч. С. 199.

¹¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1870. Л. 510.

¹² *Трубецкой Гр.Н.* Русская дипломатия 1914–1917 гг. и война на Балканах. Монреаль, 1983. С. 209.

¹³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1870. Л. 436.

¹⁴ Там же. Л. 436.

¹⁵ Там же. Л. 512–513.

¹⁶ *Писарев Ю.А.* Тайны первой мировой войны. С. 168.

¹⁷ *Писарев Ю.А.* Сербия и Черногория в Первой мировой войне. С. 125. см. также: *Руска војна помоћ Србији за време Првог светског рата.* Сборник грађе. Приређивачи А. Тимофејев, Д. Кремић. Београд, 2014. С. 36–50.

¹⁸ РГВИА. Ф. 16351. Оп.1. Д. 1. Л. 9–9 об.

¹⁹ Там же. Л. 1 об.–2.

²⁰ Там же. Л. 8 об.

²¹ По данным В.А. Артамонова, падеж скота от голода за декабрь 1914 г. – январь 1915 г. составил 7000 голов, за февраль 1915 г. – 2666 голов. Как он замечает, «фураж доставляется в размере 1/5 до 1/3 потребного количества» // РГВИА. Ф. 16351. Оп. 1. Д. 1. Л. 17.

²² Там же. Л. 8.

²³ Там же. Л. 1 об.–2 об.

²⁴ Там же. Л. 12–13.

²⁵ Там же. Л. 8–9.

²⁶ Н.Г. Гартвиг – российский посланник в Белграде в 1909–1914 гг. Он скончался в разгар событий Июльского кризиса, прямо в здании дипломатической миссии Австро-Венгрии 27 июня (ст. стиль), во время объяснения с австрийским представителем в Белграде бароном Гизлем по поводу надуманных обвинений австрий-

ской прессы в том, что российское посольство не приспустило флаг в знак траура по убитому в Сараево Францу Фердинанду.

²⁷ РГВИА. Ф. 16351. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

²⁸ В письме к Трубецкому от 30 января 1915 г. Артамонов подчеркивал: «Из-за отсутствия белья разведятся насекомые и приобретается солдатом тиф (об этом Верховная команда писала правительству 2 месяца тому назад, обращая внимание на грозящую эпидемию и предсказывая ее). В настоящее время, по справке, данной санитарным инспектором полковником Генчицем, в армии 10.000 больных брюшным и сыпным тифом, не говоря уже о прочих болезнях». // РГВИА. Ф. 16351. Оп. 1. Д. 1. Л. 1 об.

²⁹ РГВИА. Ф. 16351. Оп. 1. Д. 1. Л. 1 об.–9. См. также: *Шевцова Г.И.* Россия и Сербия. Из истории российско-сербских отношений в годы Первой мировой войны (гуманитарный аспект). М., 2010. С. 45; Российские врачи в Королевстве сербов, хорватов и словенцев / Югославии: Биографический словарь и анкеты (1918–1946). М., 2012.

³⁰ *Йованович М.* «Умереть за Родину». Первая мировая война, или столкновение «обычного человека с тотальной войной» // *Последняя война императорской России.* М., 2002. С. 149.

³¹ См.: *Трубецкой Гр.Н.* Указ. соч. С. 111–116; *Шевцова Г.И.* Указ. соч.; *Козлов В.Ф.* Москва – Сербии. Из истории русско-сербских связей XVII – начала XX века. М., 2001. С. 60–72.

³² Известный сербский четнический воевода В. Трбич, который, как он сам пишет, был противником вмешательства армии в политику, утверждал, что сам Стоян Протич был побит капитаном Аце Благоевичем. // См.: *Трбић В.* Мемоари. Књ. 2. Београд, 1996. С. 42.

³³ РГВИА. Ф. 2000. Д. 3168. Л. 15–15 об. См. также: *Международные отношения в эпоху империализма (далее – МОЭИ).* Т. V. Серия III. М., 1934. С. 450–451.

³⁴ Эта офицерская организация имела серьезное влияние на политику королевства Сербия. Организаторы общества были осуждены на Салоникском процессе весной 1917 г., а трое ее руководителей – Д. Димитриевич (Апис), Л. Вулович и Р. Малобабиц были расстреляны по приговору этого суда. // См. подробнее: *Вишняков Я.В.* Военный фактор и государственное развитие Сербии начала XX века. М., 2012; *он же.* «Черная рука» в сербской политике начала XX века // *Военно-исторический журнал.* 2014. № 10. С. 8–13.

³⁵ МОЭИ. Т. V. С. 455–456.

³⁶ МОЭИ. Т. V. С. 455. В.А. Артамонов отмечал, что «еще в июне 1913 г. Пашич конфиденциально сообщил нашему посланнику Гартвигу, что генерал Мишич, представитель офицерского мнения (что в Новой Сербии должно быть сохранено в течение 5 лет военное управление), будет уволен при первой возможности» // РГВИА. Ф. 16351. Оп. 1. Д. 1. Л. 11 об.

³⁷ РГВИА. Ф. 16351. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.

³⁸ Там же. Л. 16–20.

³⁹ *Трубецкой Гр.Н.* Указ. соч. С. 138.

⁴⁰ Там же. С. 141.

⁴¹ Там же. С. 146–147.

⁴² См.: *Шемякин А.Л.* Югославянская программа Сербского королевства в первый период войны (август 1914 – октябрь 1915 г.) // *Первая мировая война: пролог XX века.* М., 1999. С. 388.

⁴³ В конце декабря 1914 г. Александр Карагеоргиевич обнаружил специальный манифест, декларирующий дарование уроженцам Новой Сербии гражданских прав «наравне с населением прочих частей королевства» // АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 532. Л. 468–468 об.

- 44 РГВИА. Ф. 16351. Оп. 1. Д. 2. Л. 113.
- 45 РГВИА. Ф. 16351. Оп. 1. Д. 1. Л. 16.
- 46 *Писарев Ю.А.* Тайны первой мировой войны. С. 160–161.
- 47 РГВИА. Ф. 16351. Оп. 1. Д. 1. Л. 2 об.
- 48 Там же. Л. 3.
- 49 Там же. Л. 2 об.
- 50 Там же. Л. 1.
- 51 Там же. Л. 3.
- 52 Там же. Л. 8.
- 53 РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1870. Л. 630.
- 54 Там же. Л. 629.
- 55 РГВИА. Ф. 16351. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.
- 56 РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1157. Л. 53–90.
- 57 *Каширин В.Б.* Указ. соч. С. 217.
- 58 Г.Н. Трубецкой, характеризуя в своих воспоминаниях катастрофу сербской армии осени 1915 г., подчеркивал, что «отношения между Верховной командой и правительством особенно обострились в последний период перед открытием военных действий в сентябре 1915 г. Военные не могли простить Пашичу, что он помешал им, согласно требованиям держав, напасть на Болгарию, пока она не была готова. Ему ставили в вину все неудачи в переговорах с державами и Грецией» // *Трубецкой Гр.Н.* Указ. соч. С. 175.
- 59 РГВИА. Ф. 16351. Оп. 1. Д. 1. Л. 31.
- 60 Там же. Л. 32; см. также: *Каширин В.Б.* Указ. соч. С. 218.
- 61 РГВИА. Ф. 16351. Оп. 1. Д. 1. Л. 32.

Алексей Юрьевич ТИМОФЕЕВ

«Тысячелетняя мечта»: Сербия и Россия накануне Февраля 1917 года

Сербская историография неоднократно обращалась к вопросу судьбоносного для России 1917 года. В Королевстве сербов, хорватов и словенцев (СХС) события Октября 1917 года рассматривались в основном в негативном контексте революционных перемен (понимаемых как деградация России), при этом большевиков безусловно упоминали как «германских наймитов». С другой стороны, события Февраля 1917 года по большей части (особенно в первое десятилетие после революции) оценивались как неизбежное следствие отсталости и консервативности царской России. Это касается и переведенных на сербский язык работ русских эмигрантов, в основном сторонников либерального сегмента белогвардейского движения, по духу — политических наследников Временного правительства¹. Иной подход русских эмигрантов к событиям Февральской революции (без восторженности и с полным пониманием ее катастрофических последствий) начал появляться только позднее — в 1930-е годы, на волне происходившей в рядах эмиграции общей переоценки значения Февральской революции и Временного правительства².

После 1944 г. важным элементом в контексте коммунистической идеологии стала память об Октябрьской революции. Стоит отметить, что этот элемент в общей конструкции также не был постоянной константой. Тут также можно выделить несколько различных периодов. Первым из них был период установления коммунистической идеологии во время построения в Югославии авторитарного государства по образцу сталинского СССР в 1944—1948 гг.³. В период конфликта между И. В. Сталиным и И. Броз Тито Коммунистическая партия Югославии

(КПЮ) перешла к безусловно русофобской риторике⁴, и в силу этого упоминания об Октябрьской революции были максимально редуцированы, поскольку они акцентировали особую роль России как колыбели коммунистической идеологии⁵. После смерти И.В. Сталина тема Октябрьской революции вновь была, хотя весьма скромно и достаточно схематично, возвращена в фокус пропаганды при помощи переведенных работ и обзорных компиляций⁶.

Две юбилейных годовщины — 1957 г. и 1967 г. — в значительной мере способствовали возврату Октябрьской революции 1917 г. в контекст коммунистической идеологии в Югославии, в рамках улучшения советско-югославянских связей. Естественно, в 1957 г. речь шла о более осторожных и демонстративных шагах — в основном библиографической⁷ и мемуарной природы⁸. Намного большее внимание Октябрьской революции было посвящено во время 50-летнего юбилея в 1967 г. Речь шла уже о всестороннем научном рассмотрении русской революции 1917 г. в контексте южнославянского вопроса — в рамках тематических научных конференций⁹. Появилось несколько программных статей, которые довольно безапелляционно предлагали «окончательные ответы» на все ключевые вопросы¹⁰. После этого вопрос о русской революции 1917 г., и в первую очередь Октябрьской революции, стал расцениваться в рамках югославской историографии как «изученный» вопрос, который привлекал лишь отдельных старательных исследователей, стремившихся докопаться до всех мелочей и дать исчерпывающие ответы на отдельные вопросы. Прежде всего, это Н. Б. Попович, чьи кандидатская и докторская диссертации были посвящены сербско-русским связям в годы Первой мировой войны, революции и Гражданской войны¹¹. Политологическую оценку русской революции сформулировал в рамках своих кандидатской и докторской работ С. Живанов¹². Спустя несколько десятилетий их труды были воплощены в объемные монографии¹³. В результате ослабления, а затем и падения монопартийного режима в Югославии интерес к теме русской революции резко сократился, и она превратилась в экзотичную и почти забытую тему для сербских авторов¹⁴. Единственными последовательно

верными своей теме остались только многолетние ее исследователи, начинавшие еще в 60-е годы XX в. — политолог С. Живанов¹⁵ и историк Н. Б. Попович¹⁶.

О влиянии Февральской революции и Временного правительства на создание Югославии в югославской и сербской историографии было написано намного меньше. Существует два монографических исследования, которые частично затрагивают эту тему¹⁷: в одной из глав своей книги Д. Янкович рассмотрел влияние Февральской революции на подписание Корфской декларации; Л. Трговчевич в своей монографии коротко описала деятельность миссии А. Белича и С. Станоевича в России накануне и во время революции.

Но всё же самая детальная работа о влиянии Февральской революции на Сербию принадлежит перу одного из наиболее плодовитых сербских историков — Богумила Храбака¹⁸. В своей статье, написанной в 1978 г., он опирался на многочисленные донесения сербских чиновников и доверенных лиц о революции в России. Тем не менее, его работа имела ряд особенностей из-за вполне понятных обстоятельств: она возникла при монопартийной системе жесткой левой ориентации, но при этом в рамках беспрекословной парадигмы Югославии как логичного апофеоза многовековых стремлений всех южнославянских народов.

Вследствие этих ограничивающих особенностей, несмотря на исчерпывающее использование сербской источниковой базы, в этом труде появились характерные пробелы. Крайне поверхностны высказывания Б. Храбака о германофильском характере последнего верного царю имперского министра иностранных дел Б. В. Штюрмера, которого Временное правительство арестовало и довело до смерти негуманными условиями содержания в тюрьме. Б. Храбак развивал пропагандистский тезис о том, что Б. В. Штюрмер предлагал Германии заключение сепаратного мира¹⁹. Реальное положение дел было противоположным. После публичного предложения императора Вильгельма о мире, Штюрмер выпустил циркуляр о невозможности для России принять любой мир без согласия всех союзников²⁰. Профессор истории Оксфордского университета Г.М. Катков

очень детально и всеохватно доказал ложную природу слухов о попытках царя, царицы или Б.В. Штюрмера подписать сепаратный мир²¹. Очевидна связь этих слухов с пропагандистской деятельностью врагов русского самодержавия из числа крупной русской буржуазии, сопричастной к государственному перевороту марта 1917 г.²². Для Б. Храбака, как, в принципе, и для абсолютного большинства историков того времени не только из СССР, но и из Югославии, Февральская революция была жестко predetermined событием, которое представляло собой увертюру к еще более жестко predetermined событию — Октябрьской революции. Влияние народного недовольства, неизбежность поражения Временного правительства, политический талант лидеров большевиков и остальные объективные причины неумолимо вели страну к Октябрю. Но события Февраля 1917 года имели намного большую роль субъективного фактора, менее зависели непосредственно от народа, в большей степени несли характер государственного переворота. Кроме того, Февраль 1917 года неоспоримо имел признаки заговора части элит при определенном иностранном влиянии. Эта субъективная составляющая Февральской революции осталась вне внимания Б. Храбака²³. Осторожно и с неизбежным идеологическим камуфляжем в советской историографии, а затем уже открыто и последовательно в российской историографии, была выдвинута гипотеза о важной роли субъективного фактора в февральских событиях 1917 г., т.е. неформального заговора крупной буржуазии, офицерской верхушки и политических авантюристов, связанных коррупцией и стремлением к личной выгоде²⁴. Однако в работе Б. Храбака даже понятное современникам событий значение вопроса о Константинополе (очевидно важного в контексте активных действий Франции и Англии в Петрограде весной 1917 г. и не менее важного в контексте балканской политики императорской России) ускользало в жестких рамках идеологической парадигмы²⁵.

Несмотря на упомянутые, вполне понятные, особенности, статью Б. Храбака нужно рассматривать как переломную в контексте изучения русской революции 1917 г. в сербской историографии. Хотя схожие воззрения выражались в юго-

славской литературе и до него²⁶, Б. Храбак впервые в академической науке Югославии (Сербии) пришел к выводу о том, «что после краха царской России исчезла православная опора сербского правительства, а устами Милюкова стала и в России провозглашаться югославянская идея [...]. Обобщенно говоря, в результате Февральской революции югославянская идея, как прогрессивная, выиграла, а идея великосербская (*т.е. идея национального освобождения и объединения сербов в рамках единого национального государства — А.Т.*), проиграла»²⁷. Для времени, когда была написана работа Б. Храбака, эта констатация была очень откровенной и важной. После падения монопартийного режима и разрушения Югославии понятие «прогрессивного югославянства» потеряло свою аксиоматическую значимость, и естественно назрела необходимость детальнее рассмотреть точку бифуркации, выявленную Б. Храбаком и его предшественниками. Оценка значимости этой точки бифуркации, ее важности и в то же время степени ее объективной (субъективной) предрешенности, несомненно, должна обусловить оценку глобального влияния событий 1917 г. на прошлое России и Сербии.

Для определения значимости Февральской революции для России и Сербии необходимо дать ответ на вопрос о том, какое будущее для Сербии по окончании Первой мировой войны предвидела императорская Россия до того, как была уничтожена февральским переворотом²⁸. Первые идеи о будущих территориальных изменениях границ Сербского королевства возникли в связи с предложением англичан о подкупе Болгарии путем уступки ей «болгарской части» территорий Македонии, вошедшей в состав Сербии после Второй Балканской войны. Существует русский документ, составленный в ответ на данное британское предложение. Это меморандум, который 20 (7) января 1915 г. министр иностранных дел России С.Д. Сазонов вручил английскому и французскому посланникам в Петрограде. В этом документе говорится об опасениях императорского МИД, что предложение Э. Грея* не удовлетворит ни одну из

* Эдуард Грей (1862–1933), английский государственный деятель, в 1905–1916 гг. – министр иностранных дел.

сторон. И действительно, именно так всё и случилось, о чем русский посланник в Сербии князь Г.Н. Трубецкой 21(8) января 1915 г. сообщил в МИД: «Сербское правительство выразило неготовность оказать совсем определенные уступки в обмен на туманные обещания»²⁹.

Еще более интересным документом является дипломатическая депеша №9, высланная С.Д. Сазонову князем Г.Н. Трубецким 26(13) января 1915 г. Целью депеши было ознакомление министра с вопросами будущего территориального переустройства на Балканах. Фактически она была комментарием русского посланника к предложениям Э. Грея о территориальных переменах на Балканах, которые британский дипломат рекомендовал выдвигать как совместное предложение сил Антанты — Англии, Франции и России. Посланник Трубецкой попытался выяснить, как сербская сторона смотрит на послевоенное переустройство Балкан, для чего вступил в контакт не только с сербским правительством, но и с крупнейшими учеными Сербии, ведущими экспертами по Балканам — Й. Цвиичем и С. Новаковичем. В результате он пришел к выводу, что сербы с трудом представляют себе будущее Западных Балкан, хотя и надеются на объединение всех населенных сербами земель в едином государстве³⁰. Отношения Сербии с Веной были испорчены со времен Майского переворота 1903 г., но всё же войны всерьез не ожидали³¹. Ультиматум, а затем и объявление войны летом 1914 г. было последним, чего желало бы Королевство после двух тяжелых Балканских войн и албанского восстания 1913 г. Поэтому сербская интеллектуальная и политическая элита сравнительно мало задумывалась о том, каким будет послевоенное государство южных славян. Поиск более точного ответа на этот вопрос начался лишь после открытия боевых действий, когда остро встала необходимость определения целей войны. Трубецкой заметил и еще один факт: война отделила жителей Сербии от сербов с другой стороны Дуная, Савы и Дрины, и в еще большей мере — от остальных южных славян. Политика сеянья раздоров была классикой стратегии Вены: она активно использовала славянские части в борьбе против Сербии, чтобы закрепить и усилить раздоры между славянами³².

Анализируя сложившуюся ситуацию, Трубецкой пришел к выводу о том, что невозможно предусмотреть, приведет ли победоносный исход войны к присоединению всех южнославянских территорий к Сербии, или произойдет создание нескольких небольших государств. По словам русского дипломата, сербский премьер-министр Никола Пашич уже в начале войны был готов на большие уступки хорватам для завоевания их симпатий и послевоенного объединения усилий. При этом в 1915 г. Белград считал, что после войны все бывшие австрийские земли с доминирующим православным южнославянским населением должны быть присоединены к Сербии, с тем же статусом, что и ее довоенные районы. Остальные южнославянские территории также рассматривались как потенциальное приобретение, но с особым статусом: в случае с Хорватией, вероятно, в форме некой автономии. Уже тогда у сербского руководства и ряда ведущих экспертов существовало определенное (хотя и крайне расплывчатое) представление о глубине религиозных и культурных различий между римско-католической и православной частью южнославянских подданных Австро-Венгрии. Сегодня крайне прозорливыми могут выглядеть слова князя Трубецкого, который предсказывал возможность будущего развития сербо-хорватских отношений, в случае объединения, по образцу русско-польских отношений в составе единого государства³³.

К донесению Трубецкого была приложена карта предполагаемого послевоенного территориального переустройства Балкан, которую составил известный сербский этнограф и политический эксперт Й. Цвиич. Кроме объединения Сербии и Черногории в рамках предвоенных границ, на ней были обозначены северные и западные границы проживания южных славян в рамках Австро-Венгрии, а также приближенная линия разделения этих территорий на римско-католическую и православную части. По направлению к Италии и Румынии обозначены «спорные» территории, от которых можно отказаться в ходе послевоенной торговли и переговоров. Разумеется, определенная иерархия приоритетов существовала и внутри безусловной линии приоритетов (карта Й.Цвиича включала Целовец, Печуй, Баю, Темишоар и Карашов). Похожая карта позднее служила

как пропагандистское средство сербской делегации на переговорах о мире в Париже в 1919–1920 гг. Несомненно, предоставив свою карту русскому посланнику, Цвиич преследовал всё те же пропагандистские интересы. Впрочем, сам Г.Н. Трубецкой не очень верил обещанной «строгой научности» данных Цвиича и в своем донесении назвал его «официальным закройщиком сербского правительства»³⁴. Неверие в перспективы сербо-хорватского сожительства внесло свой вклад в общий «букет» факторов, обеспечивших согласие России на Лондонский договор апреля 1915 г. Он был секретным соглашением между Италией и странами Антанты и касался послевоенного переустройства северной Адриатики, определяя условия вступления Италии в Первую мировую войну. Среди прочего, территории нынешней Хорватии и Словении, по этому договору, были разделены между Италией, с одной стороны, и Сербией и Черногорией (которые получали Южную Далмацию вплоть до Сплита и Дубровника), с другой.

После эвакуации Сербии в 1915 г. и начала череды сокрушительных поражений ее на фронте, и в то же время резкого ослабления Австро-Венгрии, русская дипломатия должна была вновь обратиться к вопросу о будущем южнославянских подданных Габсбургов. Год 1916-й стал трагическим периодом в истории Сербии, когда территория страны была оккупирована, а остатки армии и политической элиты, не сложив оружия, отступили на юг Балканского полуострова и продолжили борьбу за свободу и независимость своего народа. В то время Италия стремилась пролоббировать сохранение независимости Черногории, что вызывало обеспокоенность Н. Пашича. Он пытался объяснить официальному Петрограду неестественность и вредность для интересов России на Балканах сложившейся ситуации (два государства одного народа), которую после окончания войны предстояло решить воссоединением³⁵. Для разрешения этого и других вопросов сербской внешней политики в Россию отбыла научно-пропагандистская миссия А. Белича и С. Станоевича³⁶.

Ведущий специалист по Балканам Политического департамента МИД императорской России А.М. Петряев (1875–1933) составил в это время крайне подробную аналитическую справ-

ку о русских интересах в проектах территориального переустройства провинций монархии Габсбургов после победоносного окончания войны. Петряев считал, что «возникновение Единой Великой Сербии или Сербо-Хорватского Государства было бы самым удачным решением югославянского вопроса, и в русских интересах, конечно, стремиться к тому, чтобы эта политическая комбинация осуществилась. Сильное славянское царство с 14 миллионами жителей, обосновавшееся на берегах Адриатического моря, и интересы коего нигде не сталкиваются с российскими, было бы, конечно, весьма желательным элементом нашей будущей западноевропейской политики»³⁷. Однако в то же время Петряев обратил внимание на очевидные проблемы на пути осуществления этого плана: «Англия и Франция, по высшим политическим соображениям, не будут поддерживать велико-сербских планов и способствовать образованию на берегах Адриатики большого славянского государства, тяготеющего к России». С другой стороны, на пути создания государства южных славян русский дипломат видел проблемы в случае насильственного присоединения территорий, населенных хорватами, которых невозможно будет безболезненно ассимилировать в Сербии, в силу многочисленности, различий в вере и культуре. В будущем Петряев предвидел и возможность потенциального конфликта с Италией, с которой придется бороться не только за Триест и Истрию, но и за большую часть Далмации. Оценивая в этом контексте соотношение сил, Петряев считал, что заключение с Италией соглашения по разделу Адриатического побережья будет полезно Сербии, так как предотвратит неизбежный в противном случае конфликт между ними, а также вмешательство Италии в сербо-хорватские раздоры³⁸. Позиция Петряева, ставшего в 1917 г. при Временном правительстве товарищем министра иностранных дел, соответствовала позиции имперской дипломатии, далекой от консервативных взглядов. Мнение о том, что за Австро-Венгрией стоит сохранить влияние на часть католического славянского мира, в еще большей мере находило поддержку у Б.В. Штюрмера и А.Д. Протопопова в последние месяцы существования Российской империи. По мнению на-

чальника сербского корпуса генерала М. Живковича, русские консервативные круги воспринимали Югославянский комитет и окружение Т. Г. Масарика³⁹ как «влияние Запада»⁴⁰.

Несмотря на пессимизм по вопросу о возможности создания крупного южнославянского государства на западе Балканского полуострова, Петряев придерживался мнения о том, что в случае реализации такого проекта сто́ит думать о соглашении как с хорватами, так и со словенцами. В 1915 г. сербскому посланнику в Петрограде М. Спалайковичу было предложено рассмотреть включение в сербские планы послевоенного объединения не только хорватов, но и словенцев⁴¹. Уже в феврале 1917 г. Петряев высказывал мнение о том, что Сербия по окончании войны должна будет удовлетворить хорватов, предоставив им Сабор и широкую автономию, не угрожая при этом государственному единству. Петряев также предлагал, чтобы территории со словенским населением вошли в состав расширенного государства после удовлетворения возможных итальянских и австрийских претензий. В то же время черногорский вопрос рассматривался в качестве части сербского вопроса (в контексте уверенности имперской дипломатии в том, что второе сербское государство более не соответствует ни русским, ни сербским интересам). Русская дипломатия официально выражала эту позицию как дипломатам Сербии, так и Черногории еще с июня 1915 г., когда было прямо заявлено: «...будет ли Россию в дальнейшем занимать король черногорский, зависит лишь от того, насколько этого пожелает Сербия»⁴².

Подходом царских дипломатов к освобождению южнославянских народов от австрийского владычества, прежде всего в контексте объединения сербского народа, было довольно и сербское правительство. Реакцией на позицию царского МИД было мнение Н. Пашича, выраженное им 24 февраля 1915 г.: «Отмеченные границы сто́ит рассматривать как окончательные для уступок, и это, конечно, минимум, но разумеется, что мы будем, конечно, требовать целую Словению. Что касается местной автономии, мы, конечно же, с ней согласимся, если на этом будут настаивать, но не угрожая при этом целостности сербского государства»⁴³.

Интересно, что в дальнейших переговорах российская сторона настаивала на том, что сербская программа не должна была «представлять завоевательную политику на славянском юге», а должна воплощать «стремление к осуществлению общих идеалов и интересов, которое делало Сербию обязанной не допустить того, чтобы часть Хорватии и Словении осталась под властью иноземцев»⁴⁴.

Точку зрения МИД царской России на объединение южных славян в рамках единого государства, как лучшего пути решения сербского национального вопроса, разделяла и русская экспертная среда. Взгляды на южнославянский вопрос, выраженные А.М. Петряевым, опытным дипломатом, владевшим четырнадцатью языками, с дипломом восточного и юридического факультетов Санкт-Петербургского университета, совпадали со взглядами одного из ведущих русских специалистов по истории южных и западных славян — Николая Владимировича Ястребова (1869—1923). Профессор С.-Петербургского университета Ястребов написал и опубликовал объемное монографическое исследование с говорящим названием «Великая Сербия»⁴⁵. В этом труде речь шла о невозможности самостоятельного выживания маленького Сербского государства, ибо оно станет игрушкой в руках центральноевропейских стран, и о необходимости объединения всех сербов, хорватов и словенцев в одно общее государство, основанное на взаимном уважении меньших народов при естественном верховенстве крупнейшего — сербского народа, который должен будет обеспечить в рамках будущего государства полную культурную автономию и местное самоуправление. В заключении своего исследования профессор Ястребов сделал вывод, что «не только осуществление идеала Великой Сербии, но и существование современной малой Сербии обеспечивается, главным образом, мощью и помощью России»⁴⁶.

И все-таки во внешнеполитических институтах Российской империи имелись определенные препятствия на пути осуществления вышеупомянутых планов. Речь шла о значительной разделенности русской общественности, включая части политической и правительственной элит, на группы в соответствии

с их внешнеполитической ориентацией: либералы были ориентированы «проанглийски», а консерваторы «пронемецки». Первые стремились построить русскую внешнюю политику в рамках удовлетворения британских интересов. Вторые, несмотря на войну, стремились, чтобы после войны не дошло до чрезмерного ослабления и обрушения германского влияния, видя в русско-немецких связях залог стабильного консервативного устройства в Центральной и Восточной Европе. С.Д. Сазонов, руководивший МИД в 1910–1916 гг., относился к числу про-британских политиков⁴⁷. Стоя на соответствующих позициях, он был убежден, что согласия Англии необходимо добиваться для всех русских планов на Балканах⁴⁸. Такое мнение в еще большей степени было присуще представителям передового отряда думской оппозиции — партии кадетов и в особенности ее лидеру П.Н. Милюкову, еще более безоговорочно ориентированным на Англию⁴⁹.

В 1914 и 1915 гг. (как и в случае с юго-восточной Македонией по вопросу о сербо-болгарском разграничении, или с северо-восточным Банатом по вопросу о сербо-румынском разграничении) вопросы о будущем южных славян решались в рамках согласования с другими потенциальными союзниками Антанты в регионе, включая уступки насчет послевоенных границ будущего государства с центром в Белграде, объясняя уступки будущих зон влияния сербского правительства укреплением его нынешних позиций⁵⁰. И все-таки, несмотря на все эти колебания по вопросу о сербских послевоенных границах, внешняя политика консервативной элиты царской России (ее правящего класса) была благосклонна к интересам восстановления сербской государственности и к идее объединения в ее рамках всего сербского народа. Либерализация внешней политики России привела бы, по мнению дипломатических представителей Белграда, к ослаблению русской поддержки сербским внешнеполитическим интересам. За два года до революции (в августе 1915 г.) сербский посланник М. Спалайкович писал: «...в случае победы течения, ориентированного на парламентаризм, к власти пришли бы элементы вроде Милюкова, с его сербофобскими настроениями и влиянием на внешнюю политику»⁵¹.

Проблема Константинополя, или как его официально до окончания Первой мировой войны называли сербы и болгары — Царьграда, фактически была ключевой для балканского направления российских дипломатических усилий в Первой мировой войне, а может быть, и вообще для всей русской внешней политики эпохи мирового конфликта. По отношению к этой проблеме вопросы будущей принадлежности словенского, хорватского и сербского побережья Адриатики и будущего государственного устройства Западных Балкан, несомненно, имели в глазах Петербурга вторичное значение. В отличие от проектов границ южнославянских государств, проблема будущего Черноморских проливов имела для России исключительное экономическое и идеологическое значение. По мнению главы императорского МИД, выраженному в беседе с сербскими дипломатами в 1915 г., «официальная русская политика вся была посвящена решению вопроса о Дарданеллах, для решения которого можно было уступить в адриатическом и югославском вопросе (... в контексте Истрии и большей части Далмации)»⁵². Царская дипломатия уже в июне 1915 г. занялась разработкой послевоенного статуса для Константинополя и даже персональными кадровыми решениями для будущей русской администрации в освобожденной столице православного мира: например, русского посланника в Белграде Г.Н. Трубецкого планировали назначить гражданским комиссаром города, а директора Русского археологического института в Константинополе Ф.И. Успенского — главным куратором архивных фондов⁵³.

Эту эйфорию прервал полный отказ руководства российской армии готовить десантную операцию по занятию Проливов в 1915 г.⁵⁴. Трудно сказать, шла ли в этом случае речь о реальной неготовности (неспособности), о типичной для последних лет существования российской императорской армии осторожности в планировании⁵⁵ или о каких-то более глубоких причинах — ведь власть императора, который с русской армией вошел бы в Константинополь, было бы невозможно ограничить (а офицерская верхушка во главе с генералом М.В. Алексеевым активно участвовала в подготовке и осуществлении февральского переворота полтора года спустя после неосуществленной экспедиции).

Вероятно, все эти факторы сыграли свою роль. Важным обстоятельством сто́ит считать и то, что в том же 1915 г. Англия пыталась сделать всё, чтобы занять Дарданеллы в ходе ставшей знаменитой своей неудачностью и кровавостью Галлиполийской операции⁵⁶. Конечно, гектолитры крови англичан и жителей доминионов были пролиты вовсе не для того, чтобы передать Константинополь России, а совсем по другим причинам. Интересно, что после британского поражения под Дарданеллами, русской победы на турецком фронте и падения Эрзерума генерал М.В. Алексеев поспешил выступить с предложением о подписании мира с Турцией, причем на условиях полного отказа России от освобождения Константинополя, называя русский контроль над Проливами «чарующей иллюзией». Русская армия, согласно этому предложению, должна была бы перейти к войне с Германией и заставить ее отвести войска от Проливов, чтобы «Англия вздохнула свободнее, когда исчезнет опасность египетского похода и мусульманского движения». Россия должна была удовлетвориться, в случае победоносного окончания войны, восстановлением своих государственных границ и поражением Германии⁵⁷. Следует при этом заметить, что императорское правительство почти с самого начала войны говорило о восстановлении польского государства (составленного из русской, австрийской и немецкой частей), т.е. со стороны бывшей русско-немецкой границы территория империи должна была сократиться. По мнению, которое уже в 1915 г. высказал один из будущих архитекторов Февральской революции, Россия, потерявшая в войне больше человеческих жизней, чем какая-либо другая страна Антанты, должна была вести кровавую и многолетнюю битву за сохранение неполного *status quo ante bellum*. В прошлый раз, когда Россия отступила в дипломатическом плане после общенародных двухлетних военных усилий (в 1877–1878 гг.) даже после победы, авторитет царской власти резко упал, а революционное движение усилилось. В этом контексте более достоверным выглядит и известное «покаянное письмо Милюкова», написанное им в августе 1917 г., где признается ответственность думских политиков (кадетов и прогрессистов) в «твердом решении воспользоваться войною для производства переворота»⁵⁸.

Продвижение русской армии к Константинополю мешало не только оппозиционным думским политикам, но и «союзникам», т.е. в первую очередь Англии. Задолго до Первой мировой войны вопрос о принадлежности Константинополя вызывал столкновения английских и русских интересов на Балканах. Не углубляясь слишком далеко в прошлое этого конфликта, корни которого уходили еще в XVIII век, в XX столетии, даже спустя несколько лет после окончания Первой мировой войны, американские разведчики считали британскую защиту Стамбула от русского господства основой традиционной политики Лондона в районе Проливов⁵⁹.

Уже в 1908 г. английское правительство заняло определенную и последовательную позицию по вопросу о любых попытках России получить эксклюзивное влияние на Черноморские проливы⁶⁰. На Особом совещании по вопросу о Проливах в присутствии руководителей дипломатического, армейского и военно-морского ведомств 8(21) февраля 1914 г. начальник Черноморского оперативного сектора Морского Генерального штаба России А.В. Немитц заявил: «На пути к Проливам мы имеем серьезных противников в лице не только Германии или Австрии. Как бы ни были успешны наши действия на западном фронте, они не дадут нам Проливы и Константинополя. Их могут занять чужие флоты и армии, пока будет происходить борьба на нашей западной границе [...] мы должны именно одновременно с операциями на западном фронте занять военную силою Константинополь и Проливы, дабы создать к моменту мирных переговоров совершившийся факт нашего завладения ими. Только в таком случае Европа согласится на разрешение вопроса о Проливах на тех условиях, на которых нам это необходимо»⁶¹.

Сразу же после начала войны (еще до вступления в нее Турции и Болгарии) российские дипломаты начали размышлять о тех целях, к которым сто́ит стремиться России в Первой мировой войне. Коррекцию границ на линии соприкосновения с Германией и Австро-Венгрией (австрийская Галиция и немецкие части Польши) Г.Н. Трубецкой в письме к представителю России в Константинополе М.Н. Гирсу назвал «скорее выпол-

нением неизбежного исторического долга, чем нашей прямой выгодой», отличая при этом интересы Польши по воссоединению с Завислинским краем от интересов России по получению контроля над устьем Немана. С другой стороны, в случае вступления Турции в войну, именно Проливы должны были стать ключевой целью, к которой стремилась бы Россия, как компенсация за военные усилия и потери. При этом выражалась уверенность в том, что Англия будет оказывать сопротивление такому развитию ситуации, а минимизация этого сопротивления была отнесена к главным задачам⁶². После вступления Турции в войну эти размышления и опасения приобрели особое значение, что было видно даже сторонним наблюдателям. Уже в феврале 1915 г. в разговоре с Г.Н. Трубецким о возможном нападении англичан на Стамбул сербский премьер Н. Пашич с озабоченностью заметил, что «занятие Константинополя одними нашими союзниками могло бы дать разрешению самой жизненной для нас задачи направление, которое не отвечало бы в той же мере правам и ожиданиям России»⁶³.

Это понимали и в Петрограде. Бывший в то время подполковником Генерального штаба А.К. Коленковский писал в 1930 г., что для Дарданелльской операции Англия выбрала и использовала удобный случай: не тогда, когда турки будут слабее всего или когда Лондон сможет рассчитывать на помощь союзников, а тогда, когда все русские силы в начале 1915 г. будут заняты на Кавказском и Варшавском фронтах, и России останется лишь одобрить английскую операцию в Проливах⁶⁴.

После окончания войны в мемуарах, которые А.В. Немитц писал уже будучи советским адмиралом, даже руководившим некоторое время в период Гражданской войны всем революционным флотом РСФСР, он с тех же позиций оценивал минувшую войну. «Для первого обмена мнениями по этому коренному вопросу между Генеральными штабами армии и флота и было собрано упомянутое “Особое совещание” под председательством министра иностранных дел С.Д. Сазонова. При этом директивой для его работы должна была служить уже одобренная царем означенная основная идея нового морского плана войны. Совещание выявило то, что инициаторы его

предвидели вперед: полное несоответствие армейского плана новому морскому. План Генерального штаба армии предусматривал наступление на западном фронте на Австро-Венгрию и Германию (вместо активной обороны). Лишь после их разгрома можно было, по этому плану, приступить к Константинопольской операции. План, выгодный для Франции и Англии, но пренебрегающий государственными интересами России и бездумный по отношению к ее народам, которым предстояло в тяжелых наступлениях отдать миллионы жизней (и гибельный для империи). Произошедший обмен мнениями не разубедил руководителей Генерального штаба армии, но и не обескуражил вполне сторонников нового, другого плана войны. Предстояла борьба мнений, в которой на нашей стороне была личная воля царя. Судьба, однако, решила против нас»⁶⁵, — писал А.В. Немитц.

Англия и Франция были против явного и официального признания прав России на Константинополь и Проливы до самого конца 1916 г.⁶⁶ При этом в секретных переговорах 12 марта 1915 г. Англия признала свое согласие с переходом Константинополя под контроль России, а 10 апреля 1915 г. с этим, также неофициально, согласилась и Франция⁶⁷. На Константинополь, как на главную цель России в войне, смотрел и сам Николай II, который в высочайшем приказе от 1 декабря 1916 г. подтвердил намерение бороться «за восстановления этнографических границ, достижение обладания Царьградом и создание свободной Польши», отказываясь от заключения мира, чтобы не предать плодов ратных трудов русских войск и флота⁶⁸.

При этом идея о том, что Россия должна будет получить на Балканах компенсацию за свои военные усилия и за два миллиона потерянных жизней, нисколько не могла понравиться Англии. И пока в Лондоне работала королевская комиссия по расследованию причин поражения английской армии при Дарданеллах⁶⁹, в России активизировалась деятельность, направленная на смену политического режима.

Во время январской конференции 1917 г. в Петрограде представители Англии и Франции «выслушали все претензии представителей царского правительства — руководителей

хозяйства, армии и флота. Они имели возможность посетить фронт и ознакомиться с состоянием армии, беседовали с лидерами русской буржуазной оппозиции и были в курсе всей работы, которую вели английское и французское посольства и Прогрессивный блок* по организации государственного переворота. Их не особенно страшил рост недовольства внутри страны; приход к власти буржуазных лидеров им казался желательным. Русская армия в их глазах не потеряла своего значения в качестве важнейшего военного фактора в деле разгрома Германии»⁷⁰. При этом союзная конференция 1917 г. в России подтвердила взятые на себя обязательства членов Антанты⁷¹. Сербское правительство узнало к 9(22) февраля 1917 г., что конференция закончила свою деятельность в Петрограде и делегаты отбыли в порт Романов (Мурманск). Работу еще в течение двух дней продлил лишь особый комитет, который занимался будущим устройством Польши⁷².

Спустя несколько дней, 15(28) февраля 1917 г., официальное периодическое издание сербского правительства в изгнании, выходившее в Греции под названием «Српске новине», опубликовало пространную статью, посвященную роли Проливов в русской внешней политике. «Вопрос Царьграда — это тысячелетняя мечта всей русской внешней политики, всей русской интеллектуальной жизни... Именно для этого Россия воевала с Турцией в XIX веке и для того, чтобы славяне приблизились к Царьграду, освобождала Болгарию, которая теперь вместе с Турцией сражается против России. И старшие, и младшие славянофилы уже создали вокруг этого вопроса целую идеологию и целую социально-политическую систему. Реками проливалась русская кровь за этот идеал. Поэты и философы, ученые и государственные мужи, военные и политики писали об этом, каждый по-своему. В России по этому вопросу существует целая литература, и она существует издавна... Сегодня, когда враг для воплощения своей мегаломанской мечты Берлин — Багдад довел ситуацию до нынешнего положения дел, вопрос сам со-

* Прогрессивный блок — объединение депутатских фракций IV Государственной думы и Госсовета Российской империи, образованный в августе 1915 г. преимущественно из представителей парламентских партий прогрессистов, кадетов и октябристов, которые сыграли важную роль в ходе подготовки Февральской революции.

бой встал и был включен в повестку дня. Союзники на своих конференциях, строя будущую карту Европы, вернулись к этому вопросу и решили его в смысле осуществления тысячелетней мечты и в смысле жизненной потребности России»⁷³. В том же номере было опубликовано интервью с Н. Пашичем, где он кратко резюмировал свое видение будущего Сербии, которое тесно связывал с Россией: «Для нас, сербов, это вопрос освобождения нашей страны, оставленной завоевателю, который творит насилия, ставшие известными. Идея Великой Сербии жива в сердцах всех сербов, и мы с нашими союзниками ее осуществим»⁷⁴.

Надежда на русскую помощь во всех сербских начинаниях была крайне распространена в сербском правительстве⁷⁵. Посланник Сербии М. Спалайкович в телеграмме, направленной из Петрограда 25 февраля (10 марта) 1917 г., сообщил Н. Пашичу об аудиенции у Николая II княгини Елены Петровны (1884—1962), дочери короля Петра I Карагеоргиевича и супруги князя Иоанна Константиновича Романова (1886—1918). Он доложил о высоком уровне поддержки, которой Сербия пользовалась в России в эти последние дни накануне революции: «Царь хорошо настроен и прекрасно отзывался о нашем корпусе и генерале Живковиче, который пользуется всеобщим уважением и симпатиями. Престиж сербов у царя еще больше укрепился, по сравнению с румынами, в которых царь полностью разочаровался [...] Княгиня Елена всё больше превращается в символ кровной и политической связи между нашим народом и Россией. Тактичная и исключительно умная, она исполняет свои обязанности наиболее полезным для нашего отечества способом»⁷⁶. Направление перемен в сербском вопросе в результате Февральской революции в России очень ясно описал в своем донесении Н. Пашичу от 6(19) марта 1917 г. сербский генеральный консул в Одессе М. Цемович. Он констатировал, что «до вчерашнего дня, до переворота, сербская национальная идея имела наиболее искреннего защитника в лице царя Николая. Любовь, истинная любовь бывшего царя по отношению к Сербии и сербскому народу помогла, чтобы высшая бюрократия приняла идею Югославии. С падением царя и с ним старого

бюрократического аппарата было разрушено в значительной мере то, что мы до сих пор делали и сделали в политических кругах старого режима. Отношение партий в Думе к нашему вопросу было разнообразным, но ни у одной группы не было довольно ясным и определенным»⁷⁷.

Дальнейшую перспективу развития ситуации в России не могли понять и оценить даже лучшие сербские дипломаты. Наиболее интересные оценки закулисной стороны событий в Петрограде дал в своем дневнике находившийся в далеком Лондоне сербский дипломат Й. Йованович-Пижон. Он уже 1 марта 1917 г. отметил, что вся английская элита оценивает ситуацию в России как крайне плохую, а спустя три дня, 4 марта, записал, что его английские собеседники хвалились тем, «что это они вызвали революцию в России и подготовили ее. Мы несколько раз напоминали царю об опасности того, что германское (*т.е. консервативное. — А.Т.*) влияние слишком возросло, но он не слушал, и вот что с ним приключилось». Наконец, 6 марта 1917 г. Й. Йованович-Пижон отметил, что в основном «англичане довольны событиями в России», «везде говорят о том, что англичане и французы замешаны в революции»⁷⁸. Проведение предварительных консультаций с союзниками (прежде всего с англичанами), организаторами февральского переворота, в позднейшей российской историографии нашло своих исследователей⁷⁹, но сразу после самих событий они имели исключительно академический интерес. Заметки Пижона об организации переворота в России давали лишь предположения, мало интересные для оперативной политики. Отречение Николая II принесло политической элите Сербии взволнованность и обеспокоенность...

Примечания

¹ *Спалајковић М., Лавров С.В., Челноков М.В., Клисић Ј.* Драма Русије. Београд, 1919; *Petrov G.S.* Tragedija Rusije: prolog. Uzroci revolucije 1917. g. Sarajevo, 1922; *Јовановић Р.С.* Зашто сам и како био и остао у Русији од 1913. до 1923. године: кратки меморандум министру спољних послова Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. Београд, 1925.

² *Скородумов М.Ф.* Што треба да зна сваки Словен, а нарочито сваки словенски политичар. Београд, 1939.

³ *Матјушкин Н. И.* 29-та годишњица велике октобарске револуције. Београд, 1946; *Ђилас М.* О тридесетогодишњици Октобарске револуције: реферат на свечаној академији Извршног одбора Народног фронта Југославије. Београд, 1947.

⁴ См.: Извори историјског ревизионизма у домаћој историографији. Црвена армија и руска емиграција у Југославији за време Другог светског рата у огледалу анти ИБ-овске пропаганде (Приређ. А.Тимофејев). Београд, 2017.

⁵ Литература о руској револуцији 1917 г. на србском језику выходила в то время тољко в политической емиграцији. На пример, см.: *Амосов Н. К.* 34-та годишњица Велике Октобарске социјалистичке револуције. Букурешт, 1951.

⁶ *Рид Џ.* Десет дана који су потресли свет. Сарајево, 1954; *Пејовић-Протић Б.* Октобарска социјалистичка револуција. Београд, 1955.

⁷ *Панић-Суреп М.* Октобарска револуција и библиотекарство // Библиотекар. 1957. № 3–4; *Филиповић Д.* Октобарска револуција у југословенској књижи // Там же; *Вурдеља Б.* Октобарска револуција 1917. Изложба у Универзитетској библиотеци Светозар Марковић // Там же.

⁸ Октобарска револуција: 40 година. Загреб, 1957; *Вукичевић Л.* Успомене из Октобарске револуције: пролетерска отаџбина // Зборник Матице српске за друштвене науке. 22. Нови Сад, 1959.

⁹ Научни скуп «Октобарска револуција и народи Југославије» поводом 50-годишњице Велике октобарске револуције. Београд, 1967. Св. 1–10; Зборник радова у част 50-годишњице Велике октобарске револуције. Приштина, 1967; *Поповић Н.Б.* Југословени и октобарска револуција: научни скуп одржан у Београду 5. и 6. новембра 1967 // Прилози за историју социјализма. 1968. № 5.

¹⁰ *Јанковић Д.* Дејство октобарске револуције на политичке факторе југословенског уједињења // Југословенски историјски часопис. 1967. 1–4; *Јанковић Д., Храбак Б., Стулли Б.* 50 година Велике октобарске револуције // Там же; *Петровић Н.* Велика октобарска социјалистичка револуција и стварање југословенске државе // Зборник Матице српске за друштвене науке. № 46. Нови Сад, 1967; *Весовић М.* Октобарска социјалистичка револуција: југословенска историографија књига и брошура 1945–1966 // Прилози за историју социјализма. Београд, 1968. № 5.

¹¹ *Поповић Н.Б.* Југословенска централна комунистичка организација у Русији: 1918–1921 (магистарски рад, Универзитет у Београду, Филозофски факултет, 1966); *Поповић Н.Б.* Односи Србије и Русије у Првом светском рату: 1914–1918 (докторска дисертација, Универзитет у Београду, Филозофски факултет, 1975).

¹² *Живанов С.* Покрет радничке контроле у Русији у 1917–1918. године (магистарски рад, Висока школа политичких наука, Универзитет у Београду, 1964); *Живанов С.* Радничко учествовање у управљању национализованом индустријом у првим годинама совјетске власти: 1917–1921 (докторска дисертација, Универзитет у Београду, Висока школа политичких наука, 1966).

¹³ *Живанов С.* Револуција у Русији 1917. године: кључна питања, основни токови и социјални и политички носиоци. Београд, 1988; *Поповић Н.Б.* Србија и царска Русија. Београд, 1994.

¹⁴ *Станковић Ђ.* Никола Пашић и Октобарска револуција // Историја 20. века. 2001. № 2.

¹⁵ *Живанов С.* Пад руског царства. Београд, 2007; он же. Црвени октобар. Београд, 2012.

¹⁶ *Поповић Н.Б.* Србија и руска револуција: 1917–1918. Београд, 2014.

¹⁷ *Јанковић Д.* Југословенско питање и Крфска декларација 1917. године. Београд, 1967; *Трговчевић Љ.* Научници Србије и стварање југословенске државе: 1914–1920. Београд, 1986.

¹⁸ *Храбак Б.* Србија и фебруарска револуција 1917. године // Зборник радова Филозофског факултета. № XIII. Приштина, 1978. С. 7–58.

- ¹⁹ Там же. С. 9.
- ²⁰ *Щеголев П.Е.* Падение царского режима // Стенографические отчеты опросов и показаний. Т. 5. Ленинград, 1926. С. 189.
- ²¹ *Katkov G.M.* Russia 1917: The February Revolution. London, 1967.
- ²² *Аврапетов О.Р.* Генерали, либерали и предпретници: рад за фронт и за револуцију (1907–1917). Београд, 2005.
- ²³ *Сидоров А.Л.* Финансовое положение России в годы Первой мировой войны (1914–1917). М., 1960; *Игнатъев А.В.* Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции (февраль–октябрь 1917 г.). М., 1966; *Яковлев Н.Н.* 1 августа 1914. М., 1974.
- ²⁴ *Миронов Б.Н.* Благостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. М., 2010; *Mironov B.N.* The Standard of Living and Revolutions in Russia, 1700–1917. New York, 2012; *Миронов Б.Н.* Страсти по революции: Нравы в российской историографии в век информации. М., 2013.
- ²⁵ *Храбак Б.* Указ. соч. С. 9.
- ²⁶ *Вендел Х.* Борба Југословена за Слободу и Јединство. Београд, 1925; *Paulova M.* Jugoslavenski odbor: povijest jugoslavenske emigracije za svjetskog rata od 1914–1918. Zagreb, 1925; *Mandić A.* Fragmenti za historiju ujedinjenja, povodom četrdesetgodišnjice osnivanja Jugoslavenskog odbora. Zagreb, 1956; *Pavelić A.S., Meštrović I.* Dr. Ante Trumbić: problemi hrvatsko-srpskih odnosa. München, 1959; *Marjanović M.* Londonski ugovor iz godine 1915. Prilog povijesti borbe za Jadran : 1914–1917. Zagreb, 1960.
- ²⁷ *Храбак Б.* Указ.соч. С. 51, 57.
- ²⁸ И не только предвидела, но и способствовала его установлению с самого начала Первой мировой войны. См. подробнее: *Тимофеев А., Кретић Д.* Руска војна помоћ Србији за време Првог светског рата. Београд, 2014.
- ²⁹ Этот меморандум цитируется в телеграмме, которую министр иностранных дел С.Д. Сазонов послал дипломатическим представителям России: в Лондоне (А.К. Бенкендорфу), в Париже (А.П. Извольскому) и в Белграде (Г.Н. Трубецкому). См.: Международные отношения в эпоху империализма: документы из архивов царского и Временного правительств 1878–1917 гг.: Серия 3: 1914–1917. Т. 7. Ч. 1. М.–Л. С. 66–67.
- ³⁰ Там же. С. 112.
- ³¹ *Станковић Ђ.* Никола Пашић, савезници и стварање Југославије. Зајечар, 1995. С. 36, 43, 46.
- ³² *Митровић А.* Србија у првом светском рату. Београд, 1984. С. 106–107.
- ³³ Международные отношения в эпоху империализма... С. 114.
- ³⁴ Там же. С. 112.
- ³⁵ *Писарев Ю.А.* Сербия на Голгофе и политика великих держав. 1916 г. М., 1993. С. 144.
- ³⁶ *Трговчевић Љ.* Указ.соч.
- ³⁷ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Политархив. Д. 5270. Л. 17.
- ³⁸ Эти предположения оказались провидческими, так как разъяренная потерей Далмации Италия в период между мировыми войнами стала не только претендовать на Хорватское Приморье, но и поддерживать ирредентистские настроения среди хорватов, черногорцев и албанцев, превратившись на время существования Югославии в главного врага Белграда. До 1914 г., в 1941–1944 гг. и после 1991 г. отношение к сербам со стороны итальянцев было лучше, чем со стороны большинства соседей Сербского государства.
- ³⁹ Чешское видение противостояния между Й. Дирихом (1847–1927) и Т. Масариком (1850–1937) реконструировано в: *Фирсов Е.Ф.* Т.Г. Масарик в России и борьба за независимость чехов и словаков. М., 2003.

- 40 Эту картину крайне пластично, хотя и с позиции традиционной ненависти к хорватам-франковцам, описал командир сербского добровольческого корпуса М. Живкович (Војни архив – ВА. П. 16. К. 44. Ф. 1. Д. 12. С. 203–205).
- 41 Архив Югославии (далее – АЈ). Ф. 80. Ф. 2. С. 466–468.
- 42 Там же. С. 710.
- 43 Там же. С. 469.
- 44 Там же. С. 472.
- 45 *Јстребов Н.В.* Великая Сербия, как разрешение южно-славянского вопроса в великой войне 1914–15 гг. // Вопросы Мировой войны: сборник статей. Петроград, 1915.
- 46 Там же. С. 172.
- 47 В донесении от 4 апреля 1917 г. капитан де Малейси из французской военной разведки с очевидным преувеличением даже назвал С.Д. Сазонова «английским агентом». – См.: *Соловьев О.Ф.* Революция глазами Второго бюро (донесения сотрудников французской разведки капитана де Малейси и генерала Нисселя) // Свободная мысль. 1997. № 9.
- 48 АЈ. Ф. 80. Ф. 2. С. 466.
- 49 *Timofeev A., Živanović M.* Carnegie Report on the Causes and Conduct of the Balkan Wars 1912/13 in Serbia // Tokovi istorije. 2017. № 1.
- 50 АЈ. Ф. 80. Ф. 2. С. 392.
- 51 Там же. С. 480.
- 52 Там же. С. 473.
- 53 Там же. С. 708; Народна библиотека Србије (НБС). Ф. Смирнов. Воспоминания о великом князе Константине Константиновиче. С. 2.
- 54 *Каширин В.Б.* Несостоявшаяся экспедиция русских вооруженных сил на Балканы осенью 1915 года // Новая и новейшая история. 2004. № 6. С. 175–203.
- 55 *Меннинг Б.У.* Пуля и штык. Армия Российской империи, 1861–1914. М., 2016.
- 56 *Broadbent H.* Gallipoli: The Fatal Shore. Camberwell, 2005; *Коленковский А.К.* Дарданелльская операция. М.–Л., 1930.
- 57 Сборник секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел. № 1 (декабрь). Петроград, 1917. С. 12–14.
- 58 Сам политик отрицал свое авторство (см.: *Милюков П.Н.* Старый подлог // Последние новости. Париж, 1921. №. 454. 8 октября. С. 2–3). Его современники в эмиграции посвятили доказательству достоверности письма несколько подробных исследований. См.: Лицо и изнанка // Возрождение. Париж, 1956. № 56. С. 135–145); *Ефимовский Е.* Политический сфинкс // Возрождение. Париж, 1960. № 102. С. 106–116; *Лодыженский А.А.* Воспоминания. Париж, 1984. В авторстве П.Н. Милюкова были уверены и многие советские историки. См.: *Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967. С. 288; *Кувшинов В.А.* Разоблачение партии большевиков идеологии и тактики кадетов (февраль–октябрь 1917 г.). М., 1982. С. 37; *Поликарпов В.Д.* Военная контрреволюция в России. 1905–1917 гг. М., 1990. С. 249–250; *Сенин А.С.* Александр Иванович Гучков. М., 1996. С. 153; *Смирнов А.Ф.* Государственная Дума Российской Империи, 1906–1917: Историко-правовой очерк. М., 1998. С. 582.
- 59 См., например, детальные аналитические справки американской разведки, написанные в 1945 г., когда вопрос Проливов вновь стал актуальным: The Soviet Union and the problem of the Turkish straits, T-516, January 24, 1945 (CIA-RDP08-C01297R000500030010-5), The Great Britain and the problem of the Turkish straits, T-517, January 24, 1945 (CIA-RDP08C01297R000500030009-7).
- 60 Сборник секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел. С. 26–28.

- ⁶¹ Из журнала Особого совещания 8 февраля 1914 г. // Вестник Народного комиссариата по иностранным делам. 1919. № 1. С. 32–41.
- ⁶² Константинополь и проливы // По секретным документам б. Министерства иностранных дел. Кн. 1. М., 1926. С. 156.
- ⁶³ Там же. С. 383.
- ⁶⁴ *Коленковский А.К.* Указ. соч. С. 17–18.
- ⁶⁵ Гражданская война в России: Черноморский флот. Сост. В. Доценко. М., 2002. С. 310.
- ⁶⁶ *Щеголев П. Е.* Указ. соч. С. 181–183.
- ⁶⁷ *Howard H.* The Partition of Turkey: A Diplomatic History, 1913–1923. Ch. 4. Norman, 1931.
- ⁶⁸ *Войков В.Н.* С царем и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М., 1995. С. 200–202.
- ⁶⁹ Комиссия приступила к работе в августе 1916 г., а официальный отчет о своей работе составила в начале февраля 1917 г. См.: *Officials of Royal Commissions of Inquiry 1870–1939 // Office-Holders in Modern Britain.* V. 10. London, 1995. P. 85–88.
- ⁷⁰ *Сидоров А.Л.* Финансовое положение России в годы Первой мировой войны (1914–1917). С. 434.
- ⁷¹ *Гурко В.И.* Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914–1917. М., 2007. С. 288–305.
- ⁷² Велики рат Србије за ослобођење и уједињење Срба, Хрвата и Словенаца: 1914–1918 г. Књ. 21. 1916 и 1917. година. Београд, 1931. С. 420–421, 425–426.
- ⁷³ Русија и питање Цариграда // Српске новине. 1917. 28 фебруара.
- ⁷⁴ Изјаве Г. Пашића // Там же.
- ⁷⁵ Велики рат Србије за ослобођење... С. 649.
- ⁷⁶ Архив Србије (АС). МИД. ПО. 1917. Ф. IX. Д. II. С. 84.
- ⁷⁷ Там же. Д. III. С. 173–181.
- ⁷⁸ *Јовановић-Пижон Ј.* Дневник (1896–1920). Београд, 2015. С. 251–253.
- ⁷⁹ *Сидоров А.Л.* Указ. соч. С. 434.

Политическое и пропагандистское противостояние поборников хорватской и сербской национальных программ в России в конце XIX – начале XX вв.*

Османская империя в XIX в. ослабела настолько, что ее распад уже не казался чем-то невозможным. Деградацию государства обуславливали как внутренние противоречия, так и внешнеполитические обстоятельства. На Балканах время, наступившее после поражения Наполеона, ознаменовано ростом влияния России. Ее геостратегическим приоритетом оставались Прованс, а в фокусе идеологических построений неизменно находился Константинополь как символический центр православия. Австрийская империя, – еще одна располагавшаяся неподалеку великая держава, заинтересованная в дележе турецкого наследия на Балканах, – стремилась к распространению своего влияния в направлении Салоник. В плане идеологии акцент делался на покровительстве католицизму и внедрении европейской культурной модели. Указанные интересы не могли не пересечься на некой территории, а две империи были обречены на столкновение – прямое или опосредованное.

Географические условия предопределили то, как мог бы состояться вероятный раздел османских владений на Балканах. В 1844 г. сербский государственный деятель Илия Гарашанин, осознававший роль Петербурга и Вены в этом процессе, в работе, посвященной внешнеполитической программе Сербии, констатировал следующее: «Эти две державы легко могли бы договориться, какие земли и пределы кому достанутся. Австрия

* Статья написана в рамках проекта «Српско друштво у југословенској држави у 20. веку: Између демократије и диктатуре (бр. 177016)», который финансирует Министерство просвещения, науки и технологического развития Республики Сербия.

может претендовать только на западные, а Россия — на восточные земли. И поэтому, может выйти так, что прямая линия, проведенная от Видина до Салоник, решила бы вопрос к удовольствию обеих сторон. Таким образом, в случае раздела все сербы оказались бы в австрийской части»¹. Следовательно, они не могли рассчитывать на то, что возрождаемое ими государство будет простираться по обе стороны границы, разделяющей зоны влияния великих держав, или пользоваться российским покровительством. Надлежало искать пути выживания и государственного развития в имевшихся обстоятельствах. Усиление и увеличение сербского государства не могло не привести к столкновениям с другими претендентами на османские территории и их население. Однако в середине XIX в. еще не было определено известно, кто выступит в роли таковых.

В 1870-е годы вслед за Гарашанином к проблеме раздела Османской империи обратился идеолог и лидер хорватской Партии права Антун Старчевич. По его словам, еще в годы правления Марии Терезии «Россия предложила Австрии разделить Турцию. В Вене это предложение барон Бендер (см. сноску 2. — *Прим. ред.*) растолковал следующим образом: “Выгода, полученная Австрией от раздела Турции, не восполнила бы понесенного ущерба. Тот надолго, может, на века постиг бы ее, ведь она спокойствие свое обрекла бы на гибель. Русские, став господами в стольких землях, где живут единоверные с ними славяне и греки, такое бы создали государство, которое для Австрии гораздо пагубней стало бы, чем исчезающая Турция. Соседство этого нового славянского государства прежде всего потому было бы пагубным для Австрии, что под его управлением оказалось бы множество славян и греков — народов, издавна склонных принимать русское господство” [...] Это написано более чем ясно»². Таковы обстоятельства, которые определяли, кто станет союзником, а кто неприятелем как для России с Австрией, так и для сербов с хорватами.

Статус-кво мог сохраняться еще некоторое время, однако уже в начале XIX в. он был нарушен в результате событий в самой Османской империи, которая не могла более эффективно контролировать собственные окраины. В 1804 г. жестокость и

самоуправство мятежных янычарских главарей спровоцировали восстание проживавших в Смедеревском санджаке сербов. Несколько десятилетий занял процесс формирования автономного Сербского княжества, сам факт существования которого послужил импульсом к появлению государствообразующих идеологий и устремлений в соседних пределах ориентального царства. Гонка, наградой в которой служили «куски» турецкого наследства, взяла старт. И ее не только нельзя было остановить, но и даже время от времени держать под контролем.

Славяне, говорившие на штокавском диалекте и населявшие южные области Австрии, а также северо-запад Османской империи, явили миру несколько государствообразующих и национально-интеграционных идеологий. Четыре из них участвовали в реальной политической борьбе в середине XIX в., когда ушло в прошлое зародившееся в Хорватии иллирийское движение: 1) *панславизм* как всеобъемлющая концепция славянского возрождения и потенциальная идеологическая основа для прочих более узких теорий; 2) *австрославизм/югославизм*, зародившийся в Габсбургской монархии и претендовавший на то, чтобы охватить всё штокавское население Балкан; 3) «*Начертание*» как концепция национального объединения сербов на территории Османской империи; 4) *Праваштво* как эксклюзивистская максималистская идеология национального объединения хорватов. В XIX — начале XX вв. «*Начертание*» (написано в 1844 г.) и теория хорватского государственного права (сформулирована в 1852—1894 гг.) служили двумя противоположными идеологическими полюсами. Что касается панславизма и австрославизма/югославизма, то они, как показала практика, использовались приверженцами сербской и хорватской идеологий в качестве тактических инструментов достижения главной цели — формирования собственного национального государства.

Праваша открывают Россию

Хотя оба создателя правашеской идеологии — Антун Старчевич и Эуген Кватерник — когда-то участвовали в иллирийском движении, отношения хорватов с остальными славянами

они оценивали по-разному. Первый жестко отвергал идею славянской взаимности, а также энергично, агрессивно и в известной степени вульгарно утверждал, что хорваты не имеют ни малейшего отношения к славянам. Славизм Старчевич заклеил как «плод адских козней Вены». Кваторник, напротив, «видел хорватов среди славян и югославян»³. Своими главными противниками среди хорватских политиков Старчевич считал представителей Народной партии и приверженцев идеологии австрославизма (Й.Ю. Штросмайера и Ф. Рачки). Существование сербской нации он отрицал, а сербов считал существами, не достойными называться людьми. Кваторник со своей стороны в отдельных высказываниях допускал существование сербов вне «земель хорватского государственного права» и не исключал сотрудничество хорватского и сербского государств в будущем⁴. Старчевич, когда делались подобные заявления, предпочитал помалкивать. В этом состояла тактика правашей, к которой они прибегали в той ситуации, когда им требовалась политическая поддержка сербов в противостоянии с Веной или Будапештом. Отношение к сербам – самое яркое проявление гибкости, характеризовавшей как политику правашей, так и прочие аспекты их деятельности.

В текстах вождя и идеолога партии Антуна Старчевича-Старого имеется масса примеров его презрительно шовинистического и расистски пренебрежительного отношения ко всем славянским народам в целом и к сербам в частности. Будучи последовательным в своем псевдонаучном подходе, Старчевич в «исследовании», озаглавленном «Имя Серб» (1868 г.), отвергает и сам факт существования этнонимов «славяне» и «сербы», утверждая, что это лишь латинские существительные «*sclavus*» и «*servus*». И то, и другое означает «раб» или «раб» вдвойне, когда речь заходит о «славосербах»⁵. В уничижительном смысле это слово неоднократно употребляется в памфлете «Отродь славносербское в Хорватии». «Рабское отродь» – такой смысл вкладывался в термин «славосербы» или в его синонимы – «срби» и «серби»⁶. До Старчевича о «славосербах» писал филолог Павел Йозеф Шафарик, который разделял южных славян на «славосербов» греческой веры (сербы и болгары) и

«славосербов» католической веры (далматинцы, боснийцы, славонцы и хорваты)⁷. «Славосербы» встречаются и у идеолога панславизма Яна Колара⁸, в трудах которого (как и у Шафарика) термин имеет нейтральную коннотацию. Однако, когда в 1868 г. в полемику с последователями Шафарика, Вука Караджича и Йозефа Добровского вступает Старчевич, он использует термин «славосербы» как для выражения презрительного отношения к тем, кто им обозначался, так и для высмеивания тех, кто употреблял его в научных целях⁹. Кроме того, к неологизму лидер правашей прибегал, чтобы заклеить собственных политических и идейных оппонентов в Хорватии (сторонников панславизма, австрославизма/югославизма и сербства), а также для того, чтобы изобличить два государства и народа — сербов и Сербию (за конкурирующую национальную идеологию) и русских и Россию (за панславизм и поддержку сербов). Старчевич полагал, что «исход славянства — только в российском государстве или в некоем союзе государств, которые стали бы “русскими адъютантами или капралами” и обрекли бы хорватов на исчезновение»¹⁰. Таким образом, небезосновательно считается, что Старчевич от славизма «открестился» еще в далеком 1852 году¹¹.

Правомерно озвучить несколько вопросов в связи с отношением вождя правашей к славянам. В чем тогда причина их интереса к России? Зачем они приезжали и чего старались добиться в крупнейшей славянской стране? Какими средствами? Каких результатов достигли?

Первым правашом на российской земле стал сооснователь партии Эуген Кватерник, побывавший в Санкт-Петербурге и Москве в 1858 г. Он вступил в сношения со Славянским комитетом, посредством которого стремился пробудить в России интерес к хорватскому вопросу. Представлялся Кватерник как «славо-хорват», желающий присоединиться к борьбе «славянства» против чужеземной власти. Петербургского профессора славистики и члена многих обществ И.И. Срезневского он уверял, что «в руках у него ключ, с помощью которого *всего за 14 дней* (так в тексте) можно собрать до 30.000 хорошо вооруженных хорватов-граничар», а вслед за ними поднять на

восстание «и весь разъяренный хорватский народ»¹². Кватерника принимали за русского «тайного политического агента, находящегося на торговой службе (в пароходстве)»¹³. 19 октября 1858 г. он перешел в российское подданство. Однако уже в марте 1860 г. отказался от него, разочаровавшись в России, не желавшей освободить хорватов от габсбургской власти¹⁴. 12 июля 1860 г. в письме к австрийскому министру иностранных дел Рехбергу (J.V. von Rechberg) Кватерник пишет: «В России я почувствовал, как поколебалась во мне славянская идея, которую я сам для себя и создал, подобно многим иным из моего народа. Я убедился в том, что русские изначально враждебно относятся к моему отечеству и народу, который в большинстве своем католического вероисповедания. И только лишь по этой причине! Поэтому русские, хотя и преисполненные недоверия, решили принять меня и употребить во благо моего народа и против Австрии, но не из любви к славянству, а побуждаемые страхом обмануть ожидания хорватского народа, отвергнув первого хорвата, представшего перед ними, дабы потом тем абсурднее бросить меня, надеясь, что я в лице всех окажусь скомпрометированным [...]»¹⁵. Итак, в России развеялись некоторые безосновательные ожидания Кватерника, который, как мы увидим, продолжил оставаться в плену прочих иллюзорных представлений.

В Петербурге и Москве Кватерник убедился, что Россия, помогая балканским народам, всегда будет оказывать предпочтение православным, а не хорватам. Не вызывало сомнения и то, что русские, если бы могли, разрешили Восточный вопрос в пользу самих себя и православных народов¹⁶. Поэтому процитированное выше письмо сообщает министру Рехбергу то, о чем он, по мнению адресанта, и не догадывался: «Движение христиан в Турции в том виде, как его организует Россия, противоречит интересам Дома Габсбургов; у хорватской народности отбирает, прежде всего, всю турецкую Хорватию от Савы вплоть до Неретвы и Буны. [...] а затем хорватскую Боснию между реками Босна и Дрина»¹⁷. В дальнейшем, в стремлении обрести какого-нибудь мощного союзника, Кватерник становится агентом польской национальной эмиграции. Мечтая о том, что «ря-

дом с Великой Польшей воскреснет и Великая Хорватия»¹⁸, он разрабатывает план франко-польско-хорватской политики, а в 1864 г. пишет предназначенную для польского революционного правительства «Памятку», в которой приходит к следующему заключению: «И, наконец, остается написать о России. Кому не известны ее усилия в пользу сербов, которые заходят так далеко, что отрицается даже наша народность? Ах, это сербство! Это нож в горло моему народу! Достаточно вспомнить поляков, а также то, что Хорватия по отношению к сербству русскими зовется не иначе как “Малая Польша”»¹⁹. Спустя 50 лет русские дипломаты снова прибегнут к этой выразительной аналогии, чтобы высказать свое сомнение в возможности продолжительного мирного сосуществования сербов и хорватов в одном государстве: «Отношения православной Сербии и католической Хорватии имеют много общего с польским вопросом»²⁰. Имелась в виду та острота, какую он приобрел в Российской империи.

Обстоятельства, положившие конец жизненному пути и карьере Кватерника, можно назвать авантюрно-романтически. Он погиб в 1871 г., подстрекая к восстанию краишников — жителей села Раковица в Лике. Будь он посдержанней, принял бы участие в новом крутом повороте политики правашей.

Русско-турецкая война 1877-1878 гг. и геополитические изменения, произошедшие после Берлинского конгресса, даровавшего международное признание и территориальные приращения Сербии, Черногории и Румынии, обусловили появление нового политического феномена — правашеского «русофильства». «До конгресса, — писал Старчевич, — мы всем сердцем ненавидели Россию, а после мы столь же сильно любим ее и на нее надеемся»²¹. В те годы лидер правашей написал серию статей, в которых он попытался сгладить противоречие между собственной ненавистью к славянству и надеждами, возлагаемыми на Россию как на вероятную освободительницу хорватов от Габсбургов. Разумеется, подобное выражение чувств было продиктовано не искренней принципиальной позицией, а соображениями тактической целесообразности: «Хорваты, молодые и старые, должны почитать и любить Россию, как они по-

читали и любили Францию Наполеона III и как будут почитать и любить любое другое государство, которое станет помогать притесняемым народам»²². Энтузиазм правашей, надеявшихся, что волна славянофильства вынесет на поверхность и хорватское независимое государство, длился с 1879 г. по 1887 г.²³. Затем последовал уход России с Балкан, а за ним и новый поворот политики Партии права.

Однако, если Эуген Кватерник еще в конце 1850-х годов понял, что ни хорватство, ни католичество не найдут поддержки в России, что же 25 лет спустя заставило отправиться туда его идейного единомышленника и яркого праваша Крунослава Херуца? А ведь он провел там почти всю свою жизнь.

Крунослав Херуц – «хорватский консул в России»

Крунослав Херуц родился в 1859 г. в Крижевцах, а в 1882 г. закончил Философский факультет в Загребе²⁴. Дата и обстоятельства его смерти неизвестны, а последние сведения о нем относятся к середине 1930-х годов²⁵. Идеологией правашей он увлекся еще в гимназии, а на факультете слыл «воинствующим старчевичевцем». В студенческие годы он познакомился с болгарскими студентами, обучавшимися в Загребе, в частности, с «революционным демократом» Илией Миларовым. Стать учителем Херуцу не позволили его радикальные политические воззрения, которые, однако, не помешали книгоиздательской деятельности, которой он посвятил себя в Загребе. Херуц дважды безуспешно пытался отправиться в Россию, обращаясь за помощью к С.-Петербургскому Славянскому благотворительному обществу²⁶. А весной 1885 г. ему пришлось бежать из Австро-Венгрии из-за угрозы наказания за распространение между домобранами* антигосударственной литературы²⁷.

Херуц нашел убежище в Болгарии, где у него со студенческих времен имелись друзья. Здесь он «вступил в тайную болгарскую организацию, добивавшуюся объединения Южной

* Королевское хорватско-славонское домобранство – австро-венгерские военные формирования на территории Хорватии и Славонии, существовавшие в 1868–1918 гг.

Болгарии или Восточной Румелии с Северной Болгарией»²⁸. По словам анонимного биографа Херуца, там ему «доверили важную миссию, выполняя которую он объехал большую часть Румелии как раз накануне восстания»²⁹. Когда в конце 1885 г. началась сербо-болгарская война, «Херуц стал одним из первых добровольцев, которые из южных, граничивших с Турцией районов, как на крыльях, перелетели на западную границу с Сербией, где они оказали большие услуги регулярной армии и первыми вошли в Пирот»³⁰. Будучи ординарцем в отряде капитана Костадина-Косты Паницы, Херуц выделялся энергичностью и храбростью, заслужил доверие командира, и в конце войны был представлен к награде³¹. В первые дни войны он выступал в роли главного медийного посредника между Европой и Болгарией, новости из которой поступали главным образом через Загреб³². Поражение Сербии в войне с Болгарией вызвало воодушевление, охватившее большую часть хорватского политического спектра, — от епископа Штросмайера до Анте Старчевича³³.

Однако политические волнения в Болгарии не утихали. За участие в путче против князя Александра Баттенберга Херуц в 1886 г. был изгнан из страны³⁴. Согласно его воспоминаниям, «жандармы и приставы добропорядочного стамболовского правительства постыдным образом гнали его до пристани и запихнули на австрийский корабль»³⁵. Косту Паницу — командира нашего героя — расстреляли в 1890 г. по обвинению в участии в заговоре против правительства. Очевидно, болгарско-хорватское сотрудничество, направленное против сербов, началось задолго до 1930-х годов, а у его истоков стояли не Анте Павелич с Ванчо Михайловым. И не удивительно, ведь изначальное отсутствие взаимных претензий облегчало согласование интересов Хорватии и Болгарии — стран, каждая из которых претендовала на те же территории и население, что и Сербия. Подтверждений тому множество, а наиболее явное относится к периоду мировых войн. Более ранний этап кооперации двух национальных движений в ущерб третьему остался вне поля зрения сербской историографии. Вероятно потому, что Хорватия в то время еще не обрела государственность, а правашами никто специально не занимался.

К. Херуц, «изгнанный из Болгарии, направился в Россию через Одессу, где его, как мнимого стамболовского шпиона, ожидали крупные неприятности. Претерпев лишения, добрался он до Москвы, а после, ценой невероятных усилий, ему удалось переехать в Петербург»³⁶. Однако нельзя сказать, что Херуц оказался в России без чьей-либо помощи. Еще находясь в Болгарии, он в связи с переездом просил хорватского историка и политика каноника Франьо Рачки похлопотать за него перед российскими историками и славистами Владимиром Ламанским и Нилом Поповым³⁷. Однако, вместо ожидаемой «поддержки» Ламанский и его окружение уготовили Херуцу «преследования». 24 октября 1888 г. он жаловался Ф. Рачки: «Выдумали, будто я еврей-выкрест и австрийский шпион. Как мне от них защищаться?»³⁸. Действительно, нелегкая задача, принимая во внимание его биографию.

Годами продолжалась переписка Херуца с Рачки, который вместе с епископом Штросмайером возглавлял конкурирующую Народную партию. Рачки, разумеется, был в курсе политических убеждений Херуца, писавшего из России статьи для газет «Слобода» и «Хрватска»³⁹. Когда речь шла о борьбе за национальные интересы за границей, правашам и народнякам удавалось преодолевать разногласия по многим принципиальным вопросам. Например, Рачки соглашался с правашами, что «народ хорватский поныне располагает законным правом собственности на всю территорию от Бояны до Дрины и Дуная»⁴⁰. С этим и Кватерник не стал бы спорить, а Старчевич бы сделал лишь одно замечание — отодвинул бы границы до Болгарии. Как отмечал Й. Бадалич, Рачки не упускал случая указать на «необходимость, чтобы и мы, хорваты, на том или ином поприще культурной деятельности брали пример с братьев-русских, старались для своей же пользы приблизиться к русской культурной сфере»⁴¹. О том, что Херуц полностью разделял это мнение, свидетельствует его письмо, написанное Рачки в 1889 г.: «Мы сами должны популяризировать здесь в России свои идеи. Недопустимо сидеть сложа руки, будто кто-то другой о нас позаботится. Чтобы это стало возможным, нам нужно здесь, прежде всего, материально укрепить, нужно

иметь несколько образованных и *совершенно независимых людей* (курсив Херуца)»⁴². В том же году «независимый» Херуц получил финансовую помощь от Ф. Рачки⁴³. Этот факт выглядит тем значительней, если вспомнить, что Рачки ни деньги, ни рекомендации не раздавал кому попало⁴⁴.

Поначалу Херуц в Петербурге проживал в комнате, которую ему в своем доме уступил редактор «Славянских известий» Виссарион Комаров. На место приказчика в книжном магазине А.С. Суворина он поступил благодаря тому, что Ф. Рачки похлопотал за него перед председателем Славянского благотворительного общества графом Н.П. Игнатьевым. На новой должности Херуц освоил книгоиздательское дело и обзавелся деловыми знакомствами, что позволило ему открыть на Невском проспекте (дом 74) «Русско-славянский книжный склад», со временем превратившийся в самостоятельное издательство и торговое предприятие. Первые средства на собственную фирму Херуц накопил как сотрудник российских издательств. Кроме того, считается, что и возглавляемое Игнатьевым общество оказало ему помощь в размере 500 рублей⁴⁵. Однако, согласно одной из статей, которую, вероятно, в марте 1917 г. написал сам Херуц, Анте Старчевич в 1889 г. «от лица Партии права отправил Славянскому благотворительному обществу в Петербурге сначала известную сумму денег для открытия общеславянского книжного магазина в Петербурге, а затем и собственное доверенное лицо, которое распространяло на славянском юге русские книги и русский язык»⁴⁶. «Доверенным лицом», по-видимому, был Марко Дошен, который в следующем году прибыл в Петербург и с которым Херуц организовал продажу русских книг в Хорватии. Впоследствии Дошен стал «доверенным лицом» и Анте Павелича⁴⁷.

В Петербурге Херуц работал в журнале «Славянские известия», в котором он отвечал за библиографию и тематику, связанную с хорватами, сербами и словенцами. В 1889 г. на церемонии, приуроченной к основанию журнала, он произнес следующую речь: «Среди многочисленных славянских народов и у хорватов есть свое место. Я как хорват с гордостью напоминаю вам, что в моем отечестве развивается славянское движе-

ние, а простой народ поет старую песню “Многая лета северному брату, да поможет ему Бог”. Интеллигенция, по славянскому обычаю, хоть и очень разобщена, но под руководством наших славных вождей Штросмайера и Старчевича начинает понимать, что единственное спасение — в сближении с великой и мощной Россией... Хорваты были авангардом Запада на Востоке, (но), надеюсь, станут и авангардом Востока на Западе. Верю, наступит время, когда хорватов по праву назовут бастионом славянства»⁴⁸. В то время у Херуца имелись определенные соображения, по которым он не стал описывать специфические представления Старчевича о «славянском отроде» и роли России в международной политике.

Чтобы «закрепиться» в русской среде, Херуц женился на петербурженке Любове Тимофеевой⁴⁹. Перед венчанием он перешел в православие, то есть, по собственному выражению, «обрусел»⁵⁰. Решая собственные житейские проблемы, Херуц не забывал о политической пропаганде. В статьях, появившихся в российской печати, в лучшем свете предстал епископ Штросмайер, а шеф Партии права превозносился над всеми его современниками: «Штросмайер на культурном, а прочие благородные деятели на политическом поприще стоят много выше среднего уровня нашей сонной интеллигенции [...] Старчевича можно смело именовать “отцом отечества” [...] Он, в конце концов, увел хорватский народ с пагубного, оппортунистического и национал-эгоистического пути и указал ему, что спасение можно обрести лишь в единстве с Востоком»⁵¹. Таким образом, шовинист и расист Старчевич обзавелся атрибутами мессии и заочно предстал перед российской общественностью русофилом и противником хорватской национальной исключительности!

Как уже было сказано выше, в 1890 г. в российскую столицу прибыл еще один праваш — Марко Дошен⁵², которого Херуц сделал деловым партнером в собственном издательском предприятии⁵³. Согласно данным Хорватской энциклопедии (*Hrvatska enciklopedija*), партия отправила Дошена в Россию с заданием, но не говорится, с каким⁵⁴. В том же году компаньоны опубликовали книгу «Хорваты и борьба их с Австрией», автором которой указывался русский публицист Михаил Фи-

липпов⁵⁵. Предисловие и послесловие написал Дошен, скрывавшийся за псевдонимом М.Д. Билайградский⁵⁶. По-видимому, настоящим автором книги был сам Херуц, а Филиппова просто убедили поставить под ней свою подпись. Установить истинное авторство позволяет тот факт, что в качестве места издания на обложке указан Петроград. Так в те годы столицу Российской империи называли только балканские славяне. Более того, впоследствии утверждалось, что именно Херуц начал в 1914 г. кампанию за переименование Петербурга в Петроград⁵⁷. Книга изобилует подробностями хорватской истории, знать которые мог либо специалист, либо кто-то, кто обучался в Хорватии. Темам, связанным с Партией права и ее идеологами Старчевичем и Кватерником, в работе отведено значительное место, а в приложении приведены и их выступления в хорватском Саборе. Таким образом, за заголовком, предполагавшим весьма широкую тему, скрывалась лишь краткая история Партии права, написанная и напечатанная в интересах пропаганды ее идеологии. Книга предназначалась русской образованной читательской аудитории, которая должна была понять цели правшей или даже поддержать их.

Однако книга, написанная Херуцем, как и прочие его сочинения тех лет, не вызвала большого резонанса. Что неудивительно, принимая во внимание незначительный вес автора в русском обществе. Для Херуца это не стало неожиданностью, как видно из его письма Рачки, датированного 1888 г.: «Как не стыдно местным господам славянофилам, для которых, за исключением двух-трех, не существует славянофильства помимо православия! Они не способны не то что трудиться во имя культурного единства, но даже и рассуждать о нем»⁵⁸. То, по поводу чего негодовал Херуц, позднее вызывало схожие чувства у Степана Радича во время его пребывания в Санкт-Петербурге. В марте 1909 г. в письме супруге он жаловался на профессора Погодина, который заявил ему, что «хорваты – злейшие враги славянам, в том числе, сербам и русским, потому что, дескать, мы собираемся воевать с сербами»⁵⁹. Российский профессор находился под впечатлением от кризиса, вызванного аннексией Боснии и Герцеговины со стороны Австро-Венгрии, которая,

кроме того, угрожала нападением и Сербии. Погодин не мог не знать о крайних антисербских и антироссийских настроениях хорватов, известных своей воинственностью и лояльностью в отношении Австро-Венгрии. Уже тогда не составляло труда проследить разделительные линии следующей войны.

Херуц понял, что, будучи иностранцем и католиком (несмотря на переход в православие!), он не достигнет многого, если не сойдется с людьми влиятельными. Значительный шаг в этом направлении он предпринял в 1908 г., устроившись библиотекарем в Государственную думу⁶⁰. Это позволило ему занять определенное место в обществе, о чем свидетельствует и тот факт, что в 1908 г. – в разгар столыпинской аграрной реформы – он оказался в числе основателей петербургского общества «Русское зерно», ставившего целью развитие ремесла и сельского хозяйства. Во главе общества были авторитетные общественные и политические деятели: член Государственного совета В.И. Денисов, депутаты Государственной думы В.И. Стемпковский и Д.П. Марин, публицист А.А. Столыпин (брат председателя правительства)⁶¹. А среди них и Херуц – заместитель секретаря и член корреспондентской комиссии. Из объединения он по собственному желанию вышел в 1913 г.⁶², то есть спустя два года после убийства П.А. Столыпина и провала реформ. Этот круг знакомств ему более не мог быть полезным. Помимо многочисленных статей, напечатанных, в том числе, и в таких влиятельных газетах, как «Правительственный вестник» и «Известия», Херуц в годы перед Первой мировой войной публиковал и самостоятельные труды. Их характер позволяет заключить, что, работая в Думе, он не забывал о политической пропаганде. Правашеская концепция решения национальных проблем южных славян наиболее полно и откровенно представлена в его брошюре «Всеславянство и Хорватия», увидевшей свет в 1914 г.⁶³. Именно тогда наступило время новых судьбоносных событий.

Политическое противостояние сербов и хорватов в России во время Первой мировой войны

Противостояние сербской и хорватской концепций образования национального государства вышло за пределы Балкан

и получило продолжение на территории Российской империи. Там во время Первой мировой войны действовало несколько групп официальных и неофициальных политических представителей сербов, хорватов и словенцев: 1) представители сербского правительства (дипломаты, офицеры, интеллектуалы); 2) представители Югославянского комитета (политики и интеллектуалы – хорваты); 3) отдельные группы, представлявшие хорватские и словенские интересы («Русско-хорватское общество памяти Крижанича» и другие, связанные с ним организации, редакции, российские чиновники и бывшие военнопленные – хорваты и словенцы по национальности).

Центральной фигурой среди тех, кто в России во время Первой мировой войны пытался воспрепятствовать дипломатическим, военным и пропагандистским усилиям Сербии, был К. Херуц: «Маленького роста, бойкий, подвижный, весьма аккуратный блондин с большой русой бородой и веселыми, выглядывающими из-под нависших желтых бровей, глазами, “осыпающий словами, неправильно произносимыми”»⁶⁴. Он пользовался всесторонней поддержкой со стороны словенца Фердинанда (Льва) Тумы (1883–1961), а также широкого круга помощников разных национальностей. Если Херуцу посвящено несколько научных работ, то о Туме известно гораздо меньше. Однако имеющиеся в наличии источники и литература позволяют проследить и его деятельность⁶⁵.

Что касается сербской стороны описываемого противостояния, то ее представляли посольство в Петрограде во главе с посланником Мирославом Спалайковичем, Сербский добровольческий корпус под командованием генерала Михайло Живковича, консульство в Одессе во главе с консулом Марко Цемовичем, военное представительство в лице полковника Бранислава Лонткиевича. На пропагандистском поприще действовали эмиссары сербского правительства – видные ученые: Александр Белич, Станое Станоевич, Радован Кошутич, Милош Московлевич и Радослав Йованович. Определенная роль отводилась и представителям Югославянского комитета в России – Анте Мандичу, Франко Поточняку и Миливою Ямбришаку.

До 1917 г. сербские представители в России делали упор на воплощении программы «*Начертания*». Со своей стороны К. Херуц, связанные с ним объединения и отдельные его сторонники пытались сорвать любые планы объединения сербов или южных славян, которые реализовывала Сербия, а также саботировали формирование Сербского добровольческого корпуса в России. Они отстаивали хорватскую и словенскую самостоятельность — в границах монархии Габсбургов или за ее пределами, но только не в одном государственном образовании с Сербией и Черногорией. Российское правительство защищало сербские интересы вплоть до Февральской революции, после которой политика Петрограда начала меняться, а влияние неуклонно падать. С весны 1917 г. Сербия начинает переориентироваться с программы объединения сербов на проект создания многонациональной Югославии⁶⁶. Корфская декларация стала одновременно и подтверждением данного изменения политического курса, и его следствием. Однако ее подписание не означало конец противостояния поборников двух эксклюзивистских государствообразующих концепций — сербской и хорватской. Судить об этом позволяет и тот факт, что в России во время Гражданской войны большая часть сербов перешла на сторону белых, а хорватов и словенцев — на сторону красных. Свой выбор объясняла группа хорватов и словенцев, оставивших ряды Добровольческого корпуса: «Всеми силами хотим содействовать победе наших идеалов в рядах русской революционной армии. [...] В руках русской армии сейчас не только судьба и свобода русского, но и всех малых народов. Все они выиграют, если она одержит верх»⁶⁷. Приведенная цитата — свидетельство гибкости, адаптивности идеологии правашей, главной силой которых стали находившиеся в то время в России военнопленные хорватской национальности. Координировала и направляла их возглавляемая Херуцем организация.

Херуц становился всё более влиятельной фигурой, что проявилось в создании нескольких отдельных объединений, которые, впрочем, занимались одним и тем же. И все они напрямую или опосредованно находились под его контролем.

Главными достижениями стали «Русско-хорватское общество памяти Крижанича», деклариовавшее развитие культурного сотрудничества хорватов и русских, а также оказание помощи оказавшимся в России военнопленным из числа южных славян. Херуц основал общество в Москве 7 августа 1915 г. вместе с хорватским переселенцем, крупным торговцем и владельцем кафешантана «Стрельба» Иваном Гарапичем, журналистом Львом Тумой, а также чехом Сватоплуком Коничеком (псевдонимы: Степан Горский, Сперанский)⁶⁸. В состав «Крижанича» входило и объединение «Славянские беседы», занимавшееся культурно-просветительской проблематикой⁶⁹. Летом 1916 г. плодом сотрудничества «Крижанича» и русско-словацкого общества «Людевит Штур», возглавлявшегося Л.М. Савеловым, стала новая организация — «Славянское веселье»⁷⁰. Считается, что с Херуцем было связано и существовавшее в годы Первой мировой войны общество «Славия», которое он, якобы, создал как некий прообраз великой России⁷¹. В октябре 1915 г. Коничек и Гарапич основали в Москве «Общество православных чехославян», выступавшее за «возвращение чешского народа в лоно православия» и «восприятие восточнославянского взгляда на мир»⁷². Эти лозунги предназначались российской публике, а реальная деятельность организации началась с отправки телеграммы С.Д. Сазонову. Министру иностранных дел рекомендовалось «предложить Сербии вывести свои войска из той части Македонии, которая по договору от 1912 г. принадлежала Болгарии»⁷³. Праваши извлекли урок из своих прежних неудач в России, однако главное направление собственной политики менять не собирались.

В 1915—1917 гг. «Крижанич» и его сотрудники оказывали жесткое противодействие официальным представителям Сербии и Югославянского комитета и, прежде всего, пытались помешать формированию Сербского добровольческого корпуса. Причиной тому служило намерение организовать собственные «добровольческие легионы» в России⁷⁴. Для подстрекательства служащих корпуса к дезертирству⁷⁵ Херуц установил связь с офицерами, имена некоторых которых удалось установить: Вилим (Вилко) Марион, Гашпар Пекле, Йован Пишкулич, Стеван

Батон, Драгутин Груич, Драгутин Пичинич, Степан Супанц, Иво Жгайнер⁷⁶. По оценке генерала Живковича, из 250 хорватских и словенских офицеров корпуса «агентами» Херуца могли быть около 80⁷⁷. Створ политиков и военных имел следствием углубление существующих противоречий в корпусе, в частности, между православными и католиками. Этому посвящены многочисленные научные работы и сборники документов⁷⁸. 12 декабря 1916 г. генерал Живкович докладывал сербскому посланнику в Петрограде Спалайковичу: «Имею сообщить Вам об одном явлении, которое грозит девальвацией всей прежней деятельности по созданию Добровольческого корпуса. Я имею в виду разветвленную и организованную австро-венгерскую шпионскую сеть в России. Как мне сказал член Югославянского комитета др. Поточняк, Вам известно о действиях, которые длительное время предпринимали Геруц, Тума и др. в отношении собранных и организованных добровольцев»⁷⁹. Что касается сообщника Херуца Вилима Мариона, то впоследствии стало известно, что он итальянец, в связи с чем его вернули в лагерь для военнопленных⁸⁰. Однако это не положило конец подрывной в отношении корпуса деятельности итальянского консульства в России и его агентов, о чем Живкович поставил в известность Спалайковича⁸¹.

Благоприятные условия для деструктивной деятельности сложились в корпусе, когда, по воле царя Николая II, началась принудительная мобилизация пленных югославян и их отправка в добровольческие части. Организованное сопротивление, с которым сталкивались сербские офицеры, пытавшиеся создать из мобилизуемых армию, приводило к эскалации конфликта. Херуц и Тума писали об этом главе российского правительства Б.В. Штюрмеру: «Неслыханное поведение со стороны сербских офицеров привело, наконец, часть добровольцев к открытому неповиновению, и 23 сего октября, на площади перед вокзалом две роты взбунтовались. В тот же день, в другой роте насильно записанных в добровольцы южных славян, некоторые, в виде протеста против террора, стали кричать “Ура!” Францу Иосифу и “Долой короля Петра!”. Конвою было приказано взять их на штыки, и в результате 13 мертвых и множество тяжело и легко

раненых»⁸². Общество «Крижанич» опубликовало и «Меморандум о беспорядках в Сербском добровольческом отряде», в котором, помимо прочего, содержались требования, во-первых, прекратить отправку военнопленных в Добровольческий корпус, во-вторых, переименовать его в Югославянский и, в-третьих, назначить командирами русских офицеров⁸³. В случае выполнения перечисленного сербское правительство утратило бы всякое влияние на корпус, а сам он перестал бы соответствовать своему изначальному предназначению.

Предвзятая трактовка разгоревшегося в корпусе конфликта впервые озвученная Херуцем, впоследствии переключалась на эссеистику и научную литературу, не утратив при этом своего национально-мобилизующего и прикладного политического значения. В 1928 г. в связи со смертью Степана Радича Мирослав Крлежа написал: «В Одессе это началось. В кровавой Одессе, на “канатном заводе”, где шла резня en masse, и где, когда закапывали трупы, одному могильщику сказали, что не его дело, кто эти люди, потому что “это хорваты”. В Одессе шла резня, там трещали кости, там захлебывались утопленники. И только 23 октября 1916 г. было расстреляно тринадцать хорватов после восстания на Куликовом поле»⁸⁴. Эмоциональным описанием Крлежи впоследствии вдохновлялся историк И. Очак, представивший свою версию событий: «Дискриминация достигла апогея ночью 30 октября 1916 г., когда состоялся массовый суд Линча и погибло 13 хорватских добровольцев, а многие получили ранения. Крлежа назвал произошедшее “Одесской резней” на “Канатном заводе”»⁸⁵. Очаку удалось еще более исказить события. Он пишет о «ночном суде Линча над хорватскими добровольцами», хотя погибли не только хорваты, произошло всё не 30 октября и не ночью, а утром. И, все-таки, круг замкнулся — херуцевская пропагандистская уловка разрослась до исторического мифа, который обрел и научное подтверждение.

Обстоятельствами гибели людей занималась российская следственная комиссия, отчет которой может считаться наиболее достоверным имеющимся в нашем распоряжении источником. Расследование установило следующее: под воздействием

слухов о больших потерях, понесенных Первой добровольческой дивизией в Добрудже, распространявшихся тремя дезертирами, солдаты 4-й роты 5-го полка Второй добровольческой дивизии, расквартированной в Одессе, не ответили на приветствие своего командира подполковника Милошевича (серб из Сербии) и отказались от «сербского» завтрака. «Когда дежурный офицер подп. Турина (хорват из военплен.) спросил, почему люди не ответили батальон. к-ру, то они заявили, что “это сербское приветствие, а мы австрийские солдаты; мы присягали Францу Иосифу”. Затем раздались крики: “Да здравствует Австрия!”, “Долой короля Петра!” Подп. Турина, желая схватить зачинщиков, хотел вывести роту из казармы, но приказания его не были исполнены. Тогда названным офицером вызвана была вооруженная команда из соседней 1-ой и 2-ой рот для охраны оружия и ареста зачинщиков. В результате произошла ожесточенная схватка, причем убиты были 2 хорвата и 1 серб, тяжело ранены 2 хорвата, легко ранены 4 хорвата и 1 серб; задавлены во время давки на лестнице 9 хорв. и 1 словинец, а всего 20 челов. (Донес. следств. комиссии)»⁸⁶. Огнестрельное оружие не применялось — кого-то закололи штыком при попытке овладеть оружием, кто-то погиб в давке⁸⁷.

Описанные события дали Херуцу, Туме и их помощникам обильный материал для дальнейшей дискредитации и деморализации корпуса посредством публиковавшихся ими газет и банального распространения слухов. На руку им был и ход военных действий — поражение в Добрудже, большие потери, понесенные сербской армией в ходе Битольской операции, Февральская революция, упадок российских государственных институтов и развал армии... В апреле 1917 г. сербский консул Марко Цемович телеграфировал Пашичу: «Известное общество “Крижанич” наносит нашей одесской организации опасные удары. Перед нами — широкое поле национальной деятельности в Москве, в которой необходимо безотлагательно открыть наше консульство»⁸⁸. Весьма схожим образом положение описывал и хорватский член Югославянского комитета Франко Поточняк. Согласно его наблюдениям, югославяне-католики в России группировались, дабы противостоять сербам. Кроме

того, имелись «связанные с Супило хорваты и агенты-провокаторы, внушавшие российскому правительству идею формирования хорватского корпуса из военнопленных, а также создания независимой Хорватии, в границах которой оказалась бы и Словения»⁸⁹.

«Агенты-провокаторы» действовали через Славянское благотворительное общество, обеспечивавшее им выход на министерство иностранных дел. Внутри его «наиболее сильные славофильские тенденции наблюдались в так называемом Статистическом отделении, то есть департаменте, которому специально вменено в обязанность следить за обстановкой в Австрии, собирать информацию для будущей мирной конференции, а также готовить предложения по разграничению с ней [...] Из югославян доверием Статистического отделения пользуются Крунослав Геруц и его люди»⁹⁰. Те настраивали дипломатическое ведомство против «объединения католиков, хорватов и словенцев, с православными сербами. Оно чинило препятствия деятельности Югославянского комитета, подержав группу Геруца, Гарапича и Тумы»⁹¹. Названные имели довольно прочные связи и в министерстве внутренних дел, которое через них «чешскому посольству в Петрограде, действовавшему в плотном контакте с др. Мандичем, сделало уже приобретенное общественный резонанс постыдное предложение, суть которого состояла в употреблении чешских и югославянских военнопленных в качестве шпионов русской полиции»⁹². Такое предложение, подразумевавшее наличие необходимого финансирования, не могло исходить от кого угодно. Поэтому генерал Живкович предположил, что Херуц, Тума и прочие состояли на двойной службе. Прежде всего, у австро-венгерского министерства иностранных дел, а также у «прогерманского» председателя российского правительства Штюрмера и его министра внутренних дел Протопопова⁹³. В пользу обоснованности подобных подозрений говорило то, насколько энергично и подробно Херуц и Тума опровергали их в своих газетах⁹⁴.

Компаньон Херуца Тума в сентябре 1915 г. основал общество «Югославия» и с октября 1916 г. по сентябрь 1917 г. издавал журнал «Jugoslavija—Югославия. Organ Slovencev». Изда-

ние, распространявшееся среди пленных бесплатно, печатало тексты на словенском, русском и хорватском языках. Политика редакции, во главе которой стоял чех Антон Микш⁹⁵, отражала херуцевские воззрения. Многие статьи, опубликованные в журнале, содержали откровенную или завуалированную критику генерала Живковича, которая подчас перерастала в агрессивную агитацию против Добровольческого корпуса и сербского правительства. Любопытно, что в марте 1917 г. на страницах «Югославии» появилась статья «Братьям хорватам и словенцам в России», написанная по правилам «исконного правописания» (которого придерживался Анте Старчевич-Старый) и подписанная «Старый хорват». По-видимому, Херуцу принадлежало авторство текста, который представлял собой явную пропаганду правашеской идеологии и апологетику ее создателей. В исторических реминисценциях, которыми изобиловала статья, хорваты и словенцы изображены как один народ, что вполне соответствовало взглядам правашей, называвших словенцев «альпийскими хорватами». И, наконец, в тексте излагались подробности создания херуцевского издательства в Санкт-Петербурге, которые мог знать только он один⁹⁶.

Представитель Югославянского комитета в Петрограде Анте Мандич неоднократно общался с Херуцем и Тумой, однако их отношения остались напряженными: «Обвиняли меня за то, что действую самостоятельно, по своему усмотрению, что с ними не советуюсь, что обо всем им только *post factum* рассказываю. Критиковали мою тактику: русских надо по голове бить, чтобы они хоть что-нибудь поняли. Рассказывали, чего они добьются своими скандалами и т.д. Тума всё это говорил по наивности, желая поспособствовать, а у Геруца имелись особые мотивы [...] Я буду за ними приглядывать»⁹⁷. Чтобы укрепить собственное посольство на пропагандистском фронте, сербское правительство осенью 1916 г. направило в Россию филолога-слависта Александра Белича и историка Станое Станоевича. Они прочитали многочисленные лекции — как в Петербургском университете, так и перед более широкой публикой, а также опубликовали по несколько газетных статей и более объемных трудов. В декабре 1916 г. сербские ученые проинформировали

председателя правительства Н. Пашича о полемике, развернувшейся во время чтения Беличем лекции в здании общества «Сборная Россия»: «В дискуссии, наряду с остальными, участвовали хорват Геруц и словенец Тума. Оба они, хотя и согласились с тем, что единственное спасение — в объединении и освобождении всех южных славян, в то же время особо подчеркнули, что нужно иметь гарантии того, что не возникнет гегемонии, например, сербской, и т.п. Сказано это было, разумеется, мимоходом и вскользь, однако нам стало ясно, что за этим стоит [...] Мы и в министерстве иностранных дел во время беседы (особенно с г. Прекланским) также обратили внимание на этих людей. Но там, по-видимому, не осознают всю их подлость. Поэтому нужно громить их именно здесь на месте»⁹⁸. Однако это уже было совсем не просто.

О Херуце давно известно, что «его политические воззрения представляли собой смесь славянофильства и франковской идеологии»⁹⁹. Первое служило привлекательной «упаковкой», в которой он «продавал» русским правашескую идеологию в ее франковском варианте. Это сочетание выглядит абсурдным, однако оно приносило серьезные плоды. Славянофильство и югославизм обеспечили легитимность правашеской идеологии: «В политических и общественных кругах он заклинал русских не отдавать хорватов и словенцев на откуп сербам, которые отплатят за это черной неблагодарностью. Умолял защитить хорватов от сербского шовинизма и национализма. Обещал, что благодарные хорваты будут за это вернейшими союзниками русским»¹⁰⁰. Для своих увещаний Херуц имел в распоряжении 30 лет. И он не терял времени даром. В начале 1916 г. Анте Мандич писал из Петрограда в Лондон Хинко Хинковичу: «Разные Геруцы и Тумы никогда бы не посмели выступить официально и защищать хорватов со словенцами от “насилия со стороны сербов”, если бы не знали, что это тому или иному придется по душе, что на их стороне — часть русского общества»¹⁰¹.

Со своей стороны, сербские силы в Петрограде пребывали в состоянии деморализации и дезорганизации. Об этом в своем дневнике пишет профессор Милош Московлевич, прибывший в сентябре 1917 г. в Петроград, чтобы сменить Александра Бе-

лица на посту главы Сербского института*. Московлевич, исповедовавший социалистические взгляды и приветствовавший Февральскую революцию, полагал, что Мирослав Спалайкович не подходил на роль посланника, а его неприятие революции вынудило Станое Станоевича покинуть Петроград. Однако хуже этого было то, что А. Белич не ладил с филологом-славистом Радованом Кошутичем и др Радославом Йовановичем, вместе с которыми ему следовало воздействовать на российские академические круги. Кроме того, Московлевич увидел, что секретари посольства Еврем Тадич и Михайлович конфликтовали с двумя другими секретарями – Фотием Станоевичем и Миланом Ненадичем. А с пятым сотрудником – М. Димитриевичем – вообще никто не разговаривал. В Сербском институте прибывший профессор застал только бывшего австро-венгерского офицера Латинчича и «секретаршу» Марию Константинову. Белич отсутствовал, так как находился в Одессе¹⁰². Перечисленные могли мало что сделать, чтобы составить конкуренцию многочисленным, организованным, прочно обосновавшимся противникам. А ведь всего три года назад сербские представители, возглавляемые как раз Беличем, нанесли поражение болгарам в пропагандистской войне, развернувшейся вокруг македонской проблемы¹⁰³. Причиной такой разительной перемены стал упадок сербских государственных институтов, произошедший после военной катастрофы 1915 г. И хотя сербский государственный аппарат пребывал в руинах, а элита не только поредела, но и находилась в унынии, борьба, тем не менее, была продолжена.

Чтобы дать отпор Херуцу и его помощникам, сербский консул в Одессе Цемович инициировал выпуск журнала «Славянский юг», первый номер которого вышел 17 апреля 1916 г. Редакцию возглавлял Милован Митричевич, а в роли авторов выступали Марко Цемович, Александр Белич, Милан Прибичевич, Милош Тривунац, Анте Ковач, Драгиша Живкович и др. В ответ Херуц и Тума в октябре 1916 г. стали издавать в Петро-

* Сербский институт – в годы Первой мировой войны действовал как легальный центр сербской пропаганды. Его основал и руководил им славист Александр Белич, а в 1917 г. его сменил славист Милош Московлевич. Изданиями института были «Русско-сербская библиотека» и журнал «Югославянское объединение» (*«Југословенско уједињење»*).

граде журнал «Jugoslavija—Югославия», в котором редко когда указывались имя и фамилия тех, кто в нем печатался. Наконец, в октябре 1918 г. Временный югославянский народный комитет в России начал выпускать газету «Уједињење», которую редактировал Милош Московлевич, следовавший политической линии сербского правительства. Издание выходило на сербском (на кириллице) и на словенском (на латинице) языках сначала в Челябинске, а затем в Красноярске — под покровительством сербского консула в Сибири Йована Миланковича. В марте 1919 г., когда Московлевича сменил Мирко Йованович, название изменилось на «Југословенско уједињење». В качестве цели декларировались организация и политическое информирование южных славян, военнопленных в России, добровольцев и беженцев из Сербии. В противовес «Югославянскому объединению» в 1918—1919 гг. выходила газета «Югославянин — Орган югославянской комиссии в России», которая озвучивала политическую платформу «диссидентского» движения и находилась под покровительством чешской организации в России.

Незадолго до Февральской революции, а именно 10 января 1917 г., командование Сербского добровольческого корпуса потребовало от командующего войсками Московского военного округа И.И. Мрозовского начать расследование в отношении Херуца и его приспешников, однако ответа не последовало¹⁰⁴. Растущие революционные настроения, а затем и отречение царя, состоявшееся 2 марта 1917 г., оказали парализующее воздействие на соответствующие российские государственные учреждения. Это подтолкнуло к поиску новых форм борьбы. 15 июня 1917 г., в день св. Витта, 14 унтер-офицеров и солдат штабной разведывательно-диверсионной роты (комиты) Добровольческого корпуса тайно отправились из Одессы в Петроград. Все они были сербами из Боснии, а командовал ими русский офицер сербского происхождения Липовац — сын генерала Йована Поповича-Липоваца. Завербовали их высшие русские военные и политические круги с целью ликвидации Ленина и его соратников. Подписавшиеся на дело сербы от предложенных денег отказались, заявив, что согласились участвовать в нем, руководствуясь не корыстью, а собственными

убеждениями. При этом они «заодно» собирались отправить на тот свет и Херуца с Тумой. В эти планы, по-видимому, были посвящены посланник Спалайкович, генерал Живкович, др Анте Мандич и др. Однако после поражения русской армии в Галиции в начале июля 1917 г. замысел утратил смысл, и заговорщики отказались от своих намерений¹⁰⁵.

В свете вышесказанного можно сделать вывод, что политическая и разведывательная деятельность правашей в России прослеживается вплоть до Октябрьской революции и Гражданской войны. К. Херуц уцелел в ней и устроился библиотекарем на Кавказе, пока еще неподконтрольном большевикам. Там он занимался книготорговлей, организовал общество «Кавказское зерно», Тифлисский городской кооператив «Огород», Тифлисское сельскохозяйственное общество «Церера», Кавказский книжный кооператив, писал о библиотечном деле и якобы даже был директором Кавказского библиографического института¹⁰⁶. Последние сведения о нем датированы 1934 г., когда он написал письмо Н.К. Крупской¹⁰⁷. Точное время и место его смерти до сих пор не удалось установить ни одному исследователю.

Впрочем, имеются некоторые сведения о семье Херуца. Его старший сын – штабс-капитан Георгий (Юрай) Круниславович-Стефанович Геруц, женатый на Евфимии Михайловне Колосовой, с июня–июля 1918 г. находился в рядах Красной армии, однако в сентябре 1919 г. перешел на сторону белых. Был начальником разведывательного отделения Селецкого фронта, а затем и Железнодорожного района. Схвачен и расстрелян большевиками в 1920 г. в окрестностях Архангельска¹⁰⁸. Что касается младшего сына Бориса, то К. Херуц полагал, что он погиб в 1919 г. Младшая дочь Зинаида погибла в ноябре 1919 г. в г. Гори в результате землетрясения. В письме, которое Херуц-старший отправил 14 декабря 1920 г. своему брату Луке, проживавшему в Крижевцах, он сообщал, что уцелела только старшая дочь Мария¹⁰⁹. И, все-таки, род Херуцев-Геруцев не пресекся. После Второй мировой войны эту фамилию носили пять жителей Волгограда, у двух из которых отчество было «Круниславович»¹¹⁰. Учитывая, что среди них имелись Борис Круниславович и Крунислав Борисович, можно предположить,

что младший сын нашего героя все-таки выжил и у него родился сын, которого он назвал в честь своего преисполненного духом авантюризма отца.

Заключение

На протяжении XIX в. лидеры хорватской Партии права в отношении России проявляли заинтересованность, носившую амбивалентный характер. С одной стороны, они жестко отвергали «славизм» как основу мировоззрения и противостояли реализации сербской национально-государственной программы, а, с другой, пытались использовать мощь Российской империи для достижения собственных политических целей. Такой подход не мог не привести к обострению имеющихся идеологических и политических противоречий, особенно в ситуации столкновения устремлений основных действующих лиц — России, Сербии, Австро-Венгрии и Хорватии. Со временем Партия права создала собственное неформальное представительство в России во главе с Крунославом Херуцем. В условиях Первой мировой войны оно разрослось до сети взаимосвязанных организаций, выполнявших значимую с нескольких точек зрения роль. Помимо пропаганды и продвижения хорватских национальных интересов, понимаемых в сугубо эксклюзивистском ключе, они оказывали содействие австро-венгерской и итальянской дипломатии в борьбе с Сербией, которую правящие считали своим главным врагом. Удавалось им это, благодаря обширным связям в российских государственных институтах, а также политических и общественных кругах.

Хотя сербские военные и политические представители в России обнаружили основные очаги nepřиятельской активности, им не сразу удалось распутать сложный клубок, в который сплелись многочисленные взаимосвязанные группы, организации, объединения и отдельные лица. Главная причина состояла в том, что после поражения, понесенного Сербией в 1915 г., ее утратившие движущую идею государственные институты и общественная элита пребывали в состоянии разброда, уныния и внутренней междоусобицы. Предпринятый в 1917 г. вынужденный разворот от идеологии сербской национальной

интеграции в сторону югославизма не устранил сербско-хорватских противоречий, а лишь изменил контекст, в котором они по-прежнему проявлялись. Столкнувшись с враждебной деятельностью, сербы не имели возможности ей воспрепятствовать. Оставалось лишь регистрировать результаты и выявлять основных ее участников.

Воспрепятствовать Херуцу законным путем не получалось возможным без согласия российских властей. А гражданские и военные представители оных не только подчас затруднялись распознать характер деятельности хорошо организованной и активной группы, но и нередко сотрудничали с ее членами. Это побуждало сербов к радикализации методов борьбы с многочисленным и умело замаскированным противником, что в свою очередь оборачивалось дискредитацией самой концепции национально неоднородных добровольческих соединений, которым надлежало стать стержнем будущего государства. Что касается российских официальных кругов, то им мешала понять, с чем приходится иметь дело, славянофильская риторика, с помощью которой К. Херуц — главный координатор сети агентов влияния — умело камуфлировал подлинные цели своей деятельности. В его руках «славянская взаимность» превратилась в эффективное средство реализации правашеской политической программы и распространения собственного влияния через российские государственные институты, включая министерства внутренних и иностранных дел. В России самое активное сопротивление правашам оказывали русские ученые — филологи и историки, которые лучше политиков понимали национальные отношения на Балканах.

Сербско-хорватско-словенскую политическую междоусобицу, которая ярким пламенем разгорелась в России во время Первой мировой войны, тогда попытались притушить с помощью агитации и средств силового воздействия. Однако неугасшие противоречия перекинулись и на Королевство СХС/Югославия и в значительной мере предопределили его судьбу. Новое государство стремилось преодолеть исключительный национализм собственных, всё более многочисленных народов, безуспешно пытаясь навязать им официальную идеоло-

гию — югославизм. Изначальная противонаправленность политических устремлений сербов и хорватов, оспаривавших в собственных национально-государственных интересах роль «Пьемонта южных славян», обусловила нежизнеспособность Югославии как демократического, а затем и какого бы то ни было государства, в принципе. Не спасли его и апелляции к австрославизму/югославизму, всеславянству, носившие сугубо тактический характер.

Небольшой группе авантюристов во главе с предприимчивым, умным, талантливым и идеологически последовательным лидером в экстремальных условиях Первой мировой войны удалось не только навязать части русского общества свое видение отношений славянских народов, но и снискать симпатии отдельных государственных и влиятельных общественных деятелей. Херуцу не помешало даже то, что многие в России считали его австрийским «лазутчиком», «агентом» и «шпионом». С самого начала противостояния с представителями конкурирующей политической программы Херуц со товарищи, благодаря не в последнюю очередь помощи австро-венгерской и итальянской дипломатии, всегда были на шаг впереди оппонента, успешно конкурируя с институтами двух государств — Сербии и России.

События, явления и процессы, освещенные в настоящей статье, сербской историографией на протяжении десятилетий либо игнорировались, либо освещались лишь частично и вскользь. Что касается науки югославской, то она рассматривала их сугубо через призму господствующей идеологии. Подлинный и полный смысл политической борьбы сербов и хорватов на территории России, ее комплексный многослойный характер, взаимосвязь с международными событиями и процессами, а также обусловленные ею долгосрочные последствия упорно ускользали от внимания исследователей. Главным препятствием вынесению суждений о природе и предназначении Югославии служила сама югославистская идеология и проводившаяся в ее духе политика. Ее императивом было избегать как постановки болезненных вопросов межнациональных отношений, так и критики догмы, будто Югославия возникла во исполнение «вековых устремлений ее народов».

Многочисленные документы и исторические факты показывают, что новое государство появилось как вынужденное решение, как результат компромисса и импровизации в условиях, когда иных средств не имелось, а международный контекст подталкивал к радикальным мерам. Ирония истории состоит в том, что Югославию создали сербские радикалы и хорватские правши. Многолетняя междоусобица приверженцев конкурирующих сербского и хорватского национально-государственных проектов неожиданно прервалась, когда на исторической сцене, бросая вызов всему прежнему мировому порядку, появились новые силы — коммунистическая идеология и советское государство.

Перевод А.А. Силкина

Примечания

- ¹ *Љушић Р.* Књига о Начертанију. Национални и државни програм Кнежевине Србије (1844). Београд, 2004. С. 189.
- ² *Starčević A.* Pasmına Slavoserbska po Hervatskoj. Zagreb, 1876. S. 101. (Старчевич ссылается на: *Ferrand Antoine François Claude, comte de.* Histoire de trois démembremens de la Pologne. T. I. Paris, 1820. P. 197.) Старчевич цитирует австрийского фельдмаршала Бласиуса Колумбана Фрайхера фон Бендера (Blasius Columban Freiherr von Bender. 1713–1798).
- ³ *Gross M.* Povijest pravaške ideologije. Zagreb, 1973. S. 81–82.
- ⁴ *Starčević A.* Pasmına Slavoserbska po Hervatskoj... S. 34–35, 55, 76, 88, 101–14; *Gross M.* Op. cit. S. 108.
- ⁵ *Jonjić T.* Rasno učenje i eugenika u hrvatskim zemljama do sredine 1930-ih godina // *Pilar – Časopis za društvene i humanističke studije.* God. X (2015). Br. 19(1)–20(2). S. 86.
- ⁶ *Starčević A.* Pasmına Slavoserbska po Hervatskoj... S. 102.
- ⁷ *Gross M.* Op. cit. S. 23.
- ⁸ *Bartulin N.* The racial idea in the Independent State of Croatia: origins and theory. Leiden/Boston: Brill, 2014. P. 34.
- ⁹ *Starčević M.* Dr. Ante Starčević i Srbi. Zagreb, 1936. S. 94–96.
- ¹⁰ Цит. по: *Gross M.* Op. cit. S. 130 (*Starčević A.* Bi-li k slavstvu ili ka Hrvatstvu? Zagreb, 1861. S. 6, 9).
- ¹¹ *Gross M.* Op. cit. S. 36, 71.
- ¹² *Očak I.* Građa za povijest hrvatsko-ruskih veza u drugoj polovini XIX stoljeća // *Historijski zbornik.* God. 19/20. 1966–1967. S. 380.
- ¹³ *Kuntić Lj.* Kvaternik i njegovo doba (1825–1871) // *Kvaternik E.* Politički spisi. Rasprave, govori, članci, memorandumi, pisma (priredila Lj. Kuntić). Zagreb, 1971. S. 8.
- ¹⁴ *Gross M.* Op. cit. S. 36, 112.
- ¹⁵ *Kvaternik E.* Op. cit. S. 101.
- ¹⁶ *Pavličević D.* Eugen Kvaternik o istočnom pitanju (1859–1868) // *Radovi Zavoda za hrvatsku povijest.* Vol. 28. Zagreb, 1995. S. 86–87.

¹⁷ *Kvaternik E.* Op. cit. S. 103.

¹⁸ *Gross M.* Op. cit. S. 115.

¹⁹ Цит. по: *Pavličević D.* Op. cit. S. 90 (*Bučar F.* Promemorija Eugena Kvaternika. Zagreb, 1936. S. 41).

²⁰ Посланник в Сербию – министру иностранных дел (Депеша № 9. 26 (13) января 1915 г.) // *Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов царского и Временного правительств 1878–1917 гг.: Серия 3. 1914–1917 г.* Т. 7. Ч. 1. Л., 1935. С. 114.

²¹ Цит. по: *Gross M.* Op. cit. S. 215–216 (Статья из газеты «Sloboda» от 9 января 1886 г.).

²² *Ibidem* (Статья из газеты «Sloboda» от 21 февраля 1886 г.).

²³ *Kronologija pravaštva. Povodom 150. obljetnice Stranke prava i 115. obljetnice smrti Ante Starčevića (priredio Mladen Kaldana).* Zagreb, 2011./2012. S. 35.

²⁴ При крещении якобы он получил имя Степан. Позднее представлялся как Крунослав. В России его иногда называли Круниславом, однако фамилию всегда писал как «Геруц». В болгарской литературе фигурирует как Кронислав Херуц.

²⁵ О Херуце см.: *Hrvatska svjedočanstva o Rusiji (priredio Josip Badalić).* Zagreb, 1945; *Jugoslavenski dobrovolci u Rusiji: 1914–1918. Zbornik dokumenata (priredio Nikola B. Popoviћ).* Београд, 1977; *Očak I.* Krunoslav Heruc, robornik rusko-hrvatskih veza potkraj XIX i na početku XX stoljeća // *Historijski zbornik. XXXVII (1984).* S. 139–163; *Vaščenko M. С.* Хорватский консул. Общественно-политическая деятельность Крунослава Геруца в России в 1880–1930-е гг. Saarbrücken, 2012; *Мелкадзе Н.В.* Крунослав Юрьевич Геруц: «Кавказский книжный кооператив», «Государственная кавказская библиотека», «Кавказское зерно» // *Короленківський читання 2013. Ч. 2.* Харків, 2014.

²⁶ *Očak I.* Krunoslav Heruc... S. 140–143.

²⁷ *Vaščenko M.* Krunoslav Heruc i promidžba velikohrvatske ideje u Rusiji. Nepoznata strana djelovanja "hrvatskog konzula" // *Časopis za suvremenu povjest.* Br. 2. 2011. S. 578; *Badalić J.* Uvod // *Hrvatska svjedočanstva o Rusiji...* S. 12.

²⁸ Цит. по: *Hrvatska svjedočanstva o Rusiji...* S. 12 (*Radić S.* Hrvatski konzul u Petrogradu // *Novosti.* 26. оžujка 1909). Херуц, по-видимому, был членом Болгарского тайного центрального революционного комитета (БТЦРК).

²⁹ Цит. по: *Očak I.* Krunoslav Heruc... S. 144 (Статья из газеты «Sloboda». Br. 293. 24. XII 1885).

³⁰ Цит. по: *Hrvatska svjedočanstva o Rusiji...* S. 12 (*Radić S.* Hrvatski konzul u Petrogradu).

³¹ *Венедиковъ Й.* История на доброволците от сръбско-българската война – 1885 г. с 13 картографически приложения и 25 портрети. София, 1935. С. 122, 123, 142, 148, 196.

³² Цит. по: *Hrvatska svjedočanstva o Rusiji...* S. 12; также см.: *Елдъров С.* Нашият специален дописник съобщава. Хърватският кореспондент и доброволец Крунослав Херуц за България и българите. София, 2005.

³³ *Gross M.* Op. cit. S. 237; *Grbešić G.* Od ilirskog pokreta i jugoslavenske ideje do neuralgičnih točaka u hrvatsko-srpskim odnosima u 20. stoljeću // *Diacovensia.* 21. 2013. 1. S. 93.

³⁴ *Badalić J.* Op. cit. S. 12.

³⁵ Цит. по: *Očak I.* Krunoslav Heruc... S. 146 (*Heruc K.* Od Sofije do Odese // *Hrvatska.* Br. 80. 8. IV. 1887).

³⁶ *Badalić J.* Op. cit. S. 12.

³⁷ Рачки с 1859 г. находился в переписке с русскими филологами, а в 1884 г. совершил поездку по европейской России и приобрел знакомства в научных и

политических кругах, о чем и оставил воспоминания (см.: *Badalić J.* Op. cit. S. 9–11; *Očak I.* Građa za povijest... S. 381–390).

³⁸ *Očak I.* Krunoslav Heruc... S. 147–148 (Хотя Херуц, по собственному признанию, был плохо принят Ламанским, Очак, зная это, тем не менее, пишет: «Укреплял связи с наиболее известными теоретиками славянофильства, как, например, университетские профессора-слависты В.И. Ламанский и П.А. Кулаковский и др.» (!) Сравни: *Ibid.* 152).

³⁹ *Očak I.* Krunoslav Heruc... S. 147 (Литературные обзоры отправлял в журналы «*Smotra*» и «*Dom i svijet*»).

⁴⁰ *Gross M.* Op. cit. S. 45.

⁴¹ *Badalić J.* Op. cit. S. 9.

⁴² *Očak I.* Krunoslav Heruc... S. 153.

⁴³ *Ващенко М.С.* Хорватский консул... С. 18.

⁴⁴ Например, отказ получил молодой Степан Радич, просивший Рачки – тогда председателя Югославянской академии наук и искусств – дать ему рекомендательное письмо перед поездкой в Россию. См.: *Krleža M.* Deset krvavih godina i drugi politički eseji. Zagreb, 1957. S. 258.

⁴⁵ *Firsov J.* Lev Tuma in Krunoslav Heruc: Ustanovitelja in meceni jugoslovanskih kulturnih društev v carski Rusiji // *Anthropos.* 1/4. Ljubljana, 2005. S. 466.

⁴⁶ *Braći Hrvatima i Slovencima u Rusiji // Jugoslavija-Югославия.* № 5–6. 27. mart 1917. S. 29–31.

⁴⁷ *Tko je tko u NDH.* Hrvatska 1941.–1945. Zagreb, 1997. S. 95–96.

⁴⁸ *Vaščenko M.* Krunoslav Heruc i promidžba... S. 579.

⁴⁹ *Badalić J.* Op. cit. S. 13; *Očak I.* Krunoslav Heruc... S. 162.

⁵⁰ *Truhelka Ć.* Uspomene jednog pionira. Zagreb, 1942. S. 113. Херуц сообщил об этом своему партийному товарищу Трухелке – археологу и историку, директору областного музея в Сараево, когда они в 1899 г. встретились в Москве. Херуц помогал и другим хорватам, приезжавшим в Россию, например, оказал теплый прием С. Радичу в 1909 г.

⁵¹ Цит. по: *Vaščenko M.* Op. cit. S. 580–581 (Славянские известия. 1889. № 1–2. С. 42. Под текстом стоит подпись «Дописник Славянские известия». Херуц опубликовал его как редактор рубрики. Вероятно, он его сам и написал).

⁵² Дошен Марко (1859–1944) – депутат Партии права в Хорватском саборе в 1913–1918 гг. После войны вступил в Хорватскую республиканскую крестьянскую партию (ХРКП), был депутатом Народной скупщины, а впоследствии присоединился к устамам. Павеллич отправил его в Болгарию в качестве своего полномочного представителя при Ванчо Михайлове. С 1942 г. – председатель Хорватского государственного сабора (Тко је тко у NDH. Hrvatska 1941.–1945. S. 95–96).

⁵³ В объявлении о продаже словаря русского языка подписались как „Komisionari "slavjanskago obščestva" Heruc i Došen" // *Naša sloga.* Br. 21. 22. maja 1890. S. 4.

⁵⁴ См.: *Ващенко М.С.* Хорватский консул... С. 17.

⁵⁵ Филиппов Михаил Михайлович (1858–1903) – русский писатель, журналист, философ, популяризатор естественных наук. Редактор и издатель журнала «Научное обозрение». Из того, чем он занимался, ничто не имело отношения к теме книги, которая опубликована под его именем.

⁵⁶ *Филиппов М.М.* Хорваты и борьба их с Австрией. Петроград, 1890 (Миряна Гросс, Степан Маткович и Михаил Ващенко полагают, что Филиппов не является автором этой книги).

⁵⁷ *Paulova M.* Jugoslavenski odbor. Zagreb, 1925. S. 44.

⁵⁸ Цит. по: *Očak I.* Krunoslav Heruc... S. 152 (Письмо Херуца Рачки от 10 (22) февраля 1888 г.).

⁵⁹ *Očak I. Krunoslav Heruc...* S. 157. Очак пишет, что профессором был М. Погодин. Однако, Михаил Петрович Погодин умер в 1875 г. Радич мог встретиться с Александром Львовичем Погодиным (1872–1947) – русским историком-славистом, который позднее эмигрировал в Королевство СХС и стал профессором Белградского университета.

⁶⁰ *Očak I. Krunoslav Heruc...* S. 156.

⁶¹ Столыпин Александр Аркадьевич (1863–1925) – журналист и политик, брат Петра Столыпина – председателя правительства (1906–1911 гг.).

⁶² *Токарев Н.В.* Общество «Русское зерно» и распространение агрокультурных инноваций в Тамбовской губернии в период столыпинской модернизации // Грамота. 2011. № 5. Ч. 3. С. 153–156; *Ващенко М.С.* Хорватский консул... С. 35–37.

⁶³ *Геруц К.Ю.* О Думской библиотеке. Несколько слов о задачах и об устройстве библиотеки Государственной Думы. Петроград, 1909; *он же.* Всеславянство и Хорватия. Петроград, 1914; *Vaščenko M.* Op. cit. S. 583–584.

⁶⁴ *Мелкадзе Н.В.* Указ. соч. С. 90.

⁶⁵ См., например: *Firsov J.* Op. cit. (В России вместо малопопулярного имени Фердинанд чаще использовал имя Лев).

⁶⁶ Об этих маневрах сербского правительства см. подробнее: *Шемякин А.Л.* Первая мировая война. Рождение Югославии // Югославия в XX веке. Очерки политической истории. М., 2011. С. 198–203.

⁶⁷ Декларација официра и ђака хрватске и словеначке народности што су иступили из Српског добровољачког пука, Одеса, V 1917 // Југословенски добровољци у Русији... С. 261.

⁶⁸ Сведения о них собраны на основе: *Šepić D.* Građa o radu istarskih predstavnika u jugoslavenskom odboru // *Vjesnik historijskih arhiva u Rijeci i Pazinu.* Vol. 11–12. (1966–1968). Studeni 1968. S. 247; *Očak I. Krunoslav Heruc...* S. 158; Меморандум команданта Добровольчкого корпуса Срба, Хрвата и Словенаца о инциденту группе офицера Хрвата и Словенаца у корпусу, Одеса 23. IV 1917 // Југословенски добровољци у Русији... С. 227; Војни архив (далее – ВА). П. 16. К. 44. Ф. 1. Д. 12. Л. 75. Добровольчки корпус. Извештај генерала Михаила Живковића; *Мелкадзе Н.В.* Указ. соч. С. 90.

⁶⁹ *Firsov J.* Op. cit. S. 468.

⁷⁰ *Ibid.* S. 470.

⁷¹ *Кацис Л. Ф., Одесский М.П.* «Славянская взаимность»: Модель и топика. Очерки. М., 2011. С. 129.

⁷² *Paulova M.* Op. cit. S. 169–170.

⁷³ *Ibid.* S. 170.

⁷⁴ *Мелкадзе Н.В.* Указ. соч. С. 92.

⁷⁵ См.: *Милорадович Г.* Карантин идей: Лагеря для изоляции «подозрительных лиц» в Королевстве сербов, хорватов и словенцев в 1919–1922 гг. М., 2010. С. 129–131; Армия без государства. От сербского к югославянскому добровольческому корпусу в России во время Первой мировой войны. Сборник документов (редакция: Горан Милорадович, Алексей Тимофеев, Ярослав Вишняков). М., 2014. С. 55–57, 142–144, 167, 177–181, 220, 261–272; Югословенски добровољци у Русији... С. 158–160, 166, 191–192, 227–235, 243–244, 271.

⁷⁶ *Očak I. Krunoslav Heruc...* S. 158; *Učešće jugoslovenskih radnih ljudi u Oktobarskoj revoluciji i građanskom ratu u SSSR. Zbornik dokumenata i materijala* (redaktor Milorad Simonović). Beograd, 1979. С. 484, 490; Югословенски добровољци у Русији... С. 43–45, 229–231.

⁷⁷ Меморандум команданта Добровольчкого корпуса Срба, Хрвата и Словенаца о инциденту группе офицера Хрвата и Словенаца у корпусу, Одеса 23. IV. 1917 // Југословенски добровољци у Русији... С. 234.

⁷⁸ *Максимовић В.* Споменица прве српске добровољачке дивизије: 1916–1926. Београд, 1926; *Dobrovoljci kladivarji Jugoslavije: 1912–1918* (zbrali in uredili: Ernest Turk, Josip Jeras, Rajko Paulin). Ljubljana/Maribor, 1936; *Ђурић А.Д.* Ка победи. Ратни дневник. Београд, 1938; Југословенски добровољачки корпус у Русији : прилог историји добровољачког покрета: 1914-1918 (учествовали у обради Илија Јовановић, Стеван Рајковић, Вељко Рибар). Београд, 1954); Југословенски добровољци у Русији... ; Армија без государства... ; *Мицић М.* Српско добровољачко питање у Великом рату (1914–1918). Ново Милошево/Београд, 2014.

⁷⁹ ВА. П. 16. К. 44. Ф. 1. Д. 12. Л. 69–70. Добровољачки корпус. Извештај генерала Михаила Живковића.

⁸⁰ *Paulova M.* Op. cit. S. 221–223.

⁸¹ Поверљиви извештај команданта Српског добровољачког корпуса генерала М. Живковића српском посланику у Русији М. Спалајковићу о италијанским активностима против Корпуса, 1. фебруара 1917. г. Одеса // Армија без государства... С. 218–221.

⁸² Письмо Л. Тумы и К. Геруца на имя министра иностранных дел Б.В. Штюрмера о столкновениях в корпусе, 31 октября 1916 г. // Армија без государства... С. 143.

⁸³ *Оџак I.* Krunoslav Heruc... S. 159.

⁸⁴ Цит. по: *Krleža M.* Op. cit. S. 275 (Stjepan Radić na odru // Književnik. God. I. Br. 6. Septembar 1928. S. 193–203).

⁸⁵ *Оџак I.* Krunoslav Heruc... S. 159.

⁸⁶ Рапорт генерал-лейтенанта С.Д. Чистякова главнокомандуюшему армиями Юго-Западного фронта генералу от кавалерии А.А. Брусилову, 9 января 1917 г. // Армија без государства... С. 173 (В документе ошибочно приводится фамилия подпоручика – Турника. Имелся в виду Оскар Турина из Краљевицы).

⁸⁷ Рапорт начальника Одесского военного округа генерала от инфантерии М.И. Эбелова главнокомандуюшему армиями Юго-Западного фронта генералу от кавалерии А.А. Брусилову о столкновениях в корпусе, 27 октября 1916 г. // Армија без государства... С. 147.

⁸⁸ Архив Србије. МИД. ПО. 1917. Ф. IX. Д. III. 213. Генерални конзул Краљевине Србије у Одеси Марко Цемовић министру иностраних дела Николи Пашићу, 10. април 1917.

⁸⁹ *Potočnjak F.* Iz emigracije. II. Zagreb, 1919. S. 51 (Член Југославјанског комитета Франо Супило придерживался правашеской идеологии и выступал против объединения с Сербией).

⁹⁰ *Paulova M.* Op. cit. S. 152–153.

⁹¹ *Šepić D.* Op. cit. S. 232.

⁹² *Paulova M.* Op. cit. S. 170.

⁹³ Об этом подробнее см.: ВА. П. 16. К. 44. Ф. 1. Д. 12. Л. 69–70. Добровољачки корпус. Извештај генерала Михаила Живковића; Меморандум команданта Добровољачког корпуса Срба, Хрвата и Словенаца о инциденту групе официра Хрвата и Словенаца у корпусу, Одеса 23. IV 1917 // Југословенски добровољци у Русији... С. 227–228.

⁹⁴ См.: Pamflet generala Živkovića // Jugoslavija-Югославия. № 7–8. 3. VII 1917. С. 44–46; Krokodilske suze // Там же; *Тума Л.* Письмо генералу Живковичу // Там же. С. 47–48 (Текст Тумы предназначался специально русскому читателю).

⁹⁵ *Firsov J.* Op. cit. S. 471.

⁹⁶ Braći Hrvatima i Slovencima u Rusiji // Jugoslavija-Югославия. № 5–6. 27. III 1917. S. 29–31.

⁹⁷ *Šepić D.* Op. cit. S. 247 (Писмо А. Мандића А. Трумбићу од 4. марта 1916).

⁹⁸ *Милорадовић Г.* Борба за душе: српска пропаганда у Русији 1916. године // Историјске свеске Андрићевог института. № 14. Фебруар 2015. С. 21.

⁹⁹ *Paulova M.* Op. cit. S. 44.

¹⁰⁰ *Ibidem.*

¹⁰¹ *Šepić D.* Op. cit. S. 291 (Писмо А.Мандића Х.Хинковићу од 13. јануара 1916).

¹⁰² *Московљевић М.* У великој руској револуцији. Дневничке белешке (приредио Момчило Исић). Београд, 2007. С. 57–58, 60, 63–64.

¹⁰³ *Гусев Н.* „Руски “фронт” борбе за Македонију: Срби и Бугари у Петербургу 1912–1913. године // Војноисторијски гласник. 2015. № 2. С. 77–95.

¹⁰⁴ Армија без государства... С. 144, 267. Об этом подробнее см.: РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Д. 2156. Л. 9.

¹⁰⁵ Три документа об этих событиях опубликованы: *Košćak V.* Prilog za historiju 1917. godine // Historijski zbornik. God. X. 1957. Br. 1–4. S. 131–136.

¹⁰⁶ *Ošak I.* Krunoslav Heruc... S. 162; *Мелкадзе Н.В.* Указ. соч. С. 93–96.

¹⁰⁷ *Ващенко М.С.* Хорватский консул... С. 84.

¹⁰⁸ *Волков С.В.* База данных «Участники Белого движения в России» на январь 2016 г. Буква «Г». С. 158. Дата обращения: 06.04.2017. http://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_04-G.pdf.

¹⁰⁹ *Ošak I.* Krunoslav Heruc... S. 162.

¹¹⁰ База жителей Волгограда. Дата обращения: 14.02.2017. <http://nomerorg.info/jitelivolgograd/>.

Татьяна Андреевна ПОКИВАЙЛОВА

Бессарабия в центре конфликта между Россией и Румынией и судьба румынского золота, перемещенного в Россию в годы Первой мировой войны

Первая мировая война породила много сложных, а порой и трудноразрешимых проблем, в том числе вопрос о территориальной принадлежности Бессарабии и румынского золота, вывезенного из Румынии в Россию.

Румыния, вступив летом 1916 г. после долгих колебаний в войну на стороне Антанты, вскоре начала терпеть военные неудачи. Германские войска и их союзники по Четверному союзу, разгромив румынские войска, оккупировали бóльшую часть территории Румынии. В связи с наступлением неприятеля на северо-восток страны, в г. Яссы переехали центральные учреждения, парламент, правительство, королевская семья, Национальный банк Румынии, частные фирмы. Золотой запас Румынии был также отправлен в Яссы. Здесь же находилось командование Румынским фронтом во главе с генералом Д.Г. Щербачёвым и российское посольство.

21 ноября (4 декабря) 1916 г. немцам был сдан г. Бухарест. Румынская армия как организованная сила перестала существовать. На спасение Румынии была брошена 500-тысячная русская армия¹. Но условия, в которых шла ее переброска, были крайне тяжелые: зимние холода, отсутствие поставок продовольствия, плохое обмундирование, плачевное состояние транспорта, бездорожье и т. д. Тем не менее, до лета 1917 г. Румынский фронт удерживался русскими войсками.

Со времени вступления Румынии в войну Россия оказывала своему союзнику огромную помощь: поставляла оружие,

снабжала румынскую армию продовольствием и обмундированием, строила и ремонтировала железные и шоссейные дороги и т. д.

Февральская революция 1917 г., начавшаяся в Петрограде, быстро докатилась до окраин России и оказала непосредственное влияние на русскую армию, в том числе и воевавшую на Румынском фронте. Воспользовавшись моментом, румынские власти начали разоружать русских солдат, чинить расправы над ними по политическим мотивам, захватывать склады с оружием и продовольствием. Грабежи и мародерство стали характерной чертой того времени.

В таких неблагоприятных условиях проходила эвакуация румынского золота, ценностей и другого имущества в более надежное место. Выбор пал на Россию, хотя были и другие варианты. Так, румынский финансист Морис Бланк предложил в качестве места размещения румынского золотого запаса Англию, утверждая, что Россия находится на пороге революции и поэтому является для данного предприятия ненадежным государством². И всё же руководство Национального банка Румынии отдало предпочтение России, полагая, что в условиях мировой войны транспортировка золота являлась делом весьма рискованным. Отправку золота в Англию оно посчитало еще более опасным, так как коммуникации с северными странами были прерваны, и транспортировка должна была осуществляться в том числе и по морю, которое «контролировалось» германскими подводными лодками. Заметим, кстати, что Николай II отправил свой личный золотой запас в Англию через Владивосток.

Первый эшелон был отправлен в Москву в декабре 1916 г. еще при царском правительстве. По прибытии тщательная проверка прибывшего груза не была проведена.

Второй эшелон с румынскими ценностями был отправлен в Москву 27 июля 1917 г. К этому времени политическая обстановка в России радикально изменилась. Монархия пала, царь отрекся от престола, и к власти пришло Временное правительство. В Москву были отправлены, помимо золота, драгоценности, картины, старинные иконы и книги, архивы Румынской

академии и королевской семьи, документы государственного архива, депозиты Национального банка, а также имущество монастырей и некоторых частных лиц. Весь груз оценивался в золотых леях, в том числе архивы, картины, рукописи, книги и т. д. Трудно сказать, каким образом определялась стоимость всего этого имущества. В целом набегала огромная сумма, причем лишь часть ее приходилась на золото и драгоценности. Так, золото оценивалось в 574 523 золотых лей и примерно в такую же сумму были оценены бумажные активы Национального банка³. Условия транспортировки нам не известны. Однако, исходя из сложнейшей ситуации, сложившейся на фронте, нельзя с уверенностью утверждать о полной сохранности румынских ценностей.

Поезд прибыл в Москву 3 августа 1917 г. Ящики с ценностями были размещены, как и ранее, в кладовых Московского Кремля. В ходе первых инвентаризаций румынских ценностей, проведенных уже при советской власти в 1923–1924 гг., констатировалось: все двери и замки оказались в исправности, печати были целы, каких-либо повреждений с внешней стороны не было, что свидетельствовало о том, что случайных проникновений в кладовые не было. Тем не менее, ящики лежали в беспорядке. При первоначальном осмотре было обнаружено, что, наряду с драгоценностями, а часто и вперемешку с ними, находились меховые вещи, уже изъеденные молью и покрытые плесенью, одежда, белье, старая поношенная обувь, металлическая, стеклянная и фарфоровая посуда, алюминиевые ложки, бумага для печатания дензнаков (108 ящиков), ящики с засохшей типографской краской и т. д. Здесь же находились восемь ящиков с вином и даже два ящика с порохом⁴. Золота, однако, не было.

Что же могло случиться с золотом? Достоверных сведений на этот счет нет. По одной из версий в декабре 1917 г. полковнику канадской армии Д.В. Бойлю (в некоторых работах он проходит как полковник английских спецслужб) и капитану английской разведки Дж. Хиллу удалось по просьбе румынского посланника К. Диаманди вывезти из Москвы в Яссы часть румынского золотого запаса и драгоценностей, упакованных

для маскировки в обычные плетеные корзины, а также бумажные банкноты, печатавшиеся для румынского правительства в России, — ими доверху было набито несколько купе вагона, следующего в Яссы. Бесценные сокровища, как пишет в своей книге воспоминаний «Моя шпионская жизнь» Дж. Хилл, «мы без эскорта перевезли по всей Московской железной дороге через край, где не существовало никаких законов и где полыхала гражданская война»⁵. Сколько золота им удалось вывезти, неизвестно. По некоторым, не подтвержденным данным, до трети всего золотого запаса. Не отрицая факта отправки денежных банкнот в Румынию, описанного в книге Дж. Хилла, румынские историки не подтверждают наличие в этом поезде золота⁶. Позже, летом 1918 г., румынское золото вместе с золотыми запасами России было вывезено в Нижний Новгород и Казань и попало, в конечном итоге, в руки Колчака. Известно и то, что лишь часть этого золота большевикам удалось отбить⁷. Данными о том, какое количество румынского золота находилось в хранилищах Казани, а затем было эвакуировано в Сибирь, мы не располагаем.

В конце 1917 — начале 1918 г. отношения между Румынией и Советской Россией крайне обострились. Накануне Нового (1918) года в Петрограде по распоряжению советского правительства был арестован румынский посланник К. Диаманди, который, однако, по требованию иностранных посольств, находившихся в России, через два дня был освобожден. После разрыва дипломатических отношений с Румынией 13 (26) января 1918 г. интересы Румынии в России стало представлять французское посольство. Французскому консулу в Москве П.Е. Лабонну были переданы ключи от двух кладовых Московского Кремля, где хранились румынские ценности. По крайней мере дважды эти ключи изымались у французского консула представителем НКВД в Москве В.М. Фричем и из хранилищ Кремля выносились ящики под тем предлогом, что там наряду с румынскими вещами находилось также и российское имущество⁸.

В связи со вступлением румынских войск на территорию Бессарабии, с 1812 г. находившейся в составе Российской империи, 13 (26) января 1918 г. Совет Народных Комиссаров принял

постановление, в котором говорилось: «1. Все дипломатические отношения с Румынией прерываются. Румынское посольство и все вообще агенты румынской власти высылаются за границу кратчайшим путем. 2. Хранящийся в Москве золотой фонд Румынии объявляется неприкосновенным для румынской олигархии. Советская власть берет на себя ответственность за сохранность этого фонда и передаст его в руки румынского народа. 3. Восставший против революции бывший главнокомандующий Румынского фронта Щербачёв объявляется врагом народа и ставится вне закона»⁹.

Заметим в связи с этим, что в середине 1960-х годов в румынском руководстве и в национальной исторической науке тезис о том, что «советская власть передаст золото в руки румынского народа», превратился в аргумент, позволявший настаивать на возвращении золотого фонда в Румынию, под тем предлогом, что в 1948 г. власть в Румынии перешла в руки трудящихся и там была установлена Народная республика¹⁰. Подобная интерпретация вызывала возражения. Советская сторона считала, что проблема может быть решена только в том случае, если Румыния вернет России долги, накопленные ею за годы Первой мировой войны. Факты свидетельствуют также о том, что на рубеже 1917–1918 гг. советское правительство не ограничивалось только одними заявлениями и нотами, адресованными румынским властям, — оно не оставляло мысли вернуть Бессарабию силой и сформировать там новое правительство. Это подтверждают документы российских архивов, в частности, протоколы заседаний Совнаркома, хранящиеся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ)¹¹. Такой вариант решения бессарабского вопроса вполне соответствовал доктрине РКП(б) о мировой революции. По личному распоряжению В.И. Ленина был образован специальный орган — Верховная автономная коллегия по борьбе с контрреволюцией в Румынии и на Украине*, которая должна была действовать в Одессе, где к тому времени была установлена власть Советов, и на Румынском фронте. 18 янва-

* В официальных документах советской власти она также называлась Верховной автономной комиссией по русско-румынским делам (сокращенно: Верховная автономная коллегия).

ря на заседании Совнаркома обсуждался вопрос о признании будущего советского бессарабско-румынского правительства. Анализ принятых на нем документов показывает, что речь шла об установлении на территории Бессарабии советской власти. С предложением по этому вопросу выступили В.Г. Чичерин и А. Орнатский*. Они представили Совнаркому проект декрета о признании будущего румынского (бессарабского) советского правительства и обратились с просьбой утвердить текст документа. В нем говорилось (пункт 3): «рабоче-крестьянское правительство Российской социалистической Республики приветствует первое Румынско-бессарабское социалистическое правительство советов, образовавшееся в составе тт. ... выражая радость по поводу усиления рядов революции новым социалистическим союзником. Российское социалистическое правительство передает в полное его распоряжение весь наличный золотой фонд и всё имущество бывшего румынского королевского правительства, находящиеся в пределах Российской Республики Советов». Однако это предложение членами Совнаркома было отклонено, поскольку они, вероятно, посчитали его преждевременным.

На следующий день, 19 января 1918 г., по ходатайству Хр. Раковского** и румынского революционера М. Бужора был рассмотрен вопрос о финансировании румынской революции в сумме 10 млн руб. золотом. К протоколу приложен лист исполнения с пометой: «передано лично Менжинскому»¹². Было или не было исполнено это постановление Совнаркома, неизвестно, и соответствующих документов на сегодняшний день не обнаружено.

Несколькими днями ранее, 15 января 1918 г., на заседании Совнаркома был заслушан доклад комиссии по подавлению румынской контрреволюции. В принятом постановлении го-

* А. Орнатский – советский политический деятель. С 1918 г. отошел от политической деятельности.

** Христиан Раковский (1873–1937 гг.) – румынский революционер болгарского происхождения, участник революционного движения на Балканах, во Франции, в Германии, России и на Украине, советский политический, государственный и дипломатический деятель. Весной 1917 г., спасаясь от преследований румынского правительства, перебрался в Россию. В начале 1918 г. был назначен представителем Совета Народных Комиссаров по русско-румынским делам. Возглавлял Верховную автономную комиссию по русско-румынским делам.

ворилось: «Утвердить предложенные комиссией мероприятия и ассигновать русско-румынской [Верховной] коллегии пять миллионов из арестованных в Москве румынских денег». Далее в документе имелась помета: «Взятые пять миллионов рублей покрываются из арестованного румынского фонда. Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин), Управляющий Делами Совета Народных Комиссаров Бонч-Бруевич»¹³.

16 января 1918 г., в соответствии с постановлением Совнаркома, в департамент Государственного казначейства на имя Д.П. Боголепова было направлено письмо, в котором говорилось: «Уважаемый товарищ, Совет Народных Комиссаров на своем заседании постановил ассигновать из средств Государственного казначейства румынской коллегии по румынским и бессарабским делам(так в тексте. — *Т. П.*) пять мил. руб. с покрытием этой суммы из арестованного в Москве румынского фонда. Сообщая об этом постановлении Совета, просим Вас принять меры к скорейшему проведению этой ассигновки, причем один миллион выдать румынскими знаками»¹⁴. Постановление подписал В.И. Ленин.

21 декабря 1918 г. заведующий румынским отделом НКВД В.И. Шеншев писал Хр. Раковскому: «Всё Вами порученное о Верховной Коллегии исполнено»¹⁵.

В связи с претензиями Румынии вернуть золотой запас, перемещенный в годы Первой мировой войны в Россию, советское правительство выдвинуло свои контрпретензии, касающиеся долгов Румынии России за непоставленное вооружение, обмундирование и т. д. и оставленное на территории Румынии и Бессарабии имущество русской армии. В документах, подготовленных ведомствами, занимавшимися подсчетом долгов Румынии России, подчеркивалось, что оставшееся на территории Румынии и Бессарабии имущество русской армии никуда не вывозилось — ни в Германию, ни в Австрию, ни на Украину. Румыны также не отказывались признать это имущество русским, подлежащим возвращению в Россию, а в случае его использования Румынией — оплате за счет румынской казны¹⁶. В то же время с имуществом, предназначенным для Румынии

и оставленным на Украине, дела обстояли не столь благополучно: оно постепенно исчезало, так как немцы вывозили его в Германию, а австрийцы в Австро-Венгрию. Да и украинцы были склонны рассматривать его как свою собственность. Более того, украинская сторона обратилась к румынскому правительству с просьбой признать за Украинской державой¹⁷ право на всё имущество русской армии, находившееся на территории Румынии и Бессарабии, и дать возможность Украине вывезти из Румынии продовольствие и обмундирование, оставленное после отхода русской армии с Румынского фронта¹⁸.

Представители Антанты (Англии, Франции, Италии и США) в письмах к румынскому правительству от 3 (16) марта и 24 мая (8 июня) 1918 г. подчеркивали, что румынское правительство связано обязательствами в вопросе о возвращении русского имущества, оставленного в Румынии, и что они признают за Румынией лишь право на временное хранение русского имущества, которое рассматривается в качестве залога за румынское имущество, оставленное в России. Союзные державы выступили с предложением создать Комиссию, призванную соблюдать законные права России как собственницы этого имущества, для составления описи и заведования этим имуществом. При этом Румыния рассматривалась как хранитель этого имущества, а союзники выступали в качестве гарантов. Важно, что союзные державы считали это имущество собственностью Российской империи, а не собственностью разных независимых государств, возникших в результате революции, претензии которых не подлежали удовлетворению. В то же время державы Антанты заявили о том, что они остаются на прежних своих позициях, подтвердив право Румынии на ее имущество, оставленное в России¹⁹.

Всё имущество российской армии, разбросанное по фронту, складировалось в крупных городах и центрах, таких как Болград, Батушанск, Бельцы, Роман, Сороки и др. Генералом Д.Г. Щербачёвым были сданы на хранение румынам склады русского военного имущества, содержащие громадные запасы оружия, боеприпасов, обмундирования и продовольствия. Как отмечал генерал Н. Монкевич, возглавлявший российскую

демобилизационную комиссию Румынского фронта, по согласованию и в сотрудничестве с румынским командованием было намечено провести инвентаризацию снаряжения российских войск²⁰.

Однако, несмотря на весьма масштабные организационные меры, принятые командованием русской армии, на практике действия ликвидационных комиссий сталкивались с огромными трудностями и препятствиями. Ситуация еще более обострилась в связи с вводом на территорию Бессарабии в январе 1918 г. румынских войск, о чем свидетельствуют донесения и рапорты, поступавшие российскому командованию и руководителям ликвидационных комиссий. Чаще всего требования о передаче имущества, оставленного на Румынском фронте, предъявляли представители Молдавской Республики и Украины. Однако эти претензии командованием Румынского фронта отклонялись, поскольку оно считало, что «всё войсковое имущество принадлежит Российской державе, а не какой-либо ее части, и что оно должно быть зарегистрировано с целью сохранения. Оно не может быть кому-нибудь передано лицами, охраняющими его»²¹.

Со времени вступления Румынии в войну на стороне держав Антанты в августе 1916 г., российское правительство, как уже отмечалось выше, оказывало своему союзнику огромную помощь. В Архиве внешней политики Российской Федерации хранится значительное число документов, подтверждающих огромную задолженность румынского правительства.

Рапорты и акты о российском имуществе, разграбленном или переданном на хранение румынским властям, поступали из многих румынских и бессарабских городов и населенных пунктов, таких как Тирасполь, Кишинев, Бакэу, а также от различных ведомств: санитарного, интендантского, артиллерийского и др.²².

В середине февраля 1918 г. вооруженное сопротивление румынским войскам в Бессарабии и наступление Красной армии на Украине, а также ее продвижение в направлении Бессарабии, заставили румынское правительство вступить в переговоры с представителями советской власти. Советское

правительство было также заинтересовано в разрешении конфликта с Румынией. При посредничестве представителя военных миссий Англии и Франции полковника английских спецслужб Дж. Бойля, а также румынских парламентариев, которые выехали из Румынии в Одессу в связи с разгромом румынской армии войсками Центральных держав и захватом большей части румынской территории, были налажены контакты с румынским правительством. 24 февраля (5 марта) 1918 г. Совет Народных Комиссаров Одесской области в ответ на предложение военных миссий Англии и Франции о переговорах с Румынией сделал следующее заявление: «Румынское правительство обязуется сделать формальную декларацию, касающуюся эвакуации из Бессарабии оккупационной румынской армии, прежде всего Бендер и Жебриан. Оккупационная армия в течение двух месяцев должна быть сокращена до размера отряда в 10 тысяч человек, обязанности которых будут заключаться в охране румынских складов и путей железнодорожного сообщения»²³. Кроме того, в заявлении говорилось: «Полиция в городах и местечках будет состоять из местной милиции, образованной из тамошних жителей. По мере эвакуации румынской армии русские военные силы займут эвакуированные места для поддержания порядка. Румынское военное командование отказывается от всякого вмешательства во внутреннюю и политическую жизнь Бессарабии. Оно не может производить аресты и не может исполнять функции, принадлежащие местным выборным властям. Румыния обязуется не предпринимать военных или других враждебных действий и не поддерживать таковые по отношению к Российской Федерации Советов». В документе также отмечалось, что комиссия, которая будет образована из представителей России, Румынии, Франции, Англии, Соединенных Штатов Америки, будет вменено в обязанность «разрешать все спорные случаи между русскими и румынами»²⁴.

В 1918 г. Англия, Франция и США рассматривали ввод румынских войск в Бессарабию как временную, чисто военную меру, вызванную потребностями войны. Как подчеркивал французский посланник в Яссах Сент Олер в своей телеграмме, направленной 5(18) марта французскому консулу в Кишине-

ве Сарре: «Все мои коллеги, все посланники других союзных держав и я сам уполномочен[ы] заявить Вам официально, что вступление румынских войск в Бессарабию является чисто военной мерой с целью обеспечения нормального функционирования тыла русско-румынского фронта в соответствии с правилами, существующими во всех воюющих государствах. По этой причине вступление румынских войск в Бессарабию не может оказать влияние на существующую политическую обстановку в Бессарабии, ни на будущую судьбу этой страны». В соглашении предусматривалось также, что если румынская армия будет вынуждена отступить на русскую территорию, она там найдет убежище и продовольствие. В случае военных параллельных действий против Центральных держав и их союзников устанавливается непосредственный контакт между Высшим военным командованием советской армии и румынским командованием.

5–9 марта 1918 г. между Советской Россией и Румынией было заключено полноценное соглашение, по которому румынское правительство обязалось в двухмесячный срок вывести свои войска из Бессарабии. Оно было подписано с румынской стороны председателем кабинета министров и министром иностранных дел Румынии генералом А. Авереску, а с российской – председателем Верховной автономной коллегии Хр. Раковским, а также представителями Румчерода*, Совета Народных Комиссаров Одесской области, главнокомандующим Южным советским фронтом²⁵. После подписания соглашения генерал А. Авереску заявил, что «считает с сегодняшнего дня конфликт улаженным»²⁶.

Таким образом, при посредничестве держав Антанты российско-румынский конфликт был ликвидирован. Главным, чего добилась Советская Россия на переговорах с Румынией, было то, что Румыния обязалась вывести свои войска с территории Бессарабии. Однако, воспользовавшись наступлением австро-германских войск на территорию Советской Украины

* Румчерод (май 1917 г. – май 1918 г.) – Центральный исполнительный комитет Советов, Румынского фронта, Черноморского флота и Одессы, созданный для контроля за обстановкой на Румынском фронте, в том числе и в Бессарабии. До 25 декабря 1917 г. его возглавляли эсеры и меньшевики, с 25 декабря 1917 г. – большевики.

и отступлением советских войск, румынское правительство не выполнило своих обязательств, нарушив тем самым это соглашение.

8 апреля 1918 г. в Румынский отдел НКВД из отдела по Румынии Главного управления пограничному снабжению поступила записка, в которой говорилось, что «Советская республика должна иметь гарантии в отношении возмещения нам этого долга (имеется в виду долг Румынии России, образовавшийся за годы Первой мировой войны. — *Т. П.*)», и было рекомендовано, чтобы «из предметов, заказанных у нас до настоящего времени, ничего не было вывезено в Румынию без соответствующего разрешения Отдела по ликвидации снабжения Румынии при Главном управлении пограничному снабжению (Главзагране). Вместе с тем до выяснения отношений между Россией и Румынией во всей их полноте в старое время не следует снимать запрета, наложенного на золотой фонд румынского правительства, выдачу какого-либо временно задержанного в видах обеспечения этим способом уплаты нам Румынией своего долга»²⁷. Впоследствии проблема возвращения румынского золотого фонда, драгоценностей и в целом румынского имущества, находившегося на территории России, перешла в плоскость вопроса о взаиморасчетах между советским и румынскими правительствами.

В 1921 г. вопрос о румынском золоте рассматривался на российско-румынских переговорах в Варшаве. В 1934–1935 гг., в условиях улучшения советско-румынских отношений в связи с подписанием мирного договора между двумя странами, Румынии были переданы архивные и государственные документы и некоторые ценные вещи. В 1956 г., в соответствии с имеющимися описями, все историко-художественные ценности, в том числе картины известных румынских художников, таких как Н. Григореску, Т. Амана, Шт. Лукиано, И. Андрееску и др., были возвращены Румынии.

Вопрос о возвращении золотого запаса поднимался румынской стороной и в дальнейшем, но каждый раз советская / российская сторона выдвигала свои контраргументы, переводя вопрос в поле взаиморасчетов.

Примечания

- ¹ *Мельтюхов М.И.* Бессарабский вопрос между мировыми войнами. 1917–1940. М., 2010. С. 15.
- ² *Romnişcanu M.Gr.* Tezaurului Român de la Moscova. Bucureşti, 2000. P. 24.
- ³ *Покивайлова Т.А.* Российско-румынские отношения в годы Первой мировой войны и проблемы взаиморасчетов // Первая мировая война и судьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2015. С. 605.
- ⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 8301. Оп. 1. 1923–1924. Особая комиссия ЦК ВКП(б) по разборке румынских ценностей. П. 35. Д. 10. Л. 35; Д. 12. Л. 56; Д. 14. Л. 69.
- ⁵ *Хилл Дж.* Моя шпионская жизнь. Пер. с франц. М., 2000. С. 144–172.
- ⁶ *Voicu M.* Tezaurul României de la Moscova. Invertarul unei istoriei de o sută de ani. Bucureşti, 2016. P. 137–139.
- ⁷ См.: *Сироткин В.Г.* Зарубежное золото России. М., 1999. С. 407, 443; Краткий отчет судной кассы за период с 20 октября 1916 г. по 21 июня 1918 г. // Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7733. Оп. 1. Д. 17. Л. 26.
- ⁸ *Pokivailova T.A.* Taina Cheilor de la depozitele Kremlinului de la Moscova // In memoriam Florin Constantiniu. Smerenie. Pasiune Credinţă. Bucureşti, 2013. P. 508.
- ⁹ Документы внешней политики СССР. Т. 1 (07 ноября 1917 г. – 31 декабря 1918 г.). М., 1957. Док. 52.; *Виноградов В.Н., Ерещенко М.Д., Семёнова Л.Е., Покивайлова Т.А.* Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. М., 1996. С. 198–199.
- ¹⁰ *Scurtu I.* Tezaurul de la Moscova. Bucureşti, 2013. P. 57–58; *Betea L.* Alexandru Bărlădeanu despre Dej, Ceauşescu Iliescu. Bucureşti, 1997. P. 159–174.
- ¹¹ Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917 – март 1918 г. М., 2006.
- ¹² Там же. Протокол № 50, пункт 3. С. 230, 232, 244.
- ¹³ Там же. Протокол № 47 от 15 января 1918 г., пункт 11. С. 118–119.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 04. Оп. 35. П. 227. Д. 52870. Л. 19.
- ¹⁶ АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 6. П. 101. Д. 16/2. Т. 1. Л. 5.
- ¹⁷ В апреле 1917 г., под влиянием событий, развернувшихся после Февральской революции в России, в Киеве был созван съезд Украинской Национальной партии, который избрал Украинский Центральный Совет (Украинскую Раду). 7 (20) ноября 1917 г. Рада провозгласила создание Украинской Народной Республики (УНР), автономной в рамках федеративной России. 22 января 1918 г. Рада провозгласила Украинскую Республику свободной и суверенной. В противовес этому в г. Харьков было создано советское правительство во главе с Хр. Раковским.
- ¹⁸ АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 6. П. 101. Д. 16/2. Т. 1. Л. 5.
- ¹⁹ Там же. Л. 8–8 об.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же. Л. 18, 18 об., 19, 19 об.
- ²² Там же. Л. 55, 55 об., 56, 56 об., 57.
- ²³ *Виноградов В.Н., Ерещенко М.Д., Семёнова Л.Е., Покивайлова Т.А.* Указ. соч. Док. № 19. С. 213.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же. Док. № 14. С. 287; док. 21, 23, 24. С. 215–217.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 6. П. 101. Д. 15/1. Л. 36.

Николай Александрович КОПЫЛОВ

Австро-Венгрия и Россия на полях Первой мировой войны. История одного славянского мифа

Первая мировая война 1914–1918 гг., как любое глобальное событие, изменившее ход истории, оставила после себя не только огромный комплекс спорных вопросов, загадок и тайн. Она породила большое количество мифов, которые вот уже столетие переходят из поколения в поколение в традиции устной памяти, а также кочуют по страницам различных книг и изданий — от журналистских статей до серьезных научных монографий. Эти мифы настолько утвердились в нашем сознании, что превратились в своего рода клише, которые неизменно возникают в сознании, стоит только услышать или прочитать какое-нибудь сигнальное слово.

Одним из таких мифов является история о том, как 28-й Пражский пехотный полк австро-венгерской армии, чуть ли не под музыку оркестра, стройными рядами промаршировал в русский плен. О ней неизменно вспоминают, стоит только произнести слова: «Первая мировая» и «чехи». Странно, что до сих пор, несмотря на отдельные публикации современных чешских историков, никто не усомнился в несуразности описания этого события. Однако это может служить примером того, как одна из важных проблем внутри- и межгосударственных противоречий сформировала миф, переживший его творцов практически на несколько поколений.

В настоящее время, спустя 103 года после начала Первой мировой войны, взорвавшей мир старой Европы, можно выделить из комплекса объективных и субъективных причин, вызвавших к жизни молох войны, проблему малых народов в составе многонациональных государств, а точнее — славянский вопрос.

Анализируя ход событий, как предвоенного периода, так и непосредственно Июльского кризиса 1914 г., следует отметить, что правительственные круги Российской и Австро-Венгерской империй рассматривали войну как средство выхода из кризиса, охватившего к этому времени обе многонациональные державы. Славянский вопрос был одним из камней преткновения в политических отношениях между Габсбургами и Романовыми на рубеже XIX–XX вв., и если для российских монархов он был способом «выпустить пар» для русской общественности, часто встававшей в оппозицию к государственному политическому курсу, то австрийский правящий класс прекрасно понимал, что от правильного решения национальной проблемы зависит судьба всей Дунайской империи.

С особой остротой славянский вопрос в отношениях между империями проявился в 1908–1914 гг., когда после Боснийского кризиса и в ходе Балканских войн 1912–1913 гг. стали очевидными агрессивные устремления Габсбургской монархии. В это время умы европейских политиков занимали судьба Австро-Венгрии и связанное с ней будущее чешского и словацкого народов¹.

В условиях политического кризиса 1914 г. заявили о себе проблемы централизации дуалистической империи, превращения ее в федерацию, а, возможно, и полного подчинения Германской империи. От того, какой вариант развития будет реализовываться на практике, зависели судьбы чехов и словаков.

Чем ближе к 1914 г. нарастали австро-русские противоречия, тем активнее становились выступления лидеров чешских национальных партий, причем их позиция заключалась не только в формировании парламентской оппозиции, но и в протесте против действий австрийского правительства, направленных против России. В январе 1914 г. русский консул в Праге сообщал поверенному в делах в Вене князю Н.А. Кудашеву, что «начальники корпусов, расквартированных в Чехии, Моравии и Силезии получили секретный запрос о том, насколько военная власть может рассчитывать в случае осложнений с Россией на состав офицеров-чехов. Из восьмого корпуса отзыв дан в том смысле, что молодые офицеры-чехи, до чина подполковника,

представляются ненадежными. Они слишком увлечены национальной чешской и вообще славянской идеей». К изложенному консул добавил еще один интересный факт: «...в консульство часто обращаются молодые люди — чехи, желающие дезертировать. Приходится выслушивать от этих секретных просителей целые речи с негодованием против Австрии и ее войск и подмечать какую-то всеобщую уверенность, что серьезные события надвигаются сами собой»².

Интерес также представляет переписка между Прагой и министерством иностранных дел Российской империи за апрель 1914 г., в которой консул В.Г. Жуковский, в ходе обсуждения вопроса о проведении в Петербурге Славянского съезда, пересылает министру С.Д. Сазонову записку депутата Петербургского съезда, лидера чешской Национально-социалистической партии В. Клофача. В ней дается анализ реакции чехословацкого населения на события Балканских войн, где отмечается следующее: «В Чехии мобилизация сопровождалась бурными демонстрациями со стороны народа и запасных. Военное управление поняло, что происходит собственно моральная революция славянского духа и чувства, которые протестуют (так в тексте. — *Н. К.*) против войны со славянами. Протестовали резервисты, посылавшиеся на сербскую границу, и, что важнее, резервисты, отправляемые на русскую границу. Мы держимся того мнения, что эти моменты повлияли на венскую политику и на ослабление военной горячки»³. В конце своей записки Клофач напрямую говорит о возможности сотрудничества чехов с представителями русской власти при подготовке к возможной австро-русской войне и предлагает: «...подготовить целый ряд надежных людей в каждом городе и в каждой деревне, чтобы, на случай наступления русского войска через Силезию и Восточную Моравию, были бы люди, на которое русское войско могло бы вполне положиться. Вопрос теперь идет о продуманной пропаганде славянского русофильского духа и подготовительной организации»⁴.

Примерно в это же время (май 1914 г.) из-под пера лидера партии младочехов К. Крамаржа выходит меморандум под названием «Устав Славянской империи применительно к Deutsche

Bundes akte». Его основная мысль состояла в создании Славянского союза, включающего Россию, Польшу, Чехию, Болгарию, Сербию, Черногорию. Данное объединение должен был возглавить представитель Дома Романовых, имеющий обширнейшие права. В частности, он мог утверждать Имперскую Думу и Имперский Совет – высшие законодательные общесоюзные органы. В решении спорных вопросов приоритет также оставался за царем, общими должны были стать внешняя политика и армия⁵. Уже во время войны один из ближайших сотрудников Крамаржа, А. Рашин, через доверенное лицо передавал русскому осведомителю в Цюрихе, что главным доводом за создание «чешского королевства под державой русской» были те выгоды, которые получают чешские торгово-промышленные круги и чешские аграрии при государственно-таможенном объединении с Россией⁶.

Таким образом, следует отметить возрастающий интерес чешских партий и организаций к России и ее покровительству в политическом решении славянского вопроса по мере ухудшения отношений последней с Австро-Венгрией и Тройственным союзом. Чешские лидеры старались увидеть в русской монархии гаранта своей независимости, прежде всего в рамках экономического союза по Крамаржу. Среди чешской интеллигенции существовали и другие позиции. К примеру, лидер Народной чешской партии доктор Т.Г. Масарик, из-за своей прозападной ориентации, довольно скептически относился к славянским идеям в целом и к русофильству в частности.

С началом Первой мировой войны чехи и словаки оказались в двойственном положении, как этносы, находившиеся в составе противоборствующих государств, причем в Австро-Венгрии отношение чехов к государственным мероприятиям было неоднозначным. 18 (31) июля 1914 г., после объявления о мобилизации в России, Австро-Венгрия начала военные приготовления. По всей стране прокатились верноподданнические манифестации в поддержку войны, в том числе и в Праге. Однако эти демонстрации организовывались властями, действительной поддержки война в чешском обществе не имела. Т.Г. Масарик вспоминал впоследствии: «Призывники шли в

армию с отвращением, как на бойню; были случаи неповиновения, отказов, начались преследования». Однако в целом мобилизация проходила организованно и без задержек⁷.

В России была развернута активная деятельность в поддержку военной политики правительства. Выступления на верноподданнических манифестациях чешских и словацких землячеств в Москве, Петрограде, Варшаве, Одессе, Киеве, Ростове-на-Дону, призывы в печати встать на сторону России — «охранительницы европейского мира» и поддержать «белого царя — надежду и защитника славянства» — говорили о полном единодушии лидеров чешских и словацких землячеств с русскими правящими кругами. Формированию данной политической линии способствовал тот факт, что на территории России в этот момент находились австро-венгерские подданные, попадавшие по законам военного времени под категории интернированных и военнопленных, а их имущество — под конфискацию⁸. Стараясь убедить русские власти в лояльности всех чехов и словаков, лидеры обществ обратились к Верховному главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу и в Совет министров с предложением создать в рядах русской армии специальное чешское формирование.

История чехословацких воинских частей в России начинается с заседания Совета министров Российской империи 30 июля (12 августа) 1914 г., на котором единогласно было признано «сформирование упомянутых чешских добровольческих частей вполне целесообразным»⁹.

Затем всем губернаторам была разослана телеграмма товарища министра внутренних дел генерал-майора В.Ф. Джунковского от 4 (17) августа 1914 г., в которой было подчеркнуто, что «по ходатайству чешских обществ в России намечено в скором будущем сформировать особые чешские войсковые части для действий против Австрии». Формирование намечалось произвести в Киеве, а деятельность по набору чехов-добровольцев и препровождению их в место дислокации возлагалась на чешские общества, имеющиеся в Петербурге, Москве, Киеве и Варшаве, с ответственностью этих обществ за политическую благонадежность добровольцев¹⁰.

Ни военные, ни дипломаты не стремились (и даже опасались) придать чешскому вопросу международный статус, тем более что в 1914 г. еще существовал расчет на скорое окончание войны, и ломать традиционную международно-политическую систему никто не собирался. Таким образом, соглашаясь сформировать в составе русской армии чешский национальный отряд, русские власти смотрели на него как на временное явление. Главное управление Генерального штаба указывало начальнику войск Киевского военного округа генерал-лейтенанту Н.А. Ходоровичу на особый подход к данному вопросу: «...целью формирования войсковых частей из чехов-добровольцев следует считать поднятие восстания среди чешского населения Австро-Венгрии. Вместе с тем представляется необходимым использовать чешские дружины для создания в пределах Австро-Венгрии благоприятной обстановки для действия наших войск. Указанное назначение чешских дружин, заставляющее смотреть на них не как на боевую часть, а как **на собрание пропагандистов в пользу русской армии**, естественно должно повлиять и на уклад внутренней жизни этих частей. Дисциплина в этих частях не может, конечно, быть на том уровне, на котором она стоит в частях, имеющих боевое значение. **Чешская дружина должна быть дисциплинирована лишь настолько, чтобы прийти в порядке до театра военных действий** (выделено мной. — *Н. К.*). С момента вторжения в австрийские пределы чешская дружина, как войсковая часть, перестанет существовать. Выделивши от себя целую сеть агитаторов, она распылится среди чешского населения Австро-Венгрии, работая по созданию благоприятной обстановки для наших войск, а также вообще возбуждая чехов к восстанию с оружием в руках против австрийцев»¹¹.

Именно поэтому формирование Чешской дружины (такое наименование присвоили этой войсковой части) проводилось путем набора добровольцев и предусматривало присутствие при начальнике дружины специального уполномоченного Союза чехословацких обществ в России (СЧОР), отвечающего за связь между офицерским составом и солдатами-чехами, а на театре военных действий — за агитационную деятельность среди чешского населения.

Кроме того, принимая во внимание дальнейшее развитие чешского вопроса, верховное командование русской армии опасалось, что «широкая поддержка Россией чехословаков в стремлении их провозгласить свою независимость от Австро-Венгрии может создать для названных народностей род миража и, в случае неосуществления их заветных мечтаний, вызовет чувство горького разочарования и некоторого неудовольствия против России»¹².

Однако высказываемые сомнения не могли приостановить выполнение высочайшего повеления о формировании чешской дружины. В течение августа 1914 г. Отдел по устройству и службе войск Главного управления Генерального штаба выработал основания для организации чешских частей.

Формирование, как и было запланировано, проводилось в Киеве — городе с более или менее значительным чешским населением. Прибывшие на место добровольцы передавались в распоряжение штаба Киевского военного округа. Одновременно решался вопрос о принятии чехов в русское подданство.

В зависимости от числа добровольцев, штаб Киевского военного округа должен был сформировать одну или несколько чешских частей. Помимо славянского состава, которого явно не хватало для создания полнокровной дружины, выделялись кадровые нижние чины из запасных батальонов округа¹³.

Офицерский состав набирался из чинов русской службы, причем в составе дружины не менее 1/3 офицеров и нижних чинов должны были быть русскими. Остальные командные должности планировалось замещать чехами-добровольцами, служившими раньше в иностранных армиях офицерами, зачисляя их на службу на правах офицеров государственного ополчения. Весной 1915 г., во время визита в Ставку, представители Чешского комитета в г. Киеве обратились с просьбой к Верховному главнокомандующему установить среди чинов дружины чешский язык в качестве командного. В ответ начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал-лейтенант Н.Н. Янушкевич объявил: «Принимая во внимание, что чешские добровольческие дружины не являются частями русской армии, Верховный главнокомандующий признал возможным ходатайство удовлетворить»¹⁴.

Однако, опасаясь использовать национальное формирование в качестве самостоятельной воинской части, русское командование распределяло роты и взводы чехов по русским полкам и дивизиям, где чехи и словаки служили в качестве разведчиков и переводчиков. Прежде всего, дружинников определили в 3-ю армию Юго-Западного фронта, сражавшуюся против австро-венгерских войск. Несмотря на осторожное отношение командования к вопросу использования национального формирования, чехи и словаки проявили себя на фронте с наилучшей стороны. В рапорте на имя Верховного главнокомандующего от 9 апреля 1915 г. командующий 3-й армией генерал от инфантерии Р.Д. Радко-Дмитриев указывал: «За всё время пребывания Чешской дружины в составе 3 армии, дружина проявила себя с самой лучшей стороны. Дружинники, распределенные по-ротно по корпусам, несут разведывательную службу. Выходя ежедневно на разведку в составе соответствующих разведывательных партий от полков, а также самостоятельными партиями, дружинники всюду отличаются храбростью, предприимчивостью и отвагой, а вместе с тем оказывают неоценимые услуги, будучи знакомы с языками наших противников. Отзывы строевых начальников (начальников дивизий), в непосредственном распоряжении которых находятся чешские дружинники, о работе их по разведке и как боевой силы — выше всяких похвал»¹⁵.

Именно с действиями чешских дружинников связано возникновение и распространение одной популярной легенды, родившейся в Карпатских горах весной 1915 г. и до сих пор кочующей по страницам как простых газетных публикаций, так и серьезных научных работ. Это легенда о 28-м Пражском пехотном полку австро-венгерской армии под названием «Пражские дети», которая гласит, что полк практически полным составом перешел на русскую сторону.

Одним из первых в отечественной историографии этой проблемы коснулся уральский историк-краевед А.М. Кручинин в монографии «Российский полк с финским именем: очерки истории Оровайского полка (1811–1920)», вышедшей в 2011 г. и посвященной истории 195-го пехотного Оровайского полка

российской армии. Именно этому полку в годы Первой мировой войны выпал жребий столкнуться с 28-м Пражским пехотным полком австро-венгерской армии. «Тогда еще никто, а тем более солдаты и офицеры Оровайского полка, не мог предположить, что последующие события войдут в политическую историю гбнущей Австро-Венгрии и зарождавшейся Первой Чехословацкой республики», – пишет автор¹⁶.

Истинный ход событий может подтвердить только анализ отечественных и зарубежных документов, в том числе неопубликованных или неизвестных отечественному читателю. В настоящее время можно с приблизительной точностью воспроизвести события, развернувшиеся на склонах Карпат и ставшие историческим мифом.

К началу 1915 г. армии левого крыла Юго-Западного фронта занимали растянутое положение вдоль Карпатского хребта от реки Дунаец до румынской границы и вели бои с австро-венгерскими войсками, прикрывавшими пути на венгерскую равнину, а также осаждали австрийскую крепость Перемышль. Еще в декабре 1914 г. командование Юго-Западного фронта приступило к разработке плана вторжения в Венгрию, основным исполнителем которого должна была стать 8-я армия генерала от кавалерии А.А. Брусилова. Почти одновременно с этими событиями австрийское командование начало подтягивать свои резервы на южную сторону Карпат с целью деблокады Перемышля. В январе-феврале 1915 г. в Карпатских горах разгорелись встречные сражения русских и австро-венгерских войск. В зимнюю стужу, на горных перевалах, после ряда лобовых столкновений, обе стороны так и не добились решающих результатов¹⁷.

Однако русские войска, обладая численным перевесом, продолжали активные действия, и в марте 1915 г. обстановка стала меняться в их пользу. 9 (22) марта пал Перемышль, и в русский плен попал его 120-тысячный гарнизон. Освободившаяся русская блокадная 11-я армия была брошена на карпатское направление с целью усиления 3-й и 8-й армий. К этому времени штаб Верховного главнокомандующего принял решение наносить главный удар в полосе Юго-Западного фронта.

Однако наступление понесших большие потери в предыдущих боях русских 3-й и 8-й армий, которые также испытывали острый недостаток в боеприпасах, привело только к частичному успеху. Русским частям удалось захватить часть Карпатского хребта – Низкие Бескиды. В конце марта 1915 г. наступление выдохлось¹⁸.

В мартовских наступательных боях на Бескидах наибольших успехов добились XXIV и XII корпуса 3-й армии и VIII армейский корпус 8-й армии Юго-Западного фронта. Далее своих соседей продвинулся XXIV армейский корпус генерала А.А. Сурикова, состоявший из 48-й и 49-й пехотных дивизий под командованием генералов Л.Г. Корнилова и М.А. Прясллова, вышедших на подступы к городу Бартфельду, за которым уже начиналась Венгерская долина¹⁹.

Командование австро-венгерских войск немедленно начало переброску частей с других участков своего карпатского фронта. В их числе оказался 28-й Пражский пехотный полк под командованием подполковника Флориана Шаумайера. Это был один из старейших пехотных полков императорско-королевской армии, имевший старшинство с 1698 г. Полк состоял на 95% из чехов и, располагаясь длительное время в Праге, считался «домашним» полком столицы Чехии и неофициально назывался «Пражские дети»²⁰.

28-й Пражский пехотный полк только что был выведен после тяжелых боев с участка фронта у местечка Сенкова, около города Горлице, имея в строю 850 человек²¹. В ночь на 13 (26) марта 1915 г. полк занял оборону у деревни Стебник Гута, тем самым закрыв разрыв во фронте. На следующий день он был усилен маршевым батальоном из 700 человек и достиг общей численности в 1 550. Однако качество его пополнения было невысоким, как в физическом, так и в моральном плане. Помимо активных действий русских и тяжелых условий зимних Карпат, «Пражских детей» ожидала еще одна неприятность: австро-венгерское командование не подозревало, что именно здесь против них действует одна из групп чешских разведчиков – полурота Чешской дружины под командованием подпоручика В. Клецанды²².

Пока русские в лице 49-й пехотной дивизии готовились к дальнейшему броску вперед, чешские дружинники собирали данные о противнике. Через некоторое время разведчики подпоручика В. Клецанды принесли неожиданное известие: перед русскими обнаружена чешская часть — 28-й Пражский пехотный полк.

Этот полк, закрывший разрыв во фронте, попал в очень тяжелые условия. На склонах гор лежал снег толщиной до $\frac{3}{4}$ метра, днем он подтаивал, а ночью замерзал. Солдаты с большими усилиями вырубали в мерзлой земле небольшие окопы, в которых они лежали на подстилке из веток хвойных деревьев. Из теплых вещей у них были только легкие шинели. Первые три дня пребывания на этом участке фронта австрийские чехи питались лишь консервами и мерзлым хлебом. Затем была организована доставка горячей пищи из района Бартфельда, но по дороге она остывала и превращалась в лед. Каждый день в полку увеличивалось число больных.

Так как полк находился вне населенных пунктов, то санитарный пункт был размещен в школе деревни Стебник Гута, хотя она была расположена впереди австрийских позиций. В ночь на 17(30) марта группа чешских дружинников под началом десятника Я. Шипека подобралась к школе и захватила в плен всех находившихся там больных солдат, от которых были получены сведения о ситуации в 28-м полку²³. Оказалось, что перед 195-м пехотным Оровайским полком 49-й пехотной дивизии стоят только три батальона полка «Пражские дети», которые были отделены друг от друга глубокой долиной и не имели между собой устойчивой связи. Кроме того, эти батальоны оказались в распоряжении разных бригад, и австрийское начальство совершенно не интересовалось их бедственным положением. Только после ряда настойчивых просьб подполковника Ф. Шаумайера, убеждавшего, что перед его фронтом русские сосредотачивают значительные силы, в тыл 28-го полка за деревню Стебник Гута был переброшен батальон 87-го пехотного полка.

В это время русское командование готовилось к новому наступлению. В последнюю субботу перед Пасхой, 21 марта

(3 апреля) 1915 г., левый фланг 28-го пехотного полка был атакован частями русской 49-й пехотной дивизии. Примерно через полчаса 28-й полк начал отступление. Его 1-й батальон был просто сметен атакой²⁴. Наступая дальше, русские солдаты проникли в тыл и во фланг 4-го батальона, после чего пришел приказ об отходе и в 3-й батальон. Наступление пытался сдержать резервный батальон 87-го полка, но и он после часового боя начал отход. Чешские части и другие уцелевшие подразделения отступили на вторую оборонительную линию юго-западнее деревни Стебник Гута, где с помощью подошедших подкреплений удержали оборону²⁵. В ходе этого боя потери 28-го Пражского пехотного полка составили около 800 человек – примерно половина состава. На следующий день русские повторили атаку австро-венгерских позиций, но понесли большие потери и были вынуждены отступить. Остатки 28-го полка удерживали занимаемые позиции еще около 10 дней.

Обстановка начинала стабилизироваться, но неожиданно 29 марта (11 апреля) 1915 г. австро-венгерское командование издало приказ о расформировании 28-го Пражского пехотного полка. Этот документ, скорее всего, стал отражением нервной ситуации, царившей в австрийских высших военных кругах, вызванной неудачами в Карпатах. Весной 1915 г. австрийское командование боялось, что русские войска смогут перейти Карпаты и двинуться на Венгерскую равнину, что могло бы привести к укреплению позиции Сербии, возможному выступлению против Австро-Венгрии Румынии и восстанию славянского населения Дунайской империи, особенно чехов. Вполне можно утверждать, что в эти дни судьба Габсбургской монархии висела на волоске. Именно в эту нервную обстановку ворвалось известие о разгроме 28-го полка, что не могло не вызвать ответной реакции. Таким образом, виновник поражений австро-венгерской армии был определен, и его следовало примерно наказать.

Австрийский Верховный главнокомандующий исключил 28-й Пражский пехотный полк из списка армии, а потом вышел указ императора Франца-Иосифа о расформировании полка и направлении его чинов в другие подразделения. Имущество и

оставшиеся солдаты были распределены по различным полкам 3-го армейского корпуса, причем эта мера коснулась и 2-го батальона 28-го полка, который находился совсем на другом участке фронта, в рядах 29-й пехотной дивизии²⁶.

Всю империю облетела весть о том, что 28-й Пражский пехотный полк сдался русским. В немецкой и мадьярской печати поднялась кампания против 28-го полка, да и против чехов вообще. Однако на самом деле маршевый батальон из «Пражских детей» был переведен на Итальянский фронт, а воссозданный на его основе полк в 1916-1918 гг. храбро сражался под Изонцо и в Альпах, но об этом предпочитали не говорить.

Это известие стало поводом для начала антиславянской кампании, прокатившейся по землям Дунайской империи. Особенно ярко она проявилась в Богемии и Моравии, где основным населением были чехи. В этот период русская агентура в Швейцарии сообщала о фактах преследования чешского населения: «По приказу главнокомандующего, арестовывается издатель газеты “Народни листи”, вдохновитель идеи славянской империи и главный организатор борьбы за нее. Крамаржу предъявляется обвинение в государственной измене, ему грозит наказание — от тюремного пожизненного заключения до смертной казни. Собирающийся ехать в Россию вождь сокольской* организации Шейнер также подвергся аресту. Заместитель Крамаржа по руководству младочешской партией арестуется также за дружбу с последним... В Чехии воцаряется безраздельное господство австрийской военной партии, подчиненной Берлину; у чешских политических деятелей вынуждаются заявления лояльности, русским осведомителем констатируется подавленное настроение чешского политического мира»²⁷.

Одновременно на русской стороне фронта получила широкое распространение версия о добровольной сдаче большей части 28-го Пражского полка в плен. Распространению этих слухов активно способствовали чешские дружинники с легкой

* Сокольское (от изображенного на знамени сокола) движение — панславянское спортивное движение, основанное в Праге в 1862 г. Мирославом Тыршем и Индржихом Фюгнером. Сокольские кружки имели целью создание физически и морально здорового поколения, воспитанного на национальных и демократических началах, и объединение народа.

руки подпоручика В. Клецанды, которому можно приписать авторство данной версии. Вначале молва о переходе чешского полка к русским распространилась среди солдат 48-й и 49-й пехотных дивизий, причем начальник 48-й генерал-лейтенант Л.Г. Корнилов начал звать к себе «чехов, которых бегут целые полки»²⁸. Затем эта трактовка событий проникла в высшие командные круги русской армии, а затем — в прессу. Всё это способствовало подъему славянской идеи в русском обществе и широко использовалось в пропаганде Союза чехословацких обществ в России, который стремился к увеличению числа солдат в Чешской дружине, расценивая ее как ядро будущей чехословацкой армии. Затем информация распространилась и в газетах стран Антанты. В это же время стали известны австрийские приказы о расформировании 28-го полка. В итоге, людская фантазия приукрасила события военным оркестром, под звуки которого австрийские чехи шли в русский плен, а события в Карпатах 21 марта (3 апреля) 1915 г. превратились в легенду.

Однако эта история не «умерла» вместе с окончанием войны, падением Двуетной монархии и возникновением Чехословацкой республики. В послевоенное время она получила «второе дыхание». Когда в Чехословакии начался процесс поляризации немецкого и чешского националистических лагерей, легенда о «Пражских детях» приобрела новую интерпретацию. Если немцы говорили об измене, трусости и бесхарактерности чешских воинов, то чехи, наоборот, — об отваге, мужестве, любви к родине, а также решающей роли чехов в падении империи²⁹.

Только один раз, в начале 1920-х годов, прозвучала критика этой легенды историком и публицистом К. Новаком. Лично знакомый с начальником австро-венгерского Генерального штаба К. фон Хётцендорфом, он опубликовал книгу «Падение двух монархий», в которой отмечал, что 28-й полк вовсе не переходил на сторону русских, а стойко сражался. Командир полка же бросил своих солдат, когда они еще вели бой, а потом так и не вступился за честь полка³⁰. Доводы К. Новака были отмечены обеими сторонами: чехи заявили, что автор —

немец, а чешские немцы указали на слабую доказательную базу. На рубеже 1920–1930-х годов история «Пражских детей» стала предметом развернувшихся дебатов в чехословацком парламенте между представителями фашистской партии и чешскими коммунистами во главе с К. Готвальдом³¹.

В эти годы чехословацкое государство и общество формировали свои национальные воинские традиции и опирались на версию перехода 28-го полка, придуманную В. Клецандой, которую многочисленными публикациями и авторитетом генеральского звания активно поддерживал сам автор. В его изложении судьба полка заканчивалась массовым переходом к русским и роспуском оставшейся части подразделения. О последующем воссоздании «Пражских детей» и их боевых действиях на Итальянском фронте не упоминалось.

В 1931 г. председатель отдела юстиции министерства обороны Чехословакии генерал Я. Кунц опубликовал работу «Тайны австрийского Генерального штаба», в которой поместил обширную главу «Фальшивая легенда о 28-м полку». Свою позицию Я. Кунц подкрепил документами дивизионного суда, проходившего над чешскими солдатами в Темешваре. По его мнению, версия о массовом переходе солдат 28-го полка к русским лжива, и речь может идти только о солдатах, попавших в плен во время боя. Я. Кунц писал, что эта легенда уже сыграла свою положительную роль в развитии чехословацкой пропаганды, а сейчас, по прошествии десятилетий, необходимо восстановить истинный ход событий. Книга Я. Кунца подверглась бурной критике со стороны основателей легенды. В ответ В. Клецанда в 1934 г. выпустил книгу, сделав всё, чтобы укрепить в сознании современников и потомков именно свою версию событий.

События 1938 г. и Второй мировой войны отодвинули все старые идеи и легенды на дальний план, и казалось, что жестокие события заставят забыть тему Первой мировой. Но история «Пражских детей» опять объявилась уже в новой Чехословацкой республике 1948 г., где она нашла свое место в национальных учебниках истории. Теперь события далекого 1915 г. были представлены как протест чешских крестьян против империа-

листической войны 1914–1918 гг. Эту новую интерпретацию старой националистической легенды осуществил в конце 1950-х годов чешский историк К. Пихлик. Он отменил все тезисы, как австро-венгерского командования, так и В. Клецанды, объявив действия солдат 28-го полка началом народно-освободительного движения чешского народа в Первой мировой войне.

В современной Чехословакии легенда продолжает жить. Так, в вышедшей в 1996 г. коллективной работе чешские историки отмечают, что в плен попал почти весь 28-й пехотный полк, причем солдаты практически сразу побежали навстречу русским, и их сдачу в плен не остановила даже стрельба 3-го батальона 87-го полка. Учебники истории того периода публиковали цветную иллюстрацию картины «Переход под оркестр большей части 28-го полка в русский плен».

Примерно в это же время, в 1994 г., появилась статья Й. Фучика, усомнившегося в факте массового перехода полка в русский плен. Фучик довольно долгое время проработал в чешских архивах, а также в Венском военном архиве, посетил места боев Пражского полка. Итогом его работы стала публикация в 2006 г. фундаментального исследования «Воины Двадцать восьмого. Спор о чешском солдате Первой мировой войны». Автор подробно показал, что уставший и понесший большие потери в предыдущих боях 28-й пехотный полк попал под удар русских частей, хорошо знавших, благодаря чешским дружинникам, его расположение и моральное состояние. Потеряв в бою убитыми, ранеными и пленными большую часть личного состава, полк сумел удержать противника на второй оборонительной линии.

Выводы Й. Фучика подкрепляются документами Российского государственного военно-исторического архива, из которых наибольший интерес представляют рапорты командующего 195-го Оровайского полка подполковника В.А. Полумордвинова и командиров рот 1-го батальона, а также рапорты о работе чешских разведчиков. При анализе этих документов можно выявить, что атака 195-го Оровайского полка на австрийские позиции началась в 4 часа утра. Первым атаковал 4-й батальон подполковника А.С. Ризо. Около 6 часов утра он ворвался в

окопы и стал зачищать их, активно работая штыками. В то же время 1-й и 2-й батальоны под общим командованием подполковника А.А. Дмитриева взяли деревню Стебник Гута и атаковали позиции к юго-западу от него. Противник отступал, оказывая серьезное сопротивление. В рапорте командир 2-й роты прапорщик Чижиков указал, что его солдаты около деревни взяли в плен 200 человек, в том числе двух офицеров³².

Из анализа отечественных, чешских и австрийских документов видно, что никакого массового перехода чешских солдат в плен не было. Несмотря на неожиданную атаку, противник оказывал яростное сопротивление, и атакующие понесли потери в 68 человек убитыми и ранеными и 762 человека пленными, что точно сходится с данными Й. Фучика³³.

Всё это позволяет сделать вывод, что разгром 28-го Пражского пехотного полка произошел во время тяжелого кризиса австро-венгерского командования и общества, вызванного опасением продвижения врага на исторические имперские и королевские земли. Австрийцами он был использован в пропагандистских и политических целях, чтобы оправдать собственное поражение. Чешскими дружинниками, их сторонниками и организаторами Союза чехословацких обществ в России этот миф использовался для поднятия своего авторитета в глазах русской власти. К сожалению, данная легенда пережила все события бурного XX века и плавно укоренилась в сознании людей нового столетия и тысячелетия.

Примечания

¹ *Гойло И.М.* Проблемы чешско-словацкого сближения накануне и в годы Первой мировой войны в освещении журналов ЧССР // Первая мировая война: страницы истории. Черновцы, 1994. С. 150.

² Международные отношения в эпоху империализма (далее – МОЭИ). Сер. III. Т. 1. М., 1936. С. 106.

³ Там же. С. 380.

⁴ Там же. С. 384.

⁵ *Савваитова М.Д.* Чешский вопрос в официальных кругах России в годы первой мировой войны // Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. М., 1994. С. 114.

⁶ Подробнее о взглядах К. Крамаржа см.: *Серапионова Е.П.* Карел Крамарж и Россия, 1890–1937 годы: идейные воззрения, политическая активность, связи с российскими государственными и общественными деятелями. М., 2006.

- ⁷ *Серапионова Е.П.* Чехи и словаки в огне Первой мировой войны // Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. Кн. 1. М., 2005. С. 46.
- ⁸ *Клеванский А.Х.* Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. 1914–1921 гг. М., 1965. С. 20.
- ⁹ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 2003. Оп. 2. Д. 323. Л. 3.
- ¹⁰ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2985. Л. 2.
- ¹¹ Там же. Л. 24.
- ¹² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 323. Л. 156.
- ¹³ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2985. Л. 7.
- ¹⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 323. Л. 84.
- ¹⁵ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2985. Л. 50.
- ¹⁶ *Кручинин А.М.* Российский полк с финским именем: очерки истории Оровайского полка (1811–1920). Екатеринбург, 2011. С. 99.
- ¹⁷ Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. / Сост. А. Незнамов. М., 1922. С. 59.
- ¹⁸ Там же. С. 64.
- ¹⁹ РГВИА. Ф. 2809. Оп. 2. Д. 2. Л. 7.
- ²⁰ *Кручинин А.М.* Указ. соч. С. 101.
- ²¹ *Fucik J.* Osmadvacatnici. Spor o ceskeho vojaka v velke valky. 1914–1918. Praha, 2006. S. 160.
- ²² *Prasek V.* Ceska družina. Praha, 1934. S. 54–55.
- ²³ Pametni kniha 1 streleckeho pluku Jana Husa. Praha, 1920. S. 125.
- ²⁴ *Кручинин А.М.* Легенда о полку «Пражские дети» // 100 let Ceskoslovenkych Legii. Praha, 2015. S. 128.
- ²⁵ *Fucik J.* Op. cit. S. 161.
- ²⁶ Ibid. S. 163.
- ²⁷ *Попов А.* Чехо-словацкий вопрос и царская дипломатия в 1914–1917 гг. // Красный архив. Т. 2. М.,-Л., 1929. (33). С. 19.
- ²⁸ *Klecanda V.* Slovensky Zborov. Boje druhe roty Ceske Druziny a prechod 28. Pluku «Prazskych deti». Praha, 1934. S. 58.
- ²⁹ *Medek R.* red. Za svobodu. Obrazkova kronika ceskoslovenskeho revolucniho hnuti na Rusi. 1914–1920. Praha, 1925. S. 113–118.
- ³⁰ *Fucik J.* Op. cit. S. 409–410.
- ³¹ *Кручинин А.М.* Указ. соч. С. 13.
- ³² РГВИА. Ф. 2809. Оп. 2. Д. 2. Л. 1151–1155.
- ³³ Там же. Л. 1152.

Юлия Владимировна ЛОБАЧЁВА

Югославия в системе международных отношений в 1920–1930-е годы (Историографический обзор)

Всестороннее изучение темы «Югославия в системе международных отношений в 1920–1930-е годы» подразумевает анализ ряда проблем и вопросов, относящихся к политической и политико-дипломатической сферам отношений Королевства сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. – Королевство Югославия) с другими государствами, а также экономических, общественных, научных и культурных связей югославыян с народами других стран.

Основное внимание зарубежных и отечественных исследователей на протяжении уже долгого времени приковывают, прежде всего, политическая и дипломатическая области международных отношений. Определенное внимание традиционно уделяется и исследованию экономических, социальных и культурных связей. Однако в последнее десятилетие появилась и новая тенденция в рассмотрении двусторонних отношений – акцент делается на изучение специфики взаимного восприятия, взаимопонимания и взаимовлияния разных народов – например, русских и сербов.

Вполне очевидно, что специалисты из разных стран, подчиняясь обстоятельствам различных научно-культурных, идейных или идеологических дискурсов, исходя из разных внешних (наличие и доступность документальных материалов и т.д.) и внутренних причин (исследовательский интерес конкретного человека и др.), предлагали и предлагают весьма различающиеся подходы к изучению и трактовке международных процессов и событий.

Что же интересовало советских и российских ученых, так или иначе обращавшихся к истории международных отношений и внешней политики Королевства СХС/Югославии 20–30-х годов XX в.? Какие темы и как они рассматривали? На эти вопросы мы и попытаемся далее ответить. Добавим лишь, что данная статья носит в большей степени постановочный характер и имеет целью обрисовать некоторые основные тенденции отечественной историографии, ибо охарактеризовать, проанализировать и оценить все имеющиеся на сегодняшний день работы, связанные с заявленной темой, в рамках небольшой работы не представляется возможным.

Отметим, что югославские, западноевропейские (англоязычная историография) и советские исследования по международным отношениям и внешней политике Югославии в межвоенный период начинают расширяться и углубляться приблизительно с середины/конца 1950-х – начала 1960-х годов. Так, в 1960 г. в Белграде были опубликованы документы с заседаний делегации Королевства СХС в ходе Парижской мирной конференции (18 января 1919 г. – 21 января 1921 г.), подготовленные к изданию Богданом Кризманом и Богумилом Храбаком¹. На Западе в начале 1960-х годов выходят англоязычные монографии Джакоба Хоптнера «Югославия в кризисе 1934–1941» и Иво Ледерера «Югославия на Парижской мирной конференции...», которые цитируются до сих пор². В Москве в 1963 г. была издана двухтомная «История Югославии», во втором томе которой рассматривается внешняя политика Королевства СХС/Югославии в межвоенный период³. Интерес к этой проблематике не ослабевает и до сих пор – публикуются документы⁴ и исследования⁵.

Вместе с тем, в советской и российской историографии монографических исследований, посвященных непосредственно проблемам внешней политики Королевства СХС/Югославии 1920–1930-х годов, сравнительно немного, в отличие от югославской (затем сербской) и англоязычной историографии. В качестве примеров, наряду с упомянутыми выше книгами, назовем еще несколько: Андрей Митрович «Югославия на Конференции мира 1919–1920» (1969), Богдан Кризман

«Внешняя политика Югославянского государства. 1918–1941» (1975), Вук Винавер «Югославия и Венгрия 1918–1923» (1971) и «Югославия и Франция в межвоенный период» (1985), Джеймс Садкович «Итальянская поддержка хорватского сепаратизма, 1927–1937» (1987), Фрэнк Литтлфилд «Германия и Югославия, 1933–1941» (1988), Саша Мишич «Албания – друг и противник. Югославянская политика в отношении Албании 1924–1927» (2009)⁶.

Среди монографических работ отечественных исследователей нам удалось обнаружить немногочисленные труды по германо-югославским отношениям 1930-х годов, а также книги, раскрывающие некоторые аспекты советско-югославских отношений. Чаще же внешняя политика Югославии рассматривалась в более или менее широком контексте исследований по международным отношениям в Центральной и Юго-Восточной Европе 1920–1930-х годов.

Отдельно нужно выделить обобщающие труды по истории югославянских народов, в рамках которых рассматривались вопросы внешней политики Королевства СХС/Югославии в указанный период. Это, прежде всего, коллективный труд «История Югославии»⁷, а также весьма разнородные индивидуальные авторские работы⁸. В сравнительно недавно вышедшем коллективном труде «Югославия в XX веке: Очерки политической истории» (2011) внешнеполитические аспекты истории Югославии, ее отношения с другими странами в межвоенный период почти не затрагиваются⁹; это можно сказать и про очерк национальной истории хорватов – «История Хорватии» советского и российского исследователя Владимира Израилевича Фрейдзона, опубликованный в 1991 г.¹⁰ С другой стороны, в «Истории Словении» (2011) внешней политике Югославии и международным отношениям в 1920–1930-е годы уделено несколько больше внимания¹¹.

Завершая общую характеристику отечественных исследований по проблемам внешней политики межвоенной Югославии, следует отметить и целый ряд статей, посвященных отдельным ее сюжетам¹², а также работы по вопросам внутриполитической истории Королевства СХС/Югославии, кото-

рые проливают некоторый свет и на ее внешнеполитическую составляющую¹³. Интересующая нас проблематика затрагивалась также в трудах по внешней политике некоторых других стран (например, Венгрии, Италии¹⁴) и связана с работами по истории дипломатии и международных отношений в Европе в 1918–1939 гг., содержание которых способствует более полному пониманию нашей темы¹⁵.

Рассмотрим, как освещалась внешнеполитическая история Королевства СХС/Югославия в контексте исследований его двусторонних отношений и работ по международным отношениям в Центральной и Юго-Восточной Европе в 1920–1930-е годы – ведь именно в этом сегменте научных исследований некоторые проблемы международных отношений были весьма основательно изучены советскими и российскими историками.

Во-первых, внешняя политика Югославии рассматривалась в связи с изучением истории Малой Антанты – внешнеполитического союза Чехословакии, Королевства СХС/Югославии и Румынии, оформленного в 1920–1921 гг. двусторонними договорами и фактически прекратившего свое существование в 1938 г.

Стоит обратить внимание на работы Аллы Алексеевны Язьковой, в частности, ее монографию «Малая Антанта в европейской политике 1918–1925», опубликованную в 1974 г.¹⁶. В книге на основе архивных и опубликованных документов и обширной литературы исследуются процесс складывания Малой Антанты в 1918–1921 гг., ее взаимоотношения с западными державами и Советской Россией (СССР), основные стороны ее деятельности и роль в европейской политике в первой половине 1920-х годов, а также кратко рассматривается ее история в 1930-е годы. В ряде статей А.А. Язьковой, вышедших в 1960–1970-х годах, представлены различные аспекты истории этого союза¹⁷.

Во-вторых, отдельное место в отечественной историографии занимают труды по истории международных отношений в Центральной и Юго-Восточной Европе 1930-х годов, в которых рассматриваются югославские сюжеты.

Здесь, прежде всего, необходимо назвать монографии Владимира Константиновича Волкова, которые отличаются оригинальностью постановки проблем и глубиной исследования, документальной основой которого стали обширные материалы из отечественных и зарубежных архивов. Его работы «Германо-югославские отношения и развал Малой Антанты (1933–1938 гг.)» и «Операция “Тевтонский меч”», изданные в 1966 г., были в числе первых в советской науке книг о политике Германии на Балканах, о деятельности югославской дипломатии и германо-югославских отношениях в 1930-х годах¹⁸.

В 1978 г. вышла в свет монография В.К. Волкова «Мюнхенский сговор и балканские страны», в которой исследовались международные события с начала 1938 г. до захвата Германией Праги в марте 1939 г.¹⁹. В основу изучения внешней политики балканских стран (Югославии, Румынии, Болгарии, Турции и Греции), а также пяти великих держав (Англии, Франции, СССР, Германии и Италии), ученым были положены документы из архивов министерств иностранных дел ГДР и ФРГ, Болгарии, Польши, Чехословакии и Югославии, наряду с уже известными документальными публикациями и литературой. В качестве метода исследования В.К. Волков одним из первых в отечественной науке применил системный подход, позволивший ему показать влияние мюнхенского соглашения на всю систему международных отношений в Европе.

Наряду с книгами и отдельными статьями по проблемам международных отношений в межвоенный период²⁰, перу В.К. Волкова принадлежит, в частности, большая глава в коллективной монографии «Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг.» (1999), в которой ученый анализирует международные отношения в Восточной Европе в 1920–1930-е годы, обращаясь и к истории Югославии²¹.

Позже и уже в новом ракурсе к исследованию отношений Германии и Югославии обратилась Елена Юрьевна Зубарева. Ее кандидатская диссертация – «Германо-югославские отношения в 1933–1937 годах и кризис Версальской системы в Юго-Восточной Европе», защищенная в 2001 г., имела целью «показать, какое место занимали германо-югославские отношения в

1933—1937 годах в рамках Версальской системы международных отношений и какова их роль в процессе ослабления Версальской системы в Юго-Восточной Европе»²². Научная новизна данной работы состояла в том, что, во-первых, «в ней впервые предпринята попытка изучить процесс системно-структурного кризиса Версальской системы в Юго-Восточной Европе на примере развития германо-югославских отношений в 1933—1937 годах». И, во-вторых, для решения поставленных автором задач «использовалось большое количество новых источников, которые были опубликованы в 80—90-е годы и впервые вводятся в научный оборот в России»²³.

В-третьих, помимо германо-югославских, отечественные историки неоднократно обращались и к изучению отношений Италии и Королевства СХС/Югославии в 1920—1930-е годы, правда, преимущественно в рамках отдельных статей. Исключения составляют две монографии Нины Дмитриевны Смирновой об итальянской политике и дипломатии на Балканах в период между мировыми войнами, опубликованные в 1969 и 1979 гг., в которых подробно рассмотрены итало-югославские отношения и югославская внешняя политика²⁴. Внимание же авторов статей было в основном уделено национально-территориальной проблематике в итало-югославских отношениях во время и после Парижской мирной конференции²⁵ и некоторым вопросам балканской политики Италии и итало-югославского соперничества²⁶.

Добавим, что в югославской историографии международные отношения в Европе 1930-х годов также получили весьма широкое освещение²⁷.

Самый большой интерес у советских и российских исследователей межвоенной Югославии, несомненно, вызывали и вызывают проблемы советско-югославских и русско-сербских отношений, которые, кстати, уже на протяжении долгого времени интересуют и наших югославских (с 1990-х годов — сербских, хорватских и др.) коллег. Заметим здесь же, что этот исследовательский интерес нашел выражение также в подготовке отечественными и югославскими учеными документов к публикации, о чем еще будет сказано. Выделим некоторые

крупные темы, находящиеся в центре внимания советских и российских историков:

► Политика Советской России (СССР) и Коминтерна в Юго-Восточной Европе.

Изучению этой проблематики посвящен ряд работ Риты Петровны Гришиной²⁸. Она же подготовила к изданию уникальный сборник документов — «Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции в документах центральных российских архивов начала — середины 1920-х гг.» (2000, 2003), материалы которого проливают свет на югославское направление политики Коминтерна²⁹.

► Советско-югославские государственные/дипломатические отношения.

Эта тема также привлекает внимание отечественных историков³⁰. Из весьма немногочисленных современных исследований можно назвать работы Сергея Александровича Романенко. В частности, в его книге «Между “Пролетарским национализмом” и “Славянским братством”: Российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе (начало XX века — 1991 год)» (2011) отдельная глава — «“Диктатура пролетариата” и “диктатура короля Александра”». Иосиф Сталин и династия Карагеоргиевичей: 1918–1941» — освещает некоторые аспекты политико-дипломатических и культурных российско-югославских отношений в межвоенный период³¹.

► Судьбы югославын в Советской России и СССР.

История югославын в Советской России и СССР уже давно интересует отечественных специалистов. Здесь, прежде всего, следует указать исследования советско-хорватского историка Ивана Драговича Очака, посвященные судьбам югославын, которые находились в России во время и после Первой мировой войны³². В его монографии «Югославынские интернационалисты в борьбе за победу Советской власти в России (1917–1921 гг.)», опубликованной в 1966 г., речь идет об участии югославын в борьбе народов России «за завоевания Великого Октября», а также о возникновении и деятельности югославынских политических (коммунистических и других) организаций в России с 1917 г.³³.

В 1977 г., на ту же тему вышла монография Владимира Владимировича Зеленина — «Под красным знаменем Октября. Югославянские интернационалисты в Советской России. 1917—1921», в которой рассмотрены участие югославы в войне и работа югославянских коммунистических организаций в Советской России³⁴.

К изучению истории югославянских интернационалистов в Советской России обращались и многие другие отечественные специалисты советского периода³⁵. Советскими учеными были также подготовлены к печати документы³⁶ и коллективные труды по этой теме³⁷.

Среди сборников документов следует выделить опубликованное в Москве и Белграде тематическое издание «Участие югославских трудящихся в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР» (1976) — результат многолетней работы коллектива советских и югославских историков и архивистов (с советской стороны — В. В. Зеленин, А. Я. Манусевич, К. К. Миронова, Г. М. Славин, М. М. Сумарокова, А. А. Ходак, И. А. Хренов, Ю. Н. Щербаков)³⁸.

Это издание посвящено «разносторонней боевой и политической деятельности югославянских интернационалистов, их участию в борьбе за установление и защиту Советской власти в России»³⁹. Включенные в него документы и материалы охватывают период с марта 1917 г. по март 1921 г. и содержат, в частности, сведения о деятельности Югославянской коммунистической партии, ходе формирования и отправке на фронт интернациональных частей, в рядах которых были и югославы, об отношении трудящихся югославянских земель к Октябрьской революции.

Вместе с тем, несмотря на накопленные к настоящему времени знания, тема югославянских интернационалистов в России изучена еще недостаточно полно. Так, в последнее время Андрей Владиславович Ганин исследует новый ее аспект — участие югославянских офицеров в Первой мировой и Гражданской войнах⁴⁰.

С другой стороны, объектом изучения отечественных историков стали деятельность и судьбы югославы-коммунистов,

находившихся в России, а затем в СССР уже после завершения Гражданской войны.

В советскую эпоху ряд вопросов данной проблематики исследовала Майя Михайловна Сумарокова⁴¹. В ее монографии «Демократические силы Югославии в борьбе против реакции и угрозы войны (1929–1939 гг.)» основное внимание уделяется Коммунистической партии Югославии⁴². Автором, в частности, рассмотрены вопросы о работе югославских коммунистов в Коминтерне, подготовке КПЮ к VII конгрессу Коминтерна, проходившему в Москве с 25 июля по 21 августа 1935 г., и об участии в его работе югославской делегации.

Из недавних исследований по этой теме можно указать работы Никиты Викторовича Бондарева. В 2007 г. он защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Московский период в биографии Иосипа Броза Тито: через коминтерновские структуры к руководству КПЮ (1935–1936)»⁴³. Как следует из названия, она посвящена изучению биографии И. Броз Тито. В центре внимания автора – пребывание Тито в Москве в 1935–1936 гг. и «влияние, которое оказывали советские реалии, и в первую очередь обстановка, сложившаяся в Коминтерне, на формирование И. Броз Тито как партийного функционера и политика»⁴⁴. Работа построена на различных архивных и опубликованных документах, источниках личного происхождения и периодической печати, привлечена также отечественная и югославская историография. В 2012 г. вышла книга Н.В. Бондарева о «московских годах» И. Броз Тито⁴⁵.

Отметим и недавно опубликованную статью Александра Александровича Силкина, специалиста по истории межвоенной Югославии⁴⁶, – «Югославский сектор КУНМЗ* как «зеркало» советской действительности и прообраз титовской Югославии. 1925–1936 гг.», которая дополняет наши представления о советской действительности, о югославянах в СССР и русско-сербских/советско-югославских отношениях⁴⁷.

* Коммунистический университет национальных меньшинств Запада им. Ю.Ю. Мархлевского (КУНМЗ) – учебное заведение Коминтерна. Учрежден декретом СНК РСФСР от 28 ноября 1921 г. Состоял из болгарского, еврейского, латышского, немецкого, польского, югославского и др. секторов. Работал в 1922–1936 гг. // Подробнее см.: Силкин А.А. Югославский сектор КУНМЗ как «зеркало» советской действительности и прообраз титовской Югославии. 1925–1936 гг. // Вместе в столетии конфликтов. Россия и Сербия в XX веке. Сб. статей / Отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2016.

► Судьбы русской эмиграции в Королевстве СХС/Югославии.

Среди отечественных ученых эта проблематика начала обретать особую популярность в конце 1980 — начале 1990-х годов⁴⁸, интерес к ней сохраняется и сейчас⁴⁹.

Российские исследователи достаточно подробно рассмотрели широкий круг вопросов, связанных с эмиграцией, — причины и обстоятельства «исхода» из России, ситуацию в Королевстве СХС/Югославии и отношение югославского правительства и общества к российским переселенцам, социально-экономическое положение и проблемы адаптации, быт и судьбы русских эмигрантов, деятельность эмигрантских организаций и печатных изданий, а также вклад эмигрантов в развитие образования, науки, культуры и искусства межвоенной Югославии. В последнее десятилетие изучаются проблемы взаимного восприятия и взаимопонимания русских и сербов. Наряду с этим российскими учеными был опубликован довольно большой массив документов и материалов о российской эмиграции в Королевстве СХС/Югославии⁵⁰.

Среди исследователей российской/русской эмиграции — Владимир Алексеевич Тесемников⁵¹, Виктор Иванович Косик⁵², Виктор Георгиевич Бортневский⁵³, Наталья Михайловна Ваганова⁵⁴ и многие другие ученые⁵⁵.

Следует заметить, что тема российской эмиграции в Королевстве СХС/Югославии в межвоенный период и вопросы взаимоотношений, взаимопонимания сербов и русских давно находятся в центре внимания наших сербских коллег⁵⁶. Признанный специалист в этой области — сербский историк, автор многочисленных работ и издатель документов Мирослав Йованович⁵⁷.

Завершая обзор исследований по истории советско-югославских отношений в указанный период, отметим также еще две документальные публикации. В 1992 г. в Москве вышел сборник документов и материалов «Советско-югославские отношения. 1917—1941», подготовленный коллективом советских и югославских историков и архивистов (с советской стороны — В. В. Зеленин (ответственный редактор), В. М. Еднакова,

Т.В. Кириллова–Угрюмова, И.И. Костюшко, К.К. Миронова, Э.А. Сазонина, М.М. Сумарокова)⁵⁸. Идентичное издание было опубликовано также в Белграде.

Представленные в сборнике документы раскрывают различные аспекты взаимоотношений народов Советского Союза и Югославии, понимаемых с позиции советской науки. В их числе – проблема нормализации отношений между этими государствами, отношение к Советской России/СССР югославянской правящей элиты, югославянских интернационалистов в России, трудящихся масс и прогрессивных общественных и культурных деятелей Югославии и КПЮ; развитие связей между учеными и деятелями культуры двух стран; подготовка и заключение советско-югославского Договора о дружбе и ненападении от 5 апреля 1941 г.

В начале 2017 г. увидел свет четвертый том публикуемой в Москве и Белграде документальной серии «Москва – Сербия, Белград – Россия», посвященный российско-югославским/русско-сербским отношениям в 1917–1945 гг.⁵⁹. В выявлении и подготовке к публикации документов и материалов для этого издания приняли участие историки из России и Сербии, специалисты по истории Югославии и российско-югославских отношений (с российской стороны – А.А. Силкин⁶⁰, с сербской – Горан Милорадович⁶¹ и Алексей Юрьевич Тимофеев⁶²).

Документы и материалы сборника предваряют вводные проблемно-обзорные статьи авторов-составителей о русско-сербских/сербско-русских политических, общественных и культурных отношениях в 1917–1945 гг.⁶³. Тематический охват этого свода источников довольно широк: государственные советско-югославские отношения, участие югославы в Гражданской войне на стороне белых, русская эмиграция в Королевстве СХС, югославская эмиграция в СССР, советско-югославские культурные связи, церковные отношения, двусторонние отношения по «партийной линии», Вторая мировая война в Югославии и др. Новизна этого издания состоит в том, что русско-сербские/сербско-русские отношения межвоенного периода представлены с точки зрения нового, имагологического подхода, позволяющего выявить специфику взаимного восприятия

русских и сербов, присущие им уникальные и стереотипные представления друг о друге⁶⁴.

Таким образом, обзор отечественной историографии за последние 60 лет показывает, что имеется довольно большое число работ, посвященных различным аспектам международного положения и внешней политики Королевства СХС/Югославии в период между Первой и Второй мировыми войнами. Самое большое внимание уделялось и уделяется двусторонним российско-югославским и русско-сербским отношениям; по данной проблематике опубликовано немало ценных документов.

Вместе с тем, коллективные или монографические исследования по истории внешней политики Королевства СХС/Югославии и государственных отношений Советской России/СССР и Королевства СХС/Югославии в межвоенный период в российской историографии пока отсутствуют (равно как и в современной сербской исторической литературе). В дальнейшем изучении на основе новых документов и методов нуждаются также русско-сербские, русско-хорватские и русско-словенские неполитические отношения.

Примечания

¹ Zapisnici sa sednica delegacije Kraljevine SHS na Mirovoj konferenciji u Parizu 1919–1920. / Priredili Bogdan Krizman i Bohumil Hrabak. Beograd, 1960.

² *Hoptner J.* Yugoslavia in Crisis 1934–1941. New York, London, 1962; *Lederer I.* Yugoslavia at the Paris Peace Conference: A Study in Frontier Making. New Haven, London, 1963.

³ История Югославии Т. 1–2. М., 1963.

⁴ Так, в Сербии с 2005 г. по 2014 г. в рамках серии «Источники по истории международных отношений 1930–1940» (Извори за istoriju međuratnih odnosa 1930–1940) вышло 9 томов документов министерства иностранных дел Королевства Югославия. См.: Извештаji ministarstva inostranih poslova Kraljevine Jugoslavije. Книга. 1. Август–децембар 1930. године. / приредили Нада Петровић, Саша Илић; увод Милан Ристовић. Београд: Архив Србије и Црне Горе, 2005 и следующие за ним издания.

⁵ См., например: *Novaković B.* Spoljna politika kralja Aleksandra Karađorđevića (1918–1934). Beograd, 2004; *Cvetković V.* Ekonomski odnosi Jugoslavije i Francuske 1918–1941. Beograd, 2006; *Sretenović S.* Francuska i Kraljevina Srba, Hrvata i Slovenaca 1918–1929. Beograd, 2008; *Ђелажак М.* Дипломатија и војска, Србија и Југославија 1901–1999. Београд, 2010; *Клабьян Б.* «Пражский триглав» – деятельность словенских дипломатов в Праге в период между двумя мировыми войнами // SLOVENSKI diplomati v slovanskem svetu = Словенские дипломаты в славянском мире. Ljubljana, 2010. С. 255–283; *Rahten A.* Očrt slovenske diplomacije

ali diplomacije slovencev // *Teorija in praksa*. Let. 48. 2011. № 3. S. 646–667; *Puc-tuh I.* Између старих и нових изазова – Бугарска у политици Краљевине СХС 1926. године // *Tokovi istorije*. Beograd, 2013. № 2. S. 75–96; *Латиновић Г.* Југословенско-норвешки односи (1920–1941) // *Tokovi istorije*. 2014. № 2. S. 47–54; *Mičić S.* Mission of Konstantin Todorov in North America 1927–1928; *Yugoslav Foreign Service vs. Macedonian-Bulgarian Organisations in North America* // *Tokovi istorije*. 2015. № 1. S. 85–95; *Зубарева Е.Ю.* Из предыстории Второй мировой войны: германо-югославские отношения и кризис Версальской системы (1933–1937) // *Преподавание истории и обществознания в школе*. Научно-теоретический и методический журнал. М., 2016. № 2. С. 16–24 и др.

⁶ *Mitrović A.* Jugoslavija na Konferencii mira 1919–1920. Beograd, 1969; *Krizman B.* Vanjska politika Jugoslavenske države. 1918–1941. Diplomatsko-historijski pregled. Zagreb, 1975; *Vinaver V.* Jugoslavija i Mađarska 1918–1933. Beograd, 1971; *Vinaver V.* Jugoslavija i Francuska između dva svetska rata (Da li je Jugoslavija bila francuski “satelit”). Beograd, 1985; *Sadkovich J.* Italian Support for Croatian Separatism, 1927–1937. New York, London, 1987; *Littlefield F.* Germany and Yugoslavia, 1933–1941. The German Conquest of Yugoslavia. New York, 1988; *Мишић С.* Албанија – Пријатељ и противник. Југословенска политика према Албанији 1924–1927. Београд, 2009.

⁷ Разделы по внешнеполитической истории были подготовлены Ю.А. Писаревым, В.Н. Белановским и В.К. Волковым. См.: *История Югославии*. Т. 2. М., 1963.

⁸ См., например: *Романенко С.А.* Югославия: История возникновения. Кризис. Распад. Образование независимых государств (национальное самоопределение народов Центральной и Юго-Восточной Европы в XIX–XX вв.). М., 2000; *Васильева Н.В., Гаврилов В.А.* Балканский тупик?.. (Историческая судьба Югославии в XX веке). М., 2000; *Задохин А.Г., Низовский А.Ю.* Пороховой погреб Европы. М., 2000.

⁹ Югославия в XX веке: Очерки политической истории / Отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2011.

¹⁰ *Фрейдзон В.И.* История Хорватии. Краткий очерк с древнейших времен до образования республики (1991 г.). СПб., 2001.

¹¹ См.: *Кирилина Л.А.* Словенцы в Королевской Югославии (1918–1941 гг.) // *История Словении* / Л.А. Кирилина, Н.С. Пилько, И.В. Чуркина; отв. ред. И.В. Чуркина. СПб., 2011. С. 290–328.

¹² *Волков В.К.* Внешняя политика Югославии в 1935–1936 гг. // *Советское славяноведение*. 1965. № 1. С. 34–45; *Рябокони С.И.* Болгаро-югославский пакт от 24 января 1937 г. // *Сборник докладов и сообщений по новой и новейшей истории на 2-й научной сессии вузов Уральского экономического района (Апрель 1965 г.)*. Ученые записки. № 149. Пермь, 1966. С. 217–226; *Харитоновна Н.А.* Внешняя политика королевства Югославия до убийства короля Александра в 1934 г. // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. Научно-теоретический и прикладной журнал. № 7 (13). 2011. Часть 1. Тамбов, 2011. С. 181–187 и др.

¹³ В частности, работы по «национальному вопросу» в Королевстве СХС/Югославия. См., например: *Ромов Р.Б.* Усташи: теория и практика борьбы за национальные интересы // *Югославянская история в новое и новейшее время: Материалы научных чтений, посвященных 80-летию со дня рождения профессора В.Г. Карасева (1922–1991)*. М., 2002. С. 223–233; *Беляков С.С.* Идеология усташского движения как историческая форма хорватского этнического национализма (1929–1945 гг.). Автореф. дисс. канд. ист. наук. Екатеринбург, 2006; *Силкин А.А.* Степан Радич и интернализация хорватского вопроса (1918–1925) // *Восточная Европа после Версаля*. СПб., 2007. С. 203–214; *он же.* Королевство сербов, хорватов и словенцев: на пути к диктатуре. 1918–1929 гг. М., 2008 и др.

¹⁴ См., например: *Лушкаш А.И.* Внешняя политика Венгрии. Февраль 1934 – январь 1937 г. М., 1996; *Смирнова Н.Д.* Балканская политика фашистской Италии.

Очерк дипломатической истории (1936–1941). М., 1969; *она же*. Политика Италии на Балканах. Очерк дипломатической истории. 1922–1935 гг. М., 1979.

¹⁵ См., например: *Васильев П.П.* Парижская мирная конференция 1919–1920 гг. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1963; *Версаль и новая Восточная Европа* / Отв. ред. Р.П. Гришина, В.Л. Мальков. М., 1996; *Демидов С.В.* Международные отношения в Европе в 1919–1939 гг. М., 2001; *Лукьянов В.Ю.* Идеология в системе международных отношений: первая половина XX века. СПб., 2004; *Глушков А.Е.* Версальский миропорядок: проблема периодизации // *Власть, политика, идеология в истории Европы: сб. науч. ст., посвященный 30-летию кафедры ВИМО АлтГУ / Под ред. Ю.Г. Чернышова.* Барнаул, 2005. С. 154–166; *Версальско-Вашингтонская система: возникновение, развитие, кризис, 1919–1939 гг.* Сборник статей / Отв. ред. Е.Ю. Сергеев. М., 2011 и др.

¹⁶ *Язькова А.А.* Малая Антанта в европейской политике 1918–1925. М., 1974.

¹⁷ См., например: *Язькова А.А.* Образование Малой Антаны // *Вопросы истории.* 1972. № 11. С. 45–62; *она же.* Малая Антанта и итало-фашистская экспансия в Юго-Восточной Европе после прихода к власти Муссолини // *Балканские исследования. Международные отношения на Балканах.* М., 1974. С. 147–159; *она же.* Малая Антанта и проблемы коллективной безопасности в Восточной Европе (1933–1934) // *Новая и новейшая история.* 1976. № 6. С. 84–98 и др.

¹⁸ *Волков В.К.* Германо-югославские отношения и развал Малой Антаны (1933–1938 гг.). М., 1966; *он же.* Операция «Тевтонский меч». М., 1966.

¹⁹ *Волков В.К.* Мюнхенский сговор и балканские страны. М., 1978.

²⁰ См., например: *Волков В.К.* Внешняя политика Югославии в 1935–1936 гг. // *Советское славяноведение.* 1965. № 1. С. 34–45; *он же.* Англо-франко-советские переговоры 1939 г. и их отражение в югославских дипломатических документах // *Балканские исследования. Международные отношения на Балканах.* М., 1974. С. 160–175; *он же.* Мюнхен: внутривластные и международные последствия для Югославии // *Советское славяноведение.* 1978. № 1. С. 37–55; *он же.* Некоторые аспекты предвоенного политического кризиса 1939 г. в Европе // *Политический кризис 1939 г. и страны Центральной и Юго-Восточной Европы.* М., 1989. С. 3–14.

²¹ *Волков В.К.* Страны Восточной Европы в водовороте событий накануне второй мировой войны // *Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг.* / Отв. ред. В.К. Волков, Л.Я. Гибианский. М., 1999. С. 13–76.

²² *Зубарева Е.Ю.* Германо-югославские отношения в 1933–1937 годах и кризис Версальской системы в Юго-Восточной Европе. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 2001. С. 5.

²³ Там же. С. 17.

²⁴ *Смирнова Н.Д.* Балканская политика фашистской Италии...; *она же.* Политика Италии на Балканах...

²⁵ *Ладушин И.А.* Адриатический вопрос на Парижской мирной конференции в 1920 г. // *Политика великих держав в Центральной Европе, на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время: сб. науч. тр. Свердловск, 1989.* С. 145–150; *Аникеев А.С.* Национально-территориальные проблемы в югославо-итальянских отношениях накануне и после Парижской мирной конференции // *Восточная Европа после Версаля.* СПб., 2007. С. 215–241; *Пилько Н.С.* Краткий очерк новейшей истории Словении // *Словенская литература XX века.* / Отв. ред. Н.Н. Старикова. М., 2014. С. 15–19 и др.

²⁶ См., например: *Смирнова Н.Д.* Албанский вопрос в итальянской внешней политике 1932–1934 гг. // *Балканские исследования. Проблемы истории и культуры.* М., 1976. С. 140–146; *Метасова В.Н.* Борьба Югославии и Италии за влияние в Албании (1924–1926 гг.) // *Проблемы новой и новейшей истории.* Под ред. Е.Ф. Язькова. М., 1978. С. 148–165; *Кравченко А.А.* Балканская политика Муссолини

первых лет фашистского режима (1922–1928 гг.) // Белгородский диалог – 2010. Проблемы российской и всеобщей истории. Сборник научных трудов международной научной конференции студентов, магистров и аспирантов. Белгород, 2010. С. 91–95 и др.

²⁷ См., например: *Avramovski Ž. Balkanske zemlje i velike sile 1935–1937*. Beograd, 1968; *Vanku M. Mala Antanta 1920–1938. Titovo Užice, 1969; The Third Reich and Jugoslavija. 1933–1945*. Beograd, 1977; *Avramovski Ž. Balkanska Antanta (1934–1940)*. Beograd, 1986; *Milak E. Italija i Jugoslavija 1931–1937*. Beograd, 1987 и др.

²⁸ См., например: *Гришина Р.П.* Поворот Коминтерна к политике народного фронта и Болгарская коммунистическая партия // Советское славяноведение. 1967. № 6. С. 16–20; *она же.* Балканы в планах Коминтерна (1924 год) // Славяноведение. 1994. № 5. С. 4–13; *она же.* Коминтерн, РКП (б) и курс Болгарской коммунистической партии на подготовку вооруженного восстания в первой половине 1924 года: По материалам российских архивов // Славяноведение. 2000. № 5. С. 29–42; № 6. С. 46–57; *она же.* Национальный вопрос на Балканах в свете документов Коминтерна начала 1920-х гг. // Профессор Сергей Александрович Никитин и его историческая школа. Материалы международной научной конференции / Отв. ред. И.В. Чуркина. М., 2004. С. 332–341; *она же.* Штрихи к политике мировой революции в постверсальской Европе (начало – середина 1920-х гг.) // Восточная Европа после Версаля. СПб., 2007. С. 150–162; *она же.* Большевицские планы строительства Балканской коммунистической федерации. 1920-е гг. // Балканы в европейских политических проектах XIX–XXI вв. Сборник статей / Отв. ред. Р.П. Гришина. М., 2014. С. 241–266 и др.

²⁹ Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции в документах центральных российских архивов начала – середины 1920-х гг. / Отв. ред. Р.П. Гришина. Часть 1. М., 2000; Часть 2 (июнь 1924 г. – декабрь 1926 г.). М., 2003.

³⁰ См., например: *Чубарьян А.О.* Из истории установления дипломатических отношений между Советским Союзом и странами Юго-Восточной Европы в 20–30-е годы // Балканские исследования. Вып. 2. Проблемы истории и культуры. М., 1976. С. 147–153 и др.

³¹ *Романенко С.А.* «Диктатура пролетариата» и «диктатура короля Александра». Иосиф Сталин и династия Карагеоргиевичей: 1918–1941 // *Романенко С.А.* Между «Пролетарским интернационализмом» и «Славянским братством»: Российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе (начало XX века – 1991 год). М., 2011. С. 142–322.

³² См., к примеру: *Очак И.Д.* Неизвестное письмо Филипа Филиповича // Советское славяноведение. 1966. № 1. С. 66–68; *он же.* Автобиография югославского коммуниста Владимира Чопича // Там же. 1967. № 2. С. 66–68.

³³ *Очак И.Д.* Югославянские интернационалисты в борьбе за победу Советской власти в России (1917–1921 гг.). М., 1966.

³⁴ *Зеленин В.В.* Под красным знаменем Октября. Югославянские интернационалисты в Советской России. 1917–1921. М., 1977. Также см.: *Зеленин В.В.* К биографии Дундича // Советское славяноведение. 1968. № 4. С. 104–112.

³⁵ См., например: *Зеленин В.В., Сумарокова М.М.* Легенды и действительность. (Загадки и факты из биографии Красного Дундича.) // Прометей. Т. 5. М., 1968. С. 124–138; *Славин Г.М., Сумарокова М.М.* К истории образования социалистической рабочей партии Югославии (коммунистов) // Советское славяноведение. 1979. № 2. С. 3–11; *Гиренко Ю.С.* Советско-югославские отношения: Страницы истории. М., 1983. С. 14–17; *Бирман М.А.* Балканские интернационалисты в Одессе весной и летом 1919 г. // Балканские исследования. Вып. 10. Общественные и культурные связи народов СССР и Балкан XVIII–XX вв. М., 1987. С. 146–167 и др.

³⁶ См., например: Из истории международной пролетарской солидарности. Документы и материалы. Сборник 1. Боевое содружество трудящихся зарубежных

стран с народами Советской России (1917–1922). М., 1957; Участие югославских трудящихся в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР. Сборник документов и материалов. М., 1976.

³⁷ См., например: Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран – участники борьбы за власть Советов / Отв. ред. А.Я. Манусевич. М., 1967; Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран – участники борьбы за власть Советов на юге и востоке Республики. М., 1971; Интернационалисты. Участие трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы в борьбе за власть Советов в России. 1917–1920 гг. / Отв. ред. А.Я. Манусевич. М., 1987.

³⁸ Участие югославских трудящихся в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР...

³⁹ Там же. С. 16.

⁴⁰ См., например: *Ганин А.В.* Западные и южные славяне-генштабисты в России от Первой мировой к Гражданской войне (1914–1922 гг.) // Первая мировая война и судьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы: очерки истории / Отв. ред. Е.П. Серапионова. М., 2015. С. 80–97 и др.

⁴¹ См., например: *Сумарокова М.М.* Новые данные о начале революционной деятельности Филипа Филиповича // Советское славяноведение. 1967. № 1. С. 56–59; она же. Подготовка Коммунистической партии Югославии к VII конгрессу Коминтерна и участие ее делегации в работе Конгресса // Советское славяноведение. 1977. № 4. С. 9–26.

⁴² *Сумарокова М.М.* Демократические силы Югославии в борьбе против реакции и угрозы войны (1929–1939 гг.). М., 1980.

⁴³ *Бондарев Н.В.* Московский период в биографии Иосипа Броза Тито: через коминтерновские структуры к руководству КПЮ (1935–1936). Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 2007.

⁴⁴ Там же. С. 3.

⁴⁵ *Бондарев Н.В.* Загадка Тито. Московские годы Иосипа Броза (1935–1937 гг.). М., 2012.

⁴⁶ См., например: *Силкин А.А.* Королевство сербов, хорватов и словенцев: на пути к диктатуре. 1918–1929 гг. М., 2008 и др.

⁴⁷ *Силкин А.А.* Югославский сектор КУНМЗ как «зеркало» советской действительности и прообраз титовской Югославии. 1925–1936 гг. // Вместе в столетии конфликтов. Россия и Сербия в XX веке. Сб. статей / Отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2016. С. 207–230.

⁴⁸ См., например: *Тесемников В.А.* Российская эмиграция в Югославии (1919–1945 гг.) // Вопросы истории. 1988. № 10. С. 128–137; *Писарев Ю.А.* Российская эмиграция в Югославии // Новая и новейшая история. 1991. № 1. С. 151–161; *Косик В.И.* Из истории начала российской эмиграции // Славяноведение. 1992. № 4. С. 3–6; *Никифоров К.В.* Русский Белград (К вопросу о деятельности русских архитекторов-эмигрантов) // Славяноведение. 1992. № 4. С. 33–44; *Косик В.И., Тесемников В.А.* Вклад русской эмиграции в культуру Югославии // Педагогика. 1994. № 5. С. 84–89; *Русская эмиграция в Югославии.* М., 1996; *Чуркина И.В.* Русско-словенские культурные связи // Словения. Путь к самостоятельности. Документы / Отв. ред. Е.Ю. Гуськова. М., 2001. С. 47–49 и др.

⁴⁹ См., например: *Силкин А.А.* Средние русские учебные заведения в Королевстве СХС/Югославии (1919–1945) // «STUDIA SLAVICA – POLONICA» (К 90-летию И.И. Костюшко). Сб. ст. М., 2009. С. 132–151; *Путятин В.С.* Российские профессора югославских университетов (1920–1941). Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 2010; *Никифоров К.В.* Отношение сербов к русским в XX веке // Вместе в столетии конфликтов. Россия и Сербия в XX веке. Сб. статей / Отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2016. С. 10–30 и др.

⁵⁰ См., например: Дети русской эмиграции. Книга, которую мечтали и не смогли издать изгнанники / Сост. Л.И. Петрушева. Под ред. С.Г. Блинова и М.Д. Филина. М., 1997; Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг.: Документы и материалы: Учеб. пособие / Под ред. А.Ф. Киселева. М., 1999; Русский Белград / Сост. В.А. Тесемников, В.И. Косик. М., 2008; *Грицкат-Радулович И.Г.* На зарубежной родине // Русские о Сербии и сербах. Том II (архивные свидетельства) / Сост. А.Л. Шемакин. М., 2014. С. 511–544 (Ранее опубликовано в периодическом издании «Славянский альманах 2010». М., 2011). Также см. документы, опубликованные в книгах: *Митрофанов Г.*, свящ. Русская Православная Церковь в России и в эмиграции в 1920-е годы. (К вопросу о взаимоотношениях Московской Патриархии и русской церковной эмиграции в период 1920–1927 гг. С приложением документов.) СПб., 1995; *Бортневский В.Г.* Загадка смерти генерала Врангеля: Неизвестные материалы по истории русской эмиграции 1920-х годов. СПб., 1996; *он же.* Избранные труды. СПб., 1999.

⁵¹ См., например: *Тесемников В.А.* Российская эмиграция в Югославии (1919–1945 гг.) // Вопросы истории. 1988. № 10. С. 128–137; *он же.* Деятельность Русского научного института в Белграде (1928–1941) // Развитие общественной мысли в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1991. С. 172–182; *он же.* Русские профессора Белградского университета // Педагогика. 1998. № 5. С. 80–85; *он же.* Русские профессора-слависты философского факультета Белградского университета (1919–1941 гг.) // Югославянская история в новое и новейшее время: Материалы научных чтений, посвященных 80-летию со дня рождения профессора В.Г. Карасева (1922–1991). М., 2002. С. 213–218; *он же.* Организации и объединения русских эмигрантов в Белграде (1920–1941) // Актуальные проблемы славянской истории XIX и XX веков: К 60-летию профессора Московского университета Геннадия Филипповича Матвеева. М., 2003. С. 186–211; *он же.* В.И. Лебедев: штрихи биографии. Об угрозе СССР с Запада и Востока // Славянский мир в поисках идентичности. М., 2011. С. 1125–1133 и др.

⁵² См., например: *Косик В.И.* Из истории начала российской эмиграции // Славяноведение. 1992. № 4. С. 3–6; *он же.* Русская Югославия: фрагменты истории, 1919–1944 // Там же. С. 20–32; *он же.* Русская Церковь в Югославии (1920–1940-е годы XX века). М., 2000; *он же.* Русский театр в ресторане: Белград 20-х гг. XX в. (Низовые театральные формы в городской сербской культуре как знак русской идентичности) // Культура сквозь призму идентичности. М., 2006. С. 153–170; *он же.* Без отечества: быт(ие) русских в югославской провинции (от времени короля Александра до власти маршала Тито) // Славяноведение. 2006. № 4. С. 32–43; *он же.* Русский балет в Югославии // Славяноведение. 2007. № 6. С. 3–15; *он же.* Что мне до вас, мостовые Белграда? Очерки о русской эмиграции в Белграде. 1920–1950-е гг. М., 2007; *он же.* Что мне до вас, мостовые Белграда? Русская диаспора в Белграде. 1920–1950-е гг. Эссе. М., 2007; *он же.* Русская эмиграция в Югославии // В поисках лучшей доли. Российская эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (вторая половина XIX – первая половина XX в.). М., 2009. С. 10–50; *он же.* Русская культура в Словении XX века (русские имена в театре) // Славяноведение. 2009. № 1. С. 52–61; *он же.* Русские краски на Балканской палитре. Художественное творчество русских на Балканах (конец XIX – начало XXI века). М., 2010; *он же.* Александр и Александра (из «послужного списка» русских мастеров сцены в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, позднее Королевства Югославии) // Историки-слависты МГУ: Кн. 9: В.А. Тесемников: Исследования и материалы, посвященные 75-летию со дня рождения В.А. Тесемникова. М., 2013. С. 126–132 и др.

⁵³ См., например: *Бортневский В.Г.* Загадка смерти генерала Врангеля...; *он же.* Избранные труды... и др.

⁵⁴ См., например: *Ваганова Н.М.* Русская театральная эмиграция в Центральной Европе и на Балканах: Очерки. СПб., 2007 и др.

⁵⁵ См., например: *Ушаков А.И.* История гражданской войны в литературе русского зарубежья. Опыт изучения. М., 1993; *Митрофанов Г.*, священник. Русская Православная Церковь в России...; Россия в изгнании. Судьбы российских эмигрантов за рубежом. М., 1999; *Окорочков А.В.* Молодежные организации русской эмиграции (1920–1945 гг.). М., 2000; *Степанов Н.Ю.* Русские школы в Югославии и Чехословакии. К вопросу об адаптации российской диаспоры // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. Сб. ст. М., 2001. С. 149–159; *Бондарева Е.А.* Духовный опыт русской диаспоры в Югославии. 1920–1944 гг. // Там же. С. 160–169; *Путятин В.С.* Российские профессора философского факультета в Скопье в межвоенные годы // Историки-слависты МГУ: Кн. 9: В.А. Тесемников: Исследования и материалы, посвященные 75-летию со дня рождения В.А. Тесемникова. М., 2013. С. 133–153 и др.

⁵⁶ См., например: *Руска емиграција у српској култури XX века: зборник радова. Т. 1–2.* / приредили Миодраг Сибиновић, Марија Межински и Алексеј Арсењев. Београд, 1994; *Русская эмиграция в Югославии.* М., 1996; *Арсеньев А.Б.* У излучини Дуная: Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду / Под ред. В.Б. Кудрявцева. М., 1999; *он же.* Русские педагоги в Воеводине (1920–1950-е гг.) // Этнодиалоги. Научно-информационный альманах. 2008. № 3 (29). С. 42–55; *он же.* Русские монастыри и храмы в Югославии // Историки-слависты МГУ: Кн. 9: В.А. Тесемников: Исследования и материалы, посвященные 75-летию со дня рождения В.А. Тесемникова. М., 2013. С. 154–172 и др.

⁵⁷ См., например: *Јовановић М.* Досељавање руских избеглицу у Краљевину СХС 1919–1924. Београд, 1996; *Јованович М.* Русская эмиграция на Балканах: социальная и национальная структура и проблемы адаптации // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. Сб. ст. М., 2001. С. 54–70; *Јованович М.* Русская эмиграция на Балканах 1920–1940. М., 2005; *он же.* «Русской песне тесно под южным небом, ей нужно пространство, высокое небо»: образ Балкан в восприятии русских беженцев (1920–1940) // Человек на Балканах глазами русских: сборник статей / отв. ред. Р.П. Гришкин, А.Л. Шемякин. СПб., 2011. С. 246–276; Срби о Русији и Русима. Од Елизавете Петровне до Владимира Путина (1750–2010): антологича / Приред. М. Јовановић. Београд, 2011; *Јовановић М.* Срби и Руси, 12–21. век (история односа). Београд, 2012; *Јованович М.* Сербско-русские и русско-сербские связи и отношения: один, два (три) возможных дискурсов и восприятий // Историки-слависты МГУ: Кн. 9: В.А. Тесемников: Исследования и материалы, посвященные 75-летию со дня рождения В.А. Тесемникова. М., 2013. С. 12–28 и др.

⁵⁸ Советско-югославские отношения. 1917–1941 гг. Сборник документов и материалов / Отв. ред. В.В. Зеленин М., 1992.

⁵⁹ Москва – Сербия, Белград – Россия. Сборник документов и материалов. Том 4. Русско-сербские отношения. 1917–1945 гг. / Авторы-составители Алексей Тимофеев, Горан Милорадовић, Александр Силкин. Москва – Белград, 2017.

⁶⁰ См., например: *Силкин А.А.* Королевство сербов, хорватов и словенцев...; *он же.* Внутриполитическая ситуация в Королевстве сербов, хорватов и словенцев глазами русского офицера. Начало 1920-х гг. // Человек на Балканах глазами русских: сборник статей / отв. ред. Р.П. Гришкин, А.Л. Шемякин. СПб., 2011. С. 235–245; *он же.* Королевство сербов, хорватов и словенцев от создания до обретения конституции (1918–1921) // Человек на Балканах. Особенности «новой» южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС в 1878–1920 гг. Коллективная монография. М., 2016. С. 369–392 и др.

⁶¹ См., например: *Милорадовић Г.* Каринтин за идеје: Логори за изолацију «сумњивих елемената» у Краљевини Срба, Хрвата и Словенаца 1919–1922. Београд, 2004 (в переводе на русский язык – *Милорадовић Г.* Каринтин идей: Лагерь для изоляции «подозрительных лиц» в Королевстве сербов, хорватов и словенцев в 1919–1922 гг. М., 2010); *Милорадовић Г.* Лепота под надзором. Совјетски културни утицај у Југославији 1945–1955. Београд, 2012 и др.

⁶² См., например: *Тимофеев А.Ю.* Русский фактор. Вторая мировая война в Югославии 1941–1945. М., 2010; *он же.* Сербские союзники Гитлера. М., 2011; *он же.* Четники. Королевская армия. М., 2012; *Тимофејев А.* Црвени и бели. Руски утицај на догађаје у Југославији 1941–1945. Београд, 2014 и др.

⁶³ *Силкин А.* Без России и Сербии: русско-сербские отношения. 1917–1945 // Москва – Сербия, Белград – Россия... С. 8–33; *Тимофеев А.* Сербско-русские общественно-политические отношения в период национальной трагедии. 1917–1945 // Там же. С. 34–53; *Милорадович Г.* Культурные связи крепче политических: сербы и русские. 1917–1945 гг. // Там же. С. 54–70.

⁶⁴ Подробнее см.: *Силкин А.* Без России и Сербии... С. 17.

Нина Владимировна ВАСИЛЬЕВА

Черноморские проливы – императив российской/советской внешней поли- тики в Восточном Средиземноморье: мифы и геополитические реалии (первая половина XX в.)

Как свидетельствуют исторические факты, судьба Черноморских проливов – морского пути, который ведет из Черного моря через Босфор, Мраморное море, Дарданеллы в Эгейское и Средиземное моря, на протяжении нескольких столетий являлась составной частью Восточного вопроса. В его решении были заинтересованы как Россия, так и остальные причерноморские государства, а также другие великие державы. Фактор Черноморских проливов продолжал играть существенную роль в российской (советской) внешней политике в сфере обеспечения безопасности страны в регионе Восточного Средиземноморья в первой половине XX в. Геополитическая сложность для России вопроса о Проливах обусловлена тем, что горловина Черного моря целиком находится в руках другой прибрежной державы, Турции, которая практически выступает в роли стража Проливов. Таким образом, Проливы для России – это своего рода «ключи» от Черного моря к Средиземному.

Документальные публикации и исследования по вопросу, обозначенному в заголовке данной статьи, в историографии советского периода крайне малочисленны. Это работы – «Черноморские проливы. Сборник документов 1917–1946 гг.» (М., 1947); «Внешняя политика СССР. Сборник документов» (Отв. ред. С.А. Лозовский. М., 1947); Б.А. Дранов. «Черноморские проливы. Международно-правовой режим» (М., 1948). Из современных отечественных публикаций следует отметить книгу Т.В. Лавровой «Черноморские проливы (исторический очерк)»¹, статью А.Н. Шемякина «Черноморские проливы: ис-

тория и современные проблемы»², а также статью Н.В. Кочкина «СССР, Англия, США и «Турецкий кризис» 1945–1947 гг.»³. О роли русской военной разведки в решении проблемы Проливов в контексте российско-турецких отношений в период Первой мировой войны говорится в монографии В.И. Шеремета «Босфор: Россия и Турция в эпоху первой мировой войны: По материалам русской военной разведки» (М., 1995). В 1999 г. вышел коллективный труд отечественных историков «Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия)», в котором наибольший интерес для обозначенной темы представляет статья Б.М. Поцхверия «Советско-турецкие отношения и проблема Проливов накануне, в годы Второй мировой войны и в послевоенные десятилетия». К указанной проблематике примыкают монографии Дж.П. Гасанлы «СССР – Турция: от нейтралитета к холодной войне (1939–1953)» и Д.Е. Еремеева «Турция в годы Второй мировой и «холодной» войн (1939–1990)»⁴.

Лучше всего, на наш взгляд, суть долговременных российских интересов в регионе Восточного Средиземноморья выразил еще в 80-е годы XIX в. российский военный министр Д.А. Милютин в Записке под названием «Мысль о возможном решении восточного вопроса в случае окончательного распада Османской империи». В частности, он писал: «Для нас желательно лишь одно, чтобы ни одна из европейских держав не присваивала себе преобладание на Балканском полуострове и в особенности не захватывала в свои руки входа в Черное море»⁵.

К началу XX в. существовали два варианта обеспечения российских интересов в зоне Проливов: мирный и военный. Известны реальные российские планы военного захвата Проливов эскадрой Черноморского флота в ходе так называемой Босфорской операции в 1896 г. Главным и горячим сторонником и автором проектов по ее осуществлению был российский посол в Турции А.И. Нелидов. Однако Николай II отказался от этих планов, видимо, опасаясь эскалации конфликта и вооруженного вмешательства Великобритании.

Во время русско-японской войны закрытие проливов Турцией в 1904–1905 гг. поставило Россию в чрезвычайно тяже-

лое положение, так как Черноморский флот был лишен возможности участвовать в боевых операциях против японского флота.

В период Первой мировой войны 1914–1918 гг. нерешенность проблемы Проливов вновь заявила о себе. Отправным моментом для дискуссий по этой проблеме служил тезис, выдвинутый в 1920-е годы М.Н. Покровским, об извечной борьбе России за торговые пути, прежде всего за Черноморские проливы, что, по его мнению, явилось одной из главных причин Первой мировой войны⁶. Более поздние и детальные исследования как российских, так и зарубежных историков подвергли сомнению данное утверждение и продемонстрировали далеко не однозначный характер внешнеполитической деятельности российских правящих кругов в Балканском регионе на рубеже веков. К настоящему времени существует достаточное число аргументов, опровергающих тезис Покровского, раскрывающих истинные причины войны и ее главных инициаторов. Хорошо, например, известно, что еще в 1913 г. начальник Большого Генерального штаба Германии генерал Х. фон Мольтке-младший завершил разработку плана борьбы на два фронта: нападения на Францию и Россию, в том же году рейхстаг вотировал декрет о миллиардном бюджете для германской армии, а в августе того же года кайзер Вильгельм II подписал секретную директиву министерства иностранных дел о переориентации внешней политики Германии на войну⁷.

Россию, напротив, австро-венгерский ультиматум от 23 июля 1914 г. застигнул врасплох, в самый неблагоприятный момент. Дополнительным аргументом к опровержению утверждения, что Россия якобы была заинтересована в развязывании войны, могут служить современные исследования. В частности, профессор Гамбургского университета Ф. Фишер в своих работах «Рывок к мировому господству» и «Альянс элит: Непрерывность структуры власти в Германии 1871–1945», на основе архивных источников, убедительно доказал существование наступательных, завоевательных планов у кайзеровской Германии накануне Первой мировой войне, включая перенесение границ России до Урала⁸.

Хорошо известен огромный вклад академика Ю.А. Писарева в углубленное изучение вопроса о причинах войны. В одном из своих трудов, книге «Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны» (М., 1985), он аргументированно показал, что более всего искажалась роль министра иностранных дел России С.Д. Сазонова, который, подчас, представлялся как сторонник военного варианта решения вопроса Проливов. Однако именно Сазонов накануне войны поддерживал идею создания Всебалканского союза с привлечением в него Турции. Последняя, по его проекту, сохраняла бы суверенитет над Босфором и Дарданеллами, но предоставляла преимущественное право прохода через Проливы морскому флоту России и других причерноморских государств⁹. Непосредственно накануне Великой войны Сазонов в докладе в Государственной думе в апреле 1914 г. о статусе Проливов выдвинул два главных принципа русской политики: сохранение верховного суверенитета над Проливами за Турцией и учет последней интересов России и причерноморских государств¹⁰. В том же ключе был составлен военно-оперативный план командования Черноморского флота на 1914 год, в преамбуле которого говорилось о целесообразности поддерживать мирные отношения с Турцией¹¹.

Уже после начала Первой мировой войны Россия воздерживалась от объявления войны Турции, что могло бы осложнить положение на основном фронте. Тем не менее, 5 августа Турция закрыла Дарданеллы для свободного прохода кораблей, а 10 августа, когда она формально была еще нейтральной, она пропустила через Проливы в Черное море крейсера «Гебен» и «Бреслау», которые шли под турецкими флагами, но под германским командованием и с немецкими экипажами¹². Только после провокационного нападения 16 октября 1914 г. германотурецкой эскадры на Одессу и другие незащищенные черноморские порты России было решено вступить в войну с Турцией. 20 октября (1 ноября) 1914 г. Россия объявила ей войну.

Казалось бы, что вопрос о Проливах в пользу Российской империи был решен в 1915 г., когда было заключено англо-франко-русское соглашение о передаче России Константинополя и Черноморских проливов. Его оформили три памятные

записки Сазонова и вербальная нота французского посольства в Петрограде МИД России от 10 апреля. В 1916 г. за указанным соглашением последовал англо-французский договор о разделе азиатских владений Османской империи, к которому присоединилась Россия. Он подтвердил условия англо-франко-русского соглашения о Черноморских проливах предыдущего года.

Примечательно, что после Брусиловского прорыва (1916 г.) в замыслах русского командования особое внимание придавалось юго-восточному направлению. Вновь приобрели актуальность планы по захвату Константинополя и Проливов¹³. Однако в царской Ставке и среди военного руководства русской армии было много противников этого плана¹⁴. Например, начальник штаба царской Ставки генерал М.В. Алексеев считал планы захвата Босфора и Дарданелл авантюрой. Он справедливо утверждал, что союзники преднамеренно посулили России Константинополь, чтобы заставить ее продолжать войну. По его мнению, овладение Проливами было невозможно без выполнения главной задачи: сначала разбить Германию и Австро-Венгрию.

Принятый после Октября 1917 г. Декрет о мире аннулировал все тайные договоры царского и Временного правительств. Подписанное В.И. Лениным Обращение Совета Народных Комиссаров ко всем трудящимся мусульманам России и Востока (3 декабря 1917 г.) специально отметило, что «тайные договоры свергнутого царя о захвате Константинополя, подтвержденные свергнутым Керенским, ныне порваны и уничтожены. Республика Российская и ее правительство, Совет Народных Комиссаров, против захвата чужих земель: Константинополь должен остаться в руках мусульман»¹⁵.

Нельзя не подчеркнуть, что знаковым историческим событием в межвоенный период в решении проблемы Проливов стала действующая до настоящего времени международная Конвенция в Монтрё, подписанная 20 июля 1936 г. СССР, Великобританией, Францией, Болгарией, Грецией, Румынией, Югославией, Австралией и Японией. Уже тогда столкнулись две точки зрения: Советского Союза, исходившего из того, что Черноморские проливы имеют жизненное значение для

черноморских держав, и британская позиция, которую отстаивала английская делегация, требовавшая полного равенства в отношении Проливов для черноморских и нечерноморских государств. В итоге Конвенция определила: в мирное время военным кораблям черноморских держав – СССР, Турции, Болгарии и Румынии – было предоставлено право беспрепятственного прохода через Проливы; проход же военных кораблей нечерноморских государств в мирное время был лимитирован рядом ограничений по классу (проходят лишь мелкие надводные корабли) и по тоннажу. Общий тоннаж военных судов нечерноморских государств в Черном море не должен превышать 30 тыс. т (с возможностью повышения этого максимума до 45 тыс. т в случае увеличения военно-морских сил черноморских стран) со сроком пребывания не больше 21 суток. В случае участия Турции в войне, а также если Турция считает, что ей непосредственно угрожает война, ей предоставлялось право разрешать или запрещать проход через Проливы любых военных судов. Во время войны, в которой Турция не участвует, Проливы должны быть закрыты для прохода военных судов любой воюющей державы. Главное, что согласно конвенции, Турция вправе, если считает ситуацию угрожающей для себя, регулировать режим Проливов по своему усмотрению, в том числе разрешать военным кораблям нечерноморских держав находиться в акватории неограниченное время¹⁶.

Во время Второй мировой войны Турция, хотя и сохраняла нейтралитет, но, в сущности, занимала прогерманскую позицию. Через Дунай, порты Румынии, Черноморские проливы шла одна из важнейших коммуникаций Третьего рейха. Такая позиция Турции вызывала неоднократные протесты СССР по поводу случаев беспрепятственного прохода военных и вспомогательных кораблей Германии и Италии через Проливы. В таких условиях позиция советского руководства сводилась к необходимости пересмотра Конвенции в Монтрё.

Заметим, что еще в Тегеране, в ответ на зондаж Сталиным отношения Британии к планам создания советской базы в Дарданеллах, Черчилль сам предложил ему пересмотреть в пользу СССР Конвенцию в Монтрё. В октябре 1944 г. на их перегово-

ворах, согласно записи беседы, Черчилль в принципе как бы согласился с изменениями Конвенции в пользу уступок СССР. Но при этом он отметил, что «Советский Союз должен взять на себя инициативу заявить о своем взгляде, что нужно изменить Конвенцию, и сообщить Соединенным Штатам о том, что Советский Союз думает по этому вопросу. Со своей стороны, Британское Правительство считает претензии Советского Союза в принципе справедливыми и морально обоснованными»¹⁷.

Свидетельствовала ли такая позиция Черчилля о готовности Великобритании к пересмотру Конвенции в Монтрё на советских условиях? Между современными отечественными исследователями ведется полемика по этому вопросу. Одни считают эти заявления искренними, другие пишут о том, что Черчилль не был намерен содействовать СССР в решении вопроса о Проливах и всегда уходил от конкретных предложений.

Вопросы, связанные с Конвенцией в Монтрё, обсуждались в феврале 1945 г. на Крымской конференции руководителей трех союзных держав. Несмотря на то, что Черчилль подтвердил данное Сталину в октябре 1944 г. заверение о том, «что англичане относятся благоприятно к пересмотру Конвенции», он сослался на имеющиеся у английского правительства обязательства информировать Турцию о вопросах, затрагивающих ее интересы, и попросил Сталина подтвердить, что независимость Турции не пострадает, если Соединенное Королевство и США пойдут на удовлетворение советских предложений. При этом глава британского правительства отметил, что пересмотр соглашения о Проливах затрагивает интересы Соединенного Королевства в Средиземном море в большей степени, чем интересы США¹⁸.

Сталин вновь поставил вопрос о том, что Конвенция устарела и изжила себя. В качестве одного из доводов он приводил тот факт, что «Конвенция в Монтрё связана... с Лигой Наций, которая больше не существует»¹⁹. Советская сторона решительно возражала против права Турции закрывать Проливы тогда, когда она этого пожелает²⁰. Однако в тот момент от СССР официально в ООН не поступало предложения о пересмотре Конвенции о Проливах. Напротив, как отмечалось в Пояснительной записке

от 24 февраля 1945 г., подготовленной правовым отделом НКВД к проекту возможных изменений Конвенции, эксперт-консультант НКВД В.Н. Дурденевский получил указание о том, что «нежелательно введение Совета безопасности Объединенных Наций в качестве контролера принимаемых Турцией мер в тех случаях, когда Турция объявляет себя находящейся под угрозой военной опасности», тогда как еще 15 января того же года такое участие Совета безопасности допускалось²¹.

Одновременно проявилось стремление СССР сузить круг стран-участниц Конвенции. В проекте были даны варианты: Болгария, Румыния, Турция, СССР; или — балканские и средиземноморские страны, кроме Италии и Испании. Показательно, что в Записке не были указаны Великобритания и США²². Таким образом, советская сторона, понимая важную роль Великобритании и США в достижении соглашения о Проливах, всё же придерживалась принципа участия в переговорах черноморских государств, считая участие иных держав невыгодным для себя. В то же время просматривается идея решения проблемы Проливов на основе двустороннего советско-турецкого соглашения.

19 марта 1945 г. советское руководство, несмотря на возражения со стороны НКВД СССР²³, заявило о денонсации советско-турецкого договора о дружбе и нейтралитете от 17 декабря 1925 г. в связи с тем, что «...вследствие глубоких изменений, происшедших особенно в течение второй мировой войны, этот договор не соответствует больше новой обстановке и нуждается в серьезном улучшении»²⁴. Советская сторона поставила вопрос о заключении нового советско-турецкого договора в зависимость от урегулирования взаимных претензий. 7 июня 1945 г. на прошедших в Москве переговорах между В.М. Молотовым и послом Турции в СССР С. Сарпером на предложение турецкой стороны заключить новый договор, ключевым пунктом которого, по ее мнению, должна была стать договоренность о совместном отражении возможной агрессии со стороны европейских и средиземноморских стран, с советской стороны были выдвинуты следующие условия. Они включали: пересмотр Конвенции в Монтрё; восстановление границы, существовавшей до Первой мировой войны, то есть возвращение Турцией Советскому

Союзу районов Карса и Ардагана, некогда входивших в состав Армении и Грузии; установление совместного турецко-советского контроля в зоне Проливов, что предусматривало создание советских военно-морских баз²⁵. Представитель Турции категорически не согласился с этими условиями. В ответ, на повторной встрече 18 июня 1945 г., В.М. Молотов заявил, что без последних двух пунктов союзного договора не будет²⁶.

В дальнейшем в советской позиции идея совместного контроля над Проливами посредством размещения советских военных баз стала доминировать.

В этих условиях турецкая сторона стремилась найти поддержку у Великобритании и США. Английский дипломат Э. Кригг сообщал А. Идену из Каира о своей беседе с представителем турецкого правительства, который предупредил, что передача Турцией Проливов «в руки России» чревата распространением «русского влияния на районы Красного моря и Персидского залива». Однако Кригг взял на себя ответственность заверить его в том, что «а) мы придаем большое значение турецкой независимости и англо-турецкому союзу и б) ...мы не позволим трактовать вопрос о Проливах как двусторонний, касающийся только России и Турции»²⁷.

Вскоре после завершения неудачных советско-турецких переговоров оперативное управление штаба сухопутных сил США подготовило документ «Позиция США по отношению к экспансионистским устремлениям Советов», в котором политика СССР в черноморском регионе также рассматривалась как непосредственная угроза Турции. Американские военные считали, что выход Советского Союза к Карсу и Проливам постепенно перерастет в контроль над Эгейским морем и Восточным Средиземноморьем²⁸.

В ходе Потсдамской конференции В.М. Молотов, объясняя позицию СССР, подчеркнул, что новое решение проблемы Проливов, как и выдвижение территориальных требований, является следствием того, что турецкое правительство, проявив инициативу, предложило советской стороне заключить союзный договор с СССР²⁹. Далее он указал, что советская сторона на это предложение дала следующий ответ: «Советское прави-

тельство не возражает против заключения такого договора на определенных условиях... С нашей стороны имеется два вопроса, которые следует урегулировать. Заключение союзного договора означает, что мы должны совместно защищать наши границы: СССР – не только свою границу, но и турецкую, а Турция не только свою, но и советскую границу. Однако в некоторых частях мы считаем границу между СССР и Турцией несправедливой. Действительно, в 1921 г. от Советской Армении и Советской Грузии Турцией была отторгнута территория – это известная территория областей Карса, Артвина и Ардагана... Поэтому мною было заявлено, что для того, чтобы заключить союзный договор, следует урегулировать вопрос об отторгнутой от Грузии и Армении территории, вернуть им эту территорию обратно. Второй важный вопрос, который мы должны урегулировать, – это вопрос о Черноморских проливах». Далее Молотов подчеркнул, что «если... турецкое правительство считает неприемлемым урегулирование обоих этих вопросов, мы готовы заключить соглашение, касающееся только Проливов»³⁰. Та же идея содержалась в документе, врученном Молотовым Трумэну и Черчиллю 22 июля 1945 г., в котором предлагалось признать, что установление режима Проливов должно находиться в компетенции Турции и Советского Союза – как «наиболее заинтересованных», и что «новый режим Проливов должен предусматривать... наряду с турецкими военными базами – советские военные базы в проливах»³¹.

Такой подход аргументировался историческим прецедентом решения вопроса в XIX в., когда проход через Проливы регулировался только Турцией и Россией, а также тем, что право прохода через Суэцкий канал не находилось под международным контролем, а регламентировалось договором Великобритании с Египтом. В ответ на это Черчилль указал на разницу между внесенными предложениями и теми, которые были сделаны раньше, и высказал убеждение, что на эти новые предложения Турция никогда не согласится³².

В итоге позиция западных союзников по вопросу Черноморских проливов свелась к тому, что СССР следует отказаться от идеи размещения военных баз в Проливах, тогда союзники

готовы закрыть глаза на требование о передаче СССР Карса и Ардагана. Трумэн и Черчилль в принципе высказались за изменение Конвенции 1936 г. в духе того, чтобы была установлена гарантия свободного прохода через Проливы со стороны трех великих держав. Речь шла о замене конвенции новым международным соглашением.

К неблагоприятной для СССР ситуации на Потсдамской конференции можно отнести и смену в ходе ее работы главы британской делегации. Новый английский премьер-министр К. Эттли не считал себя связанным обещаниями поддержать СССР в решении вопроса о Проливах, данными Черчиллем Сталину в октябре 1944 г.

Западные союзники были против предложения СССР об установлении режима Проливов Турцией и Советским Союзом³³. В протокол конференции вошло решение по Черноморским проливам, провозглашавшее как необходимость пересмотра Конвенции в Монтрё, так и то, что «данный вопрос будет темой непосредственных переговоров между каждым из трех Правительств и Турецким Правительством»³⁴. В итоге советско-английская договоренность, достигнутая в октябре 1944 г. и подтвержденная в Ялте, была сведена на нет.

Великобритания была обеспокоена стремлением СССР расширить свое влияние в Средиземноморье. В меморандуме личного секретаря министра иностранных дел Великобритании П. Диксона от 24 сентября 1945 г. получение СССР доступа к Средиземному морю и базы в его акватории определялось в качестве «главной цели русских» на сессии СМВД* (11 сентября – 2 октября 1945 г.), а также «реального вызова» Великобритании. Поэтому в меморандуме перед подготовкой к первой сессии СМВД содержался призыв «даже с риском провала совещания... выступить против требований, относящихся к Проливам и Триполитании»³⁵.

8 августа и 24 сентября 1945 г. Советский Союз предъявил Турции ноты, в которых повторил требования, изложенные Молотовым на советско-турецких переговорах 7 июня 1945 г.

* СМВД – Совет министров иностранных дел, учрежденный по решению Потсдамской конференции.

Вручение нот сопровождалось военными маневрами советских войск у советско-турецкой границы.

Эти действия вылились в длительный военно-политический кризис в советско-турецких отношениях, в котором активную роль играли Великобритания и США. Рассекреченная в середине 1990-х годов беседа В.М. Молотова с министром иностранных дел Великобритании Э. Бевином от 23 сентября 1945 г. объясняет, почему Великобритания так интересовалась Черноморскими проливами. Бевин заявил: «Британское правительство стремится восстановить свои права на международных водных путях в Европе»³⁶. К тому же в этом регионе появился новый могущественный игрок – США. Американские военные считали, что выход Советского Союза к Карсу и Проливам постепенно перерастет в контроль над Эгейским морем и Восточным Средиземноморьем³⁷.

Таким образом, советские предложения о пересмотре положений Конвенции в Монтрё о создании в зоне Проливов советской военно-морской базы были встречены как посягательство на независимость Турции и угроза американско-британским интересам в регионе³⁸.

Советско-турецкий конфликт был одним из моментов, который вызвал серьезную кампанию военных приготовлений со стороны США, в том числе и с рассмотрением возможности использования атомного оружия. Вопрос о реальности применения Соединенными Штатами атомного оружия с целью оказания давления на СССР и поддержки турецкого правительства обсуждается в ряде исследований³⁹. Военно-силовая демонстрация поддержки Анкары со стороны США была осуществлена в апреле 1946 г. Тогда на борту линкора «Миссури» в сопровождении эскадренных миноносцев в Стамбул было доставлено тело умершего в США в годы войны посла Турции. Из США для авиационного прикрытия линкора был направлен авианосец «Франклин Д. Рузвельт» с соответствующим числом кораблей охранения⁴⁰. Президент Турции И. Инёню назвал визит «Миссури» новой и блестящей демонстрацией турецко-американской дружбы и высоко оценил растущий уровень безопасности.

Можно считать, что фактор советской позиции в отношении Проливов стал одним из аргументов для провозглашения так называемой внешнеполитической «доктрины Трумэна», которую американский президент озвучил в Конгрессе 12 марта 1947 г. Как известно, основой новой доктрины являлась политика «сдерживания» в отношении СССР во всем мире⁴¹. После обсуждений 22 апреля в сенате и 9 мая в палате представителей Конгресс США 22 мая утвердил «Закон о помощи Греции и Турции». День спустя президент Трумэн подписал его, и военная помощь Турции приобрела официальный характер. Новый закон позволял американскому президенту, наряду с финансовой помощью, направлять в Турцию оборудование, командировать военных и технических специалистов, оказывать военно-технические и информационные услуги. В Анкару для подготовки двустороннего соглашения прибыла большая американская делегация во главе с генералом Л. Оливером, работа которой завершилась подписанием договора 12 июля 1947 г. Таким образом, Трумэн принял Грецию и Турцию «под крыло» американцев и обещал материальную помощь государствам, которым «угрожал коммунизм»⁴².

Советский посол в США Н.В. Новиков усматривал в интересе США к проблемам Проливов двойной смысл. С одной стороны, по его мнению, это означало, что США решили закрепитесь в бассейне Средиземного моря для поддержки своих интересов в странах Ближнего Востока и что они избрали орудием этой политики военно-морской флот. С другой стороны, Новиков, видимо, не без оснований, рассматривал шаги США как «военно-политическую демонстрацию против Советского Союза»⁴³.

Планы выхода СССР в Средиземноморье вряд ли были тогда реальными, прежде всего вследствие активного вмешательства США и упорного сопротивления Великобритании и Франции, взявших курс на укрепление своих позиций в послевоенной Европе и стремившихся максимально снизить международный авторитет Советского Союза и его влияние на послевоенное устройство мира, усилившиеся после блистательных побед Красной Армии.

Однако СССР продолжал свою политику давления на Турцию. 29 марта 1948 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило подготовленные Молотовым Указания новому послу в Турции А.А. Лаврищеву, в которых говорилось: «Учитывая, что политика нынешнего турецкого правительства ведет к превращению Турции в англо-американский военный плацдарм против Советского Союза и балканских стран новой демократии, посольство СССР в Турции не должно проявлять инициативы в стремлении к улучшению отношений с Турцией...» По вопросу о Проливах рекомендовалось ограничиться ответами, что «позиция Советского правительства по этому вопросу исчерпывающим образом изложена в советских нотах от 8 августа и от 24 сентября 1946 года»⁴⁴.

Неуступчивость СССР и постоянное давление на Турцию фактически способствовали еще более ее тесному сближению со странами Запада. В ноябре 1948 г. Совет национальной безопасности США вынес решение о том, что Восточное Средиземноморье и Средний Восток представляются жизненно важными для обеспечения безопасности США. Объединенный комитет начальников штабов Соединенных Штатов 24 ноября 1948 г. сформулировал американские интересы в данном регионе следующим образом: «С военной точки зрения, в период продолжающейся экспансионистской политики СССР безопасность Восточного Средиземноморья и Среднего Востока имеют для будущей безопасности США решающее значение. Греция и Турция входят в ареал территориальных амбиций СССР, и потому интересы безопасности США не могут позволить ни одной из этих стран попасть под влияние Советского Союза... Турция в стратегическом отношении более важна, чем Греция, так как через нее проходят главные воздушные, сухопутные и морские маршруты в районы Египта-Суэца и в нефтеносные районы Среднего Востока»⁴⁵.

В середине 1949 г. позиции Турции еще более укрепляются – ее принимают в Совет Европы. Пришедшее к власти в Турции в мае 1950 г. в результате выборов правительство демократов во внешней политике ставит перед собой две цели: добиться принятия страны в НАТО и увеличить объем американской экономической помощи. Одним из первых шагов

нового президента Турции Дж. Баяра было усиление борьбы с коммунистической опасностью. Проамериканская политика правящей партии, а также начавшаяся война в Корее способствовали ускорению решения вопроса о принятии Турции в НАТО. Причем турецкие власти пытались увязать вопрос о вступлении в НАТО с возможностью посылки турецких войск в Корею. Многолетние переговоры завершились подписанием в октябре 1951 г. протокола о принятии Турции в НАТО, после ратификации которого 18 февраля 1952 г. она официально стала членом Североатлантического союза.

После смерти Сталина во внешней политике СССР произошли серьезные изменения. Учитывая сложившуюся расстановку сил и не желая расширения конфликта с Турцией, 30 мая 1953 г. советское правительство в ноте турецкому правительству заявило о том, что «правительства Армении и Грузии сочли возможным отказаться от своих территориальных претензий к Турции», а новое руководство Советского Союза пересмотрело свое мнение по вопросу о Проливах и «считает возможным обеспечение безопасности СССР со стороны Проливов на условиях, одинаково приемлемых как для СССР, так и для Турции. Таким образом, Советское правительство заявляет, что Советский Союз не имеет территориальных претензий к Турции»⁴⁶.

После смерти Сталина его соратники неоднократно отмечали, что послевоенная советская политика в отношении Турции была ошибочной⁴⁷.

Тем не менее, дипломатические усилия СССР по вопросу Проливов были продиктованы небеспочвенными опасениями проникновения в будущем в Черное море флотов враждебных Советскому Союзу держав, как это уже было в годы Крымской войны 1853–1856 гг., русско-турецкой войны 1877–1878 гг., Первой и Второй мировых войн.

Как показали дальнейшие события, Восточное Средиземноморье, вплоть до начала 90-х годов XX в., стало одним из регионов острейшего соперничества за влияние между двумя сверхдержавами – СССР и США. Начало XXI в. также не принесло стабильности в этот регион, который относится к зоне повышенной конфликтности.

Поэтому мирное решение всех спорных вопросов в регионе Восточного Средиземноморья, включая режим Черноморских проливов, – насущная потребность для обеспечения национальных интересов и безопасности Российской Федерации.

Примечания

¹ Лаврова Т.В. Черноморские проливы (Исторический очерк). Ростов-на-Дону, 1997.

² Транспортное право. 2003. № 4. С. 26–30.

³ Новая и новейшая история. 2002. № 3. С. 58–77.

⁴ Гасанлы Дж.П. СССР–Турция: от нейтралитета к холодной войне (1939–1953). М., 2008; Еремеев Д.Е. Турция в годы Второй мировой и «холодной» войн (1939–1990). М., 2005.

⁵ Цит. по: Киняпина Н.С. Балканская конфедерация в планах военного министра России Д.А. Милютина // Отечественная история. 1996. № 3. С. 152.

⁶ См.: Покровский М.Н. Империалистическая война. М., 1928; он же. Балканские войны // БСЭ. Т. 4. 1926. С. 504.

⁷ Васильева Н.В., Гаврилов В.А. Балканский тупик?.. (Историческая судьба Югославии в XX веке). М., 2000. С. 45.

⁸ См.: Fischer F. Griff nach der Weltmacht. Dusseldorf, 1961; Bündnis der Eliten: Zur Kontinuität der Machtstruktur im Deutschland 1871–1945. Dusseldorf, 1971. S. 35–60.

⁹ Писарев Ю.А. Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М., 1985. С. 5.

¹⁰ Там же. С. 220.

¹¹ Там же. С. 222.

¹² Шеремет В.И. Босфор: Россия и Турция в эпоху первой мировой войны: По материалам русской военной разведки. М., 1995. С. 44, 121–122.

¹³ Писарев Ю.А. Сербия на Голгофе и политика великих держав 1915–1916 гг. М., 1993. С. 54.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Документы внешней политики СССР. Т. 1 (7 ноября 1917 г. – 31 декабря 1918 г.). М., 1959. С. 34–35.

¹⁶ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Вып. IX. М., 1938. С. 61–78.

¹⁷ Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии, 1941–1945. М., 2004. С. 418–421.

¹⁸ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник документов. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). М., 1979. С. 217.

¹⁹ Там же. С. 216.

²⁰ См.: Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. IV (1935 г. – июнь 1941 г.). М., 1946. С. 154–157.

²¹ Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 054. Оп. 24. П. 537. Д. 18. Л. 35; Кочкин Н.В. СССР, Англия, США и «Турецкий кризис» 1945–1947 гг. // Новая и новейшая история. 2002. № 3. С. 63.

²² Там же.

²³ 11 марта 1945 г. эксперты НКВД в справке «К вопросу о советско-турецком Договоре о дружбе и нейтралитете» предупреждали, что подобный шаг осложнит

решение проблемы Проливов и помешает заключению нового союзного договора (АВП РФ. Ф. 015. Оп. 5. Д. 8. Л. 4).

²⁴ Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. V (июнь 1941 – сентябрь 1945 г.). М., 1947. С. 547.

²⁵ *Кочкин Н.В.* Указ. соч. С. 64.

²⁶ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. Д. 31. Л. 30–31.

²⁷ Documents of British Policy Overseas. Series Ith (далее – DBPO). V. 1. № 18. P. 28–30.

²⁸ Цит. по: Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива. М., 2003. С. 39.

²⁹ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник документов. Т. VI. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа 1945 г.). С. 135–136.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. С. 326–327.

³² Там же. С. 137, 175–176.

³³ Там же. С. 135–136.

³⁴ Там же. С. 149, 381, 444.

³⁵ Цит. по.: *Кочкин Н.В.* Указ. соч. С. 68.

³⁶ АВП РФ. Ф. 0512. Оп. 4. П. 31. Док. № 304. Л. 33–60.

³⁷ Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива. С. 39.

³⁸ Россия и Черноморские проливы (XVIII – XX столетия). М., 1999. С. 473.

³⁹ *Печатнов В.О.* «Стрельба холостыми»: советская пропаганда на Запад в начале холодной войны (1945–1947) // Сталин и холодная война. М., 1998. С. 177; *Zubok V., Pleshakov C.* Inside the Kremlin's Cold War: from Stalin to Khrushchev. L., 1996. P. 93.

⁴⁰ *Strauss L.L.* Men and Decisions. N.Y., 1962. P. 158.

⁴¹ Речь Г. Трумэна на заседании Конгресса 12 марта 1947 г. – «Доктрина Трумэна». [Электронный ресурс] // URL: <http://www.coldwar.ru/truman/doctrine.php>.

⁴² *Кальвокоресси П.* Мировая политика после 1945 года: В 2-х кн. Кн. 1 / Пер. с англ. М., 2000. С. 39.

⁴³ Первые письма с «холодной войны» // Международная жизнь. 1990. № 11. С. 152.

⁴⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 162. Д. 39. Л. 41–42.

⁴⁵ A Report to the President by the National Security Council on US Objectives with Respect to Greece and Turkey to Counter Soviet Threats to US Security. 1949. March 22. Washington. P. 8.

⁴⁶ Правда. 19 июля 1953 г.

⁴⁷ См., например: Выступление Н.С. Хрущева на 11-м заседании июньского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС // Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 161. Л. 223–224; Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма июньского Пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1998. С. 473; *Чув Ф.И.* Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991. С. 102; *он же.* Молотов: полудержавный властелин. М., 2000. С. 147–148.

Татьяна Викторовна ВОЛОКИТИНА

Болгарский вопрос и союзники по антигитлеровской коалиции (1941 – 1945 гг.)

После нападения фашистской Германии на СССР советское политическое руководство активизировало дипломатические усилия, в первую очередь, на английском и американском направлениях. Постоянной и главной доминантой являлось укрепление отношений с союзниками по складывавшейся антигитлеровской коалиции, а их краеугольным камнем – вопрос об открытии второго фронта. Уже в первом послании премьер-министру Великобритании У. Черчиллю от 18 июля 1941 г. И.В. Сталин, указав на «напряженное положение сов[етских] армий», отметил: «...Военное положение СССР, а также Великобритании было бы значительно улучшено в случае установления фронта против Гитлера на западе (сев[ерная] Франция) и севере (Арктика). Фронт во Франции не только отвлек бы гитлеровские силы от востока, но и сделал бы невозможным вторжение немцев в Англию»¹. Позиция британского премьера была изложена в ответном письме от 20 июля: ссылаясь на ограниченные возможности Англии, он выразил готовность провести комбинированную операцию с помощью морских и воздушных сил в районе Шпицбергена и севера Норвегии («Это максимум того, что мы можем сейчас сделать») и категорически отверг советское предложение об открытии второго фронта во Франции². Посол СССР в Лондоне И.М. Майский, беседовавший в тот же день с Черчиллем, записал в своем дневнике: премьер «стал настойчиво меня убеждать, что полон искреннего желания оказать СССР максимальную помощь, но не хочет вместе с тем создавать у нас опасных иллюзий. ...В общем мало утешительно. Второго фронта во Франции сейчас не будет. Всю тяжесть борьбы с германской военной машиной нам придется

выносить на своих плечах. Но, по крайней мере, мне ясна теперь позиция премьера. Это важно. Не надо иллюзий! *Wishful thinking** хуже всего³.

Воспринятая Лондоном идея совместных действий на севере реализовывалась медленно и в ограниченных масштабах, что вызывало понятное недовольство в Москве и, по словам Майского, доводило до «отчаянья» советских моряков и военных⁴. В этих условиях масла в огонь подлила и попытка лидеров Англии и США монополизировать обсуждение вопросов будущего миропорядка, выразившаяся в подготовке и принятии в августе 1941 г. без ведома СССР Атлантической хартии. Ориентированный на вопросы «более долгосрочной политики» документ фиксировал непризнание территориальных изменений, осуществляемых вопреки желаниям заинтересованных народов; право народов самостоятельно избирать форму правления; восстановление суверенных прав и самоуправления стран, «лишенных этого насильственным путем»; разоружение государств-агрессоров, в том числе и потенциальных, «впредь до установления более широкой и надежной системы всеобщей безопасности»; уничтожение «нацистской тирании»; обеспечение такого положения, «при котором все люди во всех странах могли бы всю жизнь не знать ни страха, ни нужды»; свободу мореплавания; равенство всех стран в торговле и доступе к мировым источникам сырья; плодотворное экономическое сотрудничество, обеспечивающее более высокий уровень жизни и социальную защиту всем гражданам⁵.

Несмотря на безусловную привлекательность принципов Атлантической хартии, для советской стороны они имели в тот момент отнюдь не главное значение. Авторы документа обошли первостепенный важности вопрос — о втором фронте, значение которого еще больше возрастало в связи с фактическим признанием союзниками предстоявшего расширения масштабов войны и ее продолжительного характера. («Война идет на многих фронтах, и, до того, как она окончится, могут возникнуть еще новые боевые фронты», — писали Черчилль и Рузвельт Сталину 15 августа 1941 г.) Признание «мужественно-

* *Wishful thinking* (англ.) — принятие желаемого за действительное.

го и твердого сопротивления Советского Союза» и обещание немедленной помощи обесценивались заявлением, что ресурсы Запада (речь шла о военном производстве и сырье), «хотя и огромные, тем не менее ...ограничены» и требуют наиболее эффективного использования. Хотели того или нет западные союзники, но данная констатация выдавала наличие у них иных, более важных, нежели Восточный фронт, приоритетов при распределении экономических ресурсов. В качестве подтверждения приведу беседу Черчилля с Майским 4 сентября 1941 г. Говоря о своих планах на 1942 год, премьер-министр, помимо прочего, сформулировал задачу «готовить армию, усиливать воздушный флот, развивать производство оружия, укреплять *Бл[ижний] Восток*» (здесь и далее курсив мой. — Т. В.). «К концу т[екущего] года, — заявил он, — я рассчитываю иметь в этой части света 750 тыс. войск (сейчас около 600), к весне 1942 г. — около 1 мил[лиона]»⁶.

Реакция советской стороны на обстоятельства появления Атлантической хартии была вполне предсказуемой. Она нашла, в частности, выражение в «добром совете» Майского британскому министру иностранных дел А. Идену в беседе 26 августа 1941 г. «не принимать ответственных деклараций (*deus ex machina**) среди Атлантического океана». Дело не в содержании документа, заметил советский посол, а «в способе [его] рождения». «Создалось впечатление: Англия и США вообразили себя господом богом, который судит весь остальной грешный мир, в том числе и СССР. На такой базе дружбы не построить». Москва, ожидавшая более решительных и конкретных формулировок в отношении Германии, усмотрела в действиях Запада намерение «превратить СССР в бесплатное приложение других держав»⁷. Вместе с тем советская сторона воспользовалась открытым характером хартии, предполагавшим возможность присоединения к ней других государств, и приняла участие в Межсоюзнической конференции в Лондоне, в сентябре 1941 г., созванной для согласования текста документа союзниками Великобритании в войне. Советская делегация предложила раз-

* *Deus ex machina* (лат.) – Бог из машины (букв.) – разрешение трудной ситуации, не вытекающее из естественного хода событий.

работать конкретную программу антифашистской коалиции по разгрому агрессоров, определить наиболее эффективные средства и методы ее реализации, подчеркнув, что практическое применение принципов хартии «неизбежно должно будет соотноситься с обстоятельствами, нуждами и историческими особенностями той или другой страны»⁸.

Тяжелая обстановка, сохранявшаяся на советско-германском фронте к осени 1941 г., обусловила продолжение поиска советской стороной способов давления на Лондон и Вашингтон с целью открытия второго фронта. Отвечая на телеграмму Сталина от 30 августа, в которой выражалось опасение «проиграть дело», если в ближайшие 3–4 недели второй фронт не будет открыт, посол Майский предложил еще раз попытаться подтолкнуть британское правительство к созданию второго фронта «*во Франции или на Балканах*»⁹. Предложение было услышано. 3 сентября 1941 г. в личном послании Черчиллю Сталин, указав на смертельную угрозу, нависшую над СССР, подчеркнул: существует одна возможность исправить положение — создать уже в этом году второй фронт «на Балканах или во Франции», заставить немцев, таким образом, оттянуть с Восточного фронта 30–40 дивизий¹⁰. В первый и единственный раз Сталин признал возможность балканского варианта второго фронта! Более того, — сам предложил этот вариант союзникам.

Однако британское руководство заняло твердую негативную позицию, обосновав отказ с точки зрения временного и географического факторов. Заявив о невозможности открытия второго фронта в 1941 г., Черчилль в упомянутой выше беседе с Майским 4 сентября назвал и следующий, 1942-й, год «подготовительным» («Никаких крупных десантных операций. Никаких попыток привести войну к решению»), а 1943 год рассматривал как «еще только гипотезу». «Не исключено, — подчеркнул он, — что развязку придется отложить до 1944 г.». Что касается места возможной высадки сил союзников, то балканский вариант Черчилль в то время отклонил из-за малой численности британских сухопутных войск (попутно он признал их слабость и недостаточную обученность — «Мы, англичане, плохие союзники на суше. У нас нет ни традиций, ни опыта, ни вкуса»), а

также из-за нехватки авиации и малого тоннажа военно-морского флота¹¹. 5 сентября 1941 г. окончательный вердикт вынесло совещание начальников штабов: второй фронт невозможен ни на западе, ни на Балканах, причем, как записал в своем дневнике Майский, «о Балканах в этом аспекте они даже не стали особенно много говорить как о вещи само собой разумеющейся» — флот не может обеспечить операцию¹².

Примерно в эти дни советское руководство предприняло важную попытку установить прямое военное сотрудничество с Великобританией. В послании Черчиллю от 13 сентября 1941 г. Сталин предложил отправить в СССР через Архангельск или Иран британский экспедиционный корпус из 25–30 дивизий¹³. Увязав свое предложение с невозможностью, по мнению англичан, открыть второй фронт, советский руководитель фактически сформулировал своего рода альтернативу: уж если не второй фронт, то хотя бы конкретная военная помощь. Трудно с определенностью сказать, надеялся ли Сталин на согласие англичан или хотел дать понять Лондону, что неоднократные заявления о готовности «сделать всё возможное для облегчения положения СССР», изыскать «пути и средства для достижения этой цели» и т.п. вызывают в Москве сомнения, расцениваются, по большому счету, как демагогический прием в большой политической игре, ставкой в которой были собственные британские интересы.

Как бы то ни было, реакция англичан не заставила себя долго ждать. Лондон выразил готовность, в первую очередь, сменить советские войска в Северном Иране, а в качестве помощи срочно направить «символическую» часть британских войск на Кавказ. С целью налаживания взаимодействия с советскими военными туда готовился выехать главнокомандующий британскими войсками в Юго-Западной части Тихого океана генерал А. Уэйвелл, уведомивший об этом командование Закавказского фронта¹⁴. Двусмысленная ситуация разрешилась в октябре месяце. В беседе с послом С. Криппсом 22 октября 1941 г. В.М. Молотов заявил, что «речь идет не о присылке английских войск вообще на территорию СССР, а о вводе английских войск на помощь фронту», но такового на Кавказе нет. «...Если англий-

ское правительство хочет помочь СССР, — подчеркнул Молотов, — то не надо дожидаться, пока немцы будут на Кавказе, а надо сделать это раньше»¹⁵. Командование Закавказского фронта получило распоряжение Ставки (то есть Сталина) сообщить Уэйвеллу о своей неправомерности решать вопросы совместных с англичанами военных действий на территории СССР. А одновременно «от себя» Ставка приказала «вежливо отшить Уэйвелл[а] и ему подобных и послать их подальше»¹⁶.

Таким образом, из сталинского предложения о присылке экспедиционного корпуса ничего не вышло, и впоследствии советский руководитель никогда не возвращался к этой идее.

Вопрос о втором фронте и в дальнейшем оставался постоянным пунктом в повестке дня встреч союзников¹⁷, пока на третьей Вашингтонской конференции руководителей Великобритании и США (12–25 мая 1943 г.) не была впервые определена конкретная дата высадки союзников в Западной Европе — 1 мая 1944 г.

Выявившиеся в связи с проблемой второго фронта сложности в отношениях между союзниками лежали, что называется, на поверхности. Однако существовали и глубинные источники напряженности. И один из них заключался в различных представлениях сторон о перспективах послевоенного миропорядка.

Инициаторами рассмотрения этой проблемы выступили западные союзники. Однако некоторые особенности их «поведения», связанные с подготовкой и принятием Атлантической хартии, о чем говорилось выше, обусловили резкие перемены в советской позиции, причем в короткий срок. Еще в июле 1941 г. в беседе с послом Великобритании в Москве С. Криппсом Сталин счел тему послевоенного урегулирования неактуальной, что, в принципе, было понятным. А уже во время визита А. Идена в Москву в декабре 1941 г. британский гость констатировал: его правительство «всерьез не занималось проблемой будущего Германии, как и вообще проблемами послевоенной Европы. Здесь оно *далеко отстало от Советского правительства*»¹⁸. Действительно, к тому времени уже оформилась в общих чертах советская внешнеполитическая концепция системы послевоен-

ной европейской безопасности на основе двух региональных подсистем пактов о взаимопомощи. Для Великобритании предусматривались пакты с Бельгией и Голландией, для Советского Союза – с Финляндией и Румынией¹⁹. При этом приоритет получил не геополитический, и тем более не идеологический, а антигерманский фактор. В этом контексте особое значение приобретала выработка позиции по отношению союзников к германским сателлитам, в том числе и к Болгарии.

С декабря 1941 г. эта балканская страна находилась в состоянии войны с США и Великобританией. Американская администрация включила Болгарию в список стран-агрессоров и категорически отказалась признать территориальные изменения в результате оккупации болгарскими войсками части Югославии и Греции. На основании констатации, что София действовала силой, не признана была и осуществленная при поддержке Германии передача болгарам румынами Южной Добруджи в сентябре 1940 г.

Советское руководство продолжало придерживаться целеполагающей установки, сформулированной Сталиным еще зимой 1940 г., во время подготовки визита Молотова в Берлин: страна «должна быть отнесена к сфере интересов СССР на той же основе гарантий... со стороны СССР, как это сделано Германией и Италией в отношении Румынии, с вводом советских войск в Болгарию»²⁰. Считаясь с позицией союзников, Сталин при обсуждении с Иденом «схемы реорганизации европейских границ после войны» предлагал «наказать Болгарию за ее поведение», отторгнув у нее район Бургаса («По мнению тов. Сталина, для Болгарии совершенно достаточно иметь один морской порт в виде Варны», – указывалось в записи беседы²¹). Впоследствии позиция советского лидера по этому вопросу постепенно менялась, о чем речь впереди.

Поначалу советская сторона поддержала идею Запада о создании в Европе, в том числе и на Балканах, различных государственных федераций. Их разнообразные варианты, возможный состав и параметры, прежде всего экономические, тщательно анализировались в НКВД СССР с учетом интересов союзников. В Комиссии по подготовке мирных договоров

и послевоенного устройства, созданной в 1942 г. в наркомате под руководством М.М. Литвинова, изучались возможные варианты — Адриатическая, Скандинавская, Дунайская монархическая, Польско-Чехословацкая, Центрально-Восточноевропейская федерации, Северный и Южный славянские союзы и пр. По меньшей мере, три варианта федераций предусматривали участие в них Болгарии: Дунайская (Австрия, Румыния, Болгария, Венгрия, Югославия), Балканская (Югославия, Румыния, Болгария, Греция) и Федерация стран Центральной и Юго-Восточной Европы (Австрия, Чехословакия, Польша, Венгрия, Румыния, Югославия, Болгария, Греция)²². Забегая вперед, замечу, что к середине 1943 г. советская сторона определила свое в целом негативное отношение к идее федерирования, поскольку создание наднациональных объединений в Москве всё отчетливее ассоциировалось с перспективами возрождения антисоветского «санитарного кордона» на западных рубежах СССР.

Готовясь к военным действиям в Сицилии или Сардинии, рассматривавшимся как прелюдия к вторжению в Италию, западные союзники пытались оценить состояние движения Сопротивления немцам на Балканах и его влияние на становившуюся реальной капитуляцией итальянского противника. Начало было положено на встрече английских и американских представителей в Касабланке (Марокко) в январе 1943 г. Участники обсудили возможные пути вовлечения Турции в войну на стороне антигитлеровской коалиции. Среди прочего, рассматривался вариант сосредоточения англо-американского воинского контингента вблизи турецкой границы, а в качестве «приманки» предлагалось пообещать Анкаре территориальные приращения, в том числе и за счет «некоторых частей Болгарии» (речь шла о районе черноморского порта Бургаса, о чем в свое время говорил Сталин Идену). Вопрос о Турции и в дальнейшем не терял актуальности и обсуждался на протяжении мая—сентября 1943 г. на встречах западных союзников в Вашингтоне, Нью-Йорке, Квебеке. Однако добиться изменения «поведения» Анкары не удалось. Исходя из этого, англичане и американцы условились, что действия на Балканах будут ограничены оказанием помо-

щи движению Соппротивления, заброской десантных групп и бомбардировками стратегических объектов.

После впечатляющих побед Красной Армии под Сталинградом и на Курской дуге советская сторона, как отмечают исследователи, обрела большую уверенность в своих действиях, осознала, что может решительнее отстаивать собственные позиции. При этом Москва имела перед собой пример союзников, нередко предпочитавших ставить СССР перед свершившимися фактами, нежели следовать достигнутым договоренностям. Так, осенью 1943 г. англичане и американцы без консультаций с советским правительством начали борьбу за выход из войны Италии. Сталин отреагировал посланием Черчиллю и Рузвельту, предупредив, что не согласен быть пассивным адресатом, которому сообщают о принятых решениях, и предложив создать совместную военно-политическую комиссию для подготовки переговоров с сателлитами Германии, пожелавшими выйти из войны²³. Было очевидно, что советский руководитель учтет созданный союзниками прецедент в будущем, при решении центрально-европейских и балканских проблем. Более того, в Москве рассчитывали, что такая тактика в связи с коренным переломом на фронтах в пользу советской стороны сможет принести ей значительные результаты.

1943 год, названный исследователями «годом конференций», отразил приоритетное значение вопросов «большой политики». Основные причины этого назвал посол Майский. «Во-первых, — записал он в дневнике 1 января, — ...мир всё больше ощущает перелом в ходе войны, конечная победа союзников становится всё очевиднее и, стало быть, всё конкретнее делаются послевоенные проблемы. Во-вторых, ...исход войны для немцев всё больше уходит из сферы войны (чисто военным путем они победить не могут) в сферу политики (избежать поражения путем заключения сепаратного или компромиссного мира)»²⁴. На поиски возможностей и путей вывода из войны германских сателлитов направлялись отныне и усилия антигитлеровской коалиции.

После капитуляции Италии в конце сентября 1943 г. болгарский вопрос начал занимать всё более значительное место

в дискуссиях союзников, хотя, как правило, обсуждался в контексте проблем Турции, Балкан и «пробных мирных зондажей» германских сателлитов. В отличие от англичан и американцев, советская сторона была хорошо знакома с положением в Болгарии. Это проявилось, в частности, на конференции министров иностранных дел в Москве (19–30 октября): по просьбе Идена советская делегация предоставила исчерпывающую информацию о стране, указав, в частности, на растущую оппозицию части населения правительственной политике и попытке болгарского кабинета ограничить свои обязательства по отношению к Третьему рейху. По ходу обсуждения по-прежнему актуального вопроса о вовлечении в войну Турции на стороне Объединенных Наций советская сторона заявила о готовности поддержать Анкару в случае нападения Болгарии, разорвав отношения с болгарским «монархо-фашистским правительством». Сталин также одобрил намерение англичан воздушными бомбардировками принудить болгар к выводу своих оккупационных войск из Югославии и Греции и к переговорам о мире. (Намерение не осталось на бумаге: с середины ноября начались интенсивные удары по Софии и другим болгарским городам.)²⁵ Но в целом при обсуждении вопроса об отходе стран-сателлитов от Германии речь шла в основном только о Румынии, Венгрии и Финляндии. Болгария как субъект международных отношений пока еще оставалась на периферии внимания союзников, хотя в то время и правительство, и Дворец пытались установить контакты с миссиями США в Каире и Стамбуле²⁶, а болгарская оппозиция, вынашивая планы создания нового правительства, способного вывести страну из войны, также осуществляла зондаж настроений западных кругов. С этой целью в Каире побывал видный деятель крестьянской партии БЗНС Г. Димитров (Гемето), пообещавший британским представителям поддержку со стороны болгар в момент высадки англо-американских войск на Балканах²⁷.

Первая встреча «большой тройки» в Тегеране (28 ноября – 1 декабря 1943 г.) проходила в условиях, когда Красная Армия вплотную подошла к границам Польши и Румынии. Неслучайно поэтому центральное место в повестке дня занял вопрос о

втором фронте. Определение времени его создания (действовать следовало «не слишком рано и не слишком поздно») стало для западных союзников, обеспокоенных фантомом «большевизации» Европы, делом тактики. Не менее важным был и выбор приоритетного направления будущей операции. Черчилль предложил провести высадку союзных армий на Балканах, подчеркивая, что в условиях уязвимости балканского фланга «оси» это позволило бы сковать несколько десятков немецких дивизий и поддержать силы Сопротивления на полуострове²⁸.

Истинная подоплека намерений британской стороны, однако, не укрылась от партнеров. Президент Рузвельт отмечал позднее: «Всякий раз, когда премьер-министр настаивал на вторжении через Балканы, всем присутствующим было совершенно ясно, чего он на самом деле хочет. Он, прежде всего, хочет врезаться клином в Центральную Европу, чтобы не пустить Красную Армию в Австрию и Румынию и даже, если это возможно, в Венгрию. Это понимал Сталин, понимал я, да и все остальные»²⁹.

Совместными усилиями советской и американской делегаций «балканский вариант» был отклонен, хотя мотивы у Сталина и Рузвельта были разными. Советского руководителя не устраивало перемещение вектора наступления союзников с западного направления на Балканы, на которые нацеливались советские войска, а позицию американцев обусловил целый комплекс соображений, в том числе и опасение распыления сил, открывавшего, по мнению военных, возможность Красной Армии дойти до Ла-Манша и овладеть Рурским бассейном³⁰.

Разочарованный итогами Тегерана, Черчилль записал в те дни: «...Впервые в жизни я понял, какая мы маленькая нация. Я сидел с огромным русским медведем по одну сторону от меня и с огромным американским бизоном — по другую; между этими двумя гигантами сидел маленький английский осёл»³¹.

Уже на первом заседании Тегеранской конференции, 28 ноября, англичане инициировали болгарский вопрос, проявив крайнюю озабоченность «поведением» этой балканской страны и позицией России в случае вступления нейтральной Турции в войну. Подтвердив заявление, сделанное на Москов-

ской конференции министров иностранных дел, советская делегация четко констатировала: как только Турция объявит войну Германии, а Болгария как член Тройственного пакта нападет на Турцию, СССР будет считать себя в состоянии войны с Болгарией. Англичане, как указывалось в записи встречи, были удовлетворены «столь открытым заявлением о Болгарии». Их, говоря современным языком, «симметричным ответом» стало признание справедливости желания России иметь выход «в теплые моря». И еще один штрих: намекая на деликатность положения советской стороны в отношении болгар, Черчилль заметил, что те «всё еще помнят, что Россия освободила их от турок». На это последовала характерная реплика Сталина: «Это уже давно забыто»³². Прагматик Сталин явно был далек от желания руководствоваться в большой политике эмоциями, как, впрочем, и от идеализации отношений между «братушками». (Замечу, что при публикации материалов Тегеранской конференции эта реплика Сталина была опущена.)

Развитие событий на фронтах Второй мировой войны в 1944 г. вызывало у западных союзников двойственные чувства. Отмечая «глубокий интерес и растущую надежду», с которыми Запад наблюдал за «развитием гигантского наступления русских», Черчилль отмечал позднее в мемуарах охватившее его тогда чувство тревоги: «Поскольку победа Великого союза становилась лишь делом времени, естественно, что устремления русских возрастали. Коммунизм поднимал голову за победоносным русским фронтом. Россия была спасительницей, а коммунизм — евангелием, которое она с собой несла»³³. Характерно, что именно в начале 1944 г. свою заинтересованность в балканских делах проявили и Соединенные Штаты. Это нашло отражение в одном из оперативных донесений Главного разведывательного управления Красной Армии, датированном мартом 1944 г. Ранее достигнутое соглашение, говорилось в документе, «возлагающее стратегическую ответственность за Балканы на главнокомандующего британскими вооруженными силами, никоим образом не говорит о том, что Соединенные Штаты...намерены пренебрегать собственными интересами в этом районе». Авторы ссылались на добытую советской разведкой информацию о

намечавшемся создании объединенного англо-американского комитета по оказанию помощи Балканам³⁴.

Многочисленные источники, которые сегодня активно используются исследователями, убедительно указывают на особый интерес англичан к другой балканской стране – Греции. Ее судьба, наряду с Польшей, как отмечал Черчилль в мемуарах, «нас касалась непосредственно»³⁵. Эмоциональные оценки ситуации, свойственные британскому премьеру*, помогают объяснить готовность Лондона перевести идею раздела сфер интересов между СССР и Великобританией в практическую плоскость. 18 мая 1944 г. советский посол Ф. Т. Гусев и А. Иден обсудили предложение англичан о выводе Греции и Румынии из войны. Сообщая в личной телеграмме 31 мая о результатах беседы Рузвельту, Черчилль указал, что советская сторона согласна взять на себя «ведущую роль в румынских делах», а англичане – «такую же роль в греческих делах. Такая договоренность была бы естественной в существующей военной обстановке, поскольку Румыния находится в сфере русских армий, а Греция – в сфере союзного командования на Средиземноморском театре военных действий...». Опасаясь, однако, что Рузвельт воспримет односторонние действия Лондона как нарушение совместной союзнической политики, Черчилль подчеркнул: «Мы, конечно, не желаем делить Балканы на сферы влияния», указанная договоренность «применима только к условиям военного времени и не затрагивает прав и обязанностей каждой из великих держав при мирном урегулировании и после него в отношении всей Европы», она «была бы полезным средством для предотвращения любых политических разногласий между нами и ими на Балканах»³⁶. Американский президент на уловку не поддался и в ответ телеграфировал 11 июня 1944 г.: «...Мы признаём, что правительство, несущее военную ответственность на любой данной территории, неизбежно будет принимать решения, диктуемые военной обстановкой, но мы убеж-

* Личный врач Черчилля лорд Ч. Мак-Моран 4 сентября 1944 г. записал в дневнике следующее высказывание премьер-министра: «Боже милосердный! Неужели Ты не видишь, что русские разливаются по Европе, как море. Захватили Польшу, и ничто их не сдерживает от вступления в Турцию и Грецию!» (Цит. по: *Cytowska-Siegrist E. Stany Zjednoczona a Polska. 1939–1945. Warszawa, 2013. S. 305*).

дены, что естественная тенденция таких решений охватывать другие области, помимо военной, будет укреплена соглашением предложенного типа. По нашему мнению, это, безусловно, приведет к углублению разногласий между Вами и Советами и к разделу района Балкан на сферы влияния вопреки намерению ограничиться военными делами. Мы считаем, что предпочтительно сделать усилия к созданию консультативного механизма с целью рассеять недоразумения и ограничить тенденцию к образованию исключительных сфер»³⁷.

Вопрос о «разделении обязанностей» на Балканах был отложен до октября 1944 г., когда «реалист» Сталин и «не отличающийся сентиментальностью» британский премьер-министр (эти характеристики принадлежали самому Черчиллю) рассмотрели в Москве «процентное соглашение», устанавливавшее «доли» влияния СССР и Великобритании в Румынии, Греции, Югославии и Болгарии.

Хотя, по признанию Черчилля, отношения Великобритании в прошлом с Болгарией, как и с Румынией, не требовали от Лондона «каких-то особых жертв»³⁸, на октябрьской встрече отчетливо выявилась достаточно жесткая позиция британской стороны в отношении Болгарии. Заметив, что «англичан болгары сильно оскорбили» (вели себя «очень плохо», напав на Румынию во время Первой мировой войны), а в последней войне творили жестокости в Югославии и Греции, Черчилль категорически воспротивился перспективе, чтобы «болгары сидели с союзниками за одним столом». Кроме того, премьер-министр заметил, что в Болгарии англичане «хотели бы быть немного больше, чем зрителями», каковыми являются в Румынии³⁹. Речь шла о подписанном к тому времени Соглашении о перемирии с Румынией, закрепившем ведущую роль Советского Союза в деятельности Союзной контрольной комиссии (СКК) в стране.

Октябрьская встреча ассоциируется, в первую очередь, с достижением своего рода «геополитического компромисса». Рассчитывая на неформальную договоренность о сферах влияния на Балканах, Черчилль предложил следовать в Румынии соотношению 90:10 в пользу СССР, в Болгарии — 75:25. В свою очередь, в Греции Великобритания (в согласии с Соединенны-

ми Штатами) оставляла за собой «долю» в 90%. В Югославии и Венгрии устанавливалось равное соотношение — 50:50.

Как и прежде, на московской встрече болгарский вопрос оказался включенным в более широкий международный контекст, и обстановку в стране Сталин сравнил с ситуацией в Северной Италии, где находились войска западных союзников. В ответ на просьбу Черчилля повлиять на итальянских коммунистов и «затормозить» их деятельность Сталин заметил: «...В Италии нет советских войск, в противоположность Болгарии, где они имеются и где мы можем приказать коммунистам не делать того-то и того-то. Но если он, тов. Сталин, будет давать какие-либо советы Эрколи [Тольятти. — *Т. В.*], то Эрколи может послать его к черту, ибо он, товарищ Сталин, совсем не знает обстановки в Италии. Он, товарищ Сталин, может лишь сказать, что Эрколи — умный человек и что он не пойдет на какую-либо авантюру»⁴⁰. Понятно, что оговорки Сталина о якобы плохом знании им внутривосточной ситуации в Италии, как и указание на «самостоятельность» П. Тольятти, не могли обмануть собеседника: в Лондоне не сомневались, что Москва сохраняла рычаги влияния на итальянских коммунистов. Главное же заключалось в том, что Сталин ясно дал понять: «авантюра» не состоится, так как советское руководство не даст на нее «добро». Фактически это означало договоренность, что итальянские коммунисты не станут «будоражить» страну. Показательно, что Сталин, пойдя навстречу пожеланию Черчилля, сразу же, без какого-либо перехода, выразил желание «поправить цифру по Болгарии». Расчет на взаимность собеседника оправдался: Черчилль, заявив, что, «вообще говоря, ему на Болгарию наплевать», предложил обсудить этот вопрос Идену и Молотову⁴¹. Руководители внешнеполитических ведомств, как известно, согласились скорректировать первоначальный «процентаж» применительно к Болгарии и Румынии: в окончательном виде установленное соотношение составило 80:20 в пользу Советского Союза. Следует отметить, что, добившись корректировки в раскладе сил, Сталин в ответ на резко недружелюбные замечания Черчилля в адрес болгар ограничился лаконичным замечанием, что «Болгарию, конечно, нужно

наказать»⁴². Однако от какой-либо конкретизации отказался, отступив, таким образом, от своей позиции, выраженной в беседе с Иденом зимой 1941 г.

Установление сфер влияния отразилось и в рабочих материалах НКВД СССР, где продолжали размышлять над их конкретным «наполнением». В датированном 15 ноября 1944 г. одном из важных документов «О перспективах и возможной базе советско-британского сотрудничества», вышедшем из-под пера М.М. Литвинова, к «максимальной сфере интересов Советского Союза» были отнесены Финляндия, Швеция, Польша, Венгрия, Чехословакия, славянские страны Балканского полуострова и Турция. Ключевой для СССР вопрос о Проливах Литвинов рассматривал через призму возможной интернационализации режима их использования, причем четко обозначив, *какая интернационализация была бы приемлема для советской стороны*. Единственно возможным вариантом он считал «передачу контроля над Проливами исключительно черноморским державам при наличии условий, обеспечивающих дружественные отношения к нам со стороны Румынии и Болгарии»⁴³. Под такими «условиями» Москва, согласно официальным заявлениям советских руководителей, понимала создание в указанных странах лояльных СССР режимов, подчеркивая свою «незаинтересованность» во введении социалистических порядков. Конкретные материалы подтверждают, что на том этапе Москва считала действовавшую в странах Центральной и Юго-Восточной Европы коалиционную систему осуществления власти адекватной сложившимся реалиям.

Вместе с тем процесс укрепления народно-демократической власти в Болгарии, Румынии и Венгрии, несмотря на различия в темпах и социальной динамике, прорисовывал перспективу усиления левых сил и установления монополярной власти коммунистов, что встречало резко-негативную реакцию Запада и желание воспрепятствовать этому. В то же время доминирующая роль СССР в Союзных контрольных комиссиях (СКК), обеспечивавшая поддержку радикальных общественно-политических перемен, обусловила намерение союзников пересмотреть принципиальные основы и практику

деятельности комиссий, «утяжелить» в них собственный вес. Но так как неоднократные попытки ревизовать имевшиеся на этот счет договоренности, в частности, расширить прерогативы и возможности западных представителей в СКК, успеха не принесли, было решено рассмотреть этот вопрос на предстоящей Крымской конференции союзников. Как указывалось в материалах госдепартамента США, следовало срочно «прояснить положение» в связи с вызывавшими резкую критику союзников действиями советского руководства Комиссий⁴⁴.

В ходе подготовки встречи в Ялте западные союзники условились создать действенный инструмент прямого вмешательства в политическое развитие восточноевропейских стран в целом. С этой целью они согласовали свои претензии, которые намеревались предъявить Сталину. Этому были посвящены англо-американские переговоры на Мальте в конце января—начале февраля 1945 г.⁴⁵. Союзники обсудили американское предложение о создании Чрезвычайной верховной комиссии для освобожденной Европы с предоставлением ей прав и возможностей «оказывать помощь» как освобожденным странам, так и бывшим сателлитам Германии, в решении широкого круга политических проблем. К их числу были отнесены вопросы возвращения на родину находившихся в эмиграции правительств, создания временных режимов и проведения выборов там, где имелаась необходимость образовать «пользующиеся поддержкой народа и устойчивые правительства», принятия некоторых неотложных экономических мер.

Обосновывалась также необходимость ограничить ведущую роль СССР при осуществлении союзнического контроля в Болгарии, Румынии и Венгрии на первом этапе — до окончания военных действий. Союзники намеревались добиваться обязательности предварительных консультаций советского руководства СКК с западными представителями по всем постановлениям Комиссий. Любые акции, выходящие за рамки Соглашений о перемирии, предпринятые в одностороннем порядке советской стороной «по военным соображениям», считались проведенными «от имени советского правительства и под его исключительную ответственность». Тем самым со-

юзники рассчитывали, опираясь на Соглашения о перемирии, оспаривать соответствие им тех или иных решений СКК и, как следствие, иметь возможность дезавуировать последние. На следующем этапе — после завершения военных действий на европейском театре — предусматривалась полная перестройка деятельности СКК. Применительно к Болгарии и Венгрии ставился вопрос о «равном участии» трех союзных держав. Было решено также поставить перед советской стороной вопрос о свободе передвижения западных представителей в Болгарии, Венгрии и Румынии.

Однако мальтийская встреча выявила не только совпадение, но и различия в позициях западных союзников. Во многом благодаря особому мнению президента Рузвельта, озабоченного сохранением хороших отношений с Москвой с учетом предстоящих военных операций по разгрому Японии, план совместных действий обрел усеченный вид. В частности был снят вопрос о создании Чрезвычайной верховной комиссии. В Ялте американская делегация выдвинула компромиссный проект другого документа — Декларации об освобожденной Европе. Она предусматривала согласование тремя державами политики в деле оказания помощи европейским странам, в том числе и сателлитам, в «разрешении ими демократическими способами их насущных политических и экономических проблем». Были конкретизированы главные направления такой помощи: «а) создавать условия внутреннего мира; б) проводить неотложные мероприятия по оказанию помощи нуждающимся народам; в) создавать временные правительственные власти, широко представляющие все демократические элементы населения и обязанные возможно скорее установить путем свободных выборов правительства, отвечающие воле народа, и d) способствовать, где это окажется необходимым, проведению таких выборов». Не упоминая о Чрезвычайной комиссии, американский проект предусматривал, однако, немедленное учреждение «надлежащего механизма для осуществления совместной ответственности, установленной настоящей декларацией», как только, по мнению трех правительств, возникнет в том необходимость⁴⁶. Из подготовительных документов союзников

следовало, что за обтекаемой формулировкой о «надлежащем механизме» скрывалась возможность создания некой «специальной комиссии» и допускалось «совместное использование силы» для поддержания внутреннего порядка в тех случаях, когда «другие средства не имеют успеха»⁴⁷.

В Ялте советская сторона внесла в представленный проект некоторые поправки, в частности, предложила скорректировать пункт о «надлежащем механизме». В окончательный вариант Декларации об освобожденной Европе вошла советская формулировка, согласно которой правительства трех держав, когда это потребует, «будут немедленно консультироваться между собой о необходимых мерах по осуществлению совместной ответственности, установленной в настоящей Декларации»⁴⁸. Таким образом, намерение союзников создать некую структуру в обход СКК и через нее осуществлять непосредственное влияние на внутривнутриполитические дела Болгарии, Румынии и Венгрии было блокировано. Более того, принцип единогласного принятия решений затруднял применение положений Декларации на практике, хотя, безусловно, ссылка на них становилась в руках союзников инструментом для более активного вмешательства в дела стран-сателлитов⁴⁹.

Дальнейшие события показали, что вопрос интерпретации принятой в Ялте Декларации приобрел значительную остроту, как в лагере союзников по антигитлеровской коалиции, так и среди бывших сателлитов. В Болгарии он привел к оживлению оппозиционных настроений и вызвал необходимость болгарских коммунистов проконсультироваться в Москве. После беседы с Молотовым Г. Димитров лаконично отметил в своем дневнике: «В целом ничего существенно не меняется»⁵⁰. Одновременно руководство компартии взяло курс на то, чтобы не дать оснований союзникам настаивать на принятии предусмотренных ялтинскими решениями мер, убедительно продемонстрировать ход и итоги демократизации общественной жизни⁵¹.

Выводы, сделанные болгарскими коммунистами по советам Москвы, представляются своевременными и правильными, поскольку именно ситуация в Болгарии вызывала сильную обеспокоенность Запада, особенно Лондона. Не случайно в

Ялте британская сторона представила целый пакет предложений по Болгарии. Помимо вопроса об СКК, она настаивала на рассмотрении вопросов о выплате репараций Греции, о болгаро-югославском сотрудничестве.

В противоположность Западу советское руководство не собиралось выдвигать в Ялте каких-либо вопросов о странах-сателлитах, удовлетворяясь своей руководящей ролью в них при осуществлении союзнического контроля на основании Соглашений о перемирии. Но, оказавшись перед необходимостью реагировать на инициативы союзников, обозначило свою позицию еще на предварительной стадии внесения документов. Она оказалась аналогичной американской позиции, хотя и Москва, и Вашингтон руководствовались собственными интересами и расчетами. В результате весь «британский пакет» было признано целесообразным обсудить позднее, по дипломатическим каналам. Острый для союзников вопрос о расширении прав их представителей в СКК в Болгарии по румынскому и, особенно, венгерскому образцу* также не получил разрешения в Ялте. Советское руководство не отступило от прежней позиции, заявило, что договоренности, достигнутые применительно к Венгрии, не имеют никакого отношения к Болгарии⁵².

Окончание войны против Германии внесло существенные изменения. Стремясь не обострять отношения с союзниками, советское правительство приняло решение отступить, скорректировать порядок работы СКК в странах-сателлитах, устранив тем самым причины систематических столкновений сторон. Незадолго до открытия Берлинской (Потсдамской) конференции (17 июля – 2 августа 1945 г.) представителям Великобритании и США в СКК были переданы письма с конкретно прописанными изменениями. 16 июля 1945 г. такие письма

* Действовавший в Венгрии специальный статут СКК, отразивший уступки советской стороны союзникам, предполагал созыв совещаний с западными представителями, информирование их «о политических директивах», т.е. о распоряжениях СКК общего характера, до отправления таких директив венгерским властям от имени Комиссии, учет замечаний представителей союзников, свободу передвижения по стране с предварительным уведомлением руководства СКК, определение численности и состава английской и американской делегаций в СКК, определение денежных сумм на их содержание и пр. Статут был рассчитан для первого этапа перемирия – до окончания войны с Германией. В дальнейшем союзники полагали воплотить в жизнь принцип «равного участия».

были вручены западным представителям в Комиссиях в Болгарии и Румынии (и еще раньше — 12 июля — в Венгрии). В новом распорядке практически были удовлетворены все ранее выдвигавшиеся союзниками требования: о проведении регулярных совместных совещаний, согласовании директив СКК, свободном передвижении по стране американских и английских представителей при условии предварительного согласования времени и маршрутов поездок, о праве самостоятельно определять численность и состав представительств, о порядке доставки и отправления самолетами почты, грузов и дипломатических курьеров⁵³. Однако, как показало уже ближайшее будущее, практическая реализация новых установок нередко упиралась в их разное толкование сторонами, причем советские представители часто отступали от «буквы» соглашений в сторону их произвольной интерпретации, в полной мере использовали свои доминирующие позиции в СКК.

Перспектива усиления противоречий из-за оценок ситуации в странах советской сферы влияния обозначилась уже в Потсдаме при рассмотрении вопроса о выполнении ялтинской Декларации об освобожденной Европе. Американская делегация внесла предложение о безотлагательной реорганизации правительств в Румынии и Болгарии путем включения в их состав представителей всех «значительных демократических групп». Создание таких правительств было объявлено условием дипломатического признания указанных стран и заключения с ними мирных договоров. Был сформулирован, хотя и в общем плане, и вопрос о помощи в проведении «свободных и невоспрепятственных выборов» — немедленно в Греции и в перспективе — в Румынии и Болгарии, а также, возможно, и в других странах⁵⁴.

Реакция советской стороны последовала незамедлительно. Черчилль вспоминал, что 18 июля 1945 г. во время обеда со Сталиным он услышал от советского руководителя, что тот «был уязвлен» требованием американцев о смене правительств в Румынии и Болгарии. — «Он [Сталин. — *Т. В.*] не вмешивается в греческие дела, и поэтому американцы поступают несправедливо»⁵⁵.

20 июля 1945 г. в специальном меморандуме советская сторона категорически отвергла предложения по Болгарии и Румынии. Авторы меморандума подчеркнули порядок и спокойствие в указанных странах, наличие авторитетной и пользующейся доверием населения законной власти, добросовестное исполнение Соглашений о перемирии и, наконец, серьезную помощь Объединенным Нациям в борьбе против Германии. «При таких обстоятельствах советское правительство не видит никаких оснований для вмешательства во внутренние дела Болгарии и Румынии», — констатировалось в документе. Советская сторона заявила также о неотложной необходимости срочно восстановить дипломатические отношения со странами — бывшими сателлитами Германии, поскольку затяжка этого вопроса «не находит себе оправдания». Отметив, таким образом, благополучие в собственной сфере влияния, авторы меморандума сделали ответный ход: подчеркнули отсутствие порядка и законности в Греции, террор против демократических элементов, угрозы развязать военные действия против соседних Болгарии и Албании. Было также заявлено о необходимости содействовать образованию в Греции демократического правительства⁵⁶.

Иными словами, стороны, каждая на свой лад, стремились указать на несоответствие обстановки в сферах влияния союзников послевоенному курсу на последовательную демократизацию и активно опирались при этом на ялтинские договоренности, прежде всего, на Декларацию об освобожденной Европе. Такой подход будет постоянно присутствовать и впоследствии, находя проявления в практической работе Союзных контрольных комиссий.

Размышляя на исходе войны о создании эффективной системы безопасности, советское руководство исходило из убежденности в способности немцев быстро восстановить страну, оправиться от последствий войны и вновь задуматься о реванше. На это осторожный Сталин отводил немцам от 6 до 12—15 лет⁵⁷. Опасения в связи с этим усиливались подозрениями, что Запад сможет пойти на соглашение с немцами. О намерении союзников «спасти немцев и сговориться с ними...

обойтись с ними помягче» Сталин вполне определенно заявил в марте 1945 г. во время пребывания в Москве чехословацкой делегации⁵⁸. Это объясняет внимание советского руководства к разработке «новой славянской политики», основанной на традиции борьбы славянских народов против немецкой политики «Дранг нах Остен»⁵⁹, намерение сделать славянский союз важным элементом советской внешнеполитической стратегии. Болгарии в подобных замыслах отводилось важное место. Это, помимо других факторов, способствовало очередному уточнению подхода Сталина к болгарским делам. На Берлинской конференции, говоря о «грехах» сателлитов по отношению к России, вопрос о наказании Болгарии он свел к уплате репараций и демобилизации армии по окончании войны. Советский лидер счел уместным напомнить об отсутствии болгарских частей на Восточном фронте и участии болгарской армии в войне на стороне союзников в соответствии с Соглашением о перемирии⁶⁰.

Задумываясь о реальном содержании «новой славянской политики», Сталин исходил из собственных представлений о послевоенных общественных настроениях. Еще в беседе с Черчиллем и Иденом 17 октября 1944 г. советский лидер заметил, что после войны главным желанием народов будет пожить «полной национальной жизнью без помех». Невозможно, полагал он, думать ныне всерьез о каких-либо объединениях «малых стран», хотя и не исключал подобного варианта в более отдаленном будущем⁶¹. Думается, что, будучи политиком-реалистом, Сталин предвидел разного рода трудности практического воплощения каких-либо государственных форм «славянского союза». В связи с этим идею объединения славян под русским царем он, припомнив историю, охарактеризовал как «вредную и невыполнимую» и пояснил: «Славянские народы имеют различные общественно-бытовые и этнографические уклады, имеют разный культурный уровень и различное общественно-политическое устройство. Географическое положение славянских народов также мешает объединению. Мы... стоим не за объединение, а за союз славянских народов... Этот союз не обходим нам для защиты славянства»⁶².

Жизнь, однако, показала, что предстояло искать и находить иные формы «сцепления» компонентов советской сферы влияния, исходя из геополитических и идеологических интересов. А трудности, возникшие уже на самом начальном этапе реализации болгаро-югославского проекта федерации, показали иллюзорность расчетов на якобы «особые отношения» между славянскими странами, основанные на солидарности и «уникальной» славянской ментальности.

* * *

Усилия советской внешней политики в годы Второй мировой войны концентрировались на достижении победы над фашизмом и освобождении оккупированных стран. Решая эту глобальную задачу, Москва большое внимание уделяла Балканам — важнейшему в стратегическом отношении и традиционно конфликтогенному европейскому региону. Болгария — небольшая страна «в сердце Балкан» — оказалась в силу своего геостратегического положения сначала на перекрестье интересов Германии, СССР и западных государств, а затем, по мере нарастания напряженности в рамках антигитлеровской коалиции, и одним из объектов противостояния между ее участниками.

Если интерес западных держав к Болгарии во время войны имел временный характер, связанный с конкретными политическими целями, то для советского политического руководства Болгария являлась важной составляющей общей стратегии безопасности, нацеленной на установление контроля над Черноморскими проливами и обеспечение выхода в Средиземное море. Вступив летом 1944 г. на Балканы, Красная Армия фактически обеспечила защиту собственных стратегических интересов в регионе. Болгария, хотя и не относилась к сфере интересов западных держав, стала, тем не менее, ареной достаточно жесткого противостояния союзников по антигитлеровской коалиции, пробы их сил, а стремительное продвижение к биполярной организации послевоенного мира обозначило перспективу для Болгарии — установление в стране полного советского контроля.

Примечания

- ¹ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: в 2-х томах. Т. 1. М., 1957. С. 10–11.
- ² Там же. С. 13.
- ³ *Иван Михайлович Майский*. Дневник дипломата. Лондон 1934–1943: в двух книгах. Книга 2 (в двух частях). Часть 2. 22 июня 1941 – 1943 год / Отв. ред. акад. А.О. Чубарьян / М., 2009. С. 16, 17.
- ⁴ Там же. С. 31.
- ⁵ Мировые войны XX века: в 4-х книгах. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы (далее – Вторая мировая война. Документы и материалы). М., 2005. С. 318–319.
- ⁶ *Иван Михайлович Майский*. Дневник дипломата. С. 44.
- ⁷ Там же. С. 35.
- ⁸ История дипломатии. Т. 4. Дипломатия в годы Второй мировой войны. М., 1975. С. 209; Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945. Документы и материалы: в 2-х томах. Т. 1. 1941–1943. М., 1983. С. 128–130.
- ⁹ *Иван Михайлович Майский*. Дневник дипломата. С. 38.
- ¹⁰ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании. С. 28–29.
- ¹¹ *Иван Михайлович Майский*. Дневник дипломата. С. 44, 42.
- ¹² Там же. С. 45–46.
- ¹³ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании. С. 22–23.
- ¹⁴ Там же. С. 29.
- ¹⁵ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. С. 156–157.
- ¹⁶ *Иван Михайлович Майский*. Дневник дипломата. С. 343 (сноска 54).
- ¹⁷ Дискуссии о втором фронте шли на англо-американских конференциях (декабрь 1941 – январь 1942 гг., июнь 1942 г.), англо-советских (май, август 1942 г.) и американо-советских (май–июнь 1942 г.) переговорах. Подробнее см.: Дипломатическая история открытия второго фронта в Европе. 1941–1944. Документальный обзор // Международная жизнь. 1970. № 3, 5, 11; 1974. № 4, 6, 9, 12; 1975. № 2, 3. Из последних работ: *Емануилов Е.* България в политиката на Великите сили. 1939–1947 (Второ преработено издание). Велико Търново, 2003. С. 115–123.
- ¹⁸ Первая беседа с А. Иденом 16 декабря [1941 г.] в 19 часов 00 минут // *Ржешевский О.А.* Война и дипломатия. Документы, комментарии (1941–1942). М., 1997. С. 19.
- ¹⁹ Подробнее см.: *Наринский М.М., Филитов А.М.* Советская внешняя политика в период Второй мировой войны. Курс лекций по истории международных отношений (1939–1945 гг.). М., 1999. С. 74–75.
- ²⁰ Вторая мировая война. Документы и материалы. С. 175–176.
- ²¹ Первая беседа с А. Иденом. С. 16.
- ²² Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 0512. Оп. 4. П. 12. Д. 20. Л. 1–20; *Волокитина Т.В.* Перспективы развития Болгарии после Второй мировой войны. Взгляд из Москвы (Новые документы российских архивов) // България и Русия през XX век. Българо-руски научни дискусии. София, 2000. С. 240.

- 23 Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании. С. 83.
- 24 *Иван Михайлович Майский*. Дневник дипломата. С. 182.
- 25 *Рачев С.* Чърчил, България и Балканите (1939–1945). София, 1998. С. 215–220.
- 26 *Тошкова В.* САЩ и България. 1919–1989. Политически отношения. София, 2007. С. 171.
- 27 *Израэлян В.Л.* Дипломатия в годы войны (1941–1945). М., 1985. С. 173.
- 28 Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Том II. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (28 ноября – 1 декабря 1943 г.). Сборник документов. М., 1978. С. 126.
- 29 *Рузвельт Э.* Его глазами. М., 1947. С. 186–187.
- 30 Встречными курсами: Политика СССР и США на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке в 1939–1947 гг. Киров, 2014. С. 130, 270–271.
- 31 *Черчилль У.* Вторая мировая война. Т. 4. М., 1998. С. 262.
- 32 Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 234. Л. 45, 62, 16.
- 33 *Черчилль У.* Триумф и трагедия / Сокр. перевод с англ. под ред. доктора исторических наук А.С. Орлова / М., 2004. С. 117, 118.
- 34 *Васильева Н., Гаврилов В.* Балканский тупик? М., 2000. С. 181.
- 35 *Черчилль У.* Триумф и трагедия. С. 118.
- 36 Там же. С. 48.
- 37 Там же.
- 38 Там же. С. 118.
- 39 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 283. Л. 9.
- 40 Там же. Л. 12–13.
- 41 Там же. Л. 13.
- 42 Там же. Л. 9.
- 43 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 143. Л. 52.
- 44 *Губианский Л.Я.* Вопрос о Болгарии, Румынии и Венгрии на Крымской конференции // Советское славяноведение. 1982. № 2. С. 10.
- 45 *Волков Ф.Д.* За кулисами Второй мировой войны. М., 1985. С. 61–62.
- 46 Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Том IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). Сборник документов (далее – Крымская конференция). М., 1979. С. 186–187.
- 47 *Губианский Л.Я.* Вопрос о Болгарии, Румынии и Венгрии на Крымской конференции. С. 13.
- 48 Крымская конференция. С. 195.
- 49 *Калинова Е.* Победители и България. 1939–1945. София, 2004. С. 220.
- 50 *Георги Димитров*. Дневник (9 март 1933 – 6 февруари 1949). София, 1997. С. 466.
- 51 *Калинова Е.* Победители и България. С. 221–222.
- 52 *Пинтев С.* Началната дейност на Съюзната контролна комиссия в България (октомври 1944 – януари 1945 г.) // Исторически преглед. 1979. Кн. 4–5. С. 202.
- 53 Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Том VI. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа 1945 г.). Сборник документов (далее – Берлинская конференция). М., 1980. С. 386–387.

⁵⁴ Там же. С. 317.

⁵⁵ *Черчилль У.* Триумф и трагедия. С. 355.

⁵⁶ Берлинская конференция. С. 330–331.

⁵⁷ Подробнее об этом см.: *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953). Очерки истории (2-е изд.). М., 2008. С. 34, 35.

⁵⁸ *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 18. Тверь, 2006. С. 361; *Робертс Дж.* Сталинские войны. От мировой войны до холодной. 1939–1953. http://samlib.ru/w/worobhew_anatolij/stalin1-1.shtml.

⁵⁹ Подробнее об антиславизме Гитлера и немцев см.: *Борейша Е.* О понятии «антиславизма» у Адольфа Гитлера // *Славянские народы: общность истории и культуры. К 70-летию члена-корреспондента Российской академии наук В.К. Волкова.* М., 2000. С. 369–380.

⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 236. Л. 11.

⁶¹ Там же. Д. 283. Л. 84.

⁶² *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 18. С. 361.

Возвращение Южной Добруджи Болгарии в сентябре 1940 г.

Общепризнанно, что Крайовский мирный договор 1940 г., по которому Болгарии была возвращена Южная Добруджа, стал огромным внешнеполитическим успехом болгарской дипломатии и, в частности, царя Бориса III, поскольку он был осуществлен в условиях войны мирным путем в результате международных договоренностей, и эта территория остается болгарской по сей день.

Как одно из наиболее значимых событий современной истории Болгарии, Крайовский договор и предшествовавшие ему переговоры изучались несколькими поколениями историков. В первые два послевоенных десятилетия болгарская историография, подчиняясь политической конъюнктуре, не могла дать реальной оценки внешней политики страны и действий ее правящих кругов. Лишь позже появились более объективные и глубокие аналитические исследования, базирующиеся на архивных документах. В хронологическом порядке это работы Н. Генчева, Г. Маркова, А. Кузмановой и Л. Петрова¹. Однако интерес к данной проблеме не угасает и сегодня, о чем свидетельствуют, в частности, мероприятия, прошедшие в сентябре 2015 г., посвященные 75-летию подписания Крайовского договора. В двух добруджанских городах, Тутракан и Добрич, состоялась международная научная конференция «Добруджа – политика, общество, экономика и культура (XIX–XX вв.)»². В ней приняли участие более 40 ученых из Франции, Румынии и Болгарии, в том числе крупнейшие специалисты по данной проблематике. Объектами дискуссии стали такие направления, как «Добруджа после Берлинского конгресса», «Добруджа в намерениях и планах великих держав», «Добруджа в войнах за национальное объединение

(1912–1918 гг.). Военные действия и политические процессы», «Отражение и пропаганда добруджанского вопроса в СМИ», «Историография и библиография добруджанского вопроса. Новые архивные источники» и др.

В связи с юбилеем появились и публикации новых документов³. Конечно, в данном случае речь не идет о переоценке добруджанского вопроса. Анализ исторического процесса продолжается на основе новоизданных документальных материалов из архивов МИД Болгарии, Научного архива БАН и др.

В данной статье исследуется влияние международных факторов на начало переговоров, освещаются их специфические аспекты с привлечением источников из Архива внешней политики Российской Федерации, а также фундаментальной германской публикации документов «Akten zur deutschen auswärtigen Politik».

Напомним вкратце предысторию проблемы. Добруджанский вопрос возник после русско-турецкой войны 1877–1878 гг., когда Россия предложила включить Северную Добруджу в состав Румынии в качестве компенсации за отторгнутую в пользу империи Южную Бессарабию. Надо отметить, что первоначально румынские власти и общественность негативно восприняли это предложение, понимая, что Добруджа, населенная преимущественно болгарами, турками и татарами, станет в будущем ареной конфликтов между Болгарией и Румынией. Однако Берлинский конгресс 1878 г. узаконил новые границы, и добруджанский вопрос стал одной из основных проблем балканских отношений, превратившись в соответствии с традиционной политикой великих держав в новое «яблоко раздора» на Балканах.

Южная Добруджа была отторгнута от Болгарии по Бухарестскому мирному договору 1913 г. и также присоединена к Румынии. В годы Первой мировой войны обе части Добруджи были заняты болгарскими войсками и до конца войны оставались в пределах Болгарии. Страна, однако, оказалась в лагере побежденных, и Нейский мирный договор 1919 г. вновь передал эти земли Румынии — восстанавливалась граница, какой она была на 1 августа 1914 г.

Так Румыния даже не завоевала, а просто получила чисто болгарскую область. По данным статистики, в 1910 г. в Южной Добрудже проживали 282 007 человек, которые распределялись по следующим этническим группам:

Болгары	134 355,	или	47,6 %,
Турки	106 568,	или	37,8 %,
Цыгане	12 192,	или	4,3 %,
Татары	11 718,	или	4,2 %,
Румыны	6 348,	или	2,3 % ⁴ .

После войны румынские власти проводили политику колонизации и заселения Южной Добруджи румынами с целью изменить этнический облик этой области, вытеснив компактный болгарский элемент.

Ликвидация последствий тяжелейших для Болгарии условий Нейиского договора, решение национально-территориальной проблемы стали первостепенной задачей правящих кругов страны. Однако, учитывая то обстоятельство, что все соседние государства были объединены против Болгарии в пакты и союзы именно с целью сохранения статус-кво, София заявляла о своих ревизионистских устремлениях очень осторожно, неизменно подчеркивая, что она выступает лишь за мирное их разрешение.

В системе мирной ревизии Нейиского договора добруджанский вопрос занимал приоритетное место среди национально-территориальных вопросов с соседними странами. Это имело исторические, экономические, политические и даже конъюнктурные причины. Главным аргументом болгар было то, что Добруджа представляла собой исконно болгарские земли, на которых в свое время образовалась Дунайская Болгария*, где компактно проживало преимущественно болгарское население с устоявшимися национальным самосознанием, культурой, языком и этническими традициями. В то же время Южная Доб-

* Первое болгарское государство, существовавшее на Балканском полуострове и в прилегающих к нему районах Юго-Восточной Европы с 681 до 1018 гг. Его основатель хан Аспарух привел часть протоболгарских племен на Дунай, на территорию нынешних Бессарабии и Добруджи, где в результате их смешения с местными славянами и остатками фракийских племен сложилась болгарская нация.

руджа в историческом и географическом плане представляет естественное продолжение территории Болгарии. Потеря этой области, являвшейся основной житницей страны, сказывалась крайне болезненно и на экономике Болгарии, разоренной тремя войнами. К тому же, Добруджа была отторгнута у Болгарии не в результате победоносной войны над ней со стороны Румынии, а в силу несправедливого в глазах каждого болгарина договора.

С середины 1930-х годов внешнеполитический курс Болгарии определялся обстановкой приближающейся войны, усиливающимся экономическим и идеологическим проникновением Германии на Балканы и превращением этого региона в объект ожесточенной борьбы между великими державами за установление там преобладающего влияния⁵. Однако, несмотря на сильное дипломатическое давление со всех сторон, царь Борис III и болгарское правительство не спешили примкнуть к той или иной группировке и занимали выжидательную позицию, памятуя о двух «национальных катастрофах».

15 сентября 1939 г. правительство Георгия Кыосеиванова выступило с декларацией о полном нейтралитете Болгарии в начавшейся мировой войне. В то же время еще накануне войны начала обозначаться линия болгарского руководства на постепенное сближение с Германией. Ведь именно она была носителем тех тенденций в европейской политике, от реализации которых Болгария объективно могла ожидать выполнения своих ревизионистских требований — возвращения Южной Добруджи Румынией, получения выхода к Эгейскому морю от Греции, а также присоединения Вардарской Македонии.

Помимо общего стремления к пересмотру Версальской системы, будущему политическому сближению Болгарии с Германией способствовала тесная связь болгарской экономики с германской и зависимость вооружения болгарской армии от германских поставок. Тем не менее, осторожный царь Борис пытался избежать рискованного одностороннего выбора.

Весной 1940 г. перед болгарской внешней политикой всё более ясно начала вырисовываться перспектива ревизии противоречащих историческим и этническим реалиям территориаль-

ных клаузул Нейского договора. Международная обстановка стремительно меняется. Германская агрессия против западноевропейских стран парализует их дипломатическую активность на Балканах. Для правящих кругов как Болгарии, так и Румынии значение первостепенных политических факторов приобретают державы фашистской Оси.

Когда в июне 1940 г. Франция – гарант Румынии и Греции – терпит сокрушительное поражение, а Советский Союз в это же время предпринимает меры по присоединению Бессарабии и Северной Буковины, для болгарского правительства становится очевидной международная изоляция Румынии. В конце июня 1940 г., после вручения Румынии ультимативного требования освободить Бессарабию и Северную Буковину, Советский Союз занял эти области и за несколько дней восстановил советско-румынскую границу времен Первой мировой войны. Это вызвало спонтанную реакцию в Венгрии. Были проведены мобилизация и концентрация венгерской армии на румынской границе. В этот момент болгарская дипломатия решает, что наступило время сдвинуть с мертвой точки добруджанскую проблему.

Подготовительную кампанию за возвращение Южной Добруджи София начала еще весной. На тайном совещании в МИД Болгарии 4 апреля 1940 г. решение добруджанского вопроса определялось как задача №1 всей болгарской политики⁶. Министр иностранных дел И. Попов разработал программу по его урегулированию, в которой дипломатам предписывалось подчеркивать желание Болгарии решить вопрос миролюбиво, что речь идет об исправлении исторической несправедливости, что у Болгарии нет других интересов в Румынии, кроме Южной Добруджи, и что она готова заключить с Румынией пакт о ненападении или гарантировании новой общей границы. В апреле и мае 1940 г. болгарские дипломатические миссии за границей, особенно в Берлине, Москве, Лондоне, Париже и Бухаресте, включают в осуществление намеченной И. Поповым программы.

Болгарская кампания была встречена великими державами благосклонно. Если в 1939 г. предпринимавшиеся болгарским

правительством дипломатические зондажи в Италии, Советском Союзе и Германии встречали лишь понимание, но не готовность поддержки*, то теперь не только СССР, но и Германия, Англия, Италия и даже США проявили заинтересованность в приписывании себе заслуги возможного мирного разрешения болгаро-румынского спора.

СССР еще с 1939 г. выступал с заявлениями, что Болгария имеет исторические и экономические права на Южную Добруджу. Москва стала к этому времени проявлять повышенный интерес к Болгарии, которая в силу своего географического положения и исторических связей с русским народом могла бы сыграть значительную роль в балканской политике Советского Союза. Ярким проявлением этой перемены в отношении СССР к Болгарии стал прием группы депутатов болгарского парламента в Москве в августе 1939 г. На встрече в Кремле был поднят больной для Болгарии вопрос о ревизии Нейского мирного договора. Молотов категорично высказался за возвращение Болгарии Южной Добруджи, а также, хотя и в более сдержанной форме, — за обоснованность требования выхода Болгарии к Эгейскому морю⁷.

Летом 1940 г. СССР неоднократно и открыто заявлял о своей готовности поддержать требования Болгарии не только по поводу Южной Добруджи, но и выхода к Эгейскому морю. Советская дипломатия рассчитывала при помощи поддержки болгарских (а также венгерских) территориальных претензий к Румынии расширить свое влияние в Центральной и Юго-Восточной Европе и обеспечить безопасность СССР в регионе⁸. В Москве болгарскому военному атташе внушалось даже, что Болгарии следует подумать не только о Южной, но и о Северной Добрудже с тем, чтобы страна могла выйти в район дельты Дуная и установить соседство с СССР, но подобное предложение крайне напугало болгарское руководство. В начале августа советский полномочный представитель в Риме спрашивал

* Госсекретарь МИД Германии Э. Вайцзеккер и итальянский посланник в Софии М. Маджистрати признали перед болгарским посланником в Берлине П. Драгановым и перед министром иностранных дел И. Поповым, что болгарское требование Южной Добруджи справедливо, но Германия и Италия не желают изменения статус-кво на Балканах. См.: *Димитров И.* Българо-италиански политически отношения 1922–1943. София, 1976. С. 372.

болгарского посланника, почему Болгария не требует всей Добруджи⁹.

Царь Борис, беседуя с советским полпредом А.А. Лаврищевым в июле 1940 г. о современном положении Болгарии, говорил, что «она окружена со всех сторон представителями различных крупных государств, которые постоянно стоят с микроскопами и рассматривают Болгарию. Они рассматривают через свои микроскопы каждый внутренний поступок, каждый шаг того или другого министра, каждое сообщение в печати и анализируют все эти факты по-своему»¹⁰. Такое исключительное внимание к Болгарии затрудняет деятельность государственного руководства как во внутренней жизни, так и во внешней политике, жаловался Борис. На самом же деле болгарское правительство само привлекало внимание к своим внешнеполитическим проблемам, стремясь решать их с помощью великих держав, играя на их противоречиях, порой даже прибегая к шантажу.

Англо-французский блок также фактически отказывает Румынии в своей поддержке. Весной 1940 г. английские и французские дипломаты делают всё более определенные признания законности болгарских требований и отказываются от гарантий, данных Румынии в 1939 г.

Английский посланник в Софии Дж. Ренделл в начале июля 1940 г. заявил министру иностранных дел Болгарии И. Попову о признании Англией болгарских прав на Добруджу. Как записал в своем дневнике Лаврищев, посетивший в эти дни Ренделла, англичанин очень «сожалел о том, что Англия, которая была связана с антиревизионистскими настроениями Франции, не могла раньше сделать этого заявления». «Болгария бесспорно получит Добруджу, — говорил Ренделл, — только вопрос, от кого она ее получит». Он досадовал, что Англия не опередила в этом деле Германию и не возвратила Добруджу Болгарии еще два года назад¹¹.

Американский посланник в Софии Д. Эрл также встречался с И. Поповым и после этой встречи докладывал 27 июня в Вашингтон: «Теперь, когда румынский территориальный вопрос поднят Россией снова, болгарские претензии по поводу

Добруджи будут рассмотрены, поскольку они столь справедливы, что даже суд дьявола не мог бы их отвергнуть»¹².

Факты свидетельствуют о том, что с самого начала болгарское правительство решило искать поддержку своих требований главным образом у Германии, которая стремилась как можно скорее окончательно привлечь Болгарию на свою сторону. Это было доминантой во всей дипломатической деятельности Болгарии летом 1940 г. При этом умело разыгрывается «русская карта»: Южную Добруджу Болгария должна получить при решительном содействии Германии, иначе в противном случае свои политические дивиденды извлекут Советский Союз и коммунисты внутри самой Болгарии.

29 июня 1940 г. царь Борис предупредил германского посланника Г. фон Рихтхофена, что после занятия Бессарабии Советским Союзом в Болгарии непременно начнутся массовые выступления за возвращение Добруджи. Напомнив ему об активности болгарских коммунистов, царь заметил, что положение станет невыносимым, если Болгария не получит хотя бы обещание (Wechsel) со стороны Германии. Это может породить опасность «насильственного переворота, который в будущем приведет к установлению тесных связей с Москвой»¹³. Тогда уже новый режим в Болгарии получит Южную Добруджу «как подарок от Советского Союза». Царь же предпочитает получить ее из рук Германии. Сообщая в Берлин о своем разговоре с царем Борисом, германский посланник обращает внимание на то, что обстановка в стране может стать неблагоприятной для сохранения германских интересов. Он рекомендовал в связи с этим сделать всё необходимое для усиления германских позиций в Болгарии. В Берлине понимают, что это не просто блеф царя Бориса. Аргумент «советская угроза» не был для болгар лишен основания, хотя в данном случае явно преувеличивался со спекулятивной целью. После того, как Гитлер приказал в июле 1940 г. начать подготовку к нападению на СССР, Германия не могла допустить, чтобы советская позиция по добруджанскому вопросу привела к расширению влияния Москвы в Болгарии. София даже подключила к давлению на фюрера бывшего болгарского монарха Фердинанда, обратившегося 7 июля 1940 г.

с личным письмом к Гитлеру, где подчеркивалось, насколько важно для его восточной политики, чтобы Болгария получила Южную Добруджу при посредничестве Германии.

Итальянскому посланнику в Софии М. Маджистрати в болгарском МИД также было заявлено, что если державы Оси будут пренебрегать Болгарией, то она обратится к СССР с просьбой о разрешении болгаро-румынского территориального спора¹⁴.

После такого натиска дипломатия Германии и Италии пришла окончательно к выводу, что промедление в решении добруджанского вопроса может подорвать влияние держав Оси в Болгарии.

3 июля 1940 г. Гитлер категорично заявил: «Королю Румынии должно быть ясно, что ему не удастся избежать уступки определенных территорий, населенных венграми или болгарями». На следующий день при вручении послания фюрера румынскому королю германский посланник в Бухаресте В. Фабрициус призвал румынское правительство начать переговоры с Болгарией и Венгрией. Кароль II определил германскую позицию как «новый тяжелый удар..., учитывая и первый удар, нанесенный Советским Союзом... Этот новый опыт раздиранья Румынии на части противоречит сказанному раньше (немцами. — *Е. В.*), что они хотят иметь здесь сильное государство»¹⁵.

В ответе румынской стороны, переданном 6 июля министром иностранных дел М. Манулеску посланнику В. Фабрициусу, выражалась готовность начать прямые переговоры с Болгарией и Венгрией при условии, что Гитлер лично окажет влияние на Софию и Будапешт с тем, чтобы они не предъявляли несправедливых претензий. В то же время румынское правительство не собиралось уступать территории. Оно соглашалось лишь на взаимный обмен населением, называя определяющим этнический принцип. Правящие круги Румынии надеялись, что обмен этническими меньшинствами может предотвратить территориальные уступки¹⁶. В румынской печати появились публикации, в которых утверждалось, что в Болгарии и Румынии проживают равные по численности румынская и болгарская диаспоры, которые можно обменять.

15 июля Гитлер в письме к Каролю II настоятельно посоветовал ему «договориться одновременно как с Болгарией, так и с Венгрией на разумной основе»¹⁷ (Венгрия по Трианонскому мирному договору 1920 г. потеряла Трансильванию, которая была присоединена к Румынии. По 2-му Венскому арбитражу в августе 1940 г. Северная Трансильвания была передана Венгрии). Подчеркнув, что «территориальной ревизии уже невозможно избежать», фюрер предупредил румынское правительство, что если оно не прислушается к его совету, то Германия перестанет интересоваться судьбой Румынии¹⁸. 26 июля Гитлер и Риббентроп пригласили в Зальцбург румынских премьер-министра И. Джигурту и министра иностранных дел М. Манулеску. В условиях военной мощи Германии летом 1940 г. и безнадежного положения Румынии, часть которой была занята уже СССР, предложение Гитлера румынскому правительству урегулировать добруджанский вопрос было равносильно приказу.

На следующий день Гитлер и Риббентроп приняли Филова и Попова, в переговорах приняли также участие болгарский посланник в Берлине П. Драганов и германский посланник в Софии Г. фон Рихтхофен. Премьер-министр Б. Филов пишет в своем дневнике, что болгары были встречены немцами очень радушно. Гитлер решительно заявил, что находит болгарские требования в отношении Южной Добруджи, включая Силистру и Балчик, «разумными и что вопрос должен быть разрешен», но отказался взять на себя роль арбитра. Германские руководители заявили, что добруджанский вопрос легче решить, чем трансильванский, имея в виду чрезмерные претензии венгров в отношении Румынии. Немцы заметили, что Германия политически не заинтересована в военном конфликте на Балканах, поскольку хочет иметь дело со всеми балканскими странами. Гитлер при этом подчеркнул: Германия не имеет территориальных притязаний на Балканах, но «если кто-нибудь посягнет на германские интересы, удар будет страшным». Как прокомментировал эти слова Филов, «кажется, он (Гитлер. — *Е. В.*) говорил это, имея в виду Россию»¹⁹. Болгары заявили фюреру, что не желают торговаться с румынами, а хотят получить только то, что Румыния несправедливо отняла у Болгарии в 1913 г. Гит-

лер подтвердил, что и он заметил у румынских руководителей склонность торговаться. Коснулись и поднятого румынами вопроса о захороненном в Балчике сердце румынской королевы Марии. Лишенный сентиментальности фюрер не счел этот аргумент серьезным: «Не может идти речь о сердцах, когда могут пасть головы королей!»²⁰. Затем Риббентроп сообщил, что Германия настояла на том, чтобы румыны мирно договорились с соседями. Это же подтвердил и Гитлер, поручив Риббентропу еще раз внушить румынам, что его желание – урегулировать вопрос именно таким образом. В конце встречи И. Попов, ссылаясь на последнюю речь Гитлера в рейхстаге, в которой речь шла о разграничении сфер влияния с СССР, открыто спросил, «находится ли Болгария в русской зоне интересов». Фюрер это отрицал и пояснил, что разграничение интересов с Россией касается только Прибалтики и Бессарабии. Болгары, как отмечалось в немецкой записи встречи, «остались крайне довольны этим разъяснением»²¹.

Встречей в Зальцбурге кампания болгарской дипломатии по обеспечению международной поддержки решения добруджанского вопроса завершилась. Две самые влиятельные на Балканах силы – Германия и СССР – окончательно становятся на сторону Болгарии. Англия и Франция в это время уже не имеют решающего голоса в регионе, кроме того, они окончательно отказались от гарантий, данных Румынии, после того, как она стала союзницей Гитлера.

В создавшейся международной ситуации 2 августа 1940 г. Коронный совет Румынии уполномочил МИД начать переговоры с Болгарией и Венгрией. Румынский министр иностранных дел М. Манулеску передал болгарскому посланнику в Бухаресте С. Петрову-Чомакову румынскую декларацию, адресованную болгарскому правительству. 14 августа Петров-Чомаков вручил Манулеску болгарский ответ, в котором румынская идея о предварительных переговорах отвергалась и подчеркивалось, что Болгария не отступит от своего требования восстановления границ 1912 г.

В своем контрпредложении от 16 августа, развивая тезис о том, что Болгария и Румыния имеют одинаковые исторические

основания и этнические права на Южную Добруджу, румынское правительство настаивало на территориальных уступках, претендуя на область площадью в 1200 кв. км, или около $\frac{1}{6}$ территории Южной Добруджи.

Наконец, 19 августа 1940 г. в живописном придунайском городе Крайова в румынской королевской резиденции начались румыно-болгарские переговоры. Они протекали трудно и мучительно, неоднократно прерываясь, главным образом из-за неуступчивости румынской стороны. Румыны не хотели отдавать территорию Южной Добруджи целиком, требуя, чтобы Силистра и Балчик остались у них, пытались выторговать для Балчика хотя бы статус свободного города. Они также настаивают на большой сумме компенсации, требуют немедленного выселения болгарского населения из Румынии и в то же время предоставления свободы выбора для румын на территории Южной Добруджи и т.д. По всем этим вопросам болгарское правительство ищет поддержки в Берлине. Болгарская позиция в отношении Балчика и Силистры непреклонна, тем более что не только Германия, но и Советский Союз полностью на стороне Болгарии. В разгар дипломатического спора по этому вопросу в газете «Известия» была опубликована редакционная статья, где говорилось: «Требование Болгарии вернуть ей Южную Добруджу является справедливым и вполне обоснованным. Как известно, Советский Союз всегда стоял и продолжает стоять на позиции, поддерживающей эти требования Болгарии по отношению к Румынии»²². Германское правительство 5 сентября также вновь предупредило Бухарест, чтобы он не затягивал переговоры.

Ход переговоров в Крайове продемонстрировал противоречия, которые приходилось преодолевать обоим правительствам, их тайные планы и намерения, а также тактические ходы болгарской и румынской делегаций (их возглавляли Св. Поменов и Ал. Крециану). Проявились две противоположные тенденции. Румынские правящие круги стремились сохранить большую часть территории Южной Добруджи в границах Румынии. Они предпочитали затягивать переговоры в надежде на изменение международной политической конъюнктуры, которая отме-

нила бы необходимость территориальных уступок Болгарии. Болгарские же политики пытались разрешить проблему в возможно более короткие сроки и мирным путем, поскольку были заинтересованы в нормализации двусторонних отношений с тем, чтобы перенаправить усилия для решения других национальных и территориальных претензий.

В какой-то момент терпение болгарских дипломатов иссякло. Филов и Попов всерьез обсуждали вопрос о том, чтобы объявить, как венгры, мобилизацию и вторгнуться в Добруджу. Однако царь Борис, обладавший большей политической гибкостью, не одобрил этой авантюры, тем более, что державы Оси также категорично выступили против подобного образа действий²³.

Наконец, 7 сентября 1940 г. переговоры завершились подписанием договора в Крайове*, по которому Южная Добруджа в границах периода 1878–1913 гг., включая Балчик и Силистру, была возвращена Болгарии²⁴. В нем особо оговаривалось, что установленная граница между Болгарией и Румынией окончательна и вечна. Оба государства обязуются никогда не предъявлять друг другу территориальных претензий. Самым важным приложением к договору является протокол об определении границы. Согласно протоколу, «новая граница начинается от Дуная непосредственно под Силистрой и доходит до Черного моря в 8 км южнее Мангалии». Между двумя крайними точками граница будет проходить по линии, определенной в деталях смешанной румыно-болгарской комиссией²⁵. Предусматривался обмен равного числа румын из Южной Добруджи и болгар из Северной. 67 тыс. болгар были в кратчайший срок насильственно переселены в Болгарию, причем, им разрешалось взять с собой только то, что они могли унести, исключая золото²⁶. Болгарское государство обязывалось выплатить 1 миллиард лей контрибуции за румынскую собственность в Южной Добрудже. Независимо от того, что некоторые положения Крайовского договора и приложений к нему ущемляли интересы болгарского

* Накануне, 6 сентября 1940 г., оказавшийся в политической изоляции из-за непопулярных внешнеполитических действий Кароль II отрекся от престола и покинул страну, власть в Румынии перешла в руки генерала И. Антонеску (маршал с 22 августа 1941 г.).

добруджанского населения и были тяжелы с финансовой точки зрения, болгарский народ воспринял его как акт национального освобождения Южной Добруджи. Спустя полчаса после подписания договора премьер-министр Б. Филов сообщил историческую весть по болгарскому радио: «Болгары, наша золотая Добруджа вновь возвращается в пределы матери-родины. Да здравствует Болгария!».

Выход Южной Добруджи из-под юрисдикции Румынии и вступление на ее территорию болгарской армии происходили в четыре этапа между 20 сентября и 1 октября 1940 г. Своим манифестом от 21 сентября 1940 г. царь Борис III приказал болгарской армии мирным путем занять возвращенную Болгарии территорию площадью около 7700 кв. км.

Ликованию болгарского народа не было предела. Одна из несправедливостей Нейиского договора, наконец, была ликвидирована. Крайовское соглашение являлось, пожалуй, единственным международным договором, подписанным во время Второй мировой войны, который получил признание и одобрение со стороны всех великих держав, независимо от того, к какому из воюющих блоков они принадлежали: Германии, Италии, Англии (Франция уже была выведена из строя). Крайовское соглашение поддержал и нейтральный в тот период Советский Союз, хотя в Москве не могло не возникнуть недовольства, что Болгария обратилась за непосредственной помощью к державам Оси, а не к СССР.

На специально созванной 20–23 сентября 1940 г. сессии Народного собрания Филов заявил в своей речи, что разрешением добруджанского вопроса Болгария обязана «дружескому посредничеству прежде всего Германии и Италии»: «если бы не было Зальцбурга, не было бы Крайовы»²⁷. Тем самым Филов обошел молчанием позицию советской дипломатии, неоднократно заявлявшей о справедливости болгарских требований возвращения Добруджи. Это не прошло незамеченным в Москве. Когда новый болгарский посланник в СССР И. Стаменов на приеме у В.М. Молотова выразил советскому правительству благодарность своего правительства за моральную поддержку Болгарии в деле с Южной Добруджей, Молотов выразил удов-

летворение этим заявлением, но тут же добавил, что читал речь Филова, принесшего благодарность лишь Германии и Италии. Стаменов был вынужден оправдываться, что Филов это сделал только потому, что Германия проявила инициативу в этом вопросе, но что Болгария никаких обязательств перед Германией не взяла и что она и дальше будет проводить ту политику, которую она проводила последние 20 лет²⁸.

На самом деле ориентация в вопросе о Добрудже являлась по существу и ориентацией всей внешней политики Болгарии в этот период. Постепенный дрейф в сторону Германии усилился. Это была большая психологическая и дипломатическая победа держав Оси. Огромная часть болгарского населения была убеждена, что Добруджу удалось вернуть только благодаря помощи рейха. Улицы в Софии были переименованы в честь Гитлера и Муссолини. Дж. Ренделл так характеризовал сложившуюся ситуацию: «Добруджа была формально уступлена под германским и итальянским нажимом, и ликование приняло формы восторженной благодарности по отношению к нашим главным врагам и нанесло огромный вред нашим интересам... Многие из числа колеблющихся, которые до этого еще не определились на стороне Германии, были захвачены вихрем прогерманского энтузиазма»²⁹.

Как свидетельствуют документы, действия болгарской дипломатии во время подготовки и проведения переговоров в 1939–1940 гг. заслуживают высокой оценки. По сравнению с периодом войн второго десятилетия XX в., в рассматриваемые годы болгарские политики действуют гораздо осторожнее и внимательнее. Их дипломатия характеризовалась умеренностью, терпеливостью и в то же время твердостью в желании окончательно разрешить добруджанский вопрос³⁰. Болгария не отступила от своей первоначальной позиции по вопросу восстановления прежней болгаро-румынской границы до 1913 г.

Следует, тем не менее, отметить, что Крайовское соглашение имело и имеет по сей день своих критиков. По словам исследователя добруджанского вопроса А. Кузмановой, в упрек ему ставятся два основных недостатка: допущено изгнание болгарского населения из Северной Добруджи и упущен шанс

вернуть всю Добруджу целиком. Один из крупнейших исследователей внешней политики Болгарии периода Второй мировой войны Н. Генчев также считает, что в Крайове Болгария не добилась всего, чего могла добиться. Причиной он называет то, что для правительства Б. Филова был гораздо важнее политический эффект, который укрепил бы его положение, чем действительная защита интересов болгарского населения Добруджи. В результате болгарское правительство фактически оставило население Северной Добруджи на произвол судьбы³¹. Однако, по мнению Кузмановой, упреки в адрес тогдашней болгарской дипломатии несправедливы, поскольку следует исходить из того правила, что дипломатия есть искусство возможного³². С этим трудно не согласиться.

И еще один момент. Говоря об успехах болгарской дипломатии на переговорах в Крайове, следует упомянуть заслуги руководителя болгарской делегации Светослава Поменова (1887–1945). С марта 1941 г. до августа 1943 г. он занимал пост начальника канцелярии царя Бориса. В «награду» за самоотверженную службу на благо Отечества этот видный болгарский дипломат был осужден на смерть организованным коммунистами «Народным судом» и расстрелян 1 февраля 1945 г.

Парижский мирный договор 1947 г. подтвердил Крайовское соглашение. Это единственное болгарское территориальное приобретение — плод политики мирного ревизионизма в период между двумя мировыми войнами. Именно этот факт предопределил и сохранение Южной Добруджи в пределах Болгарии после Второй мировой войны — в отличие от Вардарской и Эгейской Македонии и Западной Фракии. Таким образом, Болгария оказалась единственной побежденной страной, которая не только не потеряла территории, но даже расширилась. Несмотря на поражение, война не принесла Болгарии новой национальной катастрофы.

Вскоре после урегулирования добруджанского вопроса возник и вопрос о вступлении Болгарии в Тройственный пакт фашистских держав. В сложной внешнеполитической обстановке и в ходе подготовки Германии к балканской кампании в феврале 1941 г. потенциал Болгарии для маневрирования ока-

зался исчерпанным. Ее выбор теперь сводился к двум возможностям: быть оккупированной Германией или присоединиться к Тройственному пакту. Не удивительно, что она избрала второй вариант: 1 марта 1941 г. премьер-министр Б. Филов подписал в Вене договор о вступлении Болгарии в пакт держав Оси. От Болгарии требовалось «лишь» пропустить германские войска через свою территорию для покорения Балкан Германией. В награду она получила право после капитуляции Югославии и Греции занять территории, которые рассматривались Софией как «болгарские национальные земли».

После завершения балканской операции вермахта Болгария ввела 19–20 апреля 1941 г. свои войска в принадлежавшие Югославии и Греции районы Македонии, Западной Фракии и так называемые Западные территории. В этих районах была образована временная болгарская администрация. Вместе с Южной Добруджей территория Болгарии увеличилась на 50 %, а население – на треть. Борис III получил прозвище «царь-Объединитель». Казалось, ему удалось достичь национальных целей: менее, чем за год, без единой капли пролитой в боях болгарской крови была осуществлена мечта болгарского народа о возвращении территорий, отторгнутых по условиям Нейиского договора 1919 г. Мало кто в Болгарии мог в то время понять всю иллюзорность сложившегося представления о ситуации. Состояние эйфории, охватившее болгарскую общественность, ярко характеризуют слова собеседника немецкого журналиста Бретхольца: «Все мы находились в состоянии опьянения от мысли, что с нами впервые в истории поступили по справедливости, которой мы давно безуспешно добивались. Правда, иногда в нас шевелилось что-то вроде нечистой совести, поскольку мы не завоевали или захватили наши новые земли, а получили их в качестве подарка, что-то вроде тревожного чувства, что однажды прекрасный сон обернется жестоким пробуждением. Но в принципе все мы, от крайних националистов до коммунистов, были довольны результатами, которые нам принес “новый порядок” Гитлера на Балканах»³³.

По окончании балканской операции Германия вывела часть своих войска из оккупированных Греции и Югославии с

тем, чтобы перебросить их на восток. Так Болгария, позволившая вермахту использовать свою территорию в качестве плацдарма для агрессии против соседних государств, превратилась в надежный тыл нацистской Германии, в ее южный стратегический плацдарм.

Примечания

¹ *Генчев Н.* Възвръщане на Южна Добруджа към България през 1940 г. // Исторически преглед. 1969. № 6. С. 58–73; *Марков Г.* Добруджанският въпрос и германо-съветските отношения, февруари–септември 1940 г. // Векове. 1981. № 3. С. 19–28; *Кузманова А.* От Ньой до Крайова. Въпросът за Южна Добруджа в международните отношения (1919–1940 г.). София, 1989; Кратка история на Добруджа. Варна, 1986; *Петров Л.* Въпросът за Южна Добруджа и военните аспекти на българо-румънските отношения (септември 1939–юни 1940 г.) // Военноисторически сборник. 1987. № 5. С. 89–102; *он же.* Крайовският договор от 1940 г. Политически и военни проблеми // Добруджа. 1986. № 3. С. 61–74.

² <http://www.dobrich.bg/bg/news/3429>.

³ <http://archives.bg/wars/98-a100-b0-s>.

⁴ Международни актове и договори, засягащи България. София, 1940. С. 225; см. также: *Генчев Н.* Външната политика на България 1938–1941. София, 1998.

⁵ См., напр.: *Генчев Н.* Външнополитическата ориентация на България в навечерието на Втората световна война // Годишник на Софийския университет. Философско-исторически факултет. Т. LXI. Кн. III. София, 1968; *Сирков Д.* Външната политика на България. 1938–1941. София, 1979.

⁶ См.: *Генчев Н.* Външната политика на България през началния период на Втората световна война // Годишник на Софийския университет. Философско-исторически факултет. Т. LXII. Кн. III. София, 1971. С. 340; <http://www.promacedonia.org/bugarash/ng/glava3.html>.

⁷ Научен архив на Българската академия на науките (НА БАН). *Стойчо Мошанов.* Из спомените ми. Сб. IV. Оп. 110. А.е. 157. Л. 420; *Спасов Л.* България и СССР. 1917–1944 г. (политико-дипломатически отношения). Велико Търново, 2008. С.330.

⁸ *Спасов Л.* България и СССР. С. 376.

⁹ Там же. С. 377, 416.

¹⁰ Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 06. Оп. 2. Пап. 13. Д. 133. Л. 44.

¹¹ Там же. Л. 51.

¹² Цит. по: *Груев Ст.* Корона от тръни. Царуването на Борис III. 1918–1943. София, 1991. С. 324.

¹³ Akten zur deutschen auswärtigen Politik (далее – ADAP). Serie «D». Bd. X. S. 46.

¹⁴ *Димитров И.* Българо-италиански политически отношения 1922–1943. София, 1976. С. 374.

¹⁵ Цит. по: *Дуцу А.* Румъния и България в контекста на международните отношения през 1940 г. // Българо-румънските военнополитически отношения през XIX и XX век. София, 2001. С.193.

¹⁶ *Кузманова А.* От Ньой до Крайова. С. 268.

¹⁷ ADAP. Serie «D». Bd. X. Ibid. S. 183.

¹⁸ Ibidem; см. также: *Дуцу А.* Румъния и България в контекста на международните отношения. С. 194.

- ¹⁹ *Филов Б.* Дневник. София, 1990. С. 209.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ ADAP. Serie «D». Bd. X. S. 279.
- ²² Известия. 13 август 1940 г.
- ²³ *Сирков Д.* Външната политика на България. С. 236–237.
- ²⁴ Текст Крайовския договор см.: <http://www.kroraina.com/bugarash/bugarash/dobrudja/krajovskidogovor.html>.
- ²⁵ Ibidem.
- ²⁶ *Саздов Д., Лалков М., Попов Р., Мигев В.* История на България (681–1960). Т. 2. София, 1995. С. 455.
- ²⁷ Цит. по: *Генчев Н.* Външната политика на България. С. 365.
- ²⁸ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. Пап. 12. Д. 130. Л. 2.
- ²⁹ Цит. по: *Груев Ст.* Корона от тръни. С. 326.
- ³⁰ *Генчев Н.* Външната политика на България. С. 362.
- ³¹ Там же.
- ³² *См. Кузманова А. С.* Умението на дипломацията и дипломацията на умението при възвръщането на Южна Добруджа към България // Добруджа. 1996. № 13. С. 215.
- ³³ Цит. по: *Hoppe H.-J.* Bulgarien – Hitlers eigenwilliger Verbundeter. Stuttgart, 1979. S. 125.

Югославия и Ближневосточный кризис 1967 г.*

Одной из самых «горячих точек» на карте мира с конца 1940-х годов остается Ближний Восток. Создание государства Израиль стало причиной эскалации арабо-израильского конфликта, который превратил регион в очаг постоянной напряженности. Конечной целью арабских стран была ликвидация Израиля и создание на всей территории Палестины исламского государства. Тель-Авив стремился обеспечить собственную безопасность и целостность, а также территориальное расширение. В результате произошло несколько масштабных вооруженных конфликтов.

В 1948 г., после прекращения британского мандата на управление Палестиной, Израиль, согласно решению ООН, провозгласил свою независимость. Страны Арабской лиги (Египет, Ирак, Йемен, Ливан, Саудовская Аравия, Сирия и Трансиордания) ввели в Палестину войска и начали там боевые действия, чтобы не допустить создания еврейского государства. Израилю удалось не только отразить нападение, но и захватить половину территорий, выделенных палестинцам.

В 1956 г. правительство Гамалы Абдель Насера¹ объявило о национализации Суэцкого канала. В ответ объединенные силы Англии, Франции и Израиля начали боевые действия против Объединенной арабской республики (ОАР) и нанесли ей ряд чувствительных поражений. Этот конфликт вошел в историю как Суэцкий кризис. Под давлением СССР и США боевые действия закончились без серьезных территориальных изменений. Враждебность между Израилем и арабскими странами нарастала.

* Статья написана при финансовой поддержке РФНФ в рамках работы над проектом 15-31-01003a1.

В 1960-е годы агрессивные высказывания обеих сторон, решение ОАР о блокировании доступа для израильских кораблей в залив Акаба и Тиранский пролив, а также в Суэцкий канал (май 1967 г.), нерешенные демаркационные споры и вооруженные инциденты на границах свидетельствовали, что новая война — лишь вопрос времени.

5 июня 1967 г., начиная с 7:45 утра, израильская авиация подвергла бомбардировкам военные цели на территории ОАР. Около 300 египетских самолетов на 19 аэродромах были уничтожены, не успев покинуть взлетно-посадочные полосы. ВВС ОАР фактически прекратили свое существование. Позже авиаударам подверглись территории Сирии, Иордании и Ирака. Началась третья война между Израилем и арабскими странами, получившая название Шестидневной.

7 июля была оккупирована старая часть Иерусалима, израильцы вышли к реке Иордан и Суэцкому каналу. 10 июля на сирийском фронте они овладели Голанскими высотами. Поражение арабских армий было сокрушительным. Они потеряли около 70 % своих вооруженных сил. Человеческие жертвы составили порядка 30 тыс.²

Югославское руководство уже с первых дней войны заняло жесткую позицию. 5 июня 1967 г. президент Социалистической федеративной республики Югославии (СФРЮ) Йосип Броз Тито выступил с заявлением, в котором назвал Израиль агрессором, инструментом империалистической политики силы и единственным виновником войны в регионе, а также призвал ООН остановить насилие³. Таким образом, под огонь критики Белграда попал и главный политический союзник Тель-Авива — Соединенные Штаты. Антиамериканская кампания в Югославии достигла такого размаха, что создавалось впечатление, что агрессию в отношении арабских государств совершили США, а не Израиль⁴.

По инициативе СССР после прекращения боевых действий⁵ было созвано внеочередное заседание Генеральной Ассамблеи ООН, посвященное путям выхода из создавшейся ситуации. Югославия обвинила в эскалации конфликта Тель-Авив и Вашингтон и настаивала на немедленном выводе войск

с оккупированных территорий в качестве условия перехода к мирным переговорам⁶.

Такая резкая реакция Югославии объяснялась целым комплексом причин. Это и близкие отношения Белграда с арабскими странами, особенно с ОАР, ключевым союзником и партнером СФРЮ по Движению неприсоединения*, и стремление защитить своих граждан, оказавшихся в эпицентре боевых действий (речь шла о югославском отряде в составе миротворческих сил ООН на Синайском полуострове, размещенном там после Суэцкого кризиса и насчитывавшем около 300 человек, а также о работниках строительных компаний в Египте). Военная техника Югославской народной армии работала на ближневосточной нефти, поэтому, ко всему прочему, здесь был затронут вопрос национальной безопасности⁷. Существовали и более глобальные, стратегические задачи югославской внешней политики, связанные с преодолением сложной ситуации, в которой оказалась Югославия в середине 1960-х годов: необходимостью улучшения отношений с СССР и вывода из кризиса политики неприсоединения⁸. Кроме того, следует принять во внимание, что расстановка сил и сферы влияния сверхдержав на Ближнем Востоке были определены не до конца. В СФРЮ опасались распространения противостояния в Средиземноморье и увеличения там американского военного присутствия⁹.

Представители США называли действия Тель-Авива «превентивной войной», обусловленной агрессивными выступлениями арабских лидеров. 19 июня на Национальной конференции по внешней политике в Вашингтоне, американский президент Линдон Джонсон сформулировал свой план урегулирования кризиса. Вывод войск с оккупированных территорий он увязывал с пятью принципами, которые гарантировали бы Израилю национальную безопасность: право каждого народа на жизненное пространство; справедливое решение проблемы беженцев; свободное пользование международными

* Движение неприсоединения было основано в 1961 г. на конференции в Белграде. Его участники объединялись на основании принципа неучастия в военно-политических блоках сверхдержав и призывали к уважению территориальной целостности и невмешательству во внутренние дела других стран; отказу от войны как средства решения спорных вопросов; равенству; взаимовыгодному сотрудничеству и мирному сосуществованию.

водными путями (имелись в виду залив Акаба, Тиранский пролив и Суэцкий канал. — *Б. Н.*); ограничение гонки вооружений и уважение политической независимости и территориальной целостности всех стран региона¹⁰.

Целью Советского Союза было обозначить свои интересы в регионе и ограничить дальнейшую экспансию США. Советское правительство оказывало поддержку арабским странам: осуществляло поставки вооружений, отправляло туда военных специалистов, оказывало им политическую поддержку в ООН, предоставляло экономическую помощь. С другой стороны, в Москве стремились не допустить ухудшения отношений с Вашингтоном, что ставило бы под вопрос возможность вести с американцами прямой диалог по важнейшим международным вопросам¹¹. По этой причине позицию Советского Союза можно назвать компромиссной. Советские руководители не требовали немедленного и безусловного вывода войск с оккупированных территорий и соглашались с необходимостью признать за Израилем безусловное право на существование¹².

Еще до окончания боевых действий председатель Совета министров СССР А.Н. Косыгин¹³ связался с американским президентом Л. Джонсоном по специальной линии связи, установленной между двумя сверхдержавами в августе 1963 г. и ни разу до этого случая не использовавшейся. Стороны договорились о невмешательстве в конфликт. Кроме того, Косыгин и Джонсон условились, что США окажет давление на Израиль, а СССР — на арабов с тем, чтобы они немедленно прекратили боевые действия¹⁴.

Лидеры арабских государств были страшно разочарованы политикой Москвы. Они всерьез рассчитывали на вмешательство советской армии в боевые действия. Возможно, это было одним из объяснений их неготовности к войне¹⁵. Несмотря на быстрое и сокрушительное поражение, они горели жаждой реванша и отказывались признавать право Израиля на существование. Радикализм и даже экстремизм арабских лидеров вызывали раздражение советского руководства.

Югославия в такой ситуации попыталась скоординировать позиции арабских государств, советского блока, а также

участников Движения неприсоединения. Плодом этих усилий стала декларация 13 неприсоединившихся стран, озвученная на чрезвычайной специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН (17 июня – 18 сентября 1967 г.). Она базировалась на требовании вывода израильских войск с оккупированных территорий и не давала никаких гарантий безопасности Израилю. В ней не содержалось признания права этого государства на существование. По этой причине за предложенный проект не голосовали даже многие внеблоковые страны¹⁶.

Провал декларации продемонстрировал, что жесткий проарабский и антиизраильский курс не получит поддержки. Парадоксальным образом для организации более эффективной международной помощи ОАР, Сирии, Иордании и Ираку Югославия должна была дистанцироваться от их позиций. С конца июня Белград несколько изменил свой курс и теперь выступал за признание права Израиля на существование и призывал арабских лидеров отказаться от реваншизма¹⁷. Ближневосточный кризис представлял собой хорошую возможность восстановить прежнее влияние югославской дипломатии в качестве международного посредника. Правда, посредовать теперь нужно было не между мировыми Западом и Востоком, а между Востоком и Югом: советским блоком и странами «третьего мира».

Необходимость организации срочной и масштабной помощи арабским странам для предотвращения там гуманитарной и политической катастрофы (еще одного военного поражения или отказа этих государств от политики неприсоединения) побуждала Тито принять непростое решение и пойти на значительные, возможно, даже стратегические изменения во внешней политике своей страны. СФРЮ приняла участие в нескольких конференциях европейских коммунистических партий, чего югославы решительно избегали прежде, несмотря на уговоры и недовольство советских руководителей.

9–10 июня 1967 г. в Москве состоялось первое подобное совещание. Делегацию Союза коммунистов Югославии (СКЮ) возглавлял лично Тито. Целью собравшихся было «найти лучшие способы оказания помощи» ОАР, Сирии, Иордании и Ира-

ку «в их борьбе за независимость и развитие», «спасти режим Насера и укрепить освободительное движение»¹⁸.

Выступление Тито стало одним из центральных на совещании. Он подчеркнул, что «главной целью империалистов в Африке является поражение прогрессивных режимов и, прежде всего, режима Насера». Вместе с тем, он заявил, что помощь Египту и другим прогрессивным странам «до сих пор не была достаточно эффективной». По этой причине Тито призывал к выработке ясной позиции и концепции борьбы против империализма, проведению конкретных акций помощи арабским странам, возможно, разработке долгосрочных программ поставок вооружения, продуктов питания, промышленных товаров. Кроме того, он настаивал на необходимости политической поддержки: «нужно выступить в защиту арабского народа и осудить агрессию Израиля»¹⁹. Лидеры всех компартий согласились принять программу действий, предложенную Тито. Исключением стала позиция Н. Чаушеску²⁰, заявившего, что «неясно, кто является агрессором»²¹.

Вопрос политической ответственности за разразившийся конфликт до сих пор остается дискуссионным. О получившей определенное распространение в англоязычной историографии концепции «превентивной войны» речь шла выше. И действительно, постоянные кровавые заявления арабских лидеров о том, что Израиль должен быть «сброшен в море», их призывы к расправе над местным населением, закрытие пролива Акаба и Суэцкого канала подтверждают эту точку зрения. С другой стороны, ряд исследователей, в том числе известный журналист, ученый, государственный и политический деятель Е.М. Примаков, полагают, что Насер не хотел начинать боевые действия. Напротив, его целью было избежать войны с Израилем, а агрессивные демарши были попыткой демонстрации Тель-Авиву своей силы, ошибочно преувеличиваемой египетским руководством. Решающее же значение сыграла секретная поездка в США главы МОССАДа М. Амиата²², в ходе которой американцы по сути включили «зеленый свет» и на следующий день израильское правительство в полном составе проголосовало за превентивные военные действия²³.

Румыния осталась единственной социалистической страной, сохранившей с Израилем дипломатические отношения. С 1965 г. там был взят курс на параллельное развитие отношений и с арабскими странами, и с Израилем. Хотя сотрудничество с последним в пропагандистском плане и не афишировалось, ему придавалось довольно большое значение. Так, например, в апреле 1967 г. в Бухаресте с визитом побывала израильская экономическая делегация во главе с министром финансов П. Сапиро. Были достигнуты соглашения о торговом и техническом сотрудничестве, предполагавшие увеличение товарооборота в 10 раз, что составляло бы около 35 млн долларов. Кроме того, стороны договорились о поставках израильского оборудования для 30 румынских предприятий и о кредите в 100 млн долларов, который Израиль должен был предоставить совместно с ФРГ и Швейцарией на 8 лет под 5,5% годовых²⁴.

В итоге после начала конфликта румынское руководство предприняло все усилия, чтобы в сложившейся обстановке сохранить хорошие отношения с обеими сторонами конфликта. 5 июня 1967 г. в ноте МИД Румынии, переданной послам ОАР и Израиля, и 11 июня в Заявлении ЦК Румынской коммунистической партии (РКП) и правительства Социалистической республики Румынии (СРР) содержался призыв прекратить боевые действия и разрешить все спорные вопросы путем переговоров²⁵. При этом румыны избегали определения агрессора и, к вящему неудовольствию советской и югославской сторон, трактовали создавшуюся обстановку в «подчеркнуто объективистском ключе», призывая «найти приемлемое решение в интересах обоих народов»²⁶. Они отказались подписать заявление руководителей социалистических стран²⁷, составленное на Московском совещании компартий, и опубликовали его в своей печати, опустив часть с критикой в адрес агрессивных действий Израиля. Оценка лидеров социалистических государств, что действия Израиля представляют собой акт агрессии, впервые была опубликована в июле 1967 г., причем материал разместили на странице таким образом, чтобы не привлекать большого внимания²⁸.

В разговорах с югославскими коллегами румыны критиковали позицию СССР, который обещал Насеру помощь, тем са-

мым подтолкнул его к конфликту и бросил на произвол судьбы, а также самого египетского лидера, провозгласившего священную войну с целью уничтожения израильского государства²⁹.

В Бухаресте подчеркнуто демонстрировали свое нежелание быть втянутыми в акции социалистического лагеря. По оценкам югославских аналитиков, в своем стремлении укрепить независимость и суверенитет румыны доходили до догматизации этих принципов и видели главную задачу, в первую очередь, в том, чтобы защититься от советского гегемонизма³⁰. Тем самым Румыния загоняла себя в международную изоляцию. Демонстративное самоустранение от акций социалистических стран портило ее отношения с Москвой. Обвиняя в событиях Ближневосточного кризиса силы империализма и реакцию, и, прежде всего США, Бухаресту было бы наивно надеяться на улучшение отношений с Западом. В странах «третьего мира» нежелание румын во всем поддержать арабские государства воспринималось негативно.

Ощутимо испортились и отношения с Югославией, на которую Румыния опиралась в своей борьбе за эмансипацию от СССР. 16 июня в городке Добановцы под Белградом состоялись переговоры между Й. Брозом Тито и румынским министром иностранных дел К. Мэнеску³¹, посвященные ситуации на Ближнем Востоке. Стороны не смогли прийти к общему мнению по этому вопросу. Казалось, что Тито и Мэнеску говорят каждый о своем, не особенно прислушиваясь к мнению собеседника. Югославский президент подчеркивал, что «агрессора следует называть агрессором», нельзя одинаково относиться к обеим сторонам конфликта и необходимо помочь арабским государствам, тем самым показав, что агрессор не может добиться своего. В качестве необходимого условия переговоров он называл немедленное возвращение к ситуации до 5 июня. Румынский министр иностранных дел повторял, что позиция СРР не слишком отличается от югославской. Он подтвердил, что Румыния призывает к немедленному прекращению огня, решению спорных вопросов в интересах народов, которые проживают в регионе, и уважению интересов, независимости и суверенитета арабских государств. Вместе с тем он выразил

мнение, что арабские государства со своей агрессивной риторикой также отчасти несут ответственность за начало конфликта, и назвал признание ими права на существование Израиля одним из важных условий начала мирных переговоров. Тито в ответ выразил сожаление, что стороны имеют такие разные взгляды по этому вопросу³². В итоге югославы притормозили развитие политического сотрудничества с Румынией. Визит в СФРЮ Н. Чаушеску, планировавшийся на 14–19 июля, был отложен. Сдерживался по инициативе югославской стороны и обмен некоторыми другими делегациями³³.

9 июня участники Московского совещания представителей коммунистических партий получили неожиданную информацию из Каира о том, что Гамаль Абдель Насер объявил о своей отставке со всех политических и государственных должностей. В этой связи В. Гомулка³⁴ и Л.И. Брежнев поставили вопрос о целесообразности дальнейшей помощи Египту в изменившихся условиях³⁵. 11 июня в ОАР был срочно отправлен К. Попович³⁶, одна из ключевых фигур в югославской дипломатии 1960-х годов. Перед ним была поставлена задача приободрить Насера и убедить его в том, что неприсоединение не только не потеряло свой смысл, но и, наоборот, является теперь еще более актуальным инструментом мировой политики³⁷.

Судя по всему, добиться второй задачи не удалось³⁸. Так, во время визита в ОАР Н.В. Подгорного³⁹, Насер сетовал на то, что недалековидно предпочел политику неприсоединения сотрудничеству с Советским Союзом и стал жертвой агрессии Израиля. «Политики неприсоединения нет», – заявил он. Кроме того, египетский лидер продемонстрировал большой интерес к активизации двустороннего военного сотрудничества, в том числе к строительству советских военных баз на территории Египта⁴⁰, и даже выразил желание вступить в Организацию Варшавского договора (ОВД)⁴¹: если бы это произошло, то в случае нового конфликта с Израилем СССР уже не смог бы оставаться в стороне. Подгорный постарался убедить своего собеседника не отказываться от неприсоединения и на этой платформе пытаться объединить арабские страны и преодолеть кризис⁴².

Путь Подгорного в Каир пролегал через Югославию. По дороге туда (20 июня) и обратно (24 июня) он дважды встречался с Тито в городе Пула, что недвусмысленно указывало на то, какое значение в Москве придавали роли югославского лидера в разрешении конфликта, его оценкам и позициям. На обратном пути Подгорный рассказал о результатах своего визита. Он отдельно остановился на том, что Насер выразил свое разочарование в политике неприсоединения, указав, что она — только на руку противникам Египта. «Они сами виноваты в том, что проиграли, а не неприсоединение», — сухо прокомментировал Тито. «Насер просил, чтобы СССР взял в свои руки всю оборону Египта, от командования до персонала на пушках», — продолжил Подгорный, отметив, что он отверг это предложение⁴³.

Кризис на Ближнем Востоке, югославская критика в адрес Израиля и США и особенно участие делегации СКЮ в Московском совещании компартий негативно повлияли на отношения между Белградом и Вашингтоном⁴⁴. А от сотрудничества с американцами и их помощи во многом зависело проведение жизненно важной для Югославии экономической реформы и внешнеполитического курса на лавирование между сверхдержавами. Поэтому перед руководством СФРЮ встала непростая задача: представить свою платформу разрешения конфликта как компромисс, оптимальный для всех сторон (Израиля, арабских государств, СССР, США и т.д.). В США рассчитывали, что Тито удастся убедить арабских лидеров занять более гибкую и компромиссную позицию. Так, 29 июля 1967 г. Л. Джонсон отправил Й. Брозу Тито послание, в котором подчеркнул, что США выступают за политическое решение конфликта, и заявил о своей готовности поддержать предложение о выводе израильских войск с оккупированных территорий. В то же время Джонсон указал, что арабские страны должны признать право Израиля на существование, выразил надежду на то, что авторитет Тито внесет свой вклад в разрешение кризиса мирным путем⁴⁵.

И всё же лейтмотивом югославской внешней политики в этот период стало сближение с СССР. 1 июля 1967 г. состоялся VII пленум ЦК СКЮ. Принятые на нем решения закрепили

курс на тесное сотрудничество с социалистическими странами. В резолюции пленума говорилось: «Нельзя понять действительный смысл и размах кризиса на Ближнем Востоке, не видя связи между этими событиями и аналогичными империалистическими действиями, особенно с войной во Вьетнаме, как между составными частями долгосрочной наступательной стратегии империалистических сил [...], в частности США, против стран, народов и освободительных движений в Африке, Азии и Латинской Америке»⁴⁶.

Югославия разрешила полеты над своей территорией и посадку на аэродромах советских военных самолетов, направлявшихся в ОАР. Представители СФРЮ присутствовали на военных маневрах ОВД в Болгарии и на учениях «Днепр» в СССР⁴⁷. 28 июня в страну с дружеским визитом прибыло несколько советских военных кораблей⁴⁸.

11–12 августа 1967 г. Й. Броз Тито отправился во главе югославской делегации в Будапешт, где состоялась вторая конференция социалистических стран, посвященная ситуации на Ближнем Востоке. Москва была недовольна упрямством ОАР, Сирии, Иордании и Ирака, их нежеланием признать право Израиля на существование и отказаться от агрессивной риторики. Главными темами обсуждений стали необходимость найти приемлемый выход из кризиса и смягчение арабского национализма. Участники саммита подчеркнули, что пока арабы не прекратят постоянные демонстрации враждебности по отношению к Израилю, не будет существовать условий для принятия резолюции об обязательном выводе израильских войск с оккупированных территорий.

Тито согласился с такой линией, но настаивал, чтобы эти рекомендации не были ультимативными⁴⁹. Он объявил, что в ближайшее время собирается совершить визит на Ближний Восток. Эта новость встретила всеобщее одобрение, несмотря на оговорку Тито, что он отправится в поездку «только как представитель Югославии»⁵⁰. Тем самым он хотел оградить себя от роли посланника социалистических стран и от представления их общей позиции, довольно жесткой по отношению к арабам.

С 10 по 17 августа 1967 г. Тито побывал в ОАР, Сирии и Ираке. Его целью было не только смягчить радикализм арабских лидеров, но и объяснить им позицию руководителей социалистических стран, с которой Югославия солидаризировалась на совещании в Будапеште, а также позицию американцев. На переговорах Тито настаивал, что нельзя дальше отрицать право Израиля на существование, убеждал, что Советский Союз ни при каких условиях не принял бы участия в вооруженном конфликте, так как это неизбежно привело бы к мировой войне, и доказывал, что позиция США не является антиарабской. Он указывал, что требовать немедленного и безусловного вывода израильских войск с оккупированных территорий, при этом продолжая демонстрировать враждебность по отношению к еврейскому народу, бесперспективно и вредно. Кроме того, имея богатый опыт ведения партизанской войны, объяснял, что на открытой местности эта тактика была бы абсолютно бессмысленна⁵¹.

По возвращении из поездки Тито разослал письма руководителям США, СССР, Великобритании, Франции, Индии, генеральному секретарю ООН У Тану и некоторым другим мировым лидерам. В них югославский президент объявил, что ему удалось убедить глав арабских государств отказаться от попыток разрешить кризис силовым способом и начать поиски политического выхода из тупика. Советско-американская резолюция⁵², по его мнению, не предоставляла достаточных гарантий вывода израильских войск с оккупированных территорий. Он еще раз подчеркнул, что принципиальная позиция арабских стран заключается в том, что исходным условием любого проекта мирного урегулирования кризиса должно быть возвращение к границам до 5 июня 1967 г.

Далее в письме была представлена платформа разрешения противоречий, позже ставшая известной как «пять принципов Тито»: вывод всех войск с оккупированных территорий; гарантии безопасности границ, существовавших до 5 июня со стороны Совета Безопасности ООН или четырех великих держав (имелись в виду СССР, США, Англия и Франция. — *Б. Н.*); свободное пользование Тиранским проливом для кораблей всех стран; закрытие Суэцкого канала для израильских кораблей;

после реализации всех этих пунктов — прямые переговоры заинтересованных сторон по остальным спорным вопросам: проблеме палестинских беженцев, пользовании Суэцким каналом и т.д. По мнению югославского президента, гарантии безопасности границ в регионе служили бы фактическим признанием существования Израиля, что привело бы к прекращению состояния враждебности на Ближнем Востоке, в то время как официальное признание еврейского государства со стороны арабов в тот момент было невозможно⁵³.

16 сентября в ответном послании Л.И. Брежнев отметил, что план Тито «нам представляется в общем приемлемым»⁵⁴.

19 сентября Л. Джонсон в своем ответе подчеркнул «фундаментальную связь» между окончанием состояния враждебности и выводом войск с оккупированных территорий. Прекращение враждебности он связал с признанием права Израиля на существование. Причем гарантии нерушимости границ, по мнению американского президента, сами по себе не могли бы стать решением этой проблемы. Кроме того, он заявил о необходимости открыть Суэцкий канал для судов всех стран в соответствии с конвенцией 1888 г.⁵⁵ Таким образом, Джонсон по сути дела отверг «пять принципов Тито» и продолжил настаивать на советско-американской резолюции. С другой стороны, он согласился, что обе стороны должны идти на уступки вместе и одновременно⁵⁶.

В начале октября 1967 г. американский госсекретарь Д. Раск⁵⁷ в разговоре с советским министром иностранных дел А.А. Громыко⁵⁸ заметил, что правительство Соединенных Штатов не одобряет предложений Тито по политическому урегулированию на Ближнем Востоке⁵⁹. Советский Союз, окончательно определившись, что решение конфликта может быть достигнуто только в результате диалога с США, в итоге тоже не поддержал СФРЮ, заявив, что «План Тито» ничем не отличается от решений, принятых на Московской и Будапештской конференциях⁶⁰.

Таким образом, Югославии не удалось оказать арабским странам политическую поддержку в том объеме, в котором это задумывалось. При этом экономическая помощь продолжала осуществляться. В 1967 г. им было предоставлено несколько

безвозмездных кредитов на общую сумму в 21 млн долларов, также туда поставлялись продукты питания (сахар, кукуруза, сухое молоко, рыбные консервы, сыр)⁶¹.

В начале сентября 1967 г. в Белграде состоялось совещание представителей социалистических стран на уровне заместителей председателей правительств, посвященное вопросам помощи арабским государствам. Его проведение инициировал Тито на Будапештской конференции. Участники договорились немедленно начать реализацию экономических программ и координировать их на будущих встречах⁶².

11 сентября в ходе визита в Югославию египетской военной делегации был подписан договор о военной помощи. Согласно этому документу СФРЮ обязывалась предоставить ОАР зенитки, радиостанции, стрелковое вооружение, ручные гранатометы противотанковые мины, авиационные бомбы, медикаменты и грузовики в качестве безвозмездной военной помощи или на продажу на выгодных условиях⁶³.

9 ноября на празднование 50-летней годовщины Октябрьской революции в Москву прибыла югославская делегация во главе с Й. Брозом Тито. Он снова призывал оказать поддержку арабам и «дать отпор Джонсону»⁶⁴, но советская сторона, видимо, уже достигла компромисса с Вашингтоном. В конце ноября 1967 г. на заседании Совета Безопасности ООН Л.И. Брежнев поддержал предложение Великобритании по вопросу урегулирования ситуации на Ближнем Востоке. Результатом этого компромисса стала принятая 22 ноября резолюция Совета Безопасности ООН № 242. В ней содержались требования вывода израильских войск с оккупированных территорий, немедленного обоюдного прекращения состояния войны, взаимного отказа от всех претензий, признания территориальной целостности и политической независимости всех государств региона, обеспечения свободы судоходства по международным морским путям региона и справедливого решения проблемы беженцев⁶⁵. Резолюция представляется адекватной и даже справедливой попыткой найти политическое решение конфликта, однако обоюдное состояние враждебности едва ли можно было преодолеть с помощью одного постановления.

С этим документом не были согласны ни арабские страны, ни Израиль, однако на Варшавском совещании социалистических государств (19–20 декабря 1967 г.) он удостоился положительных оценок, как представляющий «солидную основу для политического решения» кризиса⁶⁶. Вполне в духе холодной войны решение Совета Безопасности было направлено не столько на урегулирование конфликта, сколько на нахождение политического компромисса между сверхдержавами.

27 декабря на встрече в Каире Г. Насер в разговоре с секретарем иностранных дел СФРЮ М. Никезичем⁶⁷ отметил, что Египет, Сирия, Ирак и Иордания не согласны с резолюцией, но подчеркнул, что они высоко оценивают военную, дипломатическую и экономическую помощь Югославии⁶⁸.

С 1968 г. проблема нормализации арабо-израильских отношений почти полностью перешла в сферу деятельности ООН. Специальный представитель ООН Г. Яринг предпринял несколько попыток достичь взаимоприемлемого компромисса в переговорах, однако они не дали значимых результатов.

Таким образом, ближневосточный конфликт в контексте югославской внешней политики стоит рассматривать не только как попытку Белграда помочь своим терпящим бедствие арабским союзникам и восстановить свою роль в мире, но и как событие, во многом изменившее международную стратегию СФРЮ. Участие Югославии в консультационных совещаниях стран советского лагеря, по сути, означало, что в Белграде вплоть до интервенции вооруженных сил ОВД в Чехословакию (1968 г.) отказались от политики равноудаленности. Таковой была цена поддержки арабов и последовательности в проведении политики неприсоединения.

Примечания

¹ Гамаль Абдель Насер (1918–1970). Египетский военный и политический деятель. Премьер-министр Египта (1954–1962 гг.). Президент Египта / Объединенной арабской республики (1956–1970 гг.).

² См.: *Životić A. Jugoslavija i Bliski Istok u Hladnom ratu (1945–1970) // Jugoslavija u Hladnom ratu. Zbornik radova. Beograd, 2010. S. 47–48.*

³ Arhiv Jugoslavije (далее – AJ). Kabinet Predsednika Republike (KPR). I-5-c. Izjava predsednika Republike povodom izraelske agresije.

⁴ *Bogetić D. Arapsko-izraelski rat 1967. godine i jugoslovensko-američki odnosi // Istorija XX veka. 2008. №1. S. 103.*

⁵ 10 июня было принято решение Совета Безопасности ООН о немедленном прекращении всех боевых действий.

⁶ AJ. KPR. I-2/UAR. K. 74. Kriza na Srednjom Istoku na Specijalnom zasedanju Generalne skupštine UN. Izveštaj delegacije.

⁷ *Životić A.* Jugoslovenska vojna pomoć Ujedinjenoj Arapskoj Republici 1967. godine // Istorija XX veka. 2007. №1. S. 118.

⁸ Подробнее см.: *Новосельцев Б.С.* Кризис в политике неприсоединения и активизация Югославии на европейской арене в середине 1960-х годов // *Славяноведение*. 2013. №4. С. 40–48.

⁹ *Bogetić D.* Jugoslovensko-američki odnosi 1961–1971. Beograd, 2012. S. 8–9.

¹⁰ AJ. KPR. I-2/UAR. Pregled osnovnih stavova velikih sila i nekih drugih zemalja u vezi sa krizom na Bliskom Istoku.

¹¹ Diplomatski arhiv saveznog ministarstva spoljnih poslova Republike Srbije (далее – DASMSP RS). PA. 1967. SSSR. f-143. 444809. Neki aspekti sovjetske spoljne politike. 30.6.1967.

¹² См.: AJ. KPR. I-2/UAR. K. 74. Kriza na Srednjom Istoku na Specijalnom zasedanju Generalne skupštine UN.

¹³ Алексей Николаевич Косыгин (1904–1980). Советский государственный и партийный деятель. Член Президиума, Политбюро ЦК КПСС (1960–1980 гг.). Председатель Совета министров СССР (1964–1980 гг.).

¹⁴ *Bogetić D.* Približavanje Jugoslavije socijalističkom lageru tokom arapsko-izraelskog rata 1967. godine // Tokovi istorije. 2008. № 3–4. S. 100.

¹⁵ Начало вооруженного конфликта не было неожиданным. 29 мая некий работник посольства США в Каире сообщил египтянам, что Израиль готовит нападение через 2–3 дня. О том, что израильские части концентрируются в районе Синайского полуострова, также было хорошо известно. Однако военно-воздушные силы ОАР не были приведены в состояние повышенной боевой готовности. Что-то заставляло лидеров арабских государств надеяться не только на себя. Учитывая, что еще 19 мая Насер потребовал вывести войска ООН с территории Египта, надо полагать, что надежды возлагались и не на международный миротворческий контингент. В этой связи показательно, что на 5–6 июня планировался визит сирийского министра обороны в Советский Союз (См.: AJ KPR. I-2/33. Put J.B. Tita u SSSR. 9–10.6.1967. Konferencija KP socijalističkih zemalja // Beleška sa savetovanja).

¹⁶ *Bogetić D., Životić A.* Jugoslavija i arapsko-izraelski rat 1967. Beograd, 2010. S. 146.

¹⁷ AJ. KPR. I-3-a/SAD. Zabeleška o razgovoru Predsednika Republike sa ambasadorom SAD B. Elbrickom. 27.06.1967.

¹⁸ *Ibid.* I-2/33. Put J.B. Tita u SSSR. 9–10.6.1967. Konferencija KP socijalističkih zemalja // Beleška sa savetovanja.

¹⁹ *Ibidem.*

²⁰ Николае Чаушеску (1918–1989). Румынский государственный и политический деятель. Генеральный секретарь Румынской коммунистической партии (1965–1989 гг.). Председатель Государственного совета Румынии (1965–1974 гг.). Президент Румынии (1974–1989 гг.).

²¹ *Bogetić D., Životić A.* Jugoslavija i arapsko-izraelski rat 1967. S. 139.

²² Меир Амит (1921–2009). Израильский военный и государственный деятель. Начальник службы военной разведки Израиля (1962–1963 гг.). Директор Моссада (1963–1968 гг.).

²³ *Примаков Е.М.* Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами. М., 2016. С. 118–121.

²⁴ Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 5. Оп. 59. Д. 309. Р. 9627. Л. 351–355. Отношения СРР со странами Ближнего Востока, в частности с ОАР и Израилем (справка). 02.09.1967.

²⁵ Там же. Л. 356–357.

²⁶ АЈ. КРР. I-3-a/97-18. Poseta partijsko-vladine delegacije SR Rumunije na čelu sa Niko-lae Čaušeskuom. 14–19.06.1967. Odložena // Rumunija i događaji na Bliskom Istoku.

²⁷ Правда. 11 июня 1967 г. Заявление Централных Комитетов коммунистических и рабочих партий и правительств социалистических стран.

²⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 309. Р. 9627. Л. 357–358. Отношения СРР со странами Ближнего Востока, в частности с ОАР и Израилем (справка). 02.09.1967.

²⁹ АЈ. КРР. I-3-a/97-18. Poseta partijsko-vladine delegacije SR Rumunije na čelu sa Niko-lae Čaušeskuom. 14–19.06.1967. Odložena // Rumunija i događaji na Bliskom Istoku.

³⁰ Ibidem.

³¹ Корнелиу Мэнеску (1916–2000). Румынский политический деятель, дипломат. Министр иностранных дел Румынии (1961–1972 гг.).

³² АЈ. КРР. I-3-a/97-17. Rumunija. Prijem ministra inostranih poslova Kornelija Mane-sku-a // Zabeleška o razgovoru Predsednika Republike Josipa Broza Tita s ministrom inostranih poslova SR Rumunije Korneliju-em Manesku-om. 16.06.1967.

³³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 309. Р. 9627. Л. 387–388. Запись беседы с советником посольства СФРЮ в Бухаресте тов. М. Коматина. 09.09.1967.

³⁴ Владислав Гомулка (1905–1982). Польский партийный и государственный дея-тель. Генеральный секретарь ЦК Польской рабочей партии (1943–1948 гг.). Первый секретарь ЦК Польской объединенной рабочей партии (1956–1970 гг.).

³⁵ АЈ. КРР. I-2/33. Put J.B. Tita u SSSR. 9–10.6.1967. Konferencija KP socijalističkih zemalja // Beleška sa savetovanja.

³⁶ Константин (Коча) Попович (1908–1992). Югославский общественно-политический деятель, писатель и публицист. Начальник Генштаба Югославской народной армии (1948–1953 гг.). Союзный секретарь иностранных дел Югославии (1953–1965 гг.). Вице-президент СФРЮ (1966–1967 гг.).

³⁷ *Bogetić D.* Približavanje Jugoslavije socijalističkom lageru tokom arapsko-izraelskog rata. S. 113.

³⁸ 10 июня Насер объявил о том, что пересмотрел свое решение уйти в отставку. На это повлияли многотысячные демонстрации в Египте с требованием, чтобы он остался у власти. Кроме того, согласно Е.М. Примакову, важной причиной такого решения стала и позиция Москвы, объединившая призыв советского руководства к Насеру сохранить за собой пост президента и обещание поставить ему всё потерянное в Шестидневной войне вооружение (*Примаков Е.М.* Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами. С. 117).

³⁹ Николай Викторович Подгорный (1903–1983). Советский политический деятель. Первый секретарь ЦК КП Украины (1957–1963 гг.). Член Политбюро ЦК КПСС (1960–1977 гг.). Председатель Президиума Верховного Совета СССР (1965–1977 гг.).

⁴⁰ *Bogetić D.* Približavanje Jugoslavije socijalističkom lageru tokom arapsko-izraelskog rata. S. 114.

⁴¹ *Примаков Е.М.* Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами. С. 128.

⁴² *Bogetić D., Životić A.* Jugoslavija i arapsko-izraelski rat 1967. S. 144.

⁴³ АЈ. КРР. I-3-a/101-97. Zabeleška o razgovoru Tito-Podgornij u Puli. 24.6.1967.

⁴⁴ См.: Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 0144. Оп. 53. П. 214. Д. 24. Л. 30–31. Югославо-американские отношения. 28.8.1967.

⁴⁵ АЈ. КРР. I-1/1104. Poruka Predsednika SAD Lindona Džonsona, Predsedniku Repu-blike Josipu Brozu Titu. 28.07.1967.

⁴⁶ АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 53. П. 214. Д. 24. Л. 45. Позиция Югославии по основным международным проблемам. 29.8.1967.

⁴⁷ Там же. Л. 45, 123.

- ⁴⁸ DASMSP RS. PA. 1967. SAD. f-158. 423461. Telegram DSIP – Misije UN u Njujorku (Drugu Nikeziću). 27.6.1967.
- ⁴⁹ *Tripković Đ.* Odnosi između Jugoslavije i Sovjetskog Saveza 1965–1967 // Istorija XX veka. 2010. № 1. S. 147.
- ⁵⁰ AJ. KPR. I-2/33. Zabeleška o sastanku predstavnika KP i vlada 7 socijalističkih zemalja u Budimpešti.
- ⁵¹ Ibid. I-2/ UAR. Zabeleška o jugoslovensko-egipatskim razgovorima.
- ⁵² 20 июля 1967 г. СССР и США вынесли на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН совместную «Декларацию о разрешении ближневосточного кризиса». Несмотря на то, что она была отвергнута, так как большинство арабских и африканских стран выступили против, Москва и Вашингтон продолжали настаивать на этом проекте. Именно он стал основой принятой позднее резолюции № 242 Совета Безопасности ООН (*Bogetić D.* Arapsko-izraelski rat 1967. godine i jugoslovensko-američki odnosi. S. 110).
- ⁵³ См.: AJ. KPR. I-1/1004. Odgovor Predsednika Tita, Sovjetskom Rukovodstvu. 28.8.1967; Ibid. I-1/1104. Odgovor Predsednika Tita na poruku Džonsona 24.8.1967; См. также: Ibid. I-1/1364. Poruka Predsednika Josipa Broza Tita predsedniku vlade U. Kraljevstva Haroldu Wilsonu. 24.8.1967; Ibid. I-1/392. Poruka Predsednika SFRJ Josipa Broza Tita Predsedniku Vlade Indije Indire Gandi. 24.8.1967. и т.д.
- ⁵⁴ Ibid. Odgovor Prvog Sekretara KPSS Leonida Brežnjeva. 16.9.1967.
- ⁵⁵ Ibid. Odgovor Predsednika SAD L. Džonsona. 19.9.1967.
- ⁵⁶ *Bogetić D.* Približavanje Jugoslavije socijalističkom lageru tokom arapsko-izraelskog rata. S. 112.
- ⁵⁷ Дэвид Дин Раск (1909–1994). Американский государственный деятель, политик и дипломат. Государственный секретарь США при президентах Д. Кеннеди и Л. Джонсоне (1961–1969 гг.).
- ⁵⁸ Андрей Андреевич Громыко (1909–1989). Советский дипломат и государственный деятель. Министр иностранных дел СССР (1957–1985 гг.). Председатель Президиума Верховного Совета СССР (1985–1988 гг.).
- ⁵⁹ АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 53. П. 214. Д. 24. Л. 125. Об отношении США, Англии, Франции и Италии к Югославии в связи с ее позицией в ближневосточном конфликте. 20.10.1967.
- ⁶⁰ *Životić A.* Jugoslavija i Bliski Istok u Hladnom ratu. S. 55.
- ⁶¹ *Životić A.* Jugoslovenska vojna pomoć Ujedinjenoj Arapskoj Republici. S. 120.
- ⁶² *Bogetić D.* Približavanje Jugoslavije socijalističkom lageru tokom arapsko-izraelskog rata. S. 110.
- ⁶³ *Životić A.* Jugoslovenska vojna pomoć Ujedinjenoj Arapskoj Republici. S. 122–124.
- ⁶⁴ *Tripković Đ.* Jugoslavija–SSSR. 1956–1971. Beograd, 2013. S. 204.
- ⁶⁵ Резолюция Совета Безопасности ООН № 242. Доступна по адресу: <http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/1967/res242.pdf>.
- ⁶⁶ *Bogetić D.* Približavanje Jugoslavije socijalističkom lageru tokom arapsko-izraelskog rata. S. 114.
- ⁶⁷ Марко Никезич (1921–1991). Югославский общественно-политический деятель, дипломат. Секретарь иностранных дел Югославии (1965–1968 гг.). Председатель Центрального Комитета Союза коммунистов Сербии (1968–1972 гг.).
- ⁶⁸ *Životić A.* Jugoslavija i Bliski Istok u Hladnom ratu. S. 57.

Александр Сергеевич СТЫКАЛИН

**«Наши пограничники наблюдают
развёрнутые работы по созданию
оборонительных сооружений...».
О положении на советско-румынской
границе в конце августа 1968 г.**

Предлагаемый вниманию читателя документ — донесение в Москву партийного лидера Советской Молдавии Ивана Бодюла — относится к 23 августа 1968 г. За два дня до этого, 21 августа, совместной военной акцией четырех стран Организации Варшавского договора (ОВД)¹ был положен конец «Пражской весне», попыткам установления в Чехословакии социализма «с человеческим лицом». Осуществленная акция не нашла поддержки в Бухаресте — Николае Чаушеску и его окружение, мало озабоченные «человеческим лицом» румынского (как и любого другого) социализма, воспринимали всё происходящее сквозь призму собственной национал-коммунистической концепции. Соответственно и «Пражскую весну» они рассматривали лишь как движение за расширение национального суверенитета, а в чехословацких коммунистах-реформаторах видели своих попутчиков в борьбе за самоутверждение Румынии на международной арене, освобождение ее от доминирующего советского влияния². В течение лета 1968 г. румынский лидер неустанно выражал свою солидарность с реформаторским руководством компартии Чехословакии (КПЧ) во главе с Александром Дубчеком, а 15 августа, менее чем за неделю до военной операции, собственной персоной отправился в Прагу для продления существовавшего с ЧССР межгосударственного договора. Отправился вопреки настойчивым предостережениям румынских спецслужб, всерьез опасавшихся, что вполне ожидаемая акция по насильственному пресечению чехословацкого эксперимента может превратить Чаушеску, не успевшего покинуть Прагу, если не в военнопленного, то в заложника событий³.

Состояние острой конфронтации, в котором оказались в августе 1968 г. два союзника по ОВД, СССР и Румыния, было вполне предсказуемым. Ведь отношения двух государств, в 1950-е годы достаточно безболезненные, с каждым годом ухудшались. На сессиях Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) представители Румынии с начала 1960-х годов последовательно выступали против планов социалистической интеграции, мало учитывавших, по их мнению, сложившуюся структуру экономики страны, интересы ее дальнейшего развития и нацеленных на превращение ее в аграрно-сырьевой придаток более развитых государств. Осенью 1963 г. румынская дипломатия совершает тайный ход в целях обеспечения безопасности страны на случай повторения Москвой внешнеполитической авантюры, подобной размещению ракет на Кубе, вызвавшему Карибский кризис 1962 г. В октябре 1963 г. в кулуарах Генассамблеи ООН в Нью-Йорке министр иностранных дел Румынии К. Мэнеску просил представителей США при возможном возникновении угрозы ядерного конфликта рассматривать Румынию не как союзника СССР, а как нейтральное государство, которое не может нести ответственности за все принятые в Кремле без консультации с союзниками «пагубные» внешнеполитические решения⁴. В июне 1963 г. между первым секретарем ЦК Румынской рабочей партии Г. Георгиу-Дежем и советским лидером Н.С. Хрущевым на двусторонней встрече произошла настолько острая перепалка, что через полтора года, при снятии Хрущева, его соратники припомнили ему этот эпизод как проявление неумения вести нормальный уважительный диалог с главами братских партий (подобный стиль общения, как отмечалось, лишь способствует дальнейшему разброду в соцлагере)⁵. Но за несколько месяцев до отставки, в июне 1964 г., Хрущев успел-таки на встрече в Ленинграде с И. Брозом Тито попросить харизматичного югославского лидера, воспринимавшегося в Бухаресте в качестве эталона коммунистического руководителя, умеющего на равных разговаривать с Москвой, повлиять на румын, дабы те не сближались слишком сильно с Китаем (противоборство между КПСС и КПК за гегемонию в коммунистическом движении достигло

к этому времени своего апогея)⁶. Тито согласился: в Пекине его считали главным ревизионистом, и прокитайского крена в политике своих румынских друзей он никогда не одобрял. Особенно раздражало Хрущева то, что в ходе встреч китайцев с румынами то и дело поднимался (в Москве знали об этом не только из агентурных донесений, но и вычитывали между строк из опубликованных в прессе коммюнике) бессарабский вопрос, по мнению обеих сторон разрешенный несправедливо: для руководства КПК Бессарабия выступала дежурным примером того, что не только на Дальнем Востоке, но и в Европе Советский Союз обладает землями, на которые он имеет меньше прав, нежели соседние государства⁷.

После отставки в октябре 1964 г. Хрущева и кончины в марте 1965 г. Георгиу-Дежа новое, брежневское руководство СССР, преувеличивая роль субъективного фактора в ухудшении советско-румынских отношений, надеялось, что теперь удастся возобновить диалог «с чистого листа», убрать возникшие наслоения. Но это было иллюзией, ведь глубина объективных противоречий оказалась недооцененной, не было принято во внимание естественное стремление не только элиты, но и всего румынского общества к расширению суверенитета страны. Так что списать всё на волонтаризм и грубость Хрущева не удалось, тем более что новый румынский лидер амбициозный Н. Чаушеску не только с самого начала стремился к укреплению режима личной власти, но с еще большей последовательностью, чем предшественник, пытался проводить в отношениях с СССР независимую линию, ссылаясь на национальные интересы, как он их понимал.

Осенью 1965 г. Чаушеску был с немалой помпой встречен в Москве, однако уже в первый день переговоров настроения советских лидеров сильно омрачились, когда в ходе официальных бесед член политбюро румынской компартии, отвечавший за экономическую политику, бессарабский молдаванин по происхождению Александру Бырладяну на хорошем русском языке призвал советское правительство полностью вернуть социалистической Румынии золотые запасы королевской Румынии, удержанные большевиками после того, как та аннексировала в

1918 г. Бессарабию. Это вызвало в Кремле эффект разорвавшейся бомбы — Брежнев и его окружение, не на шутку озлобленные «румынской неблагодарностью» за послевоенную помощь по подъему экономики страны, обещали — если в Бухаресте не перестанут упорствовать в своих требованиях — предъявить-таки Румынии новый счет за вполне реальные разрушения и мародерство, чинившиеся армией маршала Антонеску на оккупированных советских территориях в годы Второй мировой войны⁸.

Попытки плотнее пристегнуть Румынию к общей внешнеполитической линии советского блока оказывались безуспешными. Разногласия по широкому кругу вопросов усугублялись, угрожая серьезным конфликтом между соседними государствами. На заседаниях Политического Консультативного комитета и совещаниях армейского командного состава Организации Варшавского договора представители Румынии выступали за более активное приобщение генералитета стран-союзниц к разработке военно-стратегических планов блока⁹. В январе 1967 г. Румыния без консультаций с Москвой восстановила дипотношения с ФРГ вопреки общей линии советского лагеря не делать этого, пока в Бонне не возобладает «новая восточная политика», т.е. пока там официально не признают если не ГДР, то по крайней мере восточные границы будущей единой Германии по Одеру и Нейсе. В июне того же года Румыния заняла особую, не однозначно проарабскую (как другие европейские социалистические страны), а компромиссную позицию во время шестидневной войны на Ближнем Востоке, отказавшись порвать отношения с Израилем, разгромившим три арабских государства¹⁰. Вследствие этого в марте 1968 г. румынская делегация в ответ на звучавшие оскорбления коммунистов из арабских стран была вынуждена демонстративно покинуть совещание компартий в Будапеште. Через три недели разыгрался еще один нешуточный скандал в советско-румынских отношениях, когда при посещении Финляндии румынская делегация во главе с премьером И.Г. Маурером возложила венок на могилу маршала Маннергейма, памятуя о его заслугах на румынском фронте в бытность генералом российской царской армии в годы Первой мировой войны¹¹.

Что касается событий «Пражской весны», то уже начиная с марта 1968 г. лидеры румынской компартии, и в этом вопросе отклонявшиеся от общей линии советского блока, не приглашались на заседания руководителей европейских социалистических стран-участниц ОВД, где обсуждались пути решения «чехословацкой проблемы», остро беспокоившей официальную Москву, опасавшуюся индоктринации как советской, так и восточноевропейской интеллигенции еретическими идеями. О принятом 18 августа окончательном решении осуществить масштабную силовую акцию руководство Румынии было предупреждено за считанные часы до ее начала по весьма сомнительным неофициальным каналам. На срочно созванном экстренном совместном заседании ЦК румынской компартии, госсовета и правительства страны ввод войск в Чехословакию был назван «тяжким нарушением национального суверенитета братского свободного и независимого государства, принципов, на которых основываются взаимоотношения между социалистическими государствами, и норм международного права»¹². После полудня 21 августа, всего через несколько часов после того, как ввод армий ряда стран ОВД в Чехословакию стал реальностью, Чаушеску выступил с речью с балкона правительственного здания на многотысячном митинге в центре Бухареста. Это был уникальный в истории страны момент единения народа и коммунистической власти. Достаточно сказать, что ряд интеллектуалов, по сути никогда не скрывавших своих антикоммунистических убеждений, включая бессарабца, впоследствии виднейшего диссидента Паула Гому, подали заявления о приеме в компартию (конфликт между властью и интеллигенцией при Чаушеску обозначился, а потом и до предела обострился позже, в 1970–1980-е годы)¹³.

Приводимая ниже докладная записка И.И. Бодюла в Москву от 23 августа была призвана в острый внешнеполитический момент оперативно отрапортовать центру о полной подконтрольности положения в союзной республике, где в силу культурно-языковой общности титульной нации (молдаван) с румынами существовала естественная почва для прорумынских настроений части общества (особенно интеллигенции)¹⁴. За-

писка дает определенные представления о крайне напряженной ситуации на советско-румынской границе, о происходившей в Румынии мобилизации, приведении войск в боевую готовность, о начавшемся возведении оборонительных сооружений на случай наступления Советской армии. В ней также приводятся некоторые свидетельства о настроениях румынского общества в те драматические дни — не всегда радикально-патриотических, но подчас более компромиссных, ведь многие граждане всерьез опасались, что военные приготовления только спровоцируют Москву на эскалацию конфликта и тем самым возымеют еще более серьезные последствия для Румынии. Понятно, что в записке не обходился стороной и вопрос о конкретных мерах, принимавшихся руководством республики в целях ослабления румынского влияния на Советскую Молдавию.

Обращает на себя внимание фактически сделанное в записке Бодюла признание в том, что река Прут, разделяющая два соседних государства на протяжении нескольких сот километров, и стоящие вдоль нее пограничные столбы отнюдь не разрушили, вопреки всем многолетним усилиям одной из сторон, естественные, исторически сложившиеся связи между жителями обоих ее берегов, говорящими на одном языке. Ведь каждое политическое мероприятие, проводившееся в Советской Молдавии, сразу становилось известным широкому кругу людей в Румынии. Это значит, что в Румынии могли знать о мобилизации и призыве на военные сборы советских солдат и офицеров запаса, о передаче автомобилей и дорожно-строительной техники, принадлежавших гражданским, хозяйственным ведомствам Молдавской ССР, в распоряжение частей Одесского военного округа. Могли знать и о том, что по Советской Молдавии ходили слухи о грядущей войне с Румынией, о том, что в магазинах города Бельцы было раскуплено все продовольствие.

Некоторое, хотя и весьма относительное снижение напряженности в отношениях соседних стран произошло к концу августа, после двух встреч Чаушеску с послом СССР А.В. Басовым и срочной поездки румынского лидера в Югославию за советом к маршалу Тито¹⁵, который, явно и при этом публично не под-

держав военной акции ОВД в отношении Чехословакии, вместе с тем призвал Чаушеску к сдержанности. Он заявил о том, что вовсе не собирается оказывать Румынии военную помощь в случае ее вооруженного конфликта с Москвой, поскольку это было бы равносильно вступлению Югославии в войну с СССР. Более того, Тито в порыве откровенности прямо сказал Чаушеску, что прикажет разоружить румынские войска, если они вдруг отступят на югославскую территорию (это выглядело уже насмешкой мэтра над зарвавшимся учеником, если не легкой отрезвляющей пощечиной)¹⁶. К середине сентября антисоветская риторика в румынской прессе явно ослабела¹⁷, а в октябре в Румынии даже смогли пройти, в соответствии с заранее составленным планом, дни советской культуры.

Продолжает оставаться дискуссионным вопрос: насколько имели под собой реальную почву существовавшие в мире опасения относительно того, что на вторжении в Чехословакию дело не остановится и СССР со своими сателлитами может при неблагоприятном для себя стечении обстоятельств (сопротивлении чехословацкой армии, прямом вмешательстве НАТО в конфликт) предпринять силовые акции против потенциальных союзников Чехословакии по «диссидентской» группировке в европейском социалистическом лагере — Румынии и даже Югославии¹⁸. Любые вводимые в научный оборот источники, отражающие состояние не только советско-румынских отношений в конце лета—начале осени 1968 г., но и отношений СССР с Западом в контексте чехословацкого кризиса 1968 г., предоставляют дополнительный материал для конструирования различных версий. Это касается среди прочего и мемуаров А.Ф. Добрынина, тогдашнего посла СССР в Вашингтоне, опубликованных еще в конце 1990-х годов¹⁹. Есть ли основания считать, что именно жесткие предупреждения США о недопустимости военного вмешательства в еще одной восточно-европейской стране решающим образом повлияли на отказ советского руководства от силового решения?

Не ставя здесь целью дать подробный анализ имеющихся в литературе версий, заметим, однако, что силовое вмешательство стран ОВД в Румынии было, на наш взгляд, маловероятно

в силу целого ряда причин. Известно, что если осенью 1956 г. Советский Союз предпочел «навести порядок» в Венгрии исключительно собственными силами, то в 1968 г., в условиях чехословацкого кризиса, кремлевские лидеры, напротив, пытались интернационализировать акцию, во что бы то ни стало сделать ее коллективной, представить как общее дело пяти стран-участниц ОВД, как проявление общей заботы о «спасении» социалистических завоеваний в Чехословакии. Так вот, что касается интервенции в Румынию, то Москва едва ли могла бы рассчитывать на поддержку сателлитов. Лидера Венгрии Я. Кадара, долгие месяцы выступавшего за компромиссное решение, союзники с немалым трудом склонили участвовать в чехословацкой акции²⁰, и почивать на лаврах ему не приходилось: в Словакии, где даже средним поколениям были памятны Мюнхенский сговор и последовавшие за ним события, «новый приход венгров» в силу исторических причин был встречен с особой враждебностью. Учитывая же традиционно еще более непростые венгерско-румынские отношения²¹, ввод венгерских войск в Трансильванию вызвал бы в Румынии настоящую бурю. Прагматическому политику Я. Кадару этого было не нужно по многим причинам и прежде всего потому, что это усилило бы напряженность на границе двух стран и усугубило бы положение большой (более 1 млн 600 тыс. человек) венгерской диаспоры в Румынии, за которым внимательно следило общественное мнение в самой Венгрии. Гибкий политик Кадар, весьма болезненно воспринявший провал политической акции по приведению к власти в Чехословакии «здоровых сил», даже под сильным давлением Москвы всячески саботировал бы – в этом можно не сомневаться – участие Венгрии в «румынской акции». Что же касается польского лидера В. Гомулки, то его в контексте чехословацкого кризиса сильно заботила прежде всего проблема германского реваншизма в отношении границ по Одере и Нейссе, и сквозь призму этой проблемы он воспринимал всё происходившее у южных соседей. Румыния, не граничившая с ФРГ, в сравнении с Чехословакией мало заботила Гомулку уже в силу своего географического положения. Представить себе участие Польши в акции против Румынии очень трудно.

Не менее важен и еще один момент. При том, что военная операция в Чехословакии была проведена успешно, в Кремле и на Старой площади должны были учитывать полный провал с политическим обеспечением акции по смене власти в этой стране. Ведь «здоровые силы», на которые хотели сделать ставку, повторяя венгерский «сценарий» 1956 г., оказались слишком слабы. Так вот, в отличие от Чехословакии, в Румынии Москва вообще не имела своих ставленников в номенклатуре, их выдавили примерно к 1964 г., в условиях резкого осложнения двусторонних отношений²².

Вводить в страну войска, не имея внутри этой страны лиц, на которых можно делать ставку, было бы полной авантюрой. Судя по материалам заседаний Политбюро и совещаний с участием лидеров «братских партий», впервые обстоятельно проанализированным еще в 1990-е годы в работе М.В. Латыша²³, Л.И. Брежнев и по поводу ввода войск в Чехословакию довольно долго колебался, его подталкивали к более решительным действиям как некоторые соратники по партии²⁴, так и восточноевропейские лидеры – В. Ульбрихт, В. Гомулка и Т. Живков. Ситуация, когда советскому руководству пришлось выпустить по сути дела из заключения и посадить за стол переговоров А. Дубчека и людей его команды (за неимением других партнеров), была для Брежнева довольно унижительна. Хотел ли он ее повторения в Румынии?! В советском руководстве едва ли не понимали, что Чаушеску, своей независимой политикой приобретшего к тому времени немалую популярность внутри страны (массовый митинг 21 августа был наилучшим тому свидетельством), сместить было крайне трудно. Стоило ли, усиливая конфронтацию с Западом, принимать меры ради свержения непослушного вассала, учитывая, что никакой угрозы коммунистической диктатуре в Румынии не было, а говорить о попадании под влияние НАТО было трудно применительно к стране, имеющей такое географическое положение как Румыния?

В Кремле едва ли не осознавали: военная акция против Румынии, а тем более против Югославии превышает возможности СССР. Даже Сталин не решился напасть на Югославию

в условиях острейшего конфликта 1948–1953 гг., когда все союзники были предельно лояльны. О чем же можно говорить применительно к 1968 г.? Не удивительно, что уже через неполные две недели после военной акции 21 августа Москва предпринимает шаги, направленные на смягчение отношений с Румынией, как и с Югославией²⁵. Вышесказанное вовсе не опровергается тем фактом, что к советско-румынской границе были действительно подтянуты новые войсковые соединения, а в генштабе прорабатывались планы ввода войск в Румынию. Такие планы разрабатывались на случай углубления или интернационализации чехословацкого конфликта (возможное, хотя и крайне маловероятное сопротивление чехословацкой армии войскам стран-союзниц, более активное вмешательство Запада в чехословацкие дела). Но между разработкой в генштабах военных планов (на все случаи жизни) и политическим решением по их осуществлению существует, как известно, дистанция огромного размера. Что же касается предупреждений администрации президента США Л. Джонсона в адрес советского руководства в связи с возможной военной акцией в отношении Румынии, то нет оснований считать, что этот фактор был решающим. Крайне малая вероятность военных действий СССР и его союзников на румынском и югославском направлениях была обусловлена не столько предостережениями извне, сколько реальным соотношением политических сил в Европе летом-осенью 1968 г.

Своим решительным поведением в августе 1968 г. Чаушеску заработал немалый политический капитал (и внутри страны, и вовне), который мог растрачивать потом два десятилетия. Достаточно сказать, что из уважения к независимой внешней политике Румынии в августе 1969 г. Бухарест посетил новый президент США Р. Никсон. Впрочем, испытанное в августе 1968 г. чувство эйфории в условиях если не абсолютной, то очень широкой поддержки народом того, что делала коммунистическая власть, вскружило, очевидно, голову этому крайне тщеславному человеку, уверило его в собственной непогрешимости, усилило проявления самодурства, достигшие к концу 1980-х годов в его замыслах и действиях редких высот и принесшие

собственному народу огромные проблемы. В конце концов, это не очень благоприятствовало сохранению румынским лидером чувства адекватности в совершенно иной политической атмосфере — через 21 год, в декабре 1989 г., когда он до последнего верил, что народ, как и в августе 1968 г., не поддержит «внешних происков», направленных на подрыв румынского государства, склонного идти своим путем к социализму. Показательно, что за считанные месяцы до начавшегося обвала всей системы социализма, в августе 1989 г., Чаушеску, очень болезненно отреагировав на фактическую утрату к этому времени польскими коммунистами власти, по сути обратился с прямым призывом к Москве использовать ради спасения социализма в Польше примерно те же методы, что были применены в августе 1968 г. в отношении Чехословакии. Политик радикально националистического толка, отмежевавшийся от августовской 1968 г. акции именно под знаком защиты национальных ценностей, по иронии истории превращался теперь в стойкого «коммунистического интернационалиста», предлагавшего лидерам братских партий срочно собраться и обсудить положение дел в Польше, создающее угрозу для судеб социализма не только в этой стране, но и за ее пределами²⁶. В Москве инициативу румынского лидера явно не поддержали. В ответе ЦК КПСС румынскому руководству от 27 августа 1989 г. отмечалось: «Факт созыва такого форума был бы, несомненно, использован “Солидарностью” и другими оппозиционными кругами как повод представить ПОРП (Польскую объединенную рабочую партию. — А. С.) в качестве силы, выражающей не интересы страны, а интересы зарубежных партий и государств. Кроме того, сам ход политических событий в стране объективно лимитирует возможности наших совместных шагов, не вступающих в противоречие с суверенитетом ПНР»²⁷. В Кремле признали неактуальность в новых условиях пресловутой «доктрины Брежнева» и прямо указали на это потерявшему адекватность румынскому политику, двумя десятилетиями ранее осудившему применение той же доктрины. До падения национал-коммунистического режима в Румынии и личного краха Н. Чаушеску оставалось ровно четыре месяца.

Документ публикуется по копии, хранящейся в фондах Архива социально-политических организаций Республики Молдова в Кишиневе. На языке оригинала (на русском языке) ранее не публиковался²⁸.

Совершенно секретно
ЦК КПСС

**Бюро ЦК Компартии Молдавии
информирует ЦК КПСС об изменениях, которые
наблюдаются в пограничных районах Румынии,
и о некоторых слухах, просачивающихся к нам.**

Прибывшие 22 августа с.г. румынские туристы, среди которых имеются гражданки Советского Союза, вышедшие замуж за румын, рассказывают, а отдельные лица, по своей инициативе вступая в контакт с нашими официальными представителями, говорят, что в Румынии происходит всеобщая мобилизация, регулярные части приведены в боевую готовность.

По их словам, перед командным составом выступил Чаушеску и потребовал подготовить армию к защите родины. Якобы после этого совещания многих офицеров охватило недоумение. Некоторые из них оценивают эти приготовления как опасные, провокационные действия, которые могут привести к серьезным последствиям для Румынии²⁹.

Благожелательные с виду туристы рассказывают о движении румынских войск к границе Советского Союза.

Наши пограничники в районе г. Кагула, поселка Скуляны, села Бринза и др. наблюдают развернутые работы по созданию оборонительных сооружений в местах пересечения границы железными и шоссейными дорогами.

Румынская граница стала усиленно охраняться двойными нарядами, плотно расставленными на всех участках, чего не наблюдалось несколько дней тому назад.

ЦК КПСС известно об истеричных мероприятиях, развернутых в Румынии в связи с подавлением контрреволюции в Чехословакии. Но говорят, что многие румынские граждане настороженно, пассивно воспринимают эту кампанию и с определенной тревогой относятся к этому, неодобрительно отзываются об авантюристических действиях руководителей СРР (Социалистической республики Румынии. – А. С.)³⁰.

По радио, телевидению и в газетах Румынии сейчас дается обширная клеветническая информация, носящая нередко более злостный антисоветский характер, чем отдельные сообщения буржуазных радиостанций³¹. В связи с этим ЦК компартии Молдавии принял решение задержать доставку подписчикам румынских и югославских газет³², ограничить направление туристов в Румынию и выезд советских людей по частным визам.

Возвращающиеся советские граждане из туристских поездок в Румынию с возмущением говорят об оскорблениях и унижениях, которым они подвергались со стороны румын. Пассажирский поезд, прибывший утром 22 августа в Унгены, был во многих местах поврежден. Один болгарский турист был серьезно ранен камнем, брошенным через окно вагона.

Обращает на себя внимание то положение, что каждое политическое мероприятие, которое проводится в Молдавии, сразу становится известным широкому кругу актива Румынии. По всему видно, что румыны имеют определенные контакты с Молдавией, организованную связь и внимательно следят за происходящими у нас событиями. Нет сомнения и в том, что в числе тысяч туристов, посещающих Молдавию, многие приезжают с определенной разведывательной целью.

По нашему мнению, следовало бы усилить наблюдение за действиями румын в Молдавии, за всеми явлениями, носящими антисоветский характер. Требуется и усиление охраны границы. В Молдавском пограничном отряде явно недостаточное количество

военнослужащих для обеспечения контроля и охраны государственной границы.

Информируя об изложенном, ЦК Компартии Молдавии и другие органы принимают соответствующие меры, продолжают разъяснительную работу среди трудящихся³³. Организован постоянный контроль за настроениями трудящихся Молдавии, проживающих вдоль границы.

Бюро ЦК Компартии Молдавии решило высказать некоторые свои соображения по поводу выступлений в Румынии. С нашей точки зрения, следовало бы не оставлять без внимания развернутую в Румынии антисоветскую политическую кампанию и действия, которые нельзя назвать иначе, как провокационными, а выступить открыто с оценкой их и осуждением. Этим бы мы проявили свою непримиримость к антимарксистским провокационным действиям, направленным на ослабление дружбы и солидарности народов, разоблачили бы перед румынским народом антисоветскую направленность официальной политики Румынии, которая сейчас наиболее злостно проявляется по отношению к нашей партии. Оставление без внимания развернутой в Румынии антисоветской политической кампании и действий, которые нельзя назвать иначе как провокационными, облегчают румынским лидерам настраивать народ против нашей партии и государства, дезориентируют общественное мнение. Открытое осуждение позиций румынского руководства, безусловно, сковало бы его враждебную деятельность и поддержало бы те силы внутри Румынии, которые не разделяют нынешний политический курс.

Трудящиеся Румынии по-разному относятся к нынешней политике руководителей. Одни с фанатизмом поддерживают, другие – отрицательно относятся к ней. Значительная часть трудового народа, особенно крестьянство, занимает пассивную позицию по отношению к политической деятельности руководства.

С целью усиления влияния на румынское население, которое, как нам точно известно, проявляет большой интерес к радиопередачам из Молдавии,

особенно в последние дни, радио и телевидение республики сейчас заняты в основном передачей на молдавском языке, доступном для румын, сообщений ТАСС, редакционных статей газеты «Правда» и других материалов.

По нашему мнению, республиканские средства информации следовало бы значительно шире использовать для политического влияния на Румынию. Для этого требуется помощь центральных органов в деле подготовки выдержанных, высококвалифицированных материалов³⁴.

Бюро ЦК Компартии Молдавии докладывает, что политическая обстановка в Молдавии уверенная, трудящиеся с энтузиазмом и твердостью поддержали действия нашей партии и правительства, направленные на защиту социалистических завоеваний в Чехословакии, и готовы участвовать в любых мероприятиях по укреплению позиций социализма и защите интересов своей родины. По собственной инициативе многие рабочие, колхозники гневно осуждают румынских провокаторов, возмущаются их выступлениями и враждебными действиями против нашей Отчизны.

И. Бодюл

23 августа 1968 г.

*Arhivă Organizațiilor Social-Politice a Republicii Moldova. F. 51.
In. 29. D.97. F. 103–106.*

Примечания

¹ Речь идет об СССР, Польше, Венгрии, участие войск Болгарии было скорее символическим. Формально в акции по «спасению социализма» в Чехословакии участвовала и ГДР, однако ее войска были лишь пододвинуты к границе и приведены в боевую готовность на случай возникновения крупномасштабного межблокового конфликта. Кремлевским стратегам хватило здравого смысла не порождать в исторической памяти чехов явных реминисценций с оккупацией нацистами Судетской области в 1938 г. В случае с венграми, оккупировавшими в том же 1938 г. с санкции Гитлера Южную Словакию, такой догадливости плохо знавшим историю деятелям не хватило. Венгерский лидер Я. Кадар на протяжении нескольких месяцев выступал за политическое решение спорных проблем в отношениях КПСС и КПЧ и даже пытался (безуспешно) взять на себя роль посредника, но в конце концов не решился (в отличие от румынского лидера

Н. Чаушеску) противопоставить себя союзникам по Варшавскому договору. См.: *Стыкалин А.С. «Пражская весна» 1968 года и позиция руководства Венгрии // Новая и новейшая история. 2012. № 5. С. 21–41.*

² Пражские реформаторы по меньшей мере неоднозначно воспринимали проявления солидарности со стороны режима Чаушеску. Как заметил в августе 1968 г. в беседе с советским дипломатом один из них, журналист «Руде право» Моц, последовательным сторонникам демократических реформ «неприятна подчеркнутая солидарность руководства Румынии, где в вопросах внутренней политики существует такое же положение», как в Чехословакии до начала реформ (Чехословацкий кризис 1967–1969 гг. в документах ЦК КПСС. М., 2010. С. 851). Руководство ЧССР, не желая давать официальной Москве лишних поводов для недовольства, долгое время дистанцировалось от «диссидентской» Румынии и только в августе, перед лицом непосредственной угрозы силового вмешательства со стороны союзников в свои внутренние дела, сделало шаг к сближению с Румынией (а также Югославией), вероятно, надеясь, что согласованная позиция трех социалистических стран затруднит политику диктатора со стороны СССР и ОВД.

³ О позиции румынского руководства в связи с военным вмешательством в Чехословакии в августе 1968 г. см.: *Retegan M. In the Shadow of the Prague Spring. Romanian Foreign Policy and the Crisis in Czechoslovakia, 1968. Oxford, 2000, 2008; Otu P. Romania and the Invasion of Czechoslovakia by the Warsaw Pact // History Yearbook. Vol. II. București, 2005. P. 29–38; România și primăvară de la Praga / Ed. Cătănuș D. București, 2005. О военных доктринах в Румынии в связи с возможной угрозой безопасности страны, в том числе со стороны союзников по ОВД, см.: *Улуян Ар.А. Балканский «щит социализма». Оборонная политика Албании, Болгарии, Румынии и Югославии (середина 50-х гг. – 1980 г.). М., 2013. С. 237–280.**

⁴ *Garthoff R.L. When and Why Romania distanced itself from the Warsaw Pact // Cold War International History Project Bulletin. Woodrow Wilson International Center for Scholars, Washington. Issue 5. Spring 1995. P. 111.*

⁵ «Зачем вам нужно Дежу говорить обидные слова?» – фиксируется в записи заседания от 13 октября 1964 г. риторический вопрос: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М., 2003. С. 865.

⁶ См. запись встречи с нашими подробными комментариями: Хрущёв и Тито: долгий разговор о Румынии (Ленинград, июнь 1964 г.) // Научный сайт «Dacoromania (История Бессарабии, Молдовы и Румынии)». Апрель 2015 г.

⁷ Как известно, междуречье Днестра и Прута, большая часть которого принадлежала Молдавскому княжеству, вошло в состав Российской империи по итогам русско-турецкой войны 1806–1812 гг. в соответствии с Бухарестским мирным договором 1812 г. В скором времени эта земля лишилась всякой автономии, образовав Бессарабскую губернию с центром в Кишиневе. В 1918 г. аннексирована Румынией, в 1940 г. присоединена к СССР в соответствии с советско-германскими договоренностями о разделе сфер влияния. По итогам Второй мировой войны – вновь в составе СССР (двух союзных республик: Молдавской ССР и Украинской ССР). О серьезных советско-румынских разногласиях 1960–1980-х годов по вопросам исторической памяти об общем прошлом двусторонних отношений см. нашу публикацию: *Стыкалин А.С. Полемика советского посла и румынского функционера (март 1980 года) об освещении прошлого двусторонних отношений // Славяноведение. 2017. № 1. С. 12–30.*

⁸ Румынские записи переговоров, состоявшихся в ходе визита в СССР делегации во главе с Н. Чаушеску 3–11 сентября 1965 г., см.: *Anton M., Chiper M. Instaurarea regimului Ceaușescu. Continuitate și ruptură în relațiile româno-sovietice. București, 2003. См. также: Anton M. Limitele suveranității. Vizita lui Nicolae Ceaușescu la Moscova, septembrie 1965 // Arhivele Totalitarismului. București, 2002. № 3-4. P. 206–227.*

⁹ См.: *Preda G., Opris P. România în Organizația Tratatului de la Varșovia, 1954–1968. Vol. I-II. București, 2008–2009.*

¹⁰ См.: Anton M. Miza unei dizidențe. Relațiile româno-sovietice și criza din Orientul Mijlociu. Iunie 1967 // Revista Istorică. București, 2007. № 3–4.

¹¹ В Москве восприняли этот независимый внешнеполитический жест крайне болезненно. Посол Румынии был вызван в МИД СССР, где первый заместитель министра В.В. Кузнецов официально выразил недоумение в связи с возложением венка на могилу Маннергейма, назвав это актом, явно недружественным СССР. См.: Cătănuș A.–M. Tensiune în relațiile româno-sovietice în anul “Primăverii de la Praga” // Arhivele Totalitarismului. București, 2006. № 1–2. P. 228–229. См. также: Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 5. Оп. 60. Д. 19. Факт возложения венка на могилу Маннергейма был широко использован в СССР в политико-пропагандистской работе, направленной на то, чтобы доказать ущербность особой позиции Румынии в советском блоке. Так, в отчете о разъяснении трудящимся Молдавской ССР текущего момента (середина лета 1968 г.) сохранилась следующая дежурная фраза: «Трудящиеся республики очень остро реагируют на непоследовательность политики руководителей румынской компартии по некоторым вопросам международной политики, взаимоотношений с нашей страной и странами социалистического лагеря. Особый гнев и возмущение вызвал у молдавского народа факт возложения венка на могилу Маннергейма правительственной делегацией Румынии во главе с Маурером». См.: Arhivă Organizațiilor Social-Politice a Republicii Moldova (Chișinău) (далее – AOSPRM). F. 51. In. 29. D. 97. F. 89.

¹² Scînteia. 1968. 22. 08.

¹³ Документы, отражающие отклик румынских властей и общества на вторжение в Чехословакию, см.: 21 august 1968. Apoteoza lui Ceaușescu / Ed. L. Betea. Iași, 2009.

¹⁴ См.: Стыкалин А.С. Общественные настроения в Советской Молдавии в 1960-е годы и позиция партийного руководства республики. Проблемы национальной идентичности мажоритарного населения и румынского культурного влияния // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ. М., 2014. С. 165–177.

¹⁵ Материалы, отражающие содержание этих встреч, как и других проявлений дипломатической активности румынского руководства в те недели, см.: Berindei M., Dobrinu D., Goșu A., eds. Istoria comunismului din România. Documente Nicolae Ceaușescu. Iași, 2012.

¹⁶ См. также: Марьина В.В. Пражская весна 1968 года: к вопросу о международном резонансе (по опубликованным в Чешской Республике документам и материалам чешского журнала «Soudobé dějiny») // Славяноведение. 2008. № 3.

¹⁷ В сводке Главного управления по охране государственных тайн в печати (Главлит) о выступлениях зарубежной прессы с 26 августа по 8 сентября 1968 г. отмечается: «Сейчас тон румынской печати резко изменился, и последние номера газет СРР в основном пропускают в продажу беспрепятственно», чего не было в первые дни после военного вторжения стран-участниц Варшавского договора в Чехословакию 21 августа. См.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 20. Л. 125. Тем не менее в записке «О некоторых мероприятиях в области советско-румынских связей», подготовленной в аппарате ЦК КПСС и рассмотренной 17 сентября 1968 г. на заседании Секретариата ЦК КПСС, говорилось, что «линия руководства РКП по существу остается недружественной, препятствующей достижению единства социалистических стран. Смысл позиции ЦК РКП в отношении событий в Чехословакии не изменился, в беседах с представителями компартий третьих стран румынские руководители по-прежнему допускают прямые антисоветские выпады, в стране продолжается формирование отрядов “патриотической гвардии” в целях “отражения вооруженного вмешательства в дела Румынии»» (Цит. по: Улуян Ар.А. Миф «Новой Малой Антанты». К истории появления одной концепции (60-е годы XX в.) // Европейские сравнительно-исторические исследования. Вып. 3. История и общества. М., 2010. С. 184–185).

Вообще до конца августа критика друг друга в румынской и советской прессе была взаимной. Так, 25 августа «Правда» обвиняла Румынию (как и Югославию)

в оказании активной помощи чехословацким «антисоциалистическим силам». С намеком на недавние посещения Праги Тито и Чаушеску газета писала, что именно в Белграде и Бухаресте «политические авантюристы» из Праги «плетут свои интриги».

¹⁸ Ар.А. Улунян в своей монографии приводит разные версии на этот счет, бытовавшие в западных дипломатических кругах и среди экспертов разведывательного сообщества. См.: Улунян Ар.А. Балканский «щит социализма». С. 281–296.

¹⁹ Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно: посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). М., 1997.

²⁰ См.: Стыкалин А.С. «Пражская весна» 1968 года и позиция руководства Венгрии.

²¹ См.: Стыкалин А.С. Венгерское национальное меньшинство в Трансильвании как фактор отношений Венгрии и Румынии в 1950–е–1980–е годы. Наследие прошлого и реальные проблемы эпохи социализма // Национальные меньшинства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: исторический опыт и современное положение / Отв. редактор Е.П. Серапионова. М., 2014. С. 231–256.

²² См. об этом: Стыкалин А.С. Что думали румыны об СССР в 1964 г. (Свидетельствует советский дипломат) // В поисках новых путей. Власть и общество в СССР и странах Восточной Европы в 50–е–60–е гг. XX в. / Отв. редактор Н.М. Куренная. М., 2011. С. 367–398.

²³ Латыш М.В. «Пражская весна» 1968 года и реакция Кремля. М., 1998. См. также материалы соответствующих заседаний в следующих изданиях: «Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Т. 1–2. М., 2010; Чехословацкий кризис 1967–1969 годов в документах ЦК КПСС. М., 2010.

²⁴ Нерешительность Брежнева в условиях чехословацкого кризиса 1968 г. – предмет критики со стороны тогдашнего украинского партийного лидера П.Е. Шелеста. См.: Шелест П.Е. Да не судимы будете: Дневниковые записи, воспоминания члена Политбюро ЦК КПСС. М., 1995.

²⁵ О состоянии отношений СССР с титовской Югославией дают представление документы, включенные в сборник: Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. Том второй. 1965–1980 (серия: Россия. XX век. Документы) М., Международный фонд «Демократия», 2017.

²⁶ Запись его беседы 19 августа с послом СССР Е.М. Тяжельниковым опубликована в: Конец эпохи. СССР и революции в странах Восточной Европы в 1989–1991 гг. Документы. М., 2015. С. 823–825.

²⁷ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 103. Д. 181. Л. 140–141.

²⁸ В румынском переводе, но без комментариев, был опубликован молдавскими исследователями Георге и Еленой Негру в очень содержательном сборнике: *Negru E., Negru Gh. “Cursul deosebit” al României și supărarea Moscovei. Disputa sovieto-română și campaniile propagandistice antiromânești din RSSM (1965–1989). Studiu și documente. Vol. 1 (1965–1975). Chișinău, 2013.*

²⁹ В Архиве социально-политических организаций Республики Молдова хранится адресованный в ЦК компартии Молдавской ССР отчет о работе с четырьмя группами румынских туристов, посетивших Кишинев в период с 20 по 26 августа в соответствии с ранее подписанными контрактами о туристическом обмене. Одна из групп выехала уже 22 августа. Зная о напряженной ситуации вокруг Чехословакии и особой позиции Румынии, туристы ехали в СССР с тревогой, боялись, что их плохо примут. 21 августа в гостинице они имели возможность слушать по радиоприемникам речь Чаушеску на массовом митинге в центре Бухареста (попытки заглушить румынское радио в Советской Молдавии, как правило, не были эффективны). По отзывам ряда туристов, это выступление прозвучало как «пролог начала войны», некоторые в состоянии сильной обеспокоенности выразили желание досрочно вернуться на родину. У сотрудников молдавского

республиканского ведомства «Интуриста», исходивших в трактовке событий из официальной советской версии, сложилось впечатление, что румынские туристы информированы тенденциозно, не имеют правильного представления о происходящем. Некоторые из них позитивно высказывались о решительной политике своего руководства, стремящегося, по их мнению, улучшить социализм. Вместе с тем часть туристов считала столь бескомпромиссную линию чреватой опасностями для страны (AOSPRM. F. 51. In. 29. D.102. F. 43–50).

³⁰ Нам известен один архивный документ, свидетельствующий о проявлении в румынском обществе в этот период и резко критических настроений в отношении политики Чаушеску. Это адресованное непосредственно Брежневу письмо старого румынского партработника, посетившего Кишинев. Информирюя советскую сторону о происходящей в Румынии мобилизации, создании рабочих дружин, вооружении партийно-государственного актива, он критиковал свое партийное руководство прежде всего за национализм (Ibid. D. 97. F. 173–176). Это свидетельствует о существовании на периферии румынского общества и просоветских настроений.

³¹ Румынское телевидение и радио принимались во многих районах Молдавской ССР лучше кишиневских программ. Документы свидетельствуют о том, что о проявлениях кризиса коммунистических режимов в Чехословакии и Польше в 1968 г. немалая часть образованной молдавской публики раньше узнавала из сообщений румынских СМИ, нежели советских. 29 марта 1968 г. И.И. Бодюл писал председателю Совета Министров СССР А.Н. Косыгину: «В последнее время население Молдавии подвергается особенно усиленному идеологическому воздействию извне»; «географическое расположение республики, находящейся в радиусе действия мощных радиотрансляционных центров западных держав, позволяет беспрепятственно принимать их передачи, многие из которых специально предназначены для обработки населения Молдавской ССР» (AOSPRM. F. 51. In. 29. D. 97. F. 19–20). Свои мощные ретрансляторы установила близ советской границы и Румыния. Если применительно к лету 1968 г. и можно говорить о пропагандистской войне между СССР и Румынией, то следует подчеркнуть, что в этой войне румынская сторона была более инициативной и наступательной.

³² Подписка жителей Советской Молдавии (в первую очередь интеллигенции титульного этноса) на румынские периодические издания была в 1960-е годы довольно интенсивной, чему способствовало и то обстоятельство, что эти издания реализовывались по весьма доступной цене. В середине 1960-х годов, в условиях углубляющихся разногласий между КПСС и румынской компартией, республиканское партийное руководство Молдавской ССР проявляло всё большую обеспокоенность индоктринацией граждан республики румынской прессой, что нашло отражение и в письмах, адресованных в Москву, в аппарат ЦК КПСС. И.И. Бодюл просил дать разрешение на создание в республике более разветвленной сети печатных изданий на языке титульного большинства, надеясь, что это снизит интерес к румынской прессе (См., например, письмо от 29 ноября 1965 г.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 148. Л. 189–195). Несмотря на ряд кампаний по ограничению подписки на румынскую прессу, относительно широкое ее распространение в Советской Молдавии сохранялось и в 1968 г. В конце августа газета «Скынтейа» («Искра») с речами Чаушеску, жестко осуждающими СССР, на протяжении не менее двух недель исправно поступала по недосмотру республиканских чиновников к немалому количеству молдавских подписчиков, и, соответственно, определенная часть румыноязычной интеллигенции МССР находилась под явным влиянием официальной румынской (а значит, в то время жёстко антисоветской) версии событий. Разумеется, этот «прокол» привел к серьезным разбирательствам с вынесением строгих выговоров. См.: Moldova, Romania, and the Soviet Invasion of Czechoslovakia. Introduction, translation, and annotation by Mark Kramer // Cold War International History Project Bulletin. Issue 12/13. P. 326–333. Cambridge (Mass.), 2001.

³³ Для ведения оперативной пропагандистской работы была создана группа из 250 партийных пропагандистов, действовавшая в масштабе всей республики. Они провели около 5 тыс. выступлений перед публикой. Между тем, черно-белый, лишенный полутонов взгляд на происходящее в Чехословакии и вокруг нее не мог удовлетворить мыслящую часть общества, в своем стремлении понять причины кризиса искавшую альтернативные источники получения сведений. Документы молдавских республиканских архивов свидетельствуют о том, что даже партийные политинформаторы, не всегда способные ответить на вопросы аудитории на основании информационных писем ЦК КПСС (а тем более советской прессы), в стремлении преодолеть дефицит информации черпали сведения из румынских СМИ, которые также отличались тенденциозностью, но всё же дополняли картину событий новыми деталями. См.: AOSPRM. F. 51. In. 29. D. 28. F. 32.

³⁴ Здесь нелишне заметить, что румынское население также проявляло в конце августа большой интерес к радиопередачам из Советской Молдавии, поскольку видело в них немаловажный источник информации о реальных планах Москвы в отношении Румынии. Об этом можно судить по вышеупомянутым отчетам сотрудников молдавского республиканского Интуриста, работавших с туристами из Румынии.

Сербия: от идеи югославизма к идее сербства

Сербы первыми на Балканах в начале XIX в. поднялись на восстановление своей государственности в условиях турецкого ига. Могла ли Сербия самостоятельно добиться независимости? Ответ однозначный — нет. В хитросплетениях международных отношений она получила автономию и независимость с помощью России.

Сложная история внешней политики Российской империи за последние два столетия во многом связана с борьбой за утверждение и отстаивание своей роли в европейской политике, что непременно включало в себя участие в решении балканских проблем, поддержку национально-освободительного движения славянских народов, политические и военные баталии за раздел территорий Османской империи, а также поиск союзников для отстаивания своих национальных интересов. С начала XIX столетия Балканы становятся одним из важных направлений внешней политики России. Исторические примеры весьма красноречивы.

Несмотря на избранный в начале XIX в. путь сохранения ближневосточного равновесия и нежелание осложнять отношения с Портой, российская дипломатия использовала дипломатические каналы для поддержки борьбы балканских народов за освобождение от турецкого владычества и при этом стремилась не допустить проникновения Англии, Франции и Австрии на Балканы, связывая соотношение сил в регионе с проблемой безопасности южных границ Российской империи. В борьбе с Османской империей сербы искали поддержку великих держав — прежде всего, России и Австрии. И если Австрия соглашалась лишь на посредническую роль в примирении их с Портой, то Россия взяла восставших славян под свою защиту и, поддержав их в двух войнах, гарантировала им в договорах авто-

номию во внутренних делах. Политические контакты сербов с русским правительством играли важную роль на всех этапах национально-освободительного движения: Россия предоставляла повстанцам значительные суммы денег, оружие, поддерживала их по дипломатической линии, а в 1806–1812 гг. вела совместно с ними вооруженную борьбу против Османской империи. Ничего подобного не делало и даже не обещало сделать ни одно другое европейское государство. Традиционными принципами российской дипломатии на Балканах, или как бы сказали сегодня – мотивацией, была поддержка балканских народов как единоверцев и единоплеменников, установление с ними политических и культурных контактов. Поэтому росло тяготение славянских народов к России.

В середине XIX в. Россия продолжала поддерживать освободительную борьбу народов Балканского полуострова против турецкого гнета, добивалась расширения их автономии и укрепления своего влияния на Балканах. Именно в этот период складывается устойчивое восприятие России как защитницы балканских народов.

Восточный кризис 1875–1878 гг., подъем национально-освободительного движения на Балканах, турецкие зверства вызвали широкое общественное движение в России в защиту славян. На Балканы отправлялись русские добровольцы, по всей империи собирались пожертвования, снаряжались госпитали. Ультиматум, предъявленный Россией Турции 31 октября 1876 г., предотвратил занятие турецкой армией Белграда во время сербско-турецкой войны. Сан-Стефанский мирный договор и Берлинский конгресс после русско-турецкой войны 1877–1878 гг. показали намерения России защитить славянские народы Балкан и стремление западных держав не допустить усиления влияния России в регионе, равно как и не упустить контроль над балканскими территориями. Усиление влияния России или ее победы в русско-турецких войнах периодически вели к ее дипломатической изоляции, однако Россия всегда отстаивала свои интересы на Балканах.

В XX веке, когда Россия оказала большую дипломатическую поддержку Сербии и Черногории в ходе создания Второго

Балканского союза, вступила в Первую мировую войну, чтобы оградить Сербию от потери национального суверенитета, Австро-Венгрия стремилась ликвидировать Сербское королевство как политический фактор и, сохранив там монархию, установить абсолютное и постоянное господство монархии Габсбургов на Балканах. Конрад фон Гетцендорф, начальник австро-венгерского Генерального штаба, писал в 1915 г.: «...Любая форма сохранения самостоятельной национальной Сербии, сколь бы малой она ни была, неизбежно имела бы для Монархии тяжелейшие последствия..., ибо, несмотря на свою малую величину, она постоянно разжигала бы очаги национального объединения и была бы центром великосербской идеи. И в будущем это привело бы нас к тяжелым внутренним кризисам, к потере наших южнославянских территорий и морского берега»¹. Однако при разработке балканской концепции «стирания Сербии с лица земли» Вена не могла не учитывать русский фактор. Так, в 1908 г. был составлен австро-венгерский план похода на Сербию в четырех вариантах, в трех из них предполагалось, что Россия выступит в ее поддержку².

В XIX в. сербская государственность сформировалась и упрочилась, выдержав испытания внутривнутриполитическими разногласиями и внешнеполитическими трудностями. В условиях гнета Австрии, Венгрии и Турции среди хорватского, сербского и словенского народов возникла и крепла идея консолидации южных славян.

Идея общности судеб и исторического пути, получившая название югославизма, распространилась среди всех славянских народов в конце XIX в. Роль лидера в национально-объединительном движении южных славян взяла на себя Сербия, ставшая не только центром антиосманского движения на Балканах, но и примером успешной борьбы за независимость. Идею создания объединенного югославского государства удалось осуществить в 1918 г. в результате сложной политической и дипломатической борьбы. Опустим все трудности на этом пути, те цели, которые преследовали разные народы. В рамках нашей темы обратим внимание лишь на тот факт, что Королевство Сербия настолько проникается идеей югославизма, что

поднимает стяг, на котором вместо слова «Сербия» написано «объединенное государство всех югославян». Вместо Сербии возникает Королевство сербов, хорватов и словенцев, позже принявшее имя Югославия. Сербии же, как таковой, после 1918 г. нет. Идея жертвенности во имя югославянства, ощущение ответственности за судьбу других народов многонациональной страны – важные характеристики сознания сербов на протяжении почти всего XX века. Однако в межвоенный период эта идея воспринималась другими народами скорее как доминирование одной нации над другими, как угнетение, как великосербский шовинизм. После 1945 г. коммунисты активно борются с такими явлениями. О последствиях этой борьбы практически не писали. Однако они крайне важны для понимания последующей истории Югославии.

Речь идет о том, что на менталитет сербской нации наложило отпечаток одно историческое явление. Еще в годы войны, наряду с задачей освобождения страны от фашизма, продолжала оставаться актуальной и борьба против «великосербской гегемонии» за свободу всех народов. Причем угнетатель имел не социально-классовый облик, а национальный. Так появился и культивировался феномен страха перед «великосербской Югославией» и доминированием одной нации. Это привело к тому, что у сербов складывается так называемый «комплекс вины». Дело в том, что Сербия при Тито считалась возможным носителем идеологии гегемонии. Произошло отождествление Сербии, а затем сербского народа с гегемонистской идеологией, проявлением которой была так называемая идея «Великой Сербии». Часто употребляемое выражение «гегемония великосербской буржуазии» в первые послевоенные годы постепенно уступало место выражению «великосербская гегемония». Одну из своих задач Союз коммунистов Югославии (СКЮ) видел в борьбе с этим явлением. Чтобы никто не обвинил их в национализме, коммунисты Сербии сами были готовы активно сражаться с идеологией «великосербизма» и гегемонизма. Поэтому идея жертвенности на благо славянства затмевалась идеей вины за четничество и «великосербство», что вылилось в борьбу с так называемым сербским национа-

лизмом и великосербской гегемонией на протяжении долгих послевоенных лет. Постановка же «сербского вопроса» тогда могла, считало руководство страны, нарушить национальное равновесие, которое достигалось с большим трудом. Это прямо противоположный эффект национальной политики, когда самый крупный народ в многонациональном государстве стал «бояться» слишком открыто проявлять свои национальные чувства. Однако интересным было и то, что чувство ответственности за всю федерацию у сербов не исчезло и отчетливо проявилось в начале 1990-х годов, когда федерация стояла на грани распада.

В 1991 г., когда страна разваливалась, когда уже создавались армии Словении, Хорватии, Македонии на чисто национальной основе, сербской армии не было, была еще армия югославская. В 1991 г. из нее уходили солдаты и офицеры — хорваты, словенцы, македонцы, мусульмане. А армия продолжала называться югославской. Она продолжала отстаивать идеи югославянства, идеи единого югославского государства. Интересно то, что распад СФРЮ дал Сербии шанс вернуть государственную самостоятельность вне рамок федерации, но она дольше других отстаивала многонациональную федерацию.

Вся история Сербии во второй половине XX в. показывает, что о сербской государственности с 1918 по 2003 гг. можно говорить лишь условно, только как о республике в рамках федерации. Сербь вместо того, чтобы открыто говорить о своих проблемах так же, как и словенцы, хорваты, албанцы, до последнего отстаивали идею югославянства.

СФРЮ распадалась нецивилизованно, через желание быстро отделиться одних и протест других, через войны, вмешательство международных организаций, через наказание одних и поощрение других.

Поэтому и взаимное признание бывших югославских республик шло неравномерно, зависело от многих факторов, в том числе от сроков окончания войны, степени удовлетворения требований республик, получения или неполучения желаемых территорий, согласия или несогласия международных организаций.

После безуспешных переговоров с руководителями всех югославских республик, стремившихся к самостоятельности, Сербия и Черногория решили реализовать свое право «не выходить» из Югославии. 27 апреля 1992 г. на заседании Скупщины СФРЮ, Народной Скупщины Республики Сербии и Скупщины Республики Черногории, в соответствии с волеизъявлением своих граждан³ остаться в совместном государстве под названием Югославия и строго придерживаться мирного решения югославского кризиса, представители этих двух республик провозгласили продолжение государственного, международного, правового и политического статуса СФРЮ в новом совместном государстве – Союзная Республика Югославия (СРЮ). СРЮ объявила о признании всех югославских республик, провозгласивших независимость, об отсутствии территориальных претензий к бывшим республикам СФРЮ, об исполнении всех обязательств в отношении территории Краины (в Хорватии), находившейся под защитой войск ООН.

Сложной была ситуация в Югославии после октября 2000 г., когда был смещен президент С.Милошевич и к власти пришла так называемая демократическая оппозиция. Только за неполных три года существования новой власти произошли серьезные изменения во внутренней и внешней политике. Активизировалось сотрудничество с Международным трибуналом по бывшей Югославии (МТБЮ) и был арестован бывший президент С.Милошевич. Западное сообщество получило право на территории Югославии решать большинство вопросов, включая кадровые, военные, и даже вопрос существования самого государства. Национальная и культурная идентичность Сербии, а также патриотизм стали в средствах массовой информации нежелательными понятиями. В армии началась реформа, затронувшая, прежде всего, офицерские и генеральские кадры. Грустно говорить о том, что в Сербии и Черногории произошел пересмотр результатов и содержания войн в Хорватии, Боснии и Герцеговине (БиГ), Косове. Он ознаменован процессом самоочищения, признанием вины Сербии за многочисленные жертвы в войнах на территории Хорватии, Боснии и Герцеговины. Это привело к тому, что насилие над Сербией и сербским наро-

дом (от санкций до бомбардировок) молчаливо воспринимается как заслуженное наказание за политику 1990-х годов. Кроме того, такая позиция морально оправдывает действия агрессора на Балканах в 1999 г. Несмотря на то, что 73% населения Сербии выступало против НАТО, а 52% – против программы «Партнерство во имя мира», правительство открыто говорило о сотрудничестве с Североатлантическим блоком. Условия же присоединения к вышеуказанной программе достаточно жесткие: сотрудничество с Международным трибуналом, реформа вооруженных сил и всей системы обороны, а также прекращение всех связей с армией Республики Сербской. Кроме того, после 2000 г. Косово семимильными шагами продвигалось к независимости.

Главным итогом развития посткризисного пространства на территории бывшей Югославии – дробление некогда большой федерации на мини-государства, в ряде которых отсутствует стабильность институтов, обеспечивающих демократию и законность.

Современный Балканский кризис показал, сколь непрофессиональной была дипломатия большинства стран, сколь беспомощными оказались международные организации, сколь невостребованным было международное право. Существенную роль играли лишь интерес и сила. Улучшения ситуации и решения межнациональных проблем так и не последовало.

Важно подчеркнуть, что в 1990-е годы Европа столкнулась с тем, что а) ООН, ОБСЕ, ЕС, НАТО именно на Балканах обнаружили неэффективность деятельности, б) ни одна международная организация не смогла возглавить урегулирование межэтнических проблем на Балканах. Из балканского опыта попыталась сделать выводы ООН. По указанию Генерального секретаря ООН Кофи Аннана был опубликован доклад комиссии, изучавшей проблемы, связанные с осуществлением Организацией Объединенных Наций операций по поддержанию мира. Генеральный секретарь пришел к следующим выводам: последние 10 лет целый ряд осуществленных ООН операций оказался неудачным, «НАТО, которая вначале взяла на себя единоличную огромную ответственность за операцию в Косове,

в конечном счете была вынуждена призвать на помощь Организацию Объединенных Наций, чтобы довести дело до конца. Реформирование системы операций по поддержанию мира — важнейшая проблема, которая стоит перед ООН»⁴.

Феноменом начала XXI века стала легкая потеря государственности федерацией без утверждения решения республиками. В феврале 2003 г. по предложению Хавьера Соланы Югославия фактически распалась в течение нескольких минут, и на ее обломках возникло «государственное образование» Сербия и Черногория (СиЧ). Возражений Хавьер Солана не встретил, когда предложил в узком кругу руководству Сербии и Черногории признать факт прекращения существования такого государства, как Союзная Республика Югославия и принять Конституционную хартию, написанную где-то в Европе, означающую рождение в одночасье новой страны. 4 февраля 2003 г., после утверждения в Союзном парламенте Конституционной хартии, официально перестала существовать Югославия и начали формироваться органы нового государственного содружества. Первый год существования государства «Сербия и Черногория» был наполнен острой политической борьбой с неясной перспективой на совместное будущее. Судя по тому, как и кем это государство создавалось, какой законодательной базой поддерживалось, оно изначально было ориентировано на распад. Руководство Черногории не отказалось от идеи по истечении трех лет провести референдум о независимости республики. Только в этом случае в перспективе можно говорить о полном восстановлении государственности Сербии.

В 2006 г. СиЧ быстро и достаточно безболезненно распалась на два государства. И снова это сделал Хавьер Солана, который для сербов являлся военным преступником, бросавшим бомбы на их страну в 1999 г.

Дальнейшее дробление Сербии продолжилось. О своих правах на самостоятельность заявили албанцы Косова, в чем их поддержали США. Конфликт в Косове и Метохии является самым длительным очагом напряженности в современном кризисе на территории бывшей Югославии. В 2000 г. в результате выступлений албанских экстремистов он перекинулся на юг

Сербии, в 2001 г. — на Македонию. В центре этих конфликтов стоит длительная борьба албанцев за объединение всех территорий с большинством албанского населения.

17 февраля 2008 г. при полной поддержке США Косово объявило о своей независимости. Вашингтон ожидал, что лавина признания нового государства странами мира сама по себе решит вопрос статуса края. Но этого не произошло. Россия поддержала Сербию в ее решении бороться против отделения края. Твердое российское «нет» в Совете Безопасности до сих пор делает статус Косова неопределенным. Однако американская дипломатия продолжает работать над тем, чтобы заставить Белград признать Косово и сделать это мирно, без потрясений и серьезных последствий.

Сегодня Европа на Балканах сталкивается с комплексом проблем, которые «омрачают радость» от дальнейшего возможного расширения ЕС. Среди этих проблем:

- ▶ неурегулированность статуса таких государств, как Македония, Босния и Герцеговина, а также автономного края Косово и Метохия;
- ▶ политическая нестабильность в ряде государств (Македония, Босния и Герцеговина, Сербия);
- ▶ существование нерешенных межнациональных (межэтнических) проблем (практически во всех странах, кроме Словении);
- ▶ медленное осуществление экономических реформ; зависимость экономического развития от дотаций стран, не вступивших еще в ЕС;
- ▶ гуманитарные, социальные проблемы, среди которых очень трудными являются проблема беженцев и безработица.

Вместо поиска решения межнациональных проблем, которое бы устраивало все народы, силовая составляющая миротворцев, в которой главную роль играет НАТО, выбрала вариант принуждения к миру. Его неэффективность подтверждает тот факт, что стабильность в регионе НАТО вынуждена поддерживать с помощью системы протекторатов на большей части территории бывшей Югославии. Основной характеристикой всех видов протекторатов является «ограничение территориального

и политического суверенитета», хотя имеются и различия в их формах и содержании.

Первым возник протекторат в Боснии и Герцеговине — с неограниченными полномочиями, которыми пользуются Высокие представители, и жесткой военной структурой поддержания мира. Население и международная надстройка существуют параллельно. Высокие представители смещают избранных парламентариев, даже президента, навязывают политические решения, полностью контролируют СМИ, систему образования, армию, избирательные законы. Сегодня наблюдается процесс пересмотра Дейтонского договора, что чревато новыми осложнениями в этой республике.

В Македонии мы можем говорить об «условном протекторате», когда государство формально независимо, но ограничено в принятии самостоятельных решений. Это особенно проявилось во время внутривосточного межнационального конфликта в 2001 г., а также в 2015–2017 гг.

В Косове начала свою проверку натовская идея «необходимости ограничения территориального суверенитета», которая должна осуществляться в любой кризисной точке мира посредством «гуманитарной интервенции». Выглядит это как «временный» контроль над частью территории суверенного государства и прекращение действия на ней законов центральной власти. Опасность для Европы состоит в том, что «ограничение территориального суверенитета» может стать международно признанным понятием, а «гуманитарная интервенция» — насильственной мерой с применением «миротворческих сил», присутствием иностранного представительства и «временных» органов управления.

Сербия и Черногория являют собой пример того, как страна лишается части своего суверенитета даже в вопросах развития государственности, внешней политики.

На Балканах наблюдаются политическая нестабильность, потеря части политического суверенитета, трудные взаимоотношения титульной нации и национальных меньшинств, несоблюдение прав человека; нерешенная проблема беженцев, медленное осуществление экономических реформ, зависимость

экономического развития от дотаций, неурегулированность статуса государств, разрастание криминала и многие другие. И всё это происходит под патронажем США, НАТО, Евросоюза. Именно они несут ответственность за дробление славянского пространства, за поддержание разновекторности развития славянских государств, за низкий экономический уровень и насаждающуюся политику русофобии.

В налаживании добрососедских отношений, в создании климата доверия, доброжелательности очень важны усилия разных структур – политических, экономических, культурных, религиозных. Даже ООН на 50-й сессии Генеральной Ассамблеи 12 декабря 1995 г. по инициативе Македонии приняла резолюцию, озаглавленную «Развитие добрососедских отношений между балканскими государствами», в которой призвала их прилагать усилия в этом направлении, предпринимать одно-сторонние и совместные действия по укреплению доверия, развивать взаимное сотрудничество во всех областях. ООН наивно мечтала создать на Балканах к 2000 г. стабильную зону мира и сотрудничества. Не получилось этого добиться и в 2017 г.

Для восстановления добрососедских отношений, упрочения сотрудничества и укрепления тенденции к единству славянских народов важную роль играют культура, наука и церковь. Им не страшны границы, их язык понятен, миролюбив, толерантен. Известно, что в Хорватии поют сербские эстрадные песни, а Белград с радостью встречает хорватских артистов. В сербских селах танцуют македонское коло, а в Македонии гастролируют сербские театры. Словенцы очень любят приезжать встречать Новый год в Белград, ностальгируя по общим праздникам. Уже проводятся совместные фольклорные фестивали, детские конкурсы и олимпиады. Это очень важные тенденции, но каковы перспективы общеславянского единства?

Несмотря на выбранные различные пути политического развития, в каждой славянской стране остались силы, тяготеющие к сохранению славянской идентичности. Практически во всех странах возродились и действуют славянские организации. В Белоруссии это Славянский собор «Белая Русь», в Болгарии – фонд «Славяне», у лужичан – общество «Домовина», в

Польше — «Польский народный союз», в Словакии — «Общество славянской взаимности», в Словении — общество «Триглав», на Украине — Славянская партия, в Чехии — Славянская уния, в Сербии — общества «Свеслав» и «Славянский Собор». Многие из них входят в Международный союз «Всеславянский собор», который на международной конференции, посвященной 50-летию Белградского славянского конгресса, стал правопреемником Общеславянского комитета⁵. В 1991—1992 г. в Ленинграде и Москве состоялись три съезда «Всеславянского собора». В последнем из них приняли участие 897 делегатов из 134 организаций России, Украины, Белоруссии, Прибалтики, Казахстана, Молдавии, Польши, Словакии, Сербии, Болгарии, Канады, США, Франции, Черногории.

В 1998 г. в Праге после 50-летнего перерыва прошел VII Международный славянский съезд, посвященный 150-летию первого Славянского съезда в 1848 г. В результате был создан Международный славянский комитет и национальные славянские комитеты во всех славянских государствах. В мае 2017 г. в Москве прошел юбилейный всеславянский съезд.

Во время агрессии НАТО против Югославии Международным славянским комитетом был создан Международный славянский трибунал. Было проведено четыре его заседания: 14 декабря 1999 г. — в Ярославле, 23 января 2000 г. — в Киеве, 23 марта 2000 г. — в Белграде и 4 июня 2000 г. — в Берлине, на которых были выдвинуты обвинения в совершении военных преступлений Б. Клинтону, М. Олбрайт, Х. Солане, Т. Блэру, У. Кларку и др.

В последние годы более явно обозначились тенденции к славянской взаимности, а также появление лидера среди славян — им вновь становится Россия. Еще многое предстоит сделать, но уже сегодня большую роль играют Международный фонд славянской культуры и письменности, мероприятия под его эгидой, в том числе, и Дни славянской культуры и письменности. Серьезной научной опорой славянского движения является Институт славяноведения Российской академии наук.

Среди славян большой популярностью пользуется Международный кинофестиваль славянских и православных народов

«Золотой витязь». Каждый год собирает артистов из славянских стран Международный фестиваль искусств «Славянский базар». Большой вклад в дело сближения славян вносила Государственная академия славянской культуры (ГАСК). В ряде стран созданы «Славянские университеты». Своим творчеством, талантами, молодой энергией, задором, чистотой, искренностью и бескорыстием студенты способствуют расширению идей славянского единства и сотрудничества. И если за это взялась молодежь, и у нее получается, значит, не всё потеряно у славянской культуры, а у славянских народов есть будущее, есть шанс сохранить наш славянский род.

Переход от раздробленности к сотрудничеству и единению требует серьезных усилий, особенно в условиях сопротивления этому процессу ряда западных стран и военных организаций. Важно, что такая тенденция наметилась, а превращение ее в необратимый процесс полностью зависит только от самих славянских народов.

Как видим, одним из итогов деятельности международных организаций, особенно НАТО, на посткризисных балканских территориях, является то, что ряд государств, в том числе и Сербия, ограничены в самостоятельном выборе пути. Следовательно, процесс полного восстановления сербской государственности в условиях дробления сербской нации (хотя и на фоне интеграционных европейских процессов) — крайне проблематичный и условно возможный процесс.

Европа сегодня — полигон большого эксперимента. На одном, не очень большом и ограниченном пространстве под единой крышей и по единым правилам сосредотачиваются народы разного уровня развития, разной культуры, вероисповедания, менталитета, по-разному относящиеся к своей истории. Насколько нации готовы отказаться от своих особенностей, от национального, регионального? Как в этой ситуации ощущают себя славянские народы? Десятилетия последнего исторического периода они находились в иной, нежели другие европейские народы, системе политических координат. Географически и политически они были единым пространством, где исторические, этнические, культурные и даже религиозные различия

нивелировались как раз политическими и идеологическими задачами, общностью интересов и целей. В этих условиях говорить о славянской взаимности было легко.

В постсоциалистический период, в условиях поиска новых возможностей интеграции в европейскую семью, стали говорить об особенностях духовной и культурной жизни групп славянских обществ – западного и восточного типов. Это разделение проявилось четко в 1990-е годы, когда Польша, Чехия и Словакия достаточно цивилизованно решили свои проблемы и встали на путь интеграции в европейские структуры. В этот период четко выделяется и южное направление славянства. Именно в 1990-е годы мы наблюдаем дробление некогда единого «славянского дома» на маленькие национальные «квартиры». Более того, среди южных славян четко выделявшаяся югославянская группа начинает деление на (юго)западных (Словения и Хорватия) и (юго)южных (Сербия, Черногория, Македония) славян. Причем у (юго)западных славян на Балканах проявляется тяготение к традиционным западным славянам (чехам, словакам, полякам). И общим для них фактором является католицизм. Чтобы окончательно закрепить этот процесс, международные организации ввели новый термин – «Западные Балканы». Игра слов делает разделение прочным и устойчивым. Заметным стало и деление на католическую и православную группы славян, различия между которыми оказались достаточно серьезными. И в такой смешанной республике как БиГ тоже подтвердилась эта закономерность: здесь разлом прошел по религиозному признаку, разделив республику на три по-разному ориентированные части – исламскую, католическую и православную. Так окончательно сформировалась еще одна славянская группа – исламского вероисповедания.

Таким образом, мы наблюдаем несколько процессов: дробление и уменьшение славянского пространства; перегруппировку объединяющегося общеевропейского «дома», в котором прижились славянские народы; появление стран и народов «второго плана», среди которых есть и славяне. При этом процесс дробления и уменьшения славянского пространства не закончен. Он отчетливо виден в событиях в Косове и Метохии,

Боснии и Герцеговине, Македонии, Сербии. В них международные организации играют крайне важную, но не всегда положительную роль в этих процессах.

Из вышесказанного можно сделать следующие выводы:

- ▶ войны оставили глубокий след в судьбах балканских народов, что отражается на их сотрудничестве, замедляя этот процесс,

- ▶ славянские народы начали решать взаимные проблемы очень поздно, активизация сотрудничества началась лишь через 10 лет после распада Югославии и через 5 лет после Дейтона,

- ▶ большинство балканских народов стремится к евроатлантической интеграции,

- ▶ вопросами интеграции и сотрудничества руководят на Западе, а не сами бывшие республики,

- ▶ Запад озабочен «возвращением Балкан» в лоно Европы. И в этом процессе НАТО отводится важная роль,

- ▶ похоже, что сербы – единственные, кто уже взял вину на себя за всё, что произошло на Балканах. Сербию характеризует процесс самобичевания, признания своей вины за жертвы в войнах на территории Хорватии, Боснии и Герцеговины. Это привело к тому, что действия международных организаций против сербского народа (от санкций до бомбардировок) молчаливо стали восприниматься как применение заслуженного наказания за политику Белграда в 1990-е годы,

- ▶ у славянских народов Балканского полуострова уровень осознания необходимости солидарности крайне низкий,

- ▶ на постъюгославском пространстве происходит перераспределение ролей между бывшими республиками некогда единой страны. Так, Белград держит первенство по извинениям, но при этом Сербия не может вновь стать лидером на Балканах; Загреб примеряет на себя роль главного миротворца, смотрящего в будущее; Любляна держится по-европейски покровительственно и старается выполнять посредническую роль, не считая себя балканской страной; БиГ остается на задворках балканской политики и не проявляет общеполитических амбиций.

Таким образом, сегодня Сербия на Балканах – одна из нестабильных территорий, ее государственность подверглась

серьезным испытаниям. Мы можем говорить о том, что границы Сербии весьма неустойчивы. Белград пошел на серьезные уступки некогда автономному краю Косово, очертил границы, но не признает его независимость. К самостоятельности стремятся и южные регионы Сербии, населенные преимущественно мусульманами. Сербское пространство раздроблено (Сербия, Черногория, Республика Сербская в БиГ), и идея его воссоединения весьма далека от реализации.

Примечания

¹ *Опачич П.* Кромсание Сербии в двух мировых войнах // Югославский кризис – манипуляции, ложь, насилие. [М., 1995.]. Рукопись. С. 50.

² Там же. С. 42.

³ В референдуме, состоявшемся в Черногории 1 марта 1992 г., участвовали 66,04% имевших право голоса граждан республики. За вхождение в Югославию проголосовало 95,94% человек (по данным правительства Черногории).

⁴ Независимая газета. 9 сентября 2000 г.

⁵ <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D1%EB%E0%E2%FF%ED%EE%E4%E8%EB%FC%F1%F2%E2%EE>.

Территориальные споры республик бывшей Югославии: условия, методы, последствия

Территориальные споры между республиками бывшей Социалистической Федеративной Республики Югославии (СФРЮ) являются следствием распада федеративного государства. Географические объекты совместного использования (острова, водное пространство) или места федерального значения (например, с расположенными на них военными базами) воспринимались субъектами федерации как часть единого государственного пространства. Ситуация изменилась с обретением республиками бывшей Югославии независимости.

Между новыми государствами разгорелись жаркие дискуссии о принадлежности им ряда территорий. Каждая из стран в конкретных исторических условиях вырабатывала свою тактику и стратегию, пытаясь решать этот вопрос самыми разными методами, от военных до дипломатических, от переговоров до давления и шантажа. Наиболее активно в территориальных спорах участвовала Хорватия, также были озвучены интересы других государств – Союзной Республики Югославии (1992–2003), Государственного Союза Сербии и Черногории (2003–2006), затем отдельно Черногории и Сербии, Словении и Македонии. Под видом территориального спора свои претензии на отдельные территории пытается озвучить даже Косово. Урегулировать территориальные разногласия пытались как самостоятельно, так и с привлечением других стран, в рамках международных организаций и различных неправительственных структур, а также апеллируя к высшим арбитражным и судебным инстанциям.

Еще в начале 1990-х годов, в условиях развернувшегося военного противостояния на территории Республики Хорватии, разгорелась борьба за Превлакский полуостров. Речь

идет о территории примерно 2 километра в длину и 400 метров в ширину, расположенной в Тиватском заливе. Во времена СФРЮ здесь располагалась военная база Югославской народной армии (ЮНА). Хорватия настаивала на своем праве на Превлакский полуостров на основании того, что согласно территориально-административному делению СФРЮ он входил в состав Хорватии.

С октября 1992 г. на полуострове были размещены военные наблюдатели Организации Объединенных Наций, сначала в рамках Сил ООН по охране (СООНО), а затем с марта 1995 г. по январь 1996 г. — Операции ООН по восстановлению доверия в Хорватии (ООНВД). Режим демилитаризации района предполагал создание двух зон: «Голубой» — территории, полностью свободной от любого вооружения, в которую входил собственно полуостров и трехкилометровая полоса с обеих сторон, и «Желтой», где допускалось наличие полицейских формирований с легким оружием. В обязанности военных специалистов входил контроль за соблюдением этих режимных ограничений и оповещение штаба военных наблюдателей о нарушениях.

Военно-оборонительную деятельность в районе полуострова предпринимали обе стороны спора. Виктор Иванович Тарусин, начальник отдела военной информации штаба военных наблюдателей в Загребе, который занимался сбором и анализом военной информации, поступающей из всех секторов Миссии, вспоминает: «Особую активность в середине 1995 г. проявляла хорватская сторона. В пределах «Желтой» зоны было развернуто масштабное строительство оборонительных сооружений долговременного характера. Доты росли как грибы после дождя. При этом, наряду с небольшими модульными конструкциями, строились и тяжелые укрепленные позиции, явно предназначенные для размещения артиллерии.

Сербская сторона неоднократно направляла представителям ООН протесты на подобную активность. Они передавались штабом военных наблюдателей ООН хорватской стороне, но никакого воздействия не имели.

В марте 1995 г. военные наблюдатели попытались остановить строительство ряда долговременных объектов военного

назначения в пределах демилитаризованной зоны. Однако мандат Миссии, а также ограниченность сил и средств (отсутствие тяжелой техники и вооружения) не позволили этого сделать.

Сербская сторона в ответ на повышенную активность соседей также предприняла ряд мер, которые долгое время оставались для наблюдателей неизвестными, поскольку сербы применяли режим запрета на передвижение наблюдателей в тех районах, где велось какое-либо военное строительство¹.

Международным наблюдателям стоило больших усилий поддерживать хрупкий мир на этом спорном участке. На полуострове были случаи минирования дорог, а также проникновения неизвестных вооруженных групп.

Каждая из заинтересованных сторон использовала любую возможность, чтобы убедить представителей международного сообщества поддержать именно ее. В то время президент Черногории Момир Булатович, будучи с визитом в США (с 8 по 15 сентября 1996 г.), активно озвучивал принадлежность Превлаки Черногории и ее значение для своей страны. О своих переговорах он позднее написал: «Этот визит был очень тщательно подготовлен. Его первая часть проходила во Дворце ООН и представляла собой продолжение борьбы за Превлаку... Я решил поставить этот вопрос перед послами стран – постоянных членов Совета Безопасности (плюс Италия) и перед самим Генеральным секретарем, Бутросом Гали. Был подготовлен «Файл по Превлаке» с десятком документов, представленных так, чтобы подкрепить наше утверждение, что Превлака принадлежит Черногории. Здесь были все проекты договора с Хорватией, включая и тот, который был заключен и ратифицирован в Дейтоне.

Досе по Превлаке я вручил каждому, с кем разговаривал... Переговоры были достаточно утомительными (семь раз я повторял одну и ту же историю), но и относительно успешными. Многие дипломаты поняли, насколько это маленькая территория и насколько большая проблема. Я верю, что именно это они имели в виду в своих дальнейших решениях по данной территории. Конечно, я не предпринимал никаких впечатляющих поворотов, но и этим маленьким шагом был доволен»².

В то же время на Союзную Республику Югославию оказывалось давление в связи с наложенными на страну санкциями, действовавшими с 1991 по 2001 гг. Их снятие было жизненно важным для страны. Одним из условий их отмены являлись скорейшие переговоры по полуострову с Хорватией. Ф. Туджман всячески затягивал решение вопроса, стараясь достигнуть более выгодных для себя условий.

В 1996 г. ООН разместила на полуострове миссию наблюдателей, которая курировала демилитаризацию и действовала в качестве буфера между сторонами спора. В 2002 г. СРЮ и Хорватия подписали Протокол о временном режиме разграничения³ сроком на 10 лет. В поисках окончательного решения пограничного спора два государства оставили за собой возможность урегулировать вопрос в двустороннем порядке или с помощью международного арбитража.

В 2006 г. Черногория оформила свою независимость и уже самостоятельно, по истечении срока действия Протокола, снова озвучила вопрос принадлежности ей Превлакского полуострова. В 2015 г. черногорская сторона передала все документы по Превлаке в Международный суд в Гааге. Однако в 2017 г. руководство страны поставило своей целью вступление в НАТО. Чтобы создать образ государства, в котором нет серьезных внешнеполитических проблем, а также продемонстрировать добрососедские отношения с соседними государствами, которые уже являются членами Альянса, Черногория смягчила свои позиции по территориальному спору с Хорватией. В марте 2017 г. черногорский министр иностранных дел Срджан Дарманович заявил о новой форме регионального сотрудничества: «Разграничение на Превлакском полуострове не является для нас открытым вопросом в политическом смысле. Существует Протокол 2002 г. о временном разграничении, который без проблем выполняется. В процессе двустороннего сотрудничества, в рамках открытого диалога, в дружеской атмосфере два государства постараются достичь приемлемого решения. Мы выработаем подходы к совместному сотрудничеству в международных организациях»⁴.

Еще одной спорной территорией является остров Шаренград на Дунае, на границе Хорватии и Сербии. Недалеко

расположено хорватское село с одноименным названием. Сам остров находится в русле Дуная вблизи сербского берега, от которого его отделяет узкая протока шириной около 100 метров, в то время как минимальное расстояние до хорватского берега составляет не менее 300 метров. Длина острова — около 4,9 километров, максимальная ширина — около 2,7 километров.

Согласно международному праву, речная граница между государствами проводится по фарватеру реки, но только в том случае, если именно река фигурирует в качестве границы без дополнительных уточнений⁵. Поскольку остров официально был частью Социалистической Республики Хорватии (СРХ), то такой принцип в данном случае неприменим. Во время войны в Хорватии остров был занят Югославской народной армией и сербскими ополченцами.

После заключения Эрдутского соглашения о статусе Восточной Славонии, Бараньи и Западного Срема (12 ноября 1995 г.)⁶ остров Шаренград остался под контролем сербской стороны. В 2004 г. Сербия вывела воинские части с острова, заменив их на полицейские подразделения. Лесной кадастр острова в данное время находится в ведении хорватских властей, однако Сербия не признает за Хорватией прав собственности.

Одна из частей мирного соглашения включала краткосрочные договоры, по которым Хорватия должна была контролировать западную часть Дуная, а Сербия — восточную. В 2001 г. была создана Международная дипломатическая комиссия по определению и закреплению границ между государствами. Но ее работа свелась к формальным встречам первые несколько лет. С 2003 по 2010 г. она не собиралась ни разу. Дальнейшие заседания проходили в присутствии заместителей министров иностранных дел двух стран, на которых констатировалась хорошая обстановка на границе.

Похожая ситуация сложилась и с островом Вуковар, который находится на границе Сербии и Хорватии, в русле Дуная вблизи сербского берега. От Сербии остров отделяет узкая протока шириной всего 20–30 метров, в то время как расстояние до хорватского берега составляет не менее 250 метров. Длина острова — около 3,8 километров, максимальная ширина — около 600 метров.

После заключения мирного Соглашения занятые сербами территории были воссоединены с Хорватией, однако остров Вуковар, как и Шаренград, остался под контролем сербских военных. В 2004 г. Сербия вывела отсюда бóльшую часть воинского контингента.

Одним из самых сложных и продолжительных споров за территории стал вопрос о принадлежности Пиранского залива, который расположен в северной части Адриатического моря. Он был назван в честь одноименного города, и его берега являются общими для Хорватии и Словении. В качестве компромиссного решения Хорватия предлагает проведение границы посередине залива, но в этом случае Словения оказывается в зависимости от воли хорватской стороны для выхода в международные воды.

В 1991 г. словенское руководство предложило установить границы в заливе исходя из положения города Пиран, но позднее (5 июня 1992 г.) объявило весь залив собственностью Словении, и до сих пор продолжает настаивать на этой позиции.

В Хорватии Пиранский залив называется «залив Савудрии». Изначально он использовался в качестве названия для части залива. С 2000 г. местные хорватские рыбаки стали называть так весь залив. Вслед за ними данную терминологию подхватили хорватские средства массовой информации, затем местные органы власти, и, наконец, новое название стало озвучиваться на государственном уровне, что привело к его появлению на официальных картах. Такие действия противоречат сложившейся практике определения географических названий и воспринимаются словенскими властями как стремление «придумать» исторические связи с бухтой для усиления позиции в споре. Существует и другое название Пирана – «Бухта Драгония». Оно также появилось в Хорватии, но не получило широкого распространения.

Поскольку договора о разграничении так и не удалось достигнуть, Словения в 2008 г. заблокировала интеграцию Хорватии в Евросоюз, а тогдашнее хорватское правительство Ядранки Косор было вынуждено, ради дальнейшей евроинтеграции, согласиться вынести этот вопрос на рассмотрение Международно-

го арбитража в Гааге. Этот шаг не был популярным, но казался единственно возможным на тот момент решением.

В результате в ноябре 2009 г. между правительствами Хорватии и Словении был подписан документ о согласии на проведение международного арбитражного разбирательства под эгидой Постоянной палаты третейского суда и при посредничестве Евросоюза. На референдуме, проведенном в июне 2010 г. в Словении, 52 % проголосовавших граждан поддержало данное соглашение. Достижение договоренности со Словенией по этому вопросу позволило Хорватии в 2013 г. присоединиться к Евросоюзу. Вердикт Международного суда по спорной территории не мог быть обжалован. Постановление ожидалось в конце 2015 г. Однако в июле того года разразился скандал. В хорватской газете «Вечерни лист» опубликовали транскрипт беседы Йернея Секолеца, члена Арбитражного суда от Словении, и Симоны Дреник, представительницы словенского министерства иностранных дел в этом суде, которые обсуждали, каким образом можно повлиять на вынесение вердикта в пользу своей страны. Впоследствии появились и аудиозаписи разговора. Премьер-министр Хорватии Зоран Миланович заявил о выходе его страны из договора об арбитраже со Словенией. 16 августа 2015 г. парламент Хорватии единогласно поддержал это решение правительства.

Несмотря на то, что еще в конце 2014 г. министр иностранных дел Словении Карл Эрьявец намекал, что, по неофициальной информации, Арбитраж вынесет решение в пользу его страны, Хорватия воздерживалась от официальных заявлений. Но скандал 2015 г. стал той последней каплей, которая дала повод хорватскому руководству поднять вопрос о выходе из этого невыгодного для нее разбирательства.

После того, как Загреб отозвал своего представителя, в соответствии со второй статьей арбитражного соглашения, председатель Трибунала имеет право назначить судью без участия Хорватии. А значит, технически разбирательство вполне может возобновиться. Правда, Хорватия может не согласиться с решением Арбитража как незаконным, что сделает невозможным его исполнение. Спор о морской границе между Загребом и Любляной рассматривается в настоящее время в Арбитражном суде в Гааге.

Словенская газета «Дело» в статье «Либо арбитраж, либо хаос на Балканах» считает, что кризис с мигрантами, который уже привел к блокаде границы Хорватии с Сербией, является дополнительной причиной, почему Словении необходимо получить доступ к заливу. «Свободный проход для кораблей, согласно международным конвенциям о морском судоходстве, не является абсолютной гарантией свободного плавания в территориальных водах. Нужно вспомнить блокаду торговых кораблей, направлявшихся в порт Копер во время войны за независимость в 1991 г., либо недавние события, когда Хорватия закрыла свою границу с Сербией, просто потому, что ее что-то не устраивало. То же самое может произойти и с правом свободного судоходства. После одностороннего выхода Хорватии из международного арбитража, мы ожидаем от Евросоюза и международного сообщества ответ на то, каким образом будет урегулирован вопрос о морской границе со Словенией. Может быть, это Хорватия сделает сама и в одностороннем порядке? Или, может быть, кому-то больше подходит хаос на беспокойных Балканах?» — задается вопросом газета «Дело»⁷.

В марте 2017 г. председатель Европейской комиссии Жан-Клод Юнкер сообщил о продолжении арбитражного процесса по вопросу Пиранского залива и призвал возобновить диалог между заинтересованными сторонами. «Хорватия добровольно заключила соглашение со Словенией о начале арбитражного разбирательства, и оно еще в силе. Верю, что страны безоговорочно примут решение суда. Страны ЕС должны продемонстрировать свое единство», — заявил Ж.-К. Юнкер⁸. Очевидно, что чиновник Евросоюза выступает с точки зрения общеевропейских интересов. В случае поддержки Арбитражем того или иного участника территориального спора, проигравшей стороне следует отказаться от своих национальных интересов в пользу стабильности в Европе. В ответ на это заявление, премьер-министр Хорватии Андрей Пленкович выразил возмущение неприемлемой позицией Европейской комиссии, так как Арбитраж скомпрометировал себя. Вопрос пролива, по его мнению, следует решать каким-то другим путем⁹.

Не могут поделить Хорватия и Словения также военный комплекс у Света-Геры, расположенный на вершине горы Жумберак. Бывший военный объект Югославской народной армии в 1990-е годы стал предметом еще одного территориального спора между двумя странами. Эскалация конфликта была предотвращена дипломатическим путем, однако вопрос до сих пор окончательно не урегулирован. Дискуссии о принадлежности объекта поддерживают как Хорватия, так и Словения. Данная территория зафиксирована в хорватском земельном кадастре. Старые казармы ЮНА используются в качестве форпоста для словенской армии.

В марте 1999 г. Милан Кучан (президент Словении в то время) определил использование зданий спорных казарм для обеих — словенской или хорватской армии — как спорное и, «по крайней мере, некультурное». В 2004 г. он заявил по хорватскому телевидению, что «было бы лучше, если бы там открыли охотничий домик»¹⁰.

Не только военные базы, острова и проливы стали предметами территориальных разногласий на территории бывшей Югославии. Спорным оказалось пространство целого суверенного государства. Речь идет о конфликте между Македонией и Грецией. Вопрос обозначился уже с подписания декларации о независимости Македонии в 1991 г., в которой было закреплено название «Республика Македония»¹¹. Греция тогда заявила, что историческое название «Македония» принадлежит ей и является частью греческого исторического наследия. В 1992–1994 гг. в ходе многочисленных переговоров удалось достичь временного компромисса, присвоив стране название — «Бывшая югославская Республика Македония» («F.Y.R.O.M.» — The former Yugoslav Republic of Macedonia — англ.). Эта формулировка и была закреплена в документах ООН.

Спор ведется мирными дипломатическими средствами, но противостояние сторон несколько раз принимало серьезный характер. Так, в 1994–1995 гг. Греция ввела против Республики Македонии торговое эмбарго, что нанесло последней большой экономический ущерб. В 2008 г. на саммите НАТО в Бухаресте греки выступили против приглашения Македонии в Севе-

роатлантический альянс. В результате стране во вступлении в НАТО было отказано – до тех пор, пока конфликт не будет урегулирован. В ответ в ноябре 2008 г. Македония подала на Грецию иск в Международный суд в Гааге, обвинив последнюю в нарушении норм международного права и соглашений ООН. Судебная инстанция в декабре 2011 г. вынесла вердикт в пользу Македонии, отметив, что заблокировав вступление соседнего государства в НАТО, Греция нарушила Временное соглашение между странами от 1995 г. Но требования Македонии о компенсации удовлетворены не были¹².

Международное сообщество разделилось по данному спорному вопросу. Россия, Китай и США признали новое балканское государство под названием «Республика Македония». Их примеру последовали еще 106 стран. В то же время Великобритания и Франция отказались признавать Македонию под этим названием, поддержав Грецию.

Не признает Греция и государственную символику Македонии – государственный флаг с Вергинской звездой, художественным изображением звезды с 16 лучами. Этот символ был обнаружен в северной Греции в 1977 г. во время археологических раскопок и являлся, по мнению ученых, эмблемой королевской династии Аргеадов. Несколько греческих провинций использовали изображение звезды на своих знаменах. Греция снова обвинила Македонию в узурпации древних национальных символов.

В преамбуле к Конституции Республики Македонии¹³ упоминается Крушевская республика*. Власти Греции увидели в упоминании существовавшего непродолжительное время

* Крушевская республика – одна из первых республик на Балканах, провозглашенная в период Илинденского восстания 1903 г. против Османской империи. Просуществовала она 10 дней (с 3 по 13 августа 1903 г.). 750 повстанцев, под предводительством Николы Карева, освободили город Крушево от турецких войск. В этом городе было сформировано самоуправление и создан Совет Республики, состоявший из 60 членов – по 20 человек от каждой этнической общины в городе (болгарская, греческая и валашская). Во главе Временного городского революционного правительства Республики встал социал-демократ Н. Карев. Всего в него вошло шесть человек (по два от каждой общины).

Самый известный документ, изданный правительством Крушевской республики, – Крушевский манифест (6 августа), который призвал всё население Македонии (включая албанцев и турок) переступить через этнические и религиозные различия и встать под знамена борьбы с тиранией султана и имущих. 13 августа город был занят турецкими войсками и сожжен, а немногие выжившие повстанцы были вынуждены бежать.

государственного образования угрозу посягательства в будущем на греческие территории. Руководство Македонии вынуждено было пойти на уступки. В Конституцию республики были внесены поправки. Так, в преамбуле появилась фраза, что страна «не имеет территориальных претензий к соседним государствам»¹⁴. Был изменен и государственный флаг, на котором появилось солнце с восемью лучами.

Однако, Греция всё равно не признает существования независимого государства Македонии. Говоря о соседней стране, греки используют название столицы – Скопье, а граждан Македонии называют «скопианами»; язык, который используют македонцы, именуется ими «скопианским». В 2008 г. Греция не приняла в своем аэропорту самолет президента Македонии Бранко Црвенковского, направлявшегося на саммит государств Юго-Восточной Европы, так как на борту лайнера стояло название «Республика Македония», а не аббревиатура «F.Y.R.O.M.».

Македонские власти активно пишут в ООН, НАТО, ЕС, требуя для своей страны права называться Республикой Македонией. Число взаимных упреков участников спора с каждым годом только растет, компромисс найти не удается.

На территории бывшей Югославии озвучиваются не только вопросы спорных областей, объектов, водного пространства, возникшие между современными суверенными государствами. Формулировка «территориальный спор» также используется в качестве инструмента для присоединения пространства, ранее не принадлежавшего заинтересованной стороне, не имеющей на него законных оснований. Так, была выдумана тема «Северного Косова». Речь идет об области, в которую входят три общины: Лепосавич, Звечан и Зубин–Поток. К ним примыкает небольшая часть общины города Косовска–Митровица. Общая рассматриваемая территория составляет 1200 кв. километров – 11,1 % площади края Косова. По данным переписи 1991 г., численность населения данных общин составляла 35 000 человек: 84,9 % – сербы, 11,1% – албанцы и 4 % – остальные народности. После военной операции НАТО в Югославии в 1999 г. численность сербов в этих краях возросла за счет беженцев.

В 2006 г., по оценке ОБСЕ, население общин Лепосавич, Звечан и Зубин—Поток составило 46 000 человек: 95,5 % — сербы, 3 % — албанцы, 1,5 % — остальные народности¹⁵. Существует еще одно название этой территории — Ибарский Колашин. Фактически эти области не находятся в подчинении ни Республики Сербии, ни частично признанной Республики Косово. Управление осуществляется местными сербскими властями.

Северное Косово от остальной части края отделяет так называемая «желтая линия», которая появилась в 2002 г. в результате договоренности этнических групп. Однако после провозглашения независимости 17 февраля 2008 г. власти Косова начали их игнорировать. Они заявили, что никаких разграничительных линий в Косове нет, и санкционировали свободное переселение албанцев на север края, обеспечивая их новым жильем. В то же время сербам подобной помощи не оказывается. Более того, сербским беженцам, которые покинули другие части Косова, власти не дают никаких гарантий безопасности.

Несмотря на частичное признание края рядом стран, после провозглашения независимости, пока его не приняли в ООН, он не является полноценным независимым государством и всё еще, согласно международному праву, входит в состав Республики Сербии.

Республика Сербия не признает независимости автономного края Косово и Метохия. В преамбуле к Конституции Республики Сербии говорится: «...Край Косово и Метохия является составной частью территории Сербии. Он имеет статус существенной автономии в рамках суверенного государства Сербии. Из этого статуса края Косова и Метохии вытекают конституционные обязательства всех государственных органов поддерживать и защищать государственные интересы Сербии в Косове и Метохии во всех внутренних и внешних политических отношениях»¹⁶. Также в Основном законе страны закреплены единство и неделимость территории государства.

Лидеры косовских албанцев серьезно намерены со временем поставить под контроль области Косова, на которых проживают сербы. Искусственно нагнетаются страсти, распускаются слухи о планах «Северного Косова» провозгласить свою

независимость. В средствах массовой информации края постоянно публикуются материалы о «наемниках», «снайперах», «вооруженных сербах». Силы для Косова (СДК*) эти данные не подтверждают¹⁷. Подобные обвинения стали бы удобным поводом для албанцев окончательно разгромить те немногие остатки сербских населенных пунктов, которые еще сохранились в Косове, а их жителей окончательно изгнать из края.

Проблема рассматриваемых северных областей намного сложнее обыкновенного территориального спора, как стараются его представить местные албанские власти. Связано это с тем, что, кроме очевидных заинтересованных лиц, в этом вопросе существуют интересы третьих сил. Согласно резолюции Совета Безопасности ООН № 1244 (10 июня 1999 г.)¹⁸, «Северное Косово» должно находиться под протекторатом ООН. В рамках организации была разработана структура будущей временной администрации края, которая изначально предполагала представительство двух народов – сербского и албанского. Была утверждена программа совместного сосуществования¹⁹.

Однако у США и ряда стран ЕС были свои планы на эти территории. В Косово были введены международные силы под руководством НАТО, осуществлено строительство одной из самых крупных, оснащенных по последнему слову техники и самых засекреченных в Европе американских военных баз – «Бондстил». «Территория базы – это целое государство. Там построены магазины, куда товары поступают прямо из США, кинотеатр, библиотека, своя беспроводная интернет-сеть, многоквартирные дома, гостиница, бары, спортзалы, бассейн, автосервис, ремонтные мастерские и многое другое. В общем, есть всё, чтобы многотысячному американскому военному контингенту жилось как дома. Это, разумеется, не считая огромного количества военной техники, аэродрома,

* Силы для Косова (СДК) – международные силы под руководством НАТО, ответственные за обеспечение стабильности в Косове. Они были созданы в соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН № 1244 и вступили в Косово 12 июня 1999 г. По состоянию на апрель 2007 г. в составе сил находились 16 тыс. военнослужащих из 34 стран (24 – НАТО, 10 – не НАТО) (максимальная численность СДК достигала 50 тыс. военнослужащих). Первоначально группировка СДК состояла из четырех многонациональных бригад, каждая из которых имела свой сектор ответственности. В 2005 г. эти силы были преобразованы в пять оперативных группировок. К сентябрю 2012 г. численность группировки была снижена до 5000 солдат и офицеров.

тренировочного полигона. По всему видно, что американцы обосновались здесь всерьез и надолго»²⁰. В лице албанцев США получили верных и послушных союзников. Слабым звеном в этой стратегии оказалось сербское население, которое, несмотря на направленные против него акции устрашения и физического уничтожения, сумело выжить и сохранить территории проживания на севере края.

Из конфиденциальных американских дипломатических депеш, опубликованных на сайте «Викиликс» (WikiLeaks) за 2008 г., стало известно, что угрозу стабильности в регионе США видели, прежде всего, в «непримиримости Белграда — особенно в Северном Косове. ООН также, несмотря на изменение и уменьшение своего присутствия здесь, не пыталась защитить ключевые органы власти от давления Белграда и Москвы»²¹. Из документов видно, что, по мнению американских дипломатов, жителей Косова следовало «оградить от влияния» Сербии и России, иными словами, лишить северные области поддержки этих стран. В начале 2008 г. посол США в Приштине Кристофер Делл отправил в Вашингтон доклад, в котором призвал принять срочные меры по пресечению сербского контроля над северной частью Косова, усиливающего, по его мнению, разделение края²².

В 2010 г. в очередной депеше посол США предупредил Вашингтон, что существует реальная опасность разделения Косова. По его мнению, это свело бы на нет усилия Америки за последние 10 лет в этом регионе²³. Разочаровавшись в ООН, американцы попытались подключить к решению данного вопроса Европейский Союз.

С каждым годом антисербская риторика США только усиливается. Американские политики все проблемы Косова приписывают сербам. 27 января 2010 г. К. Делл в депеше написал: «Северное Косово — база для нелегальных сербских параллельных структур; в этом регионе процветают контрабанда и организованная преступность. Северное Косово остается, пожалуй, наибольшей угрозой Косова в будущем»²⁴. Это делается для того, чтобы найти предлог для очистки края от неконтролируемых американской администрацией сербов. Последние

годы США и ЕС удалось, оказывая сильное давление, обещая принятие страны в ведущие международные организации, добиться от властей Республики Сербии максимальных уступок в отношении Косова.

Косовским сербам постоянно дают понять, что их пребывание в крае носит временный характер и рано или поздно контроль над территориями «Северного Косова» перейдет к албанцам. Это подтверждается тем, что любые самые мирные и безобидные инициативы сербов воспринимаются албанской стороной враждебно. Эта непримиримая позиция находит живой отклик в Европе и Америке. Так, в декабре 2016 г. косовские сербы в городе Косовска–Митровица начали строить стену напротив моста через реку Ибар, мотивируя это необходимостью защититься от оползней. Албанцы сразу обвинили Белград в подготовке аннексии части Косова по «крымскому сценарию». Под сильнейшим давлением Приштины при посредничестве США и ЕС, после многочисленных угроз силового решения этого вопроса, сербы в феврале 2017 г. были вынуждены демонтировать стену.

Проблема «Северного Косова» остается на сегодняшний день одной из самых актуальных и острых на территории бывшей Югославии. Она затрагивает не только интересы сербов и албанцев, проживающих в Косове, но в большей степени интересы США, считающих данный регион объектом своих стратегических интересов. Надуманный территориальный спор противоречит основам, закрепленным в Резолюции Совета Безопасности ООН № 1244, и ведется он от имени косовских албанских властей в пользу их американских покровителей.

Таким образом, ни один из рассмотренных нами территориальных споров республик бывшей Югославии окончательно не решен. Благодаря усилиям международных миротворческих миссий и жесткому дипломатическому давлению международных организаций, некоторые территориальные разногласия удалось перевести в русло мирного переговорного процесса и перейти от прямого противостояния к практике заключения соглашений по тому или иному спорному объекту. Однако чаще всего они носят временный характер и озвучиваются заинте-

ресованными сторонами при любой удобной возможности, а также используются в качестве элемента внешнеполитического воздействия при принятии не относящихся к данной проблеме решений на общеевропейском и мировом уровнях.

В последние годы всё чаще имеют место попытки стран бывшей Югославии решить территориальные споры самостоятельно, без привлечения международных арбитров, или апеллировать к тем странам, у которых в регионе есть собственные геополитические интересы.

Ряд территориальных споров носит провокационный характер. Особенно, когда они касаются вопросов государственной безопасности, если их решение угрожает существованию отдельных частей той или иной страны или целого суверенного государства. Всё это в будущем может сыграть дестабилизирующую роль в Балканском регионе.

Примечания

¹ Тарусин В.И. Военно-дипломатический курорт: Дубровник – Превлака – Герцеговина – Москва (1995–1996) // Балканский кризис: говорят участники / Сост. и отв. редактор Е.Ю. Гуськова. М., 2016. С. 197–198.

² Булатович М. Правила молчания // Балканский кризис: говорят участники... С. 49–50.

³ Protokol između vlade Republike Hrvatske i Savezne vlade Republike Jugoslavije o privremenom režimu uz južnu granicu između dviju država // URL: <http://www.index.hr/vijesti/clanak/protokol-o-privremenom-rezimu-na-prevlaci/106839.aspx>.

⁴ Crnogorski ministar: Prevlaka nije otvoreno pitanje. NINA 14.03.2017 // URL: <http://www.radiodux.me/vijesti/drustvo/crnogorski-ministar-prevlaka-nije-otvoreno-pitanje>.

⁵ Международное речное право // URL: <http://isfic.info/waterlaw/sivac38.htm>.

⁶ Erdutski sporazum // URL: <https://www.zvo.hr/dokumenti/c731c4afbd208ca.pdf>.

⁷ Словения и Хорватия продолжают борьбу за Пиранский залив // URL: <http://www.senica.ru/balkans/facts/croatia/sloveniya-i-khorvatiya-prodolzhayut-borbu-zapiranskiy-zaliv>

⁸ Juncker protiv Hrvatske. Europska komisija podržala arbitražu o granici sa Slovenijom, očekujemo da će obje države prihvatiti odluku sudišta. 01.03.2017 // URL: <http://www.jutarnji.hr/vijesti/hrvatska/juncker-protiv-hrvatske-europska-komisija-podrzava-arbitrazu-o-granici-sa-slovenijom-ocekujemo-da-ce-obje-drzave-prihvatiti-odluku-sudista/5705051/>

⁹ Junckerova podrška arbitraži je irelevantna i neprihvatljiva. Plenković odlučno reagira na izjave člника Europske komisije 03.03.2017 // URL: <http://www.jutarnji.hr/vijesti/hrvatska/junckerova-podrska-arbitrazi-je-irelevantna-i-neprihvatljiva-plenkovic-odlucno-reagirao-na-izjave-celnika-europske-komisije/5715603/>

¹⁰ Природный парк Жумберак // URL: <http://reserves-park.ru/natsionalnye-parki-khorvatii/1124-zhumberak.html>

¹¹ Декларация о суверенитете Республики Македонии (17 сентября 1991 г.) // Македония: Путь к самостоятельности. Документы / Сост. и отв. редактор Е.Ю. Гуськова. М., 1997. С. 109–110.

¹² Application of the interim accord of 13 September 1995. International Court of Justice. 5 December 2011 (The Former Yugoslav Republic of Macedonia v. Greece) // URL: <http://www.icj-cij.org/docket/files/142/16827.pdf>

¹³ Конституция Республики Македонии (17 ноября 1991 г.) // Македония: Путь к самостоятельности. Документы... С. 111.

¹⁴ Поправки к Конституции Республики Македонии (6 января 1992 г.) // Там же. С. 144–145.

¹⁵ Данные ОБСЕ по Лепосавичу, Зубин Потоку и Звечану, 1 May 2006 // URL: <http://www.osce.org>.

¹⁶ Конституция Республики Сербии // Službeni glasnik RS, br. 48/94 i 11/98.

¹⁷ Ложь прищтинской прессы о событиях на севере Косова // Режим доступа: <http://www.srbija.ru/news/427-id>.

¹⁸ Резолюция №1244 Совета Безопасности Организации Объединенных Наций (10 июня 1999 г.) // Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии. Документы. Т. 2 (1998–1999 гг.). М., 2007. С. 328–332.

¹⁹ Распоряжение, изданное Специальным представителем Генерального секретаря ООН, №2000/1 «О структуре совместной временной администрации в Косове» (14 января 2000 г.) // Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии. Документы. Т. 3 (2000–2005 гг.). М., 2008. С. 21–26.

²⁰ Жарких С. «Бондстил» заменит государство // Российская газета – Столичный выпуск № 4579 (04.02.2008).

²¹ Scenesetter for the visit of Kosovo president Sejdiu and prime minister Thaci to Washington, February 26, 2008. Public library of US diplomacy. For the secretary and the vice-president from the ambassador // URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/09PRISTINA77_a.html.

²² Ibidem.

²³ Serbia to Continue Obstructing Kosovo January 12, 2010. Public library of US diplomacy. // URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/10BELGRADE3_a.html

²⁴ Kosovo: success in the north key to a successful, January 27, 2010. Public library of US diplomacy. Ambassador Christopher Dell for reasons. // URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/10PRISTINA44_a.html.

Могла ли Республика Сербская Краина выстоять в августе 1995 г.?

Операция «Буря», проведенная хорватской армией в августе 1995 г., стала самой масштабной военной операцией в Европе после Второй мировой войны. За одну неделю вооруженные силы Хорватии сломали сопротивление Сербского войска Краины (СВК) и ликвидировали Республику Сербскую Краину (РСК). Просуществовавшая несколько лет Республика исчезла, а около 230 000 ее жителей стали беженцами.

До сих пор предметом дискуссий и споров является вопрос: могла ли Краина в те дни выстоять? Военная операция хорватской армии в условиях миротворческой операции ООН вызывает интерес многих исследователей. Делаются попытки объяснить уничтожение РСК теми или иными факторами.

По нашему мнению, главными причинами падения Краины были сложившаяся к 1995 г. политическая ситуация на Балканах и военная слабость краинской армии. Изолированность РСК и отсутствие у нее союзников при нехватке собственных достаточных для длительной обороны ресурсов не позволяли построить эффективные вооруженные силы, которые смогли бы противостоять хорватской армии.

Системный кризис СФРЮ, одним из первых проявлений которого стал рост национализма (в первую очередь, в Словении, Хорватии, Сербии и особенно — албанского в Косове и Метохии) в 1980-е годы, привел к нарастанию противоречий между населяющими ее народами. Кроме того, с ослаблением позиций СССР в Европе всё большее влияние на Югославию пытались оказывать США и страны Западной Европы. Одним из основных конфликтов в СФРЮ стало противостояние между компактно проживающими в Социалистической Республике

Хорватии сербами и ее националистически настроенными республиканскими властями.

Под давлением событий в Восточной Европе, где один за другим с политической сцены уходили коммунистические лидеры, югославское руководство спасало осложнившуюся ситуацию введением многопартийной системы в стране. Зимой-весной 1990 г. в Хорватии начали формироваться политические партии. После проведения свободных выборов в стране в том же году в Хорватии победу одержало Хорватское демократическое содружество во главе с Франьо Туджманом. Бывший участник антифашистского движения, коммунист и генерал армии, после всплеска национализма в Хорватии в конце 1960 – начале 1970-х годов он возглавил хорватские националистические круги. После прихода к власти он начал осуществлять идею превращения республики в «Хорватию для хорватов», без сербов. Главным инструментом претворения этой идеи в жизнь стал ряд антисербских мер на фоне политических, экономических и социальных реформ.

По инициативе Фр. Туджмана 22 декабря 1990 г. была принята новая Конституция Хорватии, в которой статус сербов был изменен с «государствообразующего народа Республики» на «национальное меньшинство». В новой Конституции говорилось, что «Хорватия является государством хорватов и национальных меньшинств, проживающих в Хорватии».

В официальной переписке и средствах массовой информации было запрещено кириллическое письмо, хорватским сербам запрещалось иметь собственные радио и телевидение. Из школьных программ были изъяты тексты по сербской истории, произведения сербских писателей и поэтов. Сербов в государственных учреждениях заставляли подписывать «листы лояльности» новому хорватскому правительству¹. Отказывавшихся делать это немедленно увольняли. Первым с этим столкнулось МВД, откуда уволили подавляющее большинство сербов. Оказывалось давление на представителей сербской интеллигенции, закрывались сербские культурные общества, их члены подвергались арестам².

Данные меры новой хорватской власти вызвали понятное неприятие со стороны живущих в Республике сербов. Согласно

переписи населения 1991 г., их численность в Хорватии превышала 580 000 человек. В ряде районов вдоль административной границы с Боснией и Герцеговиной (Далмация, Лика, Кордун, Бания) они составляли большинство населения. Численность сербов превышала 50% в ряде городов и сел Славонии, Барани и Срема. Сербы не поддерживали независимость Хорватии и отделение республики от СФРЮ, опасаясь, прежде всего, за свои жизни³. Именно эти причины толкали их на создание своих политических организаций.

Движение сербов в Хорватии возглавила Сербская демократическая партия (СДП) Йована Рашковича. 23 мая 1990 г. председателем Скупщины общины Книн был избран Милан Бабич, стоматолог по профессии, член главного комитета СДП, бывший коммунист и делегат на Съезде Союза коммунистов Хорватии. Вокруг него сформировался круг национально ориентированных сербов, которые начали работу по объединению сербских общин в Хорватии. Причем, они делали это на основе Конституции Хорватии, которая это формально позволяла⁴. 25 июля 1990 г. СДП провела съезд, где состоялось учреждение Сербского национального вече и была принята Декларация о суверенитете и автономии сербского народа. Несмотря на попытки противодействия со стороны хорватских властей, 19 августа в ряде населенных пунктов прошел референдум, на котором сербы подавляющим большинством голосов поддержали создание своей автономии. 21 декабря 1990 г. в Книне представители СДП провозгласили Сербскую Автономную Область Краину (САО Краина, позже Республика Сербская Краина или РСК)⁵.

Но несмотря на постепенное государственное строительство, Краина оставалась самопровозглашенным образованием, которое не было признано ни одним государством мира. Она пыталась объединиться с Республикой Сербской (государственным образованием сербов Боснии и Герцеговины), но дальше подписания договоров и совместных заявлений дело не шло. Союзная Республика Югославия также относилась к ней довольно сдержанно. Оказывая значительную экономическую помощь и снабжая краинскую армию, СРЮ, тем не менее, на-

стаивала на признании Краиной мирного урегулирования под эгидой ООН.

Международное сообщество, в целом, было настроено критично по отношению к Сербской Краине, рассматривая ее как часть Хорватии. 21 февраля 1992 г. Совет Безопасности ООН принял решение об отправке в бывшую Югославию миротворческого контингента. «Голубые каски» ООН должны были создать условия мира и безопасности, необходимые для ведения переговоров о всеобъемлющем урегулировании югославского кризиса, обеспечить демилитаризацию кризисных районов и защитить проживающее в них гражданское население⁶.

Весной 1992 г. югославская армия в соответствии с планом Вэнса* начала вывод своих подразделений с территории Сербской Краины. Это ставило Краину в угрожаемое положение. Оставшееся там тяжелое вооружение (в первую очередь, бронетехника и артиллерия) размещалось на складах под надзором миротворцев ООН, в то время как хорватская армия выводила технику на собственные склады и разоружаться не собиралась.

Необходимо отметить, что миротворцы ООН фактически были только военными наблюдателями. Атака на Мильевачское плато (июнь 1992 г.), Масленицу (январь 1993 г.), Медакский карман (сентябрь 1993 г.), Западную Славонию (май 1995 г.) и т.д. — все эти операции хорватской армии не встретили никакого сопротивления «голубых касок», которые ограничились докладами в ООН и комментариями для прессы. Единственным исключением стали события после операции в Медакском кармане, когда между хорватскими солдатами и канадскими миротворцами произошел бой. Во всех остальных случаях миротворцы не предотвратили нападение на краинские территории. Кроме того, по данным российских миротворцев, среди персонала миротворческих миссий активно работала военная разведка стран НАТО, данные которой затем передавались хорватской стороне⁷.

В январе 1995 г. посол США в Хорватии Питер Гэлбрайт предложил РСК и Хорватии план «Загреб-4». Он предполагал

* План Вэнса-Оуэна (1993 г.) по мирному урегулированию ситуации в Боснии и Герцеговине.

автономию для основной части РСК – Книнской Краины, а для Западной и Восточной Славонии – полную интеграцию в состав Хорватии. Как отмечал хорватский историк Давор Мэрьян, принятие данного плана хорватский президент Туджман считал для себя политическим самоубийством, но, испытывая давление американских дипломатов, пообещал рассмотреть его в некоторой перспективе⁸. Тем не менее, это было только дипломатическое заявление. Вместо продолжения дипломатических контактов правительство Хорватии избрало военный путь решения вопроса. По мнению сербов, положения предлагаемого договора не гарантировали сербскому населению защиту от притеснений. Тем не менее, министр иностранных дел РСК Милан Бабич, находясь в Белграде, сделал заявление, что Краина готова принять несколько скорректированный вариант плана, и призвал Хорватию отвести войска. Однако Фр. Туджман отказался вести дальнейшие переговоры с сербами. Его в этом поддержали США и Германия, давшие «зеленый свет» началу операции. Союзная Республика Югославия, находившаяся под международным давлением и стремившаяся снять с себя санкции ООН, дистанцировалась от РСК; никаких шагов не предпринимала и Республика Сербская.

Тот факт, что Туджман считал более целесообразным военным путем уничтожить РСК, нежели договариваться с сербами, подтверждает и начало разработки плана операции «Буря» еще в декабре 1994 г. Он был готов к 26 июня 1995 г., и в тот день Главный штаб хорватской армии разослал его в корпуса. План заключался в одновременном наступлении по всей линии фронта. Наиболее подготовленные бригады, в том числе гвардейские, должны были прорывать оборону сербов в Динарских горах, на Велебите и в направлении Петрини и развивать наступление в глубь Краины, в то время как остальным подразделениям предстояло вести зачистку очагов сопротивления. 3 августа 1995 г. в 21.15 Главный штаб отдал приказ армии быть готовой к началу атаки⁹.

Положение Краины осложняла и внутривнутриполитическая обстановка в Республике. За время существования РСК в 1991–1995 гг. сменились три президента и шесть правительств.

Значительным фактором в жизни РСК была борьба нескольких партий — Сербской демократической партии, Сербской радикальной партии, Социал-демократической партии и др., в результате которой руководство Краины больше обращало внимание на внутривойсковые вопросы, нежели на вопросы обороны Республики. Значительный процент населения постепенно охватывали апатия и панические настроения. Рос поток беженцев из РСК в Союзную Республику Югославию, армия страдала от дезертирства личного состава. Хромала кадровая политика, когда высшее командование назначалось не по критериям опыта и профессионализма, а по принципу личной преданности. В качестве примера можно привести деятельность Милана Мартича сразу после избрания его на пост президента РСК. Начав организационные изменения в армии, он уволил с должности командующего генерала Миле Новаковича, которого считал слишком независимым. Вместо него был назначен Милан Челекетич, лично агитировавший за Мартича в ходе предвыборной кампании. Также были сменены командующие всех шести армейских корпусов, которые ранее были назначены Новаковичем. Новые командиры были отобраны Мартичем и Челекетичем¹⁰.

Хорватская армия оказывала существенную помощь Хорватскому совету обороны (армии боснийских хорватов, далее — ХСО), который был создан в начале войны в Боснии и Герцеговине весной 1992 г. В ответ ХСО совместно с регулярной хорватской армией вел бои против Республики Сербской и Сербской Краины. Их совместные операции против Республики Сербской в Динарских горах в 1994 и 1995 гг. («Прыжок-1», «Прыжок-2», «Лето-95») поставили РСК в тяжелое положение. В конце июля 1995 г. хорватские силы захватили города Гламоч и Босанско-Грахово в Боснии и Герцеговине, которые ранее были под контролем Войска Республики Сербской, прервав сообщение по пути Баня Лука-Книн и фактически взяв Северную Далмацию в полуокружение. По оценкам офицеров краинского Главного штаба¹¹, это позволило хорватской армии получить крайне выгодное оперативно-стратегическое преимущество.

Кроме того, узость территории РСК позволяла хорватской артиллерии простреливать ее полностью. Под ударом, таким образом, были и населенные пункты, расположенные глубоко в тылу, и все коммуникации. Книн, где размещались президент, правительство, министерство обороны и Главный штаб, также был в зоне досягаемости хорватских орудий.

Хорватским и мусульманским подразделениям противостояло около 25 000 солдат СВК, организованных в пять армейских корпусов: 7-й Севернодалматинский, 15-й Ликский, 21-й Кордунский, 39-й Банийский и Корпус специальных единиц. В Восточной Славонии располагался 11-й корпус, шестой по счету. Предполагалось, что в случае масштабной атаки хорватов на основную часть РСК он будет вести боевые действия в направлении Осиека и отвлечет на себя значительные силы хорватской армии. Всего на вооружении СВК были 303 танка, 295 других единиц бронетехники, 360 артиллерийских орудий калибром 100 мм и выше, несколько боевых самолетов и вертолетов¹².

После хорватской операции по захвату Западной Славонии под кодовым наименованием «Блеск», генерал Челекетич ушел в отставку. Вместо него из Югославии прибыл югославский генерал Миле Мркшич, перед которым Слободан Милошевич поставил цель повысить боеготовность СВК, сделав его способным самостоятельно противостоять хорватским атакам. В 1991 г. Мркшич участвовал в боях за Вуковар, а затем, вплоть до эвакуации подразделений ЮНА из Хорватии и РСК, командовал обороной Бании и Кордуна. Он считал необходимой срочную реорганизацию вооруженных сил Сербской Краины. По его инициативе был создан Корпус специальных единиц — за образец брался аналогичный корпус в армии Союзной Республики Югославии. Генерал полагал, что новое подразделение станет оперативным резервом Главного штаба и позволит парировать хорватские атаки. Одной из главных проблем армии РСК была низкая маневренность ее частей. Корпуса фактически было невозможно перебросить из одного региона Республики в другой, а создание сводных групп для передислокации на другие участки фронта сопровождалось массой трудностей. Новый корпус, сформированный без географической привязки и пополняв-

шийся личным составом со всей территории РСК, должен был использоваться в любом регионе, где возникнет необходимость. Ему передавалось лучшее вооружение, имевшееся в армии. В частности, 2-я бронетанковая бригада получила танки М-84.

Между тем, возможности нового корпуса в значительной степени нивелировала еще одна характерная для краинской армии проблема, заключавшаяся в пораженческих настроениях, охвативших значительную часть СВК. Длительная война уничтожала экономику, сопровождалась потерями и приводила к волнам беженцев. Хорватские операции в 1992—1993 г. лишили РСК ряда территорий — деревень на Мильевачском плато, района Масленицкого моста и сел так называемого Медакского кармана. Кроме того, был нанесен удар по престижу армии. Даже тогда, когда не было крупных боев, происходили артиллерийские обстрелы, спорадические перестрелки вдоль линии соприкосновения, рейды диверсионных групп. Краинские подразделения также участвовали в боях в Бихачском кармане против 5-го корпуса боснийских мусульман, которые сопровождалась потерями. На настроения населения Краины отрицательный эффект оказывала хорватская пропаганда, которой не могли противостоять средства массовой информации РСК¹³. Радио и ТВ Хорватии стремились посеять сомнения среди населения Краины, всячески транслировали картину военной мощи Загреб. Определенную роль в настроениях населения Краины сыграла позиция Югославии и миротворцев ООН. На Белград и «голубые каски» возлагались большие надежды — сербы в Краине были уверены, что миротворцы не дадут хорватам вести наступления, а югославская армия вмешается в случае атаки. Однако бои за Мильевачское плато в июне 1992 г. и захват хорватами Медакского кармана в сентябре того же года ясно показали, что миротворцы не станут рисковать жизнями ради сербов. Югославская армия также не реагировала на действия хорватов, ограничиваясь материальной помощью структурам МВД и армии РСК.

У хорватской стороны таких проблем не было или они были выражены не столь ярко. Война крайне негативным образом сказалась на экономике Хорватии, однако, имея несо-

поставимо бoльшие производственные и финансовые ресурсы, нежели РСК, Загреб выделял огромные средства для военного бюджета. Были налажены закупки вооружений за границей и его производство собственными силами на предприятиях, ранее бывших частью военно-промышленного комплекса Югославии. Гвардейские бригады были переведены на профессиональную основу и усиленно тренировались. Людские ресурсы позволяли в случае мобилизации развернуть более 200 000 солдат. Также несколько тысяч бойцов были в составе специальных подразделений МВД. Длительная подготовка к операции и опыт предыдущих боев позволили хорватской стороне наладить снабжение армии и координацию ее подразделений. Кроме того, подготовкой хорватского офицерского корпуса занимались отставные американские генералы из частной военной компании MPRI¹⁴.

Согласно документам хорватского Генштаба, общая численность войск, непосредственно атаковавших Краину в ходе операции «Буря», составляла более 150 000 человек. Еще более 50 000 солдат и офицеров группировались около Дубровника и в Восточной Славонии. К ним нужно прибавить несколько тысяч солдат Хорватского вече обороны и еще несколько тысяч солдат 5-го корпуса Армии боснийских мусульман, также принявших участие в наступлении на Краину. На вооружении Хорватии на тот момент находилось 393 единицы бронетехники, в том числе 232 танка, а также 320 артиллерийских орудий калибром 105-мм и выше. В авиации насчитывалось 40 самолетов (26 боевых) и 22 вертолета (10 боевых)¹⁵.

Кроме того, на сторону хорватов фактически встала НАТО, самолеты которой 4 августа нанесли бомбовые удары по радарам ПВО и системам связи СВК. Представители Альянса позднее оправдывали это тем, что для авиации НАТО якобы возникла угроза.

В ходе операции «Буря» хорватская армия нанесла основной удар в самом слабом месте обороны Сербской Краины – в Динарских горах. После недолгого боя оборона сербов была прорвана и оттуда гвардейские бригады повели наступление в направлении Книна. Если 4 августа (в день начала операции)

почти все подразделения Сербской Краины смогли отразить хорватские атаки, то на следующий день оборона в Северной Далмации и Лике начала рассыпаться, а 6 августа схожая ситуация началась в Бании. В итоге, только 21-й Кордунский корпус, оборонявший Кордун, смог удержать свои позиции, однако он попал в окружение и был вынужден капитулировать, будучи окруженным в городе Топуско. Вместе с ним сдались и несколько тысяч гражданских сербов, которые затем были эвакуированы на территорию Союзной Республики Югославии. 10 августа хорваты ликвидировали последние организованные очаги сопротивления.

В крахе обороны 7-го и 15-го корпусов огромную роль сыграл приказ Милана Мартича об эвакуации гражданского населения Книна, Бенковаца, Оброваца и Дрниша, опубликованный вечером 4 августа. Он был передан не только главам общин, но и командованию военных частей и очень быстро стал известен бойцам. В результате многие из них, опасаясь за свои семьи, с оружием в руках стали покидать позиции и расходиться по домам. Такая ситуация была не везде, однако продолжающиеся хорватские атаки и уход значительной части личного состава сделали дальнейшую оборону невозможной. В первую очередь, это коснулось 7-го и 15-го корпусов, оборонявших Северную Далмацию и Лику соответственно. После сообщений о захвате Книна хорватскими гвардейскими бригадами отступление начал и 39-й корпус, державший позиции в Бании.

Данный приказ Мартича был вызван сложнейшим положением в Динарских горах, где СВК не удалось остановить атаки гвардейских бригад Хорватии. В условиях крайней нехватки резервов столица РСК оставалась беззащитной. Осознавая тяжесть положения, Мартич приказал начать эвакуацию гражданских, однако он не спрогнозировал возможные последствия. Для защиты Книна был выделен батальон 75-й моторизованной бригады, но и он не смог сдержать наступление многократно превосходивших в численности сил хорватов и утром 5 августа также отступил. Мартич осенью 1995 г. вспоминал, что отдавая этот приказ, ему было не с кем проконсуль-

тироваться. Однако главной причиной, побудившей его отдать приказ, была память об операции «Молния» в Западной Славонии, когда десятки гражданских лиц погибли от действий артиллерии и авиации хорватов. Тогда не было организованной эвакуации, и Мартич подчеркивал, что отданный им приказ имел целью спасти людей¹⁶.

Ситуация в 15-м корпусе, защищавшем регион Лика, на котором данное решение Мартича также сказалось самым негативным образом, была немногим легче. Приказ об эвакуации формально не затрагивал его зону ответственности, но уход бойцов по домам наблюдался и там, а из населенных пунктов уже вечером 4 августа потянулись колонны беженцев. В ночь на 5 августа в тыл корпусу ударили силы боснийских мусульман из Бихачского кармана, а хорватским гвардейцам и спецназу МВД удалось захватить перевал Мали-Алан, откуда они двинулись на Грачац.

В такой ситуации сдержать хорватское наступление было невозможно, слишком велика была разница в потенциалах РСК и Хорватии. Даже если бы допущенные при создании армии ошибки были исправлены, сербам было неоткуда взять еще несколько десятков тысяч бойцов. И если допустить сценарий, что армия была бы лучше подготовлена и оснащена, это только увеличило бы потери с обеих сторон, но вряд ли бы остановило хорватов, стремящихся ликвидировать Краину любой ценой. Возможно, в случае более упорной и, как следствие, более кровавой обороны, бои затянулись бы на длительное время, что вынудило бы отреагировать мировое сообщество и заставило его остановить хорватское наступление. Так как схожая ситуация была в январе 1993 г., когда масштабная атака в районе Масленицкого моста переросла в позиционные бои, и, под давлением западной дипломатии, спустя несколько дней после начала наступления Фр. Туджман отдал приказ его остановить. Однако в августе 1995 г. речь шла не о захвате некоторых территорий и не о локальном успехе, а о судьбе всей Сербской Краины. Поэтому США и другие страны НАТО, позволившие Хорватии начать наступление, не стали бы мешать ей решить исход войны, пусть и ценой больших жертв.

Также отметим, что и Войско Республики Сербской (ВРС), которое зачастую обвиняют в пассивности и нежелании защитить Краину, страдало от похожих проблем, что и армия РСК. В боях истощались людские ресурсы, терялась военная техника. Положение боснийских сербов летом 1995 г. было крайне тяжелым. Мусульмане и хорваты постоянно наращивали военный потенциал и в тот момент уже были способны вести наступления сразу в нескольких районах, что и происходило в июне-июле 1995 г. У ВРС фактически не было резервов для поддержки Краины. А потеря Гламоча и Грахова также в значительной степени лишила РС и РСК связывающих их коммуникаций.

Больше возможностей помочь Краине было у армии Союзной Республики Югославии. Несмотря на санкции и крайне сложное экономическое положение СРЮ, армия Югославии была мощной силой, намного превосходившей все армии в бывшей СФРЮ. Тем не менее, она не вмешалась в конфликт, несмотря на все договоры и гарантии. Более того, Белград запретил командующему СВК Миле Мркшичу обстреливать Загреб и другие хорватские населенные пункты¹⁷. Из резиденции Слободана Милошевича Милану Мартичу позвонил Милан Бабич и также потребовал ни в коем случае не бомбить хорватские города¹⁸. Сначала Мартич согласился, но 5 августа всё же отдал приказ Мркшичу обстреливать Загреб из всех доступных орудий. Тот пообещал выполнить приказ, но в реальности проигнорировал его. Мркшич также сменил командира 21-го корпуса Велько Босанаца, и Мартич впоследствии заявлял, что это было сделано с целью не дать ему вступить в контакт с Босанацем и не вынудить того начать обстрел хорватской столицы¹⁹. Мркшич также выполнил требование Милошевича не вести боев в Восточной Славонии, в результате чего 11-й корпус СВК не двинулся с места, а попытку атаковать хорватские позиции, притом неуспешную, по собственной инициативе предприняли несколько командиров корпуса. Из вышесказанного очевидно, что Югославия считала вопрос РСК решенным и не ставила своей целью защиту ее суверенитета. Просьбы Мартича о помощи остались без ответа.

По нашему мнению, в августе 1995 г. у Сербской Краины не было шансов отстоять свою государственность. Единственным альтернативным сценарием могла быть упорная оборона, но наиболее вероятно, что международное сообщество закрыло бы глаза на тысячи жертв и позволило бы Хорватии захватить Краину, даже ценой больших потерь с обеих сторон. Фактически это и случилось — погибло около двух тысяч сербов, но ни санкций, ни какого-либо давления на Хорватию не последовало.

Трагедия Сербской Краины была обусловлена слабостью ее армии, отсутствием людских резервов и экономического потенциала для развития своих вооруженных сил. Также немаловажную роль сыграло отсутствие военной поддержки со стороны Войска Республики Сербской и армии Союзной Республики Югославии.

Примечания

- ¹ Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса (1990–2000). М., 2001. С. 147.
- ² Чубрило Р.И., Ивковић Б.Р., Ђаковић Д. и др. Српска Крајина. Београд, 2011. С. 201–206.
- ³ Гуськова Е.Ю. Указ. соч. С. 137.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Новаковић К. Српска Крајина (успони, падови, уздизања). Београд, 2009. С. 185.
- ⁶ Силы Организации Объединенных Наций по охране (СООНО). URL: <http://www.un.org/ru/peacekeeping/missions/past/yugoslav.htm>.
- ⁷ Ракитин Б.А. Воспоминания о чужой войне // Наши миротворцы на Балканах. М., 2007. С. 73.
- ⁸ Там же. С. 41.
- ⁹ Marjan D. Oluja. Zagreb, 2007. S. 63.
- ¹⁰ Новаковић К. Српска Крајина. С. 354.
- ¹¹ Там же. С. 518.
- ¹² Marjan D. Oluja. S. 38.
- ¹³ Ђошан М. Од агресије до Трибунала. Београд, 2010. С. 44.
- ¹⁴ Нишић С. Хрватска олуја и српске сеобе. Београд, 2002. С. 61.
- ¹⁵ Marjan D. Oluja. S. 37.
- ¹⁶ Неопубликованное видео-интервью Милана Мартича, данное прессе Республики Сербской осенью 1995 г.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.

Научное издание

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

VI Никитинские чтения
«Славяне и Россия»

СЛАВЯНЕ И РОССИЯ:
ПРОБЛЕМЫ ВОЙНЫ И МИРА НА БАЛКАНАХ.
XVIII–XXI вв.

К 100-летию со дня рождения
академика Ю.А. Писарева

Сборник статей

Ответственный редактор

С.И. Данченко

Компьютерная верстка

П.Н. Морозов

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Институт славяноведения РАН
119991, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32-А, корп. «В»

Адрес электронной почты:
inslav@inslav.ru

ООО «ПОЛИМЕДИА»
143001, Московская обл., г. Одинцово, ул. Западная, д. 13, оф. 528

Адрес электронной почты:
polymedia@list.ru

Подписано в печать 25.12.2017. Формат 60×84¹/₁₆.
Гарнитура NewtonС. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Объем 34,75 печ. л.

Заказ № 162.

Тираж 500 экз.